

p. rel. 63470

3

Amirdin

<36636137910014

<36636137910014

Bayer. Staatsbibliothek

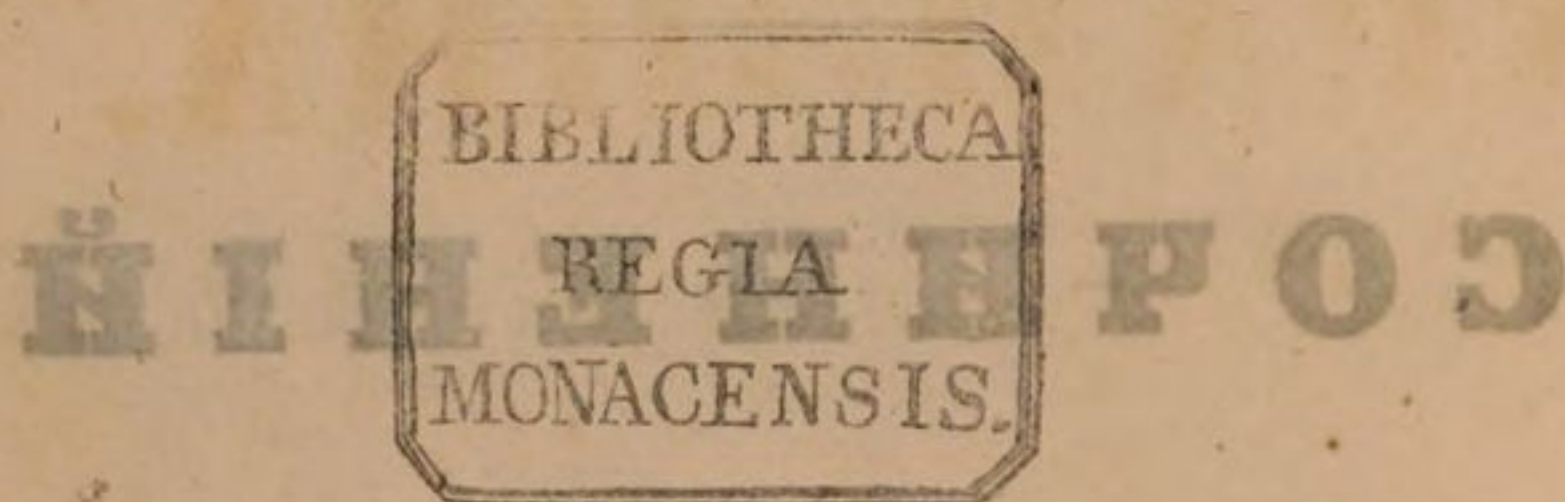
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛНОЕ

С. Петербургъ, 21-го Мая 1847 года.
Издательство Полное

Издательство Полное

ПОЧНОЕ СОРВАНЕ

РАССЯНХЪ АВТОРЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ, 21-го Мая 1847 года.**

Ценсоръ А. Крыловъ.

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

—

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Карла Крайя.

—

1848.

СОПНЕНІ

ТОМА ВТОРОЙ

Изданіе Александра Смирнова

Цѣна за три тома три рубля серебромъ.

Въ Типографіи Ивана Яковлева

1875.

ПИСЬМА

РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

ИМПЕРА

РАССТАВЛЕНА

ОГЛАВЛЕНІЕ

къ

СОЧИНЕНІЯМЪ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ II.

ПИСЬМА РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

	СТР
Письмо изъ Твери 18 Мая 1789.	1
— изъ С.-Петербурга 26 Маія.	3
— изъ Риги 31 Маія.	5
— изъ Курляндской Корчмы 1 Юня.	11
— изъ Поланга 14 Юня.	16
— изъ Мемеля 15 Юня.	18
— изъ Кенирсберга 19 Юня.	28
— изъ Мариенбурга 21 Юня.	37
— изъ Данцига 22 Юня.	42
— съ первой станціи отъ Данцига.	45
— изъ Штолпе 24 Юня.	47
— изъ Штатгарда 26 Юня.	49
— изъ Берлина 30 Юня.	54
— 1 Юля.	64

		Стр.
Письмо изъ Берлина	2 Юля	71
—	4 Юля	74
—	5 Юля	80
—	6 Юля	84
—	7 Юля	87
—	8 Юля	89
—	За двѣ мили отъ Дрездена 10 Юля	90
—	изъ Дрездена 12 Юля.	96
—	12 Юля.	106
—	12 Юля, въ 10 часовъ вечера	106
—	изъ Мейсена 13 Юля	108
—	изъ Лейпцига 14 Юля.	112
—	15 Юля.	116
—	16 Юля.	122
—	16 Юля въ 2 часа пополудни	124
—	17 Юля.	129
—	19 Юля.	133
—	изъ Веймара 20 Юля.	138
—	21 Юля.	143
—	22 Юля.	153
—	изъ Эрфурта 22 Юля.	154
—	изъ Готы 23 Юля.	159
—	изъ Франкфурта на Майнѣ 29 Юля.	159
—	29 Юля.	163
—	30 Юля.	166
—	31 Юля.	170
—	1 Августа.	174
—	изъ Майнца 2 Августа.	177
—	изъ Мангейма 3 Августа.	179
—	4 Августа.	181
—	изъ Стразбурга 6 Августа	183
—	изъ Базеля.	190
—	9 Августа.	203

	Стр.
Письмо въ каретѣ дорогою	203
— изъ Рейнфельдена	206
— изъ Брука	206
— изъ Цюриха	210
— — 11 Августа	217
— — 12 Августа	219
— изъ Эглизау 14 Августа	223
—	227
— изъ Корчмы	229
— изъ Цюриха	230
— — 26 Августа	251
— изъ Бадена	253
— изъ Арау	256
— изъ Берна 28 Августа	258
— изъ Туна	264
— съ Тунскаго озера	265
— съ Альпійскихъ горъ	269
— изъ Гриндельвальда	272
— съ Горы Шейдекъ	274
— съ долины Гасли	277
— изъ деревни Трахтъ	286
— изъ Унтерзеена	287
— изъ Туна	288
— изъ Берна 10 Сентября	288
— изъ Лозаны . . 294, 297, 301, 302, 309 и 311	
— изъ Женевы 2 Октября 312, 316 и 318	
— — 1 Ноября	324
— съ Горы Юры 8 Ноября	332
— изъ Обони	334
— изъ Женевы 26 Ноября	336
— — 1 Декабря	337
— — 23 Января 1790 г.	342
— — 26 Января	348

Письмо изъ Женевы	355
— — 2 Февраля	375
— — 28 Февраля	379
— Горная деревенька въ Pads ve Gex 4 Марта	383
— — 6 Марта	390
— изъ Ліона 9 Марта	394
— — Марта	411
— —	429
— Рѣка Сона	431
— изъ Макона въ Бургоніи	434
— изъ Фонтенебло	435
— изъ Парижа 27 Марта	437
— — 2 Апрѣля	442
— — 1 Апрѣля 444 452 и	458
— — Апрѣля	460
— — Апрѣля	465
— — 29 Апрѣля 467 472 и	488
— — Апрѣля	490
— — Маія . . . 493 496 500 и	504
— — Маія	509
— — Маія	518
— — Академіи	520
— — Маія	526
— — Оперное знакомство	538
— — Маія	544
— — Смѣсь	546
— — Маія	552
— — Маія	555
— — Маія	559
— — Маія	562
— — Маія	567
— — Маія	569
— — Іюня	583
— — Іюня	589

	Стр.
Письмо изъ Парижа Юня	592
— — Юня.	605
— изъ деревни Отель Юня	607
— изъ Сен-Дени.	609
— изъ Парижа Юня.	612
— — Юня.	617
— — Юня.	620
— изъ Эрменонвиля	624
— изъ Шантильи	634
— изъ Парижа Юня	636
— — Алина стихотвореніе	636
— изъ Парижа Юня.	643
— — Юня	645
— изъ Го-Бюссона.	651
— изъ Кале въ часъ по полуночи	653
— — въ 10 часовъ утра	656
— съ Пакет-бота.	657
— изъ Дувра.	659
— изъ Лондона	663
— — Юля 1790 г.	668
— — Юля	675
— — Юля	678
— — Юля	686
— — Юля	696
— — Биржа и Королевское об- щество	697
— — Юля	700
— — Виндзоръ	711
— — Виндзорскій Паркъ.	717
— — Юля	720
— — Выборъ въ Парламентъ.	725
Письма изъ Лондона Театръ	732
— — Юля.	734
— изъ Ранела.	736

	Стр.
Письмо изъ Лондона	737
— Семейственная жизнь	739
— Литтература	746
— Августа	751
— Вестминстеръ	754
— Вестминстерское Аббатство	759
— Окрестности Лондона	765
— Сентября 1790 г.	773
Море	782 и 787
Кронштатъ	789

Тверь, 18 Маія 1789.

Разстался я съ вами, милые, разстался! Сердце мое привязано къ вамъ всѣми нѣжнѣйшими своими чувствами, а я безпрестанно отъ васъ удаляюсь и буду удаляться!

О сердце, сердце! кто знаетъ, чего ты хочешь? — Сколько лѣтъ путешествіе было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія? Не въ восторгѣ ли сказалъ я самому себѣ: наконецъ ты поѣдешь? Не въ радости ли просыпался всякое утро? Не съ удовольствіемъ ли засыпалъ, думая: ты поѣдешь? Сколько времени не могъ ни о чемъ думать, ничѣмъ заниматься, кромѣ путешествія? Не считалъ ли дней и часовъ? Но—когда пришелъ желаемый день, я сталъ грустить, вообразивъ въ первый разъ живо, что мнѣ надлежало разстаться съ любезнѣйшими для меня людьми въ свѣтѣ, и со всѣмъ, что, такъ сказать, входило въ составъ правственнаго бытія моего. На что ни смотрѣлъ—на столъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ изливались на бумагу незрѣлыя мысли и чувства мои—на окно, подъ которымъ сиживалъ я подгорюнившись въ припадкахъ своей меланхоліи, и гдѣ такъ часто застава-

ло меня восходящее солнце — на готической домъ, любезный предметъ глазъ моихъ въ часы ночные — однимъ словомъ, все, что попадалось мнѣ въ глаза, было для меня драгоцѣннымъ памятникомъ прошедшихъ лѣтъ моей жизни, не обильной дѣлами, но за то мыслями и чувствами обильной. Съ вещами бездушными прощался я какъ съ друзьями; и въ самое то время, какъ былъ размягченъ, растроганъ, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забылъ ихъ и взялъ опять къ себѣ, когда возвращуся. Слезы заразительны, мои милые, а особливо въ такомъ случаѣ.

Но вы мнѣ всего любезнѣе, и съ вами надлежало разстаться. Сердце мое такъ много чувствовало, что я говорить забывалъ. Но что вамъ сказывать! — Минута, въ которую мы прощались, была такова, что тысячи пріятныхъ минутъ въ будущемъ едва ли мнѣ за нее заплатятъ.

Милой Птрв. провожалъ меня до заставы. Тамъ обнялись мы съ нимъ, и еще въ первый разъ видѣлъ я слезы его; — тамъ сѣлъ я въ кибитку, взглянулъ на Москву, гдѣ оставалось для меня столько любезнаго, и сказалъ: *прости!* Колокольчикъ зазвенѣлъ, лошади помчались. . . . и другъ вашъ осиротѣлъ въ мірѣ, осиротѣлъ въ душѣ своей!

Все прошедшее есть сонъ и тѣнь: ахъ! гдѣ, гдѣ часы, въ которые такъ хорошо бывало сердцу моему среди васъ, милые? — Если бы человеку, самому благополучному, вдругъ открылось будущее, то замерло бы сердце его отъ ужаса, и языкъ его онѣмѣлъ бы въ самую ту минуту, въ

которую онъ думалъ назвать себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ!

Во всю дорогу не приходило мнѣ въ голову ни одной радостной мысли; а на послѣдней станціи къ Твери грусть моя такъ усилилась, что я, въ деревенскомъ трактирѣ, стоя передъ каррикатурами Королевы Французской и Римскаго Императора, хотѣлъ бы, какъ говоритъ Шекспиръ, *выплакать сердце свое*. Тамъ-то все оставленное мною явилось мнѣ въ такомъ трогательномъ видѣ. — Но полно, полно! Мнѣ опять становится чрезмерно грустно. — Простите! Дай Богъ вамъ утѣшеній! — Помните друга, но безъ всякаго горестнаго чувства!

==

С. ПЕТЕРБУРГЪ, 26 МАІЯ 1789.

Проживъ здѣсь пять дней, друзья мои, черезъ часъ поѣду въ Ригу.

Въ Петербургѣ я не веселился. Пріѣхавъ къ своему Д**, нашелъ его въ крайнемъ уныніи. Сей достойный, любезный человѣкъ * открылъ мнѣ свое сердце: оно чувствительно — онъ несчастливъ! «Состояніе мое совсѣмъ твоему противоположно,» сказалъ онъ со вздохомъ: «главное твое желаніе исполняется: ты ѣдешь наслаждаться, веселиться, а я поѣду искать смерти, которая одна можетъ окончить мое страданіе.» Я не смѣлъ

* Его уже нѣтъ въ здѣшнемъ свѣтѣ,

утѣшать его и довольствовался однимъ сердечнымъ участіемъ въ его горести. Но не думай, мой другъ—сказалъ я ему—чтобы ты видѣлъ передъ собою человѣка, довольнаго своею судьбою; приобретаая одно, лишаясь другаго, и жалѣю.—Оба мы вмѣстѣ отъ всего сердца жаловались на несчастный жребій человѣчества, или молчали. По вечерамъ прохаживались въ Лѣтнемъ саду, и всегда больше думали, нежели говорили; каждый о своемъ думалъ. До обѣда бывалъ я на Биржѣ, чтобы видѣться съ знакомымъ своимъ Англичаниномъ, черезъ котораго надлежало мнѣ получить вексели. Тамъ, смотря на корабли, я вздумалъ-было ѣхать водою, въ Данцигъ, въ Штетинъ или въ Любекъ, чтобы скорѣе быть въ Германіи. Англичанинъ мнѣ то же совѣтовалъ, и сыскалъ Капитана, который черезъ нѣсколько дней хотѣлъ плыть въ Штетинъ. Дѣло, казалось, было съ концомъ; однакожь вышло не такъ. Надлежало объявить мой паспортъ въ Адмиралтействѣ; но тамъ не хотѣли надписать его, потому что онъ данъ изъ Московскаго, а не изъ Петербургскаго Губернскаго Правленія, и что въ немъ не сказано, какъ я поѣду; то есть, не сказано, что поѣду моремъ. Возраженія мои не имѣли успѣха—я не зналъ порядка, и мнѣ оставалось ѣхать сухимъ путемъ, или взять другой паспортъ въ Петербургѣ. Я рѣшился на первое; взялъ подорожную—и лошади готовы. И такъ простите, любезные друзья! Когда-то будетъ мнѣ веселѣе! А до сей минуты все грустно. Простите!

Рига, 31 Маія 1789.

Вчера, любезнѣйшіе друзья мои, пріѣхалъ я въ Ригу, и остановился въ Hôtel de Pétersbourg. Дорога меня измучила. Не довольно было сердечной грусти, которой причина вамъ извѣстна: надлежало еще итти сильнымъ дождямъ; надлежало, чтобы я вздумалъ, къ несчастью, ѣхать изъ Петербурга на перекладныхъ, и нигдѣ не находилъ хорошихъ кибитокъ. Все меня сердило. Вездѣ, казалось, брали съ меня лишнее; на каждой перемѣнѣ держали слишкомъ долго. Но нигдѣ не было мнѣ такъ горько, какъ въ Нарвѣ. Я пріѣхалъ туда весь мокрый, весь въ грязи; насилу могъ найти купить двѣ рожи, чтобы сколько нибудь закрыться отъ дождя, и заплатилъ за нихъ по крайней мѣрѣ какъ за двѣ кожи. Кибитку дали мнѣ негодную, лошадей скверныхъ. Лишь только отъѣхали съ полверсты, переломилась ось; кибитка упала въ грязь, и я съ нею. Илья мой поѣхалъ съ ямщикомъ назадъ за осью, а бѣдный вашъ другъ остался на сильномъ дождѣ. Этого еще мало: пришелъ какой-то Полцейской, и началъ шумѣть, что кибитка моя стояла среди дороги. Спрячь ее въ карманъ! сказалъ я съ притворнымъ равнодушіемъ, и завернулся въ плащъ. Богъ знаетъ, каково мнѣ было въ эту минуту! Всѣ пріятныя мысли о путешествіи затмились въ душѣ моей. О если бы мнѣ можно было тогда перенестись къ вамъ, друзья мои! Внутренно проклиналъ я то безпокойство сердца человѣческаго, которое влечетъ насъ отъ предмета къ

предмету, отъ вѣрныхъ удовольствій къ невѣрнымъ, какъ скоро первыя уже не новы—которое настроиваетъ къ мечтамъ наше воображеніе, и заставляетъ насъ искать радостей въ неизвѣстности будущаго!

Есть всему предѣлъ; волна, ударившись о берегъ, назадъ возвращается, или, поднявшись высоко, опять внизъ упадаетъ — и въ самый тотъ мигъ, какъ сердце мое стало полно, явился хорошо одѣтый мальчикъ, лѣтъ тринадцати, и съ милою, сердечною улыбкою сказалъ мнѣ по-Нѣмецки: «У васъ изломалась кибитка? Жаль, очень жаль! Пожалуйста къ намъ—вотъ нашъ домъ—батюшка и матушка приказали васъ просить къ себѣ.»—Благодарю васъ, государь мой! Только мнѣ нельзя отойти отъ своей кибитки; къ тому же я одѣтъ слишкомъ по дорожному, и весь мокръ.—«Къ кибиткѣ приставимъ мы человѣка; а на платье дорожныхъ кто смотритъ? Пожалуйста, сударь, пожалуйста!»—Тутъ улыбнулся онъ такъ убѣдительно, что я долженъ былъ стряхнуть воду съ шляпы своей—разумѣется, для того, чтобы съ нимъ идти. Мы взяли за руки, и побѣжали бѣгомъ въ большой каменный домъ, гдѣ въ залѣ перваго этажа нашелъ я многочисленную семью, сидящую вокругъ стола; хозяйка разливала чай и кофе. Меня приняли такъ ласково, потчивали такъ сердечно, что я забылъ все свое горе. Хозяинъ, пожилой человѣкъ, у котораго добродушіе на лицѣ написано, съ видомъ искренняго участія расспрашивалъ меня о моемъ путешествіи. Молодой человѣкъ,

племянникъ его, недавно возвратившійся изъ Германіи, сказывалъ мнѣ, какъ удобнѣе ѣхать изъ Риги въ Кенигсбергъ. Я пробылъ у нихъ около часа. Между тѣмъ привезли ось, и все было готово. «Нѣтъ, еще постоитъ!» сказали мнѣ—и хозяйка принесла на блюдѣ три хлѣба. «Нашъ хлѣбъ, говорятъ, хорошъ: возьмите его. *Богъ съ вами!*» примолвилъ хозяинъ, пожавъ мою руку: *Богъ съ вами!*—Я сквозь слезы благодарилъ его, и желалъ, чтобы онъ и впредь своимъ гостепріимствомъ утѣшалъ печальныхъ странниковъ, разставшихся съ милыми друзьями.—Гостепріимство, священная добродѣтель, обыкновенная во дни юности рода человеческого, и столь рѣдкая во дни наши! естьли я когда нибудь тебя забуду, то пусть забудутъ меня друзья мои! пусть вѣчно буду на землѣ странникомъ и нигдѣ не найду втораго Крамера! * Простился со всею любезною семьею, сѣлъ въ кибитку и поскакалъ, обрадованный находкою добрыхъ людей!—

Почта отъ Нарвы до Риги называется Нѣмецкою, для того, что Коммисары на станціяхъ Нѣмцы. Почтовые дома вездѣ одинакіе —низенькіе, деревянные, раздѣленные на двѣ половины: одна для проѣзжихъ, а въ другой живетъ самъ Коммисаръ, у котораго можно найти все нужное для утоленія голода и жажды. Станціи маленькія; есть

* Одинъ изъ моихъ пріятелей, будучи въ Нарвѣ, читалъ Крамеру сіе письмо—онъ былъ доволенъ—я еще больше!

по-двѣнадцати и десяти верстъ. Вмѣсто ямщиковъ ѣздить отставные солдаты, изъ которыхъ иные помнятъ Минниха; рассказывая сказки, забываютъ они погонять лошадей, и для того пріѣхалъ я сюда изъ Петербурга не прежде, какъ въ пятый день. На одной станціи за Дерптомъ надлежало мнѣ ночевать: Г. З * *, ѣдущій изъ Италіи, забралъ всѣхъ лошадей. Я съ полчаса говорилъ съ нимъ, и нашелъ въ немъ любезнаго человѣка. Онъ настрашалъ меня песчаными Прусскими дорогами, и совѣтовалъ лучше ѣхать черезъ Польшу и Вѣну; однакожь мнѣ не хочется перемѣнить своего плана. Пожелавъ ему счастливаго пути, бросился я на постелю; но не могъ заснуть до самаго того времени, какъ Чухонецъ пришелъ мнѣ сказать, что кибитка для меня впряжена.

Я не примѣтилъ никакой розницы между Эстляндцами и Лифляндцами, кромѣ языка и кафтановъ: одни носятъ черные, а другіе сѣрые. Языки ихъ сходны; имѣютъ въ себѣ мало собственнаго, много Нѣмецкихъ, и даже нѣсколько Славянскихъ словъ. Я замѣтилъ, что они всѣ Нѣмецкія слова смягчаютъ въ произношеніи: изъ чего можно заключить, что слухъ ихъ нѣженъ; но видя ихъ непроворство, неловкость и недогадливость, всякой долженъ думать, что они, просто сказать, глуповаты. Господа, съ которыми удалось мнѣ говорить, жалуются на ихъ лѣность и называютъ ихъ сонливыми людьми, которые по волѣ ничего не сдѣлаютъ: и такъ надобно, чтобы ихъ очень неволили, потому что они очень много работаютъ, и

мужикъ въ Лифляндіи, или въ Эстляндіи, приносятъ господину вчетверо болѣе нашего Казанскаго или Симбирскаго.

Сии бѣдные люди, *работающіе господамъ со страхомъ и трепетомъ* во всѣ будничные дни, за то уже безъ памяти веселятся въ праздники, которыхъ, правда, весьма немного по ихъ Календарю. Дорога усѣяна корчмами, и всѣ онѣ въ проѣздѣ мой были наполнены гуляющимъ народомъ — праздновали Троицу.

Мужики и господа Лютеранскаго исповѣданія. Церкви ихъ подобны нашимъ, кромѣ того, что наверху стоитъ не крестъ, а пѣтухъ, который долженъ напоминать о паденіи Апостола Петра. Проповѣди говорятъ на ихъ языкѣ; однакожь Пасторы всѣ знаютъ по-Нѣмецки.

Что принадлежитъ до мѣстоположеній, то въ этой сторонѣ смотрѣть не на что. Лѣса, песокъ, болота; нѣтъ ни большихъ горъ, ни пространныхъ долинъ. — Напрасно будешь искать и такихъ деревень, какъ у насъ. Въ одномъ мѣстѣ видишь два двора, въ другомъ три, четыре, и церковь. Избы больше нашихъ и раздѣлены обыкновенно на двѣ половины: въ одной живутъ люди, а другая служитъ хлѣвомъ. — Тѣ, которые ѣдутъ не на почтовыхъ, должны останавливаться въ корчмахъ. Впрочемъ я почти совсѣмъ не видалъ проѣзжихъ: такъ пуста эта дорога въ нынѣшнее время.

О городахъ говорить много нечего, потому что я въ нихъ не останавливался. Въ Ямбургѣ, маленькомъ городкѣ, извѣстномъ по своимъ сукон-

нымъ фабрикамъ, есть изрядное каменное строеніе. Нѣмецкая часть Нарвы, или собственно такъ называемая Нарва, состоитъ по большей части изъ каменныхъ домовъ; другая, отдѣляемая рѣкою, называется Иванъ-городъ. Въ первой все на Нѣмецкую статью, а въ другой все на Рускую. Тутъ была прежде наша граница—о Петръ, Петръ!

Когда открылся мнѣ Дерптъ, я сказалъ: прекрасный городокъ! Тамъ все праздновало и веселилось. Мушны и женщины ходили по городу обнявшись, и въ окрестныхъ рощахъ мелькали гуляющія четы. *Что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай.*—Здѣсь-то живетъ братъ несчастнаго Л. * Онъ главный Пасторъ, всѣми любимъ, и доходъ имѣетъ очень хорошій. Помнитъ ли онъ брата? Я говорилъ объ немъ съ однимъ Лифляндскимъ дворяниномъ, любезнымъ, пылкимъ человекомъ. «Ахъ, государь мой! сказалъ онъ мнѣ: самое то, что одного прославляетъ и щастливить, дѣлаетъ другаго злополучнымъ. Кто, читая Поэму шестнадцатилѣтняго Л. и все то, что онъ писалъ до двадцати пяти лѣтъ, не увидитъ *утренней зари великаго духа*? Кто не подумаетъ: вотъ юный Клопштокъ, юный Шекспиръ? Но тучи помрачили эту прекрасную зарю, и солнце никогда не воз-

* Левца, Нѣмецкаго Автора, который нѣсколько времени жилъ со мною въ одномъ домѣ. Глубокая меланхолія, слѣдствіе многихъ несчастій, свела его съ ума; но въ самомъ сумасшествіи онъ удивлялъ насъ иногда своими поэтическими идеями, а всего чаще трогалъ добродушіемъ и терпѣніемъ.

сіяло. Глубокая чувствительность, безъ которой Клопштокъ не былъ бы Клопштокомъ и Шекспиръ Шекспиромъ, погубила его. Другія обстоятельства, — и Л. безсмертенъ!» —

Лишь только въѣдешь въ Ригу, увидишь, что это торговый городъ — много лавокъ, много народа — рѣка покрыта кораблями и судами разныхъ націй — биржа полна. Вездѣ слышишь Нѣмецкой языкъ — гдѣ гдѣ Руской — и вездѣ требуютъ не рублей, а талеровъ. Городъ не очень красивъ; улицы узки — но много каменнаго строенія, и есть хорошіе дома.

Въ трактирѣ, гдѣ я остановился, хозяинъ очень услужливъ: самъ носилъ паспортъ мой въ Правленіе и въ Благочиніе, и сыскалъ мнѣ извозчика, который за тринадцать червонцевъ нанялся довести меня до Кенигсберга, вмѣстѣ съ однимъ Французскимъ купцомъ, который нанялъ у него въ свою коляску четырехъ лошадей; а я поѣду въ кибиткѣ. — Илью отправлю отсюда прямо въ Москву.

Милые друзья! всегда, всегда о васъ думаю, когда могу думать. Я еще не выѣхалъ изъ Россіи, но давно уже въ чужихъ краяхъ, потому что давно съ вами разстался.

КУРЛЯНДСКАЯ КОРЧМА, 1 Іюня 1789.

Еще не успѣлъ я окончить письма къ вамъ, любезнѣйшіе друзья, какъ лошади были впряжены, и

трактирщикъ пришелъ сказать мнѣ, что черезъ полчаса запрутъ городскія ворота. Надобно было дописать письмо, расплатиться, укласть чемоданъ и приказать кое-что Ильѣ. Хозяинъ воспользовался моимъ недосугомъ, и подалъ мнѣ самый аптекарскій счетъ, то есть, за однѣ сутки онъ взялъ съ меня около девяти рублей!

Удивляюсь еще, какъ я въ такихъ торопяхъ ничего не забылъ въ трактирѣ. Наконецъ все было готово, и мы выѣхали изъ воротъ. Тутъ простился я съ добродушнымъ Ильею—онъ къ вамъ поѣхалъ, милые!—Начинало смеркаться. Вечеръ былъ тихъ и прохладенъ. Я заснулъ крѣпкимъ сномъ молодого путешественника, и не чувствовалъ, какъ прошла ночь. Восходящее солнце разбудило меня лучами своими; мы приближались къ заставѣ, маленькому домику съ рогаткою. Парижской купецъ пошелъ со мною къ Маіору, который принялъ меня учтиво, и послѣ осмотра велѣлъ насъ пропустить. Мы въѣхали въ Курляндію—и мысль, что я уже внѣ отечества, производила въ душѣ моей удивительное дѣйствіе. На все, что попадалось мнѣ въ глаза, смотрѣлъ я съ отмѣннымъ вниманіемъ, хотя предметы сами по себѣ были весьма обыкновенны. Я чувствовалъ такую радость, какой со времени нашей разлуки, милые! еще не чувствовалъ. Скоро открылась Митава. Видъ сего города не красивъ, но для меня былъ привлекателенъ! Вотъ первый иностранный городъ, думалъ я — и глаза мои искали чего нибудь отмѣннаго, новаго. На берегу рѣки Аа, черезъ которую мы переѣха-

ли на плоту, стоитъ дворецъ Герцога Курляндскаго, не малый домъ, впрочемъ по своей наружности весьма не великолѣпный. Стекла почти вездѣ выбиты или вынуты; и видно, что внутри комнаты передѣлываютъ. Герцогъ живетъ въ лѣтнемъ замкѣ, недалеко отъ Митавы. Берегъ рѣки покрытъ лѣсомъ, которымъ самъ Герцогъ исключительно торгуетъ, и который составляетъ для него немалый доходъ. Стоявшіе на караулѣ солдаты казались инвалидами. Что принадлежитъ до города, то онъ великъ, но не хорошъ. Дома почти всѣ маленькіе, и довольно неопрятны; улицы узки и худо вымощены; садовъ и пустырей много.

Мы остановились въ трактирѣ, который считается лучшимъ въ городѣ. Тотчасъ окружили насъ Жиды съ разными бездѣлками. Одинъ предлагалъ трубку, другой старый Лютеранской молитвенникъ и Готшедову Грамматику, третій зрительное стекло, и каждый хотѣлъ продать товаръ свой такимъ добрымъ господамъ за самую сходную цѣну. Француженка, ѣдущая съ Парижскимъ купцомъ, женщина лѣтъ въ сорокъ пять, стала оправлять свои сѣдые волосы передъ зеркаломъ, а мы съ купцомъ, заказавъ обѣдъ, пошли ходить по городу—видѣли, какъ молодой Офицеръ училъ старыхъ солдатъ, и слышали, какъ пожилая курносая Нѣмка въ чепчикѣ бранилась съ пьянымъ мужемъ своимъ, сапожникомъ!

Возвратясь, обѣдали мы съ добрымъ аппетитомъ, и послѣ обѣда имѣли время напиться кофе, чаю, и поговорить довольно. Я узналъ отъ спутника

своего, что онъ родомъ Италіянецъ, но въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ оставилъ свое отечество и торгуетъ въ Парижѣ; много путешествовалъ, и въ Россію пріѣзжалъ отчасти по своимъ дѣламъ, а отчасти для того, чтобы узнать всю жестокость зимы; и теперь возвращается опять въ Парижъ, гдѣ намѣренъ навсегда остаться.—За все вмѣстѣ заплатили мы въ трактирѣ по рублю съ человѣка.

Выѣхавъ изъ Митавы, увидѣлъ я пріятнѣйшія мѣста. Сія земля гораздо лучше Лифляндіи, которую не жаль проѣхать зажмурясь. Намъ попались Нѣмецкіе извозчики изъ Либау и Пруссіи. Странные экипажи! длинныя фуры цугомъ; лошади пребольшія, и висящія на нихъ гремушки производятъ несносный для ушей шумъ.

Отъѣхавъ пять миль, остановились мы ночевать въ корчмѣ. Дворъ хорошо покрытъ; комнаты довольно чисты, и въ каждой готова постеля для путешественниковъ.

Вечеръ пріятенъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ корчмы течетъ чистая рѣка. Берегъ покрытъ мягкой зеленою травою, и осѣненъ въ иныхъ мѣстахъ густыми деревьями. Я отказался отъ ужина, вышелъ на берегъ, и вспомнилъ одинъ Московскій вечеръ, въ который, гуляя съ Пт. подъ Андроньевымъ монастыремъ, съ отмѣннымъ удовольствіемъ смотрѣли мы на заходящее солнце. Думалъ ли я тогда, что ровно черезъ годъ буду наслаждаться пріятностями вечера въ Курляндской корчмѣ? Еще другая мысль пришла мнѣ въ голову. Нѣкогда началъ-было я писать романъ, и хотѣлъ

въ воображеніи объѣздить точно тѣ земли, въ которыя теперь ѣду. Въ мысленномъ путешествіи, выѣхавъ изъ Россіи, остановился я почевать въ корчмѣ: и въ дѣйствительномъ то же случилось. Но въ романѣ писалъ я, что вечеръ былъ самый ненастный; что дождь не оставилъ на мнѣ сухой нитки, и что въ корчмѣ надлежало мнѣ сушиться передъ каминомъ; а на дѣлѣ вечеръ выдался самый тихій и ясный. Сей первый ночлегъ былъ несчастливъ для романа: боясь, чтобы ненастное время не продолжилось и не обезпокоило меня въ моемъ путешествіи, сжегъ я его въ печи, въ благословенномъ своемъ жилищѣ на Чистыхъ Прудахъ. — Я легъ на травѣ подъ деревомъ, вынулъ изъ кармана записную книжку, чернилицу и перо, и написалъ то, что вы теперь читали.

Между тѣмъ вышли на берегъ два Нѣмца, которые въ особливой кибиткѣ ѣдутъ съ нами до Кенигсберга; легли подлѣ меня на травѣ, закурили трубки, и отъ скуки начали бранить Русской народъ. Я, переставъ писать, хладнокровно спросилъ у нихъ, были ли они въ Россіи далѣе Риги? Нѣтъ, отвѣчали они. А когда такъ, государи мои, сказалъ я, то вы не можете судить о Русскихъ, побывавъ только въ пограничномъ городѣ. Они не разсудили за благо спорить, но долго не хотѣли признать меня Русскимъ, воображая, что мы не умѣемъ говорить иностранными языками. Разговоръ продолжался. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, что онъ имѣлъ счастіе быть въ Голландіи и скопилъ тамъ много полезныхъ знаній. «Кто хочетъ

узнать свѣтъ, говорилъ онъ, тому надобно ѣхать въ Роттердамъ. Тамъ-то живутъ славно, и всѣ гуляютъ на шлюпкахъ! Нигдѣ не увидишь того, что тамъ увидишь. Повѣрьте мнѣ, государь мой, что въ Роттердамѣ я сдѣлался человѣкомъ!» — Хорошъ гусь! думалъ я — и пожелалъ имъ добраго вечера.

==

Полауга, $\frac{3}{14}$ Июля 1789.

Наконецъ, проѣхавъ Курляндіею болѣе двухъ сотъ верстъ, въѣхали мы въ Польскія границы, и остановились ночевать въ богатой корчмѣ. Въ день переѣзжаемъ обыкновенно десять миль, или верстъ семдесятъ. Въ корчмахъ находили мы по сіе время, что пить и ѣсть: супъ, жареное съ салатомъ, яица; и за это платили не болѣе, какъ копѣекъ по двадцати съ человѣка. Есть вездѣ кофе и чай; правда, что все не очень хорошо, — Дорога довольно пуста. Кромѣ извозчиковъ, которые намъ раза три попадались, и старомодныхъ берлиновъ, въ которыхъ Дворяне Курляндскіе ѣздятъ другъ къ другу въ гости, не встрѣчались никакіе проѣзжіе. Впрочемъ дорога не скучна; вездѣ видишь плодоносную землю, луга, рощи; тамъ и сямъ маленькія деревеньки, или врозь разсѣянные крестьянскіе домики.

Съ Французскимъ Италіянцомъ мы ладимъ. Къ Француженкѣ у меня не лежитъ сердце, для того, что ея фізіогномія и ухватки мнѣ не нравятся.

Впрочемъ можно ее похвалить за опрятность. Лишь только остановимся, извозчикъ нашъ Гаврила, котораго она зоветъ Габріелемъ, долженъ нести за нею въ горницу уборный ларчикъ ея, и по крайней мѣрѣ часъ она помадится, пудрится, притирается, такъ что всегда надобно ее дожидаться къ обѣду. Долго совѣтовались мы, сажать ли съ собою за столъ Нѣмцевъ. Мнѣ поручено было узнать ихъ состояніе. Открылось, что они купцы. Всѣ сомнѣнія исчезли, и съ того времени они съ нами обѣдаютъ; а какъ Италіянецъ съ Француженкою не разумѣютъ по-Нѣмецки, а они по-Французски, то я долженъ служить имъ переводчикомъ. Нѣмецъ, который въ Роттердамѣ сталъ человѣкомъ, увѣрялъ меня, что онъ прежде совершенно зналъ Французской языкъ, и забылъ его весьма недавно; а чтобы еще болѣе увѣрить въ этомъ меня и товарища своего, то при всякомъ поклонѣ Француженкѣ говоритъ онъ: *оплише, Матамъ! obligé, Madame!*

На Польской границѣ осмотръ былъ не строгой. Я далъ приставамъ копѣекъ сорокъ: послѣ чего они только заглянули въ мой чемоданъ, вѣря, что у меня нѣтъ ничего новаго.

Море отъ корчмы не далѣе двухъ сотъ сажень. Я около часа сидѣлъ на берегу, и смотрѣлъ на пространство волнующихся водъ. Видъ величественный и унылый! Напрасно глаза мои искали корабля или лодки! Рыбакъ не смѣлъ показаться на морѣ; порывистый вѣтръ опрокинулъ бы челнъ его.—

Завтра будемъ обѣдать въ Мемель, откуда отправлю къ вамъ это письмо, друзья мои!

=

МЕМЕЛЬ, 15 Іюня 1789.

Я ожидалъ, что при въѣздѣ въ Пруссію на самой границѣ насъ остановятъ, однакожь этаго не случилось. Мы пріѣхали въ Мемель въ одиннадцатомъ часу, остановились въ трактирѣ— и дали нѣсколько грошей осмотрщикамъ, чтобы они не перерывали нашихъ вещей.

Городъ не великъ; есть каменные строенія, но мало порядочныхъ. Цитадель очень крѣпка; однакожь наши Русскіе умѣли взять ее въ 57 году.

Мемель можно назвать хорошимъ торговымъ городомъ. Курляндской Гафъ, на которомъ онъ лежитъ, очень глубокъ. Пристань наполнена разными судами, которыя грузятъ по большей части пенькою и лѣсомъ для отправленія въ Англію и Голландію.

Изъ Мемеля въ Кенигсбергъ три пути; по берегу Гафа считается до Кенигсберга 18 миль, а черезъ Тильзитъ 30: большая розница! Но извозчики всегда почти избираютъ сей послѣдній путь, жалѣя своихъ лошадей, которыхъ весьма утомляютъ ужасные пески набережной дороги. Всѣ они берутъ здѣсь билеты, платя за каждую лошадь и за каждую милю до Кенигсберга. Нашъ Габріель заплатилъ три талера, сказавъ, что онъ поѣдетъ бе-

регомъ. Мы же въ самомъ дѣлѣ ѣдемъ черезъ Тильзитъ; но Русской человѣкъ смекнулъ, что за 30 миль взяли бы съ него болѣе, нежели за 18! Третій путь водою черезъ Гафъ, самый кратчайшій въ хорошую погоду, такъ что въ семь часовъ можно быть въ Кенигсбергѣ. Нѣмцы наши, которые наняли извозчика только до Мемеля, ѣдутъ водою: что имъ обоимъ будетъ стоить только два червонца. Габріель уговаривалъ и насъ съ Италіянцомъ — съ которымъ обыкновенно говоритъ онъ или знаками, или черезъ меня — ѣхать съ ними же: что было для него весьма выгодно; но мы предпочли покойное и вѣрное безпокойному и невѣрному, а въ случаѣ бури и опасному.

За обѣдомъ ѣли мы живую, вкусную рыбу, которою Мемель изобилуетъ; а какъ намъ сказали, что Прусскія корчмы очень бѣдны, то мы запаслись здѣсь хорошимъ хлѣбомъ и виномъ.

Теперь, милые друзья, время отнести письмо на почту; у насъ лошадей впрягаютъ.

Что принадлежитъ до моего сердца благодаря судьбѣ! оно стало повеселѣе. То думаю о васъ, моихъ милыхъ — но не съ такою уже горестію, какъ прежде — то даю волю глазамъ своимъ бродить по лугамъ и полямъ, ничего не думая; то воображаю себѣ будущее, и почти всегда въ пріятныхъ видахъ. — Простите! Будьте здоровы, спокойны, и воображайте себѣ странствующаго друга вашего рыцаремъ веселаго образа! —

Корчма, въ милѣ за Тильзитомъ, 17 Іюня 1789,

11 часовъ ночи.

Все вокругъ меня спитъ. Я и самъ-было легъ на постелю; но около часа напрасно ожидавъ сна, рѣшился встать, засвѣтить свѣчу и написать нѣсколько строкъ къ вамъ, друзья мои!

Я радъ, что изъ Мемеля не согласился ѣхать водою. Мѣста, черезъ которыя мы проѣзжали, очень пріятны. То обширныя поля съ прекраснымъ хлѣбомъ, то зеленые луга, то маленькія рощицы и кусты, какъ будто бы въ искусственной симметріи расположенные, представлялись глазамъ нашимъ. Маленькія деревеньки вдали составляли также пріятный видъ. *Qu'il est beau, ce pays-ci!* твердили мы съ Италіянцемъ.

Вообще, кажется, земля въ Пруссіи еще лучше обработана, нежели въ Курляндіи, и въ хорошіе годы во всей здѣшней сторонѣ хлѣбъ бываетъ очень дешевъ; но въ прошедшій годъ урожай былъ такъ худъ, что Правительству надлежало довольствовать народъ хлѣбомъ изъ заведенныхъ магазиновъ. Пять, шесть лѣтъ хлѣбъ рождается хорошо; въ седьмой годъ худо, и поселянину ѣсть нечего, — отъ того, что онъ всегда излишно надѣется на будущее лѣто, не представляя себѣ ни засухи, ни града, и продаетъ все сверхъ необходимаго. — Тильзитъ есть весьма изрядно выстроенный городокъ и лежитъ среди самыхъ плодоносѣйшихъ долинъ на рѣкѣ Мемелѣ. Онъ производитъ знатный торгъ хлѣбомъ и лѣсомъ, отправляя все водою въ Кенигсбергъ.

Насъ остановили у городскихъ воротъ, гдѣ стояли на караулѣ не солдаты, а граждане: для того, что полки, составляющіе здѣшній гарнизонъ, не возвратились еще со смотру. Толстой часовой, у котораго подъ брюхомъ моталась маленькая шпажонка, поднявъ на плечо изломанное и веревками связанное ружье, съ гордымъ видомъ сдѣлалъ три шага впередъ и престраннымъ голосомъ закричалъ мнѣ: *Wer sind Sie? Кто вы?* Будучи занятъ разсматриваніемъ его необыкновенной физіогноміи и фигуры, не могъ я тотчасъ отвѣчать ему. Онъ надулся, искривилъ глаза и закричалъ еще страннѣйшимъ голосомъ: *Wer seyd ihr?* гораздо уже неучтивѣе! Нѣсколько разъ надлежало мнѣ сказывать свою фамилію, и при всякомъ разѣ шаталъ онъ головою, дивясь чудному Русскому имени. Съ Италіянцомъ исторія была еще длиннѣе. Напрасно отзывался онъ незнаніемъ Нѣмецкаго языка: толстобрюхой часовой непремѣнно хотѣлъ, чтобъ онъ отвѣчалъ на всѣ его вопросы, вѣроятно съ великимъ трудомъ наизустъ вытверженные. Наконецъ я былъ призванъ въ помощь, и насилу добились мы до того, чтобы насъ пропустили.—Въ городѣ показывали мнѣ башню, въ разныхъ мѣстахъ прострѣленную Русскими ядрами.

Въ Прусскихъ корчмахъ не находимъ мы ни мяса, ни хорошаго хлѣба. Француженка дѣлаетъ намъ *des oeufs au lait*, или Русскую яишницу, которая съ молошнымъ супомъ и салатомъ составляетъ нашъ обѣдъ и ужинъ. За то мы съ Италіянцомъ

пьемъ въ день чашекъ по десяти кофе, который вездѣ находили.

Лишь только расположились мы въ корчмѣ, гдѣ теперь ночуемъ, услышали лошадиный топотъ, и черезъ полминуты вошелъ человѣкъ въ темномъ фракѣ, въ пребольшой шляпѣ и съ длиннымъ хлыстомъ; подошелъ къ столу, взглянулъ на насъ — на Француженку, занятую вечернимъ туалетомъ; на Италіянца, разсматривавшаго мою дорожную ландкарту, и на меня, пившаго чай — скинулъ шляпу, пожелалъ намъ добраго вечера, и оборотясь къ хозяйкѣ, которая лишь только показала лобъ изъ другой горницы, сказалъ: «Здравствуй, Лиза! Какъ поживаешь?»

Лиза (*сухая женищина лѣтъ въ тридцать*). А, Господинъ Поручикъ! Добро пожаловать! Откуда? откуда?

Поручикъ. Изъ города, Лиза. Баронъ фонъ М*** писалъ ко мнѣ, что у нихъ Комедіанты. «Пріѣзжай, братъ, пріѣзжай!» Чортъ меня возьми! Если бы я зналъ, что за твари эти Комедіанты, ни изъ чего бы не поѣхалъ.

Лиза. И, ваше благородіе! Развѣ вы не жалуете Комедіи?

Поручикъ. О! я люблю все, что забавно, и переплатилъ въ жизнь свою довольно полновѣсныхъ талеровъ за доктора Фауста съ Гансъ Вурстом*.

* Докторъ Фаустъ, по суевѣрному народному преданію, есть великой колдунъ, и по сіе время бываетъ обыкновенно героемъ глухихъ піесъ, играемыхъ въ дерев-

Лиза. Гансъ Вурстъ очень смѣшенъ, сказываютъ. — А что играли Комедіанты, Господинъ Поручикъ?

Поручикъ. Комедію, въ которой не было ничего смѣшнаго. Иной кричалъ, другой кривлялся, третій таращилъ глаза, а путнаго ничего не вышло.

Лиза. Много было въ Комедіи, Г. Поручикъ?

Поручикъ. Развѣ мало дураковъ въ Тильзитѣ.

Лиза. Господинъ Бургомистръ съ сожительницею изволилъ ли быть тамъ?

Поручикъ. Развѣ онъ изъ послѣднихъ? Толстобрюхой дуракъ зѣвалъ, а чванная супруга его безпрестанно терла себѣ глаза платкомъ, какъ будто бы попалъ въ нихъ табакъ, и толкала его

няхъ или въ городахъ на площадныхъ Театрахъ *странствующими* Актерами. Въ самомъ же дѣлѣ Іоаннъ Фаустъ жилъ, какъ честной гражданинъ, во Франкфуртѣ на Майнѣ, около середины XV вѣка; и когда Гуттенбергъ, Майнцской уроженецъ, изобрѣлъ печатаніе книгъ, Фаустъ вмѣстѣ съ нимъ пользовался выгодами сего изобрѣтенія. По смерти Гуттенберговой, Фаустъ взялъ себѣ въ помощники своего писаря Петра Шопффера, который искусство книгопечатанія довелъ до такого совершенства, что первыя вышедшія книги привели людей въ изумленіе; и какъ простолюдины того вѣка приписывали дѣйствию сверхъестественныхъ силъ все то, чего они изъяснить не умѣли, то Фаустъ провозглашенъ былъ сообщникомъ дьявольскимъ, которымъ онъ слыветъ и понынѣ между чернію и въ сказкахъ. — А Гансъ Вурстъ значить на площадныхъ Нѣмецкихъ Театрахъ то же, что у Италіянцевъ Арлекинъ.

подъ бокъ, чтобы онъ не заснулъ и пересталъ пя-
лить ротъ.

Лиза. То-то насмѣшникъ!

Поручикъ. (*Садясь и кладя свою шляпу на столъ подлѣ моего чайника*) Um Vergebung, mein Herr! Простите, государь мой! — Я усталъ, Лиза. Дай мнѣ кружку вина. Слышишь ли?

Лиза. Тотчасъ, Господинъ Поручикъ.

Поручикъ (*вошедшему слугѣ своему*) Кас-
паръ! набей мнѣ трубку. — (*Оборотясь къ Фран-*
цузженкѣ) Осмѣлюсь спросить съ моимъ почтені-
емъ, жалуете ли вы табакъ?

Французженка. Monsieur! — Qu'est ce qu'il demande. Mr. Nicolas! (*Такъ она меня называетъ*).

Я. S'il peut fumer. — Курите, курите, Г. Пору-
чикъ. Я вамъ за нее отвѣчаю.

Французженка. Dites qu'oui.

Поручикъ. А! Мадамъ не говоритъ по-Нѣ-
мецки. Жалѣю, весьма жалѣю, Мадамъ. — Откуда
ѣдете, естьли смѣю спросить, государь мой?

Я. Изъ Петербурга, Господинъ Поручикъ.

Поручикъ. Радуюсь, радуюсь, государь мой.
Что слышно о Шведахъ, о Туркахъ?

Я. Старая пѣсня, Г. Поручикъ: и тѣ и другіе
бѣгають отъ Русскихъ.

Поручикъ. Чортъ меня возьми! Русскіе сто-
ятъ крѣпко. — Скажу вамъ по пріязни, государь
мой, что естьли бы Король мой не отговорилъ мнѣ,
то давно бы я былъ не послѣднимъ Штабъ-Офи-
церомъ въ Русской службѣ. У меня вездѣ не безъ
друзей. Напримѣръ, племянникъ мой служитъ

старшимъ Адъютантомъ у Князя Потемкина. Онъ ко мнѣ обо всемъ пишетъ. Пойдите—я покажу вамъ письмо его. Чортъ меня возьми! я забылъ его дома. Онъ описываетъ мнѣ взятіе Очакова. Пятнадцать тысячъ легло на мѣстѣ, государь мой, пятнадцать тысячъ!

Я. Не правда, Г. Поручикъ.

Поручикъ. Не правда! (съ насмѣшкою) Вы конечно, сами тамъ были?

Я. Хоть и не былъ, однакожь знаю, что Турковъ убито около 8000, а Русскихъ 1500.

Поручикъ. О! я не люблю спорить, государь мой; а что знаю, то знаю. (Принимаясь за кружку, которую между тѣмъ принесла ему хозяйка). Разумѣете ли, государь мой?

Я. Какъ вамъ угодно, Г. Поручикъ.

Поручикъ. Ваше здоровье, государь мой!— Ваше здоровье, Мадамъ!—(Италіянцу) Ваше здоровье!—Пиво изрядно, Лиза.—Послушайте, государь мой!—Теперь вы называете меня Господиномъ Поручикомъ: для чего?

Я. Для того, что хозяйка васъ такъ называетъ.

Поручикъ. Скажите, отъ того, что я (надвѣз шляпу) поклонился моему Королю—и безвременно пошелъ въ отставку. А то теперь говорили бы вы мнѣ (приподнявъ шляпу): «Господинъ Маіоръ, здравствуйте!» (Допивая кружку) Разумѣете ли? Чортъ меня возьми, если я не по уши влюбился въ свою Аnięту! Правда, что она была какъ розовая пышка. И теперь еще не худа, государь мой,

даромъ что уже четверыхъ принесла мнѣ.—Лиза! скажи, какова моя Анята?

Лиза. И, Г. Поручикъ! какъ будто вы сами этого не знаете!—Чего говорить, что пригожа!—Скажу вамъ смѣхъ, Г. Поручикъ. Какъ вы на Святой недѣлѣ вечеромъ проѣхали въ городъ, ночевалъ у меня молодой господинъ изъ Кеннгсберга—правду сказать, баринъ добрый, и заплатилъ мнѣ честно за всякую бездѣлку. Кушать онъ много не спрашивалъ.—

Поручикъ. Ну гдѣ же смѣхъ, Лиза?

Лиза. Такъ этотъ добрый господинъ стоялъ на крыльцѣ, и увидѣлъ Госпожу Поручицу, которая сидѣла въ коляскѣ на правой сторонѣ—такъ ли, Господинъ Поручикъ?

Поручикъ. Ну что же онъ сказалъ?

Лиза. То-то баба! сказалъ онъ—ха! ха! ха!

Поручикъ. Видно, онъ не глупъ былъ—ха! ха! ха!

Я. И такъ любовь заставила васъ итти въ отставку, Г. Поручикъ?

Поручикъ. Проклятая любовь, государь мой.—Каспаръ, трубку!—Правда, я надѣялся на хорошее приданое. Мнѣ сказали, что у старика фонъ Т* золотыя горы. Дѣвка добра, думалъ я: дай женимся! Старикъ радъ былъ выдать за меня дочь свою; только она никакъ не хотѣла итти за служиваго. «Мамзель Анята! сказалъ я: люблю тебя какъ душу; только люблю и службу Королевскую.» На миленькихъ ея глазенкахъ навернулись слезы. Я топнулъ ногою, и—пошелъ въ отставку. Что

же вышло! На другой день послѣ свадьбы любезный мой тестюшка, вмѣсто золотыхъ горъ, наградилъ меня тремя сотнями талеровъ. Вотъ тебѣ приданое!—Дѣлать было нечего, государь мой. Я поговорилъ съ нимъ крупно, а послѣ за бутылкою стараго Рейнскаго вина заключилъ вѣчный миръ. Правду сказать, старикъ былъ добросердеченъ—помяни Богъ его душу! Мы жили дружно. Онъ умеръ на рукахъ моихъ, и оставилъ намъ въ наследство дворянскій домъ.

Но перервемъ разговоръ, который занялъ уже слишкомъ двѣ страницы, и начинаетъ утомлять серебряное перо мое *. Словоохотный Поручикъ до десяти часовъ наговорилъ съ три короба, которыхъ я, жалѣя Габріелевыхъ лошадей, не возьму съ собою. Между прочимъ, услышавъ, что я изъ Кенигсберга поѣду въ публичной коляскѣ, совѣтовалъ мнѣ 1) занять мѣсто въ срединѣ, и 2) если будутъ со мной дамы, подчивать ихъ во всю дорогу чаемъ и кофе. Въ заключеніе желалъ, чтобы я путешествовалъ съ пользою, такъ какъ извѣстный Баронъ Тренкъ, съ которымъ онъ будто бы очень друженъ. — Господинъ Поручикъ, всунувъ свою трубку въ сапогъ, сѣлъ на коня и пустился во всю прыть, закричавъ мнѣ: *счастливый путь, государь мой!*

Чего не напишешь въ минуты безсонницы!—Простите до Кенигсберга!

* Всѣ свои замѣчанія писалъ я въ дорогѣ серебрянымъ перомъ.

Кенигсбергъ, 19 Іюня 1789.

Вчера, въ семь часовъ утра, прѣхалъ я сюда, любезные друзья мои, и сталъ, вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ, въ трактирѣ у Шенка.

Кенигсбергъ, столица Пруссіи, есть одинъ изъ большихъ городовъ въ Европѣ, будучи въ окружности около пятнадцати верстъ. Нѣкогда былъ онъ въ числѣ славныхъ *Ганзейскихъ* городовъ. И нынѣ коммерція его довольно важна. Рѣка Прегель, на которой онъ лежитъ, хотя не шире 150 или 160 футовъ, однакожь такъ глубока, что большія купеческія суда могутъ ходить по ней. Домовъ считается около 4000, а жителей 40,000—какъ мало по величинѣ города! Но теперь онъ кажется многлюднымъ, потому что множество людей собралось сюда на ярманку, которая начнется съ завтрашняго дня. Я видѣлъ довольно хорошихъ домовъ, но не видалъ такихъ огромныхъ, какъ въ Москвѣ, или въ Петербургѣ, хотя вообще Кенигсбергъ выстроенъ едва ли не лучше Москвы.

Здѣшній гарнизонъ такъ многочисленъ, что вездѣ попадаются въ глаза мундиры. Не скажу, чтобы Прусскіе солдаты были одѣты лучше нашихъ; а особливо не нравятся мнѣ ихъ двуугольныя шляпы. Что принадлежитъ до Офицеровъ, то они очень опрятны, а жалованья получаютъ, выключая Капитановъ, малымъ чѣмъ болѣе нашихъ. Я слыхалъ, будто въ Прусской службѣ нѣтъ такихъ молодыхъ Офицеровъ, какъ у насъ; однакожь видѣлъ здѣсь по крайней мѣрѣ десять патнадцатилѣтнихъ. Мун.

диры синіе, голубые и зеленые съ красными, бѣлыми и оранжевыми отворотами.

Вчера обѣдалъ я за общимъ столомъ, гдѣ было старыхъ Маіоровъ, толстыхъ Капитановъ, осанистыхъ Поручиковъ, безбородыхъ Подпоручиковъ и Прапорщиковъ человѣкъ съ тридцать. Содержаніемъ громкихъ разговоровъ былъ прошедшій смотръ. Офицерскія шутки также со всѣхъ сторонъ сыпались. Напримѣръ: «Что за причина, Г. Ритмейстеръ, что у васъ нынѣ и днемъ окна закрыты? Конечно, вы не письмомъ занимаетесь? ха! ха! ха!»—«То-то фонъ Кребсъ! все знаетъ, что у меня дѣлается!»—и проч. и проч. Однакожь они учтивы. Лишь только наша Француженка показала—всѣ встали, и за обѣдомъ служили ей съ великимъ усердіемъ.—Какъ бы то ни было, только въ другой разъ разсудилъ я заблаго обѣдать одинъ въ своей комнатѣ, растворивъ окна въ садъ, откуда лились въ мой Нѣмецкой супъ ароматическія испаренія сочной зелени.

Вчерась же послѣ обѣда былъ я у славнаго Канта, глубокомысленнаго, тонкаго Метафизика, который опровергаетъ и Малебранша и Лейбница, и Юма и Боннета—Канта, котораго Іудейской Сократъ, покойный Мендельзонъ, иначе не называлъ, какъ *der alles zermalmende Kant*, т. е. *все сокрушающій Кантъ*. Я не имѣлъ къ нему писемъ; но смѣлость города беретъ—и мнѣ отворились двери въ кабинетъ его. Меня встрѣтилъ маленькой, худенькой старичекъ, отмѣнно бѣлый и нѣжный. Первые слова мои были: «Я Русской дворянинъ,

люблю великихъ мужей, и желаю изъяснить мое почтеніе Канту.» Онъ тотчасъ попросилъ меня сѣсть, говоря: «Я писалъ такое, что не можетъ нравиться всѣмъ; немногіе любятъ метафизическія тонкости.» Съ полчаса говорили мы о разныхъ вещахъ: о путешествіяхъ, о Китаѣ, объ открытіи новыхъ земель. Надобно было удивляться его историческимъ и географическимъ знаніямъ, которыя, казалось, могли бы одни загромоздить магазинъ человѣческой памяти; но это у него, какъ Нѣмцы говорятъ, *дѣло постороннее*. Потомъ я, не безъ скачка, обратилъ разговоръ на природу и нравственность человѣка; и вотъ что могъ удержать въ памяти изъ его разсужденій:

«Дѣятельность есть наше опредѣленіе. Человѣкъ не можетъ быть никогда совершенно доволенъ обладаемымъ, и стремится всегда къ пріобрѣтеніямъ. Смерть застаетъ насъ на пути къ чему нибудь, что мы еще имѣть хотимъ. Дай человѣку все, чего желаетъ; но онъ въ ту же минуту почувствуетъ, что это *все* не есть *все*. Не видя цѣли или конца стремленія нашего въ здѣшней жизни, полагаемъ мы будущую, гдѣ узлу надобно развязаться. Сія мысль тѣмъ пріятнѣе для человѣка, что здѣсь нѣтъ никакой соразмѣрности между радостями и горестями, между наслажденіемъ и страданіемъ. Я утѣшаюсь тѣмъ, что мнѣ уже шестьдесятъ лѣтъ, и что скоро придетъ конецъ жизни моей: ибо надѣюсь вступить въ другую, лучшую. Помышляя о тѣхъ услажденіяхъ, которыя имѣлъ я въ жизни, не чувствую теперь удовольствія; но

представляя себѣ тѣ случаи, гдѣ дѣйствовалъ сообразно съ закономъ нравственнымъ, начертаннымъ у меня въ сердцѣ, радуюсь. Говорю о нравственномъ законѣ: назовемъ его совѣстію, чувствомъ добра и зла—но онъ *есть*. Я солгалъ; никто не знаетъ лжи моей, но мнѣ стыдно.—Вѣроятность не есть очевидность, когда мы говоримъ о будущей жизни; но, сообразивъ все, разсудокъ велитъ намъ вѣрить ей. Да и что бы съ нами было, когда бы мы, такъ сказать, глазами увидѣли ее? Если бы она намъ очень полюбилась, мы бы не могли уже заниматься нынѣшнею жизнью и были въ безпрестанномъ томленіи; а въ противномъ случаѣ, не имѣли бы утѣшенія сказать себѣ въ горестяхъ здѣшней жизни: *авось тамъ будетъ лучше!*—Но говоря о нашемъ опредѣленіи, о жизни будущей и проч., предполагаемъ уже бытіе Всевѣчнаго Творческаго разума, все для чего нибудь, и все благотворящаго. Что? Какъ?..... Но здѣсь первый мудрецъ признается въ своемъ невѣжествѣ. Здѣсь разумъ погашаетъ свѣтильникъ свой, и мы во тьмѣ остаемся; одна фантазія можетъ носиться во тьмѣ сей и творить несобытное.»—Почтенный мужъ! прости, если въ сихъ строкахъ обезобразилъ я мысли твои!

Онъ знаетъ Лафатера, и переписывался съ нимъ. «Лафатеръ весьма любезенъ по добротѣ своего сердца, говоритъ онъ: но имѣя чрезмѣрно живое воображеніе, часто ослѣпляется мечтами, вѣритъ Магнетизму, и пр.»—Коснулись до его непріате-

лей. «Вы ихъ узнаете,» сказалъ онъ, «и увидите, что они всѣ добрые люди.»

Онъ записалъ мнѣ титулы двухъ своихъ сочиненій, которыхъ я не читалъ: *Kritik der praktischen Vernunft* и *Metaphisik der Sitten*—и сію записку буду хранить какъ священный памятникъ.

Вписавъ въ свою карманную книжку мое имя, пожелалъ онъ, чтобы рѣшились всѣ мои сомнѣнія; потомъ мы съ нимъ разстались.

Вотъ вамъ, друзья мои, краткое описаніе весьма любопытной для меня бесѣды, которая продолжалась около трехъ часовъ. Кантъ говоритъ скоро, весьма тихо и не вразумительно; и потому надлежало мнѣ слушать его съ напряженіемъ всѣхъ нервъ слуха. Домикъ у него маленькой, и внутри приборовъ не много. Все просто, кромѣ.... его Метафизики.

Здѣшняя кафедральная церковь огромна. Съ великимъ примѣчаніемъ разсматривалъ я тамъ древнее оружіе, латы и шишакъ благочестивѣйшаго изъ Маркграфовъ Бранденбургскихъ и храбрѣйшаго изъ рыцарей своего времени. Гдѣ вы—думалъ я—гдѣ вы, мрачные вѣки, вѣки варварства и героизма? Блѣдныя тѣни ваши ужасають робкое просвѣщеніе нашихъ дней. Одни сыны вдохновенія дерзають вызывать ихъ изъ бездны минувшаго—подобно Улиссу, зовущему тѣни друзей изъ мрачныхъ жилищъ смерти—чтобы въ унылыхъ

пѣсняхъ своихъ сохранять память чудеснаго измѣненія народовъ.—Я мечталъ около часа, прилонясь къ столбу.—На стѣнѣ изображена Маргграфова беременная супруга, которая, забывая свое состояніе, бросается на колѣни и съ сердечнымъ усердіемъ молить Небо о сохраненіи жизни Героя, идущаго побѣждать враговъ. Жаль, что здѣсь искусство не соотвѣтствуетъ трогательности предмета!—Тамъ же видно множество разноцвѣтныхъ знаменъ, трофеевъ Маргграфовыхъ.

Французъ, наемный лакей, провожавшій меня, увѣрялъ, что оттуда есть подземной ходъ за городъ въ старую церковь, до которой будетъ около двухъ миль, и показывалъ мнѣ маленькую дверь съ лѣстницею, которая ведетъ подъ землю. Правда ли это или нѣтъ, не знаю; но знаю то, что въ средніе вѣки на всякой случай прокапывали такіе ходы, чтобы сохранять богатство и жизнь отъ руки сильнаго.

Вчера ввечеру простился я съ своимъ товарищемъ, Господиномъ Ф^{***}, котораго пріязни не забуду никогда. Не знаю, какъ ему, а мнѣ грустно было съ нимъ разставаться. Онъ съ Француженкою поѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ, можетъ быть, еще увижу его.

Нынѣ былъ я у нашего Консула, Господина И^{***}, который принялъ меня ласково. Онъ рассказывалъ мнѣ много кое-чего, что я съ удовольствіемъ слу-

шалъ; и хотя уже давно живетъ въ Нѣмецкомъ городѣ, и весьма хорошо говоритъ по-Нѣмецки, однако же нисколько не обгерманился, и сохранилъ въ цѣлости Русской характеръ. Онъ далъ мнѣ письмо къ Почтмейстеру, въ которомъ просилъ его отвѣсти мнѣ лучшее мѣсто въ почтовой коляскѣ.

Вчера судьба познакомила меня съ однимъ молодымъ Французомъ, который называетъ себя искуснымъ зубнымъ лекаремъ. Узнавъ, что въ трактиръ къ Шенку пріѣхали иностранцы — ему сказали, Французы — явился онъ къ Господину Ф*** съ ношею комплиментовъ. Я тутъ былъ — и такъ мы познакомились. «Въ Парижѣ есть мнѣ равные въ искусствѣ, сказалъ онъ: для того не хотѣлъ я тамъ остаться, поѣхалъ въ Берлинъ, перелечилъ, перечистилъ Нѣмецкіе зубы; но я имѣлъ дѣло съ великими скрягами, и для того — уѣхалъ изъ Берлина. Теперь ѣду въ Варшаву. Польскіе господа, слышно, умѣютъ цѣнить достоинства и таланты: попробуемъ, полечимъ, почистимъ! А тамъ отправлюсь въ Москву — въ ваше отечество, государь мой, гдѣ конечно найду умныхъ людей болѣе, нежели гдѣ нибудь.» — Нынѣ, когда я только-что управился съ своимъ обѣдомъ, пришелъ онъ ко мнѣ съ бумагами, и сказавъ, что узнаетъ людей съ перваго взгляду, и что имѣетъ уже ко мнѣ полную довѣренность, началъ читать мнѣ... трактатъ о зубной болѣзни.

Между тѣмъ, какъ онъ читалъ, наемный лакей пришелъ сказать мнѣ, что въ другомъ трактирѣ, обо дворъ, остановился Русской курьеръ, Капи-

танъ Гвардіи. *Allons le voir!* сказалъ Французъ, спрятавъ въ карманъ свой трактатъ. Мы пошли вмѣстѣ — и вмѣсто Капитана нашелъ я Вахмистра Конной Гвардіи, Господина***; молодаго, любезнаго человека, который ѣдетъ въ Копенгагенъ. Онъ еще въ первый разъ посланъ курьеромъ, и не знаетъ по-Нѣмецки, чему Прусскіе Офицеры, окружившіе насъ на крыльцѣ, весьма дивились. Въ самомъ дѣлѣ, не удобно ѣздить по чужимъ землямъ, зная только одинъ Французской языкъ, которымъ не всѣ говорятъ. — Въ то время, какъ мы разговаривали, одинъ изъ стоявшихъ на крыльцѣ получилъ письмо изъ Берлина, въ которомъ пишутъ къ нему, что близъ сей столицы разбили почту, зарѣзали постиліона и отняли нѣсколько тысячъ талеровъ: непріятная вѣсть для тѣхъ, которые туда ѣдутъ! — Я пожелалъ земляку своему счастливаго пути.

Въ старинномъ замкѣ, или во дворцѣ, построенномъ на возвышеніи, осматриваютъ путешественники цейггаузъ и библіотеку, въ которой вы найдете нѣсколько фоліантовъ и квартантовъ, окованныхъ серебромъ. Тамъ же есть такъ называемая *Московская зала*, длиною во 166 шаговъ, а шириною въ 30, которой сводъ сведенъ безъ столбовъ, и гдѣ показываютъ старинный осьмиугольный столъ, цѣною въ 40,000 талеровъ. Для чего сія зала называется *Московскою*, не могъ узнать. Одинъ ска-

залъ, будто для того, что тутъ нѣкогда сидѣли Русскіе плѣнники; но это не очень вѣроятно.

Здѣсь есть изрядные сады, гдѣ можно съ удовольствіемъ прогуливаться. Въ большихъ городахъ весьма нужны народныя гульбища. Ремесленникъ, художникъ, ученый отдыхаетъ на чистомъ воздухѣ по окончаніи своей работы, не имѣя нужды идти за городъ. Къ тому же испаренія садовъ освѣжаютъ и чистятъ воздухъ, который въ большихъ городахъ всегда бываетъ наполненъ гнилыми частицами.

Ярманка начинается. Всѣ наряжаются въ лучшее свое платье, и толпа за толпою встрѣчается на улицахъ. Гостей принимаютъ на крыльцѣ, гдѣ подаютъ чай и кофе.

Я уже отправилъ свой чемоданъ на почту. Бдущіе въ публичной коляскѣ могутъ имѣть 60 фунтовъ безъ платы; у меня менѣе шестидесяти.

Adieu! Землякъ мой Габріель, который, говоря его словами, не нашелъ еще работы, пришелъ сказать мнѣ, что почтовая коляска скоро будетъ готова.

Я васъ люблю такъ же, друзья мои, какъ и прежде; но разлука не такъ уже для меня горестна. Начинаю наслаждаться путешествіемъ. Иногда, думая о васъ, вздохну; но легкой вѣтерокъ струитъ воду, не возмущая свѣтлости ея. Таково сердце человѣческое; въ сію минуту благодарю Судьбу за то, что оно таково.—Будьте только благополучны, друзья мои, и никогда обо мнѣ не безпокой-

тесъ! Въ Берлинѣ надѣюсь получить отъ васъ письмо.

МАРИЕНБУРГЪ, 21 Іюня, ночью

Прусская, такъ называемая почтовая коляска совсѣмъ не похожа на коляску. Она есть не что иное, какъ длинная покрытая фура съ двумя лавками, безъ ремней и безъ ресоръ. Я выбралъ себѣ мѣсто на передней лавкѣ. У меня было двое товарищей, Капитанъ и Подпоручикъ, которые сѣли назади на чемоданахъ. Я думалъ, что мое мѣсто выгоднѣе; но послѣдствіе доказало, что выборъ ихъ былъ лучше моего. Слуга Капитанской и такъ называемый Ширмейстеръ, или проводникъ, сѣли къ намъ же въ коляску на другой лавкѣ. Печальныя мысли, которыми голова моя наполнилась при го-
тическомъ видѣ нашего экипажа, скоро разсѣялись. Въ городѣ видѣлъ я вездѣ пріятную картину праздника—вездѣ веселящихся людей; Офицеры мои были весьма учтивы, и разговоръ начавшійся между нами, довольно занималъ меня. Мы говорили о Турецкой и Шведской войнѣ, и Капитанъ отъ добраго сердца хвалилъ храбрость нашихъ солдатъ, которые, по его мнѣнію, едва ли хуже Прусскихъ. Онъ рассказывалъ анекдоты послѣдней войны, которые всѣ относились къ чести Прусскихъ воиновъ. Ему крайне хотѣлось, чтобы Королю миръ

наскучилъ. «Пора снова драться,» говорилъ онъ: «солдаты наши пролежали бока; намъ нужна экзерциція, экзерциція!» Миролюбивое мое сердце оскорбилось. Я вооружился противъ войны всѣмъ своимъ краснорѣчіемъ, описывая ужасы ея: стонъ, вопль несчастныхъ жертвъ, кровавою рѣкою на тотъ свѣтъ уносимыхъ; опустошеніе земель, тоску отцовъ и матерей, женъ и дѣтей, друзей и сродниковъ; сиротство Музъ, которыя скрываются во мракъ, подобно какъ въ бурное время бѣдныя малиновки и синички по кустамъ прячутся, и пр. Немилостивый мой Капитанъ смѣялся и кричалъ: «Намъ нужна экзерциція, экзерциція!» Наконецъ я примѣтилъ, что взялся за работу Данайдъ; замолчалъ и обратилъ все свое вниманіе на пріятныя окрестности дороги. Постиліонъ нашъ не жалѣлъ лошадей; и такимъ образомъ не примѣтно доѣхали мыд о перемѣны, гдѣ только-что имѣли время отужинать на скорую руку.

Ночь была пріятна. Я нѣсколько разъ засыпалъ, но не надолго, и почувствовалъ выгоду, которую имѣли мои товарищи. Они могли лежать на чемоданахъ, а мнѣ надлежало дремать сидя. На разсвѣтѣ пріѣхали мы на другую станцію. Чтобы сколько нибудь ободриться послѣ безпокойной ночи, выпили мы съ Капитаномъ чашекъ по пяти кофе — что въ самомъ дѣлѣ меня оживило.

Мѣста пошли совѣмъ непріятныя, а дорога худая. Гейлигенбейль, маленькой городокъ въ семи миляхъ отъ Кенигсберга, приводитъ на мысль времена язычества. Тутъ возвышался нѣкогда ве-

личественный дубъ, безмолвный свидѣтель рожденія и смерти многихъ вѣковъ—дубъ священный для древнихъ обитателей сей земли. Подъ мрачною его тѣнію обожали они идола Курхо, приносили ему жертвы, и славили его въ дикихъ своихъ гимнахъ. Вѣчное мерцаніе сего естественнаго храма и шумъ листьевъ наполнялъ сердца ужасомъ, въ который жрецы язычества облакали Богопочитаніе. Такъ Друпды въ густотѣ лѣсовъ скрывали свою Религію; такъ гласъ Греческихъ Оракуловъ исходилъ изъ глубины мрака!—Нѣмецкіе Рыцари въ третьемъ-надесять вѣкѣ, покоривъ мечемъ Пруссію, разрушили олтари язычества, и на ихъ развалинахъ воздвигнули храмъ Христіанства. Гордый дубъ, почтенный старецъ въ царствѣ растѣній, претыканіе бурь и вихрей, палъ подъ сокрушительною рукою побѣдителей, уничтожавшихъ всѣ памятники идолопоклонства: жертва невинная! — Суевѣрное преданіе говоритъ, что долгое время не могли срубить дуба; что всѣ топоры отскакивали отъ толстой коры его, какъ отъ жесткаго алмаза; но что наконецъ сыскался одинъ топоръ, который разрушилъ очарованіе, отдѣливъ дерево отъ корня; и что въ память побѣдительной сѣкиры назвали сіе мѣсто *Heiligenbeil*, т. е. *сѣкира Святыхъ*. Нынѣ эта *сѣкира Святыхъ* славится какимъ-то отмѣннымъ пивомъ и бѣлымъ хлѣбомъ.

Браунсбергъ, гдѣ мы обѣдали и въ третій разъ перемѣняли лошадей, есть довольно многолюдный городокъ.

Здѣсь жилъ и умеръ Коперникъ, сказалъ мнѣ

Капитанъ, когда мы проѣзжали черезъ одно маленькое мѣстечко. — «И такъ это Фрауенбергъ?» — Точно.

Какъ же досадно было мнѣ, что я не могъ видѣть тѣхъ комнатъ, въ которыхъ жилъ сей славный Математикъ и Астрономъ, и гдѣ онъ, по своимъ наблюденіямъ и вычетамъ, опредѣлилъ движеніе земли вокругъ ея оси и солнца — земли, которая, по мнѣнію его предшественниковъ, стояла неподвижно въ центрѣ Планетъ, и которую послѣ Тихо-де-Браге хотѣлъ-было опять остановить, но тщетно! — И такимъ образомъ Пифагоровы идеи, надъ которыми смѣялись Греки, вѣрившіе своимъ чувствамъ болѣе, нежели Философу, воскресли въ системѣ Николая Коперника? — Сей Астрономъ былъ щастливѣе Галилея: суевѣріе — хотя онъ жилъ еще подъ его скипетромъ — не заставило его клятвенно отрицаться отъ ученія истины. Коперникъ умеръ спокойно въ своемъ мирномъ жилищѣ, но Тихо - де - Браде долженъ былъ оставить свой философской замокъ и отечество. Науки, подобно Религіи, имѣли своихъ страдальцовъ.

Передъ вечеромъ пріѣхали мы въ Эльбингъ, небольшой, но торговый городъ, и весьма цзрядно выстроенный, гдѣ стоятъ два или три полка. Почтѣ надлежало тутъ пробыть болѣе часа. Мы пошли въ трактиръ, гдѣ, кромѣ хозяина и гостей, все было довольно чисто. Выѣхавъ изъ Кенигсберга, еще не видалъ я порядочно одѣтаго человека. Двое играли въ билліардъ: одинъ въ зеленомъ кафтанѣ, дикомъ камзолѣ, и въ сальномъ парикѣ, че-

ловѣкъ лѣтъ за сорокъ, а другой молодой человѣкъ въ пестромъ кургузомъ фракѣ; первый игралъ очень худо, и сердился: а другой хотѣлъ надъ нимъ шутить, смѣялся во все горло при каждомъ его промахѣ, поглядывалъ на насъ и въ зеркало, и управлялъ безпрестанно свой толстый, запачканный галстукъ. Карриатура за карриатурою приходила въ трактиръ, и всякая карриатура требовала пива и трубки. Мнѣ было очень скучно. Къ тому же я чувствовалъ сильное волненіе въ крови отъ кофе и отъ тряскаго движенія почтовой коляски.

Вышедши садиться, нашли мы у коляски молодого Офицера и старую женщину, которые рекомендовались въ нашу благосклонность, и объявили, что они ѣдутъ съ нами. Такимъ образомъ стало намъ гораздо тѣснѣе. Офицеры мои рады были новому товарищу, съ которымъ могли они говорить о прошедшемъ смотрѣ. Женщина, родомъ изъ Шведской Помераніи, услышавъ, что я Руской, подняла руки къ небу и закричала: *Ахъ злодѣи! вы губите нашего бѣднаго Короля!* Офицеры смѣялись; и я смѣялся, хотя не совсѣмъ отъ добраго сердца.

Между тѣмъ прекрасный вечеръ настроилъ душу мою къ пріятнымъ впечатлѣніямъ. На обѣихъ сторонахъ дороги разстилались богатые луга; воздухъ былъ свѣжъ и чистъ; многочисленныя стада блѣяніемъ и ревомъ своимъ праздновали захожденіе солнца. Крестьянки доили коровъ, вдыхая въ себя цѣлебный паръ молока, которое составляетъ богатство всѣхъ тамошнихъ деревень. Жи-

тели принадлежатъ, естли не ошибаюсь, къ сектѣ Перекрестителей, Wiedertäufer. Хвалятъ ихъ нравы, миролюбіе и честность. Рука ихъ не подымается на ближняго. Кровь человѣческая, говорятъ они, вопіетъ на небо.—Тишина наступившей ночи сомкнула глаза мои.

Теперь мы въ Маріенбургѣ, гдѣ я имѣлъ время написать къ вамъ столько страницъ. Сей городъ достоинъ примѣчанія только тѣмъ, что древній его замокъ былъ нѣкогда столицею Великихъ Мастеровъ Нѣмецкаго Ордена.—Отъ старой женщины, моей непріятельницы, мы здѣсь освободились; но мѣсто ея займетъ высокой Офицеръ, который теперь сидитъ подлѣ меня, дожидаясь отправленія почты.—Разсвѣтало. Простите! Изъ Данцига надѣюсь еще что нибудь приписать.

=

Данцигъ, 22 Іюня, 1789.

Проѣхавъ черезъ предмѣстіе Данцига, остановились мы въ Прусскомъ мѣстечкѣ Штоценбергѣ, лежащемъ на высокой горѣ сего имени. Данцигъ у насъ подъ ногами какъ на блюдечкѣ, такъ что можно считать кровли. Сей прекрасно-выстроенный городъ, море, гавань, корабли въ пристани и другіе, разсѣянные по волнующемуся, необозримому пространству водъ — все сіе вмѣстѣ обра-

зуетъ такую картину, любезнѣйшіе друзья мои, какой я еще не видывалъ въ жизни своей, и на которую смотрѣлъ два часа въ безмолвіи, въ глубокой тишинѣ, въ сладостномъ забвеніи самого себя.

Но блескъ сего города померкъ съ нѣкотораго времени. Торговля, любящая свободу, болѣе и болѣе сжимается и упадаетъ отъ тѣснящей руки сильнаго. Подобно какъ монахи строжайшаго Ордена, встрѣтаясь другъ съ другомъ въ унылой мрачности своихъ жилищъ, вмѣсто всякаго привѣтствія умирающимъ голосомъ произносятъ: *помни смерть!* такъ жители сего города въ глубокомъ уныніи взываютъ другъ ко другу: *Данцигъ! Данцигъ! гдѣ твоя слава?* — Король Прусской наложилъ чрезмѣрную пошлину на всѣ товары, отправляемые отсюда въ море, отъ котораго Данцигъ лежитъ верстахъ въ пяти или шести.

Шотландцы, которые присылаютъ сюда сельди свои, пользовались въ Данцигѣ всѣми правами гражданства, для того, что нѣкогда Шотланецъ Догласъ оказалъ городу важную услугу. Тѣ изъ жителей, съ которыми я говорилъ, не могли мнѣ сказать, въ чемъ именно состояла услуга Догласова. Такой знакъ благодарности дѣлаетъ честь сему городу.

Я не зналъ, что почта пробудетъ здѣсь такъ долго; а то бы успѣлъ осмотрѣть въ Данцигѣ нѣкоторыя примѣчанія достойныя вещи. Теперь уже поздно: хотятъ впрягать лошадей. Болѣе всего хотѣлось бы мнѣ видѣть славную Эйхелеву картину, въ главной Лютеранской церкви, представля-

ющую страшный судъ. Король Французской — не знаю, который — давалъ за нее 100,000 гульденовъ. — Хотѣлось бы мнѣ видѣть и Профессора Тренденбурга, чтобы поблагодарить его за Греческую Грамматику, имъ сочиненную, которою я пользовался и впредь надѣюсь пользоваться *. — Огромнѣйшее зданіе въ городѣ есть Ратуша. Вообще всѣ дома въ пять этажей. Отмѣнная чистота стеколъ украшаетъ видъ ихъ.

Данцигъ имѣетъ собственные деньги, которыя однакожъ внѣ города не ходятъ; я и въ самомъ городѣ Пруссіи предпочитаютъ.

На западъ отъ Данцига возвышаются три песчанія горы, которыхъ верхи гораздо выше городскихъ башенъ; одна изъ сихъ горъ есть Штоценбергъ. Въ случаѣ осады непріятельскія батареи могутъ оттуда разрушить городъ. На горѣ Гагелсбергъ былъ нѣкогда разбойничій замокъ; эхо ужаса его далеко отзывалось въ окрестностяхъ. Тамъ показываютъ могилу Русскихъ, убитыхъ въ 1734 году, когда Графъ Минихъ штурмовалъ городъ. Осажденные знали, съ которой стороны будетъ приступъ; почему гарнизонъ и жители обратили туда всѣ силы свои, и дрались какъ отчаянные. Извѣстно, что городъ держалъ сторону Станислава Лещинскаго противъ Августа III, за котораго вступилась Россія. Наконецъ Данцигъ покорился.

* Авторъ начиналъ тогда учиться Греческому языку; но послѣ не имѣлъ уже времени думать объ немъ.

Товарищи мои, Офицеры, хотѣли осмотрѣть городскія укрѣпленія; но часовые не пустили ихъ и грозили выстрѣломъ. Они посмѣялись надъ излишнею строгостію, и возвратились назадъ. Солдаты по большей части старые, и одѣты неопрятно. Магистратъ поручаетъ Коммендантское мѣсто обыкновенно какому нибудь иностранному Генералу съ большимъ жалованьемъ.

ПЕРВАЯ СТАНЦІЯ ОТЪ ДАНЦИГА.

Въ Данцигѣ присоединились къ намъ Офицеръ, молодой Французской купецъ и Магистеръ. Для нихъ и для Капитанскаго слуги Ширмейстеръ взялъ тамъ открытую фуру. Офицеръ сѣлъ къ намъ въ коляску, гдѣ оставалось еще одно мѣсто, которое хотѣлъ занять Магистеръ; но Французъ поднялъ крикъ, доказывая свое старшинство, и Ширмейстеръ рѣшилъ дѣло въ его пользу, узнавъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ записался на почтѣ ранѣе. Магистеръ крайне упрашивалъ насъ, чтобы мы какъ нибудь потѣснились и дали ему мѣсто въ коляскѣ, представляя ученымъ образомъ, что ему съ Ширмейстеромъ и слугою будетъ скучно; но онъ проповѣдывалъ глухимъ ушамъ, какъ говорятъ Нѣмцы. Французъ, по дорожному очень хорошо одѣтый, въ торжествѣ сѣлъ на лавкѣ между двухъ

Офицеровъ, съ насмѣшкою жалѣя, что бѣднаго Магистра вымочить дождь, который накрапывалъ. Новый нашъ товарищъ, Офицеръ, желая сидѣть просторнѣе, взглядывалъ на него очень косо, и началъ его жать. Французъ весьма учтиво объявилъ, что ему становится *тѣсно*. Тѣмъ хуже для васъ, отвѣчалъ ему Офицеръ съ сердцемъ; закурилъ трубку и началъ пускать ему въ носъ и въ ротъ дымныя облака. Французъ чихалъ, кашлялъ, и наконецъ спросилъ, что бы это значило? — «То, чтобы вы убрались въ фуру къ Магистру.» — «Государь мой!» сказалъ Французъ съ гордымъ видомъ. — «Государь мой!» отвѣчалъ Офицеръ съ досадою: «вамъ говорятъ, чтобы вы убрались отъ насъ.» — Французъ съ важностію увѣрялъ, что имѣетъ равное съ нимъ право сидѣть въ коляскѣ; но Офицеръ, худой Юристъ, началъ сыпать на него пепелъ съ огнемъ, говоря, что Везувій за дымомъ выбрасываетъ пламя. Еще мало: онъ уткнулъ ему въ бокъ ефесъ своей сабли. Бѣдный Французъ, видя, что терпѣніемъ не отдѣлаться, сквозь слезы просилъ Офицера оставить его въ покоѣ до первой перемѣны, обѣщаясь пересѣсть тамъ въ фуру. Старые мои товарищи, насмѣявшись досыта, сжалились надъ мученикомъ, и уговорили своего собрата, чтобы онъ удовольствовался его обѣщаніемъ. И я смѣялся; однакожь искренно жалѣлъ о Французѣ, хотя онъ тотчасъ забылъ все, и сталъ веселъ.

Теперь перемѣняютъ лошадей и готовятъ намъ легкой ужинъ.

Выѣхавъ изъ Данцига, смотрѣлъ я на море, которое синѣлось на правой сторонѣ. Болѣе не попадалось въ глаза ничего занимательнаго, кромѣ пространныго Данцигскаго гульбища, гдѣ было очень мало людей, для того, что небо покрывалось со всѣхъ сторонъ тучами. Въ серединѣ идетъ большая дорога, а по сторонамъ въ алеяхъ прогуливаются.

Офицеры сговорились было атаковать Магистра; но онъ довольно искусно отразилъ первые приступы, такъ что они наконецъ оставили его. Онъ ѣдетъ въ Италію разсматривать древности. Многіе восточные языки, по его словамъ, ему извѣстны. Онъ показывалъ мнѣ письмо Графа ^{***}, который прислалъ ему экземпляръ Аль-Корана, напечатаннаго въ Петербургѣ. Мы другъ съ другомъ гораздо согласнѣе, нежели съ Офицерами ^{*}.

Штолпе, 24 Іюня.

Путешественники говорятъ всегда съ великимъ неудовольствіемъ о грубости Прусскихъ постиліоновъ. Нынѣшній Король издалъ указъ, по ко-

* Послѣ читалъ я о Магистерѣ Рингѣ въ прибавленіи къ Енскимъ Литтературнымъ Вѣдомостямъ. Онъ извѣстенъ въ Германіи по своей учености.

торому всѣ Почтмейстеры обязаны имѣть болѣе уваженія къ проѣзжимъ, и не держать никого долѣе часа на перемѣнахъ, а постилліонамъ запрещаются всѣ самовольныя остановки на дорогѣ. Нахальство сихъ послѣднихъ было несносно. У всякой корчмы они останавливались пить пиво, и несчастные путешественники должны были терпѣть, или выманивать ихъ деньгами. Указъ имѣлъ хорошія слѣдствія; однакожь не во всей точности исполняется. На примѣръ, не доѣзжая за милю до Штолпе, мы принуждены были съ часъ дожидаться постилліоновъ, которые спокойно пили и ѣли въ корчмѣ, не смотря на позывы съ нашей стороны. Пріѣхавъ въ городъ, всѣ мои товарищи грудью приступили къ Почтмейстеру, и требовали, чтобы онъ наказалъ ихъ. — *Выговоромъ?* спросилъ Почтмейстеръ. — *Палкою,* отвѣчали Офицеры. — «Я не имѣю права бить ихъ.» — «Вздоръ! вздоръ! сказалъ Капитанъ: или я самъ со всѣми управляюсь!» — Тутъ онъ страшнымъ образомъ стукнулъ въ полъ своею тростью. «Насиліе! насиліе!» закричалъ Почтмейстеръ: «хотятъ драться, бить меня!» — Капитанъ вдругъ перемѣнилъ тонъ и сказалъ тихо: «Я не хочу драться, а въ Берлинѣ поговорю объ васъ съ Министромъ.» Сказалъ и вышелъ вонъ, а за нимъ и всѣ. Постилліоны, какъ будто бы ничего не зная, пришли къ намъ просить на вино. Ихъ выгнали—дверь затворилась и опять потихоньку стала отворяться — всѣ туда оборотили глаза, и увидѣли Почтмейстерову голову. Что вамъ угодно? спросилъ Капитанъ суровымъ

голосомъ. Тутъ Почтмейстеръ всунулъ къ намъ въ горницу все свое туловище, началъ шаркать и кланяться Капитану, и называть его Господиномъ Капитаномъ, и опять Господиномъ Капитаномъ, и увѣрять его, что онъ имѣетъ къ нему почтеніе, и знаетъ Маіора его полку, и знаетъ его фамилію, и знаетъ, что онъ правъ, и отдаетъ ему въ полную власть тѣхъ постилліоновъ, которые повезутъ насъ изъ Штолпе, и проч. и проч. — Капитанъ смягчился, улыбался и отвѣчалъ на все: «хорошо, хорошо, Господицъ Почтмейстеръ!» — Мы съ Магистромъ также улыбались; а Офицеры говорили тихонько: «дуракъ! трусь!»

Теперь не могу вамъ сказать ничего примѣчанія достойнаго, кромѣ того, что въ мѣстечкѣ Луповѣ, гдѣ мы обѣдали, есть прекрасныя форели и прекрасный бишофъ. И такъ естли вы, друзья мои, будете когда въ Луповѣ, то вспомните, что другъ вашъ тамъ обѣдалъ, — вспомните, и велите подать себѣ форелей и бишофу.

Здѣсь остается тотъ Офицеръ, который мучилъ Француза; и такъ сей послѣдній сядетъ съ нами. — Adieu!

ШТАРГАРДЪ, 26 Іюня.

О Штаргардѣ, куда мы пріѣхали ужинать, могу вамъ сказать единственно то, что онъ есть изряд-

ный городъ, и что здѣшняя церковь Маріи считается высочайшею въ Германіи.

Мы проѣхали черезъ Кеслинъ и Керлинъ, два маленькіе городка. Въ первомъ бросается въ глаза большое четвероугольное мѣсто со статуею Фридриха Вильгельма. Ты достоинъ сей почести! думалъ я, читая надпись. Не знаю, кого справедливѣе можно назвать *великимъ*, отца или сына, хотя послѣдняго всѣ безъ разбора *величаютъ*. Здѣсь должно смотрѣть только на дѣла ихъ, полезныя для государства—не на ученость, не на острые слова, не на авторство. Кто привлекъ въ свое государство множество чужестранцевъ? Кто обогатилъ его мануфактурами, фабриками, искусствами? Кто населилъ Пруссію? Кто всегда отходилъ отъ войны? Кто отказывался отъ всѣхъ излишностей, для того, чтобы его подданные не терпѣли недостатка въ нужномъ? Фридрихъ Вильгельмъ!—Но Кеслинъ будетъ для меня памятенъ не только по его монументу: тамъ миловидная трактирщица угостила насъ хорошимъ обѣдомъ! Неблагодаренъ путешественникъ, забывающій такіе обѣды, такихъ добрыхъ, ласковыхъ трактирщицъ! По крайней мѣрѣ я не забуду тебя миловидная Нѣмка! Вспомнивъ статую Фридриха Вильгельма, вспомню и любезное твое угощеніе, пріятные взоры, пріятныя слова твои!....

«Что, будетъ ли у насъ война, Господа Офицеры?» спросилъ у моихъ товарищей старикъ, трактирщикъ въ Керлинѣ. Не думаю, отвѣчалъ Капитанъ. «Дай Богъ, чтобы и не было!» сказалъ трак-

тирщикъ: «я боюсь не Австрійскихъ гусаровъ, а Русскихъ козаковъ. О! что это за люди!» — А почему ты ихъ знаешь? спросилъ Капитанъ. — «Почему? Развѣ они не были въ Керлиѣ? Ничто не уйдетъ отъ ихъ пики. Къ тому же у нихъ такія страшныя лица, что меня по кожѣ подираетъ, когда вообразу ихъ!» Да вотъ Русской козакъ! сказалъ Капитанъ, указавъ на меня. «Русской козакъ!» закричалъ трактирщикъ, и ударился затылкомъ въ стѣну. Мы всѣ засмѣялись, а трактирщикъ захохоталъ. «За эту шутку вы заплатите мнѣ дорожке, Господа!» сказалъ онъ, взявъ кофейникъ изъ рукъ служанки.

Я видѣлъ одинъ изъ древнихъ разбойничьихъ замковъ. Онъ лежитъ на возвышеніи, и обведенъ со всѣхъ сторонъ широкими рвами, которые прежде были наполнены водою. Тутъ, въ высокомъ теремѣ, сидѣли мать и дочь за пальцами, и поглядывали въ окно, когда мужъ и отецъ какъ голодной левъ рыскалъ по лѣсамъ и полямъ, ища добычи. «Бдетъ! Бдетъ!» кричали онѣ, и мосты гремѣли и опускались—гремѣли и опять подымались—и грабитель былъ безопасенъ въ объятіяхъ своей жены и дочери. Тутъ раскладывались похищенные богатства, и женщины отъ радости ахали. Тутъ несчастные путешественники, которые въ тотъ день попались въ руки злодѣю, заключались въ подземную темницу, въ двадцать семь сажень глубиною, гдѣ густой воздухъ спирался и тяготилъ дыханіе, и гдѣ громъ цѣпей былъ имъ первымъ привѣтствіемъ. Иногда бѣдный отецъ прибѣгалъ къ симъ ши-

рокимъ рвамъ, и смотря на сіи острия башни, восклицалъ: «Отдайте мнѣ сына, и возьмите все, что имѣю! Несчастная мать день и ночь крушится; печальная невѣста всякой часъ слезами обливается. Отдайте матери сына и невѣстѣ жениха!»

Стой, воображеніе! сказалъ я самъ себѣ, и — заплатилъ два гроша сухой старухѣ и уродливому мальчику, которые показывали мнѣ замокъ. Онъ издавна стоитъ пустой, и начинаетъ уже разваливаться.

Теперь накрываютъ намъ столъ. Ужинъ будетъ прощальной. Всѣ мои товарищи, кромѣ Капитана, ѣдутъ отсюда въ Штетинъ, куда мнѣ не дорога. Вѣроятно, что намъ уже никогда не видать другъ друга. Правда, что эта мысль для меня не очень горестна. Я не поблагодарилъ бы судьбы, если бы она велѣла мнѣ всегда жить съ такими людьми. Съ ними можно говорить только о смотрахъ, маршахъ и тому подобномъ. Самый языкъ ихъ странный. Не зная по-Французски, употребляютъ они въ разговорѣ множество Французскихъ словъ, произнося ихъ по своему. На прим. *Da ist eine Precipice — ich habe eine Ture gemacht — ich schanschire es*, и проч.

Къ намъ присталъ еще молодой человѣкъ, Почтмейстерской сынъ, который ѣдетъ учиться въ Университетъ. Слыша, что Офицеры въ шутку называли меня Докторомъ, вздумалъ онъ показать мнѣ свою ученость, и спросилъ, какъ, по моему мнѣнію, можно перевести на Нѣмецкой Латинское слово *ratio*? Потомъ началъ говорить о духъ языковъ,

и проч. Надобно знать, что Магистеръ уже отъ насъ отсталъ; а то бы онъ не далъ ему много говорить. Офицеры не полюбили сего ученаго Почтмейстерскаго сына, и старались его дурачить. Пріѣхавъ сюда, вынулъ онъ изъ кармана превеликія шпоры, и положилъ на столъ. Офицеры, находя страннымъ, что человѣкъ, ѣдущій учиться въ Университетъ, вмѣсто книгъ везетъ въ карманѣ такую вещь, стали смѣяться. Французъ подскочилъ съ лорнетомъ, и началъ разсматривать шпоры съ великимъ вниманіемъ. Смѣхъ умножился. Что вы находите въ нихъ? спросилъ Капитанъ. «Знакомыя черты,» съ важностію отвѣчалъ Французъ: «кажется, какъ будто бы я видалъ ихъ прежде; однакожь нѣтъ—я видѣлъ только ихъ изображеніе на эстампахъ въ Донъ-Кишотѣ!» Тутъ Офицеры во все горло захохотали, а Студентъ осердился. Насмѣявшись досыта, Капитанъ сказалъ мнѣ: «Естьли когда нибудь издадите вы журналъ своего путешествія, то прошу васъ не забыть шпоръ.» Не забудьте шпоръ! закричали всѣ Офицеры. Ваше желаніе исполню, отвѣчалъ я.

Надобно сказать нѣчто о Прусскихъ допросахъ. Во всякомъ городкѣ и мѣстечкѣ останавливаютъ проѣзжихъ при въѣздѣ и выѣздѣ, и спрашиваютъ, кто, откуда и куда ѣдетъ? Иные въ шутку называются смѣшными и разными именами, т. е. при въѣздѣ однимъ, а при выѣздѣ другимъ: изъ чего выходятъ чудныя донесенія начальникамъ. Иной называется Луциферомъ, другой Мамономъ; третій въ городъ въѣдетъ Авраамомъ, а выѣдетъ Иса-

акомъ. Я не хотѣлъ шутить, и для того Офицеры просили меня въ такихъ случаяхъ притворяться спящимъ, чтобы имъ за меня отвѣчать. Иногда былъ я какой нибудь Баракоменеверусъ, и ѣхалъ отъ горы Араратской; иногда Аристидъ, выгнанный изъ Аѳинъ; иногда Альцибіадъ, ѣдущій въ Персію; иногда Докторъ Панглось, и проч. и проч.

Кушанье поставили. Простите!

=

Берлинъ, 30 Іюня, 1789.

Вчера пріѣхалъ я въ Берлинъ, друзья мои; а нынѣ, къ великому своему удовольствію, получилъ отъ васъ письмо, котораго ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Извѣстіе, что вы остались здоровы, меня утѣшило, успокоило. Но на что вы иногда грустите? Этаго не было въ уговорѣ. А если вы и впредь будете такъ немилостивы къ себѣ и къ другу своему, который за нѣсколько тысячъ верстъ беретъ участіе даже въ минутной вашей непріятности: то онъ, въ отмщеніе вамъ, самъ будетъ грустить съ утра до вечера.

Послѣднее письмо отправилъ я къ вамъ изъ Штаргарда. Мы выѣхали оттуда въ полночь. Кромѣ Капитана, было у меня двое новыхъ товарищей: Офицеръ, ѣдущій въ Имперію для набора рекрутъ, и купецъ Штаргардской. Я сѣлъ въ коляс-

къ пазади, на своемъ чемоданѣ; могъ протянуть ноги, могъ прилечь на подушку; спина моя распрямилась, и движеніе крови стало ровнѣе; тряская коляска казалась мнѣ усыпительною колыбелью — и я, почитаю себя блаженнѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ, заснулъ крѣпкимъ сномъ, и спалъ до первой перемѣны, гдѣ разбудили меня пить кофе.

Не доѣзжая за десять миль до Берлина, Капитанъ насъ оставилъ. Мы прощались другъ съ другомъ какъ пріятели, и я далъ ему слово сыскать его въ Кенигсбергѣ, когда поѣду обратно черезъ сей городъ. «Вѣдь намъ еще надобно хотъ одинъ разъ въ жизни видѣться,» сказалъ онъ, пожимая руку мою: «заѣзжайте ко мнѣ, и расскажите, что увидите въ свѣтѣ.» — Хорошо, хорошо, Г. Капитанъ! Будьте между тѣмъ здоровы! — И такъ мы разстались.

Въ послѣднюю ночь нашего путешествія приближаясь къ Берлину, начиналъ я думать, что тамъ дѣлать буду, и кого увижу. Ночью всякія мечты воображенія бывають живѣе, и я такъ ясно представилъ себѣ любезнаго А... *, идущаго ко мнѣ на встрѣчу съ трубкою и кричащаго: *кого вижу? братъ Рамзей въ Берлинѣ?* что руки мои протянулись обнять его; но вмѣсто моего дражайшаго прі-

* Алексѣя Михайловича Кутузова, добродушнаго и любезнаго человѣка, который черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того умеръ въ Берлинѣ, бывъ жертвою несчастныхъ обстоятельствъ.

ителя, который въ сію минуту былъ отъ меня такъ далеко, чуть не обнялъ я мокрой женщины, сидѣвшей съ нами въ коляскѣ. «Но какъ зашла къ вамъ мокрая женщина?» Вотъ какъ. Солнце сѣло, пошелъ дождь, и вечеръ превратился въ глубокую ночь. Вдругъ коляска наша остановилась; Ширмейстеръ, сидѣвшій съ нами, выглянулъ и началъ съ кѣмъ-то бормотать; потомъ, оборотившись къ намъ, сказалъ: «Господа! позвольте ли сѣсть въ коляску одной честной женщинѣ и доѣхать съ нами до перваго мѣстечка, куда она идетъ съ своимъ мужемъ? Дождь промочилъ ее насквозь, и она боится занемочь.» А хороша ли она? спросилъ Офицеръ, ѣдущій въ Имперію. Теперь темно, отвѣчалъ Ширмейстеръ.—Пускай ее садится, сказалъ Офицеръ. Я то же сказалъ, и купецъ то же. Женщина взлѣзла къ намъ въ коляску, и была подлинно очень мокра, такъ что мы пятились отъ нее какъ можно далѣе, боясь воды, которая текла съ нее ручьями. Офицеръ вступилъ съ нею въ разговоръ, и узналъ отъ нее, что она жена портнаго мастера, очень любитъ своего мужа, и съ нимъ никогда не расстаются; что они ужинали въ гостяхъ у своего дяди, зажиточнаго купца, который торгуетъ заморскими товарами, и пошли домой пѣшкомъ для того, чтобы наслаждаться пріятностями вечера, никакъ не ожидавъ дождя; что она взяла у дяди книжку, *жизнь Барона Тренка*, въ которой описываются самыя чудныя приключенія, и все справедливыя; что дочь дяди ихъ, которой минуло уже девятнадцать лѣтъ, однажды не спала цѣлую ночь,

читая эту книгу, а на другую почь увидѣла во снѣ Тренка въ цѣпяхъ, и такъ закричала, что отецъ пришелъ къ ней со свѣчею посмотриѣть, что съ нею сдѣлалось—и проч. и проч. Вотъ все дѣло!

Но еслии я не найду его въ Берлинѣ! пришло мнѣ вдругъ на мысль — и въ самую ту минуту встрѣтилась намъ коляска. Насилу могъ я удержаться, чтобы не закричать: *стой!* Это вѣрно онъ, думалъ я, это вѣрно онъ! Прости! Пріѣзжай благополучно въ наше отечество, къ своимъ друзьямъ! Ты увидишь моихъ любезныхъ; увидишь, и не скажешь имъ ничего обо мнѣ! — Между тѣмъ мы пріѣхали на станцію. Я тотчасъ пошелъ къ Почт-мейстеру спросить, кто проѣхалъ въ коляскѣ. «Руской — купецъ изъ Риги,» отвѣчалъ онъ. Тутъ я готовъ былъ вспрыгнуть отъ радости, что это былъ не нашъ А***.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Берлина начинается прекрасная аллея изъ каштановыхъ деревьевъ, и дорога становится лучше и веселѣе. О видѣ Берлина не льзя было мнѣ судить потому, что безпрестанный дождь мѣшалъ видѣть далеко впередъ. У воротъ мы остановились. Сержантъ вышелъ изъ караульни насъ допрашивать: *Кто вы? Откуда ѣдете? За чѣмъ пріѣхали въ Берлинъ? Гдѣ будете жить? Долго ли здѣсь пробудете? Куда поѣдете изъ Берлина?* Судите о любопытствѣ здѣшняго Правительства! — Наконецъ мы въѣхали въ улицу прекраснаго Берлина, гдѣ я надѣялся отдохнуть въ объятіяхъ сердечной пріязни, рассказывать Русскому о Россіи и другу о друзьяхъ,

говорить о нашихъ веселыхъ Московскихъ вечерахъ и философскихъ спорахъ!... Но судьба смѣялась надо мною!

Коляска наша остановилась у почтоваго дома. Тамъ прежде всего спросилъ я у Секретаря, гдѣ живетъ А***? И что же? Съ хладнокровіемъ, совершенно противнымъ моему нетерпѣнію, отвѣчалъ онъ: «Его уже здѣсь нѣтъ!»—Его здѣсь нѣтъ?—«Нѣтъ, сударь,» повторилъ онъ, и началъ перебирать письма.—Гдѣ же онъ?—«Во Франкфуртѣ на Майнѣ. Подите къ своему Священнику; тамъ лучше все узнаете.»—Я бросился на стулъ и готовъ былъ заплакать. Секретарь взглянулъ на меня съ улыбкою. Вы думали его здѣсь найти? спросилъ онъ. «Думалъ, государь мой, думалъ!» и съ этими словами я хотѣлъ идти вонъ. «Постойте, сказалъ Секретарь: надобно осмотрѣть вашъ чемоданъ.» То есть, надобно было взять съ меня нѣсколько грошей. — Вообразите друга вашего, идущаго въ самыхъ горестныхъ размышленіяхъ по Берлинскимъ улицамъ, въ слѣдъ за инвалидомъ, который несъ чемоданъ мой! Ни огромные дома, ни многолюдство, ни стукъ каретъ не могли вывести меня изъ меланхолической задумчивости. Я самъ себѣ казался жалкимъ сиротою, бѣднымъ, несчастнымъ и единственно отъ того, что А*** не хотѣлъ меня дожидаться въ Берлинѣ!

Жаль, жаль, государь мой—сказалъ мнѣ Г. Блумъ, трактирщикъ *Англійскаго Короля* въ Братской улицѣ—жаль, что у меня нѣтъ теперь для васъ мѣста. Въ домѣ моемъ заняты всѣ комнаты. Вы,

думаю, знаете, что къ нашему Королю пожаловала гостя, его сестрица. Въ Берлинѣ будутъ праздники, и многіе господа пріѣхали сюда на это время. Повѣрите ли, что я нынѣ отказалъ уже десяти человѣкамъ? — И такъ, Г. Блумъ — — «Вы изъ Россіи пріѣхали?» — Изъ Россіи. И такъ — «У васъ все войною занимаются?» — Да, Г. Блумъ, у насъ война. И такъ мнѣ остается — — «Послушайте: теперь только опросталась у меня одна комната, и вы можете занять ее. Что же у васъ съ Турками дѣлается?» — Прикажите мнѣ указать комнату; а послѣ, естли угодно — — «Очень хорошо! очень хорошо! Пойдемте, пойдемте!» Онъ привелъ меня въ маленькую горенку съ однимъ окномъ. «Не правда ли, что она очень хороша и очень уютна?» — Я доволенъ, Г. Блумъ. — Тутъ пришелъ ко мнѣ фельдшеръ, парикмахеръ. Г. Блумъ отъ меня не выходилъ, безпрестанно говорилъ, и наконецъ мнѣ же вздумалъ рассказывать, что у насъ въ Россіи дѣлается. Послушайте, Г. Блумъ, сказалъ я: это все писано къ вамъ отъ перваго числа Апрѣля по старому или по новому стилю. — «Какъ, государь мой!» — Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ я, — взялъ трость и пошелъ со двора.

Человѣкъ рожденъ къ общежитію и дружбѣ — сію истину живо чувствовало мое сердце, когда я шелъ къ Д***, желая найти въ немъ хотя часть любезныхъ свойствъ нашего А*, желая полюбить его, и говорить съ нимъ со всею дружескою искренностію, свойственною моему сердцу! — Благодарю Судьбу. Я нашелъ, чего желалъ — нашелъ въ

Д* любезнаго, добродушнаго, искренняго человѣка. Онъ любитъ свое отечество, и я люблю его; онъ любитъ А***, и я люблю его; онъ сроденъ къ откровенности, и я тоже: и такъ долго ли было намъ познакомиться? Мы проговорили съ нимъ до вечера, и онъ захотѣлъ еще проводить меня.

Лишь только вышли мы на улицу, я долженъ былъ зажать себѣ носъ отъ дурнаго запаха: здѣшніе каналы наполнены всякою нечистотою. Для чего бы ихъ не чистить? Не ужели нѣтъ у Берлинцевъ обонянія? — Д*** повелъ меня чрезъ славную Липовую улицу, которая въ самомъ дѣлѣ прекрасна. Въ срединѣ посажены алеи для пѣшихъ, а по сторонамъ мостовая. Чище ли здѣсь живутъ, или испаренія липъ истребляютъ нечистоту въ воздухѣ — только въ сей улицѣ не чувствовалъ я никакого непріятнаго запаха. Дома не такъ высоки, какъ нѣкоторые въ Петербургѣ, но очень красивы. Въ алеяхъ, которыя простираются въ длину шаговъ на тысячу или болѣе, прогуливалось много людей.

Лишь только я въ своей комнатѣ расположился пить чай, пожаловалъ ко мнѣ Г. Блумъ съ бумажкою въ рукахъ. Вамъ надобно на это отвѣчать, сказалъ онъ. Я увидѣлъ на бумагѣ тѣ вопросы, которые дѣлали мнѣ при вѣздѣ въ городъ, съ прибавленіемъ одного: *въ какія ворота вы въѣхали?* Они напечатаны, и мнѣ надлежало подъ каждымъ писать отвѣтъ. Боже мой! какая осторожность! Развѣ Берлинъ въ осадѣ? — Г. Блумъ объявилъ мнѣ съ важнымъ видомъ, что завтра Бер-

линская публика узнаетъ черезъ газеты о моемъ приѣздѣ!

Нынѣ поутру ходилъ я съ Д*** осматривать городъ. Его по справедливости можно назвать прекраснымъ; улицы и дома очень хороши. Къ украшенію города служатъ также большія площади: Вильгельмова, Жандармская, Денгофская и пр. На первой стоятъ четыре большія мраморныя статуи славныхъ Прусскихъ Генераловъ: Шверина, Кейта, Винтерфельда и Зейдлица. Шверинъ держитъ въ рукѣ знамя, съ которымъ онъ, въ жаркомъ сраженіи подъ Прагою, бросился на непріятеля, закричавъ своему полку: *Дѣти! за мной!* Тутъ умеръ онъ смертію Героя, и Король сожалѣлъ о семъ искусномъ и храбромъ Генералѣ болѣе, нежели о потерѣ двадцати тысячъ воиновъ.— Фридрихъ, принявъ Кейта въ свою службу, сказалъ: *я много выигралъ*. Фридрихъ зналъ людей, и Кейтъ оказалъ ему важныя услуги.— Говорятъ, что Графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ похожъ на Винтерфельда. Я не имѣлъ счастья видѣть нашего Задунайскаго Героя, и потому не могъ искать сего сходства въ хладномъ мраморѣ, изображающемъ Винтерфельда. — Зейдлицъ былъ любимецъ Королевской, пылкой, отважный воинъ. Отдавая справедливость его достоинствамъ, осуждаютъ въ немъ нѣкоторыя слабости, и говорятъ, что онъ были причиною безвременной смерти его. Онъ умеръ не на полѣ чести, а на одрѣ мучительной болѣзни. Король тужилъ о немъ, какъ о своемъ любимцѣ. — Такимъ образомъ Фридрихъ хотѣлъ

во мраморъ предать вѣкамъ память своихъ полководцевъ. Юный воинъ, смотря на ихъ изображенія, чувствуетъ желаніе подражать Героямъ, и жить въ памяти потомства! Я самъ люблю разсматривать памятники славныхъ людей, и представлять себѣ дѣла ихъ. — На такъ называемомъ *длинномъ мосту*, черезъ рѣку Шпре, стоитъ изъ мѣди вылитый монументъ Фридриха Вильгельма Великаго. Когда Рускія войска пришли сюда, то нѣкоторые изъ солдатъ въ забаву рубили его тесаками. Мнѣ показывали сіи знаки, которые возбуждаютъ въ Берлинцахъ непріятное воспоминаніе.

Мы прошли въ Королевскую библіотеку. Она огромна—и вотъ все, что могу сказать о ней! Больше всего занимало меня богатое анатомическое сочиненіе съ изображеніями всѣхъ частей человѣческаго тѣла. Покойный Король заплатилъ за него 700 талеровъ. Есть довольно восточныхъ рукописей, на которыя я только взглянулъ. Показывали мнѣ еще Лютеровъ Нѣмецкой манускриптъ; но я почти совсѣмъ не могъ разобрить его, не читавъ никогда рукописей того вѣка.—Книги давать на домъ запрещено; однакожь извѣстный человѣкъ, задобривъ деньгами помощника Библіотекарскаго, можетъ имѣть нѣкоторыя. Такимъ образомъ Д** взялъ для меня Николаево описаніе Берлина, которое хотѣлось мнѣ просмотрѣть. Библіотекою управляетъ нынѣ Г. Докторъ Бистеръ, который и живетъ въ семъ большомъ домѣ.

За столомъ у Господина Блума сидѣло человѣкъ тридцать: Офицеровъ, купцовъ и важныхъ Сак-

сонскихъ Бароновъ, пріѣхавшихъ въ Берлинъ на праздники. Теперь все готовится ко встрѣчѣ Штат-гальтерши, которая послѣ завтра будетъ сюда изъ Потсдама вмѣстѣ съ Королемъ. Объ этомъ только и говорятъ; да о разбойникахъ, которые близъ Ораніенбурга разбили почту. — Ввечеру Д*** водилъ меня въ звѣринецъ. Онъ простирается отъ Берлина до Шарлотенбурга, и состоитъ изъ разныхъ алей: однѣ идутъ во всю длину его, другія поперегъ, иныя вкось и перепутываются: славное гульбище! Долго искалъ я того мѣста, о которомъ нѣкогда нашъ А*** писалъ ко мнѣ слѣдующее: «Я нашелъ въ звѣринцѣ длинную алею, состоящую изъ древнихъ соснъ; мрачность и непремѣняющаяся зелень деревъ производятъ въ душѣ нѣкоторое священное благоговѣніе. Не забуду я одного утра, когда, гуляя въ звѣринцѣ одинъ, и предавшись стремленію своего воображенія, которое, какъ извѣстно тебѣ, склонно къ пасмурнымъ представленіямъ, вступилъ я нечаянно въ сію алею. До того мѣста освѣщало меня лучезарное солнце; но вдругъ исчезъ весь свѣтъ. Я поднялъ глаза, и увидѣлъ передъ собою сей путь мрачности. Только вдали при выходѣ видѣнъ былъ свѣтъ. Я остановился и долго глядѣлъ. Наконецъ одна мысль пробудила меня.... Не есть ли — думалъ я — не есть ли тьма сія изображеніе твоего состоянія, когда ты, разлучившись съ тѣломъ, вступишь въ неизвѣстный тебѣ путь? Мысль сія такъ во мнѣ усилилась, что я уже представилъ себя облегченнаго отъ земнаго бремени, идущаго къ оному вдали

свѣтящемуся свѣту, и—— съ того времени всякой разъ, когда бываю въ звѣринцѣ, захожу туда, и часто поминаю тебя. «Любезный меланхоликъ! я самъ думалъ о тебѣ, вступая въ сію алею, и стоялъ, можетъ быть, точно на томъ мѣстѣ, гдѣ ты обо мнѣ думалъ. Можетъ быть, ты опять здѣсь стоять будешь, но я буду далеко, далеко отъ тебя!

Въ звѣринцѣ много кофейныхъ домовъ. Мы заходили въ одинъ изъ нихъ, чтобы утолить жажду бѣлымъ пивомъ, которое мнѣ очень не полюбилось.—Садъ Принца Фердинанда, въ который мы прошли изъ звѣринца, отворенъ для всѣхъ порядочно-одѣтыхъ людей. Я не взялъ бы тысячи такихъ садовъ за звѣринецъ. Тутъ прогуливался самъ Принцъ, и съ угрюмымъ видомъ оплатилъ намъ поклонъ.—Бьетъ часъ.

—

Іюля 1.

Нынѣ по утру, побывавъ у Господина М**, къ которому было у меня письмо отъ Князя Д**, я видѣлся съ извѣстнымъ Николаемъ, Авторомъ и книгопродавцемъ, живущимъ въ той же улицѣ, гдѣ я живу, т. е. въ Brüderstrasse. Онъ встрѣтилъ меня съ такою ловкостію, съ такою учтивостію, какой бы не лзя было ожидать отъ Нѣмецкаго Ученаго и книгопродавца. «Васъ знаютъ и въ Россіи, ска-

залъ я ему: знаютъ, что Нѣмецкая Литтература обязана вамъ частію своихъ успѣховъ. Пріѣхавъ въ Берлинъ, спѣшилъ я видѣть друга Лессингова и Мендельсона.» — Благодарю васъ, отвѣчалъ онъ съ улыбкою, и посадилъ меня на софѣ. Съ путешестввенникомъ всего ближе говорить о путешествіяхъ: и такъ, услышавъ, что я ѣду въ Швейцарію, началъ онъ говорить со мною о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя можно имѣть въ этой примѣчанія достойной землѣ, гдѣ онъ самъ былъ за нѣсколько лѣтъ передъ симъ. Но скоро обратилъ я разговоръ на Берлинской Іезуитизмъ. Надобно знать, что съ нѣкотораго времени начали писать въ Германіи—или, лучше сказать, въ Берлинѣ, и Николай первый подалъ къ тому мысль — будто есть тайные Іезуиты, которые всѣми силами стараются снова овладѣть Европою; будто Калліостро и подобные суть ихъ Миссіонеры, которые, обольщая легковѣрныхъ людей пышными обѣщаніями, порабощаютъ ихъ власти тайныхъ Іезуитскихъ начальниковъ и проч. и проч. Съ сего времени стали вездѣ искать скрытыхъ Іезуитовъ: между Учеными и неучеными, между Пасторами и солдатами. Въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ Писателей нашли что-то Іезуитское. Началась ужасная война, и Берлинской журналъ, издаваемый Бистеромъ и Гедике, избранъ былъ въ театръ сей войны. Съ Іезуитизмомъ слили въ одно Католицизмъ; доказывали, что *тотъ* и *тотъ* изъ извѣстныхъ Протестантскихъ Ученыхъ тайно приняли Католическую Религію; что они опасные люди, и проч. Тѣ, кото-

рыхъ паименовали, разсердились и начали браниться или отбраниваться, доказывая, что Берлинцы бредятъ. Все это еще и нынѣ продолжается. Вотъ что сказалъ мнѣ Николай:

«Извѣстно, что Іезуиты имѣли вездѣ связи; что у нихъ были свои банки, свои банкиры. Общество ихъ хотя и называло Папу своимъ покровителемъ, но цѣль его была тайная, и сокрывалась во внутренности Ордена. Папа, лишивъ Орденъ своего покровительства, могъ ли уничтожить существо его? Могъ ли заставить внутреннихъ начальниковъ, или хранителей тайны, отказаться отъ ихъ цѣли? Не уже ли закрылись всѣ тайные каналы, черезъ которые они дѣйствовали? Не уже ли исчезли всѣ банки ихъ?—Я предложилъ свои чаянія, и хотѣлъ только возбудить вниманіе къ сему предмету. Гипотеза моя, казалось, могла изъяснить нѣкоторыя явленія нашихъ временъ.—Что принадлежитъ до Католицизма, то всякой Протестантъ имѣетъ причину не желать его распространенія. Мы, слава Богу! можемъ обо всемъ разсуждать, можемъ пользоваться своимъ разумомъ; но духъ Католицизма не терпитъ никакой свободы въ умствованіяхъ, и налагаетъ цѣпи на разумъ. Если вы читаете книги, выходящія въ Германіи, то конечно замѣтили великую розницу между тѣми, которыя печатаются въ Протестантскихъ и Католическихъ земляхъ: гдѣ болѣе просвѣщенія?—Все это очень хорошо, сказалъ я; но за чѣмъ съ такою жестокостію писать противъ нѣкоторыхъ почтеннѣйшихъ мужей Германіи, для того единственно,

что они сомнѣваются въ существованіи тайныхъ Іезуитовъ, и въ томъ, чтобы Католики могли нынѣ быть опасны Протестантамъ? Признаться вамъ, я не могъ безъ досады читать колкаго отвѣта Доктора Бистера Господину Гарве, одному изъ первыхъ вашихъ Философовъ, который съ такою скромностію предложилъ свои сомнѣнія.— «Однакожь Гарве, отвѣчалъ Николай, перемѣнилъ свои мысли; мы съ нимъ нарочно для этаго видѣлись. Не надобно думать, чтобы Католики совсѣмъ перестали нынѣ стараться обращать Протестантовъ въ свое исповѣданіе. Извѣстно ученіе ихъ Церкви, что въѣ ея нѣтъ спасенія: и такъ они, по нѣкоторому человѣколюбію, хотятъ распространить ея область. Однимъ словомъ, осторожность была нужна.— Впрочемъ всякой отвѣчаетъ за себя. Если нѣкоторые зашли слишкомъ далеко, я не виновать. Только во многомъ насъ *хотятъ* криво толковать: къ чему Штаркъ * и подобные имѣютъ свои причины. Правда, что дѣло, дѣлаемое съ добрымъ намѣреніемъ, можетъ имѣть нѣкоторыя худыя слѣдствія; но если оно имѣетъ несравненно болѣе добрыхъ, то не лзя не назвать его хорошимъ дѣломъ.» —Завтра ѣдетъ Николай къ водамъ. Путешествіе есть для меня лекарство, сказалъ онъ.

* Придворный Дармштатской Проповѣдникъ, котораго Берлинцы объявили тайнымъ Католикомъ, Іезуитомъ, мечтателемъ; который судился съ Издателями Берлинскаго Журнала гражданскимъ судомъ, и писалъ цѣлыя книги противъ своихъ обвинителей.

Я записалъ ему на карточкѣ свое имя, и пожелалъ щастливаго пути. Потомъ онъ также учтиво проводилъ меня, какъ встрѣтилъ. — Жаль, что онъ ѣдетъ. Я хотѣлъ бы еще поговорить съ нимъ о нѣкоторыхъ вещахъ въ досужные для него часы. Признаться, сердце мое не можетъ одобрить тона, въ которомъ Господа Берлинцы пишутъ. Гдѣ искать терпимости, естли самые Философы, самые просвѣтители — а они такъ себя называютъ — оказываютъ столько ненависти къ тѣмъ, которые думаютъ не такъ, какъ они? Тотъ есть для меня истинный Филосовъ, кто со всѣми можетъ ужиться въ мірѣ; кто любитъ и несогласныхъ съ его образомъ мыслей. Должно показывать заблужденія разума человѣческаго, съ благороднымъ жаромъ, но безъ злобы. Скажи человѣку, что онъ ошибается, и почему; но не поноси сердца его, и не называй его безумцемъ. Люди, люди! подъ какимъ предлогомъ вы себя не мучите! — Лафатеръ есть одинъ изъ тѣхъ, которыхъ Берлинцы бранятъ при всякомъ случаѣ; и естли онъ у нихъ не совершенный Іезунтъ, то по крайней мѣрѣ великой мечтатель. Я къ Лафатеру не пристрастенъ, и обо многомъ думаю совсѣмъ не такъ, какъ онъ думаетъ; однакожь увѣренъ, что его Физіогномическіе Фрагменты будутъ читаемы и тогда, когда забудутъ, что жилъ на свѣтѣ почтенный Докторъ Бистеръ. Но оставимъ ихъ. — Что принадлежитъ до Николаевой паружности, то въ ней хотя и нѣтъ ничего особеннаго, привлекательнаго, однакожь есть что-то почтенное. Онъ высокъ, худощавъ, смуглъ. Ла-

фатеръ въ Физиогномикѣ своей говоритъ, что высокой лобъ его показываетъ весьма разсудительнаго человека.

У Г. Блума живетъ одинъ молодой Шведской купецъ. Нынѣ, когда мы сидѣли за столомъ, пришелъ къ нему Секретарь пхъ Посольства, и вызвалъ его. Минутъ черезъ пять возвратился нашъ Шведъ съ веселою улыбкою, и объявилъ всему столу, что Шведы въ одномъ дѣлѣ одержали верхъ надъ Рускими. Секретарь Датскаго Посольства, который тутъ же обѣдалъ, началъ смѣяться надъ его патріотическою ревностію. Прусскіе Офицеры хотѣли знать подробности дѣла, но Шведъ самъ не зналъ ихъ. Да еще вѣрить ли вашей побѣдѣ? сказалъ Датчанинъ: мы будемъ ждать подтвержденія. — Какого подтвержденія! закричалъ Шведъ: я вамъ ручаюсь. Датчанинъ смѣялся, а Шведъ горячился. Между тѣмъ Г. Блумъ, подошедши ко мнѣ, крайне упрашивалъ меня не входить въ разговоръ. «За чѣмъ вамъ тутъ мѣшаться? Вы видите, что Шведъ очень горячъ. Сохрани Боже, если бы что нибудь вышло у васъ съ нимъ въ моемъ домѣ!» Я увѣрялъ его, что ссоры у насъ не будетъ; но послѣ стола не могъ утерпѣть, чтобы не подойти къ Шведу и не вступить съ нимъ въ разговоръ. Г. Блумъ тотчасъ подлетѣлъ къ намъ, и посматривалъ то на меня, то на него, будучи готовъ затушить огонь при первомъ его воспыланіи. Однакожъ мы довольно спокойно разговаривали. Шведъ былъ въ Россіи, и по мундиру моему тотчасъ узналъ, что я Руской. При началѣ войны

меня выслали изъ Петербурга, сказалъ онъ, хотя мнѣ очень хотѣлось пожить тамъ. Жалуйтесь на своего Короля, отвѣчалъ я, который объявилъ намъ войну безъ всякой справедливой причины. Тутъ Блумъ дернулъ меня за полу, боясь, чтобы Шведъ не разсердился; но онъ съ улыбкою сказалъ: Короли поступаютъ не по тѣмъ правиламъ, которыя для насъ, частныхъ людей, должны быть закономъ. «Это говоритъ Фридрихъ,» сказалъ сквозь зубы Прусской Маіоръ, сидѣвшій за столомъ. Тутъ пришелъ ко мнѣ Д***, и Г. Блумъ былъ очень радъ, что я убрался въ свою комнату. Онъ боялся поединка.

Послѣ обѣда былъ я въ Гарнизонной церкви, и видѣлъ монументы и портреты славныхъ воиновъ. Тамъ Клейстъ подлѣ Шверина и Винтерфельда, любезный Клейстъ, бессмертный пѣвецъ Весны, Герой и патріотъ. Знаете ли вы конецъ его? Въ 1759 году, въ жаркомъ сраженіи при Куммерсдорфѣ, командовалъ онъ баталіономъ, и взялъ три батареи. У правой руки отстрѣлили у него два пальца: онъ взялъ шпагу въ лѣвую. Пулею прострѣлили ему лѣвое плечо: онъ взялъ шпагу опять въ правую руку. Въ самую ту минуту, какъ храбрый Клейстъ уже готовъ былъ лѣзть на четвертую батарею, картеча раздробила ему правую ногу. Онъ упалъ и закричалъ своимъ солдатамъ: *Друзья! не покиньте Короля!* Наѣхали козаки, раздѣли Клейста и бросили въ болото. Кто не подивится тому, что онъ въ сію минуту смѣялся отъ всего сердца надъ странною физіогноміею и ухватками одного

козака, который снималъ съ него платье? Наконецъ отъ слабости заснулъ онъ такъ покойно, какъ бы въ палаткѣ. Ночью нашли его наши гусары, вытащили на сухое мѣсто, положили близь огня на солому, и закрыли плащомъ. Одинъ изъ нихъ хотѣлъ всунуть ему въ руку нѣсколько талеровъ; но какъ онъ не принялъ сего подарка, то гусаръ съ досадою бросилъ деньги на плащъ и ускакалъ съ своими товарищами. Поутру увидѣлъ Клейстъ нашего Офицера, Барона Бульдберга, и сказалъ ему свое имя. Баронъ тотчасъ отправилъ его во Франкфуртъ. Тамъ перевязали ему раны, и онъ спокойно разговаривалъ съ Философомъ Баумгартеномъ, нѣкоторыми Учеными и нашими Офицерами, которые посѣщали его. Черезъ нѣсколько дней умеръ Клейстъ съ твердостію Стоического Философа. Всѣ наши Офицеры присутствовали на его погребеніи. Одинъ изъ нихъ, видя, что на гробѣ у него не было шпаги, положилъ свою, сказавъ: *у такого храбраго Офицера должна быть шпага и въ могилѣ.* — Клейстъ есть одинъ изъ любезныхъ моихъ Поэтовъ. Весна не была бы для меня такъ прекрасна, если бы Томсонъ и Клейстъ не описали мнѣ всѣхъ красотъ ея.

—

Іюля 2.

Нынѣ пріѣхалъ сюда Король съ своею гостьею, Штатгальтершею. Не можете вообразить, что за

пышная была ей встрѣча! Всѣ граждане стояли въ ружьѣ, и никакая сорочья стая не можетъ такъ нестриться, какъ пестрился этотъ фрунтъ. Офицеры отличался отъ рядовыхъ только тѣмъ, что у нихъ косы привиты были гораздо круче. Въ ожиданіи Штатгальтерши тянули они всѣмъ фрунтомъ водку, и такъ неосторожно, что нѣкоторые стукались лбами. Капитаны ходили и увѣщевали своихъ согражданъ отмахнуть на караулъ мастерски. «И конечно, конечно! кричали они: мы не ударимъ себя лицомъ въ грязь.» Не лзя было не смѣяться этому фарсу.—Купцы, всѣ въ красныхъ кафтанахъ, подъ пачальствомъ одного банкира, выѣзжали встрѣчать Штатгальтершу за городъ.— И за то, что я посмѣялся надъ Берлинскими гражданами и взглянулъ на Штатгальтершу и Прусскаго Короля, вымочилъ меня дождь. Теперь начнутъ здѣсь пирѣ. — Иду въ Театръ.

Въ 10 часовъ ночи. Давно уже не былъ я такъ пріятно растроганъ, какъ нынѣ въ Театрѣ. Представляли Драму: *Ненависть къ людямъ и раскаяніе*, сочиненную Господиномъ Коцебу, Ревельскимъ жителемъ. Авторъ осмѣлился вывести на сцену невѣрную жену, которая, забывъ мужа и дѣтей, ушла съ любовникомъ; но она мила, несчастлива — и я плакалъ какъ ребенокъ, не думая осуждать сочинителя. Сколько бываетъ въ свѣтѣ подобныхъ исторій!..... Коцебу знаетъ сердце. Жаль только, что онъ въ одно время заставляетъ зрителей и плакать и смѣяться! Жаль, что не имѣетъ вкуса или не хочетъ его слушаться! По-

слѣдняя сцена въ піесѣ несравненна. — Г. Флекъ играетъ ролю мужа съ такимъ чувствомъ, что каждое слово его доходитъ до сердца. По крайней мѣрѣ я еще не видывалъ такого Актера. Въ немъ соединены великія природныя дарованія съ великимъ искусствомъ. Гж. Унцельманъ представляетъ жену очень трогательно. Въ игрѣ ея обнаруживается какая-то нѣжная томность, которая дѣлаетъ ее любезною для зрителя. — Я думаю, что у Нѣмцовъ не было бы такихъ Актеровъ, если бы не было у нихъ Лессинга, Гете, Шиллера и другихъ Драматическихъ Авторъ, которые съ такою живостию представляютъ въ Драмахъ своихъ человека, каковъ онъ есть, отвергая всѣ излишнія украшенія, или Французскія румяны, которыя человеку съ естественнымъ вкусомъ не могутъ быть пріятны. Читая Шекспира, читая лучшія Нѣмецкія Драмы, я живо воображаю себѣ, какъ надобно играть Актеру, и какъ что произнести; но при чтеніи Французскихъ Трагедій рѣдко могу представить себѣ, какъ можно въ нихъ играть Актеру хорошо, или такъ, чтобы меня тронуть. — Вышедши изъ Театра, обтеръ я на крыльцѣ послѣднюю сладкую слезу. Повѣрите ли, друзья мои, что нынѣшній вечеръ причисляю я къ счастливейшимъ вечерамъ моей жизни? И пусть теперь доказываютъ мнѣ, что Изящныя Искусства не имѣютъ вліянія на щастіе наше! Нѣтъ, я буду всегда благословлять ихъ дѣйствіе, пока сердце будетъ биться въ груди моей — пока будетъ оно чувствительно!

Вчера въ шесть часовъ утра поѣхали мы съ Д* верхомъ въ Потсдамъ. Ничего нѣтъ скучнѣе этой дороги: вездѣ глубокой песокъ, и никакихъ занимательныхъ предметовъ въ глаза не попадается. Но видъ Потсдама, а особливо *Санъ-Суси*, очень хорошъ. Мы остановились въ трактирѣ, не доѣзжая до городскихъ воротъ, и заказавъ обѣдъ, пошли въ городъ. У воротъ записали наши имена; однакожь въ разсужденіи допросовъ нынѣ нѣтъ уже такой строгости, какъ прежде. Покойный Король, живучи въ Потсдамѣ, хотѣлъ знать обо всѣхъ пріѣзжихъ. — На парадномъ мѣстѣ противъ дворца, которое украшено Римскими колоннадами, училась гвардія: прекрасные люди, прекрасные мундиры! Видъ дворца со стороны сада очень хорошъ. Городъ вообще прекрасно выстроенъ; въ большой, такъ называемой *Римской улицѣ* много великолѣпныхъ домовъ, строенныхъ отчасти по образцу огромнѣйшихъ Римскихъ палатъ, и на собственные деньги покойнаго Короля: онъ дарилъ ихъ, кому хотѣлъ. Теперь сіи огромныя зданія пусты, или занимаются солдатами. Жителей очень мало: причиною то, что нынѣшній Король совсѣмъ оставилъ сей городъ, предпочитая ему Шарлотенбургъ. Не для того ли противенъ ему Потсдамъ, что онъ, будучи Принцомъ, имѣлъ тамъ много неудовольствій и досадъ? Вообразите, что цѣлый домъ въ два этажа можно нанять тамъ за пятьдесятъ рублей въ годъ; да и то нанимать не кому.

На дверяхъ большихъ домовъ висятъ солдатскія сумы, камзолы и проч. Коротко сказать, Потсдамъ кажется такимъ городомъ, изъ котораго жители удалились, слыша о приближеніи непріятеля, и въ которомъ остался только гарнизонъ для его защиты. Не можете вообразить, какъ печаленъ сей видъ пустоты!

Въ Потсдамѣ есть Русская церковь подъ надзираніемъ стараго Русскаго солдата, который живетъ тамъ со временъ царствованія Императрицы Анны. Мы насилу могли сыскать его. Дряхлой старикъ сидѣлъ на большихъ креслахъ, и слыша, что мы Рускіе, протянулъ къ намъ руки, и дрожащимъ голосомъ сказалъ: *Слава Богу! Слава Богу!* Онъ хотѣлъ сперва говорить съ нами по-Руски; но мы съ трудомъ могли разумѣть другъ друга. Намъ надлежало повторять почти каждое слово; а что мы съ товарищемъ между собою говорили, того онъ никакъ не понималъ, и даже не хотѣлъ вѣрить, чтобы мы говорили по-Руски. «Видно, что у насъ на Руси языкъ очень перемѣнился, сказалъ онъ: или я, можетъ быть, забываю его.» И то и другое правда, отвѣчали мы. «Пойдемте въ церковь Божію, сказалъ онъ, и помолимся вмѣстѣ, хотя нынѣ и нѣтъ праздника.» Старикъ насилу могъ передвигать ноги. Сердце мое наполнилось благоговѣніемъ, когда отворилась дверь въ церковь, гдѣ столько времени царствуетъ глубокое молчаніе, едва перерываемое слабыми вздохами и тихимъ голосомъ молящагося старца, который по Воскресеньямъ приходитъ туда читать святѣйшую изъ

книгъ, приготовляющую его къ блаженной вѣчности. Въ церкви все чисто. Церковная утварь и книги хранятся въ сундукѣ. Отъ времени до времени старикъ перебираетъ ихъ съ молитвою. «Часто отъ всего сердца, сказалъ онъ, сокрушаюсь я о томъ, что по смерти моей, которая отъ меня конечно уже не далеко, не кому будетъ смотрѣть за церковью.» — Съ полчаса пробыли мы въ семъ священномъ мѣстѣ; простились съ почтеннымъ старикомъ и пожелали ему—тихой смерти.

Послѣ обѣда были мы въ Санъ-Суси. Сей увеселительный замокъ лежитъ на горѣ, откуда можно видѣть городъ со всеми окрестностями: что составляетъ весьма пріятную картину. Здѣсь жилъ не Король, а Философъ Фридрихъ — не Стоической и не Циникъ — но Философъ любившій удовольствія и находившій ихъ въ Изящныхъ Искусствахъ и Наукахъ. Онъ хотѣлъ соединить здѣсь простоту съ великолѣпіемъ. Домъ низокъ и малъ; но, взглянувъ на него, всякой назоветъ его прекраснымъ. Внутри комнаты отдѣланы со вкусомъ и богато. Въ круглой мраморной залѣ надобно удивляться колоннамъ, живописи и прекрасно набранному полу. Комната, гдѣ Король бесѣдовалъ съ мертвыми и живыми Философами, убрана вся кедровымъ деревомъ. Съ горы, срытой уступами, (которые одинъ другой закрываютъ, такъ, что взглянувъ снизу вверхъ, видишь только одну зеленую гладкую гору) сошли мы въ пріятный садъ, украшенный мраморными фигурами и группами. Здѣсь гулялъ Фридрихъ съ своими Вольтерами и Даламбертами.

Гдѣ ты теперѣ? думалъ я. Сажень земли вмѣстила прахъ твой. Любезныя мѣста твои, для украшенія которыхъ призывалъ ты лучшихъ художниковъ, теперь осиротѣли и пусты.—Изъ сада прошли мы въ паркъ, гдѣ встрѣчается глазамъ Японской домикъ на лѣвой сторонѣ главной алеи; а далѣе, перешедши черезъ каменной мостъ, видишь на обѣихъ сторонахъ прекрасныя храмики. Мы прошли къ *новому дворцу*, построенному покойнымъ Королемъ со всею царскою пышностію. Внутренность еще великолѣпнѣе внѣшности; и дивясь богатству, дивишься и вкусу, который видѣнъ въ уборѣ комнатъ. Болѣе шести милліоновъ талеровъ стоилъ Королю сей дворецъ. — Правда, я былъ тутъ не въ такомъ расположеніи, въ какомъ надобно разсматривать пышныя произведенія искусствъ. Кровь моя волновалась, голова болѣла, и я насилу могъ ходить. Оставивъ дворецъ, поѣхали мы назадъ въ городъ, чтобы отдохнуть нѣсколько въ томъ трактирѣ, гдѣ обѣдали.

День склонялся къ вечеру, и надобно было думать о возвращеніи. Вода съ виномъ освѣжила меня, и мы поѣхали назадъ въ Берлинъ по Шарлотенбургской дорогѣ. Мнѣ хотѣлось видѣть сей городокъ. Товарищъ мой тутъ не ѣзжалъ; но всѣ увѣряли насъ, что намъ не лзя сбиться съ дороги. Чѣмъ далѣе ѣхали мы, тѣмъ хуже мнѣ становилось. Разъ шесть сходилъ я съ лошади и отдыхалъ на травѣ. Ночь застала насъ въ большомъ лѣсу. Наконецъ я такъ ослабѣлъ, что не могъ ни ѣхать, ни итти пѣшкомъ, и какъ полумертвый ле-

жалъ подъ деревомъ съ закрытыми глазами. Въ лѣсу царствовала глубокая тишина. Товарищъ мой стоялъ подлѣ меня, держа обѣихъ лошадей, и говорилъ, не зная, какъ мнѣ помочь. Однимъ словомъ, насъ можно было въ эту минуту изобразить на одномъ изъ тѣхъ эстамповъ, которыми украшаются модные романы! Д** вздумалъ-было искать по близости какого нибудь селенія, нанять телѣгу и везти меня въ Берлинъ; но какъ же было остаться мнѣ одному, ночью, въ лѣсу и въ такой слабости? Пруссія не Аркадія, и нашъ вѣкъ не золотой: меня могли ограбить, а со мною было все мое богатство. Наконецъ, черезъ часъ, я всталъ, и пожавъ руку у моего любезнаго товарища, сказалъ ему, что мнѣ лучше. Съ версту прошли мы пѣшкомъ, и сѣли на лошадей. Смертельная жажда томила меня, и за стаканъ воды отдалъ бы я половину своихъ червонцевъ. Шарлотенбургъ былъ отъ насъ еще не близко. Нѣсколько разъ надѣялись мы видѣть его, подѣзжали и видѣли — лѣсъ и мракъ. Наконецъ пріѣхали въ городъ; и съ жадностію, какой еще никогда въ жизни своей не чувствовалъ, лилъ я въ себя холодную воду. До Берлина оставалась одна миля. Мнѣ хотѣлось какъ нибудь добраться до мѣста и мы въѣхали въ алею звѣринца. Луна возшла надъ нами; ясной свѣтъ ея разливался по зелени листьевъ; тихой и чистой воздухъ упитанъ былъ благовонными испареніями липъ. И я могъ жаловаться въ сіи минуты — тогда, какъ мать Природа дышала ароматами вокругъ меня? Эта ночь оставила во мнѣ какія-то романическія, пріятныя

впечатлѣнія. — Городскія ворота были уже затворены; однакожь насъ впустили.

Нынѣ поутру всталъ я совершенно здоровъ, одѣлся и поѣхалъ къ Господину М^{**}. Онъ повезъ меня къ Формею, Секретарю Берлинской Академіи, который принялъ насъ ласково. Сей старикъ все еще бодръ и веселъ. Онъ читалъ намъ письмо, полученное имъ изъ П^{*} отъ своего родственника, который всякую недѣлю пишетъ къ нему, и не щадя бумаги. «Не повѣрите, съ какимъ удовольствіемъ я все это читаю!» сказалъ онъ. Г. Формей былъ знакомъ съ Вольтеромъ, и рассказывалъ намъ нѣкоторые анекдоты касательно до его пребыванія въ Берлинѣ. — Въ слѣдующій Четвертокъ будетъ собраніе въ Берлинской Академіи, въ которое угодно было Господину Формею пригласить меня. Мы поѣхали къ зятю его, Господину М^{**}, Профессору, содержателю большаго пансіона и также Члену Академіи. Онъ показывалъ намъ минеральный кабинетъ и библіотеку сестры покойнаго Короля, состоящую изъ Французскихъ, Англійскихъ, Италіянскихъ и Нѣмецкихъ книгъ — Философовъ, Историковъ и Поэтовъ. — Послѣ обѣда я былъ у Графа Н^{**}: объ немъ ни слова! Говорятъ, что онъ въ старину имѣлъ имя остроумнаго человѣка въ свѣтѣ. Австрійскій Посолъ, Князь Р^{*}, бывшій у него въ гостяхъ, казался мнѣ ласковѣе хозяина.

Я поѣхалъ въ Оперу. Оперный домъ великъ и очень хорошъ. Тутъ видѣлъ я всю Королевскую фамилію и Штатгальтершу съ дочерью. Играли Оперу Медею, въ которой пѣла Тоди. Я слышалъ

эту славную пѣвицу еще въ Москвѣ, и скажу — можетъ быть къ стыду своему — что ея пѣніе мало трогаетъ мое сердце. Для меня не пріятно видѣть напряженіе, съ которымъ она поетъ. Впрочемъ, будучи только любителемъ музыки, не могу цѣнить искусства ея. Что принадлежитъ до декораций, то онѣ были великолѣпны.

=

Іюля 5.

Нынѣ былъ я у старика Рамлера, Нѣмецкаго Горація. Самый почтенный Нѣмецъ! Ваши сочиненія, сказалъ я ему, почитаются у насъ классическими. Ему пріятно было слышать, что и въ Россіи читаютъ его стихи и знаютъ ихъ цѣну. Рамлеръ напился духомъ древнихъ, а особливо Латинскихъ Поэтовъ. Въ Одахъ его есть истинные восторги, высокое пареніе мыслей и языкъ вдохновенія. Только иногда присвоиваетъ онъ себѣ и чужіе восторги, и заимствуетъ огонь у Горація или другихъ древнихъ Поэтовъ — правда, всегда искуснымъ образомъ. Теперь онъ уже прожилъ вѣкъ Поэзіи. Въ новыхъ его піесахъ надобно удивляться круглости, чистотѣ и гармоніи, т. е. искусству его въ механизмѣ стихотворства; но въ нихъ нѣтъ уже піитическаго жара, который всегда съ лѣтами проходитъ. Кажется, что онъ самъ это чувствуетъ, и потому нынѣ мало сочиняетъ. Главное его

упражненіе съ нѣкотораго времени состоитъ въ переводахъ Римскихъ Поэтовъ, въ которыхъ почти всегда соблюдаетъ мѣру оригинала. Сіи піесы, печатаемыя въ Берлинскомъ Журналѣ, могутъ служить примѣромъ въ искусствѣ переводить. «Теперь, сказалъ онъ мнѣ, принялся я за Марціала. Только немногія изъ его эпиграммъ были до его времени извѣстны на Нѣмецкомъ языкѣ. Самъ Лессингъ перевелъ нѣкоторыя, не упоминая Марціалова имени.» — Еще при жизни Геснеровой началъ онъ перекладывать въ стихи его Идилліи. «Я подражаю Сократу — писалъ онъ къ Автору, своему другу — который въ старости своей перелагалъ въ стихи Езоповы басни.» Искусные Критики не довольны трудомъ его. Легкость и простота Геснерова языка, говорятъ они, пропадаетъ въ экзаметрахъ. Къ тому же въ Идилліяхъ Швейцарскаго Теокрита есть какая-то гармонія, которая не уступаетъ гармоніи стиховъ. Но Рамлеръ думаетъ, и мнѣ сказалъ, что Геснеровы Идилліи были единственно потому несовершенны, что Авторъ писалъ ихъ не экзаметрами. — Стихи свои, еще въ рукописи, читаетъ онъ одной пріятельницѣ, которая, не будучи ученою, имѣетъ природное нѣжное чувство изящнаго. «Иногда, сказалъ онъ мнѣ, я спорю съ нею, когда она находитъ что нибудь противное въ моихъ сочиненіяхъ. Говорите, что хотите, отвѣчаетъ она: я не могу опровергать васъ, но остаюсь при своемъ чувствѣ. Наконецъ, подумавъ хорошенько, нахожу, что она права, и винюсь передъ нею.» — Мнѣ пришла на мысль Аспазія, которой

Аѳинскіе пѣвцы отдавали на судъ свои творенія; ушамъ ея вѣрили они болѣе, нежели своимъ — и я думаю, что женщины вообще могутъ чувствовать нѣкоторыя красоты Поэзіи живѣе мужчинъ. — Рамлеръ возстаетъ противъ Греческихъ митологическихъ именъ, которыя Графъ Штолбергъ, Фосъ и другіе удерживали въ своихъ переводахъ. Мы уже привыкли къ Латинскимъ, говоритъ онъ: на что переучивать насъ безъ всякой нужды? — Онъ очень любитъ Театръ, и все, что я слышалъ отъ него объ искусствѣ представленія, мнѣ очень полюбилось. Славный Экгофъ утверждалъ, что Актеру не надобно чувствовать для того, чтобы хорошо играть; естли не ошибаюсь, то и Энгель въ своей Мимикѣ то же говоритъ: но Рамлеръ думаетъ противное, и кажется, справедливѣе ихъ. Въ разговорѣ о Лейпцигскихъ Ученыхъ упомянулъ я о Вейсѣ. «Вейсе лучший другъ мой,» сказалъ онъ, и указалъ мнѣ на стѣнѣ портретъ его. — Наконецъ я простился съ нимъ, и онъ на память подарилъ мнѣ Оду, сочиненную имъ нынѣшнему Королю, или, лучше сказать, кантатъ, выбранный изъ псалмовъ. — Рамлеръ высокъ, худощавъ, долгоносъ; говоритъ отборно и протяжно.

Нынѣ представляли Донъ Карлоса, Шиллерову Трагедію. Несчастная любовь Принца къ его махихѣ Елисаветѣ, которая прежде была его невестою, есть содержаніе сей Трагедіи. Характеръ Короля Филиппа II, о которомъ Исторія говоритъ столько худаго и добраго; который, для истребленія ереси, проливалъ кровь человѣческую, но услы-

шавъ о погребели флота своего, разсѣяннаго вѣтромъ и разбитаго Англичанами, равнодушно сказалъ: *Я послалъ его противъ Англичанъ, а не противъ вѣтровъ: буди воля Божія!* и сіе несчастіе перенесъ съ твердостію героя — сей характеръ изображенъ съ великимъ искусствомъ. Благородный и пылкій въ страстяхъ своихъ Донъ Карлосъ трогаетъ зрителя до глубины сердца. Великодушный Маркизъ Поза, другъ Принцовъ, пробуждающій въ немъ ревность къ добродѣтели и къ героическимъ дѣламъ, которую усыпила несчастная страсть, представленъ Авторомъ въ примѣръ истинно-великаго мужа. Есть трогательныя и ужасныя сцены. — Короля игралъ Флекъ, и я еще болѣе увѣрился въ томъ, что онъ великой Актеръ. Маттаушъ, молодой человѣкъ, представлявшій Донъ Карлоса, довольно хорошо выражалъ живость и пылкость Принцова характера. Къ тому же онъ очень не дуренъ собою. Что принадлежитъ до роли Маркиза Позы, то Унцельманъ игралъ ее какъ-то очень бездушно. Ему гораздо свойственнѣе представлять въ *Ненависти къ людямъ* стараго Генерала, который отъ скуки бьетъ мухъ, нежели важнаго Маркиза Позу. Ролю Королевы играла очень слабо какая-то молодая актриса. Гж. Унцельманъ трогательно представляла молодую Принцессу, влюбленную въ Принца. — Сія Трагедія есть одна изъ лучшихъ Нѣмецкихъ драматическихъ піесъ, и вообще прекрасна. Авторъ пишетъ въ Шекспировомъ духѣ. Есть только слишкомъ фигурныя выраженія (такъ какъ и у самого Шекспира), которыя хотя и показыва-

ютъ остроуміе Автора, однакожь въ Драмѣ не у мѣста.

Берлинъ, Іюля 6.

— Веди меня къ Морицу, сказалъ я нынѣ поутру наемному своему лакею. — «А кто этотъ Морицъ?» — Кто? Филиппъ Морицъ, Авторъ, Философъ, Педагогъ, Психологъ. — «Постойте, постойте! Вы мнѣ много рассказали; надобно поискать его въ календарѣ подъ какимъ нибудь однимъ именемъ. И такъ (*вынувъ изъ кармана книгу*) и такъ онъ Философъ, говорите вы? Посмотримъ.» — Простодушіе сего добраго человѣка, который съ важностію переворачивалъ листы въ своемъ всезаключающемъ календарѣ, и непременно хотѣлъ найти въ немъ роспись Философовъ, заставило меня смѣяться. Посмотри его лучше между Профессорами — сказалъ я — пока еще число любителей мудрости не извѣстно въ Берлинѣ. — *Карлъ Филиппъ Морицъ, живетъ въ* — «Пойдемъ же къ нему».

— Я имѣлъ великое почтеніе къ Морицу, читавъ его Anton Reiser, весьма любопытную психологическую книгу, въ которой описываетъ онъ собственныя свои приключенія, мысли, чувства, и развитіе душевныхъ своихъ способностей. Confessions de J. J. Rousseau, Stillings Jugendgeschichte и Anton Reiser, предпочитаю я всѣмъ системическимъ Психологіямъ въ свѣтѣ.

Человѣку съ живымъ чувствомъ и съ любопытнымъ духомъ трудно ужиться на одномъ мѣстѣ; неограниченная дѣятельность души его требуетъ всегда новыхъ предметовъ, новой пищи. Такимъ образомъ Морицъ, накопивъ отъ Профессорскаго дохода своего нѣсколько лундоровъ, ѣздилъ въ Англію, а потомъ въ Италію, собирать новыя идеи и новыя чувства. Подробное и, можно сказать, оригинальное описаніе перваго путешествія его, которое издалъ онъ подъ титуломъ *Reisen eines Deutschen in England*, читалъ я съ великимъ удовольствіемъ. О путешествіи его по Италіи, откуда онъ недавно возвратился, Нѣмецкая Публика еще ничего не знаетъ.

Я представлялъ себѣ Морица — не знаю, по чему — старикомъ; но какъ же удивился, нашедши въ немъ еще молодаго человѣка лѣтъ въ тридцать, съ румянымъ свѣжимъ лицомъ! — «Вы еще такъ молоды, сказалъ я, а успѣли уже написать столько прекраснаго!» Онъ улыбнулся. — Я пробылъ у него часъ, въ которой мы перебрали довольно различныхъ матерій.

«Ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ путешествовать, говоритъ Морицъ. Всѣ идеи, которыя мы получаемъ изъ книгъ, можно назвать мертвыми въ сравненіи съ идеями очевидца. — Кто хочетъ видѣть просвѣщенный народъ, который посредствомъ своего трудолюбія дошелъ до высочайшей степени утонченія въ жизни, тому надобно ѣхать въ Англію; кто хочетъ имѣть надлежащее понятіе о

Древнихъ, тотъ долженъ видѣть Италію.» — Онъ спрашивалъ меня о нашемъ языкѣ, о нашей Литтературѣ. Я долженъ былъ прочесть ему нѣсколько стиховъ разной мѣры, которыхъ гармонія казалась ему довольно пріятною. «Можетъ быть придетъ такое время, сказалъ онъ, въ которое мы будемъ учиться и Рускому языку; но для этаго надобно вамъ написать что нибудь превосходное.» Тутъ невольный вздохъ вылетѣлъ у меня изъ сердца. Всѣмъ новымъ языкамъ предпочитаетъ онъ Нѣмецкой, говоря, что ни въ которомъ изъ нихъ нѣтъ столько *значительныхъ* словъ, какъ въ семъ послѣднемъ. Надобно сказать, что Морицъ есть одинъ изъ первыхъ знатоковъ Нѣмецкаго языка, и что, можетъ быть, никто еще не разбиралъ его такъ философически, какъ онъ. Весьма любопытны небольшія его піесы *Ueber die Sprache in psychologischer Rücksicht*, которыя сообщаетъ онъ въ своемъ Психологическомъ Магазинѣ.— «Намъ должно всегда *соединенными силами* искать истины, говоритъ онъ: она укрывается отъ *уединеннаго* искателя, и *утомленному* Философу часто призракъ истины кажется истиною.» Морицъ въ ссорѣ съ Кампе, славнымъ Нѣмецкимъ Педагогомъ, который въ Вѣдомостяхъ разбранилъ его за то, что онъ вышелъ изъ связи съ нимъ, и не захотѣлъ болѣе печатать своихъ сочиненій въ его типографіи. «Я хотѣлъ отвѣчать ему въ такомъ же тонѣ, сказалъ Морицъ, и написалъ было уже листа два; однакожь одумался, бросилъ въ огонь написанное, и хладнокровно предложилъ Публикѣ свое оправ-

даніе.» — Странные вы люди! думалъ я: вамъ нельзя ужиться въ мирѣ. Нѣтъ почти ни одного извѣстнаго Автора въ Германіи, который бы съ кѣмъ нибудь не имѣлъ публичной ссоры; и Публика читаетъ съ удовольствіемъ бранныя ихъ сочиненія! — Adieu, Г. Профессоръ! —

Я хотѣлъ-было видѣть Энгеля, сочинителя *Свѣтскаго Философа* и *Мимики*; но, къ сожалѣнію, не засталъ его дома. Послѣ обѣда былъ на фарфоровой фабрикѣ, которая, по чистотѣ и твердости фарфора, есть одна изъ первыхъ въ Европѣ. Мнѣ показывали множество прекрасныхъ вещей, въ которыхъ надобно удивляться искусству рукъ человеческихъ.

Въ Театрѣ представляли нынѣ Шредерову *Familiengemählde*—піесу, которая не сдѣлала во мнѣ никакого пріятнаго впечатлѣнія, можетъ быть отъ того, что ее худо играли — и Оперу *Два охотника*. Въ послѣдней ролю дѣвки молошницы играла та Актриса, которая въ *Донъ-Карлосѣ* представляла Королеву: какое превращеніе! Однакожь дѣвку молошницу играетъ она лучше, нежели Королеву.

Берлинъ, Іюля 7.

Нравственность здѣшнихъ жителей прославлена отчасти съ худой стороны. Г. Ц* называетъ Берлинъ Содомомъ и Гоморомъ; однакожь Берлинъ еще не провалился, и Небесный гнѣвъ не обраща-

етъ его въ пепелъ. Въ самомъ дѣлѣ Г. Ц*, писавъ это, забылъ, что во всѣхъ семьяхъ бываютъ уроды, и что по симъ уродамъ не лзя заключать о всей семьѣ. Мудрено и людямъ считаться между собою въ добродѣтеляхъ или порокахъ, а городамъ еще мудренѣе. — Однимъ словомъ, если бы Г. Лейбъ-Медикъ и Кавалеръ былъ непристрастенъ; если бы *нѣкоторые* люди въ Берлинѣ не зацѣпили его за-живое, то бы онъ конечно не заговорилъ такимъ не-философскимъ, для Космополита и Филантропа оскорбительнымъ языкомъ.

Говорятъ, что въ Берлинѣ много распутныхъ женщинъ; но если бы Правительство не терпѣло ихъ, то оказалось бы, можетъ быть, болѣе распутства въ семействахъ — или надлежало бы выслать изъ Берлина тысячи солдатъ, множество холостыхъ, праздныхъ людей, которые конечно не по Руссовой системѣ воспитаны, и которые по своему состоянію не могутъ жениться.

Мнѣ сказывали, что однажды ввечеру въ звѣринцѣ развращенныя Берлинскія Вакханты какъ Фуріи бросились на одного несчастнаго Орфея, который уединенно гулялъ въ темнотѣ алей; отняли у него деньги, часы, и сорвали бы съ него самое платье, если бы подошедшіе люди не принудили ихъ разбѣжаться. Но когда бы рассказали мнѣ и тысячу такихъ анекдотовъ, то я все не предалъ бы анаѹемъ такого прекраснаго города, какъ Берлинъ.

Въ похвалу Берлинскихъ гражданъ говорятъ, что они трудолюбивы, и что самые богатые и знат-

ные люди не расточаютъ денегъ на суетную роскошь, и соблюдаютъ строгую экономію въ столѣ, платьѣ, экипажѣ и проч. Я видѣлъ старика Ф** ѣдущаго верхомъ на такой лошади, на которой бы, можетъ быть, и я постыдился ѣхать по городу, и въ такомъ кафтанѣ, который сшитъ конечно въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Нынѣшній Король живетъ пышнѣе своего предшественника; однакожь окружающіе его держатся по большей части старины.—Въ публичныхъ собраніяхъ бываетъ много хорошо-одѣтыхъ молодыхъ людей; въ уборѣ Дамъ видѣнъ вкусъ.

Берлинъ, Іюля 8.

Если бы изъ народной брани можно было заключать о народномъ характерѣ, то бы изъ *schwer Noth* *, любимаго Нѣмецкаго слова, путешественникъ заключилъ, что въ Нѣмцахъ много желчи; но чтобы тогда должно было заключить изъ любимой брани нашего народа?

Здѣсь стоятъ на улицахъ наемныя кареты, такъ какъ у насъ извозицы дрожки или сани. За восемь грошей—что по нынѣшнему курсу составить

* Т. е. падучая болѣзнь.

40 копѣекъ—можно ѣхать въ городъ куда угодно, только въ одно мѣсто. Карета и лошади очень изрядны.

Справедливо говорятъ, что путешественнику надобно всегда останавливаться въ первыхъ трактирахъ, не только для лучшей услуги, но и для самой экономіи. Тамъ есть всему опредѣленная цѣна, и лишняго ни съ кого не потребуютъ; а въ худыхъ трактирахъ стараюсь взять съ васъ какъ можно болѣе, если примѣтятъ, что въ кошелекѣ вашемъ есть золото. У Г. Блума плачу я за обѣдъ, который состоитъ изъ четырехъ блюдъ, 80 коп., за порцію кофе 15 коп., а за комнату въ день 50 коп. Наемный лакей всегда благодарилъ меня, когда я давалъ ему въ день полтину.

Нынѣ счелъ я, что дорога отъ Кенигсберга стоитъ мнѣ не болѣе пятнадцати червонныхъ. На обыкновенной почтѣ платятъ за милю 6 грошей или 30 копѣекъ; сверхъ того надобно давать постиліонамъ на вино.

—

За двѣ мили отъ Дрездена.

10 Іюля, 1789.

И такъ вашъ другъ уже въ Саксоніи! — Осьмага числа отправилъ я къ вамъ свой пакетъ изъ Берлина, и думалъ еще пробыть тамъ по крайней мѣрѣ недѣлю; но *l'homme propose, Dieu dispose*. Въ

тотъ же вечеръ стало мнѣ такъ грустно, что я не зналъ, куда дѣваться. Бродилъ по городу, нахлобучивъ себѣ на глаза шляпу, и тростью своею считалъ на мостовой камни; но грусть въ сердцѣ моемъ не утихала. Прошелъ въ звѣринецъ, переходилъ изъ алеи въ алею, но мнѣ все было грустно. Что же дѣлать? спросилъ я самъ у себя, останавливаясь въ концѣ длинной липовой алеи, приподнявъ шляпу и взглянувъ на солнце, которое въ тихомъ великолѣпнѣ сіяло на западѣ. Минуты двѣ искалъ я отвѣта на лазоревомъ небѣ и въ душѣ своей; въ третью нашелъ его — сказалъ: *пойдемъ далѣе!* и тростью своею провелъ на песокъ длинную змѣйку, подобную той, которую въ *Тристрамъ Шанди* начертилъ Капралъ Тримъ (vol. vi. chap. xxiv), говоря о пріятностяхъ свободы. Чувства наши были конечно сходны. Такъ, добродушный Тримъ! *nothing can be so sweet as liberty**, думалъ я, возвращаясь скорыми шагами въ городъ; и кто еще не запертъ въ клѣтку — кто можетъ, подобно птичкамъ небеснымъ, быть здѣсь и тамъ, и тамъ и здѣсь — тотъ можетъ наслаждаться бытіемъ своимъ, и можетъ быть щастливъ, и долженъ быть щастливъ.

И такъ, не дожидаясь торжественнаго собранія Берлинской Академіи, рѣшился я на другой день ѣхать. Мнѣ надлежало бы еще побывать у Гр. К*, которая звала меня къ себѣ черезъ Господина М*;

* Т. е. ничего не можетъ быть пріятнѣе свободы.

однакожь и это не могло меня остановить.—Вечеръ провелъ я очень пріятно съ любезнымъ Д*, а на другой день по утру, укладъ свой чемоданъ и расплатясь съ Господиномъ Блумомъ, отправился въ Саксонію—на ординарной почтѣ, въ открытой коляскѣ, съ двумя Студентами и однимъ молодымъ Лейпцигскимъ купцомъ.

Съ другой перемѣны поѣхалъ я на такъ называемой экстренной почтѣ. Въ проклятой Нѣмецкой фурѣ такъ растрясло меня, что и теперь чувствую боль въ груди. Сверхъ того остался у меня на щекѣ рубецъ, и я долженъ еще благодарить Судьбу, что глаза мои цѣлы. Надобно знать, что дорога къ Саксонскимъ границамъ идетъ по большей части лѣсомъ; а какъ почтовая коляска открыта и очень высока, то сидящіе въ ней безпрестанно должны нагибаться, чтобы не удариться головою объ дерево. Ввечеру я задремалъ и схватилъ отъ какого то вѣтвистаго дерева такую потщину, что у меня искры изъ глазъ посыпались. Все это вмѣстѣ заставило меня проститься съ веселыми Студентами.

Экстренная почта стоитъ почти вчетверо дороже ординарной. Миѣ даютъ пару лошадей съ коляскою, и берутъ съ меня за милю по талеру (120 коп).

Саксонскіе постиліоны отмѣнны отъ Прусскихъ только цвѣтомъ своихъ кафтановъ (на послѣднихъ синіе съ краснымъ воротникомъ, а на первыхъ желтые съ голубымъ); впрочемъ они также жалѣ-

ютъ своихъ лошадей, также любятъ пить въ корчмахъ и также грубы.

Дороги въ Саксоніи очень дурны, и отъ Берлина до сего мѣста не встрѣчалось глазамъ моимъ ни одного пріятнаго вида; только земля здѣсь, кажется, лучше обработана, нежели въ Бранденбургѣ. По крайней мѣрѣ извѣстно то, что Саксонскіе земледѣльцы вообще гораздо богатѣе Прусскихъ.

Я долженъ описать вамъ одну встрѣчу, которая оставила во мнѣ пріятныя впечатлѣнія.

Въ мѣстечкѣ или въ маленькомъ городкѣ, гдѣ я вынѣ въ полдень перемѣнялъ лошадей, Почтмейстеръ не отправлялъ меня очень долго. Я прохаживался по двору, и думалъ—не знаю, о чемъ. Знаю только, что стукъ коляски, подѣхавшей къ крыльцу почтоваго дома, перервалъ нить моихъ мыслей. Я взошелъ на крыльцо, и увидѣлъ молодую, прекрасную, нѣжную, бѣлокурую женщину, —въ маленькой черной шляпкѣ, въ Амазонскомъ зеленомъ платьѣ, съ бѣлымъ платкомъ въ рукахъ, —вышедшую изъ коляски съ пожилымъ, горбатымъ, долгоносимъ мужчиною, котораго изображеніе было бы не послѣднею піесою между Гогардскими карриатурами. Онъ подалъ ей руку, и когда они проходили мимо меня, я снялъ шляпу и поклонился красавицѣ, правда, не очень низко, для того, чтобы ни на секунду не выпустить изъ глазъ прелестей лица ея. Надобно думать, что взоръ мой стоилъ комплимента: на меня взглянули умильно, и даже ласково! Почтмейстеръ встрѣтилъ гостей въ сѣняхъ, отвелъ имъ комнату, и самъ побѣждалъ

за ключевою водою, въ которой имѣла нужду красавица для освѣженія своихъ прелестей. Дверь затворилась, и я остался одинъ въ сѣняхъ. Но развѣ эта дверь не отворяется! вздумалъ я, и тихонько отворилъ ее. Красавица стояла передъ зеркаломъ и бѣлымъ платкомъ отирала пыль съ бѣлаго лица своего; а спутникъ ея сидѣлъ на креслахъ и зѣвалъ. «Извините, сказалъ я: у меня здѣсь осталась книга.» Горбатый кавалеръ кивнулъ головою, и указалъ мнѣ книгу мою, которая лежала на столѣ. Красавица отворотилась отъ зеркала, и взглянула на меня такими быстрыми, проницательными глазами, что я вѣрно бы покраснѣлся, естъли бы у меня что нибудь дурное было на мысли; но я съ спокойствіемъ невинности смотрѣлъ на ея прекрасные голубые глаза, на ея правильный Греческой носъ, на ея розовыя губы и щеки, и любовался прелестями ея такъ, какъ молодой ваятель любитъ Микель-Анджеловою статуею, или живописецъ Рафаэлевою картиною.—Красавица сѣла, а я стоялъ противъ нее, и все еще не бралъ своей книги. «День очень жарокъ,» — сказала она пріятнымъ голосомъ, взглянувъ на своего спутника и на меня. Онъ зѣвнулъ, а я повторилъ ея слова: «день очень жарокъ.» Тутъ послѣдовало молчаніе. Зная, что женщины въ *рѣшительныхъ* случаяхъ жизни никогда не говорятъ перваго слова, я спросилъ наконецъ: не въ Дрезденъ ли вы ѣдете, сударыня? — «Нѣтъ, отвѣчала она: мы ѣдемъ въ деревню къ своему пріятелю. А вы конечно сами въ Дрезденъ ѣдете?» — Такъ, сударыня: я надѣ-

юсь быть тамъ завтра очень рано.—«Вы конечно иностранецъ, если смѣю спросить?»—Такъ, сударыня.—«Конечно Англичанинъ? потому что Англичане хорошо говорятъ по-Нѣмецки.»—Извините, сударыня: я Москвитянинъ.—«Москвитянинъ? Ахъ, Боже мой! я еще отъ роду не видывала Москвитянъ.»—А я видалъ, сказалъ горбатый кавалеръ, и началъ снова зѣвать.—«Да скажите пожалуйста, какъ вы къ намъ заѣхли?»—Изъ любопытства, сударыня.—«Надобно, чтобы вы были очень любопытны. Вѣдь вы конечно оставили въ отечествѣ своемъ много любезнаго?»—Много, сударыня, много: я оставилъ отечество и друзей.—Не знаю до чего бы мы съ нею договорились, если бы не пришелъ Почтмейстеръ съ водою, и не сказалъ мнѣ, что коляска моя готова. Я низко поклонился красавицѣ, а она пожелала мнѣ щастливаго пути.—«И только?»—Чтожь дѣлать! Не хочу лгать.

Прекрасный лужекъ, прекрасная рощица, прекрасная женщина—однимъ словомъ, все прекрасное меня радуетъ, гдѣ бы и въ какомъ бы видѣ ни находилъ его. Образъ милой Саксонки остался въ моихъ мысляхъ, къ украшенію картинной галлерей моего воображенія.—На сей послѣдней перемѣнѣ я рѣшился ночевать. Теперь бьетъ 10 часовъ. Въ четыре меня разбудятъ.

Дрезденъ, 12 Іюля.

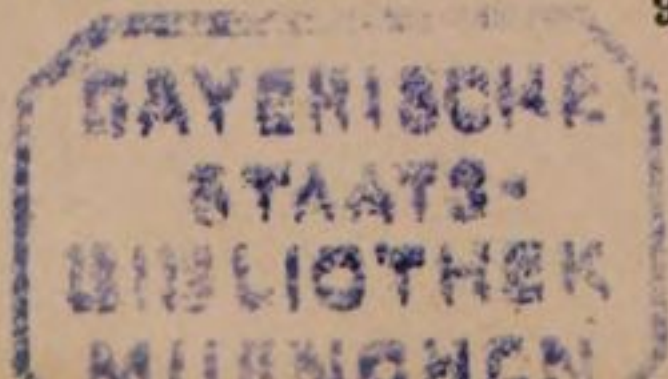
Утро было прекрасное; птички пѣли, и молодые олени играли на дорогѣ. Тутъ вдругъ открылся мнѣ Дрезденъ, на большой долиנѣ, по которой течетъ кроткая Эльба. Зеленые холмы на одной сторонѣ рѣки, и величественный городъ, и обширная плодоносная долина, составляютъ великолѣпный видъ.—Съ пріятными чувствами въѣхалъ я въ Дрезденъ, и при первомъ взглядѣ показался онъ мнѣ огромнѣе самаго Берлина.

Я остановился въ трактирѣ на почтовомъ дворѣ, и, одѣвшись, пошелъ къ Господну П*, къ которому было у меня письмо изъ Москвы. Онъ принялъ меня очень ласково, и вызвался-было доставить мнѣ пріятныя знакомства въ Дрезденѣ; но какъ я пробуду здѣсь не болѣе трехъ дней, и слѣдственно не буду имѣть времени пользоваться знакомствами, то мнѣ оставалось только благодарить его за добрую волю. Мы пошли съ нимъ ходить по городу.

Дрезденъ едва ли уступаетъ Берлину въ огромности домовъ; но только улицы здѣсь гораздо тѣснѣе. Жителей считается въ Дрезденѣ около 35,000: очень не много по обширности города и величинѣ домовъ! Правда, что на улицахъ и немного людей встрѣчается; и на рѣдкомъ домѣ не прибито объявленія объ отдачѣ въ наѣмъ комнаты. За двѣ или за три порядочно убранныя горницы платятъ здѣсь въ мѣсяцъ не болѣе семи или осьми талеровъ.—Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города видны еще

слѣды опустошенія, произведеннаго въ Дрезденѣ Прусскими ядрами въ 1760 году.—Съ часъ стоялъ я на мосту, соединяющемъ такъ называемый *Новый городъ* съ Дрезденомъ, и не могъ насытитися разсматриваніемъ пріятной картины, которую образуютъ обѣ части города и прекрасные берега Эльбы.—Сей мостъ, длиною въ 670 шаговъ, считается лучшимъ въ Германіи; на обѣихъ сторонахъ сдѣланы ходы для пѣшихъ и мѣста для отдохновенія.

Господинъ П* хотѣлъ, чтобы я у него обѣдалъ. Вы увидите мое семейство, сказалъ онъ. Насъ встрѣтила женщина лѣтъ въ сорокъ, почтеннаго вида, и молодая дѣвушка лѣтъ въ двадцать, не прекрасная, но миловидная и нѣжная. Вотъ все мое семейство! сказалъ мнѣ Господинъ П*—и я поцѣловалъ руку у той и другой. Обѣдъ былъ самый умѣренный, однакожь и не голодный. Хозяинъ и хозяйка разспрашивали меня о Россіи, и вопросы ихъ были такъ умны, что отвѣты не приводили меня въ затрудненіе. Господинъ П* хотя и не есть Ученый, однакожь много читалъ; и за бутылкою стараго Рейнскаго вина, которую принесла намъ сама хозяйка, говорилъ съ великимъ жаромъ о твореніяхъ нѣкоторыхъ Нѣмецкимъ Поэтовъ. Миловидная Шарлотта по большей части молчала, но взоры и улыбки ея были краснорѣчивы. Послѣ обѣда она играла на клавесинѣ, хотя въ Нѣмецкомъ вкусѣ, однакожь не безъ пріятности.—Отъ нихъ пошелъ я въ славную картинную галерею, которая почитается одною изъ первыхъ въ Европѣ. Я былъ

тамъ три часа, но на многія картины не успѣлъ и глазъ оборотить; не три часа, а нѣсколько мѣсяцевъ надобно на то, чтобы хорошенько осмотрѣть сію галлерею. Я разсматривалъ со вниманіемъ Рафаэлеву* Марію (которая держитъ на рукахъ Младенца, и передъ которую стоятъ на колѣняхъ Св.

* Рафаэль, глава Римской школы, признанъ единогласно первымъ въ своемъ искусствѣ. Никто изъ живописцевъ не вникалъ столько въ красоты антиковъ, никто не учился Анатоміи съ такою прилѣжностію, какъ Рафаэль—и потому никто не могъ превзойти его въ рисовкѣ. Но знанія, которыя симъ средствомъ пріобрѣлъ онъ въ формѣ человѣческой, не сдѣлали бы его такимъ великимъ живописцемъ, если бы Натура не одарила его творческимъ духомъ, безъ котораго живописецъ есть не что иное, какъ бѣдный копистъ. Небесный огонь оживляетъ черты кисти его, когда онъ изображаетъ Божество; въ чертахъ Героевъ его видно непобѣдимое мужество; въ образѣ Венеры или Роксаны умѣлъ онъ соединить всѣ женскія прелести, а въ образѣ Маріи красоту, невинность и святость. Лица тирановъ, имъ изображенные, приводятъ въ ужасъ; въ лицахъ Мучениковъ его надобно удивляться живымъ чертамъ небеснаго терпѣнія.—Правда, что картины его не равной цѣны; послѣднія несравненно превосходятъ первыхъ. Преображеніе Христово считается лучшимъ его произведеніемъ.—Сей великой художникъ скончалъ жизнь свою преждевременно, отъ чрезмѣрной склонности къ женскому полу, склонности, которая вовлекла его въ распутство. Онъ родился въ Убрино въ 1483, а умеръ въ Римѣ въ 1520 году.

Сикстусъ и Варвара); Корреджіеву * *ночь*, о которой столько писано и говорено было, и въ которой наиболѣе удивляются смѣси свѣта со тьмою; Микель-Анджелову ** картину, представляющую

* Корреджіо, первый Ломбардскій живописецъ, почти безъ всякаго руководства достигъ до высочайшей степени совершенства въ своемъ искусствѣ, не выѣзжавъ никогда изъ своего отечества, и не выдавъ почти никакихъ хорошихъ картинъ, ни антиковъ. Кисть его ставится въ примѣръ нѣжности и пріятности. Рисовка не совсѣмъ правильна, однакожь искусна; головы прекрасны, а краски несравненны. Нагое тѣло писалъ онъ весьма живо, а лица его говорятъ. Однимъ словомъ, картины его отмѣнно милы даже и для незнатоковъ; и если бы Корреджіо видѣлъ всѣ прекрасныя творенія искусства въ Римѣ и въ Венеціи, то онъ былъ бы конечно правильнѣе въ рисовкѣ, и превзошелъ бы, можетъ быть, самого Рафаэля. — Всю жизнь свою провелъ онъ въ бѣдности, былъ скромнень, доволенъ малымъ и человеколюбивъ. Причина его смерти достойна замѣчанія. Продавъ въ Пармѣ одну картину свою, взялъ онъ за нее мѣшокъ мѣдныхъ денегъ и пошелъ съ нимъ пѣшкомъ въ Корреджіо. День былъ жарокъ, и ему надлежало перейти четыре мили. Радуюсь тому, что полученными деньгами можетъ на нѣкоторое время вывести изъ нужды семейство свое, не чувствовалъ онъ усталости; но пришедши домой, занемогъ горячкою, которая черзъ нѣсколько дней скончала жизнь его. Онъ родился въ 1532, а умеръ въ 1588 году.

** Микель-Анджело былъ великой Архитекторъ, живописецъ и рѣщикъ. Построенный имъ куполъ церкви Св. Петра служитъ доказательствомъ искусства его въ Архитектурѣ. Что принадлежитъ до картинъ его, то онъ не столь-

осужденнаго на смерть челоѣка, и вдали городъ;
картины Юлія Романа*: Пана, который учить на

ко пріятны, сколько удивительны: для того, что онъ всегда хотѣлъ представлять трудное и чрезвычайное. Зная хорошо Анатомію, старался онъ слишкомъ сильно означать мускулы въ своихъ фигурахъ; а тѣло писалъ всегда кирпичнаго цвѣта. Но естъли Микель-Анджело не первый живописецъ по своей кисти, то едва ли кто нибудь превзошелъ его въ рисовкѣ. — Въ Скульпторѣ былъ онъ, кажется, еще искуснѣе. Его Купидонъ, Бахусъ и молодой Сатиръ, считаются лучшими твореніями сего художества. Микель-Анджело былъ остроуменъ. Когда Папа Юлій спросилъ у него съ неудовольствіемъ, для чего онъ въ писанныхъ имъ картинахъ изъ Ветхаго Заѣта не употребилъ золота, по примѣру старинныхъ живописцевъ: то онъ съ покорнымъ видомъ отвѣчалъ, что Святые мужи, имъ изображенные, считали блескъ одежды за ложное украшеніе челоѣка. Желая дать знать Рафаэлю, что онъ видѣлъ въ Фарнезскихъ палатахъ картину его, Галатею, начертилъ онъ углемъ на стѣнѣ Фаунову голову, которую и нынѣ тамъ показываютъ. Рафаэль, увидѣвъ ее, сказалъ, что никто, кромѣ Микеля-Анджело, не могъ начертить такой головы. — Показывая Микель-Анджелову картину Распятія Христова, рассказываютъ всегда, будто бы онъ желая естественнѣе представить умирающаго Спасителя, умертвилъ челоѣка, который служилъ ему моделью; но анекдотъ сей совсѣмъ невѣроятенъ. — Онъ родился въ 1474, а умеръ въ 1564 г.

* Юлій Романъ, лучшій Рафаэлевъ ученикъ, имѣлъ плодотворное воображеніе, и былъ весьма искусенъ въ рисовкѣ. Всѣ фигуры его вообще очень хороши. Только жаль,

флейте молодого пастуха; играющую Цецилию, окруженную Святыми, и проч., — Веронезовы: * Воскресение, похищение Европы, и проч. — Караччиевы **: Генія славы, летящего по воздуху; Марію со

что онъ слѣдовалъ антикамъ болѣе, нежели Натурѣ! Можно сказать, что рисунки его слишкомъ правильны, и отъ того всѣ его лица слишкомъ единообразны. Тѣло онъ писалъ кирпичнаго цвѣта, такъ какъ Микель-Анджело, и краски его вообще темны. Онъ родился въ 1492, а умеръ въ 1546 году.

* Картины Павла Веронеза превосходны по живости и пріятности фигуръ и по свѣжести красокъ. Натура была образцомъ его; однакожь, какъ великой художникъ, умѣлъ онъ исправлять ея недостатки. — Между прочимъ рассказываютъ объ немъ слѣдующій анекдотъ. Однажды въ окрестностяхъ Венеціи, застала его на дорогѣ буря съ дождемъ, и онъ принужденъ былъ требовать убѣжища въ загородномъ домѣ Прокуратора Пизани, который принялъ его такъ ласково и дружелюбно, что живописецъ не могъ выѣхать отъ него нѣсколько дней. Въ то время написалъ онъ тихонько Даріеву фамилію (картину, на которой изображено двадцать фигуръ во весь ростъ) и спрятавъ ее подъ кровать; а прощаясь съ хозяиномъ, сказалъ ему, что онъ оставилъ тамъ нѣчто въ знакъ своей благодарности за его угощение. — Онъ родился въ 1532, а умеръ въ 1588 году.

** Не многіе изъ живописцевъ имѣли такое плодотворное воображеніе, какъ Аннибалъ Караччи, и немногіе превзошли его въ рисовкѣ; а въ послѣднихъ его картинахъ, писанныхъ въ Римѣ, и самыя краски очень хороши.

Младенцемъ, Матѳеемъ и Іоанномъ, и проч.— Тинторетовы *; Аполлона съ Музами, паденіе Ангеловъ, и проч.— Бассановы **: Израильской народъ въ пустынь, Ноево семейство, и проч.— Джіордановы ***;

Лучшее произведеніе его кисти есть Фарнезская галерея въ Римѣ, надъ которою онъ восемь лѣтъ трудился, и за которую заплатили ему весьма худо, для того что у него было много завистниковъ и непріятелей. Онъ родился въ 1560, а умеръ въ 1609 году. Его погребли подлѣ Рафаэля, котораго онъ любилъ болѣе всѣхъ живописцевъ.

* Тинторетъ, Венеціанской живописецъ, старался въ своихъ картинахъ соединить вкусъ Микеля-Анджело съ Тиціановымъ, т. е. первому подражалъ онъ въ рисункахъ, а второму въ краскахъ. (Тиціанъ считается первымъ колористомъ въ свѣтѣ.) Картины его весьма неравно цѣны, и потому говорили объ немъ, что онъ пишетъ иногда золотою, иногда серебряною, а иногда желѣзною кистію. Онъ родился въ 1512, а умеръ въ 1594 году.

** Въ Бассановыхъ картинахъ надобно удивляться живости красокъ, а въ рисовкѣ былъ онъ не весьма искусенъ, подобно всѣмъ Венеціанскимъ живописцамъ. Тѣло писалъ очень живо, а платье не хорошо. Ландшафты его прекрасны. — Онъ родился 1570, а умеръ въ 1592 году.

*** Во всѣхъ Джіордановыхъ картинахъ видна отмѣнная легкость кисти; но какъ онъ писалъ слишкомъ много, то почти всѣ картины его не додѣланы, и вообще рисовка не очень правильна. Главною его моделью былъ Павелъ Веронезъ; но онъ умѣлъ подражать всѣмъ лучшимъ живописцамъ, такъ что самые знатоки иногда обманывались, и

похищеніе Сабинокъ, умирающаго Сократа, Су-
санну въ купальнѣ, и проч.—Розовы * : собствен-
ный его портретъ и ландшафтъ съ деревьями, гдѣ
сидящій старикъ говоритъ съ двумя стоящими—
Пуссенева ** : Ноево жертвоприношеніе, ландшафтъ
съ двумя сидящими Нимфами и съ Нарциссомъ,
который смотрится въ воду, и еще другой, гдѣ
спитъ нагая Нимфа, которую разсматриваютъ изъ
за-дерева двое мужчинъ—Рубенсовы *** : сидящую

принимали его подражаніе за оригиналъ. — Онъ родился
въ Неаполѣ въ 1632, а умеръ въ 1705 году.

* Салваторъ Роза, Неаполитанской живописецъ, писалъ
лучше ландшафты, нежели историческія картины. Фигу-
ры его по большей части неправильны; однакожь въ нихъ
видна смѣлая кисть и отмѣнная живость. Деревя, горы и
вообще всякіе виды писалъ онъ прекрасно. Родился въ
1615, а умеръ въ 1673 году.

** Въ картинахъ Николая Пуссеня, славнаго Француз-
скаго живописца, видны высокія мысли и живое выраже-
ніе страстей; рисовка его правильна, но краски не очень
хороши. Въ семъ подобенъ онъ Римскимъ живописцамъ,
которые вообще не уважаютъ колорита. Ландшафты его
прекрасны. Онъ родился въ 1594, а умеръ въ 1663 году.

*** Рубенсъ по справедливости называется Фландр-
скимъ Рафаэлемъ. Какой птической духъ виденъ въ его
картинахъ! какія богатые мысли! какое согласіе въ цѣ-
ломъ! какія живыя краски, лица, платья! Онъ никакъ не
хотѣлъ подражать антикамъ, и писалъ все съ натуры. Къ
совершенству его картинъ недостаетъ той правильности

Марію съ Младенцемъ, которому Ангелы подаютъ плоды; Страшный Судъ, Христа спящаго на кораблѣ во время бури, похищеніе Прозерпины, пьянаго Силена съ Нимфами, Венеру съ Адовисомъ, наказываемаго Купидона, котораго одна женщина держитъ на рукахъ, а другая сѣчетъ лозою; Нептуна, укрощающаго море, и проч. — Фанъ Диковы: * изображенія Королей Карла II и Якова II; Іеронима, у ногъ котораго лежитъ левъ, и проч. — и наконецъ Менгсовы, которыхъ очень много. Между прочими картинами есть прекрасныя перспективы и такія живыя изображенія винограда и другихъ плодовъ, что хочется ихъ взять. — Самыя лучшія картины перешли въ Дрезденскую гал-

въ рисовкѣ, которою славится Римская школа. — Рубенсъ способенъ былъ не только къ живописи, но и къ важнымъ государственнымъ дѣламъ, и будучи Посланникомъ въ Англіи, умѣлъ согласить Карла I на миръ съ Гишпаніею. Возвратясь во Фландрію, женился онъ на Еленѣ Форманъ, славной красавицѣ, которая часто служила ему моделью. Онъ родился въ 1577, а умеръ въ 1640 году.

* Фанъ Дикъ, Рубенсовъ ученикъ, есть конечно первый портретный живописецъ въ свѣтѣ. Колоритъ его не уступаетъ Рубенсову; головы и руки писалъ онъ прекрасно. Но для исторической живописи былъ уже не такъ способенъ, для того, что не имѣлъ Рубенсова пѣтическаго духа. Король Карлъ I призывалъ его въ Англію, гдѣ онъ могъ бы обогатиться отъ своей работы, естли бы жилъ умѣреннѣе и не прилѣпился къ Алхиміи. Онъ родился въ 1599, а умеръ въ 1641 г.

лерею изъ Моденской, на прим. Корреджіева *ночь*. Августъ III, Польской Король, былъ великой любитель живописи, и не жалѣлъ денегъ на покупку хорошихъ картинъ.

Надзиратель сказывалъ, что за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, украли изъ галлерей картинъ десять, и притомъ самыхъ лучшихъ; но что, къ щастію, воровъ скоро отыскали, и картины возвращены на прежнее свое мѣсто.—Выходя, вручилъ я Господину надзирателю Голландской червонецъ.

Надобно было еще видѣть такъ называемую *зеленую кладовую* (das Grüne Gewölbe), или собраніе драгоценныхъ камней, которому въ цѣломъ свѣтѣ едва ли есть подобное; и чтобы взглянуть на этотъ блестящій кабинетъ Саксонскаго Курфюрста и послѣ сказать: *я видѣлъ рѣдкость!* надобно заплатить Голландской червонецъ. Мнѣ сказывали, что одинъ знатный Французъ, смотря на камни, сказалъ Курфюрсту: *Хорошо, очень хорошо; а что это стоитъ Вашей Свѣтлости?*

Послѣ картинной галлерей и зеленой кладовой третія примѣчанія достойная вещь въ Дрезденѣ есть библіотека, и всякой путешественникъ, имѣющій нѣкоторое требованіе на ученость, считаетъ за должность видѣть ее, то есть, взглянуть на ряды переплетенныхъ книгъ и сказать: *какая огромная библіотека!* — Между Греческими манускриптами показываютъ весьма древній списокъ одной Эврипидовой трагедіи, проданной въ библіотеку бывшимъ Московскимъ Профессоромъ Маттеемъ; за сей манускриптъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми

другими, взялъ онъ съ Курфирста около 1500 талеровъ. Спрашивается, гдѣ Г. Маттей досталъ сіи рукописи?

Ввечеру гулялъ я въ саду, который называется Zwinger Garten, и который хотя не великъ, однакожь пріятенъ. Посланника нашего нѣтъ въ Дрезденѣ. Онъ поѣхалъ въ Карлсбадъ.

==

Іюля 12.

Нынѣ поутру вошелъ я въ придворную Католическую церковь во время обѣдни. Великолѣпіе храма, громкое и пріятное пѣніе, сопровождаемое согласными звуками органа; благоговѣніе молящихся, къ небу воздѣтыя руки Священниковъ — все сіе вмѣстѣ произвело во мнѣ нѣкоторый восхитительный трепетъ. Мнѣ казалось, что я вступилъ въ міръ Ангельской, и слышу гласы блаженныхъ Духовъ, славословящихъ Неизреченнаго. Ноги мои подогнулись; я сталъ на колѣни и молился отъ всего сердца.

==

Іюля 12, въ 10 часовъ вечера.

Послѣ обѣда былъ я въ гостяхъ у нашего молодого Священника, гдѣ познакомился еще съ Секретаремъ нашего Министра; а оттуда пошелъ

одинъ гулять за городъ, въ такъ называемый *большой садъ*. Длинная аллея вывела меня на обширный зеленый лугъ. Тутъ на лѣвой сторонѣ представилась мнѣ Эльба и цѣпь высокихъ холмовъ, покрытыхъ лѣскомъ, изъ за-котораго выставляются кровли разсѣянныхъ домиковъ и шпицы башенъ. На правой сторонѣ поля, обогащенные плодами; вездѣ вокругъ меня разстилались зеленые ковры, усѣянные цвѣтами. Вечернее солнце кроткими лучами своими освѣщало сію прекрасную картину. Я смотрѣлъ и наслаждался; смотрѣлъ, радовался и — даже плакалъ: что обыкновенно бываетъ, когда сердцу моему очень, очень весело! — Вынулъ бумагу, карандашъ; написалъ: *любезная Природа!* и болѣе ни слова!! Но едва ли когда нибудь чувствовалъ такъ живо, что мы созданы наслаждаться и быть щастливыми; и едва ли когда нибудь въ сердцѣ своемъ былъ такъ добръ и такъ благодаренъ противъ моего Творца, какъ въ сіи минуты. Мнѣ казалось, что слезы мои льются отъ живой любви къ Самой Любви, и что онѣ должны смыть нѣкоторыя черныя пятна въ книги жизни моей.

А вы, цвѣтушіе берега Эльбы, зеленые лѣса и холмы! вы будете благословляемы мною и тогда, когда, возвратясь въ сѣверное, отдаленное отечество мое, въ часы уединенія буду воспоминаать прошедшее!

Мейсенъ, Іюля 13.

Я рѣшился нынѣ поутру ѣхать въ Лейпцигъ въ публичной почтовой коляскѣ (которая называется желтою *Gelbe Kutsche*, для того, что обита желтымъ сукномъ). Въ десять часовъ надлежало намъ отправиться. Отдавъ свой чемоданъ Шафнеру (такъ называется въ Саксоніи проводникъ почты), и сказавъ ему, что буду дожидаться коляски на дорогѣ, пошелъ я изъ Дрездена пѣшкомъ въ 9 часовъ утра. Наемный слуга согласился за нѣсколько грошей быть моимъ путеводителемъ.

Скорыми шагами вышелъ я изъ города; но вышедши, почти на каждомъ шагу останавливался и любовался прекрасною Натурою и плодами трудолюбія. Дорога идетъ вдоль по берегу Эльбы. На лѣвой сторонѣ за рѣкою видны горы, покрытыя частымъ зеленымъ березникомъ и ольхами; а на правой плодородная равнина съ полями и деревеньками, которую въ отдаленіи ограничиваютъ виноградные сады.

Какъ ясно было небо, такъ ясна была душа моя. Я видѣлъ вездѣ благоденствіе, счастье и миръ. Птички, которыя порхали и плавали по чистому воздуху надъ головою моею, изображали для меня веселье и безпечность. Онѣ чувствуютъ бытіе свое, и наслаждаются имъ! Каждый поселянинъ, идущій по лугу, казался мнѣ благополучнымъ смертнымъ, имѣющимъ съ избыткомъ все то, что потребно человѣку. Онъ здоровъ трудами — думалъ я — веселъ и счастливъ въ часъ отдохновенія, бу-

лучи окруженъ мирнымъ семействомъ, сидя подлѣ вѣрной своей жены, и смотря на играющихъ дѣтей. Всѣ его желанія, всѣ его надежды ограничиваются обширностію его полей; цвѣтутъ поля, цвѣтетъ душа его. — Молодая крестьянка съ посошкомъ была для меня Аркадскою пастушкою. Она спѣшитъ къ своему пастуху — думалъ я — который ожидаетъ ее подъ тѣнію каштановаго дерева, — тамъ, на правой сторонѣ, близъ виноградныхъ садовъ. Онъ чувствуетъ электрическое потрясеніе въ сердцѣ, встаетъ и видитъ любезную, которая издали грозитъ ему посошкомъ своимъ. Какъ же бѣжитъ онъ на встрѣчу къ ней! Пастушка улыбается; идетъ скорѣе, скорѣе — и бросается въ отверзтыя объятія милаго своего пастуха. — Потомъ видѣлъ я ихъ (разумѣется, мысленно) сидящихъ другъ подлѣ друга въ сѣни каштановаго дерева. Они цѣловались какъ нѣжныя горлицы.

Я сѣлъ на дорогѣ, и дождался почтовой коляски. У меня было довольно товарищей; между прочими Магистеръ, или деревенской Проповѣдникъ, въ рыжемъ парикѣ, и двое молодыхъ Студентовъ, Лейпцигской и Прагской, который сидѣлъ подлѣ меня, и тотчасъ вступилъ со мною въ разговоръ — о чемъ, думаете вы? Непосредственно о Мендельзоновомъ Федонѣ, о душѣ и тѣлѣ. «Федонъ, сказалъ онъ, есть можетъ быть самое остроумнѣйшее философическое сочиненіе; однакожь всѣ доказательства безсмертія нашего основываетъ Авторъ на одной гипотезѣ. Много вѣроятности, но нѣтъ увѣренія; и едва ли не тщетно будемъ искать

его въ твореніяхъ древнихъ и новыхъ Философовъ!»
—Надобно искать его въ сердцѣ, сказалъ я.—«О! государь мой! возразилъ Студентъ: *сердечное* увѣреніе; не есть еще *философическое* увѣреніе; оно не надежно; теперь чувствуете его, а черезъ минуту оно исчезнетъ, и вы не найдете его мѣста. Надобно, чтобы увѣреніе основывалось на доказательствахъ, а доказательства на тѣхъ врожденныхъ понятіяхъ чистаго разума, въ которыхъ заключаются всѣ вѣчныя, необходимыя истины. Сего-то увѣренія ищетъ Метафизикъ въ уединенныхъ сѣняхъ, во мракѣ ночи, при слабомъ свѣтѣ лампы, забывая сонъ и отдохновеніе.— Ежели бы могли мы узнать точно, что такое есть душа *сама въ себѣ*, то намъ все бы открылось; но» — Тутъ вынулъ я изъ записной книжки своей одно письмо добраго Лафатера, и прочиталъ Студенту слѣдующее:

«Глазъ, по своему образованію, не можетъ смотрѣть на себя безъ зеркала. Мы созерцаемся только въ другихъ предметахъ. Чувство бытія, личность, душа — все сіе существуетъ единственно потому, что внѣ насъ существуетъ,—по феноменамъ или явленіямъ, которыя до насъ касаются.»
— «Прекрасно! сказалъ Студентъ, — прекрасно! Но естьли думаетъ онъ, что» — Тутъ коляска остановилась; Шафнеръ отворилъ дверцы и сказалъ: «Госпожи и господа! извольте обѣдать.»

Мы вошли въ трактиръ, гдѣ уже накрытъ былъ столъ. Намъ подали пивной супъ съ лимономъ, часть жареной телятины, салатъ и масло,—за что взяли послѣ съ каждаго копѣекъ по сороку.

Дорога до самаго Мейсена очень пріятна. Земля вездѣ наилучшимъ образомъ обработана. Виноградные сады, которые сперва видны были въ отдаленіи, подходятъ ближе къ Эльбѣ, и наконецъ только одна дорога отдѣляетъ ихъ отъ рѣки. Тутъ стоятъ перпендикулярно огромныя гранитныя скалы. Нѣкоторыя изъ нихъ — чего не дѣлаетъ трудолюбіе! — покрыты землею и превращены въ сады, въ которыхъ родится лучшій Саксонскій виноградъ. — На другой сторонѣ Эльбы представляются развалины разбойничьихъ замковъ. Тамъ гнѣздятся нынѣ летучія мыши, свистятъ и воютъ вѣтры.

Одинъ древній Поэтъ сказалъ:

Est locus, Albiacis ubi Misna sigatur ab undis.

Fertilis et viridi totus amoenus humo.

Въ этомъ мѣстѣ теперь я. — Мейсенъ лежитъ частию на горѣ, частию въ долинѣ. Окрестности прекрасны; только городъ самъ по себѣ очень не красивъ. Улицы не ровны и не прямы; дома всѣ готическіе, и показываютъ странный вкусъ прошедшихъ вѣковъ. Главная церковь есть большое зданіе, почтенное своею древностію. Старый дворецъ возвышается на горѣ. Нѣкогда воспитывались тамъ Герои отъ племени Виттекиндова (сего славнаго Саксонскаго Князя, который столь храбро защищалъ свободу своего отечества, и котораго Карлъ Великій побѣдилъ не оружіемъ, а великодушіемъ своимъ). Нынѣ въ семъ дворцѣ дѣлаютъ славный Саксонскій

фарфоръ. Чтобы видѣть фабрику, надобно выпросить билетъ у главнаго Надзирателя.

Г. Маттей былъ нѣсколько лѣтъ Директоромъ здѣшной школы; но недѣль за шесть передъ симъ оставилъ Мейсенъ и уѣхалъ въ Виттенбергъ. Ему конечно вездѣ дадутъ мѣсто. Онъ считается въ Германіи однимъ изъ лучшихъ Филологовъ.

Надобно садиться въ коляску, и проститься съ перомъ до Лейпцига.

Лейпцигъ, Іюля 44.

Дорога отъ Мейсена идетъ сперва по берегу Эльбы. Рѣка, кроткая и величественная въ своемъ теченіи, журчитъ на правой сторонѣ; а на лѣвой возвышаются скалы, увѣнчанныя зеленымъ кустарникомъ, изъ за-котораго въ разныхъ мѣстахъ показываются сѣдые мшистые камни.

Отъѣхавъ отъ Мейсена съ полмили, вышли мы съ Прагскимъ Студентомъ изъ коляски, которая ѣхала очень тихо, и версты двѣ шли пѣшкомъ. Послѣ вопроса: женатъ ли я? Студентъ мой началъ говорить о женщинахъ и притомъ не въ похвалу ихъ. «На гробъ друга моего — сказалъ онъ — друга, который пошелъ въ землю отъ несчастной любви къ одной вѣтреной, легкомысленной женщинѣ, клялся я удаляться отъ этаго опаснаго для насъ пола, и вѣчно быть холостымъ. Науки занимаютъ всю мою душу—и благодаря Бога! мо-

гу быть счастливъ самъ собою.» — Тѣмъ лучше для васъ, сказалъ я.

Стали находить облака, и мы сѣли опять въ коляску. Тутъ Магистеръ шумѣлъ съ Лейпцигскимъ Студентомъ о теологическихъ истинахъ. Сей послѣдній предлагалъ разныя сомнѣнія. Магистеръ брался все рѣшить; но, по мнѣнію Студента, не рѣшилъ ничего. Это его очень сердило. «Наконецъ я долженъ вспомнить — сказалъ онъ, потирая рукою свой красный лобъ — что нѣкоторые люди совсѣмъ не имѣютъ чувства истины. Головы ихъ можно уподобить бездонному сосуду, въ который ничего влить не лзя; или желѣзному шару, въ который ничто проникнуть не можетъ, и отъ котораго все отпрыгиваетъ» — И такія головы, перервалъ Студентъ, часто бываютъ покрыты рыжими париками, и торчатъ на кафедрахъ. — Государь мой! закричалъ Магистеръ, поправивъ свой парикъ: о комъ вы говорите? — О тѣхъ людяхъ, о которыхъ вы сами говорить начали, — спокойно отвѣчалъ Студентъ. Лучше замолчать, сказалъ Магистеръ. — Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ Студентъ.

Между тѣмъ наступила ночь. Магистеръ снялъ съ себя парикъ, положилъ его подлѣ себя, надѣлъ на голову колпакъ и началъ пѣть вечернія молитвы нестройнымъ, дикимъ голосомъ. Лейпцигской Студентъ тотчасъ присталъ къ нему, и они, какъ добрые ослы, затанули такое дуо, что надобно было зажать уши. — Къ счастью, пѣвцы скоро унялись; въ коляскѣ все замолкло, и я заснулъ.

На разсвѣтѣ остановились мы перемѣнять ло-

шадей, и когда стали выходить изъ коляски, чтобы идти въ трактиръ пить кофе, Магистеръ хватился своего парика, искалъ его подлѣ себя и на землѣ, и не могши найти, поднялъ крикъ и вопль: «Куда онъ дѣвался? Какъ мнѣ быть безъ него? Какъ я бѣдный покажусь въ городъ?» — Онъ приступилъ къ Шафнеру, и требовалъ, чтобы парикъ его непременно былъ отысканъ. Шафнеръ искалъ и не находилъ. Лейпцигской Студентъ тирански смѣялся надъ горестію бѣднаго Магистра, и наконецъ какъ будто бы сжался надъ нимъ, совѣтовалъ ему поискать у себя въ карманахъ. Чего тутъ искать! сказалъ онъ; однакожь опустилъ руку въ карманъ своего кафтана, и — вытащилъ парикъ. Какая минута для живописца! Магистеръ отъ внезапной радости разинулъ ротъ, держалъ парикъ передъ собою, и не могъ сказать ни одного слова. «Вы ищите за милоу того, что у васъ подъ носомъ» — сказалъ ему Шафнеръ съ сердцемъ; но душа Магистрова была въ сію минуту такъ полна, что ничто извнѣ не могло войти въ нее, и Шафнерова риторическая фигура проскочила естли не мимо ушей его, то по крайней мѣрѣ сквозь ихъ, то есть (сообразно съ Боннетовою гипотезою о происхожденіи идей) не тронувъ въ его мозгу никакой новой или *дѣвственной* фибры (*fibre vierge*). Конечно, долѣе минуты продолжалось его безмолвное восхищеніе. Наконецъ онъ засмѣялся, и надѣвая на себя парикъ, увѣрялъ насъ, что онъ Магистеръ не клалъ его въ карманъ; а какъ парикъ зашелъ ту-

да, о томъ вѣдаетъ Сатана и—— Тутъ взглянулъ онъ на Лейпцигскаго Студента и замолчалъ.

Безъ всякихъ дальнѣйшихъ приключеній доѣхали мы до Лейпцига.

Здѣсь-то, милые друзья мои, желалъ я провести свою юность; сюда стремились мысли мои за нѣсколько лѣтъ передъ симъ; здѣсь хотѣлъ я собрать вужное для исканія той истины, о которой съ самыхъ младенческихъ лѣтъ тоскуетъ мое сердце! — Но судьба не хотѣла исполнить моего желанія.

Воображая, какъ бы я могъ провести тѣ лѣта, въ которыя, такъ сказать, образуется душа наша, и какъ я провелъ ихъ, чувствую горестъ въ сердцѣ и слезы въ глазахъ. — Не лзя возвратить потеряннаго!

Въ 11 часосъ ночи. Я остановился въ трактирѣ у Мемеля противъ почтоваго двора. Комната у меня чиста и свѣтла, а хозяинъ услужливъ и говорливъ до крайности. Между тѣмъ, какъ я разбиралъ свой чемоданъ, рассказывалъ онъ мнѣ о порядкѣ, заведенномъ въ его домѣ,—о своемъ безкорыстіи, честности и проч. «Всѣ тѣ, которые жили у меня —говорилъ онъ—были мною довольны. Я получаю конечно не много барыша, да за то идетъ обо мнѣ добрая слава; за то у меня совѣсть чиста и покойна — а у кого покойна совѣсть, тотъ щастливъ въ здѣшней жизни, и ничего не боится, и ни отъ чего не блѣднѣетъ» — — Въ самую сію секунду грянулъ громъ, и Г. Мемель испугался и поблѣднѣлъ. Что съ вами сдѣлалось? спросилъ я. »Ничего, отвѣчалъ онъ, заппаясь, ничего; толь-

ко надобно затворить окно, чтобы не было сквознаго вѣтру.»

Въ нынѣшнее лѣто я еще не видалъ и не слышалъ такой грозы, какая была сегодня. Въ нѣсколько минутъ покрылось небо тучами; заблестала молнія, загремѣлъ громъ, буря съ градомъ зашумѣла, и — черезъ полчаса все прошло; солнце снова освѣтило небо и землю, и трактирщикъ мой опять началъ говорить о неустрашимости того, кто беретъ за все умѣренную цѣну, и, подобно ему, имѣетъ чистую совѣсть.

За ужинномъ познакомился я съ Гм. фонъ-Клейстомъ, который служилъ Прусскому Королю Тайнымъ Совѣтникомъ, но по нѣкоторымъ неприятнымъ обстоятельствамъ долженъ былъ оставить Пруссію, и который, выгнавъ изъ воображенія своего всѣ призраки льстящей надежды, живетъ здѣсь въ философическомъ спокойствіи, наслаждаясь пріятностію дружбы и обхожденія съ просвѣщеннѣйшими мужами. — Ночь провелъ я въ коляскѣ безпокойно. Теперь глаза мои смыкаются.

==

Юля 15.

Нынѣ познакомился я съ Гм. Мелли, молодымъ Женевцемъ, къ которому было у меня письмо изъ Петербурга отъ Ш*, Англійскаго купца, и который, прицѣвъ меня учтиво, взялъ на себя продать

здѣсь одинъ изъ векселей моихъ, а другой, Голландской, промѣнять на Французской. — Отъ него зашелъ я въ теологическую Аудиторию; видѣлъ множество присутствующихъ, но мало слушающихъ. Дѣло шло о нѣкоторыхъ Еврейскихъ словахъ — это не мое дѣло — и я, постоявъ у дверей, ушелъ.

Потомъ бродилъ я нѣсколько часовъ изъ улицы въ улицу и вокругъ города, занимаясь мѣстными наблюденіями. Собственно такъ называемый городъ очень не великъ, но съ предмѣстіями, гдѣ много садовъ, занимаетъ уже довольное пространство. Мѣстоположеніе Лейпцига не такъ живописно, какъ Дрездена: онъ лежитъ среди равнинъ — но какъ сіи равнины хорошо обработаны и, такъ сказать, *убраны* полями, садами, рощицами и деревеньками, то взоръ находитъ тутъ довольно разнообразія, и не скоро утомляется. Окрестности Дрезденскія прекрасны, а Лейпцигскія милы. Первыя можно уподобить такой женщинѣ, о которой всѣ при первомъ взглядѣ кричатъ: *какая красавица!* а послѣднія такой, которая всѣмъ же правится, но только *тихо*; которую всѣ же хвалятъ, но только безъ восторга; о которой съ кроткимъ, пріятнымъ движеніемъ души говорятъ: *она мило-видна!*

Домы здѣсь такъ же высоки, какъ и въ Дрезденѣ, т. е. по большей части въ четыре этажа; что принадлежитъ до улицъ, то онѣ очень не широки. Хорошо, что здѣсь по городу не ѣздятъ въ каретахъ, и пѣшіе не боятся быть раздавлены.

Я не видалъ еще въ Германіи такого многолюд-

наго города, какъ Лейпцигъ. Торговля и Университетъ привлекаютъ сюда множество иностранцевъ.

Послѣ обѣда былъ я у Г. Бека, молодаго, но весьма уважаемаго, по его знаціямъ и талантамъ, Профессора. Я отдалъ ему письмо къ Магистру Р*, который у него жилъ, но котораго здѣсь уже нѣтъ. Г. Бекъ разсказалъ мнѣ, что Р* за нѣсколько времени передъ симъ былъ вызванъ изъ Лейпцига однимъ деревенскимъ Дворяниномъ, съ тѣмъ, чтобъ быть Проповѣдникомъ въ его деревнѣ; но что, пріѣхавъ туда, нашелъ онъ много препятствій со стороны Духовныхъ; что ему надлежало выдержать престрогой экзаменъ, на которомъ старались его разбить и запутать въ словахъ; что онъ, вышедши наконецъ изъ себя, схватилъ шляпу, пожелалъ высокоученымъ своимъ испытателямъ побольше любви къ ближнему, ушелъ и скрылся, неизвѣстно куда.

Профессоръ Бекъ есть тихой, скромный человекъ, осторожный въ своихъ сужденіяхъ, и говорящій съ великою пріятностію. Отъ него узналъ я о славѣ Анахарсиса, сочиненія Аббата Бартелеми. Лишь только онъ вышелъ въ свѣтъ, всѣ Французскіе Литтераторы преклонили колѣна свои, и признали, что древняя Греція, столь для насъ любопытная—Греція, которой удивляемся въ ея развалинахъ и въ малочисленныхъ, до насъ дошедшихъ памятникахъ ея славы—никогда еще не была описана столь совершенно. Геттигенской Профессоръ Гейне, одинъ изъ первыхъ знатоковъ Гре-

ческой Литтературы и Древностей, рецензировалъ Анахарсиса въ Геттингенскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ, и прославилъ его въ Германіи. Г. Бекъ съ великимъ нетерпѣніемъ ожидаетъ своего экземпляра.

Никто изъ Лейпцигскихъ Ученыхъ такъ не славенъ, какъ Докторъ Платнеръ, Эклектической Философъ, который ищетъ истины во всѣхъ системахъ, не привязываясь особенно ни къ одной изъ нихъ: который на прим. въ иномъ согласенъ съ Кантомъ, въ иномъ съ Лейбницемъ, или противорѣчитъ и тому и другому. Онъ умѣетъ писать ясно, и кто хотя нѣсколько знакомъ съ Логикою и Метафизикою, тотъ легко можетъ понимать его. Афоризмы его весьма уважаются, и человѣку, хотящему пуститься въ лабиринтъ философскихъ системъ, могутъ онѣ служить Аріадниною нитью. Мнѣ хотѣлось его видѣть, и отъ Г. Бека пошелъ я къ нему. Онъ живетъ за городомъ въ саду. Въ аллеѣ встрѣтилась мнѣ молодая жена его, Вейсеева дочь, и сказала, что Господинъ Докторъ дома. Минуты черезъ двѣ явился онъ самъ — высокой, сухощавый человѣкъ лѣтъ за сорокъ, съ острыми глазами, съ ученою миною и съ величавою осанкою. «Я уже слышалъ объ васъ отъ Г. Клейста» — сказалъ онъ и ввелъ меня въ свой кабинетъ. «Признаюсь вамъ, что я теперь занятъ, продолжалъ онъ: мнѣ надобно писать письма; завтра, въ этотъ часъ, прошу васъ къ себѣ» — и проч. Я извинялся, что пришелъ не во время, и кланялся, подвигаясь къ дверямъ. «Какой, или какимъ наукамъ вы особенно себя по-

святили?» спросилъ онъ. *Изящнымъ*, отвѣчалъ я, и покраснѣлся, — знаю, отъ чего — можетъ быть и вы, друзья мои, знаете.

Ввечеру я бродилъ по садамъ и по аллеямъ. Рихтеровъ садъ великъ и хорошъ. Дѣвушка въ бѣломъ корсетѣ, лѣтъ двѣнадцати, подала мнѣ при выходѣ букетъ цвѣтовъ. Это мнѣ очень полюбилось. Я изъяснилъ ей свою благодарность двумя грошами!!

Въ Вендлеровомъ саду видѣлъ я Геллертовъ монументъ, сдѣланный изъ бѣлаго мрамора Профессоромъ Эзеромъ. Тутъ, смотря на сей памятникъ добродѣтельнаго мужа, дружбою сооруженный, вспомнилъ я то щастливое время моего ребячества, когда Геллертовы басни составляли почти всю мою библіотеку; когда, читая его *Инкле* и *Ярико*, обливался я горькими слезами, или, читая *зеленаго осла*, смѣялся отъ всего сердца; когда Профессоръ **, преподавая намъ, маленькимъ своимъ ученикамъ, Мораль по Геллертовымъ лекціямъ (*Moralische Vorlesungen*), съ жаромъ говаривалъ: «Друзья мои! будьте таковы, какими учить васъ быть Геллертъ, и вы будете щастливы!» Воспоминанія растрогали мое сердце. Исторія жизни моей представилась мнѣ въ картинѣ: довольно тѣни! и что еще въ будущемъ ожидаетъ меня?

Я пошелъ изъ саду въ церковь Св. Іоанна, гдѣ поставленъ Геллерту учениками и друзьями его иной памятникъ, представляющій Религію, которая изъ металла вылитый и лаврами увѣнчаный образъ его подаетъ Добродѣтели (прекрасная мысль!) Обѣ статуи сдѣланы изъ бѣлаго мрамора. Внизу имя

его и слѣдующая надпись, сочиненная другомъ его Гейне: «Сему учителю и примѣру добродѣтели и Религіи посвятило сей памятникъ общество друзей его и современниковъ, бывшихъ свидѣтелями его достоинствъ.» — Пріятно, восхитительно для всякаго чувствительнаго сердца видѣть такія надписи, и знать, что не лесть, а истина начертала ихъ. Всѣ, знавшіе покойнаго Геллерта, единогласно называли его мужемъ добродѣтельнымъ. Жизнь его была сильнѣйшимъ опроверженіемъ мнѣнія тѣхъ людей, которые, находя порокъ во всякомъ уголкѣ сердца человѣческаго, считаютъ добродѣтель за одно пустое имя, — и тѣхъ, которые утверждаютъ, что Религія не дѣлаетъ людей лучшими. «Всѣмъ, что есть во мнѣ добраго — говаривалъ покойникъ тысячу разъ друзьямъ своимъ — всѣмъ обязанъ я Христіанству.» — Описаніе его жизни заключается сими словами: «Невѣрно то удивленіе и безсмертіе, котораго ожидать могутъ произведенія творческаго духа, ибо вкусъ народовъ перемѣняется со временемъ; но честь его нравственнаго характера нетлѣнна и непреходяща, подобно Религіи и Добродѣтели, котораго вѣкъ есть — вѣчность!»

Нѣтъ, Г. Мемель, я не пойду ужинать. Сяду подъ окномъ, буду читать Вейсееву Элегію на смерть Геллерта, Крамерову и Денисову Оду; буду читать, чувствовать и — можетъ быть плакать. Нынѣшній вечеръ посвящу памяти добродѣтельнаго. Онъ здѣсь жилъ и училъ добродѣтели!

==

Іюля 16.

Нынѣ поутру слышалъ я Эстетическую лекцію Доктора Платнера.

Эстетика есть *наука вкуса*. Она трактуетъ о чувственномъ познаніи вообще. Баумгартенъ первый предложилъ ее какъ особливую, отдѣленную отъ другихъ науку, которая — оставляя Логикѣ образованіе высшихъ способностей души нашей, т. е. разума и разсудка — занимается исправленіемъ чувствъ и всего чувственного, т. е. воображенія съ его дѣйствіями. Однимъ словомъ, Эстетика учитъ наслаждаться изящнымъ.

Превеликая зала была наполнена слушателями, такъ что негдѣ было упасть яблоку. Я долженъ былъ остановиться въ дверяхъ. Платнеръ говорилъ уже на кафедрѣ. Все молчало и слушало. Никакой шорохъ не мѣшалъ голосу Г. Доктора распространяться по залѣ. Я былъ далеко отъ него, однакожъ не проронилъ ни одного слова. Онъ говорилъ о великомъ духѣ или о Геніи. Геній, сказалъ онъ, не можетъ заниматься ничѣмъ, кромѣ важнаго и великаго — кромѣ Натуры и человѣка въ цѣломъ. И такъ Философія, въ высочайшемъ смыслѣ сего слова, есть его наука. Онъ можетъ иногда заниматься и другими науками, но только всегда въ отношеніи къ сей; имѣетъ *особливую* способность находить сокровенныя сходства, аналогію, тайныя согласія въ вещахъ, и часто видитъ связь тамъ, гдѣ обыкновенный человѣкъ никакой не видитъ; и потому часто находитъ важнымъ то, что обык-

повенному человѣку, котораго взоръ простирается не далеко, кажется бездѣлкою. Лейбницъ, великій Лейбницъ проѣхалъ всю Германію и Италію, рылся во всѣхъ архивахъ, въ пыли и въ гнили молью источенныхъ бумагахъ, для того, чтобы собрать матеріалы для Исторіи — Брауншвейгскаго Дому! Но провицательный Лейбницъ видѣлъ связь сей Исторіи съ иными предметами, важныя для человѣчества вообще.—Наконецъ во всѣхъ дѣлахъ такого человѣка видѣнъ особый духъ ревности, который, такъ сказать, оживляетъ ихъ и отличаетъ отъ дѣлъ людей обыкновенныхъ. Я вамъ поставлю въ примѣръ Франклина, не какъ Ученаго, но какъ Политика. Видя оскорбляемые права человѣчества, съ какимъ жаромъ берется онъ быть его ходатаемъ! Съ сей минуты перестаетъ жить для себя, и въ общемъ благѣ забываетъ свое частное. Съ какимъ рвеніемъ видимъ его текущаго къ своей великой цѣли, которая есть благо человѣчества! — Сей же духъ ревности оживляетъ и отличаетъ сочиненія великихъ Геніевъ. Если бы можно было извлечь его, на прим., изъ Мендельзоновыхъ Философическихъ Писемъ, или Іерузалимовой книги о Религіи, то въ первыхъ осталось бы одно схоластическое мудрованіе, а во второй обыкновенные догматы Теологіи; но, одушевляемая симъ огнемъ, возвышаютъ онѣ душу читателя.»

Платнеръ говоритъ такъ свободно, какъ бы въ своемъ кабинетѣ, и очень пріятно. Всѣ, сколько я могъ видѣть, слушали съ великимъ вниманіемъ.

Сказываютъ, что Лейпцигскіе Студенты никого изъ Профессоровъ такъ не любятъ и не почитаютъ, какъ его. — Когда онъ сошелъ съ кафедры, то ему, какъ Царю, дали просторную дорогу до самыхъ дверей. «Я никакъ не думалъ васъ здѣсь увидѣть — сказалъ онъ мнѣ — а если бы зналъ, что вы сюда придете, то велѣлъ бы приготовить для васъ мѣсто.» Онъ пригласилъ меня къ себѣ послѣ обѣда, и сказалъ, что хочетъ ужинать со мною въ такомъ мѣстѣ, гдѣ я увижу нѣкоторыхъ интересныхъ людей.

Въ Лейпцигѣ жила Р. — бывшая королева Пруссіи, которая въ 1806 году была въ Лейпцигѣ, когда онъ былъ занятъ войною.

Въ Лейпцигѣ жила и Е. — бывшая королева Саксоніи, которая въ 1806 году была въ Лейпцигѣ, когда онъ былъ занятъ войною.

Въ Лейпцигѣ жила и А. — бывшая королева Баваріи, которая въ 1806 году была въ Лейпцигѣ, когда онъ былъ занятъ войною.

Юля 16, въ 2 часа по полудни.

Говорятъ, что въ Лейпцигѣ жить весело, — и я вѣрю. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ богатыхъ купцовъ часто даютъ обѣды, ужины, балы. Молодые щеголи изъ Студентовъ являются съ блескомъ въ сихъ собраніяхъ: играютъ въ карты, танцуютъ, куртизируютъ. Сверхъ того здѣсь есть особливья ученая общества или клубы; тамъ говорятъ объ ученыхъ или политическихъ новостяхъ, судятъ книги и проч. — Здѣсь есть и театръ; только комедіанты уѣзжаютъ отсюда на цѣлое лѣто въ другіе города, и возвращаются уже осенью къ такъ называемой Михайловой ярманкѣ. — Для того, кто любить гулять, много вокругъ Лейпцига пріятныхъ мѣстъ; а для того, кто любитъ услаждать

вкусъ, есть здѣсь отмѣнно вкусныя жаворонки, славныя пироги, славная спаржа и множество плодовъ, а особливо вишня, которая очень хороша и теперь такъ дешева, что за цѣлое блюдо надобно заплатить не болѣе десяти копѣекъ.—Въ Саксоніи вообще жить не дорого. За столъ безъ вина плачу здѣсь 30 коп., за компату также 30 коп., то же платилъ я и въ Дрезденѣ.

Почти на всякой улицѣ найдете вы нѣсколько книжныхъ лавокъ, и всѣ Лейпцигскіе книгопродавцы богатѣютъ, — что для меня удивительно. Правда, что здѣсь много Ученыхъ, имѣющихъ нужду въ книгахъ; но сіи люди почти всѣ или Авторы или переводчики, и собирая библіотеки, платятъ они книгопродавцамъ не деньгами, а сочиненіями или переводами. Къ тому же во всякомъ Нѣмецкомъ городѣ есть публичныя библіотеки, изъ которыхъ можно брать для чтенія всякія книги, платя за то бездѣлку.—Книгопродавцы изъ всей Германіи съѣзжаются въ Лейпцигъ на ярманки (которыхъ бываетъ здѣсь три въ годъ: одна начинается съ перваго Января, другая съ Пасхи, а третья съ Михайлова дня) и мѣняются между собою новыми книгами. Безчестными почитаются изъ нихъ тѣ, которые перепечатываютъ въ своихъ типографіяхъ чужія книги, и дѣлаютъ черезъ то подрывъ тѣмъ, которые купили манускрипты у Авторевъ. Германія, гдѣ книжная торговля есть едва ли не самая важнѣйшая, имѣетъ нужду въ особливомъ и строгомъ для сего законѣ.—Вы пожелаете можетъ быть знать, какъ дорого платятъ

книгопродавцы Авторамъ за ихъ сочиненія? Смотря по сочинителю. Естьли онъ еще не извѣстенъ Публикѣ съ хорошей стороны, то едва ли дадутъ ему за листъ и пять талеровъ; но когда онъ прославится, то книгопродавецъ предлагаетъ ему десять, двадцать и болѣе талеровъ за листъ.

Въ 11 часовъ вечера. Въ назначенный часъ я пришелъ къ Платнеру. «Вы конечно поживете съ нами,» сказалъ онъ, посадивъ меня. — Нѣсколько дней, отвѣчалъ я. — «Только? А я думалъ, что вы пріѣхали пользоваться Лейпцигомъ. Здѣшніе Ученые сочли бы за удовольствіе способствовать вашимъ успѣхамъ въ наукахъ. Вы еще молоды, и знаете Нѣмецкой языкъ. вмѣсто того, чтобы перѣзжать изъ города въ городъ, лучше вамъ пожить въ такомъ мѣстѣ, какъ Лейпцигъ, гдѣ многіе изъ вашихъ единоплеменниковъ искали просвѣщенія и, надѣюсь, не тщетно.» — Я почелъ бы за особенное счастіе быть вашимъ ученикомъ, Г. Докторъ; но обстоятельства, обстоятельства — — «И такъ мнѣ остается жалѣть, естьли они не позволяютъ вамъ на сей разъ остаться съ нами.»

Онъ помнитъ К*, Р* и другихъ Русскихъ, которые здѣсь учились. «Всѣ они были моими учениками, сказалъ онъ: только я былъ тогда еще не то, что теперь.» — По крайней мѣрѣ ваши Афоризмы еще не были изданы....

И въ самую ту минуту, какъ я, упомянувъ объ Афоризмахъ, хотѣлъ просить у него объясненія на нѣкоторыя мѣста изъ нихъ, пришли къ нему съ Университетскими дѣлами. Онъ отправляетъ

должность Ректора.—У меня не много свободного времени, сказалъ онъ: однакожь вы должны нынѣ со мною ужинать. Въ восемь часовъ велите себя проводить въ трактиръ *Голубаго Ангела*.

Я имѣлъ время погулять въ Рихтеровомъ саду (гдѣ дѣвушка въ бѣломъ корсетѣ опять вручила мнѣ букетъ цвѣтовъ), и въ восемь часовъ пришелъ въ трактиръ *Голубаго Ангела*. Меня провели въ большую комнату, гдѣ накрытъ былъ столъ на двадцать кувертовъ, но гдѣ еще никого не было. Черезъ полчаса явился Платнеръ съ ученою братіею. Онъ каждому представлялъ меня, и сказывалъ мнѣ имена ихъ: но всѣ они были мнѣ неизвѣстны, кромѣ стараго Профессора Эзера и Биргермейстера Миллера, издавшаго Сульцерову Теорію Изящныхъ Наукъ съ своими примѣчаніями. Сѣли за ужинъ,—самый Аѳинскій; только что вино пили мы не изъ чашъ, цвѣтами оплетенныхъ, а изъ простыхъ Саксонскихъ рюмокъ. Всѣ были веселы и говорливы; хотѣли, чтобы и я говорилъ, и спрашивали меня о нашей Литтературѣ. Они очень удивились, слыша отъ меня, что десять пѣсней Мессіады переведены на Руской языкъ. «Я не думалъ бы—сказалъ молодой Профессоръ Поэзіи—чтобы въ вашемъ языкѣ можно было найти выраженія для Клопштоковыхъ идей.» Еще то скажу вамъ, примолвилъ я, что переводъ вѣренъ и ясенъ.—Въ доказательство, что нашъ языкъ не противенъ ушамъ, читалъ я имъ Рускіе стихи разныхъ мѣръ, и они чувствовали ихъ *опредѣленную* гармонію. Говоря о нашихъ оригинальныхъ произ-

веденіяхъ, прежде всѣхъ наименовалъ я двѣ Эпическія Поэмы, Россіяду и Владиміра, которыя должны имя творца своего сдѣлать незабвеннымъ въ Исторіи Россійской Поэзіи. — Платнеръ игралъ за ужиномъ первую ролю, т. е. онъ управлялъ разговоромъ. Если вообще справедливо укоряютъ Нѣмецкихъ Ученыхъ нѣкоторою неловкостію въ общеніи, то по крайней мѣрѣ Докторъ Платнеръ (и конечно вмѣстѣ со многими другими) долженъ быть исключенъ изъ сего числа. Онъ самый свѣтскій человѣкъ: любить и умѣетъ говорить; говорить смѣло, для того, что знаетъ свою цѣну. — Старикъ Эзеръ любезенъ по своему простосердечію. Къ нему имѣютъ уваженіе; слушаютъ его анекдоты, и смѣются, примѣчая, что онъ хочетъ смѣшнить. Во время царствованія Императрицы Елисаветы Петровны собирался онъ ѣхать въ Россію, но раздумалъ. — Что принадлежитъ до Биргермейстера Миллера, то онъ, кажется, очень важнается. — Въ десять часовъ встали, пожелали другъ другу добраго вечера, и разошлись. Платнеръ не позволилъ мнѣ заплатить за ужинъ: что для меня не совсѣмъ пріятно было. — Такимъ образомъ избранные Лейпцигскіе Ученые ужинаютъ вмѣстѣ одинъ разъ въ недѣлю, проводятъ вечеръ въ пріятныхъ разговорахъ.

Милые друзья мои! я вижу людей достойныхъ моего почтенія, умныхъ, знающихъ, ученыхъ, славныхъ — но всѣ они далеки отъ моего сердца. Кто изъ нихъ имѣетъ во мнѣ хотя малѣйшую нужду? Всякой занятъ своимъ дѣломъ, и никто не

заботится о бѣдномъ странникѣ. Никто не хватится меня завтра, естли нынѣшняя ночь на черныхъ своихъ крыльяхъ унесетъ мою душу изъ здѣшняго міра; ни чей вздохъ не полетитъ въ слѣдъ за мною — и вы бы долго, долго не узнали о переселеніи вашего друга!

=

Іюля 17.

Въ шестомъ часу вышелъ я за городъ съ покойнымъ и веселымъ духомъ; бросился на траву бальзамическаго луга, наслаждался утромъ, — и былъ счастливъ!

Солнце взошло высоко, и жаръ лучей его далъ мнѣ чувствовать, что полдень не далеко. Деревня, въ которой живетъ Вейсе, была у меня въ виду. Пожелавъ добраго утра молодой крестьянкѣ, которая мнѣ встрѣтилась, я спросилъ у нее, гдѣ домъ Господина Вейсе? — «Тамъ, на правой сторонѣ большой домъ съ садомъ!»

Вейсе, любимецъ драматической и лирической Музы — другъ добродѣтели и всѣхъ добрыхъ — другъ дѣтей, который ученіемъ и примѣромъ своимъ распространилъ въ Германіи правила хорошаго воспитанія — Вейсе проводитъ лѣто въ маленькой деревенькѣ, верстахъ въ двухъ отъ Лейпцига, среди честныхъ поселянъ и семейства своего. Я вошелъ въ горницу и видѣлъ въ окно, какъ любезный хозяинъ, маленькой человѣчекъ въ крас-

номъ халатѣ и въ бѣлой шляпѣ, спѣшилъ къ дому по алеѣ, узнавъ отъ служанки, что какой-то Москвитянинъ его дожидается. Онъ вошелъ въ горницу въ томъ же красномъ халатѣ, но только уже не въ бѣлой шляпѣ, а въ напудренномъ парикѣ съ кошелькомъ. Я съ примѣчаніемъ смотрѣлъ на портретъ твой, любезный Вейсе, и узналъ бы тебя между тысячами!—Ему уже слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ; но румяное и свѣжее лице его не показываетъ ни пятидесяти—и во всякой чертѣ лица сего видна добрая душа!

Онъ обошелся со мною ласково, и сердечно, просто; жалѣлъ, что я пришелъ къ нему, а не онъ ко мнѣ—и въ такой жаръ: подчивалъ меня лимонадомъ, и проч.

Я сказалъ ему, что разныя піесы изъ его *Друга дѣтей* переведены на Руской, и нѣкоторыя мною. Въ Германіи многіе писали и пишутъ для дѣтей и для молодыхъ людей; но никто не писалъ и не пишетъ лучше Вейсе. Онъ самъ отецъ, и отецъ нѣжный, посвятившій себя воспитанію юныхъ сердецъ. Со всѣхъ сторонъ осыпали его благодарностію, когда онъ издавалъ свои еженедѣльные листы: дѣти благодарили за удовольствіе, а отцы за видную пользу, которую сіе чтеніе приносило ихъ дѣтямъ. — Онъ издаетъ нынѣ *Переписку Фамиліи Друга Дѣтей*, пріятную и полезную молодымъ людямъ.

Вейсе съ великою скромностію говоритъ о своихъ сочиненіяхъ; однакожь безъ всякаго притворнаго смиренія, которое для меня такъ же против-

но, какъ и самохвальство.—Съ какимъ чувствомъ описываетъ семейственное свое щастіе! «Благодарю Бога,—сказалъ онъ сквозь слезы — благодарю Бога! Онъ далъ мнѣ вкусить въ здѣшней жизни самыя чистѣйшія удовольствія; и я осмѣлился бы назвать свое щастіе совершеннымъ, если бы Небесная Благодать возвратила здоровье дочери моей, которая нѣсколько лѣтъ больна, и которой искусство врачей не помогаетъ.» — Однимъ словомъ, если я любилъ Вейсе какъ Автора, то теперь, узнавъ его лично, еще болѣе полюбилъ какъ человека.

У него есть рукописная исторія нашего Театра, переведенная съ Рускаго. Г. Дмитревской, будучи въ Лейпцигѣ, сочинилъ ее; а нѣкто изъ Рускихъ, которые учились тогда въ здѣшнемъ Университетѣ, перевелъ на Нѣмецкой и подарилъ Господину Вейсе, который хранитъ сію рукопись, какъ рѣдкость, въ своей библіотекѣ.

Наконецъ я съ нимъ простился. «Путешествуйте щастливо — сказалъ онъ — и наслаждайтесь всѣмъ, что можетъ принести удовольствіе чистому сердцу! Однакожь я постараюсь еще увидѣться съ вами въ Лейпцигѣ.» — А вы наслаждайтесь яснымъ вечеромъ своей жизни! сказалъ я, вспомнивъ ла-Фонтеновъ стихъ: *sa fin* (т. е. конецъ мудраго) *est le soir d'un beau jour*—и пошелъ отъ него, будучи совершенно доволенъ въ своемъ сердцѣ. Одинъ взглядъ на добраго есть щастіе для того, въ комъ не загрузѣло чувство добра.

Возвратясь въ Лейпцигъ, зашелъ я въ книжную

лавку и купилъ себѣ на дорогу Оссіанова Фингала и Vicar of Wakefield. —

Въ полночь. Нынѣшній вечеръ провелъ я очень пріятно. Въ шесть часовъ пошли мы съ Гм. Мелли въ загородный садъ. Тамъ было множество людей: и Студентовъ и Филистровъ *. Одни, сидя подъ тѣнію деревъ, читали или держали передъ собою книги, не удостоивая проходящихъ взора своего; другіе, сидя въ кругу, курили трубки и защищались отъ солнечныхъ лучей густыми табашными облаками, которыя извивались и клубились надъ ихъ головами; иные въ темныхъ аллеяхъ гуляли съ дамами, и,—проч. Музыка гремѣла и человѣкъ, ходя съ тарелкою, собиралъ деньги для музыкантовъ; всякой давалъ, что хотѣлъ.

Г. Мелли удивилъ меня, начавъ говорить со мною по-Руски. «Я жилъ четыре года въ Москвѣ — сказалъ онъ—и хотя уже давно выѣхалъ изъ Россіи, однакожь не забылъ еще вашего языка» — Къ намъ присоединились Гг. Швейдеръ и Годи, путешествующіе съ Княгинею Бѣлосельскою, которая теперь въ Лейпцигѣ. Перваго видалъ я въ Москвѣ, и мы обрадовались другъ другу какъ старинные знакомые. Г. Мелли угостилъ насъ въ трактирѣ хорошимъ ужиномъ. Мы пробыли тутъ до

* Такъ Студенты называютъ гражданъ, и Господину Аделунгу угодно почитать это слово за испорченное, вышедшее изъ Латинскаго слова *Balistarii*. Сямъ именемъ назывались городскіе солдаты и простые граждане.

полуночи, и вмѣстѣ пошли назадъ въ городъ. Ворота были заперты, и каждый изъ насъ заплатилъ по нѣскольку копѣекъ за то, что ихъ отворили. Таковъ законъ въ Лейпцигѣ: или возвращайся въ городъ ранѣе, или плати штрафъ.

==

Юля 19.

Нынѣ получилъ я вдругъ два письма отъ А*, которыхъ содержаніе для меня очень непріятно. Я не найду его во Франкфуртѣ. Онъ ѣдетъ въ Парижъ на нѣсколько недѣль, и хочетъ, чтобы я дождался его или въ Мангеймѣ или въ Страсбургѣ; но мнѣ никакъ не лъзя исполнить его желанія. Такимъ образомъ разрушилось то зданіе пріятностей и удовольствій, которое основывалъ я на свиданіи съ любезнымъ другомъ! И такимъ образомъ во всемъ своемъ путешествіи не увижу ни одного человека, близкаго къ моему сердцу! Эта мысль сдѣлала меня печальнымъ, и я пошелъ безъ цѣли бродить по городу и по окрестностямъ. Мнѣ встрѣтился Г. Бр., молодой Ученый, съ которымъ я здѣсь познакомился. Оба вмѣстѣ пошли мы въ Розенталь, большой паркъ. Я вспомнилъ, что извѣстный обманщикъ Шрепферъ кончилъ тутъ жизнь свою пистолетнымъ выстрѣломъ. Кто не хотѣлъ бы знать его подлинной, таинственной исторіи? Сей человекъ долгое время былъ слугою въ одномъ

кофейномъ домѣ въ Лейпцигѣ, и никто не примѣчалъ въ немъ ничего чрезвычайнаго. Вдругъ онъ скрылся, и чрезъ нѣсколько лѣтъ опять явился въ Лейпцигѣ подъ именемъ Барона Шрепфера, нанялъ себѣ большой домъ и множество слугъ; объявилъ себя мудрецомъ, повелѣвающимъ Натурою и Духами, и въ громкую трубу звалъ къ себѣ всѣхъ легковѣрныхъ людей, обѣщая имъ золотыя горы. Со всѣхъ сторонъ стекались къ нему ученики. Иные подлинно хотѣли отъ него научиться тому, чему ни въ какихъ Университетахъ не учатъ; а другимъ болѣе всего нравился его хорошій столъ. Съ почты приносили ему большіе пакеты, надписанные на имя *Барона Шрепфера*, а банкиры, получа вексели, давали ему большія суммы денегъ. Съ разительнымъ краснорѣчіемъ говорилъ онъ о своихъ тайнствахъ, будто бы въ Италіи ему сообщенныхъ, и разгорячивъ воображеніе слушателей, показывалъ имъ Духовъ, тѣни умершихъ знакомыхъ, и проч. *Прииди и виждь!* кричалъ онъ всѣмъ, которые сомнѣвались—приходили и видѣли тѣни и разные страхи, отъ которыхъ у трусливыхъ людей волосы дыбомъ становились. Надобно замѣтить, что кругъ ревностныхъ его почитателей состоялъ не изъ Ученыхъ, т. е. не изъ тѣхъ, которые привыкли разсуждать по Логикѣ (сихъ людей не могъ онъ терпѣть, какъ такихъ, которые вѣрятъ разуму болѣе, нежели глазамъ), а изъ дворянъ и купцовъ, совсѣмъ незнакомыхъ съ науками. Замѣтить надобно и то, что онъ только показывалъ чудеса, а никого въ самомъ дѣлѣ не

научалъ дѣлать ихъ; и что онъ показывалъ ихъ только у себя дома, въ нѣкоторыхъ, особливо на то определенныхъ комнатахъ. Г. Бр. рассказывалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ. Нѣкто М* пришелъ къ Шрепферу съ своимъ пріятелемъ, для того, чтобы видѣть его, духопризываніе. Онъ нашелъ у него множество гостей, которымъ безпрестанно подносили пуншъ: М* не хотѣлъ пить. Шрепферъ приступалъ къ нему, чтобы онъ выпилъ хоть одинъ стаканъ; но М* отговорился. Потомъ ввели всѣхъ въ большую залу, обитую чернымъ сукномъ, и въ которой окна были затворены. Шрепферъ поставилъ всѣхъ зрителей вмѣстѣ, очертилъ ихъ кругомъ, и не велѣлъ никому трогаться съ мѣста. Шагахъ въ трехъ отъ нихъ, на маленькомъ жертвенникѣ горѣлъ спиртъ, — чѣмъ единственно освѣщалась зала. Передъ симъ жертвенникомъ Шрепферъ, обнаживъ грудь свою и взявъ въ руку большой блестящій мечъ, бросился на колѣни и громко началъ молиться, съ такимъ жаромъ, съ такимъ рвеніемъ, что М*, пришедшій видѣть обманщика и обманъ, почувствовалъ трепеть и благоговѣніе въ своемъ сердцѣ. Огонь блисталъ въ глазахъ молящагося, и грудь его высоко поднималась. Ему надлежало призвать тѣнь одного извѣстнаго человека, не давно умершаго. По окончаніи молитвы онъ началъ призываніе сими словами: «О ты, блаженный духъ, преселившійся въ безплотный и смертнымъ неизвѣстный міръ! внимли гласу оставленныхъ тобою друзей, желающихъ тебя видѣть; внимли, и оставя на время новую свою обитель, явился

очамъ ихъ!» и проч. и проч. Зрители почувствовали электрическое потрясеніе въ своихъ нервахъ, услышали ударъ, подобный громовому, и увидѣли надъ жертвенникомъ легкій паръ, который мало по малу густѣлъ, и наконецъ образовалъ человѣческую фигуру; однакожь М* не примѣтилъ въ ней большаго сходства съ покойникомъ. Образъ носился надъ жертвенникомъ, а Шрепферъ, который сдѣлался блѣденъ какъ смерть, махалъ мечемъ вокругъ головы своей. М* рѣшился выйти изъ круга и приблизиться къ Шрепферу; но сей, примѣтивъ его движеніе, вскочилъ, бросился на него, и устремивъ мечъ къ его сердцу, закричалъ страшнымъ голосомъ: *ты умрешь, несчастный, если хотя одинъ шагъ впередъ ступишь!* У М* подкопились ноги; такъ онъ испугался грознаго голоса и блестящаго меча его! Тѣнь исчезла. Шрепферъ отъ усталости растянулся на полу, и велѣлъ выйти всѣмъ зрителямъ въ другую комнату, гдѣ подали имъ на блюдахъ свѣжіе плоды.—Многіе приходили къ Шрепферу какъ въ спектакль, и хотя знали, что вся тайная мудрость его состояла въ шарлатанствѣ, однакожь съ удовольствіемъ смотрѣли на важныя комедіи, имъ играемыя. Все это продолжалось нѣсколько времени. Но вдругъ Шрепферъ задолжалъ въ Лейпцигѣ многимъ купцамъ, и притомъ такимъ, которые, не имѣя никакого желанія видѣть его Духовъ, требовали немедленно платежа. Векселей къ нему уже не присылали, банкиры не давали ему ни гроша, и несчастный мудрецъ, доведенный до крайности, застрѣлился въ

Розенталъ. — По сіе время не извѣстно, откуда получалъ Шрепферъ деньги, и какую имѣлъ цѣль, выдавая себя за духопризывателя. По гипотезѣ ученыхъ Берлинцовъ, онъ былъ орудіе тайныхъ Іезуитовъ (вмѣстѣ съ Каліостромъ, который въ самомъ дѣлѣ есть второй Шрепферъ) — Іезуитовъ, хотящихъ снова овладѣть умами человѣческими. Если это правда — въ чемъ однакожъ я очень, очень сомнѣваюсь — то съ дозволенія Господъ тайныхъ Іезуитовъ можно сказать, что они напрасно льстятся нынѣ подчинить себѣ Европу посредствомъ такихъ шарлатановъ — тогда, какъ законы разума всенародно возглашаются, и просвѣщеніе болѣе и болѣе распространяется — просвѣщеніе, котораго одна искра можетъ освѣтить бездну заблужденій. — Вы скажете, можетъ быть, что Шрепферъ бралъ деньги съ обольщенныхъ имъ людей? Но точно не извѣстенъ ни одинъ человѣкъ, съ котораго бы онъ бралъ ихъ.

Сію минуту получилъ я записку отъ Платнера, въ которой изъявляетъ онъ свое желаніе, чтобы я когда нибудь пожилъ въ Лейпцигѣ долѣе, и подалъ ему случай заслужить мою благодарность. — Профессоръ Бекъ, который очень обязалъ меня своею ласкою, взялъ на себя искать Гофмейстера для П*. Онъ будетъ писать ко мнѣ въ Цирихъ. — Простите, любезные друзья!

Веймаръ, Іюля 20.

Въ путешествіи своемъ отъ Лейпцига до Веймара не замѣтилъ я ничего, кромѣ прекрасной долины, на которой лежитъ городъ Наумбургъ, и маленькой деревеньки, гдѣ ребятишки набросали множество цвѣтовъ къ намъ въ коляску — къ намъ, говорю, потому что я ѣхалъ до Буттельштета съ однимъ молодымъ Французомъ, который былъ чѣмъ-то въ свитѣ Французскаго Посланника въ Дрезденѣ. Разумѣется, что ребятишки хотѣли денегъ; мы бросили нѣсколько грошей, и они громко закричали намъ *спасибо!*—Французъ, который не разумѣлъ ни одного слова по-Нѣмецки, и которому я служилъ переводчикомъ, почти заплакалъ, когда намъ пришлось разставаться. Впрочемъ онъ былъ для меня совсѣмъ не занимателенъ.

На разсвѣтѣ пріѣхали мы въ Буттельштетъ, гдѣ Почтмейстеръ далъ мнѣ до Веймара маленькую колясочку. Я подарилъ постиліону фарфоровую трубку, купленную мною на Берлинской фабрикѣ, а онъ изъ благодарности привезъ меня въ Веймаръ довольно скоро.

Мѣстоположеніе Веймара изрядно. Окрестныя деревеньки съ полями и рощицами составляютъ пріятный видъ. Городъ очень не великъ, и кромѣ Герцогскаго дворца не пайдешь здѣсь ни одного огромнаго дома. — У городскихъ воротъ меня допрашивали; послѣ чего предложилъ я караульному Сержанту свои вопросы, а именно: «здѣсь ли Виландъ? здѣ лись Гердеръ? здѣсь ли Гете? «Здѣсь,

здѣсь, здѣсь, отвѣчалъ онъ—и я велѣлъ постилюну везти себя въ трактиръ *Слона*.

Наемный слуга немедленно былъ отправленъ мною къ Виланду, спросить, дома ли онъ? *Нѣтъ, онъ во дворцѣ*. — Дома ли Гердеръ? *Нѣтъ, онъ во дворцѣ*. — Дома ли Гете? *Нѣтъ, онъ во дворцѣ*.

Во дворцѣ! во дворцѣ! повторилъ я, передражывая слугу, — взялъ трость и пошелъ въ садъ. Большой зеленый лугъ, обсаженный деревьями и называемый *звѣздою*, мнѣ очень понравился; но еще болѣе понравился мнѣ дикіе, мрачные берега стремительно текущаго ручья, подъ шумомъ котораго, сѣвъ на мшистомъ камнѣ, прочиталъ я первую книгу *Фингала*. — Люди, которые встрѣчались мнѣ въ саду, глядѣли на меня съ такимъ любопытствомъ, съ какимъ не смотрятъ на людей въ большихъ городахъ, гдѣ на всякомъ шагу встрѣчаются незнакомыя лица.

Узнавъ, что Гердеръ наконецъ дома, пошелъ я къ нему. У него одна мысль, сказалъ объ немъ какой-то Нѣмецкой Авторъ, и сія мысль есть *цѣлый міръ*. Я читалъ его *Urkunde des menschlichen Geschlechts*, читалъ, многого не понималъ; но что понималъ, то находилъ прекраснымъ. Въ какихъ картинахъ изображаетъ онъ твореніе! Какое восточное великолѣпіе! — Я читалъ его *Бога*, одно изъ повѣйшихъ сочиненій, въ которомъ онъ доказываетъ, что Спиноза былъ глубокомысленный Философъ и ревностный чтитель Божества, отъ пантеизма и атеизма равно удаленный, и по сему поводу сообщаетъ собственныя свои мысли о Божествѣ и

твореніи, прекрасныя, утѣшительныя для человѣка мысли. Чтеніе сей маленькой книжки уладило нѣсколько часовъ въ моей жизни. Я выписалъ изъ нее многія мѣста, которыя мнѣ отмѣнно понравились. Постойте — не найду ли чего нибудь въ записной книжкѣ своей? ... Нашелъ одно мѣсто, которое, можетъ быть, и вамъ понравится — и для того включу его въ свое письмо. Авторъ говоритъ о «смерти. «Взглянемъ на лилію въ полѣ; она впитываетъ въ себя воздухъ, свѣтъ, всѣ стихіи — и соединяетъ ихъ съ существомъ своимъ, для того, «чтобы расти, накопить жизненнаго соку и расцвѣсть; цвѣтеть, и потомъ исчезаетъ. Всю силу, «любовь и жизнь свою истощила она на то, чтобы «сдѣлаться матерью, оставить по себѣ образы свои «и размножить свое бытіе. Теперь исчезло явленіе лиліи; она истлѣла въ неутомимомъ служеніи «Натуры; готовилась къ разрушенію съ начала «жизни. Но что разрушилось въ ней, кромѣ явленія, которое не могло быть долѣе, которое, — до «стигнувъ до высочайшей степени, заключавшей «въ себѣ видъ и мѣру красоты ея, — назадъ обратилось? и не съ тѣмъ, чтобы, лишась жизни, уступить мѣсто юнѣйшимъ живымъ явленіямъ — сіе «было бы для насъ весьма печальнымъ символомъ — нѣтъ! напротивъ того она, какъ живая, «со всею радостію бытія произвела бытіе ихъ, и «въ зародышѣ любезнаго вида передала его вѣчно цвѣтущему саду времени, въ которомъ и сама цвѣтеть. Ибо лилія не погибла съ симъ явленіемъ; сила корня ея существуетъ; она вновь про-

«будится отъ зимняго сна своего и возстанетъ въ
«новой весенней красотѣ, подлѣ милыхъ дочерей
«бытія своего, которыя стали ея подругами и се-
«страми. И такъ нѣтъ смерти въ твореніи; или
«смерть есть не что иное, какъ удаленіе того, что
«не можетъ быть долѣе, т. е. дѣйствіе вѣчно-юной,
«неутомимой силы, которая по своему свойству не
«можетъ ни минуты быть праздною или покоиться.
«По изящному закону Премудрости и Благости, все
«въбыстрѣйшемъ теченіи стремится къ новой силѣ
«юности и красоты — стремится, и всякую минуту
«превращается.» — Въ семъ сочиненіи все ясно
и понятно и согласно. Тутъ не бурнопламенное
воображеніе юноши кружится на высотахъ и свер-
каетъ во мракѣ, подобно почному метеору, бле-
стящему и въ минуту исчезающему: но мысль
мудраго мужа, разумомъ освѣщаемая, тихо несет-
ся на легкихъ крыльяхъ вѣющаго эфира — не-
сется ко храму вѣчной Истины, и свѣтлою стру-
ею свой путь означаетъ. — Я читалъ еще сего
Парамитіи *, нѣжныя произведенія цвѣтущей фан-
тазіи, которыя дышатъ Греческимъ духомъ, и
прекрасны какъ утренняя роза.

Онъ встрѣтилъ меня еще въ сѣняхъ, и обо-
шелся со мною такъ ласково, что я забылъ въ
немъ великаго Автора, а видѣлъ передъ собою
только любезнаго, привѣтливаго человѣка. — Онъ

* Т. е. *отдохновеніи*. Сямъ именемъ называютъ еще
и нынѣшніе Греки свои забавныя краткія повѣсти.

разспрашивалъ меня о политическомъ состояніи Россіи, но съ отмѣнною скромностію. Потомъ разговоръ обратился на Литтературу, и слыша отъ меня, что я люблю Нѣмецкихъ Поэтовъ, спросилъ онъ, кого изъ нихъ предпочитаю всѣмъ другимъ? Сей вопросъ привелъ меня въ затрудненіе. Клонштока, отвѣчалъ я запинаясь, почитаю самымъ *выспреннимъ* изъ Пѣвцовъ Германскихъ. «И справедливо, сказалъ Гердеръ: только его читаютъ менѣе, нежели другихъ, и я знаю многихъ, которые въ Мессіадѣ на десятой пѣсни остановились съ тѣмъ, чтобъ уже никогда не приниматься за эту славную поэму.» — Онъ хвалилъ Виланда, а особливо Гете — и велѣвъ маленькому своему сыну принести новое изданіе его сочиненій, читалъ мнѣ съ живостію нѣкоторыя изъ его прекрасныхъ мелкихъ стихотвореній. Особливо нравится ему маленькая піеса, подъ именемъ *Meine Göttin*, которая такъ начинается:

Welcher Unsterblichen
Soll der höchste Preis seyn?
Mit niemand streit' ich,
Aber ich geb' ihn
Der ewig beweglichen,
Immer neuen,
Seltsamsten Tochter Iovis,
Seinem Schooskinde,
Der Phantasie, и проч.

«Это совершенно по-Гречески, сказалъ онъ — и какой языкъ! какая чистота! какая легкость!» — Гердеръ, Гете и подобные имъ, присвоившіе себѣ

духъ древнихъ Грековъ, умѣли и языкъ свой сблизить съ Греческимъ и сдѣлать его самымъ богатымъ и для Поэзіи удобнѣйшимъ языкомъ; и потому ни Французы, ни Англичане не имѣютъ такихъ хорошихъ переводовъ съ Греческаго, какими обогатили нынѣ Нѣмцы свою Литтературу. Гомеръ у нихъ Гомеръ: та же неискусственная, благородная простота въ языкѣ, которая была душею древнихъ временъ, когда Царевны ходили по воду и Цари знали счетъ своимъ баранамъ. — Гердеръ любезный человѣкъ, друзья мои. Я простился съ нимъ до завтрашняго дня.

Въ церковь Св. Якова надобно было зайти для того, чтобы видѣть тамъ на стѣнѣ барельефъ покойнаго Профессора Музеуса, сочинителя *Физиогномическаго Путешествія* и *Нѣмецкихъ народныхъ сказокъ*. Подъ барельефомъ стоитъ на книгѣ урна, съ надписью: *незабвенному Музеусу*. — Чувствительная Амалія! * потомство будетъ благодарить тебя за то, что ты умѣла чтить дарованія.

==

21 Іюля.

Вчера два раза былъ я у Впланда и два раза сказали мнѣ, что его нѣтъ дома. Нынѣ пришелъ

* Герцогиня Веймарская, мать владѣющаго Герцога.

къ нему въ восемь часовъ утра, и увидѣлъ его. Вообразите себѣ человѣка довольно высокаго, тонкаго, долголицаго, рябоватаго, бѣлокураго, почти безволосаго, у котораго глаза были нѣкогда сѣрые, но отъ чтенія стали красные — таковъ Виландъ. Желаніе видѣть васъ привело меня въ Веймаръ — сказалъ я. «Это не стоило труда!» отвѣчалъ онъ съ холоднымъ видомъ и съ такою ужимкою, которой я совсѣмъ не ожидалъ отъ Виланда. Потомъ спросилъ онъ, какъ я, живучи въ Москвѣ, научился говорить по-Нѣмецки? Отвѣчая, что мнѣ былъ случай говорить съ Нѣмцами и притомъ съ такими, которые хорошо знаютъ свой языкъ, упомянулъ я о Л*. Тутъ разговоръ обратился на сего несчастнаго человѣка, который нѣкогда былъ ему очень знакомъ. Между тѣмъ мы все стояли: изъ чего и надлежало мнѣ заключить, что онъ не намѣренъ удерживать меня долго въ своемъ кабинетѣ. «Конечно я пришелъ не во время?» спросилъ я. — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: впрочемъ поутру мы обыкновенно чѣмъ нибудь занимаемся. — «И такъ позвольте мнѣ притти въ другое время; назначьте только часъ. Еще повторяю вамъ, что я пріѣхалъ въ Веймаръ единственно для того, чтобы васъ видѣть.» — *Виландъ*. Чего вы отъ меня хотите? — *Я*. Ваши сочиненія заставили меня любить васъ, и возбудили во мнѣ желаніе узнать Автора лично. Я ничего не хочу отъ васъ, кромѣ того, чтобы вы позволили мнѣ видѣть себя. — *В*. Вы приводите меня въ замѣшательство. Сказать ли вамъ искренно? — *Я*.

Скажите. — *В.* Я не люблю новыхъ знакомствъ, а особливо съ такими людьми, которые мнѣ ни по чему не извѣстны. Я васъ не знаю. — *Я.* Правда; но чего вамъ опасаться? — *В.* Нынѣ въ Германіи вошло въ моду путешествовать и описывать путешествія. Многіе переѣзжаютъ изъ города въ городъ, и стараются говорить съ извѣстными людьми только для того, чтобы послѣ все слышанное отъ нихъ напечатать. Что сказано было между четырехъ глазъ, то выдается въ публику. Я на себя не надеженъ; иногда могу быть слишкомъ откровененъ. — *Я.* Вспомните, что я не Нѣмецъ, и не могу писать для Нѣмецкой Публики. Къ тому же вы могли бы обязать меня словомъ честнаго человѣка. — *В.* Но какая польза намъ знакомиться? Положимъ, что мы сойдемся образомъ мыслей и чувствъ: да наконецъ не надобно ли будетъ намъ разстаться? Вѣдь вы здѣсь не будете жить? — *Я.* Для того, чтобы имѣть удовольствіе васъ видѣть, могу остаться въ Веймарѣ дней десять, и разставшись съ вами, радовался бы тому, что узналъ Виланда — узналъ какъ отца среди семейства, и какъ друга среди друзей. — *В.* Вы очень искренны. Теперь мнѣ должно васъ остерегаться, чтобы вы съ этой стороны не примѣтили во мнѣ чего нибудь дурнаго. — *Я.* Вы шутите. — *В.* Ни мало. Сверхъ того мнѣ бы совѣстно было, если бы вы точно для меня остались здѣсь жить. Можетъ быть въ другомъ Нѣмецкомъ городѣ, на прим. въ Готѣ, было бы вамъ веселѣе. — *Я.* Вы Поэтъ, а я люб-

лю Поэзію: какъ бы пріятно для меня было, если бы вы позволили мнѣ хотя часъ провести съ вами въ разговорѣ о плѣнительныхъ красотахъ ея? — В. Я не знаю, какъ мнѣ говорить съ вами. Можетъ быть, вы учитель мой въ Поэзіи. — Я. О! много чести. И такъ мнѣ остается проститься съ вами въ первый и въ послѣдній разъ. — В. (*посмотрѣвъ на меня, и съ улыбкою*). Я не физиогномистъ; однакожь видъ вашъ заставляетъ меня имѣть къ вамъ нѣкоторую довѣренность. Мнѣ нравится ваша искренность; и я вижу еще перваго Русскаго такого, какъ вы. Я видѣлъ вашего Ш*, остраго человѣка, напитаннаго духомъ этаго старика (*указывая на бюстъ Вольтеровъ*). Обыкновенно ваши единосемцы стараются подражать Французамъ; а вы — Я. Благодарю. — В. И такъ если вамъ угодно провести со мною часа два-три, то приходите ко мнѣ нынѣ послѣ обѣда въ половинѣ третьяго. — Я. Вы хотите быть только снисходительны! — В. Хочу имѣть удовольствіе быть съ вами, говорю я, и прошу васъ не думать, чтобы вы одни на свѣтѣ были искренны. — Я. Простите! — В. Въ третьемъ часу васъ ожидаю. — Я. Буду. — Простите!

Вотъ вамъ подробное описаніе нашего разговора, который сперва зацѣпилъ заживо мое самолюбіе. Окончаніе успокоило меня нѣсколько; однакожь я все еще въ волненіи пришелъ отъ Виланда къ Гердеру, и рѣшился на другой день ѣхать изъ Веймара.

Гердеръ принялъ меня съ такою же кроткою

ласкою, какъ и вчера — съ такою же привѣтливою улыбкою, и съ такимъ же видомъ искренности.

Мы говорили объ Италіи, откуда онъ не давно возвратился, и гдѣ остатки древняго искусства были достойнымъ предметомъ его любопытства. Вдругъ пришло мнѣ на мысль: что, если бы я изъ Швейцаріи пробрался въ Италію, и взглянулъ на Медисскую Венеру, Бельведерскаго Аполлона, Фарнезскаго Геркулеса, Олимпійскаго Юпитера — взглянулъ бы на величественныя развалины древняго Рима, и вздохнулъ бы отлѣнности всего подлуннаго? А сія мысль сдѣлала то, что я на минуту совсѣмъ забылся.

Я признался Гердеру, обративъ разговоръ на его сочиненія, что *die Urkunde des menschlichen Geschlechts* казалась мнѣ по большой части не понятною. «Эту книгу сочинялъ я въ молодости, отвѣчалъ онъ, когда воображеніе мое было во всей своей бурной стремительности, и когда оно еще не давало разуму отчета въ путяхъ своихъ.» — Духъ вашъ, сказалъ я, прощаясь съ нимъ, извѣстенъ мнѣ по вашимъ твореніямъ; но мнѣ хотѣлось имѣть вашъ образъ въ душѣ моей, и для того я пришелъ къ вамъ — теперь видѣлъ васъ, и доволенъ.

Гердеръ не высокаго росту, посредственной толщины, и лицомъ очень не бѣлъ. Лобъ и глаза его показываютъ необыкновенный умъ — (по я боюсь, чтобы вы, друзья мои, не почли меня какимъ нибудь физіогномическимъ колдуномъ). Видъ

его важель и привлекателенъ; въ мнѣ его нѣтъ ничего принужденнаго, такого, ничего что бы показывало желаніе *казаться чѣмънибудь*. Онъ говоритъ тихо и внятно; даетъ вѣсь словамъ своимъ, но не излишній. Едва ли, по разговору его, можно подозрѣвать въ Гердерѣ скромнаго любимаца Музъ; но великій Ученый и глубокомысленный Метафизикъ скрытъ въ немъ весьма искусно.

Пріятно, милые друзья мои, видѣть наконецъ того человѣка, который былъ намъ прежде столько извѣстенъ и дорогъ по своимъ сочиненіямъ; котораго мы такъ часто себѣ воображали или вообразить старались. Теперь, мнѣ кажется, я еще съ большимъ удовольствіемъ буду читать произведенія Гердерова ума, вспоминая видъ и голосъ Автора.

Въ 9 часовъ вечера. Я пришелъ къ Виланду въ назначенное время. Маленькія прекрасныя дѣти его окружили меня на крыльцѣ. *Батюшка васъ дожидается*, сказалъ одинъ. *Подите къ нему*, сказали двое вмѣстѣ. *Мы васъ проводимъ*, сказалъ четвертый. Я ихъ всѣхъ перецѣловалъ, и пошелъ къ ихъ батюшкѣ.

Простите — сказалъ, вошедши къ нему — простите, естли давешнее мое посѣщеніе было для васъ не совсѣмъ пріятно. Надѣюсь, что вы не сочтете наглостію того, что было дѣйствіемъ энтузіазма, произведеннаго во мнѣ вашими прекрасными сочиненіями. — «Вы не имѣете пужды извиняться, отвѣчалъ онъ: я радъ, что этотъ жаръ къ Поэзіи такъ далеко распространяется, тогда

какъ онъ въ Германіи пропадаетъ.» — Тутъ сѣли мы на канапе. Начался разговоръ, который минута отъ минуты становился живѣе и для меня занимательнѣе. Говоря о любви своей къ Поэзіи, сказалъ онъ: «Если бы Судьба опредѣлила мнѣ жить на пустомъ островѣ, то я написалъ бы все то же, и съ такимъ же стараніемъ выработывалъ бы свои произведенія, думая, что Музы слушаютъ мои пѣсни.» Онъ желалъ знать, пишу ли я? и не переведено ли что нибудь изъ моихъ бездѣлокъ на Нѣмецкой? Я сыскалъ въ записной своей книжкѣ переводъ *печальной весны*. Прочитавъ его, сказалъ онъ: «Жалѣю, если вы часто бываете въ такомъ расположеніи, какое здѣсь описано. Скажите, — потому что теперь вы вселили въ меня желаніе узнать васъ короче — скажите, что у васъ въ виду? «Тихая жизнь, отвѣчалъ я. Окончавъ свое путешествіе, которое предпринялъ единственно для того, чтобы собрать нѣкоторыя пріятныя впечатлѣнія и обогатить свое воображеніе новыми идеями, буду жить въ мирѣ съ Натурою и съ добрыми, любить изящное и наслаждаться имъ. — Кто любитъ Музъ и любимъ ими, сказалъ Виландъ, тотъ въ самомъ уединеніи не будетъ празденъ, и всегда найдетъ для себя *пріятное дѣло*. Онъ носитъ въ себѣ источникъ удовольствія, творческую силу свою, которая дѣлаетъ его счастливымъ.»

Разговоръ нашъ касался и до Философовъ. — «Никто изъ Систематиковъ, сказалъ Виландъ, не умѣетъ такъ *обольщать* своихъ читателей, какъ

Боннетъ; а особливо такихъ читателей, которые имѣютъ живое воображеніе. Онъ пишетъ ясно, пріятно, и заставляетъ любить себя и Философію свою. — О Кантъ говоритъ Виландъ съ почтеніемъ; но, кажется, не ломаетъ головы надъ его Метафизикою. Онъ показывалъ мнѣ новое сочиненіе своего зятя, Профессора Рейнгольда, подъ титуломъ Versuch einer neuen Theorie des menschlichen Verstellungsvermögens, которое только-что отпечатано, и которое должно объяснить Кантову Метафизику. Прочтите его, сказалъ онъ мнѣ, если вы читаете книги такого рода. Вашъ Агатонъ или Оберронъ, для меня пріятнѣе, отвѣчалъ я: однакожь иногда изъ любопытства заглядываю и въ область Философіи. — «А развѣ Агатонъ не есть философическая книга? сказалъ онъ: въ немъ рѣшены самые важнѣйшіе вопросы Философіи.» — Правда, сказалъ я: и такъ прошу извинить меня.

Съ любезною искренностію открывалъ мнѣ Виландъ мысли свои о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ для человечества предметахъ. Онъ ничего не отвергаетъ, но только полагаетъ различіе между чаяніемъ и увѣреніемъ. Его можно назвать Скептикомъ, но только въ хорошемъ значеніи сего слова.

Ему, казалось, пріятно было слышать отъ меня, что нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ его сочиненій переведены на Русской. «Но каковъ переводъ?» спросилъ онъ. — Не можетъ нравиться тѣмъ, которые знаютъ оригиналъ, — отвѣчалъ я. «Такова моя участь, сказалъ онъ: и Французскіе и Англійскіе переводчики меня обезобразили.»

Въ шесть часовъ я всталъ. Онъ взялъ мою руку, и сказалъ, что отъ всего сердца желаетъ мнѣ счастья въ жизни. «Вы видѣли меня таковымъ, каковъ я подлинно, примолвилъ онъ. Простите, и хотя изрѣдка увѣдомляйте меня о себѣ. Я всегда буду отвѣчать вамъ, гдѣ бы вы ни были. Простите!» — Тутъ мы обнялись. Мнѣ казалось, что онъ былъ нѣсколько тронутъ; а это самого меня тронуло. На крыльцѣ мы въ послѣдній разъ пожали другъ у друга руку, и разстались — можетъ быть навѣчно. Никогда, никогда не забуду Виланда! Если бы вы видѣли, друзья мои, съ какою откровенностію, съ какимъ жаромъ говоритъ сей почти шестидесятилѣтній человѣкъ, и какъ всѣ черты лица его оживляются въ разговорѣ! Душа его еще не состарѣлась и силы ея не истощились. Клелія и Синибальдъ, послѣдняя изъ его поэмъ, писана съ такою же полнотою духа, какъ Оберронъ, какъ Музаріонъ, и проч. Кажется еще, что онъ въ послѣднихъ своихъ твореніяхъ ближе и ближе къ совершенству подходитъ. Тридцать пять лѣтъ извѣстенъ Виландъ въ Германіи какъ Авторъ. Самыя первыя его сочиненія, на прим., *нравоучительныя повѣсти*, *Симпатіи* и проч., обратили на него вниманіе Публики. Хотя строгая критика, которая тогда уже начиналась въ Германіи, и находила въ нихъ много недостатковъ; однакожь отдавала Автору справедливость въ томъ, что онъ имѣетъ изобрѣтательную силу, богатое воображеніе и живое чувство. Но эпоха славы его началась съ *комическихъ повѣстей*, признанныхъ

въ своемъ родѣ превосходными и на Нѣмецкомъ языкѣ тогда единственными. Удивлялись его остроумію, вкусу, красотѣ языка, искусству въ повѣствованіи. Потомъ издавалъ онъ поэму за поэмою, и послѣдняя всегда казалась лучшею. Давно уже Германія признала его однимъ изъ первыхъ своихъ Пѣвцевъ; онъ поконится на лаврахъ своихъ, но не засыпаетъ. Естьли Французы оставили наконецъ свое старое худое мнѣніе о Нѣмецкой Литтературѣ (которое нѣкогда она въ самомъ дѣлѣ заслуживала, т. е. тогда, какъ Нѣмцы прилѣжали только къ сухой учености) — естьли знающіе и справедливейшіе изъ нихъ соглашаются, что Нѣмцы не только во многомъ сравнивались съ ними, но во многомъ и превзошли ихъ: то конечно произвели это отчасти Виландовы сочиненія, хотя и не хорошо на Французской языкъ переведенныя.

Вчера ввечеру, идучи мимо того дома, гдѣ живетъ Гете, видѣлъ я его смотрящаго въ окно, — остановился и разсматривалъ его съ минутою: важное Греческое лице! Нынѣ заходилъ къ нему; но мнѣ сказали, что онъ рано уѣхалъ въ Ену. — Въ Веймарѣ есть еще и другіе извѣстные Писатели: Бертухъ, Боде, и проч. Бертухъ перевелъ съ Испанскаго Донъ-Кихота, и выдавалъ *Магазинъ Испанской и Португальской Литтературы*; а Боде славится переводомъ Стернова *Путешествія* и *Тристрама Шанди*. Герцогиня Амалія любила дарованія. Она призвала къ своему двору Виланда и поручила ему воспитаніе молодаго Герцога; она призвала Гете, когда онъ прославился своимъ

Вертеромъ; она же призвала и Гердера въ начальники здѣшняго Духовенства.

Простите, друзья мои! Ясная ночь вызываетъ меня изъ комнаты. Беру свой страннической посохъ — иду смотрѣть на засыпающую Природу, и странствовать глазами по звѣздному небу.

Веймаръ, Іюля 22.

Мнѣ рассказывали здѣсь разные анекдоты о нашемъ Л*. Онъ пріѣхалъ сюда для Гете, друга своего, который вмѣстѣ съ нимъ учился въ Страсбургѣ, и былъ тогда уже при Веймарскомъ Дворѣ. Его приняли очень хорошо, какъ человека съ дарованіями; но скоро примѣтили въ немъ великія странности. На прим. однажды явился онъ на придворный балъ въ домнѣ, въ маскѣ и шляпѣ, и въ ту минуту, какъ всѣ обратили на него глаза и ахнули отъ удивленія, спокойно подошелъ къ знатнѣйшей дамѣ и звалъ ее танцовать съ собою. Молодой Герцогъ любилъ фарсы и радъ былъ сему забавному явленію, которое доставило ему удовольствіе смѣяться отъ всего сердца, но чиновные господа и госпожи, составляющія Веймарской Дворъ, думали, что дерзостному Л* надлежало за то по крайней мѣрѣ отрубить голову. — Съ самаго своего пріѣзда Л* объявилъ себя влюбленнымъ во всѣхъ молодыхъ, хорошихъ женщинъ, и для каждой изъ нихъ сочинялъ любовные пѣсни

Молодая Герцогиня печалилась тогда о кончинѣ сестры своей: онъ написалъ ей на сей случай прекрасные стихи; но не преминулъ въ нихъ уподобить себя Иксиону, дерзнувшему влюбиться въ Юпитерову супругу. — Однажды онъ встрѣтился съ Герцогинею за городомъ, и вмѣсто того, чтобы поклониться ей, упалъ на колѣни, поднялъ вверхъ руки, и такимъ образомъ далъ ей мимо себя проѣхать. На другой день Л* всѣмъ знакомымъ разослалъ по бумажкѣ, на которой нарисована была Герцогиня и онъ самъ стоявшій на колѣняхъ съ поднятыми вверхъ руками. — Но ни Поэзія, ни любовь не могли занять его совершенно. Онъ могъ еще думать о реформѣ, которую, по его мнѣнію, надлежало сдѣлать въ войскѣ Его Свѣтлости; и для того подавалъ Герцогу разные планы, писанные на большихъ листахъ. — За всѣмъ тѣмъ его терпѣли въ Веймарѣ, а дамы находили пріятнымъ. Но Гете наконецъ съ нимъ поссорился и принудилъ его выѣхать изъ Веймара. Одна дама взяла его съ собою въ деревню, гдѣ нѣсколько дней читалъ онъ ей Шекспира, и потомъ отправился странствовать по бѣлому свѣту.

==

Эрфуртъ, 22 Іюля.

Въ два часа пріѣхалъ я сюда изъ Веймара, остановился въ трактирѣ (котораго имени, право, не знаю); выпилъ чашку кофе, пошелъ на такъ

называемую *Петрову гору* въ Бенедиктинской монастырь, и просилъ тамъ перваго встрѣтившагося мнѣ отца указать то мѣсто, гдѣ погребенъ Графъ Глейхенъ. Толстой отецъ (NB. монастырь очень богатъ) охриплымъ голосомъ сказалъ мнѣ, чтобы я шелъ къ отцу церковнику. Мнѣ надлежало идти черезъ длинныя сѣни или корпдоръ, гдѣ въ печальномъ сумракѣ представились глазамъ моимъ распятія и лампы угасающія. Вожатый оставилъ меня въ коридорѣ и пошелъ искать отца церковника. Трудно описать, что чувствовалъ я, прохаживаясь одинъ, въ глубокой тишинѣ, по сему темному коридору, и смотря на лампы и на старыя картины, на которыхъ изображены были разныя страшныя сцены. Мнѣ казалось, что я пришелъ въ мрачное жилище Фанатизма. Воображеніе мое представило мнѣ сіе чудовище во всей его гнусности, съ поднявшимися отъ ярости волосами, съ клубящеюся у рта пѣною, съ пламенными, бѣшенными глазами, и съ кинжаломъ въ рукѣ, прямо на сердце мое устремленнымъ. Я затрепеталъ, и холодный ужасъ разлился по моимъ жиламъ. Изъ глубины прошедшихъ вѣковъ загремѣли въ мой слухъ адскія заклинанія; но, къ счастью, въ самую сію минуту пришелъ мой вожатый, и фантомы моего воображенія исчезли. Отецъ церковникъ, сказалъ онъ, вмѣстѣ съ другими отцами сидитъ за вечернею трапезою. Да не можешь ли ты самъ показать мнѣ гробъ Глейхена? спросилъ я. Могу, отвѣчалъ онъ, естли вы только его хотите видѣть. — Вошедши въ церковь, поднялъ онъ двѣ

широкія скованныя доски, и я увидѣлъ большой камень. — Выслушайте исторію.

Когда святая ревность выгнать невѣрныхъ изъ земли Обѣтованной заразила всю Европу, и благочестивые рыцари, крестомъ ознаменованные, устремились къ востоку: тогда и Глейхенъ, Имперской Графъ, оставилъ свое отечество, и съ вѣрною дружиною направилъ путь свой къ странамъ Азіатскимъ. Не буду описывать вамъ великихъ дѣлъ его мужества. Скажу только, что самые храбрѣйшіе рыцари Христіанства удивлялись его подвигамъ. Но Небесамъ угодно было искусить пещастіемъ вѣру Героя — Графъ Глейхенъ попался въ плѣнъ къ невѣрнымъ, и сталъ невольникомъ знатнаго Магометанца, который велѣлъ ему смотрѣть за своимъ садомъ. Графъ, пещастный Графъ поливалъ цвѣты, и стоналъ въ тяжкомъ рабствѣ. Но тщетны были бы всѣ его стонапія и всѣ обѣты, если бы прекрасная Сарацынка, милая дочь господина его, не обратила взоровъ нѣжной любви на злосчастнаго Героя. Часто въ густыхъ тѣняхъ вечера внимала она жалобнымъ пѣснямъ его; часто видѣла невольника молящагося со слезами, и сама слезы проливала. Робкая стыдливость долгое время не допускала ее изъясниться и сказать ему, что она беретъ участіе въ его печали. Наконецъ искра воспыкала — стыдливость исчезла — любовь не могла уже таиться въ сердце, и огненною рѣкою излилась изъ устъ ея въ душу изумленнаго Графа. Ангельская невинность ея, цвѣтушая красота и способъ разорвать цѣпь

неволи, не дали ему вспомнить, что у него была супруга. Онъ клялся Сарацынкѣ вѣчно любить ее, если она согласится оставить своего отца, отечество, и бѣжать съ нимъ въ страны Христіанскія. Но она уже не помнила ни отца, ни отчества — Графъ былъ для нее все. Прекрасная летитъ, приноситъ ключъ, отпираетъ дверь въ поле — летитъ съ своимъ возлюбленнымъ, и тихая ночь, одѣвъ ихъ мрачнымъ своимъ покровомъ, благопріятствуетъ ихъ побѣгу. Щастливо достигаютъ они до отчества Графскаго. Подданные лобызаютъ своего Государя и отца, котораго считали они погибшимъ, и съ любопытствомъ смотрятъ они на его статную сопутницу, покрытую флеромъ. При входѣ во дворецъ Графиня бросается въ его объятія. «Ты опять меня видишь, любезная супруга! говоритъ Графъ: благодари ее (указывая на свою избавительницу) — она все для меня оставила. Ахъ! я клялся любить ее!» — Графъ хочетъ рукою закрыть текущія слезы свои. Сарацынка открываетъ свое лицо, бросается на колѣни передъ Графинею, и рыдая говоритъ: *я теперь раба твоя!* — «Ты сестра моя, отвѣчаетъ Графиня, подымая и цѣлуя Сарацынку: супругъ мой будетъ твоимъ супругомъ; раздѣлимъ сердце его.» Графъ удивляется великодушію супруги — прижимаетъ ее къ своему сердцу — всѣ обнимаются и клянутся любить другъ друга до гроба. Небеса благословили сей тройственный союзъ, и самъ Папа подтвердилъ его. Миръ и щастіе обитали въ Графскомъ домѣ, и вѣрные супруги были погребены вмѣ-

стѣ — въ Эрфуртѣ, въ церкви Бенедиктинскаго монастыря — и покрыты однимъ большимъ камнемъ, на которомъ рука усерднаго художника вырѣзала ихъ изображенія. Я видѣлъ сей большой камень, и благословилъ память супруговъ.

Взглянувъ съ *Петровой горы* на городъ и окрестности, пошелъ я въ сиротской домъ, и видѣлъ тамъ келью, въ которой Мартинъ Лютеръ жилъ отъ 1505 до 1512 года. На стѣнахъ сей маленькой, темной горницы написана его исторія. На столикѣ лежитъ Нѣмецкая Библія перваго изданія, которую употреблялъ самъ Лютеръ, и въ которой всѣ бѣлыя страницы исписаны его рукою. Можно ли, думалъ я, чтобы простой монахъ, жившій во мракѣ этой кельи, сдѣлалъ не только великую реформу въ Римской церкви, вопреки Императору и Папѣ, но и великую нравственную революцію въ свѣтѣ! — Вышедши изъ кельи, увидѣлъ я въ коридорѣ множество странныхъ картинъ. На одной изображенъ Императоръ, къ которому смерть, въ видѣ скелета, подходитъ и докладываетъ съ низкимъ поклономъ, что ему пора сложить съ себя земное величіе и отправиться на тотъ свѣтъ. На другой представлена актриса, а позади ее смерть въ царскомъ одѣяніи, поднимающая книжалъ съ маскою. На третьей изображены содержатель типографіи въ штофномъ халатѣ и въ большомъ парикѣ, помощникъ его и смерть, хотящая подкосить ноги перваго; а внизу подписано, что и содержатели типографіи умереть должны! и проч. и проч.

Гота, 23 Іюля, въ полночь.

Я прїѣхалъ сюда въ одиннадцатъ часовъ утра, и остановился въ трактирѣ *Колокольчика*. Сильная головная боль заставила меня пролежать весь день. Ввечеру я всталъ, ходилъ по городу, и видѣлъ передъ дворцомъ иллюминацію и фейерверкъ, которымъ Готской Герцогъ веселилъ маленькаго Веймарскаго Принца, прїѣхавшаго къ нему въ гости.

Франкфуртъ на Майнѣ, Іюля 28.

Вчера, милые друзья мои, прїѣхалъ я во Франкфуртъ. Дорога отъ Готы была для меня очень скучна. Почти на каждой станціи надлежало мнѣ почевать — (я ѣхалъ на ординарной почтѣ) — или по крайней мѣрѣ стоять по нѣскольку часовъ. Дороги вездѣ прескверныя, такъ что надобно ѣхать все шагомъ, и даже самыя улицы въ маленькихъ городкахъ и мѣстечкахъ такъ дурны, что съ трудомъ проѣхать можно. Правда, я сидѣлъ въ коляскѣ очень просторно, т. е. почти все одинъ; но чрезмѣрно тихая ѣзда и остановки были для меня несносны. Къ тому же почти ничего любопытнаго не встрѣчалось глазамъ моимъ, и я сомнѣваюсь, чтобы самъ Иорикъ нашелъ тутъ много занимательнаго для своего сердца.

Только дикія окрестности Эйзенаха произвели во мнѣ нѣкоторыя пріятныя чувства, напомнивъ мнѣ первобытную дикость всей Натуры. Еще замѣтилъ я замокъ Вартбургъ, который лежитъ на горѣ не далеко отъ Эйзенаха, и въ которомъ послѣ Вормскаго Сейма содержанъ былъ Мартинъ Лютеръ. Тутъ возвышаются два камня, въ которыхъ воображеніе находитъ нѣчто похожее на человѣческія фигуры, и о которыхъ, по старому преданію, разсказывается слѣдующая сказка:

Молодой монахъ влюбился въ молодую монахиню. Тщетно сражался онъ съ своею любовію; напрасно хотѣлъ умерщвлять плоть свою постомъ и трудами! Кровь его кипѣла и волновалась. Образъ нѣжной монахини всегда присутствовалъ въ душѣ его. Онъ хотѣлъ молиться; но языкъ его, послушный сердцу, не могъ произнести ничего, кромѣ: *люблю! люблю! люблю!* Часто ходилъ онъ въ тотъ монастырь, гдѣ заключена была прекрасная; часто, смотря на нее лилъ пламенные слезы, и видѣлъ огненный румянецъ на лицѣ своей возлюбленной, — видѣлъ симпатическія слезы въ глазахъ ея. Сердца ихъ разумѣли другъ друга, страшились своихъ чувствъ и — питали ихъ. Наконецъ молодой монахъ трепещущею рукою вручилъ своей любезной слѣдующее письмо: *Милая сестра! не далеко отъ монастырскихъ воротъ, въ правую сторону, возвышается крутая гора. Я буду тамъ при наступленіи ночи. Или ты, прекрасная, будешь тамъ же, или я свергнусь съ высокаго утеса, и умру временною и вѣчною смертію. Сердце ея*

затрепетало. «Мнѣ видѣть его — думаетъ она — мнѣ видѣть его за стѣною монастырскою, и быть съ нимъ одной въ тишинѣ ночи? Но я должна спасти его отъ страшнаго грѣха самоубійства.» — Она находитъ способъ вытти ночью изъ монастыря — идетъ во мракъ и страшится всякаго шороха — всходитъ на гору, и вдругъ чувствуетъ себя въ объятіяхъ своего страстнаго обожателя. Они забываютъ все, трепещутъ въ восторгѣ — но вдругъ кровь ихъ хладѣетъ, нѣмѣютъ члены, сердца перестаютъ биться, и Небесный гнѣвъ превращаетъ ихъ въ два камня. «Вы видите ихъ» — сказалъ мнѣ постиліонъ, указывая на верхъ горы. — Изъ сей народной сказки сочинилъ Виландъ прекрасную поэму, подъ титуломъ: *der Mönch und die Nonne*.

Проѣзжая черезъ маленькое мѣстечко близъ Гиршфельда, постиліонъ мой остановился у дверей одного дома. Я счелъ этотъ домъ трактиромъ, вошелъ въ него, и первому человѣку, который встрѣтилъ меня съ низкимъ поклономъ, велѣлъ принести бутылку воды и рейнвейна; сѣлъ на стулъ, и не думалъ снимать своей шляпы. Въ комнатѣ было еще человѣка три, которые съ великою учтивостію начинали говорить со мною. Принесли рейнвейнъ. Я пилъ, хвалилъ вино, и наконецъ спросилъ, что надобно заплатить за него? «Ничего, отвѣчали мнѣ съ поклономъ: вы не въ трактирѣ, а въ гостяхъ у честнаго мѣщанина, который очень радъ тому, что вамъ полюбился его рейнвейнъ.» Вообразите мое удивленіе! Я схватилъ съ себя

шляпу и сталъ извиняться. «Ничего! ничего! сказалъ мнѣ хозяинъ: только прошу васъ быть благосклоннымъ къ моей дочери, которая поѣдетъ съ вами въ коляскѣ.» Буду почтителенъ, и все, что вамъ угодно, — отвѣчалъ я. Пришла дочь его, дѣвушка лѣтъ въ двадцать, изрядная собою, въ зеленомъ суконномъ сертукѣ и въ черной шляпѣ. Мы рекомендовались другъ другу и сѣли въ коляскѣ рядомъ. Каролина (такъ называлась дѣвушка) сказала мнѣ, что она ѣдетъ въ деревню къ своей теткѣ. Я не хотѣлъ беспокоить ее никакими дальнѣйшими вопросами, вынулъ изъ кармана своего Vicar of Wakefield и началъ читать. Сопутница моя стала зѣвать, жмуриться, дремать, и наконецъ голова ея упала ко мнѣ на плечо. Я не смѣлъ тронуться, чтобы не разбудить ее; но вдругъ насъ такъ трянуло, что она отлетѣла отъ меня въ другой уголъ коляски. Я предложилъ ей большую свою подушку. Она взяла ее, положила себѣ подъ голову и опять заснула. Между тѣмъ смерклось, и наступила ночь. Каролина спала крѣпкимъ сномъ, и не просыпалась до самаго того мѣста, гдѣ надлежало намъ съ нею разстаться. Что принадлежитъ до меня, то я велъ себя такъ честно, какъ цѣломудренный рыцарь, боящійся однимъ нескромнымъ взоромъ оскорбить стыдливость ввѣренной ему невинности. Рѣдки такіе примѣры въ нынѣшнемъ свѣтѣ, друзья мои, рѣдки! Каролина, по своей невинности, не думала благодарить меня за мою воздержность, и простилась со мною очень сухо. Богъ съ нею.

Нигдѣ во всю дорогу не было мнѣ такъ грустно, какъ въ Гиршфельдѣ. Я пріѣхалъ туда въ пять часовъ вечера, и долженъ былъ пробыть тамъ до полуночи. Городъ не представлялъ мнѣ ничего любопытнаго, и я не зналъ, что дѣлать. Читать не могъ — писать также, хотя Почтмейстерша, по моему требованію, и принесла мнѣ цѣлую тетрадь бумаги. Сидя подгорюнившись, думалъ о друзьяхъ отдаленныхъ, чувствовалъ сиротство свое и грустилъ.

Сюда пріѣхалъ я ночью въ дождь, и остановился въ трактирѣ *Звѣзды*, гдѣ отвели мнѣ хорошую комнату.

Франкфуртъ, 29 Іюля.

Ненастье продолжается. Сажу въ своей горнице, подъ раствореннымъ окномъ; и хотя косою дождь мочить меня и разливаетъ дрожь по моей внутренности, однакожь каменная Русская грудь не боится простуды, и питомецъ желѣзнаго сѣвера смѣется надъ слабымъ усиліемъ Майнскихъ бурь.

Но такой ли погоды ожидалъ я въ здѣшнемъ кроткомъ климатѣ? Болѣе и болѣе удаляясь отъ сѣвера, радовался я мыслию, что оставляю за собою холодъ и сырость, все сердитое, жестокое и угрюмое въ Натурѣ. Тамъ, гдѣ течетъ Майнъ и Рейнъ, думалъ я, тамъ небо чисто, дни красны, и

одни Зефиры струятъ воздухъ; тамъ цвѣтушая Природа ликуетъ въ яркомъ свѣтѣ лучей солнечныхъ. Но — прїѣзжаю, и нахожу пасмурную осень среди лѣта. Только я намѣренъ переупрямить погоду; и клянусь Титанами и страшнымъ Стиксомъ, что не выѣду изъ Франкфурта не дождавшись ясныхъ дней.

Вчера былъ я только у Виллемера, богатаго здѣшняго Банкаира. Мы говорили съ нимъ о новыхъ Парижскихъ происшествіяхъ. Что за дѣла тамъ дѣлаются! Думалъ ли нашъ А* (который уѣхалъ отсюда недѣли за двѣ передъ симъ) видѣть въ Парижѣ такія сцены?

Не воображайте, чтобы мнѣ скучно было сидѣть въ своей горницѣ. Публичная библіотека въ трехъ шагахъ отъ трактира. Вчера я бралъ изъ нее Фіеско, Шиллерову трагедію, и читалъ ее съ великимъ удовольствіемъ отъ первой страницы до послѣдней. Едва ли не всего болѣе тронулъ меня монологъ Фіеска, когда онъ, уединясь въ тихій часъ утра, размышляетъ, лучше ли ему остаться простымъ гражданиномъ, и за услуги, оказанныя имъ отечеству, не требовать никакой награды, кромѣ любви своихъ согражданъ, или воспользо- ваться обстоятельствами и присвоить себѣ верховную власть въ Республикѣ. Я готовъ былъ упасть передъ нимъ на колѣни и воскликнуть: *избери первое!* Какая сила въ чувствахъ! Какая живопись въ языкѣ! Вообще Фіеско тронулъ меня болѣе, нежели Донъ-Карлосъ, хотя сего послѣдняго видѣлъ я на театрѣ, и хотя критика от-

даетъ ему преимущество. — Нынѣ читалъ я также съ великимъ удовольствіемъ Ифландовы драмы, которыя можно назвать прекрасными семейственными картинами, и которыя вѣрно полюбились бы нашей Публикѣ, если бы искусный человѣкъ обработалъ ихъ для Русскаго театра.

Въ одномъ трактирѣ со мною живетъ молодой Докторъ Медицины, который вчера пришелъ ко мнѣ пить чай, и просидѣлъ у меня весь вечеръ. По его мнѣнію все зло въ мірѣ происходитъ отъ того, что люди не берегутъ своего желудка. «Испорченный желудокъ, сказалъ онъ, бываетъ источникомъ не только всѣхъ болѣзней, но и всѣхъ пороковъ, всѣхъ дурныхъ навыковъ, всѣхъ злыхъ дѣлъ. Отъ чего Моралисты такъ мало исправляютъ людей? Отъ того, что они считаютъ ихъ здоровыми, и говорятъ съ ними какъ со здоровыми, тогда, какъ они больны, — и когда бы, вмѣсто всѣхъ словесныхъ убѣжденій, надлежало имъ дать нѣсколько пріемовъ чистительнаго. Безпорядокъ душевный бываетъ всегда слѣдствіемъ тѣлеснаго безпорядка. Когда въ машинѣ нашей находится все въ совершенномъ равновѣсіи; когда всѣ сосуды дѣйствуютъ и отдѣляютъ исправно разныя жидкости; однимъ словомъ, когда всякая часть отправляетъ ту должность, которую поручила ей Природа: тогда и душа бываетъ здорова; тогда человѣкъ разсуждаетъ и дѣйствуетъ хорошо; тогда бываетъ онъ мудръ и добродѣтеленъ, и веселъ и счастливъ.» — И такъ если бы у Калигулы не былъ испорченъ желудокъ, то онъ не вздумалъ бы построить

моста на Средиземномъ морѣ? спросилъ я. — «Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ мой Докторъ: и если бы лекаръ его догадался дать ему нѣсколько чистительныхъ пилюль, то смѣшное предпріятіе было бы черезъ часъ оставлено. Отъ чего въ златомъ вѣкѣ были люди и добры и щастливы? Конечно отъ того, что они, питаясь только растѣніями и молокомъ, никогда не обременяли и не засоряли своего желудка. Наконецъ скажу вамъ, что если бы я былъ Государемъ, то велѣлъ бы всѣхъ преступниковъ, вмѣсто наказанія, отсылать въ больницы и лечить до того, пока они сдѣлались бы добрыми людьми и полезными гражданами. Со временемъ предложу Публикѣ свои мнѣнія и доказательства, которыя, можетъ быть, сдѣлаютъ революцію въ Философіи. Тогда вспомните, государь мой, что вы отъ меня слышали.» — Я удивлялся Логикѣ Господина Доктора.

==

Юля 30.

Наконецъ Франкфуртское небо перестало хмурить брови, и прояснилось. Пользуясь хорошимъ временемъ, ходилъ я такъ много, что теперь чувствую боль въ ногахъ.

Трактирщикъ мой водилъ меня по здѣшнимъ садамъ. Въ одномъ изъ нихъ встрѣтились мы съ хозяиномъ, почтеннымъ старикомъ и, какъ сказы-

ваютъ, очень богатымъ человѣкомъ. Узнавъ отъ моего вожатаго, что я путешествующій иностранецъ, онъ взялъ меня за руку и сказалъ: «Я самъ покажу вамъ все то, что можно назвать изряднымъ въ моемъ саду. Какова эта темная алея?» — Въ жаркое время тутъ хорошо прохлаждаться, отвѣчалъ я. — «А эта маленькая бесѣдка подъ вѣтвями каштановыхъ деревъ?» — Тутъ прекрасно сидѣть ввечеру, когда луна покажется на небѣ и свѣтъ свой прольетъ сквозь развѣсистыя вѣтви на эту бархатную зелень. — «А этотъ холмикъ?» — Ахъ! какъ бы я желалъ встрѣтить тутъ восходящее солнце! — «А этотъ маленькой лѣсокъ?» — Тутъ вѣрно поютъ весною соловьи, такъ спокойно и весело, какъ въ самыхъ дикихъ мѣстахъ Природы, ии мало не подозрѣвая, чтобы сюда заманивало ихъ искусство. — «Что вы скажете объ этомъ домикѣ?» — Онъ построенъ на то, чтобъ быть жилищемъ Философа, любящаго простоту, уединеніе и тишину. — «Теперь вамъ надобно согласиться выпить у меня чашку кофе.» — Мы вошли въ домикъ, и сѣли на деревянныхъ стульяхъ вокругъ маленькаго столика. Намъ подали кофе. Я съ удовольствіемъ поблагодарилъ хозяина за его гостепріимство.

Въ ненастное время казалось мнѣ, что Франкфуртъ пустъ; а теперь кажется, что онъ очень многолюденъ — отъ того, что въ дурную погоду сидѣли всѣ дома, кромѣ тѣхъ, которымъ уже по крайпей нуждѣ надлежало корчиться подъ дождемъ и топтать ногами грязь на улицахъ; а теперь обра-

довавшись солнцу, всё какъ муравьи ползутъ изъ своихъ норъ.

По своей цвѣтущей и обширной коммерціи, Франкфуртъ есть одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ въ Германіи. Кромѣ нѣкоторыхъ дворянскихъ фамилій, здѣсь поселившихся, всякой житель купецъ, то есть, производитъ какой нибудь торгъ. На всякой улицѣ множество лавокъ, наполненныхъ товарами. Вездѣ знаки трудолюбія, промышленности*, изобилія. Ни одинъ нищій не подходилъ ко мнѣ на улицѣ просить милостыни.

Только не лѣзя назвать Франкфурта хорошо выстроеннымъ городомъ. Дома почти всё старинные, и расписаны разными красками, — что для глазъ весьма странно.

Еще скажу то, что здѣсь въ трактирахъ столъ очень дешевъ. Мнѣ приносятъ всегда пять хорошо приготовленныхъ блюдъ и еще десертъ, на двухъ или трехъ тарелкахъ, и за это плачу не болѣе 50 копѣекъ. Вино также очень дешево. Буылка молодаго рейнвейна стоитъ 10 копѣекъ, а стараго 40.

Послѣ обѣда, когда солнце укротило жаръ лучей своихъ, вышелъ я за городъ. Сады, сельскіе домики, луга и винограды представились глазамъ моимъ. Сколько ландшафтовъ, достойныхъ кисти Салватора Розы или Пуссеневой!

* Это слово сдѣлалось нынѣ обыкновеннымъ: Авторъ употребилъ его первый.

Уединенный домикъ съ садикомъ, не дадеко отъ большой дороги, прельстилъ меня, и я пошелъ къ нему по узенькой тропинкѣ. Два мальчика, игравшіе на травѣ, бросились ко мнѣ на встрѣчу; но закричавъ: *это не онъ! это не Каспаръ!* побѣжали назадъ и скрылись въ домикъ. Старое каштановое дерево призывало меня въ свою тѣнь — я сѣлъ подъ его вѣтвями. Минуть черезъ пять мальчики выбѣжали, а за ними вышла женщина лѣтъ въ тридцать, пріятная лицомъ, въ бѣлой кофточкѣ и въ соломенной шляпкѣ. Она сѣла на крыльцѣ, и смотрѣла съ улыбкою на играющихъ мальчиковъ, съ такою улыбкою, по которой легко было узнать, что она мать ихъ. Они уговорились бѣгать въ запуски; взявшись за руки, отошли отъ крыльца шаговъ тридцать, остановились, выставили впередъ грудь и правую ногу, и дожидались, чтобы мать подала имъ знакъ. Она махнула имъ платкомъ, и они пустились какъ изъ лука стрѣла. Большой опередилъ меньшаго, прибѣжалъ къ матери, и закричавъ: *я первый!* бросился цѣловать ее. Меньшой прибѣжалъ, и также кинулся къ ней на шею. Любезная картина семейственнаго щастія! Можетъ быть въ городѣ она бы меньше меня тронула; но среди сельскихъ красотъ сердце наше живѣе чувствуетъ все то, что принадлежитъ къ составу истиннаго щастія, вліяннаго благотельнымъ Существомъ въ сосудъ жизни человѣческой. — Прости, уединенный домикъ! Миръ, тишина и покой да будутъ всегда наслѣдственнымъ добромъ твоихъ обитателей! А ты, вѣтвистое дерево!

долго, долго еще принимай странниковъ въ тѣнь свою — и подъ кровомъ шумящихъ листьевъ твоихъ да веселятся они веселіемъ невинности и добродѣтели!

Франкфуртъ, Іюля 31.

Нынѣ ѣздилъ я въ деревню Бергенъ, которой имя очень извѣстно: подлѣ нее было въ 1759 году, 13 Апрѣля, кровопролитное сраженіе между Французами и соединенною ГанOVERскою и Гессенскою арміею; послѣднею командовалъ Брауншвейгской Принцъ Фердинандъ, а первыми, которые остались побѣдителями, Маршалъ Брольи.

Въ здѣшней ратушѣ, называемой *Римляниномъ* (Römer), показываютъ путешественникамъ ту залу, въ которой обѣдаетъ новоизбранный Императоръ, и гдѣ стоятъ портреты всѣхъ Императоровъ отъ Конрада I до Карла VI. Кто не пожалѣетъ червонца, тотъ тамъ же въ Архивѣ можетъ видѣть и славную золотую Буллу, или договоръ Императора Карла IV съ Государственными Чинами, написанный на 43 пергаментныхъ листахъ и названный симъ именемъ отъ золотой печати, висящей на черныхъ и желтыхъ шелковыхъ снуркахъ. На сей печати изображенъ Императоръ, сидящій на тронѣ, а съ другой стороны Римская крѣпость, или такъ называемой замокъ *Св. Ангела* (il castello di S. Angelo) съ словами

aurca Roma (золотой Римъ), которыя располо-
жены въ трехъ линіяхъ такимъ образомъ:

$$\begin{Bmatrix} a & u & r \\ e & a & r \\ o & m & a \end{Bmatrix}$$

Я былъ и въ кафедральной церкви Католиковъ,
гдѣ по уставу Майнцской Архіепископъ коро-
нуетъ избраннаго Императора. Тутъ бросилась
мнѣ въ глаза статуя Маріи въ бѣломъ кисейномъ
платѣ. Часто ли шьютъ ей обновы? спросилъ я
моего провожатаго. Изъ году въ годъ, отвѣчалъ
онъ. — Хотя главная церковь въ городѣ принад-
лежитъ Католикамъ, однакожь господствующая
Религія во Франкфуртѣ есть Лютеранская, и Ка-
толицкому Духовенству запрещено ходить въ про-
цессіи по улицамъ. Здѣсь очень много и Рефор-
матовъ, большею частію Французовъ, выгнан-
ныхъ изъ отечества Людовикомъ XIV; но они не
могутъ имѣть участія въ правленіи города, и даже
не смѣютъ всенародно отправлять своего бого-
служенія, въ такомъ городѣ, гдѣ Жиды имѣютъ
Синагогу. Такая нетерпимость конечно не слу-
житъ къ чести Франкфуртскаго Правительства.

Жидовъ считается здѣсь болѣе 7000. Всѣ они
должны жить въ одной улицѣ, которая такъ не-
чиста, что нельзя идти по ней не зажавъ носу.
Жалко смотрѣть на сихъ несчастныхъ людей,
столь униженныхъ между человѣками! Платье
ихъ состоитъ по большой части изъ засаленныхъ

доскутковъ, сквозь которое видно нагое тѣло. По Воскресеньямъ, въ тотъ часъ, когда начинается служба въ Христіанскихъ церквахъ, запираютъ ихъ улицу, и бѣдные Жиды какъ невольпики сидятъ въ своей клѣткѣ до окончанія службы; и на ночь запираютъ ихъ такимъ же образомъ. Сверхъ сего принужденія, если случится въ городѣ пожаръ, то они обязаны везти туда воду и тушить огонь.

Между Франкфуртскими Жидами есть и богатые; но сіи богатые живутъ такъ же нечисто, какъ бѣдные. Я познакомился съ однимъ изъ нихъ, умнымъ, знающимъ человѣкомъ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ, и принялъ очень учтиво. Молодая жена его, родомъ Француженка, говоритъ хорошо и по-Французски и по-Нѣмецки. Съ удовольствіемъ провелъ я у нихъ около двухъ часовъ; но только въ сіи два часа чего не вытерпѣло мое обоняніе!

Мнѣ хотѣлось видѣть ихъ Синагогу. Я вошелъ въ нее какъ въ мрачную пещеру, думая: Богъ Израилевъ, Богъ народа избраннаго! здѣсь ли должно поклоняться Тебѣ? Слабо горѣли свѣтильники въ обремененномъ гниlostію воздухѣ. Уныніе, горестъ, страхъ, изображался на лицѣ молящихся; нигдѣ не видно было умиленія; слеза благодарной любви ни чьей ланиты не орошала; ни чей взоръ въ благоговѣйномъ восхищеніи не обращался къ небу. Я видѣлъ какихъ-то преступниковъ, съ трепетомъ ожидающихъ приговора къ смерти, и едва дерзающихъ молить судію своего

о помилуванні. «За чѣмъ вы пришли сюда?» (сказалъ мнѣ тотъ умный Жидъ, у котораго я былъ въ гостяхъ.) «Пощадите насъ! Нашъ храмъ былъ «въ Іерусалимѣ: тамъ Всевышній благоволилъ являться своимъ избраннымъ. Но разрушенъ храмъ великолѣпный, и мы, разсѣянные по лицу земли, приходимъ сюда сѣтовать о бѣдствіи народа нашего. Оставьте насъ; мы представляемъ для васъ печальную картину.» — Я не могъ отвѣчать ему ни слова, пожалъ руку его, и вышелъ вонъ.

Давно уже замѣчено, что общее бѣдствіе соединяетъ людей тѣснѣйшимъ союзомъ. Такимъ образомъ и Жиды, гонимые рокомъ и угнетенные своими сочеловѣками, находятся другъ съ другомъ въ тѣснѣйшей связи, нежели мы, торжествующіе Христіане. Я хочу сказать, что въ нихъ видно болѣе *духа общественности*, нежели въ другомъ народѣ. Жидъ, въ раздранномъ рубищѣ, пришелъ ко мнѣ нынѣ по утру съ разными бездѣлками. У меня сидѣлъ Докторъ Н*. — Не покупайте ничего у Жидовъ, сказалъ онъ мнѣ: изъ нихъ рѣдкой не обманщикъ. «Не правда, государь мой! отвѣчалъ съ жаромъ Израильтянинъ: мы не безчестнѣе Христіанъ.» Сказалъ, и съ сердцемъ ушелъ изъ горницы. Вчера же зашелъ я къ одному Жиду для того, чтобы размѣнять нѣсколько червонцевъ на Французскіе талеры. На столѣ у него лежала развернутая книга: *Мендельзоновъ Іерусалимъ*. Мендельзонъ былъ великой чловѣкъ, сказалъ я, взявъ книгу въ руки. «Вы знаете его

(спросилъ онъ у меня съ веселою улыбкою.) Знаете и то, что онъ былъ одной націи со мною, и носилъ такую же бороду, какъ я? «Знаю, отвѣчалъ я, знаю. Тутъ Жидъ мой бросилъ на столъ талеры, и началъ мнѣ хвалить Мендельзона съ жаромъ и восхищеніемъ, и заключилъ свою хвалу повтореніемъ, что сей великій мужъ, сей Сократъ и Платонъ нашихъ временъ, былъ Жидъ, былъ Жидъ! — Здѣшніе Актеры недавно представляли Шекспирову драму, *Венеціанскаго Купца*. На другой день Франкфуртскіе Жиды прислали сказать Директору Комедіи, что ни одинъ изъ нихъ не будетъ ходить въ Театръ, если сія драма, въ которой обругана ихъ нація, будетъ представлена въ другой разъ. Директоръ не захотѣлъ лишиться части своего сбора и отвѣчалъ, что она будетъ выключена изъ списка піесъ, играемыхъ на Франкфуртскомъ Театрѣ.

Августа 1.

Отсюда двѣ дороги въ Стразбургъ: черезъ Дармштатъ, Гейдельбергъ и Карлсру, или черезъ Фальцъ. И ту и другую мнѣ хвалили: избираю послѣднюю. Но какъ мнѣ хотѣлось видѣть Штарка, придворнаго Дармштатскаго Проповѣдника, то я нынѣ по утру напаялъ себѣ лошадь и поѣхалъ въ Дармштатъ верхомъ. И съ этой стороны окрестности Франкфуртскія очень пріятны; но далѣе

къ Дармштату (до котораго считается отъ Франк-фурта три мили) мѣста уже не такъ хороши. Дорога индѣ очень песчава, индѣ очень выбита — и потому я еще болѣе утвердился въ своемъ намѣреніи ѣхать чрезъ Фальцъ. Деревни всѣ хорошо выстроены, и вездѣ находилъ я трактиры подъ разными, отчасти странными вывѣсками. На послѣдней милѣ къ Дармштату начинается очень хорошая мостовая. Тутъ открылся мнѣ и городъ, лежащій близъ покрытыхъ лѣсомъ горъ, и представляющій въ семъ разстояніи очель изрядную картину.

Остановясь въ трактирѣ, послалъ я слугу съ письмецомъ къ Штарку, а самъ бросился на кресла отдыхать; но черезъ нѣсколько минутъ позвали меня обѣдать. Въ столовой компаніи нашелъ я человѣкъ восемь, порядочно одѣтыхъ. Въ томъ числѣ былъ одинъ путешествующій Французъ, для котораго надлежало всѣмъ говорить по-Французски. Молодой человѣкъ, пріѣхавшій изъ Стразбурга, подробно рассказывалъ намъ, какимъ образомъ за нѣсколько дней предъ симъ бунтовала тамошняя чернь; но по-Французски говорилъ онъ такъ худо, что трудно было отъ смѣха удержаться — на примѣръ: *ильз-онъ дешире ла мезонъ де виль*; *ильз-онъ бриле (brulé) ле докиманъ (le documents)*; *иль вуле бандръ (prendre) ле машистра (magistrats)*. — Тутъ слуга принесъ мнѣ печальную вѣсть, что Штарка нѣтъ въ Дармштатѣ: онъ уѣхалъ къ водамъ въ Швальбахъ. «Господинъ Проповѣдникъ былъ очень боленъ, сказалъ си-

дѣвшій подлѣ меня человѣкъ: Берлинцы зажгли въ немъ кровь, и наши Медики съ трудомъ могли потушить пожаръ.» Отъ всего сердца жалѣю о Штаркѣ. Дорогá человеку добрая слава — и съ какимъ легкомысліемъ похищаемъ мы другъ у друга сіе сокровище! О Шекспиръ, Шекспиръ! кто зналъ такъ хорошо сердце человѣческое, какъ ты? Кто убѣдительное твоего представилъ все безумство злословія?

Good name in man and woman, dear my Lord,
Is the immediate jewel of their souls.

Who steals my purse, steals trash; 'tis something, nothing,
Twas mine, 'tis his, and has been slave to thousands;
But he, that filches from me my good name,
Robs me of that, which not enriches him,
And makes me poor indeed *.

Златые Пифагоровы стихи кажутся мѣдными подлѣ сихъ строкъ, которыя всякому человѣку, Христіанину и Турку, Индѣйцу и Африканцу, подлежало бы вписать незагладимыми буквами въ свое сердце.

Я видѣлъ въ Дармштатѣ такъ называемый *домъ экзерцицій*, въ которомъ можетъ учиться цѣлый

* Т е. «Доброе имя есть первая драгоценность души нашей. Кто крадетъ у меня кошелекъ, крадетъ бездѣлку; онъ былъ мой, теперь сталъ его, и прежде служилъ тысячѣ другихъ людей. Но кто похищаетъ у меня доброе имя, тотъ самъ не обогащается, а меня дѣлаетъ бѣднѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ.»

полкъ, и въ которомъ хранится множество всякаго оружія; гулялъ въ большомъ придворномъ саду; ходилъ по городу, въ которомъ считается не болѣе 300 домовъ; потомъ сѣлъ на своего коня и отправился назадъ во Франкфуртъ.

Два раза былъ я въ здѣшнемъ Театрѣ, но въ оба раза, къ неудовольствію моему, играли очель неважныя Французо-Нѣмецкія комедіи. Вниманіе мое занимали болѣе зрители, нежели актеры; а замѣтилъ я единственно то, что молодые люди здѣсь хорошо одѣваются, и приходятъ въ Театръ не шумѣть, а слушать піесы, или — зѣвать.

Майнцъ, 2 Августа.

Нынѣ въ шесть часовъ вечера пріѣхалъ я въ Майнцъ въ *дилижансъ* или въ почтовой каретѣ, въ которой поѣду до самаго Стразбурга.

Какая гладкая дорога отъ Франкфурта до Майнца! Какіе пріятные виды! Какія прекрасныя мѣста! Приближаясь къ Майнцу, увидѣлъ я на лѣвой сторонѣ величественный Рейнъ и тихой Майнъ, текущіе почти рядомъ; а на правой виноградные сады, которыхъ не лзя объять глазами. Любезные друзья! какъ радостно билось мое сердце! Рейнъ, Рейнъ! наконецъ вижу тебя (думалъ я) — вижу, и благословляю царя водъ Германскихъ въ гордомъ его теченіи!

Майнцъ лежитъ на западномъ берегу Рейна,

гдѣ впадаетъ въ него Майнъ. Въ городѣ улицы узки, хорошихъ домовъ мало, церквей, монастырей и монаховъ великое множество. — «Угодно ли вамъ видѣть книжки Св. Бонифація, которыя хранятся въ церкви Св. Іоанна,» спросилъ у меня съ важнымъ видомъ наемный слуга. Нѣтъ, другъ мой! отвѣчалъ я: хотя Св. Бонифацій былъ добрый человѣкъ и обратилъ въ Христіанство Баварцевъ, однакожь книжки его не имѣютъ для меня никакой прелести. Поведи меня лучше за городъ. — Мы вышли съ нимъ за городскія ворота. Я сѣлъ на берегу Рейна, и видѣлъ въ его водахъ вечерній лучъ солнца и картину зеленыхъ береговъ.

Возвратясь въ трактиръ, ужиналъ я за общимъ столомъ съ путешественниками разныхъ земель. Всѣ пили рейнвейнъ какъ воду. Я потребовалъ у трактирщика бутылку Гохгеймскаго вина, и притомъ самаго стараго, какое только есть у него въ погребѣ. Надобно знать, что Гохгеймское считается самымъ лучшимъ изъ всѣхъ Рейнскихъ винъ. «Вы конечно поблагодарите меня за этотъ нектаръ (сказалъ мнѣ услужливый трактирщикъ, ставя передо мною бутылку): я получилъ его въ наслѣдство отъ моего отца, котораго уже тридцать лѣтъ нѣтъ на свѣтѣ.» Въ самомъ дѣлѣ вино было очень хорошо, и равно пріятно для вкуса и обонянія. Мысль, что пью рейнвейнъ на берегу Рейна, веселила меня какъ ребенка. Я наливалъ, пѣнилъ, любовался свѣтлостію вина, подчивалъ сидѣвшихъ подлѣ меня, и былъ доволенъ какъ

царь. Скоро бутылка опорожнилась. Трактирщикъ увѣрялъ меня, что у него есть еще прекрасное Костгеймское вино, полученное имъ также въ наслѣдство отъ отца его, котораго уже тридцать лѣтъ нѣтъ на свѣтѣ. Вѣрю, что оно дѣлаетъ честь памяти покойника, сказалъ я, — всталъ и пошелъ въ свою комнату.

Мангеймъ, 3 Августа.

Нынѣ рано поутру выѣхалъ я изъ Майнца въ большой почтовой каретѣ съ пятью товарищами, и по западному берегу Рейна, черезъ Оппенгеймъ и Вормсъ, пріѣхалъ въ Мангеймъ въ семь часовъ вечера.

Сію верхнюю часть Германіи можно назвать земнымъ раемъ. Дорога гладка какъ столъ — вездѣ прекрасныя деревни — вездѣ богатые виноградные сады — вездѣ плодами обремененныя деревья — груши, яблоки и Грецкіе орѣхи растутъ на дорогѣ (зрѣлище, въ восторгъ приводящее сѣвернаго жителя, привыкшаго видѣть печальныя сосны и потомъ орошаемые сады, гдѣ Аргусы съ дубинами стоятъ на караулѣ!) И между сими-то щедрыми долинами мчится почтенный, винородный Рейнъ, неся на волнистомъ хребтѣ благословенные плоды своихъ береговъ, плоды, веселящіе сердце людей въ странахъ отдаленныхъ и не столь облагодѣтельствованныхъ Природою!

Но гдѣ бѣдствіе не посѣщаетъ отъ жепъ рожденныхъ? Гдѣ небо грозными тучами не покрывается? Гдѣ слезы горести не ліются? Здѣсь ліются онѣ, и я видѣлъ ихъ — видѣлъ тоску поселянъ несчастныхъ. Рейпъ и Неккеръ, наполнившись отъ дождей, яростно разлили воды свои и затопили сады, поля и самыя деревни. Здѣсь неслась часть домика, гдѣ обитали передъ тѣмъ покой и довольствіе — тутъ бурная волна мчала запасъ осторожнаго, но тщетно осторожнаго поселянина — тамъ плыла бѣдная, блеющая овца. Мы должны были ѣхать по водѣ, которая въ иныхъ мѣстахъ вливалась къ намъ въ карету. Но самое сіе наводненіе возвышало великолѣпіе вида, открывшагося намъ при въѣздѣ въ длинную алею, версты за три до Мангейма — алею, которая, будучи облита водою, казалась мостомъ.

Въ Оппенгеймѣ, Курфальцскомъ городѣ, мы завтракали и пили славное Ниренштейнское вино, которое однакожь показалось мнѣ не такъ хорошо, какъ Гохгеймское. — Противъ Оппенгейма, на другой сторонѣ Рейна, стоитъ высокая Пирамида, а на ней левъ, держащій въ правой лапѣ большой мечъ. Шведской Король, Густавъ Адольфъ, поставилъ сей памятникъ въ 1631 году, перешедши съ своею арміею черезъ Рейнъ, разбивъ Гишпанцевъ и взявъ Оппенгеймъ.

Въ Вормсѣ достойна примѣчанія старинная ратуша, въ которой Императоръ Карлъ V со всѣми Имперскими Князьями судилъ Лютера въ 1521 году. И нынѣ еще показываютъ тамъ лавку, на

которой лопнулъ стаканъ съ ядомъ, для него приготовленнымъ. Путешественники отрѣзываютъ по кусочку отъ того мѣста, гдѣ будто бы стояла сія отравѣ, и почти насквозь продолбили доску.

Мангеймъ есть прекрасный городъ. Улицы совершенно регулярны, и перерѣзываютъ одна другую прямыми углами: что для глазъ — по крайней мѣрѣ при первомъ взорѣ — очень пріятно. Ворота Рейнскія, Неккерскія и Гейдельбергскія украшены барельефами, хорошо выработанными. Въ разныхъ мѣстахъ города есть площади, окруженныя большими домами. Дворецъ Курфюрста построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Неккеръ сливается съ Рейномъ. Если бы я не торопился въ Швейцарію, то остался бы здѣсь на нѣсколько недѣль: такъ полюбился мнѣ Мангеймъ!

Мангеймъ, Августа 4.

Въ Академіи Скульптуры видѣлъ я собраніе статуй, и между ими самыя вѣрнѣйшія копіи славныхъ Бельведерскихъ антиковъ. Надобно удивляться древнему искусству, которое умѣло владѣть душою въ мраморъ, и прекрасную душу. М*съ восхищеніемъ говорилъ намъ о Лаокоонѣ: я видѣлъ эту группу, одинъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ Греческаго художества, и, по мнѣ-

нію нѣкоторыхъ, произведеніе Фидіасова рѣзца. Утверждаютъ, что она подала Виргилію мысль къ описанію несчастнаго Лаокоонова конца *. Смотри на нее, прочиталъ я нѣсколько разъ сіе мѣсто въ безсмертной Энеидѣ, которая была у меня въ рукахъ:

«Другое, ужаснѣйшее происшествіе вселяетъ
«трепетъ въ сердца наши. Лаокоонъ, избранный
«по жребію въ жрецы Нептуновы, торжественно
«приносилъ въ жертву тучнаго быка — и вдругъ на
«поверхности тихихъ водъ, отъ страны Тенедоса,
«являются... (страшное воспоминаніе!)... являются
«два ужасные змѣи, и рядомъ плывутъ къ бе-
«регу; кровавая глава и грудь ихъ гордо возвы-
«шается надъ волнами; неизмѣримый хребетъ ихъ
«извивается въ кругахъ безчисленныхъ; плывутъ,
«съ шумомъ разсѣкаютъ пѣнистую влагу и до-
«стигаютъ берега. Пламя и кровь въ очахъ ихъ.
«Страшно шипятъ они, страшно зіяютъ — и на-
«родъ въ ужасѣ спасается бѣгствомъ. — Сіи чу-
«довища спѣшатъ къ Лаокоону; бросаются спер-
«ва на двухъ юныхъ сыновъ его, и терзаютъ не-
«щастныхъ. Лаокоонъ стремится съ копіемъ на
«помощь къ нимъ: отецъ злополучный! Змѣи об-

* Лаокоонъ, братъ Анхизовъ, не хотѣлъ допустить, чтобы Трояне приняли въ городъ *деревянную лошадь*, въ которой скрывались Греческіе воины; боги, опредѣлившіе гибель Трои, наказали его за сіе сопротивленіе.

«виваются вокругъ его тѣла, вокругъ шеи, и шипятъ надъ его головою. Тщетно хочетъ онъ освободиться отъ чудовищъ ужасныхъ; руки старца безсильны. Покрытый ихъ нечистымъ гноемъ, ихъ ядомъ смертоноснымъ, Лаокоонъ стонаетъ — и вопль его до звѣздъ возносится.»

Съ какою живостію изображена физическая боль въ лицѣ терзаемаго старца! Какъ сильно изображена въ немъ и горестъ несчастнаго родителя, который видитъ гибель дѣтей своихъ, и не можетъ спасти ихъ! — Фидіасъ былъ Поэтъ.

—

Стразбургъ, Августа 6.

Черезъ обширныя, зеленые равнины — гдѣ роскошная Природа въ садахъ и въ поляхъ изливаетъ весь тукъ своего плодородія, и въ пѣвящейся чашѣ подаетъ смертному нектаръ вдохновенія и сладкой радости — пріѣхалъ я изъ Мангейма въ Стразбургъ, вчера въ 7 часовъ вечера.

Пріятно, весело, друзья мои, переѣзжать изъ одной земли въ другую, видѣть новые предметы, съ которыми, кажется, самая душа наша обновляется, и чувствовать неоцѣненную свободу человека, по которой онъ подлинно можетъ назваться царемъ земнаго творенія. Всѣ прочія животныя, будучи привязаны къ нѣкоторымъ климатамъ,

не могутъ вытти изъ предѣловъ, начертанныхъ имъ Натурою, и умираютъ, гдѣ родятся; но человекъ, силою могущественной воли своей, шагаетъ изъ климата въ климатъ — ищетъ вездѣ наслажденій, и находитъ ихъ — вездѣ бываетъ любимымъ гостемъ Природы, повсюду отверзающей для него новые источники удовольствія — вездѣ радуется бытіемъ своимъ, и благословляетъ свое человечество.

А мудрая связь общественности, по которой нахожу я во всякой землѣ всѣ возможныя удобства жизни, какъ будто бы нарочно для меня придуманныя; по которой жители всѣхъ странъ предлагаютъ мнѣ плоды своихъ трудовъ, своей промышленности, и призываютъ меня участвовать въ своихъ забавахъ, въ своихъ весельяхъ — —

Однимъ словомъ, друзья мои, путешествіе питательно для духа и сердца нашего. Путешествуй гипохондрикъ, чтобы исцѣлиться отъ своей гипохондріи! Путешествуй мизантропъ, чтобы полюбить человечество! Путешествуй, кто только можетъ!

На границѣ нашъ постиліонъ остановился. *Vous êtes déjà en France, Messieurs*, сказалъ намъ худо-одѣтый человекъ, подошедши къ нашей каретѣ: *et je vous en félicite*. Это былъ осмотрщикъ, который за свое поздравленіе хотѣлъ взять съ насъ по нѣскольку Французскихъ копѣекъ.

Вездѣ въ Эльзасѣ примѣтно волненіе. Цѣлыя деревни вооружаются, и поселяне пришиваютъ

кокарды къ шляпамъ. Почтмейстеры, постильоны, бабы, говорятъ о революціи.

А въ Стразбургѣ начинается новый бунтъ. Весь здѣшній гарнизонъ взволновался. Солдаты не слушаются Офицеровъ, пьютъ въ трактирахъ даромъ, бѣгаютъ съ шумомъ по улицамъ, ругаютъ своихъ начальниковъ и пр. Въ глазахъ моихъ толпа пьяныхъ солдатъ остановила ѣхавшаго въ каретѣ Прелата, и принудила его пить пиво, изъ одной кружки съ его кучеромъ, за здоровье націи. Прелатъ блѣднѣлъ отъ страха, и трепещущимъ голосомъ повторялъ: *mes amis, mes amis!* — *Oui, nous sommes vos amis!* кричали солдаты: *пей же съ нами!* — Крикъ на улицахъ продолжается почти безпрерывно. Но жители затыкаютъ уши и спокойно отправляютъ свои дѣла. Офицеры сидятъ подъ окномъ, и смѣются, смотря на неистовыхъ. — Я былъ нынѣ въ Театрѣ, и кромѣ веселости, ничего не примѣтилъ въ зрителяхъ. Молодые Офицеры перебѣгали изъ ложи въ ложу, и отъ всего сердца били въ ладоши, стараясь заглушить шумъ пьяныхъ бунтовщиковъ, который разатри приводилъ въ замѣшательство актеровъ на сценѣ.

Между тѣмъ въ самыхъ окрестностяхъ Стразбурга толпы разбойниковъ грабятъ монастыри. Сказываютъ, что по деревнямъ ѣздилъ какой-то человекъ, который называлъ себя Графомъ д'Артуа, и возбуждалъ поселянъ къ мятежу, говоря, что Король даетъ народу полную свободу до 15 Августа, и что до сего времени всякой можетъ

дѣлать, что хочетъ. Сей слухъ заставилъ здѣшняго начальника обнародовать, что *одна адская злоба, достойная неслыханнаго наказанія*, могла распустить такой слухъ —

Здѣшняя кафедральная церковь есть величественное готическое зданіе, и башня ея почитается за самую высочайшую пирамиду въ Европѣ. Вошедши во внутренность сего огромнаго храма, въ которомъ никогда яснаго свѣта не бываетъ, не лзя не почувствовать благоговѣнія; но кто хочетъ питать въ себѣ это священное чувство, тотъ не смотри на баральефы корнизовъ и колоннъ, гдѣ вы увидите престрашныя и смѣшныя аллегорическія фигуры. На прим. ослы, обезьяны и другіе звѣри изображены въ монашеской одеждѣ разныхъ Орденовъ; нныя съ важностію идутъ въ процессіи, другіе прыгаютъ, и пр. На одномъ баральефѣ представленъ монахъ съ монахинею въ самомъ непристойномъ положеніи. — Богатыя одежды Священниковъ и украшеніе олтарей показываютъ за диковинку. Одно серебряное Распятіе, подаренное церкви Людовикомъ XIV, стоитъ 60,000 талеровъ. — По круглой лѣстницѣ, состоящей изъ 725 ступеней, всходилъ я почти на самый верхъ башни, откуда безъ нѣкотораго ужаса не могъ смотрѣть внизъ. Люди на улицахъ представлялись ползающими насѣкомыми, и цѣлый городъ, казалось, можно было въ минуту измѣрить аршиномъ. Деревни вокругъ Стразбурга едва были примѣтны; миль за десять и болѣе сивѣлись горы. Говорятъ, что въ самую

ясную погоду можно видѣть и снѣжные верхи Альпійскихъ горъ; но я не видалъ ихъ, сколько ни напрягалъ свое зрѣніе. — Часы сей башни, по разнообразнымъ своимъ движеніямъ, считались нѣкогда чудомъ Механики; но вѣроятно, что нынѣшніе гордые художники не такъ думаютъ. — Между колоколами, изъ которыхъ самый большой вѣсомъ въ 204 центнера, показывали мнѣ такъ называемый *серебряный*, вѣсомъ въ 48 центнеровъ, и сказывали, что въ него благовѣстятъ только въ Ивановъ день. Тамъ же хранится большой охотничій рогъ, которымъ, лѣтъ за 400 передъ симъ, здѣшніе Жиды хотѣли подать сигналъ непріятелю для взятія Стразбурга. Заговоръ открылся; многіе изъ Жидовъ были сожжены, многіе раззорены, а другіе выгнаны изъ города. Въ память щастливо разрушеннаго заговора трубятъ въ этотъ рогъ всякую ночь два раза. — На стѣнахъ колокольни путешественники пишутъ свои имена, или стихи, или что кому вздумается. Я нашелъ и Рускія слѣдующія надписи: *Мы здѣсь были, и устали до смерти. — Высоко! — Здравствуй, братъ землякъ! — Какой же видъ!*

Въ Лютеранской церкви Св. Томаса видѣлъ я мраморный монументъ Маршала, Графа Саксонскаго, славное произведеніе рѣзца Пигалеа. Маршалъ съ жезломъ своимъ сходитъ по ступенямъ въ могилу, и съ презрѣніемъ смотритъ на смерть, которая открываетъ гробъ. На правой сторонѣ два льва и орелъ, въ ужасѣ и смятеніи, изображаютъ соединенныя арміи, побѣжденные Гра-

фомъ во Фландріи. На лѣвой сторонѣ представлена Франція въ образѣ прекрасной женщины, которая, со всѣми знаками живой горести, хочетъ одною рукою удержать его, а другою отталкиваетъ смерть. Печальный Геній жизни обращаетъ къ землѣ свой факелъ; и на сей же сторонѣ развѣваются побѣдоносныя знамена Франціи. — Художникъ хотѣлъ, чтобы удивлялись его искусству: по мнѣнію знатоковъ, онъ достигъ своей цѣли. Я, не будучи знатокомъ, смотрѣлъ на фигуры — на ту, на другую, на третью — и былъ въ своемъ сердцѣ такъ холоденъ, какъ мраморъ, изъ котораго онѣ сдѣланы. Смерть, въ образѣ скелета, одѣтаго мантиею, была мнѣ противна. Древніе не такъ изображали ее, — и горе новымъ художникамъ, пугающимъ насъ такими представленіями! На лицѣ Героя желалъ бы я видѣть другое выраженіе. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ имѣлъ болѣе вниманія къ горестной Франціи, нежели къ гнусному скелету. Коротко сказать, Пигаль, по моему чувству, есть искусный художникъ, но худой Поэтъ. — Подъ симъ монументомъ, въ темномъ сводѣ, поставленъ гробъ, въ которомъ лежитъ бальзамированное тѣло Маршала; сердце заключено въ сосудъ, стоящемъ на гробѣ, а внутренность погребена въ землѣ. Людовикъ XV, по своей чувствительности или по чему иному, не хотѣлъ исполнить послѣдняго желанія умирающаго Маршала, которое состояло въ томъ, чтобы тѣло его было сожжено. Qu'il ne

reste rien de moi dans le monde, сказалъ онъ, que ma mémoire parmi mes amis! —

Здѣшній Университетъ такъ же почти славенъ, какъ Лейпцигской и Геттингенской. Многіе Нѣмцы и Англичане прѣзжаютъ сюда учиться. Только изъ Стразбургскихъ Профессоровъ очень не многіе извѣстны въ ученѣмъ свѣтѣ какъ Авторы. Ихъ называютъ лѣнивыми въ сравненіи съ другими. Можетъ быть они богатѣе другихъ; а въ Германіи бѣдность дѣлаетъ многихъ Авторами. —

Наконецъ о городѣ скажу вамъ, что онъ многолюденъ; но что улицы тѣсны, и не лѣзя похвалить архитектуры домовъ.

Головной уборъ женщинъ здѣсь весьма странный. Крѣпко счесанные и насаленные волосы связываются (т. е. передніе съ задними) на срединѣ головы; а на верху пришивается маленькая корона. Ничего не можетъ быть безобразнѣе такого убора. —

Что принадлежитъ до здѣшняго Нѣмецкаго языка, то онъ очень испорченъ. Въ лучшихъ обществахъ говорятъ всегда по-Французски.

Я надѣялся здѣсь найти письмо отъ А*, но не нашелъ. Когда-то отъ васъ, мои любезные, получу письма! Живы ли вы? Здоровы ли вы? Что съ вами дѣлается? Спрашиваю, и никакой Гений не шепчетъ мнѣ на ухо отвѣта. Путешествовать пріятно, но разставаться съ друзьями больно. — —

П. П. Мнѣ сказывали, что Лафатеръ за нѣскольکو дней передъ симъ былъ въ Базелѣ для свиданія съ Неккеромъ. Я познакомился здѣсь съ однимъ

Магистромъ, очень любезнымъ человѣкомъ, который водилъ меня въ Университетъ, въ анатомической театръ, въ медицинской садъ, и который нынѣ за обѣдомъ и за ужиномъ пилъ здоровье отечественныхъ друзей моихъ. За ужиномъ у насъ былъ превеликой споръ между Офицерами о томъ, что дѣлать въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ честному человѣку, Французу и Офицеру? Положить руку на ефесъ, говорили одни, и быть въ готовности защищать правую сторону. Взять абшидъ, говорили другіе. Пить вино и надъ всѣмъ смѣяться, сказалъ пожилой Капитанъ, опорожнивъ свою бутылку.

Базель.

Берегитесь, государи мои! сказалъ намъ въ Стразбургѣ одинъ Офицеръ, когда я съ другими путешественниками сѣдился въ дилижансъ: *дорога не совсѣмъ безопасна; въ Эльзасѣ много разбойниковъ.* Мы посмотрѣли другъ на друга. «У кого не много денегъ, тотъ не боится разбойниковъ» — сказалъ молодой Женевецъ, который пріѣхалъ со мною изъ Франкфурта. «У меня есть кортикъ и собака» — сказалъ молодой человѣкъ въ красномъ камзолѣ, сѣвшій подлѣ меня. «Чего бояться?» сказали всѣ мы; поѣхали, и пріѣхали въ Базель благополучно.

Эльзасъ есть прекрасная земля. Города и деревни, черезъ которыя мы проѣзжали, всѣ хорошо выстроены. На той и на другой сторонѣ дороги плодоносныя поля. Лотарингскія горы, съ развалинами рыцарскихъ и разбойничьихъ замковъ, представляютъ для глазъ пѣчто романическое, и придаютъ разнообразіе виду обширныхъ равнинъ, утомительныхъ для зрѣнія. Сія горы болѣе и болѣе удаляются и темнѣютъ, такъ что наконецъ не можно видѣть на нихъ ничего, кромѣ мрака. Съ другой стороны, за Рейномъ, возвышаются черныя хребты Шварцвальдскихъ горъ и въ неизмѣримомъ разстояніи ограничиваютъ горизонтъ. Близъ дороги изрѣдка попадаются въ глаза дерева и маленькія рощицы.

Французская почта гораздо скорѣе Нѣмецкой. Постиліонъ (въ синемъ камзолѣ съ краснымъ воротникомъ, и въ такихъ сапогахъ, которые были бы вѣщу Гиганту въ водяной болѣзни) безпрестанно машетъ хлыстомъ, и понуждаетъ коней своихъ бѣжать рысью. На шести, девяти и двѣнадцати верстахъ перемѣняютъ лошадей, и на каждой станціи надобно платить прогоны впередъ, нашими деньгами копѣекъ по двадцати за милю (lieue) Изъ Стразбурга выѣхали мы въ шесть часовъ поутру, а въ восемь часовъ вечера были уже за три версты отъ Базеля, то есть переѣхали въ день 29 Французскихъ миль, или 87 верстъ. Тутъ надлежало намъ почевать, для того, что ровно въ восемь часовъ заѣзжаютъ въ Базель ворота, кото-

рыхъ уже до утра ни для кого и ни для чего не отворяютъ.

Съ молодымъ человѣкомъ въ красномъ камзолѣ успѣлъ я коротко познакомиться. Онъ сынъ придворнаго Коппенгагенскаго Аптекаря Беккера, учился въ Германіи Медициѣ и Химіи (послѣдней у славнаго Берлинскаго Профессора Клапрота), и прошелъ большую часть Германіи пѣшкомъ, одинъ съ своею собакою и съ кортикомъ на бедрѣ, пересылая чрезъ почту чемоданъ свой изъ города въ городъ. Въ Стразбургѣ заболѣла у него нога, и принудила его сѣсть въ дилижансъ. Теперь хочетъ онъ видѣть все примѣчанія достойнѣйшее въ Швейцаріи, а потомъ отправиться во Францію и въ Англію. Со всею нѣжностію дружбы любитъ онъ свою собаку, и дорогою безпрестанно смотрѣлъ, бѣжитъ ли она за каретою; когда же примѣтилъ, мили за двѣ не доѣзжая до нашего ночлега, что она устала и начала отставать, то, пожелавъ намъ счастливаго пути, вышелъ самъ изъ дилижанса, чтобы брести потихоньку съ своимъ другомъ. — Здѣсь въ Базелѣ остановились мы съ нимъ въ одномъ трактирѣ, подъ вывѣскою *Аиста*.

И такъ я уже въ Швейцаріи, въ странѣ живописной Натуры, въ землѣ свободы и благополучія! Кажется, что здѣшній воздухъ имѣетъ въ себѣ нѣчто оживляющее: дыханіе мое стало легче и свободнѣе, станъ мой распрямился, голова моя само собою подымается вверхъ, и я съ гордостію помышляю о своемъ человѣчествѣ.

Базель болѣе всѣхъ городовъ въ Швейцаріи; но, кромѣ двухъ огромныхъ домовъ Банкира Саразени, не замѣтилъ я здѣсь никакихъ хорошихъ зданій, и улицы чрезмѣрно худо вымощены. Жителей по обширности города очень не много, и нѣкоторые переулки заросли травою. Рейнъ раздѣляетъ Базель на двѣ части; и хотя сія рѣка здѣсь не такъ широка, какъ въ Майнцѣ, однакожь, по быстрѣйшему своему теченію и по свѣтлости воды своей, показалась мнѣ гораздо пріятнѣе. Только здѣсь она совершенно пуста; не видно на ней ни одного судна, ни одной лодочки. Не знаю, для чего Базельцы не пользуются выгодами судоходства, производя довольно важный торгъ съ Нѣмцами, и отправляя въ Германію полотна, ленты, шелковыя матеріи и другія произведенія своихъ мануфактуръ.

Въ такъ называемомъ Минстерѣ, или главной Базельской церкви, видѣлъ я многіе старые монументы, съ разными надписями, показывающими бѣдность разума человѣческаго въ среднихъ вѣкахъ. Монументы Эразма и супруги Императора Рудольфа I были для меня примѣчательнѣе другихъ. Первый считался въ свое время ученѣйшимъ и остроумѣйшимъ человѣкомъ въ Европѣ: въ доказательство чего можетъ служить слѣдующій, можетъ быть уже извѣстный вамъ, анекдотъ: Эразмъ, пріѣхавъ въ Лондонъ, посѣтилъ Томаса Моруса, Великаго Государственнаго Канцлера, и, не сказавъ ему своего имени, вступилъ съ нимъ въ разговоръ о Политикѣ, Религіи и другихъ пред-

метахъ. Морусъ, будучи восхищенъ его разумомъ и краспорѣчіемъ, вскочилъ наконецъ съ своего мѣста и воскликнулъ: *ты Эразмъ или Демонъ!* — Изъ сочиненій его самое извѣстнѣйшее есть Похвала Дурачеству, въ которомъ онъ смѣется надъ всѣми состояніями жизни, а наиболѣе надъ монашескимъ, не щадя и самого Папы. Нѣкоторыя шутки конечно довольно остры; но многія грубы, сухи и натянуты — и вообще книга сія довольно скучна для тѣхъ, которые уже читали остроумныя сочиненія Вольтеровъ и Виландовъ осьмаго-надесять вѣка. — Минстеръ стоитъ на высокомъ мѣстѣ, обсаженномъ деревьями, откуда видъ очень хорошъ.

Въ публичной библіотекѣ показываютъ многія рѣдкія рукописи и древнія медали, которыхъ цѣну знаютъ только Антикваріи и Нумисматогграфы; а что принадлежитъ до меня, то я съ большимъ примѣчаніемъ и удовольствіемъ смотрѣлъ тамъ на картины славнаго Гольбейна, Базельскаго уроженца и друга Эразмова. Какое прекрасное лице у Спасителя на вечери! Іуду, какъ онъ здѣсь представленъ, узналъ бы я всегда и вездѣ. Въ Христѣ, спятомъ со креста, не видно ничего божественнаго; но какъ умершій человѣкъ, изображенъ онъ весьма естественно. По преданію рассказываютъ, что Гольбейнъ писалъ его съ одного утопшаго Жидка. Страсти Христовы изображены на осьми картинахъ. — Въ Ратушѣ есть цѣлая зала, расписанная *альфреско* Гольбейномъ. Знатокъ говорятъ о семъ живописцѣ, что фигуры его вообще весь-

ма хороши; что тѣло писалъ онъ живо, но одежду очень дурно. — Въ оградѣ церкви Св. Петра, на стѣнѣ за рѣшеткою, видѣлъ я и славный *танецъ мертвыхъ*, который, по крайней мѣрѣ отчасти, считаютъ за Гольбеинову работу. Смерть ведетъ на тотъ свѣтъ людей всякаго состоянія: и Папу и Нимфу радости, и Короля и нищаго, и добраго и злаго. Не будучи знатокомъ, могу сказать, что конечно не одно воображеніе и не одна кисть произвели сей рядъ фигуръ: столь хороши нѣкоторыя, и столь дурны прочія! Я замѣтилъ три или четыре лица, весьма выразительныя, и конечно достойныя лѣвой Гольбеиновой руки *. Впрочемъ вся картина испорчена воздухомъ и сыростію.

Между прочими Гольбеиновыми картинами, которыми гордится Базель, есть прекрасный портретъ одной молодой женщины, славной въ свое время. Живописецъ изобразилъ ее въ видѣ Лансы (по чему легко можно догадаться, какого рода была слава ея), а подлѣ нее представилъ Купидона, облокотившагося на ея колѣни, и держащаго въ рукѣ стрѣлу. Сія картина найдена была на олтарѣ, гдѣ народъ поклонялся ей подъ именемъ Богоматери; и на черныхъ рамахъ ея написано золотыми буквами: *Verbum Domini manet in aeternum*, (*слово Господне пребываетъ вѣдьки*).

Кабинетъ Господина Феша есть достойный предметъ любопытства всѣхъ путешественниковъ, лю-

* Гольбеинъ писалъ лѣвою рукою.

блщахъ искусство. Его цѣнятъ въ 150,000 талеровъ. Конечно не многіе изъ частныхъ людей въ Европѣ имѣютъ такое собраніе прекрасныхъ картинъ, и конечно не многіе изъ богачей имѣютъ такой вкусъ, какъ Г. Фешъ. Но сколько завидны драгоцѣнныя его картины, столько же, или еще болѣе, завиденъ для меня и тотъ прекрасный видъ, которымъ наслаждается сей любимецъ фортуны, смотря изъ оконъ своего кабинета на величественный Рейнъ, и взоромъ своимъ слѣдуя за его теченіемъ между двумя великими государствами. Тутъ Франція, Швейцарія и Германія представляются глазамъ въ разнообразной картинѣ, подъ голубымъ сводомъ неба — и я могъ бы цѣлый день неподвижно простоять въ семъ магическомъ кабинетѣ, смотрѣть и тихо въ душѣ восхищаться, если бы не побоялся быть въ тягость Господину Фешу. — На дворѣ передъ его домомъ показываютъ деревянную и очень топорно выработанную статую Императора Рудольфа I. Онъ представленъ сидящимъ на тронѣ въ порфирѣ и со всеми знаками своего достоинства. Его избрали въ Императоры въ самое то время, когда онъ войсками своими окружилъ Базель; послѣ чего отворили ему городскія ворота — и онъ жилъ здѣсь, сказываютъ, точно въ томъ домѣ, въ которомъ живетъ теперь Г. Фешъ.

Нынѣ за обѣдомъ былъ я свидѣтелемъ трогательнаго явленія. Пожилой человѣкъ, Кавалеръ Св. Людовика, сидѣлъ на концѣ стола съ пожилою дамою. На лицахъ ихъ изображалась горестъ и

блѣдность изнеможенія. Они не брали участія въ общемъ разговорѣ; взглядывали иногда другъ на друга, и утирали платкомъ покраснѣвшіе глаза свои. Всѣ смотрѣли на нихъ съ почтительнымъ сожалѣніемъ и съ видомъ скрываемаго любопытства. Молодой Женевецъ, сидѣвшій подлѣ меня, сказалъ мнѣ на ухо: *это знатный Французскій дворянинъ съ своею женою, который по нынѣшнимъ обстоятельствамъ долженъ былъ бѣжать изъ Франціи.* Въ то время, какъ подавали намъ десертъ, вошли въ залу молодой человекъ и молодая дама въ дорожномъ платьѣ. *Mon père! ma mère! mon fils! ma fille!* — и при сихъ восклицаніяхъ Кавалеръ Св. Людовика и сидѣвшая подлѣ него дама вдругъ очутились на среднѣхъ комнатахъ въ объятіяхъ молодыхъ людей. Глубокое молчаніе въ залѣ — всѣ мы, сидѣвшіе за столомъ, казались оцѣпенѣвшими: одинъ держалъ въ рукѣ бисквитъ, другой рюмку, и остался неподвиженъ въ семъ положеніи; тѣ, которые говорили и замолчали, не успѣли затворить рта, устремивъ взоры свои на обнимающуюся группу. Ты пролетѣла, минута молчанія и тишины! но глубокія черты оставила ты въ моемъ сердцѣ, которые всегда будутъ воспоминать мнѣ чувствительность людей — ибо она превратила насъ въ камень, когда мы увидѣли отца и мать, сына и дочь, съ жаромъ, съ восторгомъ обнимающихъ другъ друга! — Наконецъ Кавалеръ Св. Людовика, отирая лиющіяся слезы свои, оборотился къ намъ и сказалъ прерывающимся голосомъ: *Простите, государи мои,*

простите радостному изступленію нпжныхъ родителей, которые трепетали о жизни милыхъ дптей своихъ *, но, благодаря Всевышняго! видятъ ихъ въ цплости и прижимаютъ къ своему сердцу! Мы лишились своего импнія и отечества; но когда живъ сынъ нашъ, когда жива дочь наша, то забываемъ все прочее горе! Потомъ, держа другъ друга за руки, вышли они изъ залы. Всѣ мы встали, пошли за ними, и нашедши на крыльцѣ слугу ихъ, окружили его и требовали, чтобы онъ объяснилъ намъ видѣнную нами сцену. — «Я могу вамъ сказать единственно то», отвѣчалъ онъ, «что бунтующіе поселяне хотѣли убить моего господица; что онъ принужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ, оставивъ замокъ свой въ огнѣ и въ пламени, и не зная объ участи дѣтей своихъ, которыя были въ гостяхъ у брата его, и которыя теперь, по его письму, благополучно сюда пріѣхали.»

Если вы въ полдень спросите здѣсь, который часъ? то вамъ скажутъ въ отвѣтъ: по общимъ часамъ двпнадцать, а по Базельскимъ часъ — то есть, здѣшніе часы идутъ всегда впереди противъ общихъ. Напрасно будете вы приступать къ Базельцамъ и требовать, чтобы они сказали вамъ подлинную причину сей странности. Никто ее не знаетъ; но за старое преданіе рассказыва-

* Слово въ слово съ Французскаго; но галлицизмы такого рода простительны.

ютъ, что будто бы причиною того былъ нѣкогда уничтоженный заговоръ — и такимъ образомъ: Нѣкоторые зломыслящіе люди въ Базелѣ уговорились въ двѣнадцать часовъ ночи собраться и перерѣзать въ городѣ всѣхъ судей; одинъ изъ Бургомистровъ узналъ о томъ, и велѣлъ на колокольнѣ главной церкви ударить часъ, вмѣсто двѣнадцати; каждый изъ заговорщиковъ подумалъ, что назначенное время уже прошло, и возвратился домой — послѣ чего всѣ Базельцы, въ память щастливой Бургомистровой выдумки, переставили часы свои часомъ впередъ. По другому преданію, сдѣлалось сіе во время Базельскаго *Церковнаго Собора*, для того, чтобы лѣнивые Кардиналы и Епископы вставали и собирались ранѣе. — Какъ бы то ни было, только Базельцы уже привыкли обманывать себя во времени дня, и народъ почитаетъ сей обманъ за драгоцѣнное право своей вольности.

Хотя въ Базелѣ народъ не имѣетъ законодательной власти и не можетъ самъ избирать начальниковъ, однакожь правленіе сего Кантона можно называть отчасти демократическимъ; потому что каждому гражданину открытъ путь ко всѣмъ достоинствамъ въ Республикѣ, и люди самаго низкаго состоянія бываютъ Членами Большаго и Малаго Совѣта, которые даютъ законы, объявляютъ войну, заключаютъ миръ, налагаютъ подати, и сами избираютъ Членовъ своихъ. — Хлѣбники, сапожники, портные, играютъ часто важнѣйшія роли въ Базельской Республикѣ.

Во всѣхъ жителяхъ видна здѣсь какая-то важность, похожая на угрюмость, которая для меня не совсѣмъ пріятна. Въ лицѣ, въ походкѣ и во всѣхъ ухваткахъ имѣютъ они много характернаго. — Въ домахъ гражданъ и въ трактирахъ соблюдается отмѣнная чистота, которую путешественники называютъ вообще Швейцарскою добродѣтелію. — Только женщины здѣсь отмѣнно дурны; по крайней мѣрѣ я не видалъ ни одной хорошей, ни одной изрядной. —

Въ семи верстахъ отъ Базеля находится такъ называемая *пустыня*, или обширный садъ, принадлежащій одному изъ здѣшнихъ богачей. Туда ходилъ я пѣшкомъ съ двумя молодыми Берлинцами, здѣсь живущими. Кажется, будто бы искусство не имѣло никакого участія въ разведеніи сего сада. Надобно вездѣ ходить по узенькимъ тропинкамъ и взбираться на утесы по каменнымъ ступенямъ. Индѣ видишь частый, зеленый кустарникъ — индѣ глубокія пещеры, или разбросанные шалаши. Во глубинѣ дикаго грота, гдѣ чистая вода, струясь съ высокихъ камней, ископала себѣ маленькой бассейнъ, стоитъ монументъ покойнаго Геенера, печальною дружбою сооруженный... Поздно, поздно пріѣхалъ я въ Швейцарію: умолкъ голосъ нѣжнаго пѣвца ея! Въ семъ тихомъ гротѣ, въ семъ святилищѣ меланхоліи, душа чувствуетъ томное уныніе и погружается наконецъ въ сладкую дремоту. Здѣсь изобразилъ бы я Ночь, Сонъ и Смерть, какъ они, по описанію Павзаніеву, на Ципселовомъ сундукѣ изобра-

жены были*. — Мы сходили въ подземный храмъ Прозерпины, и видѣли образъ сей богини, освѣщаемый слабымъ свѣтомъ тихо горящихъ лампадъ. Чрезвычайный холодъ и сырость не позволяли намъ ни минуты пробывать тамъ. — Мы обѣдали въ мѣстечкѣ Арлейсгеймѣ, принадлежащемъ Базельскому Епископу, и въ семь часовъ возвратились назадъ въ Базель.

Верстахъ въ двухъ или въ трехъ отсюда, гдѣ построена такъ называемая гошпиталь Св. Якова, было нѣкогда жестокое сраженіе между Французами и Швейцарами, которые почти всѣ легли на мѣстѣ. Базельскіе жители всякой годъ въ Маѣ мѣсяцѣ приходятъ туда воспѣвать геройскія дѣла своихъ предковъ и пить красное вино, называемое *Швейцарскою кровью*.

Я имѣлъ любопытство видѣть тотъ домъ, въ которомъ жилъ Парацельсъ. Сказываютъ, что въ саду, принадлежащемъ къ сему дому, и понынѣ находятъ еще огарки изъ химическихъ или алхимическихъ печей сего чуднаго человѣка, которому, по признанію Ученыхъ, обязана Медицина многими минеральными лекарствами, и нынѣ съ великою пользою употребляемыми, но который

* Ночь представлена была въ видѣ молодой женщины, держащей въ своихъ объятіяхъ двухъ мальчиковъ, бѣлаго и чернаго; одинъ спалъ, а другой казался спящимъ; одинъ означалъ сонъ, а другой смерть.

отъ страшнаго хвастовства своего прослылъ шарлатаномъ въ цѣлой Европѣ *.

Вообразите, что новый мой знакомецъ Б*, съ которымъ я уговаривался вмѣстѣ путешествовать по Швейцаріи, умираетъ — умираетъ отъ любви! Здѣсь въ трактирѣ живетъ молодая дама изъ Ивердона. Сегодня ужинала она за общимъ столомъ, сидѣла подлѣ Б* и нѣсколько разъ начинала съ нимъ говорить. Нѣжное сердце моего Датчанина растопилось отъ огненныхъ ея взоровъ. Онъ весь покраснѣлъ, забылъ пить и ѣсть, и только что подчивалъ красавицу; а при концѣ ужина подалъ ей записную книжку свою и карандашъ, прося, чтобы она написала ему какое нибудь наставленіе. Красавица взяла книжку, карандашъ — взглянула на него умильно, нѣжно — и написала по-Французски: *Сердце, подобное вашему, не имѣетъ нужды въ наставленіяхъ; слѣдуя своимъ побужденіямъ, оно слѣдуетъ предписаніямъ добродѣтели* — написала и подала ему съ улыбкою. Madame! сказалъ восхищенный Б*... Madame!... Въ самую сію минуту всѣ изъ-за стола встали, и красавица, присѣвъ передъ нимъ, подала руку своему брату и ушла. Б* стоялъ, смотрѣлъ въ слѣдъ за нею, и наконецъ сказалъ мнѣ, когда я подошелъ

* Пишутъ, что онъ часто лекціи свои начиналъ такъ: «Знайτε, о Медики! что колпакъ мой ученіе всѣхъ васъ, «и что борода моя опытнѣе вашихъ Академій. Греки, «Римляне, Французы, Италіянцы! я буду вашимъ царемъ.»

къ нему, что онъ едва ли можетъ завтра ѣхать со мною въ Цюрихъ, чувствуя себя очень нездоровымъ.

Базель, Августа 9.

Молодая дама изъ Ивердона выпѣ поутру уѣхала, и Датчанинъ Б* исцѣлился отъ любовной своей болѣзни. Вмѣстѣ съ нимъ наняли мы здѣсь извозчика, или такъ называемаго *кучера* (Kutscher), который за два лундора съ талеромъ повезетъ насъ въ Цюрихъ на парѣ жирныхъ лошадей, въ двумѣстной старомодной каретѣ; и такимъ образомъ за 60 верстъ платимъ мы 17 руб. Въ Швейцаріи нѣтъ почты. — *Ступайте, господа!* кричитъ намъ почтенный извозчикъ Швейцарской въ плисовомъ фракѣ: *ступайте! чемоданы ваши привязаны. И такъ простите!*

Въ каретѣ дорогою.

Уже я наслаждаюсь Швейцаріею, милые друзья мои! Всякое дуновение вѣтерка проникаетъ, кажется, въ сердце мое и развѣваетъ въ немъ чувство радости. Какія мѣста! какія мѣста! Отъѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я выскочилъ изъ кареты, упалъ на цвѣтушій берегъ зеленаго Ренна, и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю. Щастливые Швей-

цары! всякой ли день, всякой ли часъ благодарите вы Небо за свое щастіе, живучи въ объятіяхъ прелестной Натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ, и служа одному Богу? Вся жизнь ваша есть конечно пріятное сновидѣніе, и самая роковая стрѣла должна кротко влетать въ грудь вашу *, не возмущаемую тиранскими страстями! — Такъ, друзья мои! я думаю, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей Природы. Думаю, и на сей разъ увѣренъ, что онъ не есть врожденное чувство нашего сердца. Ахъ! если бы теперь, въ самую сію минуту, надлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно Природы, съ полнымъ увѣреніемъ, что она зоветъ меня къ новому щастію; что измѣненіе существа моего есть возвышеніе красоты, переменна изящнаго на лучшее. И всегда, милые друзья мои, всегда, когда я духомъ своимъ возвращаюсь въ первоначальную простоту натуры человѣческой — когда сердце мое отверзается впечатлѣніямъ красотъ Природы — чувствую я то же и не нахожу въ смерти ничего страшнаго. Высочайшая Благость

* Читатель, можетъ быть, вспомнитъ о стрѣлахъ Аполлоновыхъ, которыя *кротко умерщвляли* смертныхъ. Греки въ мифахъ своихъ передали намъ памятники нѣжнаго своего чувства. Что можетъ быть въ самомъ дѣлѣ нѣжнѣе сего вымысла, приписывающаго разрушеніе наше дѣйствию *възнь-юнаго Аполлона*, въ которомъ Древніе воображали себѣ совершенство красоты и стройности?

не была бы высочайшею Благостию, естли бы Она съ которой нибудь стороны не усладила для насъ всѣхъ необходимостей — и съ сей-то услажденной стороны должны мы прикасаться къ нимъ устами нашими! — Прости мнѣ, мудрое Провидѣніе, естли я когда нибудь какъ буйный младенецъ, проливая слезы досады, ропталъ на жребій чело-вѣка! Теперь, погружаясь въ чувство Твоей бла-гости, лобызаю невидимую руку Твою, меня ве-дущую! —

Мы ѣдемъ подлѣ Рейна, съ ужаснымъ шумомъ и волненіемъ стремящагося между тихихъ луговъ и садовъ виноградныхъ. Тутъ мальчики и маленькія дѣвочки играютъ, рвутъ цвѣты и бросаютъ ими другъ въ друга; тамъ покойный селянинъ, насвистывая веселую пѣсню, поправляетъ въ са-ду своемъ сошки, увитыя гибкимъ винограднымъ стеблемъ — смотритъ на проѣзжихъ, и ласковымъ мановеніемъ желаетъ имъ добраго дня. — Высокія горы у насъ передъ глазами; но Альпы скры-ваются еще въ лазури отдаленія. Юра изгибается за нами хребетъ свой, отбрасывающій сипую тѣнь на долины. — — Нѣтъ, я не могу писать; красоты, меня окружающія, отвлекаютъ глаза мои отъ бумаги.

Рейнфельденъ, Австрійской городокъ.

И такъ я теперь во владѣніи нашего Союзника! — Кучеръ нашъ кормитъ своихъ лошадей хлѣбомъ, а я сижу въ трактирѣ подъ окномъ, и смотрю на Рейнъ, котораго пѣна чуть до меня не долетаетъ.

Брукъ.

Мы обѣдали въ маленькой Швейцарской деревенькѣ, куда въ одно время съ нами пріѣхала Француженка въ печальномъ платьѣ, съ девятилѣтнимъ сыномъ и съ бѣлкою. Печальное платье, блѣдное лице и томность въ глазахъ, дѣлали ее привлекательною для меня, а еще болѣе для моего мягкосердечнаго Б*. «Я надѣюсь, сударыня, что вы позволите намъ вмѣстѣ съ вами обѣдать» — сказалъ онъ ей съ такимъ видомъ и такимъ голосомъ, который для Датчапина былъ очень нѣженъ. «Если это не будетъ вамъ противно» — отвѣчала Француженка съ пріятнымъ движеніемъ головы. «Господинъ трактирщикъ!» закричалъ мой Б* повелительнымъ голосомъ: «вы конечно не заставите насъ жаловаться на худой обѣдъ?» Увидите, отвѣчалъ Швейцаръ съ нѣкоторою досадою, поправивъ на головѣ своей шапку. — «Швейцары добрые люди» — сказала Француженка съ

улыбкою, сѣвъ за накрытый столъ — «только немного грубоваты.» Поставили кушанье: Б* рѣзалъ, раздавалъ, и всячески старался услуживать дамѣ и сыну ея. Онъ не могъ утерпѣть, чтобы не спросить у нее, по комъ носить она трауръ? «По братѣ», отвѣчала Француженка со вздохомъ. «Онъ писалъ ко мнѣ изъ Т* о своей болѣзни; я поѣхала къ нему съ маленькимъ своимъ Пьеромъ, и — нашла его лежащаго во гробѣ.» Тутъ обтерла она слезу, которая выкатилась изъ *праваго* глаза ея, какъ сказалъ бы Йорикъ. — А въ какихъ лѣтахъ былъ вашъ братецъ? спросилъ Б*, и заставилъ меня отъ досады повернуться на стулѣ. — «Старѣе меня пятью годами» — отвѣчала она, и обтерла *другую* слезу, блиставшую на *нижней ресницѣ лѣваго* глаза ея. Господинъ Б*! сказалъ я: вы оскорбляете чувствительность Госпожи N. N. горестными воспоминаніями. Я этаго не думалъ (отвѣчалъ онъ покраснѣвши), право не думалъ. Простите меня, сударыня! «Рана въ сердцѣ моемъ такъ еще свѣжа, сказала она, что кровь не переставала изъ нее литься.» — Маленькой Пьеръ бросилъ ложку, посмотрѣлъ на мать, всталъ, подбѣжалъ къ ней, началъ цѣловать ея руку, и между поцѣлуями взглядывалъ на нее такъ умильно, и говорилъ ей такъ вѣжно: *маменька, не плачьте! не плачьте, любезная маменька!* что я пошелъ въ карманъ за бѣлымъ платкомъ, а Б* въ восторгѣ вскочилъ со стула, схватилъ руку ея, которою обнимала она сына своего, и прижалъ ее къ своимъ губамъ. Въ самую сію секунду вошелъ

трактирщикъ. *Ба! что это?* сказалъ онъ грубымъ голосомъ: *я думалъ, что вы обѣдаете.* Никто не отвѣчалъ ему. Госпожа N. N. высвободила свою руку (на которой осталось розовое пятно), и томнымъ взоромъ наказала чувствительнаго Б* за пескромный жаръ его. Вели подать намъ кофе, сказалъ я трактирщику; но онъ стоялъ какъ вкопаной, выпучивъ глаза на Француженку, которой блѣдныя щеки, отъ внутренняго ея движенія, покрылись алымъ румянцемъ. Между тѣмъ она указала маленькому Пьеру мѣсто его. Б* сѣлъ на свое, и мы принялись за десертъ. Госпожа N. N. успокоилась, и рассказала намъ, что она возвращается теперь къ своему мужу, который родомъ Швейцаръ, но по торговымъ дѣламъ жилъ долгое время во Франціи, и будучи въ Т*, влюбился въ нее, сыскалъ ея любовь, женился на ней и переѣхалъ жить въ К*. Онъ очеь щастливъ, сударыня (сказалъ я), имѣя такую супругу; но онъ конечно достоинъ своего щастія, потому что вы нашли его достойнымъ любви вашей. — Тутъ кучеръ объявилъ намъ, что лошади впряжены. Надобно было расплатиться съ трактирщикомъ и проститься съ нѣжною Француженкою. Она позволила намъ расцѣловать своего Пьера, — изъ чего вышла опять чувствительная сцена, и вотъ какимъ образомъ. Въ самую ту минуту, какъ Б* обнималъ маленькаго Пьера, рѣзвая бѣлка, прыгавшая по столу, вскочила ему на голову, и передними своими лапками такъ ласково ухватила его за носъ, что онъ закричалъ. Госпожа N. N. ахнула; а трактирщикъ,

стоявшій у дверей, захохоталъ во все горло. Бѣлку стащили съ головы моего пріятеля, и маленькой Пьеръ, вертя ее за хвостъ, кричалъ: *ахъ, бѣлка! злая бѣлка! на что ты схватила за носъ Господина Б?* Учтивый пріятель мой увѣрялъ Госпожу N. N., что ему не приключилось въ самомъ дѣлѣ никакого вреда, кромѣ испуга. «Ахъ, государь мой!» сказала она: «я вижу кровь, я вижу кровь!» ... и бѣлымъ своимъ платкомъ обтерла двѣ красныя капли на его переносицѣ. «Ахъ, сударыня!» отвѣчалъ Б*, будучи тронутъ до глубины сердца: «какъ мнѣ благодарить васъ за вашу попечительность! Воспоминаніе объ ней будетъ для меня всегда пріятнѣйшимъ воспоминаніемъ; и самой вашей бѣлки я никогда не забуду.» Госпожа N. N. подарила ему трубочку Англійскаго пластыря, желая, чтобы цѣлительная сила его загладила преступленіе ея звѣрка. Тутъ мы снова простились, получивъ отъ нее адресъ ея, и записавъ ей наши имена. Маленькой Пьеръ проводилъ насъ до кареты. Милая Француженка смотрѣла изъ окна, когда мы сѣли. Простите, сударыня, простите! кричалъ ей Б*. Простите! отвѣчала она. Простите! кричалъ маленькой Пьеръ, кивая головою. — Мы поѣхали, и долго еще говорили о любезной Госпожѣ N. N., которая въ воображеніи моего Б* затемнила образъ молодой Госпожи изъ Ивердона. —

Проѣзжая черезъ одну деревню, увидѣли мы великое стеченіе народа; велѣли кучеру остановиться, вышли изъ кареты и втерлись въ толпу. Тутъ

вязали одного молодого человѣка, который со слезами просилъ, чтобы его освободили. Что такое онъ сдѣлалъ? спросили мы. «Онъ укралъ, укралъ два талера въ лавкѣ» — отвѣчали намъ вдругъ человѣка четыре: «у насъ никогда не бывало воровства; это бродяга, пришедшій изъ Германіи; его надобно наказать.» — Однакожь онъ плачетъ, сказалъ я: добродушные Швейцары! пустите его! — «Нѣтъ, его надобно наказать, чтобы онъ пересталъ красть» — отвѣчали мнѣ. По крайней мѣрѣ, добродушные Швейцары, накажите его такъ, какъ отцы наказываютъ дѣтей своихъ за ихъ проступки, — сказалъ я, и пошелъ къ своей каретѣ. — Можетъ быть ни въ какой землѣ, друзья мои, не бываетъ такъ мало преступленій, какъ въ Швейцаріи, а особливо воровства, которое считается здѣсь за великое злодѣяніе. О разбояхъ и убійствахъ совсѣмъ не слышно; миръ и тишина царствуютъ въ счастливой Гельвеціи. —

Спускаясь съ высокой горы, которая виситъ надъ городомъ, могъ я обнять глазами великое пространство; и все сіе пространство усѣяно щедротами Натуры. Здѣсь мы ночуемъ; а завтра поутру будемъ въ Цирихѣ.

—

Цирихъ.

Съ отминымъ удовольствіемъ подъѣзжалъ я къ Цириху; съ отминымъ удовольствіемъ смо-

трѣлъ на его пріятное мѣстоположеніе, на ясное небо, на веселыя окрестности, на свѣтлое, зеркальное озеро, и на красные его берега, гдѣ нѣжный Геснеръ рвалъ цвѣты для украшенія пастуховъ и пастушекъ своихъ; гдѣ душа безсмертнаго Клопштока наполнялась великими идеями о священной любви къ отечеству, которыя послѣ съ дикимъ величіемъ излились въ его *Германъ*: гдѣ Бодмеръ собиралъ черты для картинъ своей *Ноахиды*, и питался духомъ временъ Патріаршихъ; гдѣ Виландъ и Гете въ сладостномъ упоеніи обнимались съ Музами, и мечтали для потомства; гдѣ Фридрихъ Штолбергъ, сквозь туманъ двадцати девяти вѣковъ, видѣлъ въ духѣ своемъ древнѣйшаго изъ творцевъ Греческихъ, пѣвца боговъ и Героевъ, сѣдаго старца Гомера, лаврами увѣнчаннаго, и пѣснями своими восхищающаго Греческое юношество—видѣлъ, внималъ, и въ вѣрномъ отзывѣ повторялъ пѣсни его на языкѣ Тевтоновъ*; гдѣ нашъ Л* бродилъ съ любовною своею грустію, и всякой цвѣточикъ со вздохомъ посвящалъ Веймарской своей богинѣ. —

Мы пріѣхали сюда въ 10 часовъ утра. Въ трактирѣ, подъ вывѣскою *Ворона*, отвели намъ большую, свѣтлую комнату. Обширное Цюрихское озеро разливается у насъ передъ глазами, и почти подъ самыми нашими окнами вытекаетъ изъ него рѣка Лиммата, которой шумное и быстрое стрем-

* Т. е. Нѣмцовъ. — Штолбергъ перевелъ *Иліаду*.

леніе пріятнымъ образомъ отличается отъ тихой зыби водъ его; прямо противъ насъ, за озеромъ, стоятъ высокія горы въ утесъ; далѣе, въ сторону, видны Швицкія, Унтервальденскія и другія высочайшія и снѣгомъ покрытыя горы, составляющія для меня совершенно новое зрѣлище; и все это могу я видѣть вдругъ, сидя подъ окномъ въ своей комнатѣ. — Намъ принесли кушанье. Послѣ обѣда пойду — нужно ли сказывать, къ кому?

Въ 9 часовъ вечера. Вошедши въ сѣни, я позвонилъ въ колокольчикъ, и черезъ минуту показался сухой, высокой, блѣдный человѣкъ, въ которомъ мнѣ не трудно было узнать—Лафатера. Онъ ввелъ меня въ свой кабинетъ, и услышавъ, что я тотъ Москвитянинъ, который выманилъ у него нѣсколько писемъ, поцѣловался со мною — поздравилъ меня съ пріѣздомъ въ Цирихъ — сдѣлалъ мнѣ два или три вопроса о моемъ путешествіи — и сказалъ: «Приходите ко мнѣ въ шесть часовъ; теперь я еще не кончилъ своего дѣла. Или останьтесь въ моемъ кабинетѣ, гдѣ можете читать и разсматривать, что вамъ угодно. Будьте здѣсь какъ дома.» — Тутъ онъ показалъ мнѣ въ своемъ шкапѣ нѣсколько фоліантовъ, съ надписью: *Физиогномическій Кабинетъ*, и ушелъ. Я постоялъ, подумалъ, сѣлъ и началъ разбирать физиогномическіе рисунки. Между тѣмъ признаюсь вамъ, друзья мои, что сдѣланный мнѣ пріемъ оставилъ во мнѣ не совсѣмъ пріятныя впечатлѣнія. Уже ли я надѣялся, что со мною обойдутся дружелюбнѣе, и услышавъ мое имя, окажутъ болѣе ласковаго удѣ-

вленія? Но на чемъ же основалась такая надежда? Друзья мои! не требуйте отъ меня отвѣта, или вы приведете меня въ краску. Улыбнитесь про себя на счетъ вѣтреннаго, безразсуднаго самолюбія человѣческаго, и предайте забвенію слабость вашего друга. — Лафатеръ раза три приходилъ опять въ кабинетъ, запрещалъ мнѣ вставать со стула, бралъ книгу или бумагу, и опять уходилъ назадъ. Наконецъ вошелъ онъ съ веселымъ видомъ, взялъ меня за руку и повелъ — въ собраніе Цюрихскихъ Ученыхъ, къ Профессору Брентингеру, гдѣ рекомендовалъ меня хозяину и гостямъ, какъ своего пріятеля. Небольшой человѣкъ съ пронизательнымъ взоромъ, — у котораго Лафатеръ пожалъ руку сильнѣе, нежели у другихъ, — обратилъ на себя мое вниманіе. Это былъ Пфенингеръ, издатель Христіанскаго Магазина, и Лафатеровъ другъ. При первомъ взглядѣ показалось мнѣ, что онъ очень похожъ на С. И. Г., и хотя, рассматривая лице его по частямъ, увидѣлъ я, что глаза у него другіе, лобъ другой, и все, все другое; однакожъ первое впечатлѣніе осталось, и мнѣ никакъ не можно было разувѣрить себя въ семъ сходствѣ. Наконецъ я положилъ, что хотя и нѣтъ между ими сходства въ наружной формѣ частей лица, однакожъ оно должно быть во внутренней структурѣ мускуловъ!! Вы знаете, друзья мои, что я еще и въ Москвѣ любилъ заниматься рассматриваніемъ лицъ человѣческихъ, искать сходства тамъ, гдѣ другіе его не находили, и проч. и проч., а теперь, будучи обвѣянъ воздухомъ того города, который

можно назвать колыбелію новой Физіогномики, Метопоскопіи, Хиромантіи, Подоскопіи — теперь и вы бойтесь мнѣ на глаза показаться! — Честные Швейцары курили табакъ и пили чай, а Лафатеръ рассказывалъ имъ о свиданіи своемъ съ Неккеромъ. Послушаемъ, что онъ говоритъ объ немъ. «Естьли бы я хотѣлъ вообразить совершеннаго Министра, то представилъ бы себѣ Неккера. Лице, голосъ и движенія не измѣняются у него сердцу. Вѣчное спокойствіе есть его стихія. «Однакожь онъ не рожденъ великимъ, такъ какъ «Невтонъ, Вольтеръ, и пр. Великость его есть пріобрѣтеніе; онъ сдѣлалъ изъ себя все возможное.» Лафатеръ видѣлъ его въ самый тотъ часъ, какъ онъ рѣшился повиноваться волѣ Короля и Національнаго Собранія, и посвятивъ сердечный вздохъ спокойному пристанищу, ожидавшему его при подошвѣ горы Юры *, возвратиться въ бурный Па-

* Гдѣ онъ теперь провождаетъ тихіе дни свои; можетъ ли единообразная, непрерывная, праздная тишина быть щастіемъ для того, кто привыкъ уже къ дѣятельной жизни государственнаго человека? Сія жизнь, при всѣхъ своихъ безпокойствахъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто весьма пріятное, и Неккеръ, при шумѣ горныхъ вѣтровъ, потрясающихъ уединенное жилище его, томится въ уныніи. Размышляя о протекшихъ часахъ, посвященныхъ имъ благу Французовъ, онъ внутренно укоряетъ сей народъ неблагодарностію, и взываетъ съ Царемъ Леаромъ или Лиромъ: Blow winds, rage, blow! I tax not you, you elements, with unkindness; I called not you my

рижъ. — Я былъ слушателемъ въ бесѣдѣ Цюрихскихъ Ученыхъ, и къ великому своему сожалѣнію не понималъ всего, что говорено было; потому что здѣсь говорятъ самымъ нечистымъ Нѣмецкимъ языкомъ. Черезъ часъ Лафатеръ взялъ шляпу, и я пошелъ съ нимъ вмѣстѣ. Онъ проводилъ меня до трактира, и простился со мною до завтрашняго дня.

Вы конечно не потребуєте отъ меня, чтобы я въ самый первый день личнаго моего знакомства съ Лафатеромъ описалъ вамъ душу и сердце его. На сей разъ могу сказать единственно то, что онъ имѣетъ весьма почтенную наружность: прямой и стройный станъ, гордую осанку, продолговатое блѣдное лице, острые глаза и важную мину. Всѣ его движенія живы и скоры; всякое слово говорить онъ съ жаромъ. Въ тонѣ его есть нѣчто учительское или повелительное, происшедшее конечно отъ навыка говорить проповѣди, но смягчаемое видомъ непритворной искренности и чистосердечія. Я не могъ *свободно* говорить съ нимъ, первое потому, что онъ, казалось, взоромъ сво-

children; J never gave you kingdom («Шумите, свирѣпые вѣтры, шумите! я не жалуюсь на свирѣпость вашу, раздраженные стихіи! вы не дѣти мои; вамъ не отдавалъ я царства.») Читая сіе мѣсто въ новой книгѣ его sur l'Administration de M. Necker, par lui-même, едва могъ я отъ слезъ удержаться. Французы! вы кричали нѣкогда: «да здравствуетъ Націа, Король и Неккеръ!» а теперь кто изъ васъ думаетъ о Неккерѣ?

имъ заставлялъ меня говорить какъ можно скорѣе; а второе потому, что я безпрестанно боялся не понять его, не привыкнувъ къ Цюрихскому выговору.

Пришедши въ свою комнату, почувствовалъ я великую грусть; и чтобы не дать ей усилиться въ моемъ сердцѣ, сѣлъ писать къ вамъ, любезные, милые друзья мои! Для того, чтобы узнать всю привязанность нашу къ отечеству, надобно изъ него выѣхать; чтобы узнать всю любовь нашу къ друзьямъ, надобно съ ними разстаться.

Какая пріятная, тихая мелодія нѣжно потрясаетъ первы моего слуха! Я слышу пѣніе; оно несется изъ оконъ сосѣдняго дома. Это голосъ юноши — и вотъ слова пѣсни:

«Отечество мое! любовію къ тебѣ горитъ вся кровь моя; для пользы твоея готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.

Отечество мое! ты все въ себѣ вмѣщаешь, чѣмъ смертный можетъ наслаждаться въ невинности своей. Въ тебѣ прекрасенъ видъ Природы; въ тебѣ цѣлителенъ и ясенъ воздухъ; въ тебѣ земныя блага рѣкою полною ліются.

Отечество мое! любовію къ тебѣ горитъ вся кровь моя; для пользы твоея готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.

Мы все живемъ въ союзѣ братскомъ; другъ друга любимъ, не боимся, и чтимъ того, кто добръ и мудръ. Не знаемъ роскоши, которая свободныхъ въ рабовъ, въ тирановъ превращаетъ. На что намъ блескъ искусства, когда Природа здѣсь сіяетъ во всей своей красѣ — когда мы изъ груди ея піемъ блаженство и восторгъ?

Отечество мое! любовію къ тебѣ горитъ вся кровь моя; для пользы твоея готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.»

Голосъ умолкъ; тишина ночи царствуетъ въ городѣ. Простите, друзья мои!

11 АВГУСТА, въ 10 часовъ вечера.

Пришедши въ 11 часовъ къ Лафатеру, нашелъ я у него въ кабинетѣ жену владѣтельнаго Графа Штолберга, которая читала про себя какой-то манускриптъ, между тѣмъ какъ хозяинъ (NB. въ пестромъ своемъ шлафроктѣ) писалъ письма. Черезъ полчаса комната его наполнилась гостями. Всякой чужестранецъ, пріѣзжающій въ Цирихъ, считаетъ за должность быть у Лафатера. Сіи посѣщенія могли бы иному наскучить; но Лафатеръ сказалъ мнѣ, что онъ любитъ видѣть новыхъ людей, и что отъ всякаго пріѣзжаго можно чему нибудь научиться. Онъ повелъ насъ къ своей женѣ, гдѣ пробыли мы съ часъ — поговорили о Французской революціи, и разошлись. Послѣ обѣда и опять пришелъ къ нему, и нашелъ его опять занятаго дѣломъ. Къ тому же всякую четверть часа кто нибудь входилъ къ нему въ кабинетъ, или требовать совѣта, или просить милостыни. Всякому отвѣчалъ онъ безъ сердца, и давалъ, что

могъ. Между тѣмъ я познакомился съ живописцомъ Липсомъ, который не давно пріѣхалъ изъ Италіи, и живетъ у него въ домѣ. Къ намъ пришелъ еще Пфенингеръ, съ котораго Липсъ началъ списывать портретъ, и съ которымъ мы проговорили до самаго вечера; а хозяинъ ушелъ отъ насъ въ четыре часа, и не возвращался.

О городѣ скажу вамъ, что онъ не прельщаетъ глазъ, и кромѣ публичныхъ зданій, на прим. ратуши и проч., не замѣтилъ я очень хорошихъ или огромныхъ домовъ; а многія улицы или переулки не будутъ ни въ сажень шириною.

Въ здѣшнемъ арсеналѣ показываютъ стрѣлу, которою славный Вильгельмъ Тель сшибъ яблоко съ головы своего сына и застрѣлилъ Императорскаго Губернатора Гейслера, — что было знакомъ къ общему бунту. — Въ публичной Цюрихской библіотекѣ между прочими манускриптами хранятся три Латинскія письма отъ шестнадцатилѣтней Анны Гре къ Реформатору Буллингеру, писанныя собственною ея рукою, и наполненныя чувствами сердечнаго благочестія. Разныя мѣста, приведенныя ею въ сихъ письмахъ изъ Еврейскихъ и Греческихъ книгъ, показываютъ, что она знала и тотъ и другой языкъ. Такая ученость въ шестнадцатилѣтней дѣвицѣ могла бы и нынѣ удивить насъ: что же тогда? Несчастная Гре! ты была украшеніемъ своего времени, и скончала цвѣтущую жизнь столь ужаснымъ образомъ! Тронъ былъ тебѣ погибелью.

АВГУСТА 12.

Нынѣ рано поутру прислалъ за мною Лафатеръ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ и съ нѣкоторыми изъ друзей его идти обѣдать къ деревенскому Священнику Т*. Это путешествіе утомило меня до крайности. Надобно было всходить по камнямъ на высокую и крутую гору. Нѣкоторые изъ нашихъ спутниковъ, для облегченія своего, скинули съ себя кафтаны, и шли въ однихъ камзолахъ. На вершинѣ горы мы остановились отдохнуть и полюбоваться прекрасными видами, которые наградили меня за все претерпѣнное мною. «Удивительно ли (сказалъ мнѣ Г. Гесъ, указывая рукою на свѣтлое озеро, на горы и плодоносныя долины), удивительно ли, что Швейцары такъ привязаны къ своему отечеству? Смотрите, сколько красоть здѣсь разсѣяно!» — На узкой долинѣ между горъ, въ семи верстахъ отъ Цириха, лежитъ та маленькая деревенька, которая была цѣлю нашего путешествія. Тамъ принялъ насъ добродушный Священникъ со всеми знаками дружелюбія. Вмѣстѣ съ нимъ вышли къ намъ на встрѣчу жена его и двѣ дочери, которыя всякому живописцу могли бы служить образцемъ красоты, и которыя напомнили мнѣ Томсоновы стихи:

As in the hollow breast of Appenine,
Beneath the shelter of encircling hills,
A myrtle rises, far from human eye,
And breathes its balmy fragrance o'er the wild:

So flourish'd blooming, and unseen by ald,
The sweet Lavinia *. — —

Сестры прелестницы! я хотѣлъ бы щастливою чертою пера изобразить красоту вашу, которую сама Натура возлелѣяла; хотѣлъ бы сравнять бѣлорумящія щеки ваши съ чистымъ снѣгомъ высокихъ горъ, когда восходящее солнце сыплетъ на него алыя розы; хотѣлъ бы уподобить улыбку вашу улыбкѣ весенней Природы, глаза ваши звѣздамъ вечернимъ — но скромность вашихъ взоровъ отнимаетъ у меня смѣлость хвалить васъ. — Никогда еще не видывалъ я двухъ женщинъ, столь между собою сходныхъ, какъ сіи двѣ красавицы. Кажется, что Граціи образовали ихъ въ одно время и по одной модели. Ростъ одинакой, лица одинакія; у обѣихъ черныя глаза и русые волосы, по плечамъ распущенные; на обѣихъ и бѣлыя платья одинакаго покроя **. — «Я привелъ къ вамъ Русскаго (сказалъ Лафатеръ), который знакомъ съ вашею родственницею, дѣвицею Т*.» Хозяйка меня разспрашивала, а дочери слушали, наливая чай для гостей своихъ. Признаюсь, я вы-

* «Подобно какъ въ лоиѣ горъ Аппенинскихъ, подъ кровомъ холмовъ, восходитъ миртъ, удаленный отъ глазъ человѣческихъ, и бальзамическое свое благоуханіе разливаетъ въ пустынѣ: такъ цвѣла въ уединеніи любезная Лавинія.»

** Одной изъ нихъ нѣтъ уже на свѣтѣ! Горы Швейцарскія! вы не защитили ее отъ безвременной, жестокой смерти!

пилъ лишнюю чашку, и выпилъ бы еще десять, если бы красавицы не перестали меня подчивать. — Между тѣмъ я обратилъ глаза свои на большой шкафъ съ книгами, и нашелъ тутъ почти всѣхъ лучшихъ древнихъ и новыхъ Стихотворцевъ. Вы конечно любите Поэзію? спросилъ я у хозяина. *Родясь въ романической землѣ, отвѣчалъ онъ, какъ не любить Поэзію.* Между тѣмъ мы отдохнули, и пошли гулять по саду. Со всѣхъ сторонъ представлялись намъ дикіе виды горъ, полагавшихъ тѣсныя предѣлы нашему зрѣнію. — Если мнѣ когда нибудь наскучитъ свѣтъ; если сердце мое когда нибудь умретъ всѣмъ радостямъ общежитія; если уже не будетъ для него ни одного сочувствующаго сердца: то я удалюсь въ эту пустыню, которую сама Натура ограда высокими стѣнами, неприступными для пороковъ, — и гдѣ все, все забыть можно, все, кромѣ Бога и Натуры. — Возвратясь въ комнату, нашли мы на столѣ кушанье. Обѣдъ былъ самый изобильный; говорили, шутили, смѣялись. Лафатеръ, сидѣвшій рядомъ со мною, сказалъ, потрепавъ меня по плечу: *думалъ ли я дни за три передъ этимъ, что буду нынѣ обѣдать съ моимъ Московскимъ пріятелемъ?* Послѣ обѣда началась игра — однакожь не карточная, друзья мои! Всѣ сѣли вокругъ стола; всякой взялъ листочикъ бумаги и написалъ вопросъ, какой ему на мысль пришелъ. Потомъ бумажки смѣшали и роздали. Всякой долженъ былъ отвѣчать на тотъ вопросъ, который ему достался, и написать новый. Такимъ

образомъ продолжались вопросы и отвѣты, пока на листочкахъ не осталось бѣлаго мѣста. Тутъ прочли въ слухъ все написанное. Нѣкоторые отвѣты были довольно остроумны; а Лафатеровы отличались отъ другихъ, какъ луна отъ звѣздъ. Сестры прелестницы отвѣчали всегда просто и хорошо. Вотъ вамъ нѣчто для примѣра. Вопросъ: *Кто есть истинный благодѣтель*; отвѣтъ: *Тотъ, кто помогаетъ ближнему въ настоящей его нуждѣ*. Сей отвѣтъ, при всей своей простотѣ, заключаетъ въ себѣ разительную истину. Давай всякому то, въ чемъ онъ на сей разъ имѣетъ нужду; не читай правоученій тому человѣку, который умираетъ съ голоду, а дай ему кусокъ хлѣба; не бросай рубля тому, кто утопаетъ, а вытащи его изъ воды. — Вопросъ: *Нужна ли жизнь такого-то человека для совершенія такого-то дѣла*? Отвѣтъ: *Нужна, если онъ живъ останется; не нужна, если онъ умретъ*. — Вопросъ: *Что всего лучше въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь*? Отвѣтъ: *Люди*. Потомъ изъ нѣсколькихъ заданныхъ словъ, между которыми не было никакой связи, надлежало всякому сочинить что нибудь связное. Тутъ выходило все смѣшное. — Желалъ бы я, чтобы мы переняли у Нѣмцовъ сіи острящіе разумъ игры, которыя могутъ быть столь забавны въ пріятельскихъ обществахъ *.

* Желаніе Автора исполнилось: нѣкоторыя изъ нашихъ Дамъ полюбили играть въ вопросы и отвѣты.

Наконецъ, поблагодаривъ хозяина за угощеніе, отправились мы назадъ въ Цирихъ. Добродушный Священникъ съ двумя своими Ореадами пошелъ насъ провожать; красавицы очень устали, и я насилу могъ упросить одну изъ нихъ взять мою трость. На вершинѣ горы мы съ ними разстались, и возвратились въ городъ почти ночью. Я простился съ Лафатеромъ на два дни, потому что намѣренъ завтра вмѣстѣ съ пріятелемъ моимъ Б*итти пѣшкомъ въ Шафгаузенъ, до котораго считается отсюда пять миль.

Эглизау, Августа 14.

Вчера въ восемь часовъ утра пошли мы съ Б*изъ Цириха. Сперва шелъ я довольно бодро; но скоро силы мои начали истощаться — день былъ самый ясный — жаръ безпрестанно усиливался — и наконецъ, прошедши миль двѣ, я отъ слабости упалъ на траву подлѣ дороги, къ великой досадѣ моего Б*, которому хотѣлось какъ можно скорѣе дойти до Рейнскаго водопада. Изъ трактира вынесли намъ воды и вина, которое подкрѣпило силы мои; и мы чрезъ часъ опять пустились въ путь. Однакожь до Шафгаузена я еще раза три останавливался отдыхать. Наконецъ, въ семь часовъ вечера, услышали мы шумъ Рейна, удвоили шаги свои, пришли на край высокаго берега, и

увидѣли водопадъ. Не думаете ли вы, что мы при семъ видѣ закричали, изумились, пришли въ восторгъ. и проч.? Нѣтъ, друзья мои! мы стояли очень тихо и смирно, минутъ съ пять не говорили ни слова, и боялись взглянуть другъ на друга. Наконецъ я осмѣлился спросить у моего товарища, что онъ думаетъ о семъ явленіи? «Я думаю, отвѣчалъ Б*, что оно — слишкомъ — слишкомъ возведено путешественниками.» — «Мы одно думаемъ»; сказалъ я: «рѣка съ пѣною и шумомъ ниспадающая съ камней, конечно стоитъ того, чтобы взглянуть на нее; однакожь гдѣ тотъ громозвучный ужасный водопадъ, который вселяетъ трепетъ въ сердце? — Такимъ образомъ мы поговорили другъ съ другомъ, и боясь чтобы въ Шафгаузенѣ не заперли воротъ, отложили до слѣдующаго дня посмотреть на водопадъ вблизи. Насилу могъ я дотащиться до города: такъ ноги мои устали! Мы пришли прямо въ трактиръ *Вльнца*, гдѣ обыкновенно останавливаются путешественники, и гдѣ — не смотря на то, что мы были пѣшеходцы и съ головы до ногъ покрыты пылью — приняли насъ очень учтиво. Сей трактиръ почитается однимъ изъ лучшихъ въ Швейцаріи, и существуетъ болѣе двухъ вѣковъ. Монтанъ упоминаетъ объ немъ, и притомъ съ великою похвалою, въ описаніи своего путешествія; а Монтанъ былъ въ Шафгаузенѣ въ 1581 году. — Послѣ хорошаго ужина бросился я на постелю и заснулъ мертвымъ сномъ. На другой день поутру, т. е. сегодня былъ я у Кандидата Миллера, Автора хорошо принятой книги, подъ титу-

ломъ Philosophische Aufsätze, и у богатаго купца Гауппа, къ которымъ далъ мнѣ Лафатеръ рекомендательныя письма. Оба они приняли меня очень ласково, и оба удивлялись тому, что паденіе Рейна не сдѣлало во мнѣ сильнаго впечатлѣнія; но услышавъ, что мы видѣли его съ горы, со стороны Цириха, перестали дивиться, и увѣряли меня, что я конечно перемѣню свое мнѣніе, когда посмотрю на него съ другой стороны и вблизи. — О городѣ не могу вамъ сказать ничего примѣчанія достойнаго, друзья мои. Не буду описывать вамъ и славнаго деревяннаго моста, построеннаго не Архитекторомъ, но плотникомъ; моста, который дрожитъ подъ ногами одного человѣка, и по которому безъ всякой опасности ѣздятъ самыя тяжелыя кареты и фуры.

Послѣ обѣда поѣхали мы въ наемной коляскѣ къ водопаду, до котораго отъ города будетъ около двухъ верстѣ. Пріѣхавъ туда, сошли съ горы и сѣли въ лодку. Стремленіе воды было очень быстро. Лодка наша страшно качалась; и чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ другому берегу, тѣмъ яростнѣе мчались волны. Одинъ порывъ вѣтра могъ бы погрузить насъ въ кипящей быстринѣ. Приставъ къ берегу, съ великимъ трудомъ взлѣзли мы на высокой утесъ, потомъ опять спустились ниже, и вошли въ галерею, построенную, такъ сказать, въ самомъ водопадѣ. Теперь, друзья мои, представьте себѣ большую рѣку, которая, преодолевая въ теченіи своемъ всѣ препоны, полагаемыя ей огромными камнями, мчится ужасною яростію, и нако-

нецъ, достигнувъ до высочайшей гравитной преграды, и не находя себѣ пути подъ сею твердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ, и впаденіи своемъ превращается въ бѣлую, кипящую пѣну. Тончайшіе брызги разпвидныхъ волнъ, съ безпримѣрною скоростію летящихъ одна за другою, мириадами поднимаются вверхъ, и составляютъ млечныя облака влажной, для глазъ непроницаемой пыли. Доски, на которыхъ мы стояли, тряслись безпрестанно. Я весь облитъ былъ водяными частицами, молчалъ, смотрѣлъ и слушалъ разные звуки ниспадающихъ волнъ: ревушій концертъ, оглушающій душу! Феноменъ дѣйствительно величественный! Воображеніе мое одушевляло хладную стихію: давало ей чувство и голосъ: она вѣщала мнѣ о чемъ-то неизглаголанномъ! Я наслаждался — и готовъ былъ на колѣняхъ извиняться передъ Рейномъ въ томъ, что вчера говорилъ я о паденіи его съ такимъ неуваженіемъ. Долѣе часа стояли мы въ сей галлерей; но это время показалось мнѣ минутою. Переѣзжая опять черезъ Рейнъ, увидѣли мы безчисленныя радуги, производимыя солнечными лучами въ водяной пыли: что составляетъ прекрасное, великолѣпное зрѣлище. Послѣ сильныхъ движеній, бывшихъ въ душѣ моей, мнѣ нужно было отдохнуть. Я сѣлъ на Цирихскомъ берегу, и спокойно разсматривалъ картину водопада съ его окрестностями. Каменная стѣна, съ которой низвергается Рейнъ, вышиною будетъ около семидесяти пяти футовъ. Въ срединѣ сего паденія возвышаются двѣ скалы, или

два огромные камня, изъ которыхъ одинъ, не смотря на усиліе волнъ, стремящихся сокрушить его, стоитъ непоколебимъ — (подобно великому мужу, скажетъ Стихотворецъ, непреклонному среди бѣдствій, и щитомъ душевной твердости отражающему все удары злаго рока) — а другой камень едва держится на своемъ основаніи, будучи разрушаемъ водою. На противоположномъ крутомъ берегу представлялись мнѣ старыи замокъ Лауфенъ, церковь, хижины, виноградные сады и деревья: все сіе вмѣстѣ составляло весьма пріятный ландшафтъ.

Наконецъ, отпустивъ коляску назадъ въ Шафгаузенъ, наняли мы лодку и поплыли внизъ по Рейну. Нѣсколько разъ обращались глаза мои на водопадъ; онъ скрылся — но шумъ его долго еще отзывался въ моемъ слухѣ. — Лодочникъ почелъ за нужное сказать намъ, что въ Америкѣ есть подобный водопадъ. Онъ не умѣлъ назвать его; но мы поняли, что онъ говоритъ о Ніагарѣ.

==

Эглизлу.

Шумящія волны быстро несли нашу лодку между плодоносныхъ береговъ Рейна. День склонялся къ вечеру. Я былъ такъ доволенъ, такъ веселъ; качаніе лодки приводило кровь мою въ такое пріятное волненіе; солнце такъ великолѣпно сіяло на насъ сквозь зеленые рѣшетки вѣтвистыхъ де-

ревъ, которыя въ разныхъ мѣстахъ увѣнчиваютъ высокой берегъ; жаркое золото лучей его такъ прекрасно мѣшалось съ чистымъ серебромъ Рейнской пѣны; уединенныя хижины такъ гордо возвышались среди виноградныхъ садовъ, которые составляютъ богатство мирныхъ семействъ, живущихъ въ простотѣ Натуры — ахъ, друзья мои! для чего не было васъ со мною?

Въ Эглизау, маленькомъ городкѣ, на половинѣ дороги отъ Шафгаузена къ Цириху, вышли мы на берегъ, заплативъ лодшнику новый Французской талеръ, или два рубли. Хотя солнце уже садится, однакожь мы не намѣрены здѣсь ночевать. Выпивъ въ трактирѣ чашекъ пять кофе, я чувствую въ себѣ такую бодрость, что готовъ пуститься пѣшкомъ на десять миль. Товарищъ мой Б*, который съ кортикомъ и съ собакою прошелъ всю Германію, совсѣмъ не знаетъ усталости — всегда уходитъ впередъ, оборачивается и смѣется надъ моею дряхлостію. До Цириха остается намъ перейти еще болѣе двухъ миль. Завтра Воскресенье, и Лафатеръ поутру въ семь или въ восемь часовъ будетъ говорить проповѣдь въ церкви Св. Петра; мнѣ хочется притти туда къ сему времени. — Б* подаетъ мнѣ посохъ и шляпу. Простите!

Лишь только вышли мы изъ Эглизау, солнце закатилось; сѣрыя облака покрыли небо; вечеръ становился часъ отъ часу темнѣе, и скоро наступила самая мрачная ночь. Намъ надобно было идти лѣсомъ, въ которомъ царствовала мертвая тишина. Мы останавливались и слушали — но ни одинъ листочикъ на деревѣ не шевелился. Я громко произнесъ имя Сильвана: эхо повторило его, и опять все умолкло. Мнѣ казалось, что я приближаюсь къ святилищу уединеннаго бога лѣсовъ, и вижу его вдали стоящаго съ кипарисною вѣтвью. Сердце мое чувствовало вмѣстѣ и страхъ и тихое, неизъяснимое удовольствіе. Такимъ образомъ шли мы около двухъ часовъ, не встрѣясь ни съ однимъ человѣкомъ. Тутъ повѣялъ сильный, холодный вѣтръ, и Б* признался мнѣ, что онъ желалъ бы скорѣе дойти до какой нибудь деревни или до трактира, гдѣ бы намъ можно было ночевать. Я и самъ желалъ того же: лѣтній мой кафтанъ худо защищалъ меня отъ холоднаго вѣтра. Наконецъ мы пришли въ маленькую деревеньку, гдѣ уже всѣ спали; только въ одномъ домѣ свѣтился огонь, и сей домъ былъ трактиръ. Съ видомъ удивленія посмотрѣлъ на насъ трактирщикъ, покачалъ головою, и сказавъ: *въ темную ночь бродить пѣшкомъ не прилично такимъ господамъ!* отворилъ намъ дверь. Мы вошли въ большую горницу, въ которой не было ничего, кромѣ пяти или шести столовъ и дюжины деревянныхъ стульевъ. Прежде

всего заговорили мы объ ужинѣ. Тотчасъ все будетъ готово, сказалъ трактирщикъ, и принесъ намъ сыру, масла, хлѣба и бутылку кислаго вина. Что же еще будетъ? спросили мы. Ничего, отвѣчалъ онъ. Дѣлать было не чего, и пожавъ плечами, принялись мы за ужинъ. Потомъ хозяинъ проводилъ насъ въ спальню, то есть на чердакъ, въ маленькой чуланъ, гдѣ мы нашли постелю, очень не мягкую и не чистую; однакожь усталость принудила насъ искать на ней успокоенія. Черезъ два часа я проснулся, взялъ свѣчу, сошелъ внизъ, въ ту горницу, гдѣ мы ужинали, и сѣлъ написать къ вамъ нѣсколько строкъ, друзья мои! Между тѣмъ товарищъ мой спитъ очень покойно. Однакожь я намѣренъ теперь разбудить его, чтобы, напившись кофе, идти въ Цирихъ. Вѣтеръ утихъ, и небо прояснилось; скоро будетъ свѣтать.

Цирихъ.

Въ половинѣ девятого часа пришли мы въ Цирихъ, въ самое то время, когда весь народъ шелъ изъ церкви; и такимъ образомъ въ сіе Воскресенье не удалось мнѣ слышать Лафатеровой проповѣди. Всѣ мужчины и женщины, которыя мнѣ встрѣчались на улицахъ, были одѣты по праздничному: первые большею частію въ темныхъ кафтанахъ, а послѣднія, всѣ безъ исключенія, въ черномъ длин-

номъ платьѣ изъ шерстяной матеріи; на головахъ у нихъ были или чепчики или покрывала. Праздничное платье Цюрихскихъ Сенаторовъ состоитъ въ черномъ суконномъ кафтанѣ, съ черпою шелковою епанчею и съ превеликимъ бѣлымъ крагеномъ. Въ такомъ нарядѣ ходятъ они обыкновенно въ Совѣтъ и въ церковь по Воскресеньямъ.

Нынѣ послѣ обѣда принялъ меня Лафатеръ очень ласково, и поговорилъ мнѣ довольно пріятнаго. Ему хочется, чтобы я выдалъ на Русскомъ языкѣ извлеченіе изъ его сочиненій. «Когда вы возвратитесь въ Москву, сказалъ онъ, я буду пересылать къ вамъ черезъ почту рукописный оригиналъ. Вы можете собрать подписку, и увѣрить Публику, что въ извлеченіи моемъ не будетъ ни одного необдуманнаго слова.» Что вы объ этомъ скажете, друзья мои? найдутся ли у насъ читатели для такой книги? По крайней мѣрѣ сомнѣваюсь, чтобъ ихъ нашлось много. Однакожь я принялъ Лафатерово предложеніе, и мы ударили съ нимъ по рукамъ. — Отъ него ходилъ я на Цюрихское загородное гульбище, большой прекрасный лугъ, на берѣгурѣки Лимматы, осѣняемый старыми, почтенными липами. Тутъ нашелъ я очень много людей, которые всѣ кланялись мнѣ какъ знакомому. Такой обычай въ Цюрихѣ: всякой встрѣчающійся на улицѣ челоуѣкъ говоритъ вамъ: *добрый день*, или *добрый вечеръ*! Учтивость хороша; однакожь рука устанетъ снимать шляпу — и я рѣшился наконецъ ходить по городу съ открытою головою. Въ девятомъ часу возвратился я къ Лафате-

ру, и ужиналъ у него съ нѣкоторыми изъ его пріятелей и со всѣмъ его семействомъ, кромѣ сына, который теперь въ Лондонѣ. Большая Лафатерова дочь не хороша лицомъ, а меньшая очень пріятна и рѣзва; первой будетъ около двадцати, а последней около двѣнадцати лѣтъ. Хозяинъ нашъ былъ веселъ и говорливъ; шутилъ, и шутилъ забавно. Между прочимъ зашла рѣчь объ одномъ изъ его извѣстныхъ непріятелей — я обратилъ на Лафатера все свое вниманіе — но онъ молчалъ, и на лицѣ его не видно было никакой перемѣны. Едва ли справедливо будетъ требовать отъ него, чтобы онъ хвалилъ тѣхъ, которые бранятъ его такъ жестоко; довольно, если онъ не платитъ имъ такою же бранью. Пфеннинггеръ сказывалъ мнѣ, что Лафатеръ давно уже поставилъ себѣ за правило не читать тѣхъ сочиненій, въ которыхъ объ немъ пишутъ; и такимъ образомъ ни хвала, ни хула до него не доходитъ. Я считаю это знакомъ рѣдкой душевной твердости; и человѣкъ, который, поступая согласно съ своею совѣстію, не смотритъ на то, что думаютъ объ немъ другіе люди, есть для меня великой человѣкъ. Между тѣмъ, друзья мои, желаю вамъ покойной ночи.

—

Нынѣ поутру пилъ я кофе у Господина Т*, отца извѣстной вамъ дѣвицы Т*, и познакомился со

всѣмъ его семействомъ, довольно многочисленнымъ. Удивляюсь, какъ отецъ и мать могли отпустить дочь свою въ такую отдаленную землю! Состояніе ихъ (сколько я видѣлъ и слышалъ) очепь не бѣдно — да и много ли надобно для содержанія одной дочери! Къ тому же Швейцары такъ страстно любятъ свое отечество, что почитаютъ за великое несчастіе надолго оставлять его. — Вмѣстѣ съ Господиномъ Т* ходили мы смотрѣть ученія Цюрихской милиціи. Почти всѣ жители были зрителями сего спектакля, для нихъ рѣдкаго. Тутъ случилось со мною нѣчто смѣшное и — непріятное. Г. Профессоръ Брейтингеръ, съ которымъ я еще не видался по возвращеніи своемъ изъ Шафгаузена, встрѣтился мнѣ въ толпѣ народа, когда уже кончилось ученіе, и послѣ перваго привѣтствія спросилъ, каковою показалось мнѣ *видѣнное* мною? Я думалъ, что онъ говоритъ о паденіи Ренна; воображеніе мое тотчасъ представило мнѣ эту величественную сцену — земля затряслась подо мною — все вокругъ меня зашумѣло — и я съ жаромъ сказалъ ему: *ахъ! кто можетъ описать великолѣпіе такого явленія? Надобно только видѣть и удивляться.* «Это были наши волонтеры» — отвѣчалъ мнѣ Господишъ Профессоръ и съ поклономъ ушелъ отъ меня. Тутъ я помялъ, что онъ спрашивалъ меня не о паденіи Ренна, а объ ученіи Цюрихскихъ солдатъ: каковымъ же показался ему отвѣтъ мой? Признаться, я досадовалъ и на себя и на него, и хотѣлъ-было бѣжать за нимъ, чтобы вывести его изъ заблужденія, столь оскорби-

тельнаго для моего самолюбія; но между тѣмъ онъ уже скрылся.

Я болѣе и болѣе удивляюсь Лафатеру, любезные друзья мои. Вообразите, что онъ часа свободнаго не имѣетъ, и дверь кабинета его почти никогда не затворяется; когда уйдетъ пищій, придетъ печальный, требующій утѣшенія, или путешественникъ, не требующій ничего, но отвлекающій его отъ дѣла. Сверхъ того посѣщаетъ онъ больныхъ, не только живущихъ въ его приходѣ, но и другихъ. Нынѣ въ семь часовъ, отправивъ на почту нѣсколько писемъ, схватилъ онъ шляпу, побѣжалъ изъ комнаты, и сказалъ мнѣ, что я могу идти съ нимъ вмѣстѣ. Посмотримъ, куда, — думалъ я, и пошелъ за нимъ изъ улицы въ улицу, и наконецъ со всѣмъ воиъ изъ города, въ маленькую деревеньку, и на крестьянской дворъ. *Жива ли она?* спросилъ онъ у пожилой женщины, которая встрѣтила насъ въ сѣняхъ. *Чуть душа держится*, отвѣчала она со слезами, и отворила намъ дверь въ горницу, гдѣ увидѣлъ я старую, изсохшую и блѣдную женщину, лежащую на постелѣ. Два мальчика и двѣ дѣвочки стояли подлѣ постели и плакали; но увидѣвъ Лафатера, бросились къ нему, схватили его за обѣ руки и начали цѣловать ихъ. Онъ подошелъ къ больной, и ласковымъ голосомъ спросилъ у нее, какова она? *Умираю — умираю*, отвѣчала старушка, и болѣе не могла сказать ни слова, устремивъ глаза на грудь свою, которая страшнымъ образомъ вверхъ подымалась. Лафатеръ сѣлъ подлѣ нее, и началъ готовить ее къ смерти. «Часъ твой

приблизился, сказалъ онъ, и Спаситель нашъ ожидаетъ тебя. Не страшись гроба и могилы; не ты, но только бренное тѣло твое въ нихъ заключится. Въ самую ту минуту, когда глаза твои закроются навѣки для здѣшняго міра, возсіяетъ тебѣ заря вѣчной и лучшей жизни. Благодаря Бога, ты дожила здѣсь до глубокой старости, — видѣла возростшихъ дѣтей и внучатъ своихъ, возростшихъ въ добронравіи и благочестіи. Они будутъ всегда благословлять память твою, и наконецъ съ лицомъ свѣтлымъ обнимутъ тебя въ жилищѣ блаженныхъ. Тамъ, тамъ составимъ мы всѣ одно щастливое семейство!» — При сихъ словахъ прервался Лафатеровъ голосъ; онъ утерся бѣлымъ платкомъ, и прочитавъ молитву, благословилъ умирающую, простился съ нею — поцѣловалъ маленькихъ дѣтей — сказалъ, чтобы они не плакали, и давъ имъ по нѣскольکو копѣекъ, ушелъ. Мнѣ было очень тяжело, однакожь слезы не хотѣли литься изъ глазъ моихъ; насилу могъ я свободно вздохнуть на чистомъ вечернемъ воздухѣ.

Гдѣ вы берете столько силъ и столько терпѣнія? сказалъ я Лафатеру, удивляясь его дѣятельности. «Другъ мой!» отвѣчалъ онъ съ улыбкою: «человѣкъ можетъ дѣлать много, если захочетъ; и чѣмъ болѣе онъ дѣйствуетъ, тѣмъ болѣе находитъ въ себѣ силы и охоты къ дѣйствию.»

Не думаете ли вы, друзья мои, что Лафатеръ, помощникъ бѣдныхъ, очень богатъ? Нѣтъ; доходы его весьма не велики. Но онъ продаетъ многія изъ своихъ сочиненій, и печатныя и письменныя,

въ пользу неимущихъ братій; и собирая такимъ образомъ изрядную сумму денегъ, раздаетъ ее просящимъ. Я купилъ у него два манускрипта: *сто тайныхъ физіогномическихъ правилъ* (въ заглавіи которыхъ написано: *Lache des Elends nicht, und der Mittel das Elend zu lindern*) и *памятникъ для любезныхъ странниковъ*;^{*} за послѣднюю рукопись онъ не взялъ съ меня денегъ, а велѣлъ мнѣ отдать ихъ одному бѣдному Французу, который пришелъ къ нему просить милостыни.

==

Я имѣлъ удовольствіе познакомиться сегодня съ человѣкомъ весьма любезнымъ — съ Архидіакономъ Тоблеромъ, который мнѣ извѣстенъ былъ по своимъ сочиненіямъ, а особливо по переводу Томсоновыхъ временъ года, изданному покойнымъ Гесперомъ, другомъ его. Онъ пришелъ ко мнѣ нынѣ поутру съ Господиномъ Т*, и прельстилъ меня простотою своего обхожденія. Вмѣстѣ съ

* Лафатеръ въ печатномъ своемъ Физіогномическомъ сочиненіи бережется показывать въ лицахъ тѣ черты, которыя означаютъ худое: въ семъ письменномъ (которое, по его словамъ, никогда не должно быть напечатано) говоритъ онъ вольнѣе. — Памятникъ для путешественниковъ есть для меня одно изъ лучшихъ его твореній; онъ напечатанъ въ *Hand-Bibliothek für Freunde*.

нимъ и съ двумя сестрами дѣвицы Т* поѣхали мы въ большой лодкѣ гулять по озеру. Нельзя было выбрать лучшаго дня: на небѣ не показывалось ни одного облачка и вода едва, едва струилась. На томъ и на другомъ берегу озера видны хорошо-выстроенныя деревни, сельскіе домики богатыхъ Цюрихскихъ граждавъ, и виноградные сады, которые простираются непрерывно. Ровно за сорокъ лѣтъ передъ симъ, любезные друзья мои, бессмертный Клопштокъ — съ молодыми своими друзьями и съ любезнѣйшими изъ Цюрихскихъ молодыхъ дѣвицъ — катался по озеру. «Я какъ теперь смотрю на Клопштока (сказалъ Г. Тоблеръ). На немъ былъ красный кафтанъ. Въ тотъ день отмѣнно правилась ему дѣвица Шинцъ. Виртмиллеръ сдѣлалъ изъ ея перчатки кокарду для Клопштоковой шляпы. Божественный пѣвецъ Мессіады разливалъ радость вокругъ себя.» Сію эфирную радость — радость, какую могутъ только чувствовать великія души — воспѣлъ Клопштокъ въ прекрасной одѣ своей Züricher See, которая осталась вѣчнымъ памятникомъ пребыванія его въ здѣшнихъ мѣстахъ — пребыванія, лаврами и миртами увѣнчаннаго. Г. Тоблеръ — говоря о томъ, какъ уваженъ былъ здѣсь пѣвецъ Мессіады — сказывалъ мнѣ между прочимъ, что однажды изъ Кантона Гларуса пришли въ Цюрихъ двѣ молодыя пастушки, единственно за тѣмъ, чтобы видѣть Клопштока. Одна изъ нихъ взяла его за руку и сказала: Ach! wenn ich in der Clarissa lese und im Messias, so bin ich ausser mir! (ахъ, читая

Клариссу и Мессіаду, я вѣкъ себя бываю!) Друзья мои! вообразите, что въ эту райскую минуту чувствовало сердце Пѣснопѣвца! — Разговаривая такимъ образомъ съ почтеннымъ Архидіакономъ, не видалъ я, какъ мы отплыли отъ города двѣ мили или около пятнадцати верстъ. Тутъ надлежало намъ вытти на берегъ близъ небольшой деревеньки, въ которой Г. Тоблеръ родился, и гдѣ отецъ его былъ Священникомъ. Всѣ крестьянскіе домики въ сей деревнѣ имѣютъ очень хорошій видъ, и подлѣ всякаго есть садикъ, съ плодовитыми деревьями и съ грядками, на которыхъ растутъ благовонные цвѣты и поваренные травы. Во внутренности домовъ все чисто. Тутъ видѣлъ я семейный крестьянскій обѣдъ. Когда всѣ собрались къ столу, хозяйка прочитала вслухъ молитву; послѣ чего сѣли вокругъ стола — мужъ подлѣ жены, братъ подлѣ сестры — и принялись за супъ, а потомъ за сыръ и масло. Обѣдъ заключенъ былъ также молитвою: при чемъ мужчины стояли безъ шляпъ, которыхъ они впрочемъ никогда съ головы не снимаютъ. Даже и городскіе жители не рѣдко обѣдаютъ въ шляпахъ, — что почитается у нихъ знакомъ свободы и независимости.

Мы обѣдали въ сельскомъ трактирѣ, и ѣли очень вкусную рыбу, ловимую въ Цюрихскомъ озерѣ. Говорятъ, будто въ Швейцаріи вообще больше ѣдятъ, нежели въ другихъ земляхъ, и приписываютъ это дѣйствию здѣшняго остраго воздуха. Что принадлежитъ до меня, то хотя обѣдаю и ужинаю въ Швейцаріи съ добрымъ аппетитомъ, однакожь

не могу назвать его чрезмѣрнымъ или отмѣннымъ. Послѣ обѣда переѣхали мы на другую сторону озера, гдѣ встрѣтилъ насъ свойственникъ Господина Т*, живущій почти на самомъ берегу въ большомъ домѣ. Онъ показывалъ намъ свое хозяйство, своихъ коровъ, своихъ лошадей и большой плодovitый садъ. Когда мы пришли къ нему въ домъ, онъ подчивалъ насъ прекрасными абрикосами и хорошимъ краснымъ виномъ, не купленнымъ, а домашнимъ; между тѣмъ дочь его играла пріятно на клавесинѣ. Часовъ въ семь поплыли мы назадъ въ Цюрихъ, и я имѣлъ удовольствіе видѣть снѣжныя горы, позлащаемыя заходящимъ солнцемъ, и наконецъ помраченныя густыми тѣнями вечера. Огни городскіе представляли намъ вдали прекрасную иллюминацію, и мы вышли на берегъ въ исходѣ десятаго часа. Мнѣ оставалось только благодарить Архидіакона Тоблера, Господина Т* и дочерей его за всѣ тѣ удовольствія, которыми я наслаждался сегодня въ ихъ обществѣ.

—

Въ Цюрихѣ есть какъ называемая *дѣвичья школа* (Töchter-Schule), которая достойна вниманія всѣхъ, пріѣзжающихъ въ сей городъ. Въ ней безденежно учатся 60 молодыхъ дѣвушекъ (отъ двѣнадцати до шестнадцати лѣтъ) читать, писать, арифметикѣ, правиламъ нравственности и экономіи:

то есть, приготовляются быть хорошими хозяйками, супругами и матерями. Пріятно видѣть вмѣстѣ столько молодыхъ, опрятно и чисто одѣтыхъ красавицъ, которыя занимаются своимъ дѣломъ въ тишинѣ и съ великою прилежностію, подъ надзираніемъ благодѣтельныхъ учительницъ, обходящихся съ ними кротко и ласково. Тутъ дочь богатѣйшаго Цюрихскаго гражданина сидитъ подлѣ дочери бѣднаго сосѣда своего, и научается уважать достоинство, а не богатство. — Сія благодѣтельная школа учреждена въ 1774 году Гм. Профессоромъ Устери, который, къ общему сожалѣнію своихъ согражданъ, умеръ въ началѣ нынѣшняго лѣта.

Можетъ быть ни въ какомъ другомъ Европейскомъ городѣ не найдете вы, друзья мои, такихъ не-испорченныхъ нравовъ и такого благочестія, какъ въ Цюрихѣ. Здѣсь-то еще строго наблюдаются законы супружеской вѣрности — и жена, которая осмѣлилась бы явно нарушить ихъ, сдѣлалась бы предметомъ общаго презрѣнія. Здѣсь мать почитаетъ воспитаніе дѣтей главнымъ своимъ упражненіемъ; а какъ и самые богатые изъ Цюрихскихъ жителей не держатъ болѣе одной служавки, то всякая хозяйка находитъ для себя много дѣла въ домашней жизни, не угнетается праздностію, матерью многихъ пороковъ, и рѣдко ходитъ въ гости. Театръ, балы, маскарады, клубы, великолѣпныя обѣды и ужины! вы здѣсь неизвѣстны. Иногда сходятся двѣ, три, четыре пріятельницы — разговариваютъ дружески — вмѣстѣ работаютъ, или

читаютъ Геснера, Клопштока, Томсона и другихъ Писателей и Поэтовъ, которые не приводятъ цѣломудрія въ краску. Рѣдко бываютъ онѣ вмѣстѣ съ посторонними мущинами, а при чужестранцахъ стыдятся говорить, думая, что Цирихской выговоръ противенъ ихъ ушамъ. Всѣ онѣ одѣваются просто, не думая о Французскихъ модахъ, и совсѣмъ не употребляютъ румянъ. — Мущины отправляютъ по утру дѣла свои: купецъ идетъ въ контору или въ лавку, Ученый садится читать или писать, художникъ берется за свою работу, и такъ далѣе. Въ полдень обѣдаютъ, а ввечеру прогуливаются, или въ пріятельскихъ бесѣдахъ курятъ табакъ, пьютъ чай и кофе — купцы говорятъ о торговыхъ, Ученые объ ученыхъ дѣлахъ, и такимъ образомъ проводятъ время. Не знаю, продаются ли въ Цирихѣ карты; по крайней мѣрѣ въ нихъ здѣсь никогда не играютъ, и не знаютъ сего прекраснаго средства убивать время (простите мнѣ этотъ Галицизмъ), средства, которое въ другихъ земляхъ сдѣлалось почти необходимымъ.

Мудрые Цирихскіе законодатели знали, что роскошь бываетъ гробомъ вольности и добрыхъ нравовъ, и постарались заградить ей входъ въ свою республику. Мущины не могутъ здѣсь носить ни шелковаго, ни бархатнаго платья, а женщины ни бриліантовъ, ни кружевъ; и даже въ самую холодную зиму никто не смѣетъ надѣть шубы, для того что мѣха здѣсь очень дороги. Въ городѣ запрещено ѣздить въ каретахъ, и потому здоровыя ноги здѣсь гораздо болѣе уважаются, нежели въ дру-

гихъ мѣстахъ. Во внутренности домовъ не увидите вы никакихъ богатыхъ уборовъ — все просто и хорошо. Хотя чужестранныя вина сюда привозятся, однакожь ихъ позволено употреблять не иначе, какъ въ лекарство. Только думаю, что сей законъ не очень строго соблюдается. На прим. у Лафатера за столомъ пили мы Малагу; но онъ взялъ ее, можетъ быть, изъ Аптеки, по предписанію своего Доктора Г*.

Я слыхалъ прежде, будто въ Швейцаріи жить дешево; теперь могу сказать, что это неправда, и что здѣсь все гораздо дороже, нежели въ Германіи: на прим. хлѣбъ, мясо, дрова, платье, обувь и прочія необходимости. Причина сей дороговизны есть богатство Швейцаровъ. Гдѣ богаты люди, тамъ дешевы деньги; гдѣ дешевы деньги, тамъ дороги вещи. Обѣдъ въ трактирѣ стоитъ здѣсь восемь гривенъ; то же самое платилъ я въ Базелѣ и въ Шафгаузенѣ. Правда, что въ Швейцарскихъ трактирахъ никогда не подаютъ на столъ менѣе семи или осьми хорошо приготовленныхъ блюдъ, и потомъ десертъ на четырехъ или на пяти тарелкахъ.

==

Я всякой день бываю у Лафатера, обѣдаю у него, и хожу съ нимъ по вечерамъ прогуливаться. Онъ, кажется, любитъ меня; ласкается и спрашиваетъ иногда о подробностяхъ жизни моей, доз-

воля и мнѣ предлагать ему разные вопросы, а особенно на письмѣ. Въ примѣръ переведу вамъ отвѣтъ его на одинъ изъ моихъ вопросовъ. Вопросъ: «Какая есть всеобщая цѣль бытія нашего, равно *достижимая* * для мудрыхъ и слабоумныхъ?» — Отвѣтъ: «Бытіе есть цѣль бытія. — «Чувство и радость бытія (*Daseynsfrohheit*) есть «цѣль всего, чего мы искать можемъ. Мудрый и «слабоумный ищутъ только средствъ наслаждаться «ся бытіемъ своимъ, или чувствовать его — «ищутъ того, черезъ что они самихъ себя сильнѣе ощутить могутъ. — Всякое *чувство* и всякой *предметъ*, постигаемый которымъ нибудь «изъ нашихъ чувствъ, суть прибавленія (*Beiträge*) нашего самочувствованія (*Selbstgeföhles*); «чѣмъ болѣе самочувствованія, тѣмъ болѣе блаженства. — Какъ различны наши организаціи «или образованія, такъ же различны и наши потребности въ *средствахъ* и *предметахъ*, которые новымъ образомъ даютъ намъ чувствовать «наше бытіе, наши силы, нашу жизнь. Мудрый «отличается отъ слабоумнаго только средствами самочувствованія. Чѣмъ простѣе, вездѣсущнѣе, всенаслаждительнѣе, постояннѣе и благодѣтельнѣе есть средство или предметъ, въ которомъ или черезъ который мы сильнѣе существуемъ, тѣмъ существеннѣе (*existententer*) мы сами,

* То есть, до которой достигнуть можно. Я осмѣлился по аналогіи употребить это слово.

«тѣмъ вѣрнѣе и радостнѣе бытіе наше — тѣмъ
«мы мудрѣе, свободнѣе, любящѣе (liebender),
«любимѣе, живущѣе, оживляющѣе, блаженнѣе,
«человѣчнѣе, божественнѣе, съ цѣлію бытія на-
«шего сообразнѣе. — Изслѣдуйте точно, чрезъ
«что и въ чемъ вы пріятнѣе или тверже суще-
«ствуете? Что вамъ доставляетъ болѣе насла-
«жденія — разумѣется такого, которое никогда
«не можетъ причинить раскаянія — которое все-
«гда съ спокойствіемъ и внутреннею свободою
«духа можетъ и должно быть снова желаемо?
«Чѣмъ достойнѣе и существеннѣе избираемое
«вами средство, тѣмъ достойнѣе и существеннѣе
«вы сами; чѣмъ существеннѣе вы дѣлаетесь, то
«есть, чѣмъ сильнѣе, вѣрнѣе и радостнѣе суще-
«ствованіе ваше — тѣмъ болѣе приближаетесь
«вы ко всеобщей и особой цѣли бытія ваше-
«го. Отношеніе (Anwendung) и изслѣдованіе сего
«положенія (отношеніе и изслѣдованіе есть одно)
«покажетъ вамъ истину, или (что опять все одно)
«всеотносимость онаго. Цирихъ, въ Четвертокъ
«ввечеру, 20 Августа 1789. Іоаннъ Каспаръ Ла-
«фатеръ.» Каковъ вамъ кажется сей отвѣтъ, дру-
зья мой? Вы конечно не подумаете, чтобы я въ
самомъ дѣлѣ надѣялся свѣдать отъ Лафатера цѣль
бытія нашего; мнѣ хотѣлось только узнать, что
онъ можетъ о томъ сказать. Такимъ образомъ
всякое утро прихожу къ нему съ какимъ нибудь
вопросомъ. Онъ прячетъ мою бумажку въ кар-
манъ, и ввечеру отдаетъ мнѣ отвѣтъ, на ней же
написанный, — оставляя у себя копію. Я увѣ-

решъ, что все это будетъ напечатано въ ежемѣсячномъ его сочиненіи, которое съ новаго года должно выходить въ Берлинѣ подъ титуломъ: *отвѣты на вопросы моихъ пріятелей* *.

Лафатеръ намѣренъ еще издавать, также съ будущаго года, *Библіотеку для друзей*, гдѣ будутъ помѣщаемы такія піесы, которыхъ онъ, по какимъ нибудь причинамъ, не хочетъ сообщить публикѣ. Только пріятели его могутъ получать сію библіотеку; и хотя она будетъ печатная, однакожь они обязываются считать ее за манускриптъ.

По сіе время Лафатеровы сочиненія составляютъ около пятидесяти томовъ; если онъ проживетъ еще лѣтъ двадцать, то это число можетъ вдвое умножиться. За всѣмъ тѣмъ, по его

* Я угадалъ, — и первая піеса, напечатанная въ семъ ежемѣсячномъ сочиненіи, есть отвѣтъ на мой вопросъ о цѣли бытія. Берлинскимъ Рецензентамъ показалось забавно: *die constante, solideste, sutenabelste existenz* — или: *Daseyn ist der Zweck des Daseyns*, — — и проч. «Г. К» (говоритъ Рецензентъ во Всеобщей Нѣмецкой Библіотекѣ) конечно больше нашего знакомъ съ игрою Лафатеровыхъ мыслей; ему оставляемъ мы разумѣть сіе изъясненіе цѣли бытія нашего.» — Мнѣ кажется, что мысли Лафатеровы (не смотря на насмѣшки остроумныхъ Берлинцевъ) и понятны и справедливы, и даже весьма обыкновенны; здѣсь можно назвать новыми только одни выраженія. Но Г. Аделунгъ конечно имѣетъ причину жаловаться, что Лафатеръ не всегда думаетъ о чистотѣ Нѣмецкаго слога.

словамъ, сочиненіе есть для него не работа, а отдыхъ.

Сверхъ того, что Лафатеръ пишетъ для публики и для пріятелей, ведетъ онъ журналъ жизни своей, который есть тайна и для самыхъ друзей его, и который останется въ наслѣдство его сыну. Тутъ описываетъ онъ всѣ свои важнѣйшіе опыты, сокровенныя связи съ нѣкоторыми людьми, свои надежды, радости и печали. — Вѣроятно, что въ сихъ запискахъ много любопытнаго — и я почти увѣренъ, что онѣ со временемъ будутъ напечатаны — естли не для меня и не для васъ, то по крайней мѣрѣ для дѣтей вашихъ, друзья мои. Девятый-надесять вѣкъ! сколько въ тебѣ откроется такого, что теперь считается тайною!

Раза три былъ я у почтеннаго старика Тоблера, и провелъ у него часовъ пять или шесть, весьма пріятныхъ. Онъ такъ много рассказывалъ мнѣ о покойномъ Бодмерѣ и Швейцарскомъ Теокритѣ! «Геснеръ украсилъ весну жизни моей» (говоритъ онъ) — и во всѣхъ пріятныхъ сценахъ моей юности, о которыхъ теперь съ удовольствиемъ воспоминаю, вижу его передъ собою. Часто проводили мы вмѣстѣ длинные зимніе вечера въ чтеніи Поэтовъ; и почти всегда, когда я приходилъ къ нему, встрѣчалъ онъ меня съ какою нибудь пріятною новостію, имъ сочиненною. Домъ его былъ Академіею изящной Литературы и Искусства — Академіею, какой Государи основать не могутъ.» Вы знаете, что Геснеръ посвятилъ своего Дафниса одной дѣвицѣ;

но не знаете, можетъ быть, что эта дѣвица была дочь Г. Гейдеггера, Цюрихскаго Сенатора, и что творецъ Дафниса скоро послѣ того женился на пей, и жилъ съ нею всегда какъ любовникъ съ любовницею. — По любви къ человѣчеству прискорбно было мнѣ слышать, что Геснеръ не могъ терпѣть Лафатера, и не смотря на всѣ старанія общихъ друзей ихъ, никогда не хотѣлъ съ нимъ помириться. Тѣмъ болѣе чести Лафатеру, что онъ, по смерти Геснеровой, сочинилъ ему похвальные стихи!

Съ Профессоромъ Мейстеромъ, — братомъ того Мейстера, который написалъ на Французскомъ языкѣ извѣстную книгу *о естественномъ нравоученіи*, и который, будучи выгнанъ изъ Цюриха за одно смѣлое сочиненіе, живетъ теперь въ Парижѣ — видѣлся я только одинъ разъ. Наружность его не очень привлекательна, однакожъ обхожденіе его весьма пріятно. Онъ говоритъ почти такъ же хорошо, какъ пишетъ. Я съ удовольствіемъ читалъ нѣкоторыя изъ его сочиненій (*Kleine Reisen* и *Characteristik Deutscher Dichter*). и поблагодарилъ его за это удовольствіе.

Въ нынѣшній вечеръ наслаждался я великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Около двухъ часовъ продолжалась ужасная гроза. Если бы вы видѣли, какъ пурпуровыя и золотыя молніи вились по хребтамъ горъ, при страшной канонадѣ неба! Казалось, что небесный громовержецъ хотѣлъ превратить въ пепелъ сіи гордыя вышины: но онъ

стояли, и рука его утомилась — громы умолкли, и тихая луна сквозь облака проглянула.

=

Въ Цюрихскомъ Кантонѣ считается около 180,000 жителей, а въ городѣ около 10,000; но только двѣ тысячи имѣютъ право гражданства, избираютъ судей, участвуютъ въ правленіи и производятъ торгъ; всѣ прочіе лишены сей выгоды. Изъ тридцати цеховъ, на которые раздѣлены граждане, одинъ называется главнымъ или дворянскимъ, имѣя передъ другими то преимущество, что изъ него выбирается въ Члены Верховнаго Совѣта осьмнадцать человѣкъ, — изъ прочихъ же только по двѣнадцати. Сему Совѣту принадлежитъ законодательная власть; а гражданскія и уголовныя дѣла судить такъ называемый *Малый Совѣтъ*, или Сенатъ (состоящій изъ 40 членовъ и двухъ Бургомистровъ), для котораго избирается особенно изъ cadaго цеха по шести человѣкъ; они называются Сенаторами, и всякой годъ смѣняются. Кому двадцать лѣтъ отъ роду, тотъ имѣетъ уже голосъ въ Республикѣ, то есть, можетъ избирать въ судьи; въ тридцать лѣтъ можно быть Членомъ Верховнаго Совѣта, а въ тридцать пять Сенаторомъ, или Членомъ Малаго Совѣта. Цюрихской житель, имѣющій право гражданства, такъ же гордится имъ, какъ Царь

своею короною. Уже болѣе 150 лѣтъ никто не получалъ сего права; однакожь его хотѣли дать Клопштоку, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ навсегда остался въ Цирихѣ.

Въ Субботу ввечеру Лафатеръ затворяется въ своемъ кабинетѣ для сочиненія проповѣди — и чрезъ часъ бываетъ она готова. Правда, если онъ говоритъ все такія проповѣди, какую я нынѣ слышалъ, то ихъ сочинять не трудно. *Спаситель снялъ съ насъ бремя грѣховъ: и такъ будемъ благодарить Его* — сіи мысли, выраженные различнымъ образомъ, составляли содержаніе всего поученія. Одни восклицанія, одна декламація и болѣе ничего! Признаюсь, что я ожидалъ чего нибудь лучшаго. Вы скажите, что съ народомъ такъ говорить надобно; но Лаврентій Стернъ говорилъ съ народомъ, говорилъ просто, и трогалъ сердце — мое и ваше. Видъ, съ какимъ проповѣдуетъ Лафатеръ, мнѣ понравился.

Цирихскіе проповѣдники являются на кафедрахъ въ какихъ-то странныхъ черныхъ *шушункахъ*, съ большими бѣлыми и жестко-накрухмаленными крагенами. Обыкновенно же ходятъ они въ черныхъ или темныхъ кафтанахъ. Лафатеръ носитъ на головѣ черную бархатную скуфейку — но только онъ одинъ. Не для того ли почли его тайнымъ Католикомъ?

Когда въ церкви поютъ псалмы, мужчины стоятъ безъ шляпъ; когда же начинается проповѣдь, всѣ садятся, надѣваютъ шляпы, молчатъ и слушаютъ. — —

Я познакомился на сихъ дняхъ съ двумя молодыми соотечественниками моего пріятеля Б*: съ Графомъ М* и Господиномъ Баг*. Сей послѣдній сочинилъ на Датскомъ языкѣ двѣ большія Оперы, которыя отмѣнно полюбились Коппенгагенской публикѣ, а наконецъ были причиною того, что Авторъ лишился спокойствія и здоровья. Вы удивитесь; но тутъ нѣтъ ничего чуднаго. Зависть вооружила противъ него многихъ Писателей; они вздумали увѣрять публику, что Оперы Господина Баг* ни къ чему не годятся. Молодой Авторъ защищался съ жаромъ; но онъ былъ одинъ въ толпѣ непріятелей. Въ газетахъ, въ журналахъ, въ комедіяхъ — однимъ словомъ, вездѣ его бранили. Нѣсколько мѣсяцовъ онъ отбранивался; наконецъ почувствовалъ истощеніе силъ своихъ, съ больною грудью оставилъ мѣсто боя, и уѣхалъ въ Пирмонтъ къ водамъ, откуда Докторъ прислалъ его въ Швейцарію лечиться горнымъ воздухомъ. Молодой Графъ М*, учившійся въ Геттингенѣ, согласился вмѣстѣ съ нимъ путешествовать. Оба они познакомились съ Лафатеромъ, и полюбились ему своею живостію. И тотъ и другой любитъ аханье и восклицанія. Графъ бьетъ себя по лбу и стучитъ ногами, а Поэтъ Баг* складываетъ руки крестомъ и смотритъ на небо, когда Лафатеръ говоритъ о чемъ нибудь съ

жаромъ. Нынѣ или завтра уѣдутъ они въ Луцернъ; любезный мой пріятель Б* ѣдетъ съ ними же.

Цюрихъ, 26 Августа.

Наконецъ думаю ѣхать изъ Цюриха, проживъ здѣсь 16 дней. Нынѣ въ послѣдній разъ обѣдалъ я у Лафатера, и въ послѣдній разъ писалъ подъ его диктатурою (вы удивитесь; но учтивый Лафатеръ хотѣлъ увѣрить меня, будто я пишу по-Нѣмецки не худо). Въ послѣдній разъ ходилъ по берегу Лимматы — и шумное теченіе сей рѣки никогда не приводило меня въ такую меланхолію, какъ нынѣ. Я сѣлъ на лавкѣ подъ высокою липою, противъ самаго того мѣста, гдѣ скоро поставленъ будетъ монументъ Геснеру. Томъ его сочиненій былъ у меня въ карманѣ (какъ пріятно читать здѣсь всѣ его несравненныя Идилліи и Поэмы, читать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ сочинялъ ихъ!) — я вынулъ его, развернулъ, и слѣдующія строки попались мнѣ въ глаза. «Потомство справедливо чтитъ урну съ пепломъ Пѣснопѣвца, котораго Музы себѣ посвятили, да учить онъ смертныхъ добродѣтели и невинности. Слава его, вѣчно юная, живетъ и тогда, когда трофеи завоевателя гніютъ во прахѣ, и великолѣпный памятникъ недостойнаго Владѣтеля среди пустыни заростаетъ дикимъ терновымъ

«кустарникомъ и сѣдымъ мхомъ, на которомъ
«иногда отдыхаетъ заблуждшійся странникъ.
«Хотя, по закону Натуры, не многіе могутъ до-
«стигнуть до сего величія, однакожь похвально
«стремиться къ оному. Уединенная прогулка моя
«и каждый уединенный часъ мой да будутъ по-
«священы сему стремленію!» Вообразите, друзья
мои, съ какимъ чувствомъ я долженъ былъ читать
сіе, въ двухъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ Натура
и Поэзія въ вѣчномъ безмолвіи будутъ лить сле-
зы на урну незабвеннаго Геснера! * Не его ли
посвятили Музы въ учителя невинности и добро-
дѣтели? Не его ли слава, вѣчно юная, жить бу-
детъ и тогда, когда трофеи завоевателей истлѣютъ
во прахъ? Предчувствіемъ безсмертія наполня-
лось сердце его, когда онъ магическимъ перомъ
своимъ писалъ сіи строки.

Рука времени, все разрушающая, разрушитъ
нѣкогда и городъ, въ которомъ жилъ Пѣснопѣ-
вецъ, и въ теченіе столѣтій загладитъ развалины
Цприха; но цвѣты Геснеровыхъ твореній не увя-
нутъ до вѣчности, и благовоніе ихъ будетъ изъ
вѣка въ вѣкъ переливаться, улаждая всякое
сердце.

Друзья мои! Писателямъ открыты многіе пути
ко славѣ, и безчисленны вѣнцы безсмертія; мно-

* На монументѣ Геснеровомъ изображены Поэзія и
Натура въ видѣ двухъ прекрасныхъ женщинъ, плачу-
щихъ надъ урною.

гихъ хвалить потомство — но всѣхъ ли съ одинакимъ жаромъ?

О вы, одаренные отъ Природы творческимъ духомъ! пишите, и ваше имя будетъ незабвенно; но если хотите заслужить любовь потомства, то пишите такъ, какъ писалъ Геснеръ — да будетъ перо ваше посвящено добродѣтели и невинности!

Баденъ.

Нынѣ поутру выѣхалъ я изъ Цюриха. Лафатеръ не хотѣлъ прощаться со мною навсегда, говоря, что я непременно долженъ въ другой разъ пріѣхать на берегъ Лимматы. Онъ далъ мнѣ одиннадцать рекомендательныхъ писемъ въ разные города Швейцаріи, и увѣрилъ меня въ неперемѣнности своего дружелюбнаго ко мнѣ расположенія. Старикъ Тоблеръ простился со мною до радостнаго свиданія въ поляхъ вѣчности, которая есть любимый предметъ утреннихъ и вечернихъ его размышлений. —

На каждой верстѣ отъ Цюриха до Бадена встрѣчались мнѣ коляски и кареты, изъ которыхъ выглядывали Англійскія, Нѣмецкія и Французскія лица. Отъ Іюня до Октября мѣсяца Швейцарія бываетъ наполнена путешественниками, которые пріѣзжаютъ сюда наслаждаться Природою.

Наконецъ видѣлъ я въ Швейцаріи нѣчто такое,

что мнѣ не полюбилось. Почти безпрестанно подбѣгали къ коляскѣ моей ребятишки и требовали подаенія. Не слушая отказа, бѣжали они за мною, кричали и разнымъ образомъ дурачились: одинъ становился вверхъ ногами, другой кривлялся, третій игралъ на дудкѣ, четвертый прыгалъ на одной ногѣ, пятый надѣвалъ на себя бумажную шапку, въ аршинъ вышиною, и проч. и проч. Не нужда заставляетъ ихъ просить милостыни; имъ правится только сей легкой способъ получать деньги. — Жаль, что отцы и матери не унимаютъ ихъ! Маленькіе шалуны могутъ со временемъ сдѣлаться большими — могутъ распространить въ своемъ отечествѣ опасную нравственную болѣзнь, отъ которой рано или поздно умираетъ свобода въ Респу́бликахъ. Тогда, любезные Швейцары, не поможетъ вамъ бальзамическій воздухъ горъ и долинъ вашихъ — увянетъ красота вѣжной богини, и слезы ваши не оживятъ хладнаго трупа.

Въ Баденѣ остановился мой кучеръ кормить лошадей. Сей городокъ, стѣсненный со всѣхъ сторонъ высокими горами, находится подъ начальствомъ Цюрихскаго, Бернскаго и Гларисскаго Кантоновъ, и славенъ своими цѣлебными теплицами, которыя были извѣстны Римлянамъ подъ именемъ *Гельветскихъ водъ* (Aquae Helveticae). Отъ города будетъ до нихъ не болѣе 300 шаговъ, и я тотчасъ пошелъ туда. Два колодезя — самые ближайшіе къ главному источнику, и потому самые дѣйствительнѣйшіе — бывають всегда открыты для бѣдныхъ. Въ нихъ сидѣло при мнѣ человекъ

двадцать, опустьясь въ воду по горло; блѣдныя и желтыя лица ихъ показывали, что они не для забавы пользуются водами. Въ трактирахъ, которыхъ тутъ очень много, сдѣланы разныя бани, гдѣ моются больные и здоровые, платя за то бездѣлку. Вода сносно горяча, и пахнетъ сѣрою. Она проведена съ другой стороны Лимматы (которая течетъ здѣсь между горъ съ ужасною быстротою) и труба идетъ подъ рѣкою. — Мнѣ сказывали, что иногда бываетъ у водъ до осьми сотъ пріѣзжихъ.

Женщины носятъ здѣсь на головахъ предлинныя рога, отъ чего всѣ онѣ кажутся похожими на Сатировъ. — Въ Швейцарскихъ городахъ (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, въ которыхъ я былъ) почти на всякомъ домѣ видите вы надписи, иногда отменно глупыя и смѣшныя. На прим. надъ домомъ одного Баденскаго горшечника написано: *Dies Haus der liebe Gott behüt; hier ist Hafner Geschirr aufs Feuer, und glüht* (*сей домъ Господь да сохранитъ! здѣсь глиняная посуда на огонь горитъ*) — а надъ другимъ: *Behüt uns Herr für Feuer und Brand, denn dies Haus wird zum geduldigen Schaaf genannt* (*сохрани насъ Господь отъ пожара ночью порою: ибо сей домъ называется терпеливою овецю*). Но что скажете вы о слѣдующихъ двухъ надписяхъ, замѣченныхъ однимъ Нѣмецкимъ путешественникомъ въ Базелѣ и въ Шафгаузенѣ? Первая: *ihr Menschen thut Buss, denn dies Haus heist zum Rindsfuss* (*о человеки! покайтесь душою, ибо сей домъ называется бычачьею ногою*) — а вторая: *Auf Gott deine Hoffnung bau,*

denn dies Haus heist zur schwarzen Sau (*на Бога уповай ты мыслию своею, ибо сей домъ называется черною свиньею*). Друзья мои! въ вольной землѣ всякой воленъ дурачиться, и писать, что ему угодно. Всякой желаетъ оставлять по себѣ памятники — и сочинители сихъ надписей, конечно ничего болѣе въ жизнь свою не сочинявшіе, хотѣли въ ризахъ своихъ наслаждаться безсмертіемъ. Внукъ чтитъ произведеніе дѣдушкина ума, и надпись изъ вѣка въ вѣкъ переходитъ. — Поселяне Швейцарскіе любятъ расписывать свои дома разными красками и фигурами; по большой части изображаются тутъ древніе Герои Швейцаріи и славные ихъ подвиги; иногда же гербы Кантоновъ съ сею надписью: Als Demuth weint', und Hochmuth lacht, da ward der Schweizer-Bund gemacht (*т. е. когда смиреніе проливало слезы и гордость смѣялась, тогда заключился союзъ Швейцаровъ*).

АРАУ, ВЪ 8 ЧАСОВЪ ВЕЧЕРА.

Я проѣхалъ нынѣ мимо развалинъ Габебурга. Вы знаете, любезные друзья, что въ семъ замкѣ жили нѣкогда Габсбургскіе Графы, отъ которыхъ произошелъ Австрійскій домъ — и потому легко можете угадать, съ какими мыслями смотрѣлъ я на почтенныя развалины древнихъ башенъ, отку-

да храбрые Рудольфовы предки поражали враговъ своихъ. — Тутъ живетъ нынѣ сторожъ, который въ случаѣ пожара даетъ сигналъ окружнымъ деревнямъ, стрѣляя изъ ружья.

Мѣста и дороги въ Бернскомъ Кантонѣ лучше, нежели въ Цюрихскомъ. Ничего не можетъ быть прекраснѣе здѣшнихъ луговъ, обсаженныхъ пло-довитыми деревьями, и пересѣкаемыхъ многими ручейками, которые то соединяются, то опять на разные рукава раздѣляются, и образуютъ водя-ный, запутанный лабиринтъ. Тамъ видны аллеи, самою Природою насажденные; здѣсь густые лѣ-сочки, прохладу странникамъ обѣщающіе. — Въ де-ревняхъ находите вы порядокъ и чистоту. Всѣ крестьянскіе дома покрыты соломой, и раздѣля-ются обыкновенно на двѣ половины: одна состо-итъ изъ двухъ горницъ и кухни, а другая изъ сѣн-наго магазина, житницъ и хлѣвовъ. Не увидите вы здѣсь ничего гніющаго, непочиненнаго; во всемъ соблюдена удобность, и все необходимое въ изобиліи и совершенствѣ. Сіе, можно сказать, цвѣ-тущее состояніе Швейцарскихъ земледѣльцевъ происходитъ наиболѣе отъ того, что они не пла-тятъ почти никакихъ податей, и живутъ въ совершенной свободѣ и независимости, отдавая Правленію только десятую часть изъ собираемыхъ ими полевыхъ плодовъ. Хотя между ими есть та-кіе, которые имѣютъ по пятидесяти тысячъ руб-лей капитала, однакожь всѣ они одѣваются очень просто, и лѣтомъ ходятъ обыкновенно въ камзо-лахъ изъ толстаго полотна; а въ праздники надѣ-

вають суконные кафтаны, по большой части синіе или дикіе. Женщины носятъ желтыя соломенные шляпы, красныя стамедныя корсеты съ крючками и юбки темнаго цвѣта; а волосы заплетаютъ въ косы. Шею свою покрываютъ бѣлою косынкою, перевязывая ее черною бархатною лентою.

Я нанялъ кучера только до Арау, маленькаго, изрядно выстроеннаго городка въ Бернскомъ Кантонѣ. Въ ожиданіи Базельскаго *дилижанса* (въ которомъ хочу ѣхать до Берна, и котораго ожидаютъ сюда къ девяти часамъ) велѣлъ я приготовить себѣ ужинъ.

Бернъ, 28 Августа.

Нынѣ рано поутру пріѣхалъ я въ Бернъ, и съ трудомъ могъ найти для себя комнату въ трактирѣ *Впница*: такъ много здѣсь пріѣзжихъ! Одѣвшись, пошелъ я къ молодому Доктору Ренггеру, который, по Лафатеровой рекомендаціи, принялъ меня очень ласково; и какъ мнѣ прежде всего хотѣлось побродить по городу, то онъ вызвался быть моимъ путеводителемъ.

Бернъ есть хотя старинный, однакожь красивый городъ. Улицы прямы, широки и хорошо вымощены; а въ срединѣ проведены глубокіе каналы, въ которыхъ съ шумомъ течетъ вода, уносящая съ собою всю нечистоту изъ города, и сверхъ

того весьма полезная въ случаѣ пожара. Дома почти всѣ одинакіе: изъ бѣлаго камня, въ три этажа, и представляютъ глазамъ образъ равенства въ состояніи жителей, не такъ, какъ въ иныхъ большихъ городахъ Европы, гдѣ часто низкая хижина преклоняется къ землѣ подъ тѣнію колоссальныхъ палатъ. Всего болѣе полюбилась мнѣ въ Бернѣ аркады подъ домами, столь удобныя для пѣшеходцевъ, которые въ снѣгахъ покрытыхъ галереяхъ никакого ненастья не боятся.

Мы были въ здѣшнемъ Спротскомъ домѣ, гдѣ нашелъ я удивительную чистоту и порядокъ. Въ самомъ дѣлѣ тутъ не много сиротъ, а болѣе пансіонеровъ, которые за небольшую сумму денегъ учатся и хорошо содержатся въ семъ домѣ. Оттуда пошли мы въ публичную библіотеку. На прекрасномъ маленькомъ лужкѣ, между домовъ, увидѣлъ я прикованнаго медвѣдя, которому мимоходящіе бросали хлѣбъ и прочее, что онъ ѣсть могъ. Докторъ Ренггеръ сказалъ мнѣ, что въ Бернѣ всегда держатъ живаго медвѣдя, который есть гербъ сего Кантона; что имя *Бернъ* произошло отъ Нѣмецкаго слова *Беръ* (то есть *медвѣдь*); что Герцогъ Цериингенской, начавъ строить этотъ городъ, поѣхалъ на ловлю, и положилъ назвать его именемъ перваго затравленнаго звѣря; что онъ затравилъ медвѣдя, и потому называлъ городъ *Берромъ*, имя, которое послѣ превратилось въ *Бернъ*. — Въ библіотекѣ видѣлъ я много хорошихъ книгъ и нѣсколько изрядныхъ картинъ; но всего болѣе занималъ меня *рельефъ*, представляющій часть

Альпійскихъ горъ, и точно тѣхъ, на которыхъ я
длинъ черезъ три быть надѣюсь. Тутъ видны сіи
горы въ подлинныхъ своихъ фигурахъ, долины,
озера, деревни, хижины, и даже маленькія дрожки.
Но рельефъ Генерала Пфиффера, Луцерискаго граж-
даина, долженъ быть еще гораздо превосходнѣе.
Сей человекъ съ удивительною неутомимостію
странствовалъ по горамъ; срисовывалъ ихъ—спи-
малъ мѣры—и все сіе представилъ потомъ въ ма-
ломъ видѣ съ величайшею точностію. Два раза
былъ онъ захваченъ горными жителями какъ
шпіонъ, и наконецъ для безопасности своей мѣ-
рилъ горы по ночамъ при лунномъ сіяніи, скры-
ваясь отъ людей и вода съ собою двухъ козъ, ко-
торыхъ молоко составляло всю его пищу.

Изъ бібліотеки прошелъ я на славную террасу,
или гульбище подлѣ кафедральной церкви, гдѣ,
подъ тѣнію древнихъ каштановыхъ деревъ, въ
самый жаркой полдень можно наслаждаться про-
хлагою, и откуда видна цѣпь высочайшихъ снѣж-
ныхъ горъ, которыя, будучи освѣщаемы солн-
цемъ, представляются въ видѣ тонкихъ, красно-
ватыхъ облаковъ. Сія терраса, складенная чело-
вѣческими руками, вышиною будетъ въ шесть или
въ семь сотъ футовъ. Внизу течетъ Ара, и съ ве-
ликимъ шумомъ низвергается съ высокой плоти-
ны. Въ стѣнѣ, которою обведено это гульбище,
нашелъ я на камнѣ слѣдующую надпись: *Въ честь
всемогущества и чудеснаго Божія провидѣнія, и въ
память потомству, положенъ сей камень, на
томъ мѣстѣ, откуда Г. Теоболдъ Веинценфли,*

Студентъ, 25 Мая 1654 года упалъ съ лошади, и потомъ, бывъ 30 лѣтъ Священникомъ церкви въ Керцерсъ, въ глубокой старости блаженно скончался 25 Ноября 1694 года. Хотя иному чудно покажется, что человѣкъ, упавъ съ такой вышины, могъ живъ остаться; однакожь это происшествіе, по увѣренію Бернскихъ жителей, не подвержено никакому сомнѣнію. Сказываютъ, что на Студентѣ былъ тогда широкой плащъ, который, захвативъ подъ себя много воздуха, удерживалъ его въ падевіи, и не далъ ему сильно удариться объ землю.

Послѣ обѣда былъ я у Проповѣдника Штапфера, самаго добродушнаго Швейцара, и ввечеру ходилъ съ нимъ прогуливаться за городъ. Сидя въ бесѣдкѣ на возвышенномъ мѣстѣ, смотрѣли мы на горы, которыхъ вершины пылали разноцвѣтными огнями. Тутъ понялъ я Галлеровъ стихъ:

Und ein Gott ist's, der der Berge Spitzen röthet mit Blitzen! (*Богъ краситъ молніями вѣнцы горъ*). Между тѣмъ Штапферъ началъ говорить со мною, и мнѣ должно было на нѣсколько минутъ отвести глаза свои отъ сего прекраснаго зрѣлища. Когда же я опять взглянулъ на горы, увидѣлъ — вмѣсто розовыхъ и пурпуровыхъ огней — ужасную блѣдность. Солнце закатилось. Я былъ пораженъ сею скорою переменною, и готовъ былъ воскликнуть: *Такъ проходитъ слава міра сего! такъ увядаетъ роза юности! такъ угасаетъ свѣтъ тильникъ жизни!* Мнѣ стало грустно — и мы тихими шагами возвратились въ городъ.

Нынѣ поутру былъ я у Проповѣдника Виттенбаха, ученаго Натуралиста, который перевелъ на Нѣмецкой языкъ *Соссюрово путешествие по Швейцаріи*, выдалъ краткое наставленіе для путешественниковъ по Альпійскимъ горамъ, и сочиняетъ теперь описаніе естественныхъ произведеній Швейцаріи. Хотя онъ не одного вкуса со мною, и никогда, по словамъ его, не читаетъ книгъ, наполненныхъ мечтами воображенія, и хотя въ любимыхъ его наукахъ я совершенной профанъ: однакожь мы нашли матерію для разговора, и для него и для меня занимательную — а именно, мы говорили о Галлерѣ, который былъ ему очень знакомъ. Между прочимъ сказывалъ онъ, что покойникъ, за два дни до смерти, не смотря на свою болѣзнь и слабость, съ великимъ любопытствомъ читалъ описаніе нѣкоторыхъ новыхъ физическихъ опытовъ, и отчасти повѣрялъ ихъ. Такимъ образомъ самые послѣдніе часы жизни своей посвящалъ Галлеръ успѣхамъ наукъ, которыя любилъ онъ страстно! — Виттенбахъ, путешествуя всякой годъ по самымъ отдаленнѣйшимъ горамъ, никогда еще не бывалъ въ Цюрихѣ! «Я успѣю быть въ городахъ и тогда (говоритъ онъ), когда отъ старости не въ состояніи буду ходить по Альпамъ.»

На террасѣ встрѣтился я нынѣ съ Графомъ д'Артуа, который тамъ прогуливался со многими знатными Французами. Онъ не дурень собою, и хочетъ показываться веселымъ; но въ самыхъ его улыбкахъ видно стѣсненное сердце. Такія-то перемѣны бывають въ жизни человѣческой! — Про-

живъ здѣсь недѣли двѣ въ загородномъ домѣ, ѣдетъ онъ теперь въ Италію, куда отправятся за нимъ и другіе эмигранты. *Щастливый путь!* говорятъ Берицы, которые никакъ не рады были симъ незванымъ гостямъ.

Въ трактирѣ *Вьнца*, гдѣ я живу, не садится за столъ менѣе тридцати человѣкъ, Французовъ и Англичанъ, между которыми бывають жаркіе споры о теперешнихъ обстоятельствахъ Франціи. Сегодня за ужиномъ бѣдный Италянскій музыкантъ игралъ на арфѣ и пѣлъ. Англичане набросали ему цѣлую тарелку серебряныхъ денегъ, и хотѣли, чтобы онъ рассказалъ намъ свою исторію. *Слушайте*, сказалъ онъ, и запѣлъ:

Я въ бѣдности на свѣтъ родился,
И въ бѣдности воспитанъ былъ;
Отца въ младенчествѣ лишился,
И въ свѣтѣ сиротою жилъ.

Но богъ, искусный въ пѣснопѣньи,
Меня сиротку полюбилъ;
Явился мнѣ во сновидѣньи,
И арфу съ ласкою вручилъ;

Открылъ за тайну, какъ струною
Съ сердцами можно говорить,
И томной, жалкою игрою
Всѣхъ добрыхъ въ жалость приводить.

Я арфу взялъ — ударилъ въ струны;
Смотрю — и въ сердцѣ горя нѣтъ!...
Тому не надобно Фортуны,
Кто съ Фебомъ въ дружествѣ живетъ!

«Вотъ вамъ моя исторія, государи мои! сказалъ онъ по-Французски: * я странствую по свѣту, и вездѣ нахожу людей, умѣющихъ цѣнить таланты.» *Браво! браво!* закричали Англичане, и бросили ему еще нѣсколько талеровъ.

Завтра думаю отправиться къ Альпійскимъ горамъ. Чемоданъ свой оставляю здѣсь, а съ собою возьму только теплой сертукъ, половину бѣлья своего, записную книжку и карандашъ.

==

Тунъ, въ десять часовъ вечера

Въ два часа по полудни выѣхалъ я изъ Берна, и въ шесть часовъ пріѣхалъ въ городокъ Тунъ, лежащій на берегу большого озера. Дорогою видѣлъ я вездѣ веселыхъ поселянъ, собирающихъ плоды съ богатыхъ полей своихъ. Между ими замѣтилъ я много такихъ, у которыхъ висѣли подъ бороною превеликіе зобы.

Здѣсь остановился я въ трактиръ *Фрейгофнъ*; заказавъ ужинъ, бродилъ по городу, и всходилъ на здѣшнюю высокую колокольню, откуда видны многія цѣпи горъ и все обширное Тунское озеро.

Завтра разбудятъ меня въ четыре часа. Въ это время отходить отсюда почтовая лодка, на которой переѣду черезъ озеро.

* Пѣсню пѣлъ онъ на Италіянскомъ языкѣ.

ТУНСКОЕ ОЗЕРО, 5 ЧАСОВЪ УТРА.

Темнота ночи мало по малу исчезаетъ. Горы открываются минута отъ минуты яснѣе. Все дымит-ся! Тонкія облака тумана носятся вокругъ нашей лодки. Влага пропицаетъ сквозь мое платье, и сонъ смыкаетъ глаза мои. Добродушный Швейцаръ по-даетъ мнѣ черный мѣшокъ, который долженъ служить мнѣ вмѣсто пуховой подушки. Величественная Натура! прости слабому! на нѣсколько часовъ отвращаетъ онъ взоръ свой отъ твоего великолѣпія.

Въ семь часовъ. По обѣимъ сторонамъ озера непрерывно продолжаются горы. Въ нныхъ мѣстахъ покрыты онѣ виноградными садами, въ другихъ елями. Чистые ручьи ниспадаютъ съ камней. Внизу дыматся хижины, жилища бѣдности, невѣжества и — можетъ быть — спокойствія. Вѣчная Премудрость! какое разнообразіе въ твоёмъ физическомъ и нравственномъ мірѣ!

На сѣверной сторонѣ озера, въ пещерѣ высокой горы, гдѣ журчитъ маленькой ручеекъ, провождалъ дни свои Св. Беатусъ, первѣйшій пзъ Христіанъ въ Швейцаріи. Гора сія донынѣ называется его именемъ.

На южномъ берегу возвышается старый замокъ Шпицъ, который принадлежалъ нѣкогда Бубен-

бергской фамиліи, древнѣйшей и знатнѣйшей въ Бернской Республикѣ. Многіе изъ Бубенберговъ оказали отечеству важныя услуги, и пролили кровь свою для славы его. Последними отраслями сего Дому были Леонардъ и Амалія, прекрасный юноша и прекрасная сестра его. Всѣ благороднѣйшія фамиліи въ Бернѣ искали ихъ союза, и наконецъ, по нѣжной склонности сердца, Леонардъ женился на дѣвицѣ Эрлахъ, а сестра его вышла за брата ея. Бракосочетаніе ихъ совершилось въ одно время. Всѣ праздновали день сей, въ который два первые Дома соединялись тѣснымъ союзомъ родства; всѣ радовались молодыми супругами, равно юными и равно прекрасными. Утѣхи свадебнаго торжества были безчисленны. Послѣ роскошнаго обѣда повобрачные и всѣ гости гуляли въ лодкѣ по Тунскому озеру. Небо было ясно и чисто; легкій вѣтерокъ вѣяніемъ своимъ прохлаждалъ веселыхъ гребцовъ и лобызалъ юныхъ красавицъ, играя ихъ волосами; мелкія волны пѣнились подъ лодкою, и журчаніемъ своимъ вливали томность въ сердца супруговъ, которые съ нѣжнымъ трепетомъ другъ ко другу прижимались. Уже наступалъ вечеръ, и плователи безпрестанно отъ береговъ удалялись. Солнце сѣло — и вдругъ, какъ будто бы изъ глубины ада, заревѣла буря; озеро страшно взволновалось, и кормчій содрогнулся. Онъ хотѣлъ плыть къ берегу, но берегъ во мракѣ скрывался отъ глазъ его. Весла валялись изъ рукъ обезсплѣвшихъ гребцовъ, и валъ за валомъ грозилъ поглотить лодку. Вообразите себѣ состояніе супруговъ! Сперва ста-

рались они ободрять гребцовъ и кормчаго, и сами помогали имъ; но видя, что всѣ усилія ихъ остаются тщетными, и что гибель неизбежна, поручили судьбу свою Богу, обтерли послѣднюю слезу о жизни, обнялись и дожидались смерти. Скоро громада волнъ обрушилась на лодку — и всѣ потонули, всѣ, кромѣ одного гребца, который доплылъ до берега, и принесть вѣсть о гибели несчастныхъ. Такимъ образомъ пресѣкся древній родъ Бубенберговъ, и замокъ ихъ достался въ наслѣдство Дому Эрлаховъ, который по сіе время считается знатнѣйшимъ въ Бернскомъ Кантонѣ. — Съ печальными мыслями разсматривалъ я сей замокъ; вѣтеръ вѣялъ отъ опустѣвшихъ стѣнъ его.

Унтерзеенъ въ 10 часовъ. Приставъ къ берегу версты за двѣ отсюда, шелъ я до Унтерзеена пріятною долиною, между луговъ и огородовъ. Снѣжныя горы кажутся здѣсь гораздо выше и ближе одна къ другой; я не видалъ уже полей съ хлѣбомъ, ни садовъ виноградныхъ; крестьянскія избы построены отмѣннымъ образомъ, и самые люди имѣютъ въ лицахъ своихъ что-то особенное. — Я нанялъ теперь проводника, которому извѣстенъ путь по Альпійскимъ горамъ — и черезъ часъ пойду въ деревню Лаутербрунненъ, до которой считается отсюда около десяти верстъ.

Лаутербрунненъ. Дорога отъ Унтерзеена до Лаутербруннена идетъ долиною между горъ подлѣ рѣчки Литшипы, которая течетъ съ ужасною быстротою, съ пѣною и съ шумомъ, падая съ камня на камень. Я прошелъ мимо развалинъ замка Уншпуннена, за которымъ долина становится часъ отъ часу уже, и наконецъ раздѣляется на двое: на лѣво идетъ дорога въ Гриндельвальдъ, а на право въ Лаутербрунненъ. Скоро открылась мнѣ сія послѣдняя деревенька, состоящая изъ разсѣянныхъ по долинѣ и по горѣ маленькихъ домиковъ.

Версты за двѣ не доходя до Лаутербруннена, увидѣлъ я такъ называемый *Штауббахъ*, или ручей, свергающійся съ вершины каменной горы, въ 900 футовъ вышиною. Въ семъ отдаленіи кажется онъ неподвижнымъ столбомъ млечной пѣны. Скорыми шагами приблизился я къ этому феномену, и разсматривалъ его со всѣхъ сторонъ. Вода прямо летитъ внизъ, почти не дотрогиваясь до утеса горы, и разбиваясь, такъ сказать, въ воздушномъ пространствѣ падаетъ на землю въ видѣ пыли, или тончайшаго серебрянаго дождя. Шаговъ на сто вокругъ разносятся влажные брызги, которые въ нѣсколько минутъ промочили насквозь мое платье. Потомъ ходилъ я къ другому водопаду; называемому *Триммербахъ*, до котораго будетъ отсюда около двухъ верстъ. Вода, прокопавъ огромную скалу изъ внутренности ея, съ шумомъ падаетъ и стремится въ долину, гдѣ мало по малу утишая свою ярость, образуетъ чистую рѣчку. Видъ разсѣвшейся горы и шумное паденіе *Триммербаха*

составляютъ *дикую* красоту, плѣняющую любите-
лей Натуры. Около часа пробылъ я на семъ мѣстѣ,
сидя на возвышенномъ камнѣ — и наконецъ, въ
великой усталости, возвратился въ Лаутербрун-
ненъ, гдѣ теперь отдыхаю въ трактирѣ.

Въ восемь часовъ вечера. Свѣтлый мѣсяцъ воз-
шелъ надъ долиною. Я сижу на мягкой муравѣ, и
смотрю, какъ свѣтъ его разливается по горамъ,
осребряетъ гранитныя скалы, возвышаетъ густую
зелень соснъ, и блистаетъ на вершинѣ *Юнгферы*,
одной изъ высочайшихъ Альпійскихъ горъ, вѣч-
нымъ льдомъ покрытой. Два снѣжные холма, дѣ-
вическимъ грудямъ подобные, составляютъ ея
короу. Ничто смертное къ нимъ не прикасалось;
самыя бури не могутъ до нихъ возноситься; одни
солнечные и лунные лучи лобызаютъ ихъ нѣж-
ную округлость; вѣчное безмолвіе царствуетъ во-
кругъ ихъ — здѣсь конецъ земнаго творенія! —
Я смотрю, и не вижу выхода изъ сей узкой до-
лины.

Пастушья хижина на Альпійскихъ горахъ,
въ 9 часовъ утра.

Въ четыре часа разбудилъ меня проводникъ
мой. Я вооружился Геркулесовскою палицею —

пошелъ — съ благоговѣніемъ ступилъ первый шагъ на Альпійскую гору, и съ бодростію началъ взбираться на крутизны. Утро было холодно; но скоро почувствовалъ я жаръ, и скинулъ съ себя теплый сертукъ. Черезъ четверть часа усталость подкосила ноги мои — и потомъ каждую минуту надлежало мнѣ отдыхать. Кровь моя волновалась такъ сильно, что мнѣ можно было слышать біеніе своего пульса. Я прошелъ мимо громады большихъ камней, которые за десять лѣтъ передъ симъ свалились съ вершины горы, и могли бы превратить въ пыль цѣлый городъ. Почти безпрестанно слышалъ я глухой шумъ, происходящій отъ катящагося съ горъ снѣга. Горе тому несчастному страннику, который встрѣтится симъ падающимъ снѣжнымъ кучамъ! Смерть его неизбежна. — Болѣе четырехъ часовъ шелъ я все въ гору, по узкой каменной дорожкѣ, которая иногда совсѣмъ пропадала; наконецъ достигъ до цѣли своихъ пламенныхъ желаній, и ступилъ на вершину горы, гдѣ вдругъ произошла во мнѣ удивительная переменѣна. Чувство усталости исчезло; силы мои возобновились; дыханіе мое стало легко и свободно; необыкновенное спокойствіе и радость разлились въ моемъ сердцѣ. Я преклонилъ колѣна, устремилъ взоръ свой на небо, и принесъ жертву сердечнаго моленія — Тому, Кто въ сихъ гранитахъ и снѣгахъ напечатлѣлъ столь явственно Свое всемогущество, Свое величіе, Свою вѣчность!... Друзья мои! я стоялъ на высочайшей ступени, на которую смертные восходить могутъ

для поклоненія Всевышнему!... Языкъ мой не могъ произнести ни одного слова; но я никогда такъ усердно не молился, какъ въ сію минуту.

Такимъ образомъ на самомъ себѣ испыталъ я справедливость того, что Руссо говоритъ о дѣйствіи горнаго воздуха. Всѣ земныя попеченія, всѣ заботы, всѣ мысли и чувства, унижающія благородное существо человѣка, остаются въ долинѣ — и съ сожалѣніемъ смотрѣлъ я внизъ на жителей Лаутербруннена, не завидуя имъ въ томъ, что они въ самую сію минуту увеселялись зрѣлищемъ серебрянаго *Штауббаха*, освѣщаемаго солнечными лучами. Здѣсь смертный чувствуетъ свое высокое опредѣленіе, забываетъ земное отечество и дѣлается гражданиномъ вселенной; здѣсь, смотря на хребты каменныхъ твердынь, ледяными цѣпями скованныхъ и осыпанныхъ снѣгомъ, на которомъ столѣтія оставляютъ едва примѣтные слѣды *, забываетъ онъ время, и мыслию своею въ вѣчность углубляется; здѣсь въ благоговѣйномъ ужасѣ трепещетъ сердце его, когда онъ помышляетъ о той всемогущей Рукѣ, которая вознесла къ небесамъ сіи громады, и повергнетъ ихъ нѣкогда въ бездну морскую.

* Всякое лѣто таетъ на горахъ снѣгъ, и всякую зиму прибавляются на нихъ новые снѣжные слои. Если бы можно было перечестъ сіи послѣдніе, то мы узнали бы тогда древность міра, или по крайней мѣрѣ древность сихъ горъ.

Съ бодростію и съ удовольствіемъ продолжалъ я путь свой по горѣ, называемой Венгенальпомъ, мимо вершинъ Юнгферы и Эйгера, которыя возвышаются на хребтѣ ея какъ на фундаментѣ. Тутъ нашелъ я нѣсколько хижинъ, въ которыхъ пастухи живутъ только лѣтомъ. Сіи простодушные люди зазвали меня къ себѣ въ гости, и принесли мнѣ сливокъ, творогу и сыру. Хлѣба у нихъ нѣтъ; но проводникъ мой взялъ его съ собою. Такимъ образомъ я обѣдалъ у нихъ, сидя на бревнѣ — потому что въ ихъ хижинахъ нѣтъ ни столовъ, ни стульевъ. Двѣ молодые веселыя пастушки, смотря на меня, безпрестанно смѣялись. Я говорилъ имъ, что простая и безпечная жизнь ихъ мнѣ весьма правится, и что я хочу остаться у нихъ, и вмѣстѣ съ ними доить коровъ. Онѣ отвѣчали мнѣ однимъ смѣхомъ. — Теперь лежу на хижинѣ, на которую стоило мнѣ только шагнуть, и пишу карандашомъ въ своей дорожной книжкѣ. Какъ въ сію минуту низки передо мною всѣ Великаны земнаго шара! — Черезъ полчаса пойду далѣе.

Гринденвальдъ, 7 часовъ вечера.

Шедши отъ хижинъ около часа по отлогому скату — мимо стадъ, пасущихся на цвѣтной благовонной зелени — начали мы спускаться съ го-

ры. Гриндельвальдъ былъ уже видѣнъ. Долина, гдѣ лежитъ эта деревенька, состоящая изъ двухъ или трехъ сотъ разсѣянныхъ домиковъ, представляется глазамъ въ самомъ пріятномъ видѣ. Въ то же самое время увидѣлъ я и верхній *глетшеръ*, или *ледникъ*; а нижній открылся гораздо уже послѣ, будучи заслоняемъ горою, съ которой мы спускались. Сіи ледники суть магнитъ, влекущій путешественниковъ въ Гриндельвальдъ. Я пошелъ къ нижнему, который былъ ко мнѣ ближе. Вообразите себѣ между двухъ горъ огромныя кучи льду, или множество высокихъ ледяныхъ пирамидъ, въ которыхъ хотя и не видалъ я ничего подобнаго хрустальнымъ волшебнымъ замкамъ, примѣченнымъ тутъ однимъ Французскимъ Писателемъ, но которыя въ самомъ дѣлѣ представляютъ для глазъ нѣчто величественное. Не знаю, кто первый уподобилъ сіи ледники бурному морю, котораго валы отъ внезапнаго мороза въ одинъ мигъ превратились въ ледъ; но могу сказать, что это сравненіе прекрасно и справедливо, и что сей путешественникъ или Писатель имѣлъ піитическое воображеніе. — Посмотрѣвъ на ледникъ съ того мѣста, гдѣ съ страшнымъ ревомъ вытекаетъ изъ-подъ свода его мутная рѣка Литшина, ворочая въ волнахъ своихъ превеликіе камни, рѣшился я взойти выше. Къ нещастію, проводникъ мой не зналъ удобнѣйшаго ко всходу мѣста; но какъ мнѣ не хотѣлось оставить своего намѣренія, то я прямо пошелъ вверхъ подлѣ льду, по кучамъ маленькихъ камешковъ, которые разсыпались подъ моими но-

гами, такъ что я безпрестанно спотыкался и ползъ, хватаясь руками за большіе камни. Проводникъ мой кричалъ, что онъ предастъ меня судьбѣ моей; но я, смотря на него съ презрѣніемъ и не отвѣчая ему ни слова, взбирался выше и выше, и храбро преодолевалъ всѣ трудности. Наконецъ открылась мнѣ почти вся ледяная долина, усѣянная въ разныхъ мѣстахъ весьма высокими пирамидами; но далѣе къ Валлискимъ горамъ пирамиды уменьшаются и почти всѣ исчезаютъ. Тутъ отдыхалъ я около часа, и лежалъ на камнѣ, висѣщемъ надъ пропастью; спустился опять внизъ, и пришелъ въ Гриндельвальдъ, естли не совсѣмъ безъ ногъ, то по крайней мѣрѣ безъ башмаковъ. Хорошо, что я взялъ изъ Берна въ запасъ новую пару!

У прекрасной дѣвушки купилъ я корзинку черной вишни, хотя мелкой, однакожь отмѣнно сладкой и вкусной, которая прохледила внутренній жаръ мой. Теперь, сидя въ трактирѣ за большимъ столомъ, дожидаясь ужина.

Гора Шейдекъ, 10 часовъ утра.

Въ пять часовъ утра пошелъ я изъ Гриндельвальда, мимо верхняго ледника, который показался мнѣ еще лучше нижняго, потому что цвѣтъ пирамидъ его гораздо чище и голубѣе. Болѣе четырехъ часовъ взбирался я на гору Шейдекъ, и

съ такою же трудностію, какъ вчера на Венгенальпъ. Горныя ласточки порхали надо мною, и пѣли печальныя свои пѣсни; а вдали слышно было блеяніе стадъ. Цвѣты и травы курились ароматами вокругъ меня, и освѣжали увядающія силы мои. Я прошелъ мимо пирамидальной вершины Шрекгорна, высочайшей Альпійской горы, которая, по измѣренію Г. Пфиффера, вышиною будетъ въ 2400 сажень; а теперь возвышается передо мною грозный Веттергорнъ, который часто привлекаетъ къ себѣ громоносныя облака, и препоясывается ихъ молніями. За два часа передъ симъ скатились съ вѣнца его двѣ лавины, или кучи снѣгу, размягченнаго солнцемъ. Сперва услышалъ я великой трескъ, (который заставилъ меня вздрогнуть) — а потомъ увидѣлъ двѣ снѣжныя массы, валящіяся съ одного уступа горы на другой, и наконецъ упавшія на землю съ глухимъ шумомъ, подобнымъ отдаленному грому, — причемъ на нѣсколько сажень вверхъ поднялась снѣжная пыль.

На горѣ Шейдекъ нашелъ я пастуховъ, которые также подчивали меня творогомъ, сыромъ и густыми, ароматическими сливками. Послѣ такого легкаго и здороваго обѣда, сижу теперь на бугрѣ горы, и смотрю на скопище вѣчныхъ снѣговъ. Здѣсь вижу источникъ рѣкъ, орошающихъ наши долины; здѣсь западная хранина Натуры, хранина, изъ которой она во время засухи черпаетъ воду для освѣженія жаждущей земли. И если бы сіи снѣга могли вдругъ растопиться, то второй

потопъ поглотилъ бы все живущее въ нашемъ мірѣ.

Не лѣзя взирать безъ нѣкотораго ужаса на сіи концы земнаго творенія, гдѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ жизни—нѣтъ ни деревъ, ни травъ—гдѣ меланхолическая пустота искони царствуетъ. Иногда, надъ дикими, мертвыми утесами является здѣсь величайшая изъ птицъ, Альпійской орелъ, которому бѣдныя дикія козы служатъ пищею. Тщетно сіи послѣднія стараются спастись отъ него легкостію ногъ своихъ, прыгая съ одной высоты на другую! Лютый врагъ гонится повсюду за своею добычею и наконецъ пригоняетъ ее на край бездны, гдѣ несчастная уже не находитъ для себя никакого пути. Тутъ сильнымъ ударомъ крыла сшибаетъ онъ ее въ пропасть, и бѣдная коза, не смотря на все свое искусство въ прыганіи, неизбѣжно погибаетъ. Орелъ извлекаетъ ее оттуда въ острыхъ когтяхъ своихъ.

Но не одна птица сія умерщвляетъ безоружныхъ козъ: Альпійскіе охотники еще для нихъ страшнѣе. Презирая всѣ опасности, съ удивительнымъ проворствомъ взбираются они на крутизны; однакожь многіе погибаютъ, падая въ пропасти, или утопая въ морѣ снѣговъ. Страшные анекдоты объ нихъ рассказываютъ. На примѣръ одинъ Гриндельвальдской охотникъ, гонясь на Шрек-горѣ за козою, перебирался съ камня на камень, и вдругъ на ужасной высотѣ поскользнулся. Уже бездна разверзла подъ нимъ зѣвъ свой—уже острые граниты готовы были растерзать несчастна-

го — но онъ зацѣпился ногою за камень и повисъ надъ пропастію. Представьте себѣ весь ужасъ его положенія! Никто изъ товарищей не могъ помочь ему; никто не отважился лѣзть на вершину утеса. Долго висѣлъ онъ между небомъ и землею, между жизни и смерти; наконецъ удалось ему схватиться руками за камень, стать на ноги и спуститься внизъ.

==

Долина Гасли.

Пробывъ у пастуховъ два часа, пошелъ я далѣе, безпрестанно спускаясь съ горы. Первый примѣчанія достойный предметъ, который встрѣтился глазамъ моимъ на семъ пути, былъ такъ называемый *Розенлавинглетшеръ*, самый прекраснѣйшій изъ Швейцарскихъ ледниковъ, состоящій изъ чистыхъ сафирныхъ пирамидъ, гордо возвышающихъ острыя свои вершины. — Мракъ древнихъ высокихъ елей укрывалъ меня отъ жара солнечнаго; нигдѣ не видалъ я слѣдовъ человѣческихъ, дичь и пустота представлялись вездѣ глазамъ моимъ. Съ сѣдыхъ, мшистыхъ скалъ упадали кипящія ручьи, и шумъ паденія ихъ раздавался по лѣсу. Но далѣе, спускаясь въ долину, находилъ я прекрасные благовонные луга, какихъ лучше вообразить не лзя—и, къ удивленію моему, не видалъ на нихъ пасущагося скота. Не можете вообразить, какъ пріятенъ видъ зелени послѣ голыхъ камней и снѣжныхъ громадъ, утомившихъ мое

зрѣніе! На всякомъ лужкѣ отдыхалъ я по нѣсколь-
ку минутъ, и естли не руками, то по крайней мѣ-
рѣ глазами своими ласкалъ каждую травку во-
кругъ себя. — Я пришелъ въ маленькую горную
деревеньку, которой жители ведутъ пастушью
жизнь во всей простотѣ ея, не зная ничего, кромѣ
скотоводства, и питаюсь однимъ молокомъ. Они
дѣлаютъ большіе сыры, и черезъ Валисцовъ от-
правляютъ ихъ въ Италію. Сырные анбары по-
строены изъ тонкихъ бревенъ на высокихъ стол-
бахъ или подпорахъ, для того, чтобы воздухъ могъ
отвсюду проходить въ нихъ.

Жажда меня томила. Я остановился подлѣ од-
ной хижины, на берегу чистаго ручья, и видя мо-
лодаго пастуха, у дверей сидящаго, попросилъ у
него стакана. Онъ не скоро появлялся; но по-
нявъ, тотчасъ бросился въ свой домикъ и вынесъ
чашку. *Она чиста*, сказалъ онъ худымъ Нѣмец-
кимъ языкомъ, показывая мнѣ дно ея; побѣждалъ
къ ручью, зачерпнулъ воды, и опять вылилъ ее
назадъ — посмотрѣлъ на меня и улыбнулся — за-
черпнулъ въ другой разъ, и опять вылилъ — взгля-
нулъ на меня и засмѣялся — почерпнулъ въ тре-
тій разъ, и припесъ мнѣ, говоря: *ней, добрый че-
ловѣкъ, ней нашу воду!* Я взялъ чашку, — и ест-
ли бы не побоялся пролить воды, то конечно бы
обнялъ добродушнаго пастуха, съ такимъ чув-
ствомъ, съ какимъ обнимаетъ братъ брата: столь
любезенъ казался онъ мнѣ въ эту минуту! — Для
чего не родились мы въ тѣ времена, когда всѣ

люди были пастухами и братьями! * Я съ радостію отказался бы отъ многихъ удобностей жизни (которыми обязаны мы просвѣщенію дней нашихъ), чтобы возвратиться въ первобытное состояніе человѣка. Всѣми истинными удовольствіями — тѣми, въ которыхъ участвуетъ сердце, и которыя насъ подлинно счастливыми дѣлаютъ — наслаждались люди и тогда, и еще болѣе, нежели нынѣ — болѣе наслаждались они любовію (ибо тогда ничто не запрещало имъ говорить другъ другу: *люблю тебя*, и дарамъ Природы не предпочитались дары слѣпаго случая, не придающіе человѣку никакой существенной цѣны), — болѣе наслаждались дружбою, болѣе красотами Природы. Теперь жилище и одежда наша покойнѣе: но покойнѣе ли сердца? Ахъ, нѣтъ! тысячи заботъ, тысячи безпокойствъ, которыхъ не зналъ человѣкъ въ прежнемъ своемъ состояніи, терзаютъ нынѣ внутренность нашу, и всякая пріятность въ жизни ведетъ за собою тьму непріятностей. — Съ сими мыслями пошелъ я отъ пастуха; нѣсколько разъ оборачивался назадъ, и примѣтилъ, что онъ провожаетъ меня взорами своими, въ которыхъ написано было желаніе: *поди, и будь счастливъ!* Богъ видѣлъ, что и я отъ всего сердца желалъ ему счастья; — но онъ уже нашелъ его!

Сильный шумъ перервалъ нить моихъ размышленій. Что это значитъ? спросилъ я у проводни-

* Когда же?

ка моего, остановясь и слушая. «Мы приближаемся къ *Рейхенбаху*, отвѣчалъ онъ, славнѣйшему Альпійскому водопаду.» — Хотя путешествующій по Швейцарскимъ горамъ безпрестанно видитъ каскады, безпрестанно орошается ихъ брызгами, и наконецъ смотритъ на нихъ равнодушно; однакожь мнѣ очень хотѣлось видѣть первый изъ Альпійскихъ водопадовъ. Отдаленный шумъ обѣщалъ мнѣ нѣчто величественное: воображеніе мое стремилось къ причинѣ его; но тутъ вдругъ открылось мнѣ другое великолѣпіе, которое заставило меня на время забыть *Рейхенбахъ*. Ахъ! для чего я не живописецъ! для чего не могъ въ ту же минуту изобразить на бумагѣ плодоносную, зеленую долину Гасли, которая въ видѣ прекраснѣйшаго цвѣтущаго сада представилась глазамъ моимъ, между дикихъ каменныхъ, небеса подпирающихъ горъ! Плодовитые лѣсочки, и между ими маленькіе деревянныя домики, составляющіе мѣстечко Мейрингенъ — рѣка Ара, стремящаяся вдоль по долинѣ — множество ручьевъ, ниспадающихъ съ крутыхъ утесовъ, и съ серебряною пѣною текущихъ по бархатной муравѣ: все сіе вмѣстѣ образовало нѣчто романическое, плѣнительное — нѣчто такое, чего я отъ роду не видывалъ. Ахъ, друзья мои! не должно ли мнѣ благодарить Судьбу за все великое и прекрасное, видѣнное глазами моими въ Швейцаріи? Я благодарю ее — отъ своего сердца! Наконецъ проводникъ напомнилъ мнѣ *Рейхенбахъ*, и чтобы посмотрѣть на него вблизи, я долженъ былъ, не взирая на свою усталость, взойти

опять на высокой пригорокъ и спуститься съ него, но только уже не по камнямъ, а по зеленой травѣ, увлажненной водяною пылью, летящею отъ каскада. Еще шаговъ за пятьдесятъ отъ паденія облака сей пыли меня почти совсѣмъ ослѣпили. Однакожь я подошелъ къ самому кипящему водоему, или той яростию воды ископанной ямѣ, въ которую *Рейхенбахъ* падаетъ съ высоты своей, съ ужаснымъ шумомъ, ревомъ, громомъ, срывая превеликіе камни и цѣлыя деревья, имъ на пути встрѣчаемыя. Трудно представить себѣ ту ужасную быстроту, съ которою волна за волною несется въ неизмѣримую глубину сего водоема, и опять вверхъ подыметъ, будучи отвержена его вѣчнокипящею пучиною, и распространяя вокругъ себя бѣлыя облака влажнаго дыму! Тщетно воображеніе мое ищетъ сравненія, подобія, образа!... Рейнъ и Рейхенбахъ, великолѣпныя явленія, величественныя чудеса Природы! въ молчаніи удивляться будетъ вамъ всякой, имѣющій чувство; по кто можетъ изобразить или кистію или словами? — Я почти совсѣмъ чувствъ лишился, будучи оглушенъ *гремящимъ громомъ* паденія, и упалъ на землю. Моря водяныхъ частицъ лились на меня, и притомъ съ такими порывами вихря (производимого въ воздухъ силою падающей воды), что, боясь смертельной простуды, я долженъ былъ черезъ нѣсколько минутъ удалиться отъ сего мѣста. Всякой, взглянувъ на меня, подумалъ бы, что я вышелъ изъ рѣки; ни одной сухой нитки на мнѣ

не осталось, и вода текла съ меня ручьями, подобно какъ съ какой нибудь Альпійской горы.

До Мейрингепа оставалось мнѣ не болѣе трехъ верстъ, и дорога была уже не такъ трудна, какъ на сходѣ съ вершины Шейдека; но сіи три версты довели усталость мою до высочайшей степени, потому что жаръ въ долинахъ бываетъ несносенъ. Лучи солнечные отпрыгиваютъ отъ голыхъ скалъ, и согрѣвая воздухъ, производятъ духоту, весьма рѣдко вѣтеркомъ прохлаждаемую. Женщины, встрѣчавшіяся мнѣ, смотрѣли на меня съ сожалѣніемъ, и говорили: *какъ жарко, молодой путешественникъ!*

Мѣстечко или деревня Мейрингенъ состоитъ изъ маленькихъ деревянныхъ домиковъ, разбѣянныхъ по долинѣ въ великомъ разстояніи одинъ отъ другаго: въ Альпійскихъ селеніяхъ совсѣмъ нѣтъ каменнаго строенія.

Обитатели долины Гасли живутъ въ безпрестанномъ шумѣ, пронсходящемъ какъ отъ Рейхенбаха, такъ и отъ другихъ каскадовъ. Иногда сіи ручьи, будучи наполнены снѣжною водою, низвергаются въ долину съ такою яростію, что заливаютъ дома поселянъ, сады и луга ихъ. За нѣсколько лѣтъ передъ симъ причинили они страшное опустошеніе, и всю прекрасную долину покрыли пескомъ и камнями; но жители не могли оставить милой своей родины, гдѣ предки ихъ и они сами пользовались безчисленными благодѣніями Природы — скоро земля была очищена и снова покрылась цвѣтами и зеленью.

Сколь прекрасна здѣсь Натура, столь прекрасны и люди, а особливо женщины, изъ которыхъ рѣдкая не красавица. Всѣ онѣ свѣжи, какъ горныя розы — и почти всякая могла бы представлять нѣжную Флору. Удивитесь ли вы, если я пробуду здѣсь нѣсколько дней? Можетъ быть, въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ другаго Мейрингена. Но жаль, что здѣшнія красавицы немного безобразятъ себя одеждою; на прим. подвязываютъ юбку подъ самыми плечами, и кажется, будто онѣ въ мѣшкахъ защиты. Здѣсь нашелъ я очень хорошій трактиръ.

Въ II часовъ ночи. Вечеръ проведенъ мною пріятно. Я гулялъ по долинѣ, въ рощицахъ, по лугамъ, и возвращаясь въ деревню, нашелъ подлѣ одного домика множество молодыхъ мужчинъ и дѣвушекъ, которыя между собою играли, прыгали и рѣзвились. Тутъ праздновали сговоръ. Миѣ не трудно было узнать жениха съ невѣстою: самая прекраснѣйшая чета, какую только вы себѣ вообразить можете! Румянецъ безпрестанно игралъ на ихъ щекахъ; они хотѣли рѣзвиться вмѣстѣ съ другими, но нѣжная томность, видимая во всѣхъ — ихъ движеніяхъ, отличала ихъ отъ прочихъ пастуховъ и пастушекъ. Я подошелъ къ жениху, взялъ его за руку, и сказалъ ему: «ты щастливъ, мой другъ!» Невѣста взглянула на меня, и съ выразительною благодарностію за мое привѣтствіе. Какъ нѣжно чувство въ Альпійскихъ пастушкахъ! какъ хорошо понимаютъ онѣ языкъ сердца! Пастухъ съ улыбкою посмотрѣлъ на свою любезную — взоры ихъ встрѣтились. Тутъ странная

мысль пришла въ мою голову: мнѣ захотѣлось оставить будущимъ супругамъ какой нибудь памятникъ, который бы, въ теченіе благополучныхъ дней любви ихъ, могъ напоминать имъ, что одинъ путешественникъ, изъ отдаленнѣйшей страны Сѣвера, былъ при ихъ сговорѣ и бралъ участіе въ радости невинныхъ сердецъ. Подумавъ, я вынулъ изъ кармана медаль, не золотую, а мѣдную; но у меня не было ничего болѣе — медаль, на которой изображена голова Греческаго юноши, и которую подарилъ мнѣ пріятель мой Б*. «Возьми ее — сказалъ я невѣстѣ — въ знакъ моего доброжелательства.» Она съ удивленіемъ взглянула на медаль, на меня и на жениха своего, и не знала, что дѣлать. «Родясь въ такой землѣ, продолжалъ я, гдѣ обыкновенно дарятъ невѣстѣ, прошу тебя принять отъ меня эту бездѣлку, которую предлагаю тебѣ отъ добраго сердца.» — *А въ какой землѣ родились вы?* спросилъ старикъ, сидѣвшій на бревнѣ. — «Въ Россіи.» — *Въ Россіи!...* Да, я слыхалъ объ этой землѣ отъ стариковъ нашихъ. Да гдѣ-бишь она? — «Далеко, мой другъ — тамъ, за горами, прямо къ Сѣверу.» — *Точно я это помню.* — Между тѣмъ женихъ съ невѣстою перешептывались; послѣдняя взяла медаль, сказала *спасибо!* и отдала первому, который повертѣлъ ее въ рукахъ и опять возвратилъ ей. Я радовался щастливою четою, и въ мысляхъ своихъ читалъ Галлеровы стихи (изъ его Поэмы: *Die Alpen*, т. е. Альпійскія горы):

Die Liebe brennt hier frey, und scheut kein Donner-Wetter.
 Man liebet für sich selbst, und nicht für seine Väter.
 So bald ein junger Hirt die sanfte Glut empfunden.
 Die leicht ein schmachtend Aug in muntern Geistern schürt,
 So wird des Schäfers Mund von keiner Furcht gebunden;
 Ein ungeheuchelt Wort bekennet, was ihn rührt;
 Sie hört ihn, und, verdient sein Brand ihr Herz zum Lohn,
 So sagt sie, was sie fühlt, und, thut, wornach sie strebt,
 Denn zarte Regung dient den Schönen nicht zum Hohne,
 Die aus der Anmuth fließt, und durch die Tugend lebt.

— — — — —
 — — — — —

Die Sehnsucht wird hier nicht mit eitler Pracht belästigt;
 Er liebet sie, sie ihn, dies macht den Heyraths-Schluss,
 Die Eh wird oft durch nichts, als beyder Treu befestigt,
 Für Schwüre deint ein Ja, das Siegel ist ein Kuss.
 Die holde Nachtigall grüsst sie von nahen Zweigen;
 Die Wollust deckt ihr Bett aut sanft geschwollnes Mooss,
 Zum Vorhang dient ein Baum, die Einsamkeit zum Zeugen;
 Die Liebe führt die Braut in ihres Hirten Schooss.
 O dreymahl seligs Paar! Euch muss ein Fürst beneiden *.

* «Здѣсь любовь пылаетъ свободно, никакой грозы не
 страшася; здѣсь любить для себя, а не для отцовъ
 своихъ. Когда молодой пастухъ почувствуетъ вѣжную
 страсть, которую прекрасные глаза легко воспаляютъ въ
 веселомъ сердцѣ, то уста его не таятъ ее. Пастушка
 внимаетъ ему, сказываетъ свои чувства, и слѣдуетъ дви-
 женію своей склонности, если онъ достоинъ ея сердца;
 ибо сіе движеніе, раждаемое пріятностію и питаемое
 добродѣтелію, не постыдно для красавицы. Суетная
 пышность не тяготитъ страстныхъ желаній; онъ лю-
 бить ее, она его любить — симъ заключается бракъ,

Между тѣмъ солнце сѣло, пастухи и пастушки начали расходиться по домамъ. Я простился съ женихомъ, съ невѣстою — и если бы Альпійскія красавицы были не такъ стыдливы, то, можетъ быть, пришло бы мнѣ на мысль потребовать отъ нее.... невиннаго поцѣлуя!

ДЕРЕВНЯ ТРАХТЪ, НА БЕРЕГУ БРИНЦСКАГО ОЗЕРА,
ВЪ 8 ЧАСОВЪ ВЕЧЕРА.

Вотъ конецъ моего пѣшеходства! Ноги у меня очень болятъ, и лице мое отъ солнечнаго жара покраснѣло и почернѣло; впрочемъ я въ духѣ своемъ бодръ и веселъ.

Дорога отъ Мейрингена до Трахта идетъ долиною, и хотя очень пріятна, однакожь не могу сказать объ ней ничего примѣчанія достойнаго. Здѣсь нашелъ я шумной праздникъ. Всѣ поселяне собрались на лугу, пьютъ и поютъ пѣсни. Нѣкоторые молодые люди борются; и когда одинъ другаго

который часто одною взаимною вѣрностію утверждается; согласіе служить вмѣсто клятвъ, поцѣлуй вмѣсто печати. Любезный соловей поздравляетъ ихъ съ ближнихъ вѣтвей; мягкая трава есть брачное ложе ихъ, дерево занавѣсъ, уединеніе свидѣтель, и любовь приводитъ невѣсту въ объятія молодаго пастуха. Блаженная чета! Цари должны завидовать вамъ.»

повалить, зрители кричатъ: *браво!* Между тѣмъ в сижу подъ окномъ, посматриваю на веселящихся и на небо, которое начинаетъ покрываться облаками. Хорошо, что я теперь не на горахъ! — Между тѣмъ трактирщица готовитъ мнѣ для ужина блюдо рыбы, только что теперь въ озерѣ пойманной. Завтра поплыву на лодкѣ въ Унтерзеенъ, а оттуда назадъ въ Тунъ.

Гдѣ вы, мои любезные? Какъ проводите время? Вѣрно не такъ, какъ странствующій другъ вашъ, который на горахъ и въ долинахъ объ васъ думаетъ? — Будьте здоровы и благополучны.

УНТЕРЗЕЕНЪ.

Сей часъ пришелъ я въ здѣшній трактиръ. Почтовая лодка, въ которой плылъ я изъ Трахта, пристала къ берегу въ двухъ верстахъ отсюда. Сильный дождь промочилъ меня насквозь; однакожь, плывя по озеру, я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на горы, которыя, будучи покрыты облаками, дымилась какъ Этны или Везувіи. Теперь, въ ожиданіи обѣда, сушусь и приготавлиюсь опять къ путешествію. Дождь все еще не пересталъ.

Тунъ, въ 8 часовъ вечера.

Я благополучно доплылъ до Туна, не смотря на сильное волненіе озера. Валы играли нашею лодкою какъ шарикомъ. Три женщины, бывшія со мною, безпрестанно кричали; одна изъ нихъ упала въ обморокъ, и мы съ трудомъ могли привести ее въ память. Что принадлежитъ до меня, то я ни мало не боялся, а еще веселился волнами, которыя разбивались о каменные берега. Наконецъ дождь пересталъ, и благодѣтельное солнце высушило мое платье. Приѣхавъ сюда, чувствовалъ я ознобъ; но выпивъ чашекъ пять хорошаго чаю, сталъ опять совершенно здоровъ. — Завтра въ четыре часа отправлюсь въ Бернъ, гдѣ остались мои пожитки.

Бернъ, 10 Сентября 1789.

Возвратясь съ Альпійскихъ горъ, прожилъ я въ Бернѣ семь дней и притомъ не скучно: то посѣщалъ своихъ знакомцевъ, которые обходились со мною очень дружелюбно: то прогуливался за городомъ — читалъ — писалъ. Третьяго дня водилъ меня Пасторъ Штапферъ къ Господину Шпреп-гли, имѣющему полное собраніе Швейцарскихъ птицъ, множество древнихъ медалей и другихъ рѣдкостей. Самъ онъ, по жизни своей, достоинъ

примѣчанія не менѣе своего кабинета. Домикъ у него прекрасный, за городомъ, на высокомъ мѣстѣ, откуда видны окрестныя селенія и сѣѣжныя горы. Ему теперь около семидесяти лѣтъ. Въ домѣ, кромѣ его самого, мы никого не видали; пожилая служанка отправляетъ должность приворотника. Комнаты прибраны со вкусомъ, и все отмѣнно чисто. Сей старикъ богатъ — наслаждается Натурою, изобиліемъ, спокойствіемъ. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ онъ былъ бѣденъ, и разбогатѣлъ отъ наслѣдства, полученнаго имъ печально послѣ одного дальняго свойственника. — Учаясь Орнитологіи въ молодыхъ своихъ лѣтахъ, покупалъ онъ разныхъ птицъ, анатомировалъ ихъ и отдавалъ дѣлать изъ нихъ чучелы: вотъ основаніе того полнаго собранія, которое нынѣ привлекаетъ къ нему въ домъ почти всѣхъ путешественниковъ, и котораго не отдастъ онъ ни за пятьдесятъ тысячъ рублей! — Ему очень знакомъ нашъ Докторъ Оз*.

Вчера ходилъ я пѣшкомъ въ деревню Гиндельбанкъ, находящуюся въ двухъ Французскихъ миляхъ отсюда. Въ тамошней церкви сооруженъ монументъ такъ называемой *прекрасной женѣ*. Думаю, что вы читали или слышали о семъ памятникѣ, котораго исторія достойна примѣчанія. Господинъ Эрлахъ, знатный Бернской гражданинъ и помѣщикъ деревни Гиндельбанкъ, призвалъ Нѣмецкаго художника Наля, и подрядилъ его сдѣлать мраморный монументъ отцу своему. Наль, занимаясь сею работою, жилъ въ домѣ у Проповѣд-

ника той деревни, Г. Ланганса. Когда работа совершилась, пышный Эрлахъ вздумалъ прибѣгнуть къ золоту, чтобы придать памятнику болѣе великолѣпія. Наль говорилъ, что золото все испортитъ; но его не слушали, и гордый художникъ, сжавъ сердце, долженъ былъ повиноваться. Въ сіе время умерла родами жена Лангансова, молодая прекрасная женщина, которую Наль любилъ сердечно за милыя свойства ея. Онъ плакалъ вмѣстѣ съ неутѣшнымъ супругомъ; но вдругъ, подобно молніи, блеснула въ головѣ его мысль: *искусство мое да сохранитъ память ея въ теченіе временъ!* Обнявъ Ланганса, сказалъ онъ: «Слезы наши текутъ, и въ прахъ исчезаютъ; изящныя произведенія художествъ живутъ вѣки — рука моя, повинувась сердцу, изобразитъ на камнѣ твою любезную; жители отдаленныхъ земель захотятъ видѣть сіе изображеніе и въ сравненіе съ нимъ будутъ презирать Эрлахской памятникъ.» — Сказалъ, и сдѣлалъ.

Онъ представилъ мать (прекрасная Греческая фигура!), воскресающую вмѣстѣ съ младенцемъ. Камень гробный распался. Она поднимаетъ голову; одною рукою держитъ сына, а другою хочетъ отвалить камень, и между тѣмъ съ великимъ вниманіемъ слушаетъ небесную музыку, пробуждающую мертвыхъ. Сія мысль прекрасна, и доказываетъ піитической духъ Художника; работа отвѣчаетъ ей. Галлеръ сочинилъ къ памятнику слѣдующую надпись (заставляя говорить воскресающую): «Се трубный гласъ! онъ проникаетъ въ

«могилу. Пробудись, сынъ мой, и сложи съ себя
«тлѣнность! Спѣши во срѣщеніе твоему Искупи-
«телю, отъ Котораго бѣжитъ смерть и время! въ
«вѣчное благо превращается все страданіе.» Над-
пись хороша; но для перваго мгновенія, въ кото-
ромъ представлена воскресающая, слишкомъ пло-
довита. Лучше, если бы она сказала только:
Трубный гласъ!... Пробудись, сынъ мой! се Спа-
ситель! — Нѣкоторые думаютъ, что Художникъ
не искусственно представилъ распавшійся камень,
а въ самомъ дѣлѣ разломилъ его, вырѣзавъ прежде
на немъ надпись; но ревностные защитники ис-
кусства смѣются надъ сею мыслию. Пovyше Гал-
леровой надписи вырѣзанъ стихъ изъ Св. Писа-
нія: *Се азъ и чадо мое, еже далъ ми еси Ты.*
Жаль только, что сей прекрасный монументъ
стоитъ очень дурно! Онъ скрытъ подъ поломъ,
и чтобы видѣть его, то надобно поднять двѣ доски.
Объ Эрлахскомъ пышномъ памятникѣ не скажу
ни слова: Художникъ не хотѣлъ, чтобы объ немъ
говорили. — Нынѣшній Гиндельбанкской Пропо-
вѣдникъ не могъ подружиться съ Налемъ; въ фи-
зіогноміи его не примѣтилъ я ничего пастырска-
го. Какъ онъ учитъ своихъ поселянъ, не знаю. —
Въ Гиндельбанкѣ есть бѣдный трактиръ, въ ко-
торомъ я едва могъ утолить свой голодъ; отобѣ-
давъ тамъ, возвратился къ вечеру въ городъ.

Кажется, я еще не писалъ къ вамъ о здѣшнемъ
славномъ Цейггаузѣ. Тамъ видите вы множество
всякаго оружія и всѣхъ воинскихъ потребностей;
но болѣе вниманія заслуживаютъ латы древнихъ

Бернскихъ Героевъ, славныхъ храбростію, и дѣлами своими. Самыя большія изъ нихъ принадлежали основателю Берна, Герцогу Церингенскому. Надобно, чтобы онъ былъ Гигантъ — и естьли не хотѣлъ взять приступомъ неба, то по крайней мѣрѣ ужасъ былъ его предтечею, когда онъ шелъ противъ непріятелей. Не знаю, любезные друзья мои, какой хладъ разливается по моимъ жиламъ при видѣ памятниковъ рыцарскаго времени, когда люди всего болѣе вѣрили рукѣ своей и — Провидѣнію; когда число побѣдъ бывало числомъ достоинствъ человѣка, и когда въ храбрости вмѣщалось понятіе всѣхъ добродѣтелей. — Пистолеты Карла Смѣлаго, Герцога Бургундскаго, украшенные серебромъ и слоновою костью, показались мнѣ также примѣчанія достойными; я смотрѣлъ на нихъ нѣсколько минутъ и воображалъ руку, ихъ нѣкогда державшую.

Здѣсь нравы не такъ уже строги, какъ въ Цюрихѣ. Женщины и мужчины сходятся вмѣстѣ — обыкновенно послѣ обѣда, часа въ четыре — и первыя говорятъ свободно, шутятъ и бываютъ душею общества. Нѣкоторыя дѣвицы играютъ на клавесинѣ, поютъ, и восхищаютъ слушателей. Знакомцы мои два раза водили меня въ сіи собранія, которыя были довольно многочисленны. Но въ карты здѣсь также не играютъ. Съ иностранцами говорятъ всегда по-Французски, и притомъ гораздо лучше, нежели въ другихъ городахъ Швейцаріи; что же принадлежитъ до здѣшняго

Нѣмецкаго языка, то онъ весьма испорченъ и неприятенъ слуху.

Бернской Аристократизмъ почитается самымъ строжайшимъ въ Швейцаріи. Нѣкоторыя фамиліи присвоили себѣ всю власть въ Республикѣ; изъ нихъ составляется Большой Совѣтъ и Сенатъ (изъ которыхъ первый имѣетъ законодательную, а послѣдній исполнительную власть); изъ нихъ выбираются судьи, такъ называемые Ландфохты или правители въ округахъ, на которые раздѣленъ Бернской Кантонъ; всѣ прочіе жители не имѣютъ участія въ правленіи. Число сихъ аристократическихъ или господствующихъ фамилій безпрестанно уменьшается; онѣ могутъ сообщать свои права другимъ фамиліямъ, но это рѣдко бываетъ.

По вечерамъ обыкновенно выходилъ я на террасу, и гулялъ при свѣтѣ лунномъ подъ вѣтвями каштановыхъ деревъ, будучи углубленъ въ пріятную задумчивость. Ахъ, любезные друзья мои! только на горахъ сердце мое не было сиротою! Тамъ казалось мнѣ, что я къ вамъ ближе.

Завтра поѣду въ Лозану, и простился уже со всѣми своими знакомыми, кромѣ Проповѣдника Штапфера. Сей добрый Швейцаръ полюбилъ меня и мнѣ полюбился. Всякой день проводилъ я въ его кабинетѣ нѣсколько пріятныхъ часовъ. Все семейство его очень мило. Онъ запретилъ мнѣ сказывать, когда я выѣду изъ Берна, и не хочетъ прощаться со мною. Чувствительный человѣкъ!

Здѣсь расстаюсь съ Нѣмецкимъ языкомъ, и не безъ сожалѣнія.

Простите, мои друзья! Пакетъ свой отнесу я на почту. Если бы вы съ такимъ удовольствіемъ читали мои письма, съ какимъ я пишу ихъ!

Лозана.

Отъ Берна до Лозаны ѣхалъ я садомъ, и прекраснѣйшимъ садомъ. Деревя вокругъ дороги гнулись подъ сочными, тяжелыми плодами, и золотая осень являлась вездѣ въ самомъ блистательнѣйшемъ видѣ. День былъ Воскресный; нарядные поселяне веселились въ кругахъ и пили пѣнистое вино, съ восклицаніемъ: *да здравствуетъ Швейцарія!*

Проѣхавъ городокъ Муртенъ, кучеръ мой остановился, и сказалъ мнѣ: *хотите ли видѣть остатки нашихъ непріятелей?* — «Гдѣ? — Здѣсь, на правой сторонѣ дороги. — Я выскочилъ изъ кареты, и увидѣлъ за желѣзною решеткою огромную кучу — костей человѣческихъ.

Карлъ Дерзостный, Герцогъ Бургундскій, одинъ изъ сильнѣйшихъ Европейскихъ Государей своего времени, бичъ человѣчества, ужасъ сосѣдственныхъ народовъ, но воинъ храбрый, вознамѣрился въ 1476 году покорить жителей Гельвеціи, и гордость независимыхъ смирить желѣзнымъ скипетромъ тиранинства. Двинулось его воинство; разноцвѣтныя знамена возвѣялись, и земля засто-

нала подъ тяжестію его огнестрѣльныхъ орудій. Уже полки Бургундскіе во многочисленныхъ рядахъ расположились на берегахъ Муртенскаго озера, и Карлъ, завистливымъ окомъ взирая на тихія долины Гельвеціи, имевовалъ ихъ *своими*. Въ одинъ часъ * разнесся по всей Швейцаріи слухъ о близости враговъ, и миролюбивые пастухи, оставивъ хижины и стада свои, вооружились мгновенно сѣкирами и копьями, соединились, и при гласѣ трубъ, при гласѣ любви къ отечеству, громко раздавшемся въ сердцахъ ихъ, съ высоты холмовъ устремились на многочисленныхъ непріятелей, подобно шумнымъ рѣкамъ, съ горъ падающимъ. Громы Карловы загремѣли; но храбрые, непобѣдимые Швейцары сквозь дымъ и мракъ ворвались въ ряды его воинства, и громы умолкли, и ряды исчезли подъ сокрушительною ихъ рукою. Самъ Герцогъ въ отчаяніи бросился въ озеро, и сильный конь выпесъ его на другой берегъ. Одинъ вѣрный-служитель вмѣстѣ съ нимъ спасся; но Карлъ, обративъ взоръ на поле сраженія, и видя гибель всѣхъ своихъ воиновъ, въ изступленіи бѣшенства застрѣлилъ его изъ пистолета, сказавъ: *тебѣ ли одному оставаться?* — Побѣдители собрали кости мертвыхъ враговъ, и положили ихъ близъ дороги, гдѣ лежатъ онѣ и понынѣ.

Я затрепеталъ, друзья мои, при семъ плачевномъ видѣ нашей тѣниности. Швейцары! не уже

* Посредствомъ сигналовъ.

ли можете вы веселиться такимъ печальнымъ трофеемъ? Бургундцы по челоуѣчеству были вамъ братья. Ахъ! естли бы, омочивъ слезами сін остатки тридцати тысячъ несчастныхъ, вы съ благословеніемъ предали ихъ землѣ, и на мѣстѣ побѣды своей соорудили черныи монументъ, вырѣзавъ на немъ сін слова: *Здѣсь Швейцары сражались за свое отечество, побѣдили, но сожалѣли о побѣжденныхъ* — тогда бы я похвалилъ васъ въ сердцѣ своемъ. Сокройте, сокройте сей памятникъ варварства! Гордясъ именемъ Швейцара, не забывайте благороднѣйшаго своего имени — имени челоуѣка!

Множество надписей читалъ я на стѣнахъ, которыми обведенъ сей открытый гробъ. Вы знаете одну изъ нихъ, сочиненную Галлеромъ:

Steh still, Helvetier! hier liegt das kühne Heer,
Vor welchem Lüttich feil, und Frankreichs Thron erbebe.
Nicht unsrer Ahnen Zahl, nicht künstlichers Gewehr,
Die Eintracht schlug den Feind, die ihren Arm belebe.
Kennt, Brüder, eure Macht: sie liegt in unsrer Treu.
O würde sie noch heut in jedem Leser neu! *.

* «Остановись, сынъ Гельвеціи! здѣсь лежитъ дерзостное воинство, предъ которымъ палъ Литтихъ и трепеталъ престолъ Франціи. Не число нашихъ предковъ, не искуснѣйшее оружіе, но согласіе, оживлявшее руку ихъ, побѣдило врага. Познайте, братья, силу свою: она состоитъ въ нашей вѣрности — ахъ! да обновится и нынѣ вѣрность сія въ сердцахъ вашихъ.»

Сверхъ того написаны тутъ тысячи именъ и примѣчаній. Гдѣ не обнаруживается склонность человѣка къ распространенію бытія своего, или слуха объ немъ? Для сего открываютъ новыя земли; для сего путешественникъ пишеть имя свое на гробѣ Бургундцевъ. Многіе, въ память того, что они посѣщали этотъ гробъ, берутъ изъ него кости: я не хотѣлъ слѣдовать ихъ примѣру.

Далѣе за Муртепомъ представились мнѣ развалины Авентикума, древняго Римскаго города, — развалины, состоящія въ остаткѣ колонадъ, стѣнъ, водяныхъ трубъ, и проч. Гдѣ великолѣпіе его города, который былъ нѣкогда первымъ въ Гельвеціи? гдѣ его жители? Исчезаютъ царства, города и народы — исчезнемъ и мы, любезные друзья мои!... Гдѣ будутъ стоять гробы наши? — Настала ночь, взошла луна и освѣтила могилу тѣхъ, которые нѣкогда ликовали при ея свѣтѣ.

Лозана.

Я пріѣхалъ въ Лозану ночью. Городъ спалъ; и все молчало, кромѣ такъ называемаго ночнаго караульщика, который, ходя по улицамъ, кричалъ: *ударило часъ, граждане!* Мнѣ хотѣлось остано- виться въ трактирѣ *Золотога льва*; но на стукъ мой отвѣчали такъ: *tout est plein, Monsieur! tout est plein!* (все занято, государь мой, все занято!)

Я постучался въ другомъ трактирѣ, à la Couronne; но и тамъ отвѣчали мнѣ: tout est plein, Monsieur! — Вообразите мое положеніе! Ночью на улицѣ, въ неизвѣстномъ для меня городѣ, безъ пристанища, безъ знакомыхъ! Ночной караульщикъ сжалился надо мною, и подошедши къ запертымъ дверямъ трактира, увѣрялъ сонливаго отвѣчателя, что Monsieur est un voyageur de qualité (что пріѣхавшій господинъ не изъ простыхъ путешественниковъ); но намъ тѣмъ же голосомъ отвѣчали: *все занято; желаю доброй ночи Господину Путешественнику!* — C'est impertinent ça (это безстыдно!) сказалъ мой заступникъ: «подите за мною въ трактиръ *Оленя*, гдѣ васъ вѣрно примутъ.» — Тамъ въ самомъ дѣлѣ меня приняли, и отвели мнѣ изрядную комнату. Добродушный караульщикъ съ улыбкою сердечнаго удовольствія пожелалъ мнѣ пріятнаго сна, отказался отъ двадцати копѣекъ, предложенныхъ ему отъ меня, — пошелъ и закричалъ: *ударило часъ, любезные граждaне!* Я развернулъ карманную книжку свою и записалъ: *такого-то числа, въ Лозаннѣ нашелъ добраго человека, который безкорыстно услуживаетъ ближнимъ.*

На другой день поутру исходилъ я весь городъ, и могу сказать, что онъ очень не хорошъ; лежитъ отчасти въ ямѣ, отчасти на кособорѣ, и куда ни поди, вездѣ надобно спускаться съ горы или всходить на гору. Улицы узки, не чисты и худо вымощены. Но на всякомъ возвышенномъ мѣстѣ открываются живописные виды. Чистое

обширное Женевское озеро; цѣпь Савойскихъ горъ, за нимъ бѣлѣющихся, и разсѣянныя по берегу его деревни и городки — Моржъ, Роль, Ніонъ — составляютъ прелестную, разнообразную картину. Друзья мои! когда Судьба велитъ вамъ быть въ Лозанѣ, то взойдите на террасу каѳедральной церкви, и вспомните, что нѣсколько часовъ моей жизни протекло тутъ въ удовольствіи и тихой радости! Если бы теперь спросили меня: чѣмъ не лѣзя никогда насытиться? то я отвѣчалъ бы: хорошими видами. Сколько я видѣлъ прекрасныхъ мѣстъ! и при всемъ томъ смотрю на новыя съ самымъ живѣйшимъ удовольствіемъ.

У меня было письмо къ Г. Леваду (Натуралисту и Автору разныхъ піесъ, напечатанныхъ въ сочиненіяхъ Лозанскаго Ученаго Общества). Домъ и садъ его мнѣ очень полюбились; въ послѣднемъ встрѣчаются глазамъ Латинскія, Французскія и Англійскія надписи, выбранныя изъ разныхъ Поэтовъ. Между прочими нашелъ я строфу изъ Аддиссоновой Оды, въ которой Поэтъ благодаритъ Бога за всѣ дары, пріятые имъ отъ руки Его — за сердце, чувствительное и способное къ наслажденію — и за друга, вѣрнаго, любезнаго друга! Щастливъ Г. Левадъ, если въ Аддиссоновыхъ стихахъ находитъ онъ собственные свои чувства! — Сія Ода напечатана въ Англійскомъ Зрителѣ. Нѣкогда просидѣлъ я цѣлую лѣтнюю ночь за переводомъ ея и въ самую ту минуту, когда написалъ послѣдніе два стиха:

И въ самой вѣчности не можно
Воспѣть всей славы Твоея!

восходящее солнце освѣтило меня первыми лучами своими. Это утро было одно изъ лучшихъ въ моей жизни!

Вмѣстѣ съ Гм. Левадомъ былъ я въ Café littéraire, гдѣ можно читать Французскіе, Англійскіе и Нѣмецкіе Журналы. Я намѣренъ часто посѣщать этотъ кофейный домъ, пока буду въ Лозаннѣ. Теперь же, къ несчастію, не лѣзя прогуливаться; почти съ самаго утра идетъ пресильный дождь.

Лозана бываетъ всегда наполнена молодыми Англичапами, которые пріѣзжаютъ сюда учиться по Французски и — дѣлать разныя глупости и проказы. Иногда и наши любезные соотечественники присоединяются къ нимъ, и вмѣсто того, чтобы успѣвать въ наукахъ, успѣваютъ въ шалостяхъ. По крайней мѣрѣ я никому бы не совѣтовалъ посылать дѣтей своихъ въ Лозану, гдѣ развѣ только одному Французскому языку можно хорошо выучиться. Всѣ прочія науки преподаются въ Нѣмецкихъ Университетахъ гораздо лучше, нежели здѣсь: чему доказательствомъ служить и то, что самые Швейцары, желающіе посвятить себя учености, ѣздятъ въ Лейпцигъ, а особливо въ Геттингенъ. Нигдѣ *способы ученія* не доведены до такого совершенства, какъ нынѣ въ Германіи; и кого Платнеръ, кого Гейне не заставитъ полюбить науки, тотъ конечно не имѣетъ уже въ себѣ

никакой способности. — Молодые чужестранцы живутъ и учатся здѣсь въ Пансіонахъ, платя за то шесть или семь лундоровъ въ мѣсяцъ: что составитъ на наши деньги около пятидесяти рублей.

Здѣсь поселился нашъ соотечественникъ, Графъ Григорій Кириловичъ Разумовскій, ученый Натуралистъ. По любви къ наукамъ отказался онъ отъ чиновъ, на которые знатный родъ его давалъ ему право — удалился въ такую землю, гдѣ Натура столь великолѣпна, и гдѣ склонность его находить для себя болѣе пищи — живетъ въ тишинѣ, трудится надъ умноженіемъ знаній человѣческихъ въ царствахъ Природы, и дѣлаетъ честь своему отечеству. Сочиненія его всѣ на Французскомъ языкѣ. — За нѣсколько недѣль передъ симъ уѣхалъ онъ въ Россію, но съ тѣмъ, чтобы опять возвратиться въ Лозану.

Сію минуту пришелъ я изъ кафедральной церкви. Тамъ изъ чернаго мрамора сооруженъ памятникъ Княгини Орловой, которая въ цвѣтущей молодости скончала дни свои въ Лозанѣ, въ объятіяхъ нѣжнаго, неутѣшнаго супруга. Сказываютъ, что она была прекрасна — прекрасна и чувствительна!... Я благословилъ память ея. — Бѣлая мраморная урна стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ погребена Герцогиня Курляндская, которая была

предметомъ почтенія и любви всѣхъ здѣшнихъ жителей. Она любила Натуру и Поэзію; Натура и Музы Британніи, вмѣстѣ съ Музами Германскими, образовали духъ и сердце ея.

==

Въ пять часовъ поутру вышелъ я изъ Лозаны, съ весельемъ въ сердцѣ — и съ Руссовою Элоизою въ рукахъ. Вы конечно угадаете цѣль сего путешествія. Такъ, друзья мои! я хотѣлъ видѣть собственными глазами тѣ прекрасныя мѣста, въ которыхъ безсмертный Руссо поселилъ своихъ романическихъ любовниковъ. Дорога отъ Лозаны идетъ между виноградныхъ садовъ, обведенныхъ высокою каменною стѣною, которая на обѣихъ сторонахъ была границею моего зрѣнія. Но гдѣ только стѣна перерывается, тамъ видны съ лѣвой стороны разнообразныя уступы и возвышенія горы Юры, на которыхъ представляются глазамъ или прекраснѣйшіе виноградные сады, или маленькіе домики, или башни съ развалинами древнихъ замковъ; а на правой зеленые луга, обсаженные плодовитыми деревьями, и гладкое Женевское озеро, съ грозными скалами Савойскаго берега. — Въ девять часовъ былъ я уже въ Вевѣ (до котораго отъ Лозаны четыре Франц. мили), и остановясь подъ тѣнію каштановыхъ деревьевъ гульбища, смотрѣлъ на каменные утесы Мельери,

съ которыхъ отчаянный Сенъ-Прё хотѣлъ низвергнуться въ озеро, и откуда писалъ онъ къ Юліи слѣдующія строки:

«Въ ужасныхъ изступленіяхъ и въ волненіи души моей не могу я быть на одномъ мѣстѣ; брожу, съ усиліемъ взбираюсь на высоты, устремляюсь на вершины скалъ; скорыми шагами обхожу всѣ окрестности, и вижу во всѣхъ предметахъ тотъ самый ужасъ, который царствуетъ въ моей внутренности. Нигдѣ уже нѣтъ зелени; трава поблѣкла и пожелтѣла, деревья стоятъ безъ листьевъ, холодный вѣтеръ надуваетъ сугробы, и вся Натура мертва въ глазахъ моихъ, какъ мертва надежда въ моемъ сердцѣ. — Между скалами сего берега нашелъ я, въ уединенномъ убѣжищѣ, маленькую равнину, откуда видѣнъ щастливый городъ, въ которомъ ты обитаешь. Вообрази, съ какою жадностію устремился взоръ мой къ сему любезному мѣсту! Въ первый день я всячески старался найти глазами домъ твой, но отъ чрезмѣрной отдаленности всѣ мои усилія оставлялись тщетными; и я, примѣтивъ, что воображеніе обманываетъ глаза мои, пошелъ къ Священнику и взялъ у него телескопъ, посредствомъ котораго увидѣлъ жилище твое. . . .

«Съ того времени цѣлые дни провожу въ семъ убѣжищѣ, и смотрю на блаженные стѣны, заключающія въ себѣ источникъ жизни моей. Не взирая на дурную погоду, прихожу туда поутру, и возвращаюсь оттуда ночью. Листья, сухія вѣтви, мною зажигаемая, и безпрестанное движеніе о-

«храняютъ меня отъ чрезвычайнаго холода. Сіе
«дикое мѣсто мнѣ такъ полюбилось, что я приво-
«шу туда бумагу съ чернилицею, и теперь пишу
«тамъ письмо, на камнѣ, отвалившемся отъ ближ-
«ней скалы.»

Вы можете имѣть понятіе о чувствахъ, произ-
веденныхъ во мнѣ сими предметами, зная какъ я
люблю Руссо, и съ какимъ удовольствіемъ читалъ
съ вами его Элоизу! Хотя въ семъ романѣ много
неестественнаго, много увеличеннаго — однимъ
словомъ, много *романическаго* — однакожь на
Французскомъ языкѣ никто не описывалъ любви
такими яркими, живыми красками, какими она въ
Элоизѣ описана — въ Элоизѣ, безъ которой не
существовалъ бы и Нѣмецкой *Вертеръ* *. — На-
добно, чтобы красота здѣшнихъ мѣстъ сдѣла-
ла глубокое впечатлѣніе въ Руссовой душѣ;
всѣ описанія его такъ живы, и притомъ такъ
вѣрны! Мнѣ казалось, что я нашелъ глазами и
ту равнину (*esplanade*), которая была столь при-
влекательна для несчастнаго Сен-Прё. Ахъ друзья
мой! для чего въ самомъ дѣлѣ не было Юліи! для
чего Руссо не велитъ искать здѣсь слѣдовъ ея!
Жестокой! ты описалъ намъ такое прекрасное су-
щество, и послѣ говоришь: *его нѣтъ*! Вы помните
это мѣсто въ его *Confessions*: «Я скажу всѣмъ,

* Основаніе романа то же, и многія положенія (*situations*) въ *Вертерѣ* взяты изъ *Элоизы*; но въ немъ болѣе *Натуры*.

имѣющимъ вкусъ, всѣмъ чувствительнымъ: поѣзжайте въ Веве, осмотрите его окрестности, гуляйте по озеру — и вы согласитесь, что сіи прекрасныя мѣста достойны Юли, Клеры и Сен-Прё; но не ищите ихъ тамъ». — Коксъ, извѣстный Англійскій Путешественникъ, пишетъ, что Руссо сочинялъ Элоизу, живучи въ деревнѣ Мельери; но это несправедливо. Господинъ де Л*, о которомъ вы слыхали, зналъ Руссо и увѣрялъ меня, что онъ писалъ сей романъ въ то время, когда жилъ въ Эрмитажѣ, въ трехъ или четырехъ миляхъ отъ Парижа *.

* Тогда я не читалъ еще продолженія Руссовыхъ *Признаній* или *Confessions*, которое вышло въ свѣтъ въ бытность мою въ Женевѣ, и въ которомъ описано происхожденіе всѣхъ его сочиненій по порядку. Я приведу здѣсь мѣста, касающіяся до Элоизы. Руссо, прославясь въ Парижѣ своею Оперою *Devin du Village* и другими сочиненіями, пріѣхалъ въ Женеву, и былъ принятъ тамъ отменно ласково; всѣ увѣряли его въ своей любви, въ почтеніи къ его дарованіямъ, и чувствительный, растроганный Руссо обѣщалъ своимъ согражданамъ навсегда къ нимъ переселиться, и только на короткое время съѣздить въ Парижъ, чтобы учредить тамъ дѣла свои. «Послѣ того (говоритъ онъ) я оставилъ всѣ важныя упражненія, чтобы веселиться съ друзьями до моего отъѣзда. Всего болѣе полюбилась мнѣ тогда прогулка съ семействомъ добраго Делюка. Въ самое прекрасное время наняли мы лодку, и въ семь дней объѣхали кругомъ Женевского озера. Мѣста на другомъ концѣ его впечатлѣлись въ моей памяти, и черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того я

Отдохнувъ въ трактирѣ и напившись чаю, пошелъ я далѣе по берегу озера, чтобы видѣть главную сцену романа, селеніе *Кларанъ*. Высокія густыя деревья скрываютъ его отъ нетерпѣливыхъ взоровъ. Подошелъ, и увидѣлъ — бѣдную маленькую деревеньку, лежащую у подошвы горъ, покрытыхъ елями. Въмѣсто жилища Юліана, столь прекрасно описаннаго, представился мнѣ старый

«описалъ ихъ въ Новой Элоизѣ.» — Господинъ де Л' сказалъ мнѣ правду: Руссо сочинялъ свою Элоизу въ то время, когда жилъ въ Эрмитажѣ подлѣ Парижа. Вотъ что говоритъ онъ о происхожденіи своего романа: «Я представлялъ себѣ любовь и дружбу (двухъ идиоловъ моего сердца) въ самыхъ восхитительнѣйшихъ образахъ; украсилъ ихъ всѣми прелестями нѣжнаго пола, всегда мною любимаго; воображалъ себѣ сихъ друзей не мужчинами, а женщинами (еслии такой примѣръ и рѣже, то по крайней мѣрѣ онъ еще любезнѣе). Я далъ имъ два характера сходные, но не одинакіе; два образа, не совершенные, но по моему вкусу; доброта и чувствительность одушевляли ихъ. Одна была черноволосая, другая бѣлокурая; одна разсудительна, другая слаба, но въ самой слабости своей любезная и добродѣтельная. Одна изъ нихъ имѣла любовника, которому другая была нѣжнымъ другомъ, и еще болѣе, нежели другомъ; но только безъ всякаго совмѣстничества, безъ ревности и ссоры: ибо душѣ моей трудно воображать противныя чувства, и притомъ мнѣ не хотѣлось помрачить сей картины ничѣмъ, унижающимъ Натуру. Будучи восхищенъ сими двумя прекрасными образцами, я всячески сближалъ себя съ любовникомъ и другомъ; однакожь представилъ его молодымъ и прекраснымъ, давъ ему мои

замокъ съ башнями; суровая наружность его показываетъ суровость тѣхъ временъ, въ которыя онъ построенъ. Многіе изъ тамошнихъ жителей знаютъ Новую Элоизу, и весьма довольны тѣмъ, что великой Руссо прославилъ ихъ родину, сдѣлавъ ее сценою своего романа. Работающій поселенинъ, видя тамъ любопытнаго пришельца, говоритъ ему съ усмѣшкою: баринъ конечно читалъ Новую Элоизу? Одинъ старикъ показывалъ мнѣ и

«добродѣтели и пороки. Чтобы поселить моихъ любов-
«никовъ въ пристойной для нихъ странѣ, я проходилъ
«въ памяти своей всѣ лучшія мѣста, видѣнныя мною въ
«путешествіяхъ; но не могъ найти ни одного совершен-
«но хорошаго Долины Оессалійскія могли бы меня удо-
«вольствовать, ссѣли бы и видѣлъ ихъ; но воображе-
«ніе мое, утомленное выдумками, хотѣло какого нибудь
«существеннаго мѣста, которое могло бы служить ему
«основаніемъ. Наконецъ я выбралъ берегъ того озера,
«вокругъ котораго сердце мое не переставало носиться» —
и проч. Съ неописаннымъ удовольствіемъ читалъ я въ Женевѣ сіи *Confessions*, въ которыхъ такъ живо изобра-
жается душа и сердце Руссо. Нѣсколько времени послѣ
того воображеніе мое только имъ занималось, и даже во
снѣ. Духъ его парилъ надо мною. — Одинъ молодой знако-
мый мнѣ живописецъ, прочитавъ *Confessions*, такъ полю-
билъ Руссо, что нѣсколько разъ принимался писать его
въ разныхъ положеніяхъ, хотя (сколько мнѣ извѣстно)
не кончилъ ни одной изъ сихъ картинъ. Я помню, что
онъ между прочимъ изобразилъ его цѣлующаго фланеле-
вую юбку, присланную ему на жилетъ отъ Госпожи
Дешанне. Молодому живописцу казалось это очень трогательнымъ. Люди имѣютъ разные глаза и разные чувства!

тотъ лѣсокъ, въ которомъ, по Руссову описанію, Юлія поцѣловала въ первый разъ страстнаго Сен-Прё, и магическимъ прикосновеніемъ потрясла въ немъ всю первную систему его. — За деревенькою волны озера омывають стѣны укрѣпленнаго замка Шильйона; унылый шумъ ихъ склоняетъ душу къ меланхолической дремотѣ. Еще далѣе, при концѣ озера (гдѣ впадаетъ въ него Рона) лежитъ Вильнёвъ, маленькой городокъ; но я посмотрѣлъ на него издали, и возвратился въ Вевер.

О семъ городѣ скажу вамъ, что положеніе его — на берегу прекраснѣйшаго въ свѣтѣ озера, противъ дикихъ Савойскихъ утесовъ, и подлѣ горъ плодоносныхъ — очень пріятно. Онъ несравненно лучше Лозаны; улицы равны; есть хорошіе дома и прекрасная площадь. Здѣсь живутъ почти всѣ дворяне Французской Швейцаріи, или Pays-de-Vaud; за всѣмъ тѣмъ Вевер не кажется многолюднымъ городомъ.

Въ здѣшній трактиръ вмѣстѣ со мною вошли четыре человека въ дорожныхъ платьяхъ, и вмѣстѣ со мною потребовали обѣда. Въ нѣсколько минутъ мы познакомились, и я узналъ, что трое изъ нихъ Вестфальскіе Бароны, а четвертый Польскій Князь. Послѣдній возвращается изъ Франціи въ свое отечество, и заѣхалъ въ Швейцарію для того, чтобы взглянуть на Мельери и Кларацъ. Бароны *по доверенности* сказали мнѣ (когда Полякъ вышелъ изъ комнаты), что они весьма недовольны его товариществомъ; что онъ навязался на нихъ въ городкѣ Моржѣ, и съ того времени не

даетъ покою ушамъ ихъ, безпрестанно бранясь или съ кучеромъ, или съ гребцами, или съ трактирщиками; и что онъ, по ихъ примѣчанію, есть великой лжець. Скоро я имѣлъ случай увѣриться въ справедливости сказаннаго ими. Лишь только мы сѣли за столъ, Польскій Князь началъ бранить хозяина за кушанье; все было для него дурно, всего мало. Трактирщикъ напомнилъ ему, что онъ не въ Варшавѣ; но Полякъ не унялся до послѣдняго блюда. Потомъ вздумалъ онъ рассказывать мнѣ о Бастильскомъ штурмѣ, на которомъ будто бы прострѣлили ему шляпу и кафтанъ. Я не могъ его долго слушать, чувствуя нужду въ отдохновеніи, и ушелъ въ отведенную мнѣ комнату.

Всякой, кто читалъ примѣчанія Коксова Переводчика, Романа, взойдетъ конечно на террасу здѣшней церкви, чтобы, сидя между гробами, подъ мрачною тѣнію столѣтнихъ деревъ, проводить глазами заходящее солнце, наслаждаться тишиною вечернею, и видѣть сгущеніе ночныхъ тѣней на романической картинѣ Вевейскихъ окрестностей. Я былъ тамъ, и погрузясь въ самого себя, не чувствовалъ какъ черная, величественная ночь окинула покровомъ своимъ и небо и землю. — Простите.

—

Лозана

Вчера возвратился я изъ Веве, и насилу дошелъ до Лозаны, будучи измученъ зноемъ и жаромъ.

Отъ сильнаго волненія въ крови провелъ я ночь безпокойно, и видѣлъ сны, изъ которыхъ одинъ показался мнѣ достойнымъ замѣчанія. Мнѣ при- видѣлось, что я въ большой залѣ стою на кафедрѣ, и при множествѣ слушателей говорю рѣчь о тем- пераментѣхъ. Проснувшись, схватилъ я перо и написалъ, что осталось у меня въ памяти: изъ че- го, къ моему удивленію, вышло нѣчто порядоч- ное. Судите сами — вотъ сей отрывокъ:

«*Темпераментъ* есть основаніе нравственнаго «существа нашего, а *характеръ* случайная форма «его. Мы родимся съ темпераментомъ, но безъ ха- «рактера, который образуется мало по малу отъ «внѣшнихъ впечатлѣній. Характеръ зависитъ ко- «нечно отъ темперамента, но только отъ части, за- «вися впрочемъ отъ рода дѣйствующихъ на насъ «предметовъ. Особливая способность принимать «впечатлѣнія есть темпераментъ; форма, которую «даютъ сіи впечатлѣнія нравственному существу, «есть характеръ. Одинъ предметъ производитъ «разныя дѣйствія въ людяхъ—отъ чего? отъ раз- «ности темпераментовъ, или отъ разнаго свой- «ства *нравственной массы*, которая есть мла- «денецъ.»

Вы мнѣ повѣрите, что я не прибавилъ и не у- бавилъ, а написалъ слова точно такъ, какъ снови- дѣніе впечатлѣло ихъ въ моей памяти. Кто изъяс- нить связь идей, во снѣ намъ представляющихся? и какимъ образомъ онѣ возбуждаются? Я совсѣмъ не думалъ наяву о темпераментахъ и характерахъ: отъ чего же мечталъ объ нихъ?

Я завтракалъ нынѣ у Г. Левада съ двумя Французскими Маркизами, пріѣхавшими изъ Парижа. Они сообщили мнѣ весьма худое понятіе о Парижскихъ дамахъ, сказавъ, что нѣкоторыя изъ нихъ, видя нагой трупъ несчастнаго дю-Фулона, терзаемый на улицѣ бѣшеннымъ народомъ, восклицали: *какъ же онъ былъ нѣженъ и бѣлъ!* И Маркизы рассказывали объ этомъ съ такимъ чистосердечнымъ смѣхомъ!! У меня сердце поворотилось.

Лозанскія общества отличаются отъ Бернскихъ во первыхъ тѣмъ, что въ нихъ всегда играютъ въ карты, а во вторыхъ и большею свободою въ обращеніи. Мнѣ кажется, что здѣшніе жители переняли не только языкъ, но и самые нравы у Французовъ, по крайней мѣрѣ отчасти, то есть, удержавъ въ себѣ нѣкоторую жестокость и холодность свойственную Швейцарамъ. Сіе смѣшеніе для меня противно. Цѣлость, оригинальность; вы во всемъ драгоцѣнны; вы занимаете, питаете мою душу—всякое подражаніе мнѣ непріятно.

Я слышалъ нынѣ проповѣдь въ кафедральной церкви. Проповѣдникъ былъ распудренъ и разряженъ; въ тѣлодвиженіяхъ и въ голосѣ актерствовалъ до крайности. Все поученіе состояло въ высокопарномъ пустословіи, а комментъ начальникамъ и всему красному городу Лозанѣ былъ за-

ключеніемъ. Я посматривалъ то на проповѣдника, то на слушателей; вообразилъ себѣ нашего П., Знам. Священника, Лафатера — пожалъ плечами, и вышелъ вонъ. Кстати или не кстати скажу вамъ, что изъ всѣхъ церковныхъ Риторовъ, которыхъ мнѣ удалось читать или слышать, нравится мнѣ болѣе — Йорикъ.

На здѣшнемъ загородномъ гульбищѣ, называемомъ Mont-Venon, нашелъ я нынѣ ввечеру множество людей. Какое смѣшеніе націй! Швейцары, Французы, Англичане, Нѣмцы, Италіянцы, толпились вмѣстѣ. Я сѣлъ на уединенной лавкѣ, и дождался захожденія солнца, которое, спускаясь къ озеру, освѣщало на сторонѣ Савойи дичь, пустоту, бѣдность, а на берегу Лозанскомъ плодоносные сады, изобиліе и богатство; мнѣ казалось, что въ вѣтеркѣ, несущемся съ противоположнаго берега, слышу я вздохи бѣдныхъ поселянъ Савойскихъ.

==

ЖЕНЕВА, Октября 2, 1789.

Вдругъ три письма отъ васъ, милые! Естьли бы вы видѣли, какъ я обрадовался! По крайней мѣрѣ вы живы и здоровы! Благодарю Судьбу! Естьли щастіе ваше несовершенно; естьли — — * Друзья

* Здѣсь выпущено нѣсколько строкъ, писанныхъ не для Публики.

мой! болѣе ничего не скажу; но я хотѣлъ бы отдать вамъ всѣ свои пріятныя минуты, чтобы сдѣлать жизнь вашу цѣпью минутъ, часовъ и дней пріятныхъ. Когда пибудь — мы будемъ щастливы! вѣрно, вѣрно будемъ!

Отъ Лозаны до Женевы ѣхалъ я по берегу озера, между виноградныхъ садовъ и полей, которыя впрочемъ не такъ хорошо обработаны, какъ въ Нѣмецкой Швейцаріи, и поселяне въ Pays-de-Vaud гораздо бѣднѣе, нежели въ Бернскомъ и Цюрихскомъ Кантонахъ. — Изъ городковъ, лежащихъ на берегу озера, лучше всѣхъ полюбился мнѣ Моржъ.

Вы конечно удивитесь, когда скажу вамъ, что я въ Женевѣ намѣренъ прожить почти всю зиму. Окрестности Женевскія прекрасны, городъ хорошъ. По рекомендательнымъ письмамъ отворенъ мнѣ входъ въ первые дома. Образъ жизни Женевцовъ свободенъ и пріятенъ — чего же лучше? Вѣдь мнѣ надобно пожить на одномъ мѣстѣ! Душа моя утомилась отъ множества любопытныхъ и безпрестанно новыхъ предметовъ, которые привлекали къ себѣ ея вниманіе; ей нужно отдохновеніе — нуженъ тонкой, сладостный, питательный сонъ на персяхъ любезной Природы.

Трактирная жизнь моя кончилась. За десять рублей въ мѣсяцъ я нанялъ себѣ большую, свѣтлую, изрядно прибранную комнату въ домѣ; завелъ свой чай и кофе; а обѣдаю въ Пансіонѣ, плата за то рубли четыре въ недѣлю. Вы не можете вообразить себѣ, какъ пріятенъ мнѣ теперь по-

вый образъ жизни и маленькое заведенное мною хозяйство! Вставъ рано поутру, и надѣвъ свой походный сюртукъ, выхожу изъ города, гуляю по берегу гладкаго озера или шумящей Роны, между садовъ и прекрасныхъ сельскихъ домиковъ, въ которыхъ богатые Женевскіе граждане проводятъ лѣто; отдыхаю и пью чай въ какомъ нибудь трактирѣ, или во Франціи, или въ Швейцаріи, или въ Савойи (вы знаете, что Женева лежитъ на границѣ сихъ земель) — еще гуляю, возвращаюсь домой, пью съ густыми сливками кофе, который варитъ мнѣ хозяйка моя, Мадамъ Лажье — читаю книгу или пишу, — въ двѣнадцать часовъ одѣваюсь, въ часъ обѣдаю; послѣ обѣда бываю въ кофейныхъ домахъ, гдѣ всегда множество людей и гдѣ рассказываются вѣсти; гдѣ разсуждаютъ о Французскихъ дѣлахъ, о декретахъ Національнаго Собранія, о Неккерѣ, о Графѣ Мирабо, и проч. Въ шесть часовъ иду или въ театръ, или въ собраніе — и такимъ образомъ кончится вечеръ.

Въ разсужденіи здѣшнихъ обществъ скажу вамъ, что Женевцы обыкновенно зовутъ гостей на вечеръ *пить чай*. Въ шесть часовъ сходятся, пьютъ кофе, чай и ѣдятъ бисквиты; садятся играть въ карты, по большей части въ Вистъ, и проигрываютъ или выигрываютъ рубли два, три; въ десятомъ часу все расходятся, кромѣ трехъ или четырехъ короткихъ хозяину пріятелей, которые остаются у него ужинать. На сихъ вечеринкахъ собирается челоѣкъ по шестидесяти; тутъ видите вы знатныхъ Французовъ, оставившихъ свое оте-

чество—Нѣмецкихъ Принцовъ, Англичанъ, и всего менѣе Женевцовъ. Обѣдать или ужинать зовутъ рѣдко. Г. Кела, одинъ изъ Начальниковъ или Синдиковъ здѣшней Республики, пригласилъ меня однажды къ обѣду въ загородный домъ свой. Столъ былъ очень хорошъ. Тутъ познакомился я съ Гишпанцомъ, который десять лѣтъ жилъ въ Петербургѣ, отправляя должность Совѣтника при Гишпанскомъ Посольствѣ, и который, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, долженъ былъ оставить свое отечество; зиму проводитъ онъ въ Ліонѣ, а лѣто въ Швейцаріи. Баронъ де Лю, Лафатеровъ пріятель, познакомилъ меня съ Готскими молодыми Принцами, которые учатся здѣсь *свѣтской наукѣ*, или *пріятному обхожденію*. Я у нихъ обѣдалъ; меньшей гораздо живѣе и остроумнѣе большаго, Наслѣдника высокаго Готскаго трона. Вы слышали о Баронѣ Г*: я улыбнулся, вспомнивъ, что имѣю честь сидѣть подлѣ его будущаго повелителя, который можетъ безъ всякаго суда—отъ чего Боже сохрани! — снять съ него шляпу и голову... Вчера позвалъ меня ужинать Г. Конклеръ. Я пришелъ въ девять часовъ, но хозяинъ совсѣмъ еще не готовъ былъ принимать гостей, и сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Черезъ полчаса вошла хозяйка, и начали собираться гости. Между прочими былъ тутъ одинъ глухой Баронъ, надъ которымъ Женевскія Дамы весьма забавлялись. Онъ загадывали ему загадки: Баронъ брался всѣ отгадывать, но къ несчастію не отгадалъ ни одной. На примѣръ: для чего Генрихъ IV, врагъ всякой пышно-

сти, импль златыя шпоры? Баронъ пять разъ улыбался; пять разъ отвѣчалъ, но все не въ попадъ. Наконецъ вывели его изъ недоумѣнія, сказавъ: pour piquer son cheval (чтобы шпорить свою лошадь). *О! я это думалъ!* закричалъ Баронъ: *c'est tout clair!* ни что не можетъ быть яснѣе! — Еще: что находится au milieu de Paris (въ срединѣ Парижа)? Баронъ, который недавно пріѣхалъ изъ Парижа, отвѣчалъ: городъ — люди — камни — грязь. Надъ каждымъ отвѣтомъ смѣялись, и наконецъ объявили, что au milieu de Paris находится г. Я только лишь хотѣлъ это сказать! закричалъ Баронъ, и всѣ захохотали. Хозяйка, которая почитается одною изъ разумнѣйшихъ женщинъ Женевской Республики, спрашивала меня о Московскихъ дамахъ. Вопросъ: хороши ли онѣ? Отвѣтъ: прекрасны. Вопросъ: умны ли онѣ? Отвѣтъ: безпримѣрно. Вопросъ: сочиняютъ ли онѣ стихи? Отвѣтъ: неподобные. Вопросъ: какого роду? Отвѣтъ: молитвы. — Vous badinez, Monsieur! Вы шутите! — «Извините, сударыня; я говорю точную правду.» — Да развѣ онѣ очень много грѣшатъ? — Нѣтъ, сударыня; онѣ молятся о томъ, чтобы не грѣшить.» — *А! это другое дѣло!* — Госпожа Конклеръ подала мнѣ руку, и мы пошли ужинать.

Въ полночь. Нынѣ ввечеру чувствовалъ я въ душѣ своей великую тягость и скуку: каждая мысль, которая приходила ко мнѣ въ голову, давила мозгъ

мой; мнѣ не ловко было ни стоять, ни ходить. Я пошелъ въ Бастіонъ, здѣшнее гульбище — легъ на углу вала и далъ глазамъ своимъ волю перебѣгать отъ предмета къ предмету. Мало по малу голова моя облегчалась вмѣстѣ съ моимъ сердцемъ. Вечеръ былъ самый теплый и пріятный. На обѣихъ сторонахъ представилась мнѣ горы, окруженныя облаками, которыя носились выше и ниже ихъ вершинъ: видъ величественный и грозный! Прямо передо мною простиралась большая равнина, усеянная рощицами, деревеньками и уединенными домиками. Все было тихо. Отъ времени до времени — по большой дорогѣ, идущей вдоль равнины — мчались въ коляскахъ молодые Англичане, которые, боясь слѣдствія скоплавшихся облаковъ, погоняли кургузыхъ копей своихъ, чтобы скорѣе возвратиться въ городъ. Вѣтерокъ какъ птичка прилетѣлъ отъ Юры и шепталъ мнѣ на ухо — не знаю, что. Тутъ вдругъ ударили въ барабанъ. Боясь, чтобы меня не заперли въ Бастіонъ, я вскочилъ и вышелъ оттуда; но не желая разстаться съ вечеромъ, пошелъ на *Трель*, другое гульбище подлѣ Ратуши, и сѣлъ на лавкѣ подъ орѣховыми деревьями, гдѣ представилась мнѣ тѣ же виды, которыми веселился я въ Бастіонъ. Темнота сгустилась; вѣтеръ усиливался, и шумѣлъ ужасно между деревьями; облака неслись быстро, натекали на городъ, и пошелъ дождь. Обративъ глаза на долину, вдругъ увидѣлъ я множество огней, которые въ темнотѣ представляли романическое зрѣлище. Мнѣ казалось, что я вижу тамъ замки благодѣтель-

ныхъ Фей — и всѣ сказки, которыя восплаляли младенческое мое воображеніе, и дѣлали меня въ ребячествѣ маленькимъ Донъ-Кишотомъ, оживились въ моей памяти. Между прочими тогдашними подвигами моими вспомнилъ я одинъ вечеръ, сумрачный и бурный, въ который, ощутивъ вдохновеніе божественныхъ Фей, укрылся я отъ своего, впрочемъ весьма бдительнаго дядьки, забрался въ ту горницу, гдѣ хранились разныя оружія, покрытыя почтенною ржавчиною — схватилъ саблю, которая пришлась мнѣ по рукѣ, и заткнувъ ее за кушакъ тулупа своего, отправился на гумно * искать приключеній и противиться силѣ злыхъ волшебниковъ; но чувствуя въ себѣ на каждомъ шагу умноженіе страха, махнулъ саблею нѣсколько разъ по черному воздуху и благополучно возвратился въ свою комнату, думая, что подвигъ мой былъ довольно важенъ. Лѣта младенчества! кто помышляетъ объ васъ безъ удовольствія? И чѣмъ старше мы становимся, тѣмъ пріятнѣе вы намъ кажетесь.

—

Кто будучи въ Женевской Республикѣ, не почтенъ за пріятную должность быть въ Фернеѣ, гдѣ жилъ славнѣйшій изъ Писателей нашего вѣка.

* Я жилъ тогда въ деревнѣ.

Я ходилъ туда пѣшкомъ съ однимъ молодымъ Нѣмцомъ. Бывшій Вольтеровъ замокъ построенъ на возвышенномъ мѣстѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ деревни Ферней, откуда идетъ къ нему прекрасная аллея. Передъ домомъ на лѣвой сторонѣ увидѣли мы маленькую церковь, съ надписью: *Вольтеръ Богу*.

«Вольтеръ былъ одинъ изъ ревностныхъ почитателей Божества (говоритъ Лагарпъ въ похвальномъ Словѣ Фернейскому мудрецу). Si Dieu n'existait pas il faudrait l'inventer (если бы не существовалъ Богъ, то надлежало бы Его выдумать) — сей прекрасный стихъ написанъ имъ въ старости, и показываетъ его Философію».

Человѣкъ, вышедшій къ намъ на встрѣчу, не хотѣлъ-было вести насъ въ домъ, говоря, что господинъ его, которому извѣстная наслѣдница Вольтерова продала сей замокъ, не велѣлъ никому пускать туда; но мы увѣрили его въ нашей благодарности, и въ минуту отворилась намъ дверь во святилище, въ тѣ комнаты, гдѣ жилъ Вольтеръ, и гдѣ все осталось такъ, какъ при немъ было. Комнатные приборы хороши и довольно богаты. Въ той горницѣ, гдѣ стоитъ Вольтерова кровать, было погребено его сердце, которое Госпожа Денисъ увезла съ собою въ Парижъ. Остался одинъ черный монументъ, съ надписью: *son esprit est partout et son coeur est ici* (духъ его вездѣ, сердце его здѣсь), выше: *mes manes sont consolés, puisque mon coeur est au milieu de vous* (тѣнь моя утѣшена, ибо сердце мое посреди васъ). На стѣнахъ висятъ портреты: пер-

вый нашей Императрицы (шитый на шелковой материи съ надписью: *présenté a Mr. Voltaire par l'Auteur*, — и на сей портретъ смотрѣлъ я съ большимъ примѣчаніемъ и съ большимъ удовольствіемъ, нежели на другіе); второй покойнаго Прусскаго Короля; третій Лекеня, славнаго Парижскаго Актера; четвертый самого Вольтера, и (пятый) Маркизы де Шатле, которая была ему другомъ, и болѣе нежели другомъ. Между гравированными изображеніями замѣтилъ я портретъ Невтона, Буало, Мармонтеля, д'Аламберта, Франклина, Гельвеція, Климента XIV, Дидрота и Делиля. Прочіе эстампы и картины не важны. Спальня Вольтерова служила ему и кабинетомъ, изъ котораго онъ научалъ, трогалъ и смѣшилъ Европу. Такъ, друзья мои! должно признаться, что никто изъ Авторевъ осьмагонадесять вѣка не дѣйствовалъ такъ сильно на своихъ современниковъ, какъ Вольтеръ. Къ чести его можно сказать, что онъ распространилъ сію взаимную терпимость въ Вѣрахъ, которая сдѣлалась характеромъ нашихъ временъ, и наиболѣе посрамилъ гнусное лжевѣріе, которому еще въ началѣ осьмагонадесять вѣка приносились кровавыя жертвы въ нашей Европѣ *. — Вольтеръ писалъ для читателей всякаго рода, для ученыхъ и неученыхъ;

* Но я не могу одобрить Вольтера, когда онъ отъ суевѣрія не отличалъ истинной Христіанской Религіи, которая, по словамъ одного изъ его соотечественниковъ, находится къ первому въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находится правосудіе къ ябедѣ.

всѣ понимали его, и всѣ плѣнялись имъ. Никто не умѣлъ столь искусно показывать смѣшнаго во всѣхъ вещахъ и никакая Философія не могла устоять противъ Вольтеровой проиіи. Публика всегда была на его сторонѣ, потому что онъ доставлялъ ей удовольствіе смѣяться! — Вообще въ сочиненіяхъ Вольтеровыхъ не найдемъ мы тѣхъ великихъ идей, которыя Гевіи Натуры, такъ сказать, непосредственно вдыхаетъ въ избранныхъ смертныхъ; но сіи идеи и понятны бывають только немногимъ людямъ, и потому самому кругъ дѣйствія ихъ весьма ограниченъ. Всякой любитъся пареніемъ веселняго жаворонка; но чей взоръ дерзнетъ за орломъ къ солнцу? Кто не чувствуетъ красоты *Заиры*? но многіе ли удивляются *Отеллу*? *

Положеніе Фернейскаго замка такъ прекрасно, что я позавидовалъ Вольтеру. Онъ мотъ бы изъ оконъ своихъ видѣть *Бѣлую Савойскую гору*, высочайшую въ Европѣ, и прочія снѣжныя громады, вмѣстѣ съ зелеными равнинами, садами и другими пріятными предметами. Фернейской садъ разведенъ имъ самимъ, и показываетъ его вкусъ. Всего болѣе полюбилась мнѣ длинная алея; при входѣ въ нее кажется, что она примыкаетъ къ самымъ горамъ. — Большой, чистый прудъ служить зеркаломъ для высокихъ деревъ, осѣняющихъ берега его.

Имя Вольтерова твердятъ всѣ жители Фернея. Тамъ, сѣвъ подъ вѣтвями каштановаго дерева,

* Тогда я такъ думалъ!

прочиталъ я съ чувствомъ, сіе мѣсто въ Лагарповомъ похвальномъ Словѣ:

«Подданные, лишенные отца и господина своего, и дѣти ихъ, наслѣдники его благодарній, скажутъ страннику, который уклонится отъ пути своего, чтобы видѣть Ферней: Вотъ дома, имъ построенные — убѣжище, которое далъ онъ полезнымъ искусствамъ* — поля, которыя обогатилъ онъ плодами. Сіе многолюдное и цвѣтущее селеніе родилось подъ его смотрѣніемъ, родилось среди пустыни. Вотъ рощи, дороги и тропинки, гдѣ мы столь часто его видали. Здѣсь горестное Каласово семейство окружило своего покровителя; здѣсь сіи несчастные обнимали колѣна его. Сіе дерево посвящено благодарностію, и сѣкира никогда не отдѣлитъ его отъ корня. Онъ сидѣлъ подъ его тѣнію, когда разоренные поселяне пришли требовать его помощи; тутъ проливалъ онъ слезы сожалѣнія, и скорбь бѣдныхъ превратилъ въ радость. Въ семъ мѣстѣ видѣли мы его въ послѣдній разъ — — и внимающій странникъ, который при чтеніи Заирѣ не могъ удержать слезъ своихъ, прольетъ, можетъ быть, еще пріятнѣйшія въ память благодѣтеля.»

Мы обѣдали въ Фернейскомъ трактирѣ съ двумя молодыми Англичанами, и пили очень хорошее

* Извѣстно, что Вольтеръ принялъ къ себѣ въ Ферней многихъ художниковъ, которые принуждены были оставить Женеву.

Французское вино, желая блаженства душѣ Вольтеровой.

Отъ Женевы до Фернея не болѣе шести верстъ, и я въ семь часовъ вечера былъ уже дома.

Нѣкоторые изъ здѣшнихъ гражданъ ввели меня въ свои такъ называемые *Серкли*, которыхъ здѣсь очень много, и въ которыхъ Женевцы послѣ обѣда пьютъ кофе и курятъ табакъ. Тутъ не бываетъ женщинъ; говорятъ же болѣе всего о Парижскихъ новостяхъ. Здѣшніе богачи повѣрили Франціи миліоны, и до сего времени получали съ нихъ большіе проценты; но теперь боятся, чтобы Французы не сказались банкротами: отъ чего могутъ разориться въ Женевы первые дома. Но тебя, бѣдный Сѣверъ, тебя не удостоиваетъ Женевецъ своего вниманія! Тотъ, кто знаетъ всѣ подробности Парижскихъ происшествій, едва ли знаетъ, что у Россіи со Швеціею война. Визирь два раза разбитъ, Бѣлградъ взятъ — никто объ этомъ не говоритъ, никто не радуется. Любезная Германія! въ нѣдрахъ твоихъ звучать рюмки, стаканы, когда Слава протрубитъ щастливый подвигъ сыновъ твоихъ; Рейнвейнъ и вино Токайское пѣнятся въ купкахъ; раздаются торжественныя пѣсни вдохновенныхъ Бардовъ. Германія! для чего я оставилъ тебя такъ скоро?

На сихъ дняхъ обѣдалъ я за городомъ въ сельскомъ домикѣ, вмѣстѣ со многими Женевцами и чужестранными. Обѣдъ былъ самый веселый; всѣ мы сидѣли въ шляпахъ и пѣли пѣсни. Послѣ стола одни катались въ лодкѣ по озеру, другіе играли въ шары, или, сидя на крыльцѣ, спокойно курили свои

трубки. — Пробывъ тамъ до вечера, пошелъ я назадъ въ городъ — и могъ ли думать, чтобы на семъ пути ожидала меня опасность? Вы конечно не угадаете, какая? Я шелъ задумавшись; наступилъ на змѣю и увидѣлъ ее только тогда, какъ она начавшая уже обвиваться вокругъ ноги моей, и подымала вверхъ голову, чтобы сквозь чулокъ ужалить меня.... Но не бойтесь! я сбросилъ ее съ ноги, прежде нежели она могла влить въ нее ядъ свой. Злобная тварь! думалъ я, смотря, какъ она ползла отъ меня по желтому песку: злобная тварь! жизнь твоя теперь въ моихъ рукахъ; но если Натура терпитъ тебя въ своемъ царствѣ, то я не хочу прекращать бѣднаго бытія твоего — пресмыкайся.

Не помню, писалъ ли я къ вамъ, чтобы вы адресовали письма свои à la grande rue No 17. На сей разъ простите!

=

ЖЕНЕВА, НОЯБРЯ 1, 1789.

Послѣ письма, пересланнаго черезъ Лафатера, не получалъ я отъ васъ ни одной строки. Не совѣстно ли вамъ такъ долго молчать? Вы знаете, что я только посредствомъ васъ сообщаюсь съ любезнымъ моимъ отечествомъ.

Здѣшняя жизнь моя довольно единообразна. Прогуливаюсь и читаю Французскихъ Авторовъ, и старыхъ и новыхъ, чтобы имѣть полное поня-

тіе о Французской Литтературѣ; бываю на Женевскихъ вечеринкахъ и въ Оперѣ. Строгій, любезный Руссо! соотечественники твои не послушались тебя, построили театръ и любятъ его страстно *. Здѣсь играютъ двѣ Дижонскія Труппы: одна лѣтомъ и осенью, а другая зимою и весною: первая оперы, а вторая комедіи и трагедіи. Двѣ или три актрисы, два или три актера, играютъ и поютъ очень изрядно. Недавно представляли Атиса, большую оперу, которой музыку сочинялъ славный Пичини. Въ композиціи есть нѣчто великое, возвышающее душу. Арія: *Vivre ou mourir*, которую поютъ несчастные любовники, гонимые судьбою и ревностію жестокой Цибеллы, прекрасна, несравненна. Изъ маленькихъ Французскихъ оперетокъ полюбилась мнѣ болѣе всѣхъ *les petits Savoyards* (маленькіе Савояры); есть трогательныя мѣста, и почти всѣ голоса очень хороши.

Въ Пансіонѣ вмѣстѣ со мною обѣдаетъ чело-вѣкъ двѣнадцать. Датскій Баронъ, Французскій Маркизъ, недавно пріѣхавшій изъ Парижа, и Капитанъ Женевского полку, играютъ за столомъ первыя роли. Баронъ путешествовалъ въ Германіи, Франціи и Англіи, говоритъ хорошо по Нѣмецки, и увѣряетъ всѣхъ Французовъ, что онъ лучше ихъ знаетъ Французскій языкъ, хотя не всѣ ему въ томъ вѣрятъ. По крайней мѣрѣ онъ

* Руссо съ великимъ жаромъ утверждалъ, что театръ вреденъ для нравовъ.

бравится по-Французски не хуже площадныхъ Парижскихъ рыцарей. Г. Баронъ не терпитъ никакихъ противорѣчій, и готовъ драться всякую минуту; съ презрѣніемъ говоритъ о Женевцахъ, и весьма строго судитъ бѣдныхъ здѣшнихъ актеровъ. — Маркизь рассказываетъ, что онъ пріѣхалъ въ Женеву отдыхать, и никакъ не хочетъ заводить знакомствъ, находя въ уединеніи несказанное удовольствіе. Даетъ чувствовать, что онъ Авторъ; хвалитъ Ж. Жака, и увѣряетъ, что онъ писалъ электрическимъ перомъ; а Корнель, по его мнѣнію, есть величайшій изъ мужей, когда-либо произведенныхъ Натурою. Вольтеръ, говоритъ онъ, былъ человѣкъ умный, но рассуждалъ очень худо. Однакожь Г. Маркизь собирается ѣхать въ Ферней, думая, что въ Вольтеровомъ кабинетѣ крылатое вдохновеніе спустится на его голову. — Женевскій Капитанъ, служившій нѣсколько лѣтъ Королю Прусскому, говоритъ весьма охотно и по временамъ осмѣливается противорѣчить Барону; но всегда принужденъ бываетъ ретироваться, когда загремятъ грома изъ устъ Баронскихъ. Всѣ піесы, играемыя на здѣшнемъ театрѣ, хвалитъ онъ одинакимъ образомъ. *Эдинъ*, по его словамъ, *est rempli de sentiment* (исполненъ чувства) и опера *Кузнецъ*, *est rempli de sentiment* (исполненъ чувства). Простосердечіе и невѣжество его часто заставляютъ насъ смѣяться. — Между прочими есть еще одинъ примѣчаніе достойный человѣкъ, родомъ Женевецъ, который объѣздилъ всѣ четыре части свѣта, при-

своимъ себѣ право лгать немилосердо, и хотѣлъ увѣрить меня, что многіе изъ жителей Патагоніи бывають ростомъ въ четыре аршина.

Докторъ Беккеръ пріѣхалъ въ Женеву. Мы встрѣтились на улицѣ и бросились обнимать другъ друга, какъ старинные друзья обнимаются послѣ долгой разлуки. Съ того времени мы всякой день видимся, иногда вмѣстѣ гуляемъ и пьемъ чай передъ каминомъ; онъ нанялъ себѣ комнату въ той же улицѣ, гдѣ я живу. Единоземцы его, Графъ Молтке и Поэтъ Багзенъ, остались въ Бернѣ. Последний скоро женится, и самымъ романическимъ образомъ. Я писалъ къ вамъ, что Беккеръ поѣхалъ съ ними въ Луцернъ. Оттуда пробрались они черезъ горы въ Унтерзеенъ, и пришедши въ великомъ изнеможеніи на берегъ озера, сѣли въ лодку, чтобы плыть въ городъ Тунъ. Въ самую ту минуту, какъ лодочникъ хотѣлъ уже отвалить отъ берега, явилась молодая дѣвушка съ пожилымъ мушиною, — дѣвушка лѣтъ въ двадцать, пріятная, миловидная, въ зеленой шляпкѣ, въ бѣломъ платьѣ, съ тростью въ рукахъ, — приблизилась къ лодкѣ, порхнула въ нее какъ птичка, и съ улыбкою сказала нашимъ путешественникамъ (которые, какъ *рыцари печальнаго образа*, сидѣли повѣся головы): *Ronjour, Messieurs!* Они изумились отъ сего нечаяннаго явленія, пристально посмотрѣли на дѣвушку, взглянули другъ на друга, и насилу вспомнили, что имъ надлежало отвѣчать на привѣтствіе миловидной незнакомки. Докторъ Беккеръ увѣряетъ меня — а онъ чело-

вѣкъ правдивой — Беккеръ увѣряетъ, что они отвѣчали ей весьма хорошо, хотя Графъ на второмъ словѣ заикнулся, а Багзенъ и онъ Докторъ ничего не сказали. Уже волны Тунскаго озера помчали лодку на влажныхъ хребтахъ своихъ — или, просто сказать, они плыли и начинали мало помалу разговаривать. Дѣвушка сказала Датчанамъ, что она съ дядею своимъ посѣщала въ Унтерзеенѣ больную, добрую свою кормилицу, и возвращается въ Бернъ. Какъ же вы оставили ее? спросили чувствительные путешественники съ видомъ заботливости. «Славу Богу! ей стало гораздо легче» — отвѣчала незнакомка. Потомъ она захотѣла знать отечество и фамилію своихъ спутниковъ; узнавъ же, что Графъ есть внукъ бывшаго Датскаго Министра, начала говорить о семъ почтенномъ мужѣ, объ исторіи его времени, и показала, что ей извѣстны Екропейскія путешествія. Въ Тунѣ пристали къ берегу. Графъ подалъ ей руку, и вмѣстѣ съ товарищами своими проводилъ ее до трактира, гдѣ и для нихъ нашлась комната. Тутъ свѣдали они отъ трактирщика, что прелестная спутница ихъ есть дѣвица Галлеръ, внука великаго Философа и Поэта сего имени. Багзенъ вспрыгнулъ отъ радости, и побѣждалъ къ ней снова представляться, и увѣрять ее въ своемъ неограниченномъ почтеніи къ твореніямъ покойнаго ея дѣдушки. «Ахъ! если бы вы знали его лично!» сказала она съ чувствомъ: «въ самой старости плѣнялъ онъ любезностію своею и большихъ и малыхъ. Я не могу удержаться

отъ слезъ, воображая, какъ онъ въ свободные часы, — послѣ важныхъ, для человѣчества полезныхъ трудовъ — безпечно и весело игривалъ съ нами, малыми дѣтьми; бралъ меня на колѣни, цѣловалъ и называлъ своею милою Софьею.» — — Тутъ милая Софія бѣлымъ платкомъ обтерла слезы свои. Багзенъ плакалъ вмѣстѣ съ нею, и въ восторгѣ чувствительности осмѣлился поцѣловать ея руку. — Наши путешественники забыли свою усталость, просидѣли весь вечеръ съ дѣвицею Галлеръ, и ужинали вмѣстѣ съ нею. На другой день имъ надлежало рано ѣхать въ Бернъ; а Софія и дядя ея оставались еще въ Тунѣ. «Не уже ли мы навсегда простимся?» сказалъ молодой Графъ, смотря въ глаза Софіи. Багзенъ также смотрѣлъ ей въ глаза, и еще съ живѣйшимъ выраженіемъ вѣжности. Докторъ Беккеръ протянулъ голову впередъ, въ ожиданіи отвѣта ея. Она улыбнулась, и подала Графу карточку: *вотъ адресъ нашей фамиліи, которая почтетъ за великое удовольствіе угостить любезныхъ путешественниковъ.* Датчане изъявили ей благодарность свою, и пошли въ отведенную имъ комнату. — На другой день по пріѣздѣ своемъ въ Бернъ сочли они за пріятную должность явиться съ почтеніемъ къ дѣвицѣ Галлеръ. Ее не было дома; однакожь дядя и тетка ея приняли ихъ очень ласково. *Скоро ли будетъ домой дѣвица Галлеръ? скоро ли возвратится дѣвица Софія? скоро ли увидимъ мы пріятную нашу сопутницу?* вотъ вопросы, на которые этотъ дядя и эта тетка принуждены были

отвѣчать всякую минуту. Наконецъ пришла дѣвица Галлеръ, возвратилась дѣвица Софія; Датчане увидѣли свою пріятную сопутницу, и не могли удержаться отъ радостнаго восклицанія при ея входѣ. Она обошлась съ ними какъ съ знакомыми, и показала имъ еще прелестѣе, еще милѣе. Графъ, Багзенъ, Беккеръ, хотѣли говорить съ нею вдругъ, и вдругъ дѣлали вопросы. Одному отвѣчала она словами, другому улыбкою, третьему движеніемъ руки — и всѣ были довольны. Ввечеру предложили гулянье; собрались пріатели и пріятельницы — но Датчане никого не видали, никого не слышали, кромѣ Софіи. Разстались съ тѣмъ, чтобы на другой день опять видѣться. Другой, третій и четвертый день были проведены почти также. Въ сіе время Беккеръ примѣтилъ, что онъ не можетъ быть *первымъ* для Софіи, умѣрилъ жаръ свой въ обхожденіи съ нею, и оставилъ всѣ требованія на отличную благосклонность ея. Графъ примѣтилъ, можетъ быть, то же, сдѣлался пасмуренъ, скоро совсѣмъ пересталъ ходить къ Софіи, и началъ искать разсѣянія въ Бернскихъ обществахъ. Что принадлежитъ до Багзена, то едва ли Лезбійская Пѣснопѣвица могла такъ страстно любить своего Фаона, какъ онъ полюбилъ Софію; и никогда жрица Аполлонова, сидя на златомъ треножникѣ, не трепетала такъ сильно въ святыхъ восторгахъ своихъ, какъ трепеталъ нашъ молодой Поэтъ, прикасаясь устами къ Софіиной рукѣ. Всякое слово его одушевлялось чувствомъ, когда онъ говорилъ съ нею, и

чувства его были — пламя. Онъ не осмѣливался сказать ей: *я люблю тебя!* но нѣжная Софія понимала его, и не могла быть равнодушна къ такому любовнику. Она стала не такъ жива и весела, какъ прежде — иногда задумывалась, и глаза ея блистали какъ молніи. Часто по вечерамъ гуляли они двое въ аллеяхъ Бернской террасы; густыя тѣни каштановыхъ деревьевъ и лучи свѣтлаго мѣсяца были свидѣтелями ихъ непорочнаго обхожденія, до самого того времени, какъ платонической любовникъ, въ одинъ изъ сихъ пріятныхъ вечеровъ упавъ на колѣни передъ Софіею и схвативъ ея руку, сказалъ: *она моя! твое сердце образовано для моего сердца! мы будемъ счастливы!...* «Она твоя» — отвѣчала Софія, посмотрѣвъ на него съ нѣжностію: «она твоя! и я надѣюсь быть съ тобою счастлива!» — Пусть другой, а не я, опишетъ сію минуту! — Въ тотъ же самый вечеръ всѣ родственники дѣвицы Галлеръ объявили Багзена какъ ся жениха и своего друга, и черезъ нѣсколько недѣль положили быть свадьбѣ. — Теперь Поэтъ нашъ наслаждается прекрасною зарею того счастья, которое ожидаетъ его въ объятіяхъ милой супруги, и въ восторгѣ своемъ прославляетъ берегъ Тунскаго озера, гдѣ глаза его увидѣли, и гдѣ душа его полюбила Софію. — Между тѣмъ Графъ Молтке совершенно успокоился и радуется счастію своего друга; Беккеръ также радуется — и рассказалъ мнѣ все то, что вы теперь читали.

Осень дѣлаетъ меня меланхоликомъ. Вершина

Юры покрылась снѣгомъ; деревья желтѣютъ, и трава сохнетъ. Брожу sur la Treille, съ уныніемъ смотрю на развалины лѣта; слушаю, какъ шумитъ вѣтеръ — и горестъ мѣшается въ сердцѣ моемъ съ какимъ-то сладкимъ удовольствіемъ. Ахъ! никогда еще не чувствовалъ я столь живо, что теченіе Натуры есть образъ нашего жизненнаго теченія!... Гдѣ ты, весна жизни моей? Скоро, скоро проходитъ лѣто — и въ сію минуту сердце мое чувствуетъ холодъ осенній. Простите, друзья мои!

Гора Юра, 8 Ноября 1789.

Тавернье, который объѣздилъ большую часть свѣта, — Тавернье говорилъ, что онъ, кромѣ одного мѣста въ Арменіи, нигдѣ не находилъ такого прекраснаго вида, какъ въ Обонѣ. Сей городокъ лежитъ на скатѣ высокой Юры, недалеко отъ Моржа, верстахъ въ тридцати отъ Женевы: и такъ, взявъ въ руки Діогенской посохъ, отправился я въ путь, чтобы собственными глазами видѣть ту картину, которою восхищался славный Французской путешественникъ.

Теперь, любезные друзья мои, сижу я на голубой Юрѣ, повыше города Обоня — смотрю, и взоръ мой теряется въ безчисленныхъ красотахъ видимой мною страны, освѣщаемой вечернимъ солнцемъ.

Все Женевское свѣтлое озеро какъ зеркало представляется глазамъ моимъ — по сию сторону множество городовъ, деревень, сельскихъ домиковъ, луговъ, лѣсочковъ и дорогъ, которыя одна другую пересѣкаютъ, расходятся и опять соединяются, и на которыхъ движутся люди какъ дѣятельные муравьи — а по ту сторону, на Савойскомъ берегу, страшныя скалы, нѣсколько хижинъ, и наконецъ гордая *Бллая гора* въ свѣжной своей мантии, въ алоцвѣтной коронѣ, красимой солнечными лучами, — какъ царица среди прочихъ окружающихъ ее горъ, высокихъ и гордыхъ, но передъ нею низкихъ и смиренныхъ... Вознося къ небесамъ главу свою, она вопрошаетъ Европу: *что выше меня?* и Европа отвѣтствуетъ ей почитательнымъ молчаніемъ.

Насыщайся, мое зрѣніе! я долженъ оставить сию землю.... Для чего же, когда она столь прекрасна? Построю хижину на голубой Юрѣ, и жизнь моя протечетъ какъ восхитительный сонъ!... Но ахъ! здѣсь нѣтъ друзей моихъ!

Величественный *рельефъ* Натуры! впечатлѣйся въ моей памяти! Увижу ли тебя еще разъ въ жизни моей, не знаю; но если огнедышущіе Вулканы не превратятъ въ пепелъ красотъ твоихъ — если земля не разступится подъ тѣбою, не осушить сего свѣтлаго озера, и не поглотитъ береговъ его — ты будешь всегда удивленіемъ смертныхъ! Можетъ быть, дѣти друзей моихъ придутъ на сіе мѣсто: да чувствуютъ они, что я теперь чувствую, и Юра будетъ для нихъ незабвенна!

Солнце закатилось; но горы блистаютъ. Темнѣетъ спящая твердь — еще сіяютъ три холма *Бллой* горы. Шумитъ вѣтеръ — облака показываются на западѣ, разливаются по небу, и мрачная завѣса скрываетъ отъ глазъ моихъ великолѣпную картину.

=

Обонь, 11 часовъ вечера.

Тавернье, возвратясь изъ Индіи съ великимъ богатствомъ, купилъ Обонское Баронство, и хотѣлъ здѣсь провести остатокъ дней своихъ. Но страсть къ путешествіямъ снова пробудилась въ душѣ его — будучи осьмидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду, поѣхалъ онъ на край сѣвера, и скончалъ многотрудную жизнь свою въ столицѣ нашего государства, въ 1689 году. Возвратясь въ Москву, я постараюсь найти гробъ сего достопамятнаго человека, который объѣздилъ всю Европу и Азію, шесть разъ былъ въ Туерціи, Персіи, Индіи, и все еще не насытился путешествіями. — Отецъ его торговалъ географическими картами; сынъ любилъ ихъ разсматривать, и часто говорилъ отцу: *Ахъ, батюшка! какъ бы хорошо было видѣть всѣ тѣ земли, которыя изображены здѣсь на бумагѣ! Вотъ начало его страсти!*

Какое различіе въ судьбѣ человѣческой! Одинъ рождается и умираетъ въ отцевской своей хижинѣ, не зная, что дѣлается за полями его; другой хо-

четъ все знать, все видѣть — и необозримые Океаны не могутъ ограничить его любопытства.

Въ человѣческой натурѣ есть двѣ противныя склонности: одна влечетъ сердце наше всегда къ новымъ предметамъ, а другая привязываетъ насъ къ старымъ; одну называютъ *непостоянствомъ*, *любовію къ новостямъ*, а другую *привычкою*. Мы скучаемъ единообразіемъ и желаемъ переменъ; однакожь, разставаясь съ тѣмъ, къ чему душа наша привыкла, чувствуемъ горестъ и сожалѣніе. Счастливы тотъ, въ комъ сіи двѣ склонности равносильны! но въ комъ одна другую перевѣситъ, тотъ будетъ или вѣчнымъ бродягою, вѣтреннымъ, безпокойнымъ, мелкимъ въ духѣ; или холоднымъ, лѣнивымъ, нечувствительнымъ. Одинъ, перебѣгая безпрестанно отъ предмета къ предмету, не можетъ ни во что углубиться, дѣлается разсѣяннымъ, и слабѣетъ сердцемъ; другой, видя и слыша всего *то же да то же*, грубѣетъ въ чувствахъ, и наконецъ засыпаетъ душею. Такимъ образомъ сіи двѣ крайности сближаются, потому что и та и другая ослабляетъ въ насъ душевныя дѣйствія. — Читайте Тавернье, Павла Люкаса, Шардена и прочихъ славныхъ путешественниковъ, которые почти всю жизнь свою провели въ странствіяхъ: найдете ли въ нихъ нѣжное, чувствительное сердце? Тронутъ ли они душу вашу? — Ахъ, друзья мои! человѣкъ, который десять, двадцать лѣтъ можетъ пробыть въ *чужихъ* земляхъ, между *чужими* людьми, не тоскуя о тѣхъ, съ которыми онъ родился подъ однимъ небомъ, питался

однимъ воздухомъ, учился произносить первые звуки, игралъ въ младенчествѣ на одномъ полѣ, вмѣстѣ плакалъ и улыбался — сей человѣкъ никогда не будетъ мнѣ другомъ!

Простите! Перо выпадаетъ изъ рукъ моихъ, и мягкая постеля манитъ меня въ свои объятія.

=

Женева, 26 Ноября 1789.

Долго я не писалъ къ вамъ, друзья мои, для того, что не могъ писать. Около двухъ недѣль мучила меня такая жестокая головная боль, какой я отъ роду не чувствовалъ, и которая не только не давала мнѣ за перо приняться, но даже и спать мѣшала. Опершись на столъ, просиживалъ я дни и ночи, почти безъ всякаго движенія, и закрывъ глаза. Добродушная хозяйка моя, Мадамъ Лажье, приводила ко мнѣ Доктора; но лекарства его не помогали.

Наконецъ благодѣтельная Натура сжалилась надъ бѣднымъ страдальцомъ, и сняла съ головы моей свинцовую тягость. Вчера я въ первый разъ вздохнулъ свободно, и первый разъ, вышедши на чистый воздухъ, поднялъ на небо глаза свои. Мнѣ казалось, что вся Природа радовалась со мною — я плакалъ какъ младенецъ, и узналъ, что болѣзнь не ожесточила моего сердца — оно не разучилось на-

слаждаться, — чувствуетъ такъ же, какъ и прежде, и любезный образъ друзей моихъ снова сіяетъ въ немъ во всей своей ясности. Ахъ, милые! въ сію минуту исчезло раздѣляющее насъ пространство — я обнималъ васъ вмѣстѣ съ Натурою, вмѣстѣ съ цѣлою вселенною!

Исчезни воспоминаніе о прошедшей болѣзни! Я не хочу быть злопамятенъ противъ матери моей, Природы, и забуду все, кромѣ того, чѣмъ она улаживаетъ чашу дней моихъ!

=

ЖЕНЕВА, Декабря 1, 1789.

Нынѣ минуло мнѣ двадцать три года! Въ шесть часовъ утра вышелъ я на берегъ Женевского озера, и устремивъ глаза на голубую воду его, думалъ о жизни человѣческой.

Друзья мои! дайте мнѣ руку, и пусть вихрь времени мчитъ насъ, куда хочетъ! — Довѣренность къ Провидѣнію — довѣренность къ той невидимой Рукѣ, которая движетъ и міры и атомы; которая бережетъ и червя и человѣка — должна быть основаніемъ нашего спокойствія.

Этотъ день хотѣлъ бы я провести съ вами: но какъ быть! — Стану хотя въ мысляхъ вами радоваться. И вы конечно вспомните нынѣ своего друга.

Вмѣстѣ съ Беккеромъ намѣренъ я обѣдать у Барона де-Лю, а ужинать въ трактирѣ *Золотыхъ вѣсовъ*, гдѣ у насъ будетъ веселый концертъ.

ЖЕНЕВА.

Вы можетъ быть удивляетесь, друзья мои, что я по сіе время ничего не говорилъ вамъ о великомъ Боннетѣ, который живетъ верстахъ въ четырехъ отъ Женевы, въ деревнѣ Жанту. Мнѣ сказали, что онъ весьма нездоровъ, глухъ и слѣпъ, и никого кромѣ ближнихъ родственниковъ не принимаетъ: почему я не имѣлъ надежды видѣть сего славнаго Философа и Натуралиста. Но третьяго-дня Г. Кела, свойственникъ его, вызвался самъ ѣхать къ нему со мною, увѣривъ меня, что посѣщеніе мое не будетъ ему въ тягость. Мы приѣхали къ нему поутру, но не застали его дома: онъ прогуливался. Г. Кела велѣлъ ему сказать, что одинъ Русской путешественникъ желаетъ быть у него—и на другой день Боннетъ прислалъ звать меня. Въ назначенное время постучался я у дверей сельскаго его домика, былъ введенъ въ кабинетъ Философа, увидѣлъ Боннета, и удивился. Я думалъ найти слабаго старца, угнетеннаго бременемъ лѣтъ — обвѣтшалую скивию, которой временный обитатель, небесный гражданинъ, утомленный безпокойствомъ телѣсной жизни, ежедневно собирается летѣть обратно въ свою отчизну —

однимъ словомъ, развалины великаго Боннета. Что же нашелъ? хотя старца, но весьма бодрого — старца, въ глазахъ котораго блистаетъ огонь жизни — старца, котораго голосъ еще твердъ и пріятенъ — однимъ словомъ, Боннета, отъ котораго можно ожидать второй *Палингенезіи* *. Онъ встрѣтилъ меня почти у самыхъ дверей, и съ ласковымъ взоромъ подалъ мнѣ руку. «Вы видите передъ собою такого человѣка, сказалъ я, который съ великимъ удовольствіемъ и съ пользою читалъ ваши сочиненія, и который любитъ и почитаетъ васъ сердечно.» *Я всегда радуюсь, отвѣчалъ онъ, когда слышу, что сочиненія мои приносятъ пользу или удовольствіе благороднымъ душамъ.*

Мы сѣли передъ каминомъ, Боннетъ на большихъ своихъ креслахъ, а я на стулѣ подлѣ него. *Подвиньтесь ближе, сказалъ онъ, приставляя къ уху длинную мѣдную трубку, чтобы лучше слышать: чувства мои туплѣютъ.* Я не могу отъ слова до слова описать вамъ разговора нашего, который продолжался около трехъ часовъ. Довольствуйтесь нѣкоторыми отрывками.

Боннетъ очаровалъ меня своимъ добродушіемъ и ласковымъ обхожденіемъ. Нѣтъ въ немъ ничего гордаго, ничего надменнаго. Онъ говорилъ со мною какъ съ равнымъ себѣ, и всякой комплиментъ мой принималъ съ чувствительностію. Душа его столь хороша, столь чиста и неподозрительна, что всѣ учтивыя

* Титулъ одного изъ его сочиненій.

слова кажутся ему языкомъ сердца: онъ не сомнѣвается въ ихъ искренности. Ахъ! какая розница между Нѣмецкимъ ученымъ и Боннетомъ! Первый съ гордою улыбкою принимаетъ всякую похвалу какъ должную дань, и мало думаетъ о томъ человѣкѣ, который хвалитъ его; но Боннетъ за всякую учтивость старается платить учтивостію. Правда, что бой между нами не могъ быть равенъ: я говорилъ съ Философомъ, всему свѣту извѣстнымъ, и всѣми превозносимымъ; а онъ говорилъ съ молодымъ, обыкновеннымъ, неизвѣстнымъ ему человѣкомъ.

Боннетъ позволилъ мнѣ переводить его сочиненія на Русской языкъ. «Съ чего же вы думаете начать?» спросилъ онъ. Съ *Созерцанія Природы* (*Contemplation de la Nature*) отвѣчалъ я, которое по справедливости можетъ быть названо магазиномъ любопытнѣйшихъ знаній для человѣка.—Никогда не приходило мнѣ на мысль, сказалъ онъ, чтобы это сочиненіе было такъ благосклонно принято публикою и переведено на столько языковъ. Вы знаете (изъ предисловія къ *Contemplation*), что я хотѣлъ бросить его въ каминъ. Но переведя *Палингенезію*, вы переведете лучшее и полезнѣйшее мое сочиненіе. Ахъ, государь мой! въ нашемъ вѣкѣ много невѣрующихъ!»—Ему непріятно, что на Англійской и Нѣмецкой языкъ переведено *Созерцаніе Патуры* безъ его вѣдома. Когда Авторъ еще живъ, сказалъ онъ, то надлежало бы у него спроситься.—Боннетъ хвалитъ одинъ Спаланцаніевъ переводъ, а Нѣмецкимъ Переводчи-

комъ, Профессоромъ Тиціусомъ, весьма не доволенъ потому, что сей ученый Гермапецъ думалъ поправлять его, и собственные свои мнѣнія сообщалъ за мнѣнія Сочинителей. Я сказалъ Боннету, что Тиціусъ, не смотря на свою ученость, во многихъ мѣстахъ не понималъ его. На примѣръ начало: *je m'élève à la Raison Eternelle*, перевелъ онъ: *ich erhebe mich zu der ewigen Vernunft*: грубая ошибка! Вмѣсто *Vernunft* надлежало бы сказать *Ursache*; подъ словомъ *raison* разумѣлъ Авторъ причину, а не разумъ. Боннетъ пожалъ плечами, услышавъ отъ меня о сей ошибкѣ.

Онъ любитъ Лафатера, хвалитъ его сердце и таланты, но не совѣтуетъ никому учиться у него Философіи. — Лафатеръ, будучи не давно въ гостяхъ у Боннета, вдругъ схватилъ съ него парикъ и сказалъ сыну своему, который пріѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ: *смотри Генрихъ! гдѣ ты увидишь такую голову, тамъ учись мудрости.*

Говоря о честолюбіи Авторскомъ, Боннетъ сказалъ: «Пусть Сочинители ищутъ славы! Трудясь для собственной своей выгоды, они приносятъ пользу человечеству; ибо премудрый Творецъ неразрывнымъ союзомъ соединилъ частное благо съ общимъ.»

Жанъ-Жака называетъ онъ великимъ Риторомъ, слогъ его музыкаю, а Философію — воздушнымъ замкомъ. Будучи усерднымъ патріотомъ, Боннетъ не можетъ простить согражданину своему, что онъ въ *Lettres écrites de la Montagne* не пощадилъ Женевского правительства.

«Въ цѣлой Европѣ, говоритъ Боннетъ, не найдете вы такого просвѣщеннаго города, какъ Женева; наши художники, ремесленники, купцы, женщины и дѣвушки, имѣютъ свои библіотеки, и читаютъ не только романы и стихи, но и философскія книги.» — И я могу сказать, что Женевскіе парикмахеры твердятъ наизусть цѣлыя тирады изъ Вольтера, и что Женевскія дамы, въ домѣ у Господина К*, слушаютъ съ великимъ вниманіемъ одного молодаго Графа, Мартенева друга, когда онъ изъясняетъ имъ тайну творенія.

Боннетъ вызвался словесно или письменно объяснить для меня тѣ мѣста въ своихъ сочиненіяхъ, которыя покажутся мнѣ темными; но я избавлю его отъ сего труда.

Почтенный старецъ проводилъ меня до крыльца. — Знаете ли, какъ въ просвѣщенной Женевѣ обыкновенно зовутъ его? *Инсектомъ* — для того, что онъ писалъ о насѣкомыхъ.

ЖЕНЕВА, ЯНВАРЯ 23, 1790.

Въ здѣшней маленькой Республикѣ начинаются несогласія. Странные люди! живутъ въ спокойствіи, въ довольствѣ, и все еще хотятъ чего-то. Нынѣ слышалъ я пышную проповѣдь, на текстъ: *если забуду тебя, о Іерусалимъ! то да забудетъ себя рука моя, и да прилиплетъ языкъ къ*

гортани моей, естли ты не будешь главнымъ предметомъ моей радости! * Разумѣется, что Іерусалимъ значилъ Женеву. Проповѣдникъ говорилъ о любви къ отечеству; доказывалъ, что Республика ихъ щастлива со всѣхъ сторонъ; что для соблюденія сего благополучія всѣмъ гражданамъ должно жить въ согласіи, и что на семъ общемъ согласіи основывается личная безопасность каждаго. Въ церкви было множество людей, а особливо женщинъ, хотя Риторъ обращался всегда къ братьямъ, а не къ сестрамъ. Всѣ вокругъ меня вздыхали, всѣ плакали — я самъ несказанно былъ тронутъ, видя слезы красавицъ, матерей и супругъ.

=

Вотъ письмо къ Боннету, писанное мною вчера поутру:

M o n s i e u r,

Je prends la liberté de Vous écrire, parce que je crois qu'une petite lettre, quoique écrite en mauvais françois, Vous importunera moins qu'une visite qui pourroit interrompre Vos occupations quelques moments de plus.

J'ai relu encore une fois Votre *Contemplation* avec toute l'attention possible. Oui, Monsieur, je puis dire sans ostentation, que je me sens capable de traduire cet excellent ouvrage sans le dé

* Но Французскому переводу.

figurer, ni même affoiblir beaucoup l'énergie de Votre style; mais pour conserver toute la fraîcheur de beautés, qui se trouvent dans l'original, il faudroit être un second *Bonnet*, ou doué de son génie. D'ailleurs notre langue, quoique fort riche, n'est pas assez cultivée, et nous avons encore très peu de livres de philosophie et de physique écrits ou traduits en russe. Il faudra faire de nouvelles compositions, et même créer de nouveaux noms, ce que les Allemands ont été obligés de faire, quand ils sont commencé à écrire en leur langue; mais sans être injuste envers cette dernière, dont je connois toute l'énergie et la richesse, je dirai que la notre a plus de souplesse et d'harmonie. Le sentiment de l'utilité de mon travail me donnera la force nécessaire pour en surmonter les difficultés.

Vous êtes toujours si clair, et Vos expressions sont si précises, que pour aprésent je n'ai qu'à Vous remercier de la permission, que Vous avez bien voulu me donner, de m'adresser à Vous, en cas que quelque chose dans Votre ouvrage m'embarassât. Si j'ai de la peine, ce sera de rendre clairement en russe ce qui est très clair en françois, pour peu que l'on sache ce dernier.

Je me propose aussi de traduire Votre *Palin-génésie*. J'ai un ami (Mr N. N. à Moscou), qui s'estime heureux, ainsi que moi, d'avoir lu et médité Vos ouvrages, et qui m'aidera dans mon agréable travail; et peut être que dans l'instant même où j'ai l'honneur de Vous écrire, il s'occu-

pe à traduire un chapitre de Votre *Contemplation* ou de Votre *Palingénésie*, pour en faire un présent à son ami, à son retour dans sa patrie.

En présentant au Public ma traduction, je dirai: *je l'ai vu lui-même*, et le lecteur m'enviera dans son coeur.

Daignez agréer mes remerciemens de l'accueil favorable que Vous avez eu la bonté de me faire, et le respect profond, avec lequel je suis, *

M o n s i e u r,
Votre très-humble
et très-obeissant serviteur
N. N.

* «Я осмѣливаюсь писать къ вамъ, думая, что письмо мое обезпокоитъ васъ менѣе, нежели посѣщеніе, которое могло бы на нѣсколько минутъ перервать ваши упражненія.

«Съ величайшимъ вниманіемъ читалъ я снова ваше «Созерцаніе Природы, и могу сказать безъ тщеславія, «что надѣюсь перевести его съ довольною точностію; «надѣюсь, что не совсѣмъ ослаблю слогъ вашъ. Но для «того, чтобы сохранить всю свѣжесть красоть, находящихся въ подлинникѣ, мнѣ надлежало бы имѣть «Боннетовъ духъ. Сверхъ того языкъ нашъ хотя и «богатъ, однакожь не такъ обработанъ, какъ другіе, и «по сіе время еще весьма немногія философическія и «физическія книги переведены на Русской. Надобно будетъ составлять или выдумывать новыя слова, подобно какъ составляли и выдумывали ихъ Нѣмцы, начавъ «писать на собственномъ языкѣ своемъ; но отдавая всю «справедливость сему послѣднему, котораго богатство и «сила мнѣ извѣстны, скажу, что нашъ языкъ самъ по

Вотъ отвѣтъ:

Genthod, Vendredi au soir, 22 Janvier, 1790.

Si je n'avois pas su, Monsieur, que vous êtes Russe de naissance, je ne m'en serois pas douté à la lecture de votre obligeante lettre. Vous maniez notre langue comme un François qui l'a cultivée, et je ne puis trop me féliciter d'avoir rencontré un Traducteur aussi capable que vous

«себѣ гораздо пріятнѣе. Переводъ мой можетъ быть
«полезенъ — и сія мысль послужить мнѣ ободреніемъ
«къ преодоленію всѣхъ трудностей.

«Вы пишете такъ ясно, что на сей разъ я долженъ
«только благодарить васъ за данное мнѣ позволеніе
«требовать у васъ изъясненія въ такомъ случаѣ, если
«бы что нибудь показалось для меня непонятнымъ въ
«*Созерцаніи*. Можетъ быть, трудно будетъ мнѣ выра-
«жать ясно на Русскомъ языкѣ то, что на Француз-
«скомъ весьма понятно для всякаго, кто хотя не много
«знаетъ сей языкъ.

«Я намѣренъ переводить и вашу *Палингенезію*. Одинъ
«пріятель мой, живущій въ Москвѣ, такъ же какъ и я,
«любитъ читать ваши сочиненія и будетъ моимъ со-
«трудникомъ; можетъ быть въ самую сію минуту, когда
«имѣю честь писать къ вамъ, онъ переводитъ главу изъ
«*Созерцанія* или *Палингенезіи*.

«Предлагая публикѣ переводъ мой, скажу: я *видѣлъ*
«его *счелого*, и читатель позавидуетъ мнѣ въ сердцѣ
«своемъ.

«Изъявляя признательность мою за благосклонный
«пріемъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь
«быть» — и проч.

l'êtes de rendre bien son original. Vous ne rendrez sûrement pas moins bien la *Palingénésie* que la *Contemplation*, et ces deux ouvrages vous devront un honneur auquel l'Auteur sera extrêmement sensible, celui d'être connu d'une Nation que votre patriotisme désire d'éclairer, et qui est très susceptible d'instruction.

J'ai, Monsieur, un plaisir à vous demander; ce seroit d'accepter pour lundi prochain, 25 du courant, un petit diner philosophique dans ma retraite champêtre. Si ce jour peut vous convenir, je vous attendrois sur le midi, et nous nous entretiendrions ensemble d'un travail dont je vous suis si redevable. Veuillez me donner un mot de réponse.

Je suis charmé d'apprendre que vous ayez à Moscow un Ami inspiré par les mêmes vues qui vous animent, et la satisfaction, qui il goûte à me lire et à me méditer, m'en donne beaucoup à moi-même.

Agréez les assurances bien vraies des sentimens pleins d'estime et de considération avec lesquels j'ai l'honneur d'être,

M o n s i e u r ,
Votre très-humble
et très obéissant serviteur.

*Le Contemplateur d. l. Nature. **

* Начало письма есть не что иное, какъ одна Французская учтивость. — «Я радуюсь, нашедши такого пере-

ЖЕНЕВА, 26 ЯНВАРЯ, 1780.

День вчера былъ очень хорошъ, и я отправил-
ся въ Жанту пѣшкомъ; но скоро небо помрачи-
лось, и сильный дождь принудилъ меня искать
убѣжища. Я зашелъ въ крестьянской домикъ, гдѣ
многочисленное семейство сидѣло за обѣдомъ. Хо-
зяинъ, узнавъ причину нечаяннаго посѣщенія мо-
его, принесъ мнѣ стулъ изъ другой горницы, и
просилъ меня отвѣдать картофелей, сваренныхъ
его женою. Я отвѣдалъ, похвалилъ, и положилъ
вилку. — «Что же вы не ѣдите?» — Я иду обѣ-
дать въ Жанту, къ Г. Боннету. — «Къ Госпо-
дину Боннету? И такъ вы съ нимъ знакомы?» —

«водчика: вы конечно хорошо переведете и *Палинге-
незію* и *Созерцаніе* Авторъ будетъ вамъ весьма бла-
годаренъ за то, что вы познакомите съ его сочи-
неніями такую пацію, которую онъ уважаетъ.

«Не можно ли вамъ въ Понедѣльникъ, то есть 25
«числа сего мѣсяца, отобѣдать со мною *по-философски*
«въ сельскомъ моемъ уединеніи? Если можно, то около
«двѣнадцати часовъ буду ожидать васъ, и мы погово-
«римъ о томъ трудѣ, которымъ вы намѣрены обязать
«меня. Прошу объ отвѣтѣ.

«Мнѣ пріятно слышать, что у васъ есть пріятель,
«который вмѣстѣ съ вами любитъ просвѣщеніе, и на-
«ходитъ удовольствіе въ чтеніи моихъ сочиненій.

«Увѣряя васъ въ моемъ уваженіи, имѣю честь быть,

«Государь мой,

«Вашъ покорный слуга,

«Созерцатель Природы».

Знакомъ, хотя очень недавно. — «Какой добрый человекъ! Всѣ поселяне любятъ его сердечно, а бѣдные называютъ отцомъ и благодѣтелемъ.» — Онъ помогаетъ имъ? — «Конечно; никто еще не уходилъ отъ него съ печальнымъ лицомъ.» — И такъ онъ много раздаетъ денегъ? — «Очень много; и сверхъ того говоритъ всегда такъ ласково, такъ умно, такъ хорошо, что у всякаго слезы на глазахъ навертываются, и всякому хочется схватить и поцѣловать руку его.» — *Правда, правда, башюшка!* сказалъ большой сынъ моего хозяина. *Правда*, повторила молодая жена его, взглянувъ на мужа и на меня. — — Дождь пересталъ, и я пошелъ, изъявивъ благодарность мою гостепріимному и добросердечному поселянину. И такъ Жевевскій мудрецъ не только по сочиненіямъ, но и по дѣламъ своимъ есть другъ человѣчества!

Я нашелъ его въ саду; но онъ тотчасъ повелъ меня въ домъ, примѣтивъ на кафтанѣ моемъ слѣды дождевыхъ капель, — посадилъ въ кабинетъ своемъ передъ каминомъ, и велѣлъ мнѣ грѣть ноги, боясь, чтобы я не простудился. Судите по сему объ искусствѣ его плѣнять людей! Но душа его родилась съ симъ искусствомъ — и естьли, по словамъ Виландовымъ, сочиненія Боннетовы заставляютъ читателей любить Автора, то милое обхожденіе его еще увеличиваетъ эту любовь. — Ни съ кѣмъ не говорю я такъ смѣло, такъ охотно, какъ съ нимъ. И слова и взоры его ободряютъ меня. Онъ все выслушиваетъ до конца, во все входитъ, на все отвѣчаетъ. Какой человекъ!

«Вы рѣшились переводить *Созерцаніе Природы*, сказалъ онъ: начните же переводить его въ глазахъ Автора и на томъ столѣ, на которомъ оно было сочиняемо. Вотъ книга, бумага, чернилица, перо.»—Съ радостію исполнилъ я волю его; съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ приблизился къ письменному столу великаго Философа, сѣлъ на его кресла, взялъ перо его — и рука моя не дрожала, хотя онъ стоялъ за мною. Я перевелъ титулъ — первый параграфъ — и прочиталъ вслухъ. *Слышу и не понимаю*, сказалъ любезный Бонпетъ съ усмѣшкою: *но соотечественники ваши будутъ конечно умнѣе меня.* — *Эта бумага останется здѣсь въ память нашего знакомства.*

Онъ хотѣлъ знать, во сколько времени могу перевести *Contemplation*, въ какой форматъ буду печатать эту книгу, и самъ ли стану читать корректуру? Мнѣ очень пріятно было, что великой Бонпетъ входилъ въ такія подробности; но еще пріятнѣе то, что онъ обѣщалъ мнѣ дать новыя и самой Французской Публикѣ неизвѣстныя примѣчанія къ *Созерцанію*, которыя написаны у него на карточкахъ, и въ которыхъ сообщаетъ онъ извѣстія о новыхъ открытіяхъ въ наукахъ, дополняетъ, объясняетъ, поправляетъ нѣкоторыя невѣрности, и проч. и проч. «Я человѣкъ (сказалъ онъ), и потому ошибался; не могъ самъ дѣлать всѣхъ опытовъ, вѣрилъ другимъ наблюдателямъ, и послѣ узнавалъ ихъ заблужденія. Стараясь о возможномъ совершенствѣ моихъ сочиненій, поправляю всякую ошибку, которую нахожу въ нихъ.» — Онъ хочетъ,

чтобы я прислалъ къ нему два экземпляра перевода моего: одинъ для его собственной, а другой для Женевской публичной библіотеки.

Почтенный старецъ бережетъ слабые свои глаза и почти ничего самъ не пишетъ, а все диктуетъ Секретарю.

На вопросъ, чью Философію преподають у насъ въ Московскомъ Университетѣ? отвѣчалъ я: Вольфову — отвѣчалъ наугадъ, не зная того вѣрно. *Вольфъ есть хорошій Философъ, сказалъ Боннетъ: но только онъ слишкомъ любитъ демонстрацію; я предпочелъ его методъ аналитическую, которая гораздо вѣрнѣе и безопаснѣе.*

Въ часъ мы сошли въ залу нижняго этажа, гдѣ готовъ былъ обѣдъ, и гдѣ ждала насъ Госпожа Боннетъ, которая лѣтами моложе своего мужа, но здоровьемъ гораздо его слабѣе. Она также обласкала меня; и между тѣмъ, какъ Боннетъ ѣлъ супъ, хвалила мнѣ *тихонько* доброту его сердца. «О его разумѣ, о его званіяхъ пусть судить публика; но я знаю то, что любовь его, добронравіе и нѣжныя попеченія составляютъ мое щастіе. Мнѣ кажется, что безъ него я давно бы лишилась жизни, будучи такъ слаба и не здорова; видя же его по-длѣ себя терпѣливо переносу всѣ припадки, всякую болѣзнь, и вмѣсто роптанія изъявляю Небу благодарность мою за такого супруга.» — О чемъ вы говорите? спросилъ Боннетъ, перемѣнивъ тарелку. *О хорошей погодѣ,* отвѣчала Госпожа Боннетъ, и утерла платкомъ глаза свои.

Я сидѣлъ между ими, какъ между Филемономъ

и Бавкидою. Обѣдъ былъ очень хорошъ, и такъ изобилень, какъ Природа, описанная хозяиномъ. — Когда же мы пили кофе, пришелъ тотъ Датчанинъ, живописецъ, о которомъ говоритъ Боннетъ въ Contemplation, и который живетъ у него въ домѣ. Онъ началъ рассказывать о болѣзни Гжи Соссюръ, племянницы Боннетовой, и говоря по Французски не очень хорошо, на третьемъ словѣ остановился, и нѣсколько времени не могъ сыскать выраженія. Почтенный старецъ сидѣлъ, приставя къ уху мѣдную трубку, и съ величайшимъ терпѣніемъ дожидался, пока живописецъ могъ изъясниться. Эта черта для меня характерна, и показываетъ кротость Боннетовой души, которая никого и ничѣмъ оскорбить не хочетъ.

Онъ вздумалъ проводить меня до Жсневы, призывалъ кучера и велѣлъ ему закладывать карету. Если бы вы видѣли, какими глазами смотрѣлъ на него этотъ кучеръ! и какимъ голосомъ отвѣчалъ ему: *слышу, добрый, любезный господинъ мой, слышу!* Всѣ домашніе любятъ его какъ отца.

Жалѣть ли о томъ, что онъ не имѣетъ дѣтей, которыя могли бы развеселить мрачную осень дней его? Но мудрецъ, дружелюбно бесѣдующій съ Геніемъ Натуры — мудрецъ, почитающій весь родъ человѣческій однимъ семействомъ, и трудами своими споспѣшествующій его просвѣщенію и благополучію — можетъ быть счастливъ и безъ сего удовольствія.

Г-жа Боннетъ любитъ и держитъ у себя птицъ всякаго рода: попугаевъ, чижей, горлицъ, и проч.

«Не удивляюсь вашему вкусу, сказалъ я: кто не любить того, что описано вашимъ супругомъ?» Боннетъ вслушался, и пожалъ руку мою. — «Однакожь знаете ли, сказалъ онъ, что я часто ссорюсь съ моею женою за книги? Вчера, на примѣръ, былъ у насъ великой споръ о Письмахъ дю-Пати; * слогъ ихъ кажется ей прекраснымъ, а мнѣ фигурнымъ и принужденнымъ; она находитъ въ нихъ сердечное краснорѣчіе, а я — однѣ антитезы.» — Гжа Боннетъ смѣялась, и говорила, что Сочинитель *Аналитическаго Опыта*, ** не всегда чувствуетъ красоты піитическія. — Они довели меня въ своей каретѣ до самыхъ городскихъ воротъ.

По сіе время здѣсь нѣтъ зимы, и дни бываютъ такъ ясны и теплы, какъ у насъ въ исходѣ Августа или въ началѣ Сентября, хотя во всей Женевѣ безпрестанно пылаетъ огонь въ каминахъ. Только одинъ разъ шелъ снѣгъ, и черезъ нѣскольکو часовъ растаялъ; но всѣ вершины горъ имъ покрыты. Видъ странный! Вверху сѣдая зима со всѣми своими ужасами, а внизу ясная осень.

На сихъ дняхъ познакомился я съ Господиномъ Ульрихомъ, Цирихскимъ уроженцомъ, который природно-глухихъ и нѣмыхъ учитъ говорить, читать и писать. Онъ живетъ здѣсь въ домѣ одного богатаго человека, у котораго есть нѣмая дочь, дѣвушка лѣтъ тринадцати, прекрасная собою. По-

* Lettres sur l'Italie.

** Essai analytique sur l'amè.

средствомъ его искусства и стараній начинаетъ она уже изъясняться и разумѣть другихъ. Сперва — показывая ей, какъ для всякаго слова надобно растворять ротъ, двигать языкъ и губы — научаетъ онъ ее произвошенію тоновъ, а потомъ знаками изъясняетъ ей смыслъ ихъ. Когда другіе люди говорятъ не скоро и произносятъ извѣстныя ей слова, то она по движенію губъ понимаетъ ихъ. Все это чудно. Сколько есть отвлеченныхъ идей, которыхъ кажется никакъ не лзя изъяснить знаками! Третьяго-дни былъ я въ гостяхъ у сего Ульриха. При мнѣ говорилъ онъ съ своею ученицею, и такъ свободно, какъ со всякимъ другимъ. Она разумѣла и нѣкоторыя изъ моихъ словъ, и отвѣчала мнѣ довольно хорошо; только въ голосѣ ея есть нѣчто дикое и непріятное, чего уже никакъ нельзя поправить. Она пишетъ чисто и съ наблюденіемъ орѳографіи. Мать ея велитъ ей записывать, что съ нею всякой день случается. Ульрихъ показывалъ мнѣ этотъ журналъ, писанный складно, но только слишкомъ отрывисто. Она чрезвычайно любитъ своего учителя, и ласкается къ нему болѣе, нежели къ отцу и къ матери. Въ журналѣ ея между прочимъ замѣтилъ я слѣдующее: *Госпожа N. N. звала меня къ себѣ въ гости — я не пошла къ ней — она не звала моего учителя.* — Ульрихъ ѣздилъ въ Парижъ за тѣмъ только, чтобы видѣться съ Аббатомъ л'Епе, который завелъ тамъ особое училище для нѣмыхъ. Чему удивиться болѣе: разуму ли учителя, или понятію учениковъ! Конечно сему

последнему; но все вмѣстѣ заставляетъ меня удивляться способностямъ души человѣческой.

На сихъ же дняхъ узналъ я и молодого Верна. Вамъ извѣстны его *Франсіада* и *Voyageur sentimental*, въ которыхъ много хорошаго и трогательнаго. Онъ обѣдасть иногда въ нашемъ пансіонѣ.

ЖЕНЕВА.

Пріятель мой Б* уѣхалъ въ Лозану. Сію минуту получилъ я отъ него письмо. Вотъ оно:

«Ахъ мой другъ! жалѣй о несчастномъ! Простуда, кашель, боль въ груди, едва ли позволяютъ мнѣ за перо взяться; но я непременно долженъ извѣстить тебя о моемъ меланхолическомъ приключеніи.

«Ты помнишь молодую Ивердонскую красавицу, съ которою мы ужинали въ Базелѣ, въ трактирѣ *Ауста*; * помнишь, можетъ быть, и то, что я сидѣлъ рядомъ съ нею; что она говорила со мною ласково, и смотрѣла на меня съ нѣжностію — ахъ! какая гравитная гора могла защитить мое сердце отъ ея пронзительныхъ взоровъ? Какія снѣжныя громады могли погасить огонь, воспаленный сими взорами въ источникъ жизни моей? Такъ, мой другъ! я учился Анатоми, Медицинѣ, и знаю, что сердце есть точно источникъ жизни, хотя почтенный Докторъ Ме-

«гадидактось, вмѣстѣ съ уваженіа достойнымъ
«Микрологосомъ, искалъ души и жизненнаго на-
«чала въ чудесномъ, отъ глазъ нашихъ укрываю-
«щемся сплетеніи нервъ..... Но я боюсь удалить-
«ся отъ моего предмета, и потому, оставляя на
«сей разъ почтеннаго Мегадидактоса, и ува-
«женіа достойнаго Микрологоса, скажу тебѣ
«откровенно, что Ивердонская красавица возбу-
«дила во мнѣ такіа чувства, которыхъ — теперь
«описать не умѣю. Не знаю, что бы изъ меня вы-
«шло, и что бы я сдѣлалъ, естли бы она — о
«жестокой ударъ! — не уѣхала изъ трактира въ
«самую ту ночь, въ которую душа моя занималась
«ею съ величайшимъ жаромъ, и въ которую утѣ-
«шительный сонъ не смыкалъ глазъ моихъ. Ты
«вывезъ меня изъ Базеля; путешествіе, пріятныя
«мѣста, встрѣча съ Француженкою, маленькой
«Пьеръ, бѣлка, злая бѣлка, новыя знакомства.
«водопады, горы, дѣвица Г** — все сіе не могло
«совершенно затереть образа прекрасной Ивер-
«донки въ сердцѣ моемъ. Долго старался я прео-
«долѣвать себя; но тщетно! Быстрая рѣка рано
«или поздно разрываетъ всѣ оплоты: такъ и лю-
«бовь! Нанявъ въ Лозанѣ лошадь, поѣхалъ я вер-
«хомъ въ Ивердонъ: скакалъ, летѣлъ, и въ 10 ча-
«совъ утра былъ уже на мѣстѣ — остановился
«въ трактирѣ, напудрился, снялъ съ себя кор-
«тикъ, шпоры, и пошелъ, куда стремилось мое
«сердце. Тамъ съ пасмурнымъ видомъ встрѣ-
«тилъ меня шестидесятилѣтній старикъ, отецъ
«моей красавицы. Милостивый государь! сказалъ

«я: почтеніе, которымъ душа моя преисполнена
«къ вашей любезной дочери; великое, сильное же-
«ланіе видѣть ее. — — Въ самую сію минуту она
«вошла. Юлія! знаешь ли ты этаго господина?
«спросилъ у нее старикъ. Юлія посмотрѣла на
«меня, и учтивымъ образомъ отвѣчала, что она
«не имѣетъ сей чести. Вообрази мое удивле-
«ніе! Я весь затрепеталъ — затрепеталъ вслухъ,
«какъ говорятъ Клопштокъ. Мнѣ казалось, что
«всѣ Швейцарскія и Савойскія горы обрушились
«на мою голову. Насилу могъ я собраться съ ду-
«хомъ, и не говоря ни слова, подалъ безпамятной
«Юліи записную книжку мою, гдѣ увидѣла она
«имя свое, ея собственною рукою написанное.
«Краска выступила на лицѣ жестокой; она стала
«передо мною извиняться, и сказала отцу: я имѣ-
«ла честь вмѣстѣ съ нимъ ужинать въ Базель.
«Онъ просилъ меня сѣсть. Кровь моя все еще не
«могла успокоиться, и я не имѣлъ духа смотре-
«ть на Юлію, которая также была въ замѣшатель-
«ствѣ. Старикъ, услышавъ отъ меня, что я Док-
«торъ Медицины, очень обрадовался, и началъ
«говорить со мною о своихъ болѣзняхъ. Увы! (ду-
«малъ я) за тѣмъ ли Судьба привела меня въ Ивер-
«донъ, чтобы разсуждать о геморoidalныхъ при-
«падкахъ дряхлаго старика? Между тѣмъ дочь
«его сидѣла, нюхала табакъ, и взглядывала на ме-
«ня, но совсѣмъ уже не такъ, какъ въ Базелѣ.
«Взоры ея были такъ холодны, такъ холодны,
«какъ Сѣверный Полюсъ. Наконецъ самолюбіе
«мое, жестоко уязвленное, заставило меня—встать

«со стула и откланяться. Долго ли вы пробудете
«въ Ивердонъ? спросила Юлія пріятнымъ своимъ
«голосомъ (и съ такою усмѣшкою, которая весьма
«ясно говорила: *надѣюсь, что ты уже не при-*
«*дешь къ намъ въ другой разъ*). Нѣсколько часовъ
«отвѣчалъ я. — Въ такомъ случаѣ желаю вамъ
«*щастливаго пути*. — И щастливой практики —
«примолвилъ старикъ, снявъ свой колпакъ. Мы
«разстались; и когда я вышелъ на улицу, наемный
«слуга, провожатый мой, сказалъ мнѣ, что дѣвица
«Юлія скоро выдетъ за мужъ за господина N. N. А!
«теперь знаю причину холоднаго пріема! думалъ
«я, и удвоилъ шаги свои, чтобы скорѣе удалиться
«отъ дому будущей супруги господина N. N. —
«Городъ Ивердонъ сталъ мнѣ противенъ. Я съ
«великимъ нетерпѣніемъ дожидался обѣда, и сѣвъ
«за столъ, велѣлъ слугѣ осѣдлатъ мою лошадь.
«Вмѣстѣ со мною обѣдало четверо Англичавъ, ко-
«торые вздумали пить мое здоровье всѣми вина-
«ми, какія были у трактирщика. Я самъ велѣлъ
«подать бутылки двѣ Бургонскаго, чтобы отбла-
«годарить ихъ — и такимъ образомъ прошло не-
«примѣтно около трехъ часовъ. Сердце мое забыло
«все земное горе, и простило невѣрную Юлію.
«Англичане, по своему обыкновенію, выдумывали
«разныя сентиментальныя или чувствительныя
«здоровья. Мнѣ также въ свою очередь надлежа-
«ло предложить три или четыре. При послѣднемъ
«я налилъ полную рюмку, поднялъ ее высоко и
«сказалъ громко: *кто любитъ красоту и нѣж-*
«*ность, тотъ пей со мною за здоровье Юліи, и*

«*желаю красавицу счастливаго супружества!*
«Рюмки застучали, вино запѣнилось, и всѣ Англи-
«чане въ одинъ голосъ воскликнули: *мы пьемъ за*
«*здоровье Юліи, и желаемъ красавицу счастлива-*
«*го супружества!* — Между тѣмъ я разъ десять
«спрашивалъ, готова ли моя лошадь? и десять
«разъ отвѣчали мнѣ, что она давно стоитъ у
«крыльца. Наконецъ слуга пришелъ сказать, что
«мнѣ не лѣзя ѣхать. — Не лѣзя? для чего же?—
«*Становится поздно, и находятъ облака.* —
«Вздоръ! я поѣду! лошадь!» Черезъ полчаса о-
«пять пришелъ слуга. *Вамъ не лѣзя ѣхать.* —
«Не лѣзя? для чего же?» — *Стало поздно; обла-*
«*ка сгустились, и пошелъ снѣгъ.* — «Вздоръ! я
«поѣду! лошадь!» — Черезъ нѣсколько минутъ
«слуга опять подошелъ ко мнѣ. *Вамъ не лѣзя*
«*ѣхать!* Не лѣзя? для чего же?» — *Ночь на дво-*
«*рь; снѣгъ валится хлопками, и скоро сильный*
«*вѣтеръ надуетъ вездѣ сугробы.* — «Вздоръ! по-
«ѣду, сію минуту поѣду! лошадь!» — Сказалъ,
«всталъ со стула, пожалъ у Англичавъ руки, под-
«поясалъ кортикъ, расплатился съ хозяиномъ,
«вскочилъ на коня своего, и пустился во всю
«прыть по Лозанской дорогѣ. Вѣтеръ со снѣгомъ
«дулъ мнѣ въ лице; но я протиралъ глаза, и без-
«престанно шпорилъ свою лошадь. Скоро сдѣла-
«лась страшная вьюга, и бѣлая тьма совсѣмъ ли-
«шила меня зрѣнія. Я чувствовалъ, что ѣду не по
«дорогѣ; но дѣлать было нечего. Впередъ, впе-
«редъ, на волю Божію — и такимъ образомъ стран-
«ствовалъ до половины ночи. Наконецъ добрый

«конь, вѣрный товарищъ мой, совсѣмъ изъ силъ
«выбился, и сталъ. Я сошелъ съ него, и повелъ
«его за узду; но скоро и мои силы истощились.
«Уже несчастный пріятель твой готовъ былъ у-
«пасть на пушистую снѣжную постелю, покрыть-
«ся снѣжнымъ одѣяломъ, и поручить участь свою
«Богу; хладная смерть со всѣми своими ужасами
«вилась надо мною! Увы! я прощался уже съ мо-
«имъ отечествомъ, съ друзьями, съ химическими
«лекціями *, и со всѣми моими лестными надеж-
«дами! Но судьба изрекла мнѣ помилованіе и
«вдругъ увидѣлъ я передъ собою крестьянской
«домикъ. Ты легко можешь представить себѣ ра-
«достъ мою, и для того не буду ее описывать. До-
«вольно, что меня тамъ приняли, отогрѣли, накормили,
«успокоили. На другой день поутру я при-
«нудилъ хозяина взять у меня шесть франковъ, и
«въ десять часовъ утра возвратился въ Лозану, —
«съ жестокою простудою. Вотъ конецъ моего ро-
«мана! Vale! В. — P. S. Какъ скоро уймется мой
«кашель, возвращусь на старое свое жилище, въ
«Женевскую Ресублику, подъ надежный по-
«кровъ великодушныхъ * Сивдиновъ. У васъ, ска-
«зываютъ, много шуму!» Такъ, или почти такъ
пишетъ мой Б.

==

* Пріятель мой говаривалъ всегда съ восхищеніемъ о будущихъ своихъ химическихъ лекціяхъ, которыми онъ хотѣлъ удивить всю ученую Данію.

Женевская кафедральная церковь напоминает мнѣ давно-прошедшія времена. Тутъ былъ нѣкогда храмъ Аполлоновъ; но огонь пылалъ въ стѣнахъ его и разрушилъ отчасти величественное зданіе древняго искусства — воцарилась новая Религія, и развалины языческаго храма послужили основаніемъ Христіанской церкви.

Вхожу во внутренность—огромно и пусто! Ищу глазами какого нибудь предмета, который могъ бы занять душу мою. Мнѣ представляется громада чернаго мрамора, держимая львами—это гробъ Герцога Рогана, котораго Генрихъ IV любилъ какъ друга, котораго Людовикъ XIII страшился какъ грознаго непріятеля, который жилъ и умеръ съ мечемъ въ рукахъ и въ лаврахъ побѣдителя.

Avec tous les talens le Ciel l'avoit fait naitre.

*Il agit en héros, en sage il écrivit *;*

*Il fut même grand homme en combattant son maître,
Et plus grand lorsqu'il servit.*

Вольтеръ.

Роганъ былъ главою Протестантовъ во Франціи и предводителемъ ихъ арміи; но по заключеніи мира онъ лишился ихъ довѣренности. Многие изъ нихъ называли его измѣнникомъ, предате-

* Онъ сочинилъ *Les Intérêts des Princes*, *Le parfait Capitaine*, и другія книги.

лемъ , и готовы были обагрить руки свои кровію Героя , чистаго въ своемъ сердцѣ. Безоруженъ и спокоенъ явился онъ среди мятущагося народа — обнажилъ грудь свою, и твердымъ голосомъ сказалъ озлобленнымъ своимъ единовѣрцамъ: *разите! для васъ жертовалъ я моею жизнію; теперь хочу умереть отъ руки вашей* — сказалъ , и народъ , устыдясь своей несправедливости , палъ передъ нимъ на колѣна. Такъ торжествуетъ добродѣтель, и другъ человѣчества проливаетъ радостныя слезы! — Подобныя черты великодушія суть блестящія перлы въ мрачной Исторіи вѣковъ.

Вмѣстѣ съ отцомъ своимъ покойся и веща- стный Танкредъ. Судьба сего Принца достойна примѣчанія и слезъ чувствительнаго человѣка. Роганъ хотѣлъ до времени таить рожденіе своего сына, боясь, чтобы Кардиналъ Ришелье не отнялъ его и не воспиталъ въ Католической религіи. Кори-столюбивая Танкредова сестра, желая одна владѣть имѣніемъ отца своего , воспользовалась симъ обстоятельствомъ , и нѣкоторымъ предан- нымъ ей людямъ велѣла похитить младенца, увез- ти изъ Франціи и отдать на воспитаніе какому нибудь человѣку низкаго состоянія. Все сіе сдѣ- лалось, какъ она хотѣла, — и Танкредъ отданъ былъ въ Голландіи одному небогату мѣщанину; а Герцога и супругу его, дочь великаго Сюлли, увѣ- рили , что сынъ ихъ умеръ. Юный Принцъ росъ въ деревнѣ, бѣгалъ по лугамъ , работалъ въ саду, и называлъ воспитателя своимъ отцомъ, его жену

матерью, а дѣтей братьями и сестрами. Онъ былъ прекрасный, умный мальчикъ, и заслужилъ любовь всѣхъ тѣхъ, которые его знали. — Между тѣмъ Герцогъ умеръ. Супруга его давно уже перестала проливать слезы о любезномъ сынѣ, какъ вдругъ, къ нечаянной радости своей, получила достоверное извѣстіе *, что онъ живъ. Въ ту же минуту она послала за нимъ въ Голландію. Танкредъ услышалъ о своемъ родѣ, и казался равнодушнымъ; услышалъ о смерти отца своего, и пролилъ слезы; услышалъ о матеря, объ ея ветеранѣн видѣть милаго сына, и схвативъ присланнаго за руку, сказалъ ему: *попдемъ къ ней!* увидѣлъ горестъ воспитателя своего, горестъ его жены и дѣтей, и бросился обнимать ихъ. *Никогда, никогда васъ не забуду!* сказалъ онъ съ нѣжностію: *никогда не перестану называть тебя отцомъ моимъ, тебя матерью, васъ братьями и сестрами!* Теперь простите: если мнѣ хорошо будетъ въ Парижѣ, то я отпущу къ вамъ, чтобы и вы туда пріѣхали. — Танкредъ поѣхалъ, и всякую минуту спрашивалъ: скоро ли увижу мать мою? Онъ увидѣлъ ее, и нѣжная родительница едва не лишилась жизни отъ радостнаго восторга.... Герцогиня немедленно объявила Танкреда сыномъ и наслѣдникомъ Герцога Рогана; однакожь дочь ея не хотѣла признать его своимъ братомъ. Началось дѣло, и до рѣ-

* Отъ одного изъ тѣхъ, которые отвезли его въ Голландію.

шенія запрещено было молодому Рогану называться Герцогомъ. — Франція была тогда театромъ междоусобной войны. Герцогъ Орлеанской и Принцъ Конде хотѣли овладѣть Парижемъ, и уничтожить Парламентъ; но многіе дворяне, держа сторону сего послѣдняго, защищали городъ. Осьмнадцатилѣтній Танкредъ присталъ къ нимъ, и въ разныхъ случаяхъ оказалъ удивительную смѣлость и мужество. — Самая сія геройская пылкость погубила его. Въ одномъ сраженіи онъ былъ оставленъ своими и со всѣхъ сторонъ окруженъ непріятелями, которые, щадя юнаго Героя, требовали, чтобы онъ сдался; но храбрый Танкредъ махалъ мечемъ вокругъ головы своей и кричалъ: *point de quartier! il faut vaincre ou mourir!* (*побѣдить или умереть*)! Свинцовая пуля пролетѣла сквозь его сердце, и Герой умеръ Героемъ. — Сія безвременная смерть сократила жизнь несчастной Герцогини. Она велѣла написать надъ гробомъ его. *Здѣсь лежитъ Танкредъ, сынъ Герцога Рогана, истинный наслѣдникъ добродѣтели и великаго имени отца своего. Онъ умеръ на девятнадцатомъ году отъ рожденія, сражаясь за своихъ согражданъ. Небо показало — и сокрыло его, къ горести всѣхъ родственниковъ и всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества. Маргарита Бетюнъ, Герцогиня де Роганъ, печальная вдова, неутѣшная мать, соорудила сей памятникъ, да будетъ оный вѣчнымъ свидѣтельствомъ ея скорби и любви къ милому сыну. Но злобная Танкредова сестра, по смерти матери своей, (которая также погребена*

въ Женевѣ, подлѣ супруга и сына) — злобная сестра, питая ненависть даже и къ мертвому брату своему, заставила Короля писать къ начальникамъ Женевской Республики, чтобы сія эпитафія была уничтожена. Они исполнили его приказаніе и стерли трогательную надпись; но я нашелъ ее въ *Histoire de Tancrede*. — Извѣстный Скюдери сочинилъ тогда слѣдующіе стихи (подписанные имъ самой сестрѣ Танкредовой):

Olimpe, le pourrai-je dire,
Sans exciter votre courroux?
Le grand coeur que la France admire,
Semble déposer contre vous.
L'invincible Rohan, plus craint que le tonnerre,
Vit finir ses jours á la gerre *,
Et Tancrede a le même sort.
Cette conformité qui le couvre de gloire,
Force presque chacun à croire,
Que la belle Olimpe avoit tort,
Et que ce jeune Mars, si digne de mémoire,
Eut la naissance illustre, aussi bien que la mort. —

Въ сей же церкви погребенъ дѣдъ Госпожи Ментепонъ, Теодоръ Агриппа Обинье, который нѣкоторое время пользовался благосклонностію Генриха IV; но послѣ долженъ былъ удалиться отъ Двора, и даже выѣхать изъ Франціи.

* Сей стихъ можно поставить въ примѣръ слабыхъ и непитическихъ стиховъ.

Прекрасное время продолжается. Я стараюсь имъ пользоваться, и часто, взявъ въ карманъ лундора три и записную книжку, странствую по Савоіи, Швейцаріи, или Pays de Gex, и дни черезъ четыре возвращаюсь въ Женеву.

Не давно былъ я на островѣ С. Петра, гдѣ величайшій изъ писателей осьмаго-надесять вѣка укрывался отъ злобы и предразсужденій человѣческихъ, которыя, какъ Фуріи, гнали его изъ мѣста въ мѣсто. День былъ очень хорошъ. Въ нѣсколько часовъ исходилъ я весь островъ, и вездѣ искалъ слѣдовъ Женевского гражданина и Философа: подъ вѣтвями древнихъ буковъ и каштановыхъ деревъ, въ прекрасныхъ аллеяхъ мрачнаго лѣса, на лугахъ поблекшихъ и на кремнистыхъ свѣсахъ берега. «Здѣсь» думалъ я, «здѣсь, забывъ жестокихъ и неблагодарныхъ людей... неблагодарныхъ и жестокихъ! Боже мой! какъ горестно это чувствовать и писать!... Здѣсь, забывъ всѣ бури мірскія, наслаждался онъ уединеніемъ и тихимъ вечеромъ жизни; здѣсь отдыхала душа его послѣ великихъ трудовъ своихъ; здѣсь въ тихой, сладостной дремотѣ покоились его чувства! Гдѣ онъ? Все осталось, какъ при немъ было; но его нѣтъ—нѣтъ! Тутъ слышалось мнѣ, что и лѣсъ и луга вздохнули, или повторили глубокой вздохъ моего сердца. Я смотрѣлъ вокругъ себя — и весь островъ показался мнѣ въ траурѣ. Печальный флеръ зимы лежалъ на Природѣ. — Ноги мои устали. Я сѣлъ на краю острова. Бильское озеро свѣтлѣло и покоилось во всемъ пространствѣ сво-

емъ; на берегахъ его дымились деревни; вдали видны были городки Биль и Нидау. Воображеніе мое представило плывущую по зеркальнымъ водамъ лодку; зефиръ вѣялъ вокругъ ее, и правилъ ею вмѣсто кормчаго. Въ лодкѣ лежалъ старецъ почтеннаго вида, въ Азіатской одеждѣ; взоры его, устремленные на небеса, показывали великую душу, глубокомысліе, пріятную задумчивость. Это онъ, онъ, — тотъ, кого выгнали изъ Франціи, Женевы, Нёшателя — какъ будто бы за то, что Небо одарило его отмѣннымъ разумомъ; что онъ былъ добръ, нѣженъ и человѣколюбивъ!

Какими живыми красками описываетъ Руссо * пріятную жизнь свою на островѣ Св. Петра, — жизнь, совершенно бездѣйственную! Кто никогда не истощалъ душевныхъ силъ своихъ въ ночныхъ размышленіяхъ, тотъ конечно не можетъ понять блаженства сего роду — блаженства сей *Субботы*, которою наслаждаются одни великіе Духи при концѣ земнаго странствованія, и которая приготовляетъ ихъ къ новой дѣятельности, начинающейся за прагомъ смерти.

Но кратко было успокоеніе твое! Новый ударъ грома перервалъ его, и сердце великаго мужа обливалося кровію. «Дайте мнѣ умереть, — говорилъ онъ въ горести души своей, — дайте мнѣ умереть покойно! Пусть желѣзные замки и тяжелые запоры гремятъ на дверяхъ моей хижины! Заключи-

* Въ *Promenades solitaires*,

те, заключите меня на семь островъ, если вы думаете, что дыханіе мое для васъ ядовито! Но перестаньте гнать несчастнаго! Лишите меня дневнаго свѣта, и только въ ночное время позвольте мнѣ бѣдному вздохнуть на свѣжемъ воздухѣ!» Нѣтъ, слабый старецъ долженъ проститься съ любезнымъ своимъ островомъ — и послѣ того говорить, что Руссо былъ мизантропъ! Скажите, кто бы не сдѣлался такимъ на его мѣстѣ? Развѣ тотъ, кто никогда не любилъ человѣчества!

Я сидѣлъ въ задумчивости, и вдругъ увидѣлъ молодаго человѣка, который, нахлучивъ себѣ на глаза круглую шляпу, тихими шагами ко мнѣ приближался; въ правой рукѣ была у него книга. Онъ остановился, взглянулъ на меня, и сказавъ: *Vous pensez à lui* (вы объ немъ думаете), пошелъ прочь такими же тихими шагами. Я не успѣлъ ему отвѣчать и хорошенько посмотрѣть на него; но выговоръ его и зеленый фракъ съ золотыми пуговицами увѣрили меня, что онъ Англичанинъ.

На островѣ только одинъ домъ, въ которомъ живетъ Управитель съ семействомъ своимъ; тутъ жилъ и Руссо. — Сей островъ, принадлежащій Берну, называется нынѣ по большей части Руссовымъ.

Я былъ еще въ Ивердонѣ, Нёшателѣ и въ другихъ городкахъ Швейцаріи. Въ Ивердонской публичной библіотекѣ показываютъ скелеты, найденные въ землѣ лѣтъ за двадцать передъ симъ, близъ одной мельницы. Лицами лежали они къ востоку; въ ногахъ у нихъ стояли глиняныя ур-

ны и маленькія блюда съ костями разныхъ птицъ. Тутъ же нашли еще нѣсколько серебряныхъ и мѣдныхъ медалей Константинова времени. — Во всей Швейцаріи видно изобиліе и богатство; но какъ скоро переступишь въ Савойскую землю, увидишь бѣдность, людей въ раздранныхъ рубищахъ, множество нищихъ, — вообще неопрятность и нечистоту. Народъ лѣнивъ, земля необработана, деревни пусты. Многіе изъ поселянъ оставляютъ свои жилища, ѣздятъ по свѣту съ учеными сурками и забавляютъ ребятъ. Въ Карушѣ, первомъ Савойскомъ городкѣ, стоитъ полкъ; но какіе солдаты! какіе Офицеры! Несчастливая земля! Несчастливъ и путешественникъ, который долженъ въ Савойскихъ трактирахъ искать обѣда, или убѣжища на время ночи! Надобно закрыть глаза и зажать носъ, естли хочешь утолить голодъ; постели такъ чисты, что я никогда на нихъ не ложился.

Накопецъ миръ и тишина царствуютъ въ Женевѣ. Перемѣна, происшедшая за нѣсколько мѣсяцевъ передъ симъ въ правленіи Республики, утверждена союзными державами: Франціею, Кантономъ, Берномъ, Савоіею; и тѣ изъ гражданъ которые прежде были выгнаны изъ Женевы, могутъ теперь возвратиться. Не давно выбирали новыхъ Синдиковъ. Всѣ Женевцы, собравшіеся въ Церкви Св. Петра, подтверждали сей выборъ, кладя руку на Библію. Первый Синдикъ говорилъ рѣчь, и давалъ гражданству отчетъ въ дѣлахъ своихъ. Потомъ новые Синдики, держа въ рукахъ

жезлы правленія, присягали и обѣщались наблюдать пользу Республики. Все было тихо и торжественно. Иностранцевъ впускали по билетамъ на галерею.

Не давно случился здѣсь слѣдующій комикопечальный анекдотъ. Я писалъ къ вамъ о Женевскомъ гульбищѣ *sur la Treille*, гдѣ (а особливо въ праздники) собирается множество людей, мужчинъ и женщинъ, Женевцовъ и чужестранныхъ. Въ послѣднее воскресенье одинъ молодой Англичанинъ, — но не тотъ, котораго видѣлъ я на островѣ Св. Петра, — къ удивленію всѣхъ явился тамъ на кургузомъ конѣ своемъ, пустился въ галопъ по аллеѣ и едва не передавилъ гуляющихъ. Здѣшній Полицейской судья схватилъ лошадь его за узду и сказалъ ему, что по *Трели* ходятъ, а не ѣздятъ. *А я хочу ѣхать*, отвѣчалъ Англичанинъ. — «Вамъ не позволяютъ.» — «*Кто, кто мнѣ не позволитъ?*» — «Я, имепемъ закоша.» Англичанинъ высунулъ языкъ, далъ шпоры своей лошади и по скакалъ. *Бунтъ! мятежъ!* закричали Женевцы — и черезъ нѣсколько минутъ явился на *Трели* отрядъ здѣшней Гвардіи. Вы думаете, можетъ быть, что Англичанинъ скрылся? Никакъ — онъ ѣздилъ по аллеямъ, свисталъ, махалъ своимъ хлыстикомъ, дразнилъ тѣхъ, которыхъ физіогномія ему не нравилась, и хотѣлъ передавить солдатъ, когда они окружили его; но дерзкаго Британца, не смотря на его храброе сопротивленіе, стащили съ лошади и отвели въ караульню. Черезъ полчаса прибѣжала къ нему молодая женщина, и со

слезами бросилась обнимать его. Онъ началъ говорить съ нею по-Англійски, и оборотившись къ караульному Офицеру, сказалъ ему: *вся ваша Республика не стоитъ слезы ея*. Увѣряютъ, что Синдиги за такое Женевохуленіе продержали его лишній день подъ стражею. Вчера онъ получилъ свободу и уѣхалъ изъ Женевы.

Графъ Молтке и Поэтъ Багзенъ теперь въ Женевѣ. Они ѣздили на нѣсколько дней въ Парижъ и возвращаются опять въ Бернъ. Багзенъ еще не женился, и спѣшитъ къ своей невѣстѣ. Графъ съ восхищеніемъ говоритъ о своемъ путешествіи, о Парижѣ, Ліонѣ, и проч.; но Поэтъ говоритъ мало, потому, что онъ весь свой жаръ истощаетъ въ письмахъ къ Софіи. Нынѣ ввечеру ходили мы прогуливаться, и я показывалъ имъ лучшія мѣста и виды вокругъ Женевы. Молтке, смотря на Бѣлую гору, подымалъ руки, — громкими восклицаніями изъясняя восторгъ свой, — увѣрялъ, что онъ хотѣлъ бы жить и умереть на снѣжной вершинѣ ея, и дивился тому, что никто изъ земныхъ владыкъ, для безсмертія славы своей, не вздумалъ наместить большой дороги отъ низу до верху сей горы, такъ, чтобы туда можно было ѣздить въ каретахъ. Вы видите, что Графъ любитъ исполинскія мысли!

Датчане Молтке, Багзенъ, Беккеръ и я были нынѣ поутру въ Фернеѣ, — осмотрѣли все, поговорили о Вольтерѣ, и проѣхали обѣдать въ Жанту, къ Созерцателю Натуры, который принялъ насъ съ обыкновенною своею привѣтливостію.

«Теперь вы окружены сѣверомъ» — сказалъ я, когда мы сѣли вокругъ его. *Мы многимъ обязаны вашему краю*, отвѣчалъ онъ: *тамъ возшла новая заря наукъ; я говорю объ Англіи, которая есть также сѣверная земля; а Линней былъ вашъ сосѣдъ.* — Каждого изъ насъ по очереди сажалъ Боннетъ подлѣ себя, и со всякимъ находилъ особливую матерію для разговора: съ Графомъ, котораго дѣдушка былъ Министромъ, говорилъ онъ о политическомъ состояніи Даніи, съ Багзеномъ о невѣстѣ его, съ Беккеромъ о Химіи и Минералогіи, со мною о Русской Литтературѣ и характерѣ Женевцовъ. Потомъ разговоръ сдѣлался общимъ: Галлеръ былъ предметомъ его. Съ какимъ жаромъ великой Боннетъ превозносилъ достоинства великаго Галлера! Тридцать лѣтъ любили они другъ друга. Слезы нѣсколько разъ показывались въ глазахъ нашего почтеннаго старца. Онъ выскзалъ письма покойнаго друга своего, и отдалъ Багзену читать ихъ; послѣднее, писанное Галлеромъ за нѣсколько дней передъ его смертію, всѣхъ насъ заставило плакать. Нѣкоторыя строки остались въ моей памяти; вотъ онѣ: «Скоро, «любезный и почтенный другъ мой! скоро не будетъ меня въ семъ мірѣ. Обращаю глаза на прошедшую жизнь мою, и полагаюсь на благость «Провидѣнія, спокойно ожидаю смерти. Въ сію «минуту болѣе, нежели когда нибудь, благодарю «Бога за то, что я воспитанъ былъ въ Христіан-«ской Религіи, и что спасительныя истины ея «всегда жили въ моемъ сердцѣ. Благодарю Его и

«за вашу драгоцѣнную дружбу, которая служила
«мнѣ утѣшеніемъ въ жизни, и питала въ душѣ
«моей любовь къ мудрости и добродѣтели..... Про-
«стите, дражайшій другъ мой! Живите еще мно-
«гія лѣта, и просвѣщайте человѣчество; живите
«и распространяйте царство добродѣтели!..... Про-
«стите! Въ сію минуту душа моя къ вамъ стре-
«мится: — я хотѣлъ бы обнять васъ въ послѣд-
«ній разъ; хотѣлъ бы въ послѣдній разъ слышать
«изъ устъ вашихъ сладостное наименованіе дру-
«га; хотѣлъ бы словесно изъяснить вамъ всю при-
«знательность, всю чувствительность моего серд-
«ца.... Я оставляю дѣтей: будьте имъ вторымъ от-
«цомъ, наставникомъ, покровителемъ, другомъ!.....
«Простите! Гдѣ и какъ мы увидимся, не знаю; но
«знаю то, что Богъ премудръ, благъ и всесиленъ:
«мы безсмертны! дружба наша безсмертна!.....
«Скоро зашумитъ и подымется передо мною не-
«проницаемая завѣса—слава Всевышнему!..... Про-
«стите въ послѣдній разъ — рука моя слабѣетъ —
«въ послѣдній разъ называюсь здѣсь вашимъ вѣр-
«нымъ, пѣжымъ, признательнымъ, благодар-
«нымъ, умирающимъ, но вѣчнымъ другомъ!» —
Съ такими чувствами, любезные друзья мои, кон-
чилъ жизнь свою сей великій мужъ — и да бу-
детъ конецъ нашъ подобенъ его концу! — Бон-
петъ взялъ за руку Багзена, и сказалъ ему голо-
сомъ растроганнаго сердца: *Вы жемитесь на вну-*
къ его: обнимите меня!

Тутъ слуга пришелъ сказать, что Госпожа Бон-
нетъ дожидается насъ къ обѣду. Почтенный хо-

зяицъ рекомендовалъ ей моихъ товарищей, и указывая на Багзена, сказалъ: *онъ любимъ тою, которая намъ столь любезна!*

За обѣдомъ Багзенъ долженъ былъ рассказать хозяйкѣ, какимъ образомъ онъ познакомился съ дѣвицею Галлеръ. Я хотѣлъ бы, чтобы вы послушали его. По-Французски изъясняется онъ съ трудомъ; но живость его словъ и движеній трогаетъ душу. — Въ жару своемъ Поэтъ нашъ заговорилъ - было съ Боннетомъ, но любезный старецъ, взявъ его за руку, сказалъ ему весьма покойно: *мой другъ! я Пивагореецъ, и обладаю въ молчаніи.* Багзенъ замѣшался и замолчалъ; но Госпожа Боннетъ просила его досказать.

Послѣ обѣда ходили мы прогуливаться. «Въ «этой бесѣдкѣ,» говоритъ Боннетъ, «сочинялъ я «предисловіе къ Палингенезіи; здѣсь, на берегу «озера, первыя главы ея; тутъ, подъ высокимъ «каштановымъ деревомъ, заключеніе *Созерцанія Природы.* На чистомъ воздухѣ мысли мои бываютъ свѣжѣе.» — Часы или минуты сочиненія — тѣ минуты, въ которыя душа его, божественнымъ огнемъ согрѣтая, предается быстрому стремленію мыслей и чувствъ своихъ — называетъ онъ счастливейшими, сладкими, небесными минутами.

Разговоръ зашелъ о стихотворствѣ. Багзенъ увѣрялъ, что онъ никогда уже не будетъ писать стихами *, потому что сей родъ сочиненій есть

* Однакожъ не давно выдалъ онъ многія піесы въ стихахъ.

совсѣмъ неестественный, и мѣшаетъ чувствамъ изливаться во всей ихъ полнотѣ и свободѣ. «Я отчасти согласенъ съ вами,» сказалъ Боннетъ, «и признаюсь, что хорошая проза мнѣ лучше нравится; но можетъ быть для того, что я не Поэтъ. — Тотъ, кто въ заключеніи *Налинггенезіи* написалъ: *notre Pere!... notre Pere!... nous....* есть величайшій изъ Поэтовъ,» сказалъ Багзень, и сею искреннею похвалою тронулъ чувствительнаго старца.

Бонпетъ называетъ Галлерову Поэму о происхожденіи зла самою лучшею изъ философическихъ стихотвореній; хвалитъ также и *Essay on Man*. Онъ любитъ и уважаетъ Клопштока, хотя никогда съ нимъ не видался.

Мы пробыли въ Жанту до пяти часовъ.

ФЕВРАЛЯ 2, 1790.

Аббатъ Н*, раздаватель милостыни при Французскомъ Посольствѣ, игралъ важную ролю въ Женевскихъ обществахъ. Онъ былъ довольно ученъ, знакомъ со всѣми Французскими славными и полуславными стихотворцами и прозаистами, остроуменъ, веселъ, забавенъ. Отъ шести часовъ до осьми — время, въ которое обыкновенно въ вечернихъ Женевскихъ собраніяхъ всѣ безъ исключенія садятся за карточные столы — бывалъ

онъ душею дамской бесѣды, загадывалъ загадки, шарады; рассказывалъ смѣшныя и трогательныя Парижскіе анекдоты и тому подобное. Любезный, милый Аббатъ! говорили дамы, садясь за карты.

Въ мірѣ все подвержено переменѣ — и вдругъ веселый, забавный Аббатъ сталъ задумчивъ, печаленъ, молчаливъ. Въ собраніяхъ являлся онъ такъ же часто, какъ и прежде, но ролю игралъ совсѣмъ иную. Напрасно дамы хотѣли ввести его въ разговоръ: отвѣты его были коротки, улыбки принужденны. Что сдѣлалось съ нашимъ Аббатомъ? говорили всѣ знакомые съ удивленіемъ. Нѣкоторыя изъ пріятельницъ старались проникнуть въ тайну; однакожь всѣ опыты были безуспѣшны. На примѣръ: «Съ нѣкотораго времени вы печальны, Г. Аббатъ.» — «Я, сударыня? Можетъ быть.» — «Друзья ваши берутъ участіе въ вашей горести, хотя и не знаютъ причины ея.» — «Мнѣ имъ сказать нечего.» — «Позвольте въ этомъ сомнѣваться.» — «Какъ вамъ угодно.» — Однимъ словомъ, Аббатъ молчалъ, и дамы наконецъ его оставили. Другой Аббатъ, пріѣхавшій изъ Парижа, занялъ ихъ своею любезностію.

Въ сіе время я узналъ Н*. Ему было за сорокъ лѣтъ; однакожь по свѣжести лица, которая и отъ самой печали не увяла, всякой бы почелъ его тридцати-пятилѣтнимъ человѣкомъ. Видъ былъ сумраченъ и важенъ; глаза томны, — но въ нихъ блистали еще искры душевнаго огня. Нѣсколько разъ встрѣчался я съ нимъ въ уединенныхъ своихъ прогулкахъ; нѣсколько разъ находилъ его

сидящаго подъ каштановыми деревьями на пригоркѣ, откуда съ правой стороны видны свѣжыя Савойскія горы, прямо Женевское озеро, а съ лѣвой спящая гора Юра, которая простирается до самаго Базеля. Ему конечно мѣсто сіе было такъ же любезно, какъ и мнѣ. Задумчивъ, углубленъ въ самаго себя, смотрѣлъ онъ на увядающій дернъ — уже приближалась зима — или на тихое озеро. Иногда садился я подлѣ него и думалъ о друзьяхъ своихъ. Оба мы думали и молчали.

Секретарь Посольства, проснувшись однажды въ три часа за полночь, увидѣлъ огонь въ комнатѣ у Аббата, которая отъ его комнаты отдѣлялась одною перегородкою съ стеклянною дверью. Ему захотѣлось узнать, что дѣлаетъ Аббатъ.... Онъ подошелъ къ двери, и увидѣлъ его стоящаго на колѣняхъ передъ Распятіемъ. Руки его были простерты къ предмету, имъ обожаемому; сердечное умиленіе изображалось на его лицѣ, блестящія слезы катились изъ глазъ. Молодой Секретарь никогда не былъ пабоженъ; но въ сію минуту почувствовалъ благоговѣніе, и стоялъ неподвижно. Черезъ нѣсколько минутъ Аббатъ всталъ, сѣлъ и началъ писать. Секретарь легъ опять на постелю, но не могъ заснуть. Свѣча горѣла у Аббата до самаго утра. Въ девять часовъ вышелъ онъ изъ своей комнаты. Глаза его были красны, лице блѣдно; впрочемъ непримѣтно было въ немъ никакого безпокойства. Секретарь спросилъ у него, покойно ли онъ спалъ? Очень покойно, отвѣчалъ Аббатъ, и предложилъ ему идти

прогуливаться. Они вышли на *Трель*, ходили взадъ и впередъ около часа, и разговаривали о погодѣ и тому подобномъ. День былъ праздничный, и Аббату въ десять часовъ надлежало служить обѣдню. Службу отправлялъ онъ съ отмѣннымъ усердіемъ: послѣ чего, не сказавъ ни слова, скрылся. Насталъ часъ обѣда, Аббатъ не возвращался; насталъ часъ ужина, Аббатъ не возвращался; прошла ночь, и его все еще не было дома. Поутру Секретарь увѣдомилъ о томъ Резидента. Послали спрашивать къ знакомымъ; но никто не видалъ его. Послали наконецъ спросить о немъ въ караульняхъ. Часовой у Швейцарскихъ воротъ сказалъ, что Аббатъ наканунѣ въ первомъ часу по полудни вышелъ изъ города. Спрашивали въ окрестностяхъ; но болѣе не могли о немъ ничего свѣдать. Всѣ пожитки его и кошелекъ съ лундорами остались въ его комнатѣ. Аббатъ пропалъ! говорили въ городѣ, и наковецъ позабыли Аббата. У него не было друзей! Онъ не имѣлъ того, что я имѣю!

Тамъ, гдѣ дикая Арва сливается съ зеленою Роною, прогуливались два чужестранца, и разговаривали о жизни человѣческой. Быстро, быстро течетъ она! сказалъ одинъ изъ нихъ, взглянуль на стремительную Рону, и увидѣль — несущееся тѣло; большой камень остановилъ его.

Тѣло вытащили, и узнали несчастный жребій Аббата. Два мѣсяца лежалъ онъ въ водѣ. Глазъ было совсѣмъ не видно; синее, размокшее лицо устрашало взоры чувствительнаго. Въ одномъ кар-

манѣ нашли у него муфту, въ другомъ черную его мантию.

Трупъ погребли въ первомъ Французскомъ селеніи, верстахъ въ трехъ отъ Женевы, безъ всякаго обряда. Нѣтъ камня на могилѣ его — нѣтъ надписи. Страшливое суевѣріе бѣжитъ отъ сего мѣста. Тутъ лежить погибшій, говорятъ поселяне. Причина, для чего Аббатъ возненавидѣлъ жизнь, по сіе время неизвѣстна.

ЖЕНЕВА, 28 ФЕВРАЛЯ, 1790.

Не знаю, что думать о вашемъ молчаніи, любезнѣйшіе друзья мои! Съ нетерпѣніемъ ожидаю почты — она приходитъ — бѣгу, спрашиваю — и тихими шагами возвращаюсь домой, повѣся голову, смотря въ землю, и не видя ничего. Все представляю себѣ — и возможности устрашаютъ меня. Ахъ! естли васъ не будетъ на свѣтѣ, то связь моя съ отечествомъ перервется — я пойду искать какой нибудь пустыни во глубинѣ Альпійскихъ горъ, и тамъ среди печальныхъ и ужасныхъ предметовъ Натуры, въ вѣчномъ уныніи проведу жизнь мою.

Но можетъ быть вы живы и благополучны; можетъ быть письма ваши какъ нибудь пропадаютъ — вотъ моя надежда, мое утѣшеніе! Су-

мракъ и ясность, ненастье и ведро, смѣняются теперь въ душѣ моей, подобно какъ въ непостоянномъ Апрѣлѣ. — Въ самомъ печальномъ расположеніи принялся я за перо; теперь мнѣ лучше.

Черезъ три дни, друзья мои, выѣду изъ Жене-вы. Главное мое упражненіе состоитъ теперь въ томъ, чтобы разематривать ландкарту и сочинять планъ путешествія. Мнѣ хочется пробраться въ южную Францію, и видѣть прекрасныя страны Лангедока и Прованса; но какъ я не думаю пробыть тамъ долго, то вы должны писать ко мнѣ въ Парижъ, подъ адресомъ: à Messieurs Breguet et Compagnie, Quai des Morfondus, pour remettre à Mr. N. N. Если же по отъѣздѣ моемъ получены будутъ въ Женевѣ отъ васъ письма, то Г. Бьенцъ, любезный знакомецъ мой, перешлетъ ихъ ко мнѣ.

Живучи здѣсь, я часто досадовалъ на Женевцовъ, и нѣсколько разъ хотѣлъ описать характеръ ихъ самыми несвѣтлыми красками; но теперь, на прощаньи, не могу сказать объ нихъ ничего худого. Сердце мое помирилось съ ними, и я желаю имъ всякаго добра. Пусть цвѣтетъ маленькая область ихъ подъ тѣнію Юры и Салева! Да наслаждаются они плодами своего трудолюбія, искусства и промышленности! Да разсуждаютъ спокойно въ *Серкляхъ* своихъ о происшествіяхъ міра, и пусть дамы ихъ загадываютъ загадки глухимъ Баронамъ! Пусть все Европейцы съ сѣвера и юга пріѣзжаютъ къ нимъ на вечеринки, играть въ вискъ по гривнѣ партію, и пить чай и кофе! Да

будетъ ихъ Республика многія, многія лѣта прекрасною игрушкою на земномъ шарѣ.

Нынѣ поутру вышелъ я изъ города въ глубокой задумчивости. Но мало по малу меланхолическія мысли разсѣялись; взоры мои, устремленные на величественное озеро, тихо плавали на прозрачныхъ зыбяхъ его. Мнѣ стало такъ легко, такъ хорошо! Воздухъ былъ такой теплый, такой чистый! На деревьяхъ порхали птички, махали крылошками, и послѣ зимняго молчанія запѣвали радостныя пѣсни, на вѣтвяхъ, еще не одѣтыхъ листьями. Дыханіе весны возбуждало жизнь и дѣятельность въ Природѣ.

Наконецъ въ послѣдній разъ я былъ у Боннета, и говоря съ нимъ искренно, открылъ ему свое горе. Онъ сожалѣлъ обо мнѣ, утѣшалъ меня — голосъ и глаза его показывали, что это сожалѣніе, это утѣшеніе было не притворное. — Общанныя примѣчанія къ *Contemplation* * я получилъ. Беккеръ (который, къ великому моему удовольствію, ѣдетъ вмѣстѣ со мною) велѣлъ мнѣ спросить у Боннета, когда онъ позволитъ ему про-

* Quelques Notes additionnelles pour la Traduction en Langue Russe de la *Contemplation de la Nature*, par M....

ститися съ нимъ? Онъ вашъ пріятель, отвѣчалъ любезный старикъ: и такъ во всякое время я буду радъ ему. Какая душа! и какъ мнѣ забыть его привѣтливость, его ласки! — Слезы не удержались въ глазахъ моихъ, когда мнѣ надлежало съ нимъ прощаться. «Живите (сказалъ я), живите для блага человѣчества!» Онъ обнялъ меня — желалъ мнѣ щастія; желалъ, чтобы вы, друзья мои, были здоровы, и чтобы я скоро получилъ отъ васъ письма. Милый, милый Боннетъ! Философъ съ чувствомъ! — Я затворилъ за собою дверь его кабинета; но онъ вышелъ и кричалъ мнѣ въ слѣдъ: *adieu, cher K...., adieu!* — Боннетъ далъ мнѣ два адреса въ Ліонъ, къ Гг. Жилиберту и де-ла-Турету, Директору и Секретарю Академіи.

Цѣлый вечеръ бродилъ я по Женевскимъ окрестностямъ и прощался съ любезнѣйшими мнѣ мѣстами. На высокомъ берегу шумящей Роны, тамъ, гдѣ впадаетъ въ нее Арва, и гдѣ съ крутой скалы низвергается пѣнистый ручей, просиживалъ я часто до самой ночи; оттуда взглянулъ нынѣ въ послѣдній разъ на тихое, прекрасное озеро, на Савойскую долину, на горы и пригорки — вспомнилъ, гдѣ что думалъ, гдѣ что чувствовалъ — и едва не забылъ того времени, въ которое запираются городскія ворота. — Простите, друзья мои! Если вы здоровы, то я доволенъ Судьбою, и получивъ отъ васъ письмо, забуду все теперешнее горе! Простите! — Вотъ послѣдняя строка изъ Женевы! — *Марта I.*

ГОРНАЯ ДЕРЕВЕНЬКА ВЪ PADS YE GEX,

МАРТА 4, 1790, ВЪ ПОЛНОЧЬ.

Нынѣ послѣ обѣда поѣхали мы изъ Женевы, въ двумѣстной Англійской каретѣ, которую нанялъ я до самаго Ліона за четыре лундора съ талеромъ, и по гладкой прекрасной дорогѣ приближились къ Юрѣ. Вся грусть моя исчезла; тихое веселье — неописанное, сладкое удовольствіе заступило мѣсто ея въ моемъ сердце. Никогда еще не путешествовалъ я такъ пріятно, съ такою удобностію. Добрый товарищъ, покойная карета, услужливый извозчикъ, перемѣна мѣста — мысль о томъ, что скоро увижу — все это привело меня въ самое счастливѣйшее расположеніе, и каждый новый предметъ оживлялъ мою радость. Беккеръ былъ такъ же веселъ, какъ и я; кучеръ нашъ былъ такъ же, веселъ какъ и мы. Прекрасный выѣздъ!

Тамъ, гдѣ гора Юра за нѣсколько тысящелѣтій передъ симъ разступилась на своемъ основаніи, съ такимъ трескомъ, отъ котораго можетъ быть Альпы, Аппенины и Пиренеи задрожали, въѣхали мы во Францію при страшномъ сѣверномъ вѣтрѣ, и были встрѣчены осмотрщиками, которые съ величайшею учтивостію сказали, что имъ должно видѣть наши вещи. Я отдалъ Беккеру ключъ отъ моего чемодана и пошелъ въ корчму. Тамъ передъ каминомъ сидѣли *Монтаньяры*, или

горные жители. Они взглянули на меня гордо, и оборотились опять къ огню; но услышавъ привѣтствіе мое: *bonjour, mes amis!* (*здравствуйте, друзья!*) приподняли свои шляпы, раздвинулись и дали мнѣ мѣсто подлѣ огня. Важный видъ ихъ заставилъ меня думать, что люди, живущіе между скалъ, на пустыхъ утесахъ, подъ шумомъ вѣтровъ, не могутъ имѣть веселаго характера; мрачное уныніе будетъ всегда ихъ свойствомъ — ибо душа человѣка есть зеркало окружающихъ его предметовъ.

Эта пограничная корчма есть живой образъ бѣдности. Вмѣсто крыльца служатъ два дикіе камня, одинъ на другой положенные, и на которые должно взбираться какъ на Алпійскую гору; внутри нѣтъ ничего, кромѣ голыхъ стѣнъ, превеликаго стола и десяти или двѣнадцати толстыхъ отрубковъ или чурбановъ, называемыхъ стульями; полъ кирпичный — но онъ почти весь выломанъ. — Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ Беккеръ, и началъ говорить со мною по-Нѣмецки. Старикъ который сидѣлъ за столомъ и ѣлъ хлѣбъ съ сыромъ, протянулъ уши, улыбаясь и сказалъ: *даишь! даишь!* давая намъ разумѣть, что онъ знаетъ, какимъ языкомъ мы говоримъ между собою. Не удивляйтесь, продолжалъ старикъ: я служилъ нѣсколько кампаній въ Нѣмецкой землѣ и въ Нидерландахъ, подъ начальствомъ храбраго Саксонскаго Маршала. Вы конечно слышали о сраженіи при Фонтенуа: тамъ ранили меня въ лѣвую руку. Смотрите — я

не могу поднять ее выше этаго. — «Почтенный воинъ!» сказалъ я, подошедши къ нему, и взявъ его за правую руку: «дозволь мнѣ посмотрѣть на тебя.» — Инвалидъ усмѣхнулся. «Давно ли ты въ отставку, добрый старикъ?» спросилъ Беккеръ. «Тридцать лѣтъ,» отвѣчалъ онъ — «много времени! не правда ли, баринъ? Мой Фельдмаршалъ давно лежитъ въ землѣ.» — «Мы видѣли гробъ его.» — «Вы видѣли гробъ его? гдѣ?» — «Въ Стразбургѣ, мой другъ.» — «Въ Стразбургѣ? Это далеко отсюда; я не дойду туда — а мнѣ хотѣлось бы поклониться его праху. Онъ былъ герой, государи мои — Генералъ, какихъ нынѣ уже нѣтъ, и быть не можетъ. Солдаты любили въ немъ отца. Я какъ теперь смотрю на него: какой взоръ! какой голосъ! Въ день нашей побѣды его возили на тележкѣ — жестокая болѣзнь не позволяла ему сѣсть на лошадь — однакожь онъ повелѣвалъ, ободрялъ, и мы дрались какъ львы, какъ отчаянные. Я забылъ рану мою, и тогда уже упалъ на землю, когда вся наша армія въ одинъ голосъ воскликнула побѣду, и когда непріатели бѣжали отъ насъ какъ робкіе зайцы. Какой день! какой день!» Старикъ поднялъ вверхъ голову, и болѣе двадцати лѣтъ свалилось въ одну минуту съ плечъ его; число морщинъ на ветхомъ лицѣ уменьшилось; тусклые глаза стали свѣтлѣе, и осьмидесятилѣтній воинъ съ толстою своею клюкою готовъ былъ маршировать противъ всѣхъ соединенныхъ армій Европы. Я спросилъ вина, налилъ ему рюмку, и сказалъ: — «здоровье храбрыхъ, за-

служенныхъ *Ветерановъ!*» — «И молодыхъ путешественниковъ!» примолвилъ старикъ съ улыбкою, и выпилъ до дна. — Мы узнали отъ него, что онъ живетъ у своего внука въ одной изъ горныхъ деревень, ходилъ въ гости къ другому внуку, и зашелъ въ корчму отдохнуть. Между тѣмъ намъ должно было ѣхать. Я хотѣлъ было дать ему экую, но побоялся оскорбить благородную гордость стараго героя. Онъ проводилъ насъ до крыльца и кричалъ осмотрщикамъ: «я надѣюсь, государи мои, что вы были учтивы противъ иностранныхъ господъ!» Конечно! отвѣчали они со смѣхомъ и пожелали намъ счастливаго пути, не требуя съ насъ ни копейки.

Мы долго ѣхали отверстіемъ Юры, которая съ обѣихъ сторонъ дороги возвышалась какъ гранитная стѣна — и на сихъ страшныхъ утесахъ, надъ головами нашими, по узенькимъ тропинкамъ ходили люди, согнувшись подъ тяжелыми ношами, или гоня передъ собою навьюченныхъ ословъ. Не лѣзя безъ ужаса смотрѣть на нихъ; кажется, что они всякую секунду готовы упасть. — Насъ остановили въ первой Французской крѣпости, *Форъ де-л'Еклюзъ*, которую можно назвать неприступною, потому что со всѣхъ сторонъ окружаютъ ее неизмѣримыя пропасти и крутизны. Сто человекъ могутъ защитить эту крѣпость противъ десяти тысячъ непріятелей. Тамошій гарнизонъ состоитъ изъ 150 инвалидовъ, подъ командою стараго Майора, который долженъ былъ подписать имя свое на

пропускъ нашемъ. Я позабылъ сказать вамъ, что мнѣ дали въ Женевѣ паспортъ — слѣдующаго содержания:

Nous Syndics et Conseil de la Ville et République de Genève, certifions à tous ceux qu'il appartiendra que Monsieur K. âgé de 24 ans, Gentilhomme Russe, lequel allant voyager en France, afin, qu'en son voyage il ne lui soit fait aucun déplaisir, ni moleste, Nous prions, et affectueusement requerons, tous ceux qu'il appartiendra et auxquels il s'adressera, de lui donner libre et assuré passage dans les Lieux de leur Obéissance, sans lui faire, ni permettre être fait, aucun trouble ni empêchement, mais lui donner toute l'aide et l'assistance qu'ils desireroient de Nous envers ceux qui de leur part nous seroient recommandés. Nous offrons de faire le semblable toutes les fois que nous serons requis. En foi de quoi nous avons donné les Présentes sous notre Sceau et Seing de notre Secrétaire, ce premier Mars Mil sept cent quatrevingt dix.

PAR MESDITS SEIGNEURS SYNDICS ET CONSEIL.

Puerari.

И такъ, естъли кто нибудь оскорбитъ меня во Франціи, то я имѣю право принести жалобу Женевской Республикѣ и, она должна за меня вступить! Но не думайте, чтобы великопльные Синдикы изъ отмѣнной благосклонности дали мнѣ эту грамоту: всякой можетъ получить такой паспортъ. —

Ночью пріѣхали мы къ тому мѣсту, которое называется *la perte du Rhône*, вышли изъ кареты, и хотѣли спуститься на берегъ рѣки; но добросердечный извозчикъ не пустилъ насъ, увѣряя, что одинъ несчастливый шагъ можетъ стоить намъ жизни. Не далеко отъ дороги свѣтился огонь. Мы нашли тамъ маленькой домикъ, и постучались у воротъ. Черезъ минуту явилось шесть или семь человѣкъ, которые, услышавъ, что намъ надобно, взяли фонари, и повели или, лучше сказать, понесли насъ внизъ по каменному утесу. Прислабомъ свѣтъ фонарей видѣли мы вездѣ страшную дичь. Вѣтеръ шумѣлъ, рѣка шумѣла — и все вмѣстѣ составляло нѣчто весьма Оссіанское. Съ обѣихъ сторонъ ряды огромныхъ камней сжимаютъ Рону, которая течетъ съ ужасною быстротою и съ ревомъ. Наконецъ сіи навислыя стѣны сходятся, и рѣка совершенно скрывается подъ ними; слышенъ только шумъ ея подземнаго теченія. По камнямъ, образующимъ надъ нею высокой сводъ, можно ходить безъ всякой опасности. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отсюда она опять вытекаетъ съ клубящеюся пѣною, мало по малу расширяется, стремится уже не такъ быстро, и свѣтлѣетъ между береговъ своихъ — Тутъ пробыли мы около сорока минутъ, и возвратились къ каретѣ, заплативъ гривень шесть нашимъ провожатымъ*.

* Въ память этой ночной сцены храню я нѣсколько блестящихъ камешковъ, находимыхъ близъ того мѣста, гдѣ скрывается Рона.

Проѣхавъ еще версты четыре, остановились мы почевать въ одной маленькой деревенькѣ. Въ трактирѣ отвели намъ очень хорошую и чисто прибранную комнату; развели въ каминѣ огонь, черезъ часъ приготовили ужинъ, состоявшій изъ шести или семи блюдъ съ десертомъ. Внизу веселились горные жители, и пѣли простыя свои пѣсни, которыя, соединяясь съ шумомъ вѣтра, приводили душу мою въ уныніе. Я вслушивался въ мелодіи, и находилъ въ нихъ нѣчто сходное съ нашими народными пѣснями, столь для меня трогательными. Пойте, горные друзья мои, пойте, и пріятностію гармоніи улаждайте житейскія горести! ибо и вы имѣете печали, отъ которыхъ бѣдный человѣкъ ни за какою горою, ни за какою пропастью укрыться не можетъ. И въ вашей дикой сторонѣ другъ оплакиваетъ друга, любовникъ любовницу. — Трактирщица рассказала намъ слѣдующій анекдотъ:

Всѣ дѣвушки здѣшней деревни заглядывались на любезнаго Жана; всѣ молодые люди засматривались на милую Лизету. Жанъ съ самаго младенчества любилъ одну Лизету, Лизета любила одного Жана. Родители ихъ одобряли сію взаимную, нѣжную склонность, и счастливые любовники надѣялись уже скоро соединиться навѣки. Въ одинъ день, гуляя по горамъ вмѣстѣ съ другими молодыми людьми, пришли они на край ужасной стремнины. Жанъ схватилъ Лизету за руку, и сказалъ ей: удалимся! страшно! — Робкой! отвѣчала она съ усмѣшкою: не стыдно ли тебѣ бояться? земля тверда

подъ ногами. Я хочу заглянуть туда — сказала, вырвалась у него изъ рукъ, приблизилась къ пропасти, и въ самую ту минуту камни подъ ея ногами покатились. Она ахнула — хотѣла схватиться, но не успѣла — гора трещала — все валилось — несчастная низверглась въ бездну, и погибла! — Жанъ хотѣлъ броситься за нею — ноги его подкосились — онъ упалъ безъ чувствъ на землю. Товарищи его поблѣднѣли отъ ужаса — кричали: Жанъ! Жанъ! но Жанъ не откликался; толкали его, но онъ молчалъ; приложили руку къ сердцу — оно не билось — Жанъ умеръ! Лизету вытащили изъ пропасти; черепа не было на головѣ ея; лице..... Но сердце мое содрогается. — Отецъ Жановъ пошелъ въ монахи. Мать Лизетина умерла съ горести.

—

6 Марта, 1790

Въ пять часовъ утра выѣхали мы вчера изъ горной деревеньки. Страшный вѣтеръ грозилъ безпрестанно опрокинуть нашу карету. Со всѣхъ сторонъ окружали насъ пропасти, изъ которыхъ каждая напоминала мнѣ Лизету и Жана — пропасти, въ которыя не лзя смотрѣть безъ ужаса. Но я смотрѣлъ въ нихъ, и въ этомъ ужасѣ находилъ нѣкоторое неизъяснимое удовольствіе, которое надобно приписать особливому расположенію души

моей. Жерло всякой бездны *обсажено* острыми камнями; а во глубинѣ или внизу не рѣдко видна прекрасная мурава, орошаемая каскадами. Дерзкія козы спускаются туда и щиплютъ зелень. Въ п-ныхъ мѣстахъ, на вершинѣ скалъ, заростають травую печальные остатки древнихъ рыцарскихъ замковъ, бывшихъ въ свое время неприступными. Тамъ богиня Меланхолія во мшистой своей мантии сидитъ безмолвно на развалинахъ, и неподвижными очами смотритъ на теченіе вѣковъ, которые одинъ за другимъ мелькають въ вѣчность, оставляя едва примѣтную тѣнь на земномъ шарѣ. — Такія мысли, такія образы представлялись душѣ моей — и я по цѣлымъ часамъ сидѣлъ въ задумчивости, не говоря ни слова съ моимъ Беккеромъ.

Дорога въ сихъ дикихъ мѣстахъ такъ широка, что двѣ кареты могутъ свободно разъѣхаться. Надлежало разсѣкать цѣлыя каменные горы, для того, чтобы провести ее: подумайте объ ужасномъ трудѣ и милліонахъ, которыхъ она стоила! Такимъ образомъ трудолюбіе и политическое просвѣщеніе народовъ торжествуетъ, такъ сказать, надъ Естествомъ, и гранитныя преграды какъ прахъ разсыпаются подъ сѣкирою всемогущаго человѣка, который за безднами и за горами ищетъ подобныхъ себѣ нравственныхъ существъ, чтобы съ гордою улыбкою сказать имъ: *и я живу на свѣтъ!*

Наконецъ мнѣ душно стало въ каретѣ — я ушелъ пѣшкомъ далеко, далеко впередъ, и въ лѣсу

встрѣтилъ четырехъ молодыхъ женщинъ, которыя всѣ были въ зеленыхъ Амазонскихъ платьяхъ, въ черныхъ шляпахъ; всѣ бѣлокурыя, и прекрасныя лицомъ. Я остановился и смотрѣлъ на нихъ съ удивленіемъ. Онѣ также взглянули на меня, и одна изъ нихъ сказала съ лукавою усмѣшкою: *берегите свою шляпу, государь мой! вѣтеръ можетъ унести ее.* Тутъ я вспомнилъ, что мнѣ надлежало снять шляпу и поклониться красавицамъ. Онѣ засмѣялись и прошли мимо. — Это были путешествующія Англичанки: четверомѣстная карета ѣхала за ними. Впрочемъ намъ встрѣчалось не много проѣзжихъ.

Вчера ввечеру спустились мы въ пространныя равнины. Я почувствовалъ нѣкоторую радость. Долго представлялись глазамъ моимъ необозримыя цѣпи высокихъ горъ, и видъ плоской земли былъ для меня новъ. Я вспомнилъ Россію, любезное отечество, мнѣ казалось, что она уже не далеко. Такъ лежатъ поля наши — думалъ я, предавшись сему мечтательному чувству — такъ лежатъ поля наши, когда весеннее солнце растопляетъ снѣжную одежду ихъ, и оживляетъ озими, надежду текущаго года! — Вечеръ былъ прекрасный; умолкли горные вѣтры; пріятная теплота разливалась въ лучахъ заходящаго свѣтила. Но вдругъ пришло мнѣ на мысль, что друзей моихъ, можетъ быть, нѣтъ на свѣтѣ — прощайте, всѣ пріятныя чувства! Я желалъ возвратиться на горы и слушать шумъ вѣтра.

Въ самыхъ дикихъ мѣстахъ, въ самыхъ бѣднѣйшихъ деревенькахъ находили мы хорошіе трактиры, сытный столъ и чистую комнату съ каминъ. За обѣдъ обыкновенно брали съ насъ двохъ 70 су (около рубля двадцати копѣекъ), а за ужинъ и ночлегъ 80 или 85 су: что составитъ на наши деньги рубли полтора. Двѣ вещи отмѣнныя примѣтилъ я во Французскихъ *обержахъ*: первое, что въ ужинѣ не подаютъ супа, слѣдственно *on soupe sans soupe*; второе, что на столъ кладутъ только ложки съ вилками, предполагая, что у всякаго путешественника есть свой ножъ. — Нигдѣ не видалъ я такихъ мерзостныхъ надписей, какъ въ сихъ трактирахъ. Для чего вы ихъ не стираете? спросилъ я однажды у хозяйки. *Мнѣ не случилось взглянуть на нихъ, отвѣчала она: кто станетъ читать такой вздоръ?*

Въ одномъ маленькомъ мѣстечкѣ нашли мы великое стеченіе народа. Что у васъ дѣлается? спросилъ я. — «Сосѣдъ нашъ Андрей (отвѣчала мнѣ молодая женщина), содержатель трактира подъ вывѣскою *Креста*, сказалъ вчера въ пьянствѣ передъ цѣлымъ свѣтомъ, что опъ плюетъ на націю. Всѣ патріоты взволновались и хотѣли его повѣсить: однакожь наконецъ умиловались, дали ему проспать, и привудили его нынѣ публично въ церкви, на колѣняхъ просить прощенія у милосердаго Господа. Жаль мнѣ бѣднаго Андрея!»

Лионъ, 9 Марта, 1790.

За двѣ мили открылся намъ *Лионъ*. *Рона*, которая снова явилась подлѣ дороги, и въ обширнѣйшемъ теченіи, вела насъ къ сему первоклассному Французскому городу, отдѣляя *Бресъ* отъ *Дофине*, одной изъ пространнѣйшихъ Французскихъ провинцій, которую вдали вѣнчаютъ покрытыя снѣгомъ горы, отрасли Савойскихъ Гигантовъ. — Издали казался Лионъ не такъ великъ, каковъ онъ въ самомъ дѣлѣ. Пять или шесть башенъ подымались изъ темной громады зданій. — Когда мы подъѣхали ближе, открылась намъ набережная Ронская липія, состоящая изъ великолѣпныхъ домовъ въ пять и шесть этажей: видъ пышной! — У воротъ насъ остановили. Осмотрщикъ весьма учтиво спросилъ, нѣтъ ли у насъ товаровъ, и послѣ отрицательнаго отвѣта заглянулъ въ каретный ящикъ, поклонился и отошелъ прочь, не дотронувшись до нашихъ чемодановъ. Мы въѣхали въ набережную улицу — и я вспомнилъ берегъ Невы. Длинный деревянный мостъ перегибается черезъ Рону; а на другой сторонѣ рѣки разсѣяны прекрасные лѣтніе домики, окруженные садами. Проѣхавъ мимо театра, огромнаго зданія, остановились мы въ *Hôtel de Milan*. Четыре человека бросились отвязывать наши чемоданы, и въ минуту все было внесено въ домъ, хотя намъ еще не отвели комнаты. Трактирщица встрѣтила насъ съ такою у-

лыбкою, какой не видалъ я ни на Нѣмецкихъ, ни на Швейцарскихъ лицахъ. Къ несчастію всѣ горницы были заняты, кромѣ одной, весьма темной. Привѣтливая хозяйка увѣрила насъ, что на другой день отведетъ намъ прекрасную. Такъ и быть! сказали мы, и одѣлись на скорую руку, чтобы идти въ Комедію. Между тѣмъ слуга, который прибиралъ комнату, желая украсить ее въ глазахъ нашихъ, увѣдомилъ насъ, что въ ней не давно жила чернобровая и черноглазая красавица, пріѣхавшая изъ Константинополя.

Въ пять часовъ пришли мы въ Театръ и взяли билетъ въ партеръ. Ложи, паркетъ, раекъ — все было наполнено людьми. Вестрисъ, первый Парижской танцовщикъ, въ послѣдній разъ обѣщалъ веселить Ліонскую публику легкостію своихъ ногъ. Все шумѣло вокругъ насъ и надъ нами какъ улей пчель. Необыкновенная вольность удивила меня. Если въ ложѣ или въ паркетѣ какая нибудь дама вставала съ своего мѣста, то изъ партера кричали въ нѣсколько голосовъ: *садись! прочь! à das! à das!* Вокругъ насъ было не много порядочныхъ людей, и для того уговорилъ я Беккера идти въ паркетъ; но намъ сказали, что тамъ совсѣмъ нѣтъ мѣста, и одинъ молодой человѣкъ провелъ насъ въ ложу третьяго этажа, гдѣ нашли мы даму и знакома нашего Барона Баельвица, Гофмейстера Припцевъ Шварцбургскихъ, которые въ тотъ же день пріѣхали въ Ліонъ и остановились также въ Hôtel de Milan. Дама предложила мнѣ мѣсто подлѣ себя; но я боялся потѣснить ее и вошелъ въ другую

маленькую ложу, надъ самою сценою, гдѣ никого не было. Занавѣсъ поднялся; представляли Комедию *les Plaideurs*. Я слышалъ только половину словъ, и не столько занимался пьесою, сколько тѣмъ людьми, которые безпрестанно приходили ко мнѣ въ ложу, и опять уходили. Лишь только опустили занавѣсъ, со всѣхъ сторонъ высыпали на сцену актеры и актрисы *въ неглижѣ*, танцовщики и танцовщицы, и проч. и проч. Одни обнимались, или плясали, другіе смѣялись, иные кричали: новый спектакль! Вестрисъ въ пастушьемъ платьѣ прыгалъ какъ рѣзвая коза. Музыка снова заиграла — всѣ театральные герои разсыпались — занавѣсъ поднялся — начался балетъ — Вестрисъ появился — рукоплесканія какъ громъ раздались во всѣхъ концахъ театра. Правду сказать, искусство сего танцовщика удивительно. Душа сидитъ у него въ ногахъ, вопреки всѣмъ теоріямъ испытателей естества человѣческаго, которые ищутъ ее въ мозговыхъ фибрахъ. Какая фигура! какая гибкость! какое равновѣсіе! Никогда не думалъ я, чтобы танцовщикъ могъ доставить мнѣ столько удовольствія! Такимъ образомъ всякое искусство, подходящее къ совершенству, пріятно душѣ нашей! — Плескъ восхищенныхъ Французовъ заглушалъ музыку. Въ положеніи страстнаго любовника, котораго душа въ томныхъ вздохахъ сливается съ душою любовницы, сокрылся Вестрисъ отъ глазъ зрителей, поцѣловалъ свою пастушку и бросился отдыхать на лавку. Играли еще комедию въ одинъ актъ, самую пустую. На-

чался новый балетъ — Вестрисъ снова показался — и снова гремѣла хвала при каждомъ движеніи ногъ его. Между тѣмъ сѣли подлѣ меня два человѣка, одѣтые по дорожному. Вотъ разговоръ:

Одинъ (оборотясь ко мнѣ). Подлѣ насъ въ ложѣ сидитъ Русской?

Я (взглянувъ въ другую ложу). Одинъ Нѣмецъ, другой Датчанинъ, третьяго не знаю.

Одинъ. По крайней мѣрѣ я имѣю честь говорить съ Русскимъ?

Я. Я Русской.

Другой. Быть не можетъ; вы Французъ.

Я. Я Русской.

Одинъ. О! у васъ въ Россіи живутъ весело. Не правда ли?

Я. Очень весело.

Одинъ. Давно ли вы здѣсь?

Я. Около трехъ часовъ.

Одинъ. Откуда вы пріѣхали?

Я. Изъ Женевы.

Одинъ. А! прекрасный городъ! Что говорятъ тамъ о Неккерѣ?

Я. По большей части хвалятъ его.

Одинъ. Куда вы ѣдете?

Я. Въ Парижъ.

Другой. Въ Парижъ? Браво! браво! Мы сей часъ оттуда. Что за городъ! А, государь мой! какія удовольствія васъ тамъ ожидаютъ! удовольствія, о которыхъ здѣсь въ Ліонѣ не имѣютъ понятія. Вы конечно остановились въ Hôtel de Mi-

lan? и мы такъ же. (*Своему товарищу*) Mon ami, nous partons demain? (Мы завтра поѣдемъ?)

Одинъ. Oui.

Другой. Правда, надобны деньги....

Одинъ. Что ты говоришь! Русскіе всѣ богаты какъ Крезы; они безъ денегъ въ Парижъ не ѣз-
дятъ.

Другой. Какъ будто я не знаю этаго! Правда, можно и съ небольшими деньгами жить весело, быть всякой день въ Театрахъ, на гульбищахъ.

Одинъ. Пять, шесть тысячъ ливровъ въ мѣ-
сяцъ — по нуждѣ довольно. Ахъ! я болѣе издер-
живалъ!

Другой. Браво, Вестрисъ! браво!

Одинъ. Прекрасно! C'est dommage, qu'il soit bête. Je le connois très bien (Жаль, что онъ пре-
великая скотина. Я его знаю). Графъ Мирабо
имѣлъ дѣло, сказываютъ —

Другой. Съ Маркизомъ —

Одинъ. За что?

Другой. Маркизъ зацѣпилъ его за живое въ На-
ціональномъ Собраніи. — (*Оборотясь ко мнѣ*) Па-
рижъ вамъ безъ сомнѣнія полюбится. Вы можете
проживать, сколько вамъ угодно. Что принадле-
житъ до моего товарища, то онъ жилъ слишкомъ
пышно. Надобно признаться, что Лизета тебѣ до-
рого стоила.

Одинъ. А! (*зажмуривается и храпитъ*).

Я. Откуда вы, еслии смѣю спросить?

Другой. Мы изъ Лангедока, жили долго въ Па-
рижѣ, и теперь возвращаемся въ Монпелье.

Одинъ (просыпаясь). Браво, браво, Вестрисъ! (*Стучитъ палкою въ декорацию*). Онъ первый танцовщикъ во вселенной! — (*Задумывается и вздыхаетъ*). Умирая, могу сказать, что я наслаждался жизнью; все видѣлъ —

Другой. Все видѣлъ и все испыталъ! Примолви это, мой другъ! ха! ха! ха!

Одинъ. Mais oui, oui! Правда! — Вы вѣрно знаете того Русскаго Графа, который нынѣшнюю зиму провелъ въ Монпельѣ?

Я. Графа В....? по слуху.

Одинъ. Онъ у меня обѣдалъ въ загородномъ домѣ. Brave homme! (*Задумывается и хрюкаетъ*).

Другой. Вы, право, хорошо говорите по-Французски.

Я. Извините — я говорю очень худо.

Одинъ (просыпаясь). Прекрасно! очень хорошо!

Я. Вы очень снисходительны.

Одинъ. Черный кафтанъ приличнѣе всего для чужестранца въ Парижѣ.

Другой. Черный шелковый. — Женщины у васъ хороши?

Я. Прекрасны.

Одинъ. О! никто не знаетъ женщинъ такъ, какъ я! Мы видали Нѣмокъ, Италианокъ, — (*помолчалъ*) Гишпанокъ, — (*помолчалъ*) Турчанокъ, — (*помолчалъ*) и прочихъ, и прочихъ.

Другой. О! ты съ ними очень знакомъ! ха! ха! ха!

Одинъ. Вы пріѣхали водою?

Я. Извините.

Одинъ. И такъ сухимъ путемъ! А какъ называется тотъ Русской городъ, откуда можно ѣхать водою въ Англію?

Я. Вы говорите конечно о Петербургъ?

Одинъ. Да, да! Жаль только, что у васъ холодно. (*Оборотясь къ своему пріятелю*). Кучера отмораживаютъ тамъ бороды съ усами. — Браво, браво, Вестрисъ! —

Между тѣмъ вошелъ къ намъ въ ложу Беккеръ, и началъ говорить со мною по-Нѣмецки.

Одинъ (*оборотясь къ Беккеру*). Вы Нѣмецъ?

Беккеръ. Извините — я изъ Копенгагена.

Одинъ. А! — Вашъ языкъ сходенъ съ Нѣмецкимъ. Вѣдь вы говорите: я менъ геръ? А куда вы ѣдете?

Беккеръ. Въ Парижъ — съ нимъ (*указывая на меня*).

Одинъ. Браво! Tant mieux.

Балетъ кончился — занавѣсъ опустился. Паркетъ, ложи, партеръ — всѣ въ одинъ голосъ закричали: *останься здѣсь, Вестрисъ, останься здѣсь!* Крикъ продолжался нѣсколько минутъ. Занавѣсъ снова поднялся. Вестрисъ выступилъ — какой скромный видъ! какая кротость во всей наружности! какіе поклоны! Шляпу держалъ онъ у сердца. Надлежало зажать уши отъ громкаго плеска. Вестрисъ остановился. Вдругъ все умолкло — можно было слышать работу кузнечика.

Вестрисъ. Только на мѣсяцъ позволено мнѣ отлучиться изъ Парижа; мѣсяцъ проходитъ, и мнѣ надлежало нынѣ ѣхать; но....

Здѣсь голосъ его перервался; онъ поднялъ глаза вверхъ, стараясь собрать силы. Страшное рукоплесканіе! но вдругъ опять все умолкло.

Вестрисъ. «Въ знакъ благодарности за то благоволеніе, котораго вы меня удостоиваете, я буду танцевать еще завтра.» Шумящее *браво* соединилось со всеобщимъ плескомъ — и занавѣсъ закрылся. Энтузіазмъ былъ такъ великъ, что въ сію минуту легкіе Французы могли бы, думаю, провозгласить Вестриса Диктаторомъ!

Учтивые господа, съ которыми имѣлъ я вышеописанный разговоръ, пожелали мнѣ щастливаго пути, и обѣщали сыскать меня въ Парпжѣ черезъ мѣсяць. Пришедши въ свою комнату, сѣли мы съ Беккеромъ передъ каминомъ (въ которомъ дубовыя дрова пылали), и съ нѣкоторымъ родомъ восхищенія разговаривали о Французской учтивости.

На другой день отвели намъ двѣ небольшія, веселыя комнаты, окнами на мѣсто de Теггаux передъ ратушею, гдѣ безпрестанно бывается множество людей, кромѣ множества торговокъ, продающихъ яблоки, апельсины, померанцы и разныя бездѣлки. Одѣвшись, пошли мы бродить по городу.

Улицы вообще всѣ узки, кромѣ двухъ или трехъ посредственныхъ. Набережная Соны очень хороша. Вода въ сей рѣкѣ такъ же зелена, какъ и въ Ронѣ, но гораздо мутнѣе. Безпрестанно кричали намъ женщины, которыя здѣсь отправляютъ должность переводчиковъ: *не хотите ли переплыть черезъ рѣку?* хотя мостовъ много, и одинъ отъ дру-

гаго не далеко. Большая и лучшая часть города лежитъ между рѣкъ. За Соною подымается высокая гора, на вершинѣ которой построены монастыри и нѣсколько домовъ. Видъ съ сей горы есть одинъ изъ прекраснѣйшихъ. Весь городъ передъ глазами — не маленькой городокъ, но одинъ изъ величайшихъ въ Европѣ. Снѣжныя Савойскія горы (изъ-за которыхъ въ ясную погоду выглядываетъ трехглавый *Монъ-Бланъ*, нашъ Женевской знакомецъ) съ цѣпью Дофинскихъ простираются амфитеатромъ, ограничивая область зрѣнія. Обширныя зеленныя равнины по ту сторону Роны, принадлежащія къ Дофине — равнины, гдѣ уже оперяется весна, отмѣнно миловидны. Тамъ идетъ дорога въ Лангедокъ и Провансъ, щастливныя цвѣтущія страны, гдѣ чистый воздухъ въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы бываетъ напитанъ ароматами, и гдѣ теперь благоухаютъ ландыши! Среди большой площади, украшаемой густыми аллеями, и со всѣхъ сторонъ окруженной великолѣпными домами, стоитъ на мраморномъ подножіи бронзовая статуя Людовика XIV, такой же величины, какъ монументъ нашего Россійскаго Петра, хотя сіи два Героя были весьма не равны въ великости духа и дѣлъ своихъ. Подданные прославили Людовика: Петръ прославилъ своихъ подданныхъ — первый отчасти способствовалъ успѣхамъ просвѣщенія: второй, какъ лучезарный богъ свѣта, явился на горизонтѣ челоуѣчества, и освѣтилъ глубокую тьму вокругъ себя — въ правленіе перваго тысячи трудолюбивыхъ Французовъ принуждены были оставить отечество; вто-

рый привлекъ въ свое государство искусныхъ и полезныхъ чужеземцовъ — перваго уважаю какъ сильнаго Царя, втораго почитаю какъ великаго мужа, какъ Героя, какъ благодѣтеля человѣчества, какъ моего собственнаго благодѣтеля *. — При

* Можетъ быть не всѣ Читатели знаютъ тѣ стихи, въ которыхъ Англинскій Поэтъ Томсонъ прославилъ нашего незабвеннаго Императора. Вотъ они:

What cannot active government perform,
New-moulding Man? Wide stretching from these shores,
A people savage from remotest time,
A huge neglected empire one vast Mind,
By Heaven inspir'd from Gothic darkness call'd.
Immortal Peter! first of monarchs! He
His stubborn country tam'd, her rocks, her fens,
Her floods, her seas, her ill-submitting sons;
And while the fierce *Barbarian* he subdu'd,
To more exalted soul he rais'd the *Man*.
Ye shades of ancient heroes, ye who toil'd
Thro'long successive ages to build up
A labouring plan of state! behold at once
The wonder done! behold the matchless prince,
Who left his native throne, where reign'd till then
A mighty shadow of unreal power;
Who greatly spurn'd the slothful pomp of courts;
And roaming every land, in every port
His sceptre laid aside, with glorious hand
Unwearied plying the mechanic tool,
Gather'd the seeds of trade, of useful arts,
Of civil wisdom and of martial skille.
Charg'd with the stores of *Europe* home he goes!

семъ случаѣ скажу, что мысль поставить статую Петра Великаго на дикомъ камнѣ, есть для меня прекрасная, несравненная мысль — ибо сей камень служить разительнымъ образомъ того со-

Then cities rise amid th'illumin'd waste;
O'er joyless deserts smiles the rural reign;
Far-distant flood to flood is social join'd;
Th'astonish'd *Euxine* hears the *Baltick* roar,
Proud navies ride on seas that never foam'd
With daring keel before; and armies stretch
Each way their dazzling files, repressing here
The frantic *Alexander* of the north,
And awing there stern *Othman's* shrinking sons.
Sloth flies the land, and *Ignorance*, and *Vice*,
Of old dishonour proud; it glows around,
Taught by the Royal Hand thus rous'd the whole,
One scene of arts, of arms, of rasing trade:
For what his wisdom plann'd, and power enforc'd,
More potent still, his great *example* shew'd.

То есть: Чего не можетъ произвести дѣятельное Правительство, преобразуя человѣка? Одна великая Душа вдохновенная Небомъ, извлекла изъ готическаго мрака обширную Имперію, народъ издревле дикой и грубой. Безсмертный Петръ! первый изъ Монарховъ, укротившій суровую Россію съ ея грозными скалами, блатами, шумными рѣками, озерами и непокорными жителями! Смиривъ жестокаго варвара, возвысилъ онъ нравственность человѣка. О вы, тѣни древнихъ Героевъ, устроявшихъ въ kami порядокъ гражданскихъ обществъ! воззрите на сіе, вдругъ совершившееся чудо! воззрите на безпримѣрнаго Государя, оставившаго послѣдствен-

стоянія Россіи, въ которомъ была она до времени своего преобразователя. Не менѣе правится мнѣ и краткая, сильная, многозначущая надпись: ПЕТРУ ПЕРВОМУ ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ. Что написано на монументѣ Французскаго Короля, я не читалъ.

Въ часъ возвратились мы обѣдать. Болѣе тридцати человѣкъ сидѣло за столомъ. Всякой бралъ, что хотѣлъ. Щастливъ, передъ кѣмъ стояли лучшія блюда! Но столъ былъ очень изобилентъ.

Послѣ обѣда пошелъ я съ письмомъ къ Матти-

ный престолъ, на коемъ дотолѣ царствовала могущественная тѣнь неутвержденной власти — презрѣвшаго пышность и нѣгу, проходящаго всѣ земли, отлагающаго свой скипетръ въ каждомъ корабельномъ пристанищѣ, неутомимо работающаго съ искусными Механиками, и собирающаго сѣмена торговли, полезныхъ художествъ, общественной мудрости и военной науки! Обремененный сокровищами Европы, онъ возвращается въ свое отечество, и вдругъ среди стеней возносятся грады, въ печальныхъ пустыняхъ улыбаются красоты сельскія, отдаленныя рѣки соединяютъ свое теченіе, изумленный Евксинъ слышитъ шумъ Балтійскихъ волнъ, гордые флоты преплываютъ моря, которыя дотолѣ не пѣнились еще подъ дерзостными рулями, и многочисленныя воинства въ блестящихъ рядахъ на враговъ устремляются, поражаютъ неистоваго Сѣвернаго Александра, и ужасаютъ свирѣпыхъ сыновъ Отомана. Удаляется лѣньность, невѣжество и пороки, коими прежнее варварство гордилось. Вездѣ является картина искусствъ, военныхъ дѣйствій, цвѣтущей торговли: мудрость его вымышляетъ, власть повелѣваетъ, примѣръ показываетъ — и государство благополучно!

сону, Нѣмецкому стихотворцу, который воспитываетъ дѣтей одного здѣшняго банкира. *Ахъ! вы говорите по-Нѣмецки; вы любите Нѣмецкую Литтературу, Нѣмецкое прямодушіе!* Съ сими словами бросился онъ обнимать меня. Но я еще болѣе обрадовался его знакомству, нежели онъ моему; въ Германіи не могло бы оно быть для меня такъ пріятно, какъ во Франціи, гдѣ я не ищу искренности, не ищу симпатическаго сердца — не ищу для того, что найти не надѣюсь. Съ милою поспѣшностію выхватилъ онъ изъ ящика свои бумаги и прочелъ мнѣ три піесы, имъ не давно сочиненныя. Я слушалъ его съ непритворнымъ удовольствіемъ. Нѣжная кротость, живыя чувства, чистота языка составляютъ красоту его пѣсней. Онъ вдругъ остановился, взглянулъ на меня, засмѣялся и сказалъ: *не правда ли, что я поспѣшилъ представить вамъ мою Музу?* *Ахъ! бѣдная по сіе время не имѣла никакого знакомства въ Ліонѣ!* — Я также засмѣялся и пожалъ ему руку, увѣряя, что Музу его люблю сердечно. — Отъ него пошелъ въ Комедію. Играли *Руссова Деревенскаго Колдуна*. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ слушалъ я музыку сей прекрасной Оперы. Парижскія дамы были правы, говоря, что Автору ея надлежало быть весьма чувствительну! Я воображалъ его, какъ онъ, въ бородѣ и въ непричесанномъ парикѣ, сидѣлъ въ ложѣ Фонтенеблосскаго театра во время перваго представленія оперы своей, укрываясь отъ взоровъ восхищенной публики. — Въ балетѣ снова удивлялись мы искусству Вестрисову. Лишь только заана-

вѣсь началъ опускаться, всѣ закричали: *Вестрисъ! Вестрисъ!* Занавѣсъ опять подняли — утомленный танцовщикъ выступилъ при звукѣ рукоплесканій, съ тѣмъ же скромнымъ видомъ, съ тѣми же смиренными ужимками, какъ и вчера! Казалось, будто онъ ожидалъ суда, хотя рѣшительное опредѣленіе публики гремѣло во всѣхъ концахъ театра. Шумъ въ секунду утихъ — Вестрисъ стоялъ какъ вкопанный и молчалъ — голосъ нетерпѣнія раздался — публика ожидала рѣчи, забывъ, что танцовщикъ не есть Риторъ. Въ сію минуту Вестрисъ могъ быть освистанъ. Опять все умолкло. Танцовщикъ собрался съ силами и сказалъ: *Messieurs! je suis pénétré de vos bontés — mon devoir m'appelle à Paris.* Милостивые государи! я чувствую вашу благосклонность; должность отзываетъ меня въ Парижъ. Довольно для публики! Рукоплесканіе и браво! Вестрисъ доволенъ Ліономъ со всѣхъ сторонъ; искусство его награждено здѣсь хвалою и деньгами. Я встрѣчался съ нимъ нѣсколько разъ на улицѣ. *Вестрисъ! Вестрисъ!* кричали люди, и всякой указывалъ на него пальцомъ. И такъ легкость ногъ есть добродѣтель почтенная! Что принадлежить до денежной награды, то за всякое представленіе получалъ онъ 520 ливровъ. Теперь ужинаютъ у него всѣ здѣшніе Комедіанты (онъ живетъ въ *Hôtel de Milan*) и такъ шумятъ, что я не надѣюсь заснуть.

Нынѣ поутру Маттисонъ водилъ насъ къ одному ваятелю, который въ Италіи образовалъ свой рѣзецъ по моделямъ древнихъ художниковъ. Онъ

принялъ насъ учтиво, и показывалъ статуи, весьма искусно выработанныя. Живописцу, ваятелю такъ же нужно воображеніе, какъ и Поэту: Ліонской художникъ имѣетъ его. Онъ дѣлаетъ теперь заказную статую, которую одинъ молодой супругъ готовить въ подарокъ супругѣ своей, щастливой матери любезнаго младенца, приближающагося къ возрасту отрока. Художникъ представилъ прекраснаго мальчика, спящаго кроткимъ сномъ невинности подъ надежнымъ щитомъ Минервы, изображенной по мысли Греческихъ художниковъ съ отмѣннымъ искусствомъ; внизу видѣнъ образъ Улиссовъ. — *Нынѣ мало работаю*, сказалъ онъ, *будучи принужденъ (здѣсь онъ вздохнулъ) часто вооружаться и ходить на караулъ, такъ какъ и есть прочіе граждaне. Видѣ недодѣланныхъ статуй приводитъ меня въ уныніе. Ахъ, государи мои! вы не можете войти въ чувства художника, отвлекаемаго отъ работы!* — Ты истинный художникъ! думалъ я. — Мы пошли въ гошпиталь, огромное зданіе на берегу Роны. Въ первой залѣ, куда насъ ввели, стояло около двухъ сотъ постелей въ нѣсколько рядовъ — о! какое зрѣлище! сердце мое трепетало. На одномъ лицѣ видѣлъ я изнеможеніе всѣхъ силъ, томную слабость; на другомъ яростный приступъ смерти, напряженный отпоръ жизни; на иномъ побѣду первой — жизнь удалялась и вылетала на крыльяхъ вздоховъ. Здѣсь то надобно собирать черты для картинъ страждущаго человѣчества, прибирая тѣни къ тѣнямъ. Но какое упражненіе! кто вынесетъ весь ужасъ его!

— Между смертію и болѣзнію попадалось въ глаза и томно-радостное выздоровленіе. Блѣдные младенцы играли цвѣтами — чувство къ красотамъ Натуры возобновлялось въ сердцахъ ихъ! Старецъ, подымаясь съ одра, подымалъ глаза на небо, или обращалъ ихъ вокругъ себя. *И такъ я еще буду жить!* говорили радостные глаза его. *Я еще буду наслаждаться жизнию!* говорили веселые взоры выздоравливающаго мужа и юноши. Какая смѣсь чувствъ! Какъ грудь моя могла вмѣщать ихъ! — Такимъ образомъ переходили мы изъ залы въ залу. Въ каждой заключается особый родъ болѣзни: въ одной лежатъ чахотные, въ другой изувѣченные, въ третьей родильницы, и такъ далѣе. Вездѣ удивительная чистота, вездѣ свѣжій воздухъ. Присмотръ за больными также достоинъ хвалы всякаго друга человѣчества — и гдѣ можно расточать ее съ живѣйшимъ удовольствіемъ? Милосердіе! состраданіе! святыя добродѣтели! Такъ называемыя жалостливыя сестры * служатъ въ семъ домѣ плача, и чувство добраго дѣла есть ихъ награда. Иныя стоятъ на колѣняхъ и молятся; другія обхаживаютъ больныхъ, подаютъ имъ лекарства, пищу. Нѣкоторыя изъ сихъ добродѣтельныхъ монахинь весьма молоды; кротость сіяетъ на ихъ лицахъ. Въ срединѣ каждой залы стоитъ олтарь; тутъ всякой день служатъ обѣдню. *Вотъ комната* (сказалъ намъ провожатый, указы-

* Женской монашеской Ордент.

вая на дверь), за которую надобно платить въ день 12 ливровъ, съ лекарствами, съ пищею и услугою; но она пуста.— «А что платятъ бѣдные?» 10 су въ день за все, и 20, кто хочетъ имѣть постелю съ занавѣсомъ. — «Что здѣсь?» спросилъ я, указывая на маленькую часовню въ углу двора. *Посмотрите*, отвѣчалъ вожатой — и четыре гроба, покрытые чернымъ полотномъ, встрѣтили взоръ мой. *Всякой день*, говорилъ онъ, умираетъ здѣсь нѣсколько человекъ. *Нынѣ, слава Богу!* умерли только четверо. *Къ вечеру ихъ вывезутъ.* Я съ ужасомъ отворотился отъ сего мрачнаго жилища смерти. — *Теперь поведу васъ въ кухню.*—Кстати! думалъ я, однакожь пошелъ за нимъ. Тамъ въ пре-великой залѣ, со многими печами, кипѣли котлы, лежали цѣлые быки и телята. «И это все въ нынѣшній день будетъ съѣдено?» спросилъ я. *Тысяча больныхъ*, отвѣчалъ онъ, *тѣтъ по крайней мѣрѣ за пять сотъ здоровыхъ.* Я не считая множества лекарей и духовныхъ, которые здѣсь живутъ. *Вотъ ихъ столовая.* — Мы вошли въ большую комнату, загроможденную столами. Часъ обѣда еще не пришелъ; но нѣкоторые изъ почтенныхъ духовниковъ наполняли свои желудки мясомъ и пирогами: они завтракали. — Все ли? спросилъ я, выходя изъ залы. — *Посмотрите сюда.* Здѣсь за желѣзными решетками содержатся безумные. — Одинъ изъ сихъ несчастныхъ сидѣлъ на галлерей за малепькимъ столикомъ, на которомъ стояла чернилица. Бумагу и перо держалъ онъ въ рукѣ, въ глубокой задумчивости облокотясь на столикъ.— *Это*

Философъ, сказалъ съ усмѣшкою провожатый: бумага и чернилица ему дороже хлѣба. — «А что онъ пишетъ?» — *Кто знаетъ! какія нибудь бредни; но на что лишать его такого безвреднаго удовольствія?* — Правда, правда! сказалъ я со вздохомъ: начто лишать его безвреднаго удовольствія!» — Мы возвратились къ обѣду въ Hôtel de Milan.

=

Лионъ, Марта 1790.

Нынѣ послѣ обѣда былъ я въ огромной Картезіанской церкви, и провожатый мой съ великою важностію рассказалъ мнѣ о тѣхъ чудесахъ, которыя служили поводомъ къ основанію сего строжайшаго изъ монашескихъ Орденовъ. Въ 1080 году — неизвѣстно, въ какомъ городѣ — погребали мертваго. Въ ту самую минуту, когда Священникъ читалъ послѣднюю молитву о вѣчномъ успокоеніи души его, умершій поднялъ голову и закричалъ страшнымъ голосомъ: *Небесное правосудіе обвиняетъ меня!* Священникъ затрепеталъ: но черезъ нѣсколько минутъ собрался съ духомъ и хотѣлъ дочитать свою молитву. Тутъ вдругъ раздался въ церкви сильный шумъ и трескъ — гробъ затрясся, свѣчи погасли, и мертвый еще страшнѣйшимъ голосомъ закричалъ: *Небесное правосудіе осуждаетъ меня!* Бруно Кельнскій уроженецъ, будучи свидѣтелемъ сего ужаснаго чуда, тотчасъ рѣшилъ

ся оставить свѣтъ и вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ друзей своихъ — (Лѣтописи говорятъ, съ шестью) — пошелъ къ Гренобльскому Епископу, упалъ къ ногамъ его, и требовалъ, чтобы онъ отвелъ имъ какое нибудь уединенное мѣсто, гдѣ бы они могли провести жизнь свою въ благочестіи и въ спасительныхъ умозрѣніяхъ. Епископъ за день передъ тѣмъ, отдыхая послѣ обѣда на мягкомъ пуховикѣ, видѣлъ во снѣ, что бѣлое облако спустилось съ неба на зеленый лугъ подлѣ монастырскаго сада, и что на томъ самомъ мѣстѣ выскочили изъ земли семь звѣздъ. Будучи увѣренъ, что сіи семь звѣздъ означали семь пришедшихъ къ нему странниковъ, отвелъ онъ набожному Бруну и его друзьямъ упомянутый лугъ, на которомъ они черезъ нѣкоторое время построили новый монастырь — и этотъ монастырь былъ первый Картезіанской. — Съ великимъ любопытствомъ разспрашивалъ я проводника моего о всѣхъ подробностяхъ жизни сихъ затворниковъ. Законы Ордена обязываютъ ихъ не выходить изъ монастыря, удаляться отъ сообщенія съ людьми, и наблюдать вѣчное мертвое молчаніе. Дни проводятъ они въ чтеніи, или работаютъ въ саду, или сидятъ поджавъ руки, съ нетерпѣніемъ дожидаясь обѣда, который составляетъ главное удовольствіе ихъ печальнаго братства. Въ пять часовъ послѣ обѣда они ложатся спать, въ девять встаютъ, часа черезъ два опять ложатся спать, и такъ далѣе. Странная жизнь! Учредители сего Ордена худо знали нравственность человѣка, образованную, такъ сказать, для дѣятель-

ности, безъ которой не найдемъ мы ни спокойствія, ни наслажденія, ни щастія. Уединеніе пріятно тогда, когда оно есть отдыхъ; но безпрестанное уединеніе есть путь къ ничтожеству. Сначала душа наша бунтуетъ противъ сего заключенія, противнаго ея натурѣ; чувство *недостатка* — (ибо человекъ самъ по себѣ есть фрагментъ или отрывокъ: только съ подобными ему существами и съ Природою составляетъ онъ цѣлое) — чувство недостатка мучитъ ее; наконецъ всѣ благородныя побужденія въ сердцѣ нашемъ усыпаютъ, и человекъ съ первой степени земнаго творенія ниспадаетъ во сферу бездушныхъ тварей.

Я стоялъ среди церкви и смотрѣлъ на множество оltарей, на которыхъ блистало серебро и золото. Вечеръ приближался; все вокругъ меня начинало меркнуть, все было тихо — вдругъ растворились двери, и печальные братья молчанія, въ бѣлыхъ платьяхъ, явились глазамъ моимъ; потупивъ въ землю взоръ свой, медленно другъ за другомъ шли они къ главному жертвеннику, и проходя мимо висящаго въ церкви колокола, ударяли въ него слабою рукою; унылый звонъ раздавался подъ мрачными сводами, и мысль о смерти живо представилась душѣ моей. Я вышелъ изъ храма — увидѣлъ заходящее солнце, и сердце мое утѣшилось.

Я люблю остатки древностей; люблю знаки минувшихъ столѣтій. Вышедши изъ города, удивлялся я нынѣ памятникамъ гордыхъ Римлянъ, развалинамъ славныхъ ихъ водоводовъ. Толстая стѣна съ аркадами, въ нѣсколько аршинъ вышиною, складена изъ маленькихъ камешковъ, *вдавленныхъ*, такъ сказать, въ густую известъ, удивительно твердую, такъ что ее ничѣмъ разбить не лзя, и въ сей стѣнѣ проведены были трубы. Римляне хотѣли жить въ памяти потомства, и сооружали такія зданія, которыхъ не могли разрушать цѣлыя вѣки. Въ нынѣшнія философскія времена не такъ думаютъ; мы исчисляемъ дни свои, и предѣлъ ихъ есть предѣлъ всѣхъ нашихъ желаній и намѣреній; далѣе не простираемъ взора, и никто не хочетъ садить дуба безъ надежды отдыхать въ тѣни его. Древніе покачали бы головою, если бы они теперь воскресли и услышали мудрыя наши разсужденія; а мы, мы смѣемся надъ мечтами Древнихъ и надъ страннымъ ихъ славолубіемъ!

Оттуда пошелъ я въ Римскія бани, принадлежащія нынѣ къ женскому монастырю. Проходя мимо стѣны монастырскаго сада и келій, я чуть было не упалъ въ обморокъ отъ мѣфитическаго воздуха, который тутъ спирается. Изрядное уваженіе къ древностямъ! Въмѣсто того, чтобы путь къ нимъ усыпать цвѣтами, почтенныя сестры льютъ туда изъ оконъ своихъ всякую нечистоту! И такъ, господа Французы, вы не должны бранить Азіатскихъ варваровъ, которыми великолѣпные храмы древности превращаются въ хлѣвы. — Зданіе не

велико, и состоитъ изъ коридоровъ, въ которые свѣтъ проходилъ черезъ окна, сдѣланныя вверху на сводахъ. Здѣсь-то нѣжились роскошныя Римляне! (думалъ я) — здѣсь-то какая нибудь Римская красавица, окруженная толпою невольницъ, мылась ключевымъ кристалломъ, въ то самое время, когда прекрасный юноша, плѣненный ея красотою, издалека преселялся своимъ воображеніемъ въ сіи стѣны, и желалъ быть щастливымъ божествомъ источника, водою котораго освѣжалась прелестная!—Мнѣ пришла на мысль басня Алфея и Аре-тузы, а почему, не знаю. Я началъ-было хвалить нѣжность мнѳологическихъ вымысловъ; но скоро замолчалъ, видя, что вожатый мой, садовникъ монастырской, ни мало не хотѣлъ слушать меня. — При семъ случаѣ вспомнилъ я также читанное мною въ Луціановыхъ разговорахъ о нѣгѣ Римскихъ богачей. Когда они изъ бани возвращались домой, то передъ ними шли всегда невольники, которые при всякомъ камешкѣ, лежащемъ на дорогѣ, кричали: *берегись!* чтобы гордый Римлянинъ, всегда смотрѣвшій на небо, не споткнулся и не упалъ! «Что это?» спросилъ я у садовника, видя въ коридорахъ бочки, горшки, корзины и прочее. *Здѣсь мой погребъ*, отвѣчалъ онъ—и мнѣ очень пріятно, что всѣ путешественники любопытствуютъ его видѣть. — Съ удовольствіемъ пробылъ я нѣсколько времени въ монастырскомъ саду, разговаривая съ садовникомъ, который, будучи весьма словоохотенъ, наставлялъ мнѣ довольно всякой всячины о своихъ монахиняхъ. Старая, говоритъ онъ,

бранчивы, грубы и скучны; сидятъ въ своихъ кельяхъ и говорятъ — о политикѣ! а молодыя печальны, любятъ гулять въ темныхъ аллеяхъ, смотрѣть на мѣсяцъ и — вздыхать изъ глубины сердца.

Потомъ былъ я въ маленькой, подземной церкви древнихъ Христіанъ. Тамъ, укрываясь отъ гонителей, изливали они сердце свое въ теплыхъ молитвахъ. Однакожь и тамъ нашли ихъ — кровь несчастныхъ жертвъ обагрила помость храма. Показываютъ мѣсто, гдѣ лежатъ ихъ кости. — Въ сей мрачной церкви многія женщины стояли на колѣняхъ и въ молчаніи молились Богу; иныя проливали слезы; нѣкоторыя въ священномъ восторгѣ ударяли себя въ грудь и прикасались блѣдными устами къ хладному полу. И такъ во Франціи набожность еще не истребилась!

Въ задумчивости вышелъ я на улицу: тутъ все шумѣло и веселилось — танцовщики прыгали, музыканты играли, пѣвцы пѣли, толпы народа изъясляли свое удовольствіе громкимъ рукоплесканіемъ. Миѣ казалось, что я въ другомъ свѣтѣ. Какая земля! какая нація! —

Ударило шесть часовъ — театръ былъ наполненъ зрителями: я сѣлъ въ ложѣ подлѣ двухъ молодыхъ дамъ. Представляли новую трагедію Карла IX, сочиненную Гм. Шенье. Слабый Король, правимый своею суевѣрною матерью и чернодушнымъ Прелатомъ (который всегда говоритъ ему именемъ Неба), соглашается пролить кровь своихъ подданныхъ, для того, что они — не Католики,

Дѣйствіе ужасно; но не всякой ужасъ можетъ быть душею драмы. Великая тайна трагедіи, которую Шекспиръ похитилъ во святилищѣ человѣческаго сердца, пребываетъ тайною для Французскихъ Поэтовъ — и Карлъ IX холоденъ какъ ледъ. Авторъ имѣлъ въ виду новыя происшествія, и всякое слово, относящееся къ нынѣшнему состоянію Франціи, было сопровождаемо плескомъ зрителей. Но отними сіи *отношенія*, и піеса показалась бы скучна всякому, даже и Французу. На сценѣ только разговариваютъ, а не дѣйствуютъ, по обыкновенію Французскихъ Трагиковъ; рѣчи предлинныя, и наполнены обвѣтшальными сентенціями; одинъ актеръ говоритъ безъ умолку, а другіе зѣваютъ отъ праздности и скуки. Одна сцена тронула меня — та, гдѣ сонмъ фанатиковъ упадаетъ на колѣни и благословляется злымъ Прелатомъ; гдѣ при звукѣ мечей клянутся они истребить еретиковъ. Главное дѣйствіе трагедіи повѣствуется, и для того мало трогаетъ зрителя. Добродѣтельный Колинъ умираетъ за сценою. На театрѣ остается одинъ несчастный Карлъ, который въ сильной горячкѣ то бросается на землю, то — встаетъ. Онъ видитъ (не въ самомъ дѣлѣ, а только въ воображеніи) умерщвленнаго Колинъ, такъ какъ Синавъ видитъ умерщвленнаго Трувора; лишается силъ, но между тѣмъ читаетъ пышную рѣчь стиховъ въ двѣсти. *C'est terrible!* (*это ужасно!*) говорили дамы, подлѣ меня сидѣвшія.

Маттисонъ пришелъ къ намъ изъ театра, и просидѣлъ въ моей горницѣ до двѣнадцати часовъ.

Въ каминѣ пылали у насъ дубовыя дрова, кипѣли чай и кофе. Маттисонъ читалъ мнѣ Виландовы письма, писанныя не къ нему, а къ извѣстной госпожѣ ла-Рошъ, сочинительницѣ *Исторіи дѣвицы Штернгеймъ* и другихъ романовъ — письма, въ которыхъ добрая и нѣжная душа стараго Поэта какъ въ чистомъ зеркалѣ изображается. Ла-Рошъ любитъ Маттисона и присылаетъ ему копію своей переписки. — Три часа протекли для насъ какъ три минуты. Б* рассказывалъ намъ любопытные анекдоты своего пѣшеходства, изъ которыхъ сообщу вамъ одинъ:

Однажды пришелъ онъ ввечеру въ маленькую лѣсную деревеньку, и потребовалъ ночлега въ первой избѣ. Хозяйка отворила ему дверь; но увидѣвъ кортикъ и большую Датскую собаку его, испугалась и поблѣднѣла. Б* вообразилъ, что она боится собакъ, и началъ увѣрять, что Геркулесъ его смиренъ какъ ягненокъ, и не дѣлаетъ зла ни какому животному; что онъ не тотъ страшный Геркулесъ, который умертвилъ Немейскаго льва и Лернейскую гидру, а тотъ безоружный, и кроткій обожатель красоты, на дубинкѣ котораго во дворцѣ Королевы Лидійской ѣздили верхомъ Эроты, и котораго Омфала могла бить по щекамъ туфлями. Пріятель мой видѣлъ, что хозяйка все еще блѣднѣла и боялась; но онъ приписывалъ страхъ сей женщины ни чему иному, какъ совершенному ея невѣжеству въ Мифологіи; подошелъ къ столу, положилъ на него свою шляпу, котомку, кортикъ — сѣлъ на деревянный стулъ, погладилъ своего Гер-

кулеса, и велѣлъ хозяйкѣ приготовить что нибудь къ ужину. *Мы люди бѣдные*, отвѣчала она: *у насъ ничего нѣтъ*. — «По крайней мѣрѣ у тебя есть курица или утка?» — *Нѣтъ*. — «Есть молоко?» — *Нѣтъ*. — «Есть сыр?» — *Нѣтъ*. — «Хлѣбъ?» — *Нѣтъ*. Тутъ Б* вскочилъ со стула, Геркулесъ поднялъ голову, а хозяйка закричала и ушла. Вы легко можете вообразить, какъ пуженъ пѣшеходцу обѣдъ и ужинъ, и для того конечно простите моему пріятелю, что онъ вскочилъ со стула не съ пріятною миною, услышавъ о предстоящей ему голодной смерти. Но хозяйка скрылась — дѣлать было нечего — онъ ходилъ по избѣ, заглядывалъ туда и сюда, и наконецъ, къ великой своей радости, увидѣлъ въ темномъ углу кусокъ черстваго хлѣба — взялъ его и началъ ѣсть, удѣляя нѣкоторыя крохи вѣрному Геркулесу, который, смотря на него умильно, разными знаками показывалъ ему, что и онъ вмѣстѣ съ нимъ проголодался. — Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ высокой чело-вѣкъ въ черномъ камзолѣ, посмотрѣлъ на Б*, на кортикъ его, на собаку — поблѣднѣлъ и вышелъ вонъ. Что это значитъ? думалъ пріятель мой, смотрѣлъ на кортикъ, на собаку, и не находилъ въ нихъ ничего страшнаго. Тщетно ждалъ онъ возвращенія своей хозяйки; наконецъ, потерявъ терпѣніе, вышелъ на улицу — но тамъ все было темно и тихо; въ двухъ или трехъ домикахъ свѣтился огонь, вдали шумѣлъ сосновый лѣсъ. Б* возвратился въ избу, легъ на хозяйкину постелю, надѣлъ колпакъ и заснулъ. Но скоро Геркулесовъ

лай разбудилъ его, и въ ту же минуту услышалъ онъ за дверью разные голоса. Я не войду первый, говорилъ одинъ голосъ — ни я, говорилъ другой — ступай ты, говорилъ третій — у тебя ружье; ты можешь достать его издали, говорилъ четвертый. Мой Б* не трусь; однакожь, подозрѣвая, что рѣчь идетъ объ немъ, и что его, а не другаго собираются достать издали, вскочилъ не безъ ужаса съ постели, подбѣжалъ къ столу, гдѣ горѣла свѣча, и гдѣ лежалъ кортикъ — обнажилъ страшное свое оружіе, взялъ его въ правую руку, а въ лѣвую, вмѣсто щита, деревянный стулъ и такимъ образомъ снарядившись, твердымъ и грознымъ голосомъ закричалъ: *кто тамъ? что за люди? отвѣчайте!* Вдругъ все утихло. Герой нашъ повторилъ свои вопросы. За дверью начался топотъ, и Датской Геркулесъ, потерявъ терпѣніе, приблизился къ двери, отворилъ ее лапой — и что же представилось глазамъ моего Б*? Шесть или семь мужиковъ съ ружьями, палашами и дубинами. Собака съ лаемъ бросилась подъ ноги перваго, и сей несчастный, сѣвъ на нее верхомъ, кричалъ изо всей силы: *помогите! помогите! бьютъ! рѣжутъ! друзья! спасите своего старосту!* Но товарищи его стояли на одномъ мѣстѣ, дрожали отъ страха, и вмѣстѣ съ нимъ кричали: *помогите! помогите! бьютъ! рѣжутъ! разбой! разбой!* — Б*, видя, что непріатели его не очень храбры, а потому и не очень опасны, ободрился, подошелъ къ нимъ, и спрашивалъ, что они: разбойники, воры, или безумные? Никто не отвѣчалъ ему, а вся-

кой кричалъ: *бьютъ! рѣжутъ!* Между тѣмъ Геркулесъ, соскучивъ держать на себѣ тяжелое бремя, сбросилъ съ себя бѣднаго старосту и кинулся на другихъ мужиковъ, которые съ ужасомъ побѣжали отъ него въ разныя стороны. Деревенскій начальникъ лежалъ на землѣ, и не кричалъ уже для того, что почиталъ себя мертвымъ. Б* поднялъ его, поставилъ на ноги и трясъ за воротъ, говорилъ ему: «если ты не безумный, то скажи мнѣ, съ какимъ намѣреніемъ вы пришли вооруженные, и за кого меня принимаете?» Наконецъ староста дрожащимъ и прерывающимся голосомъ отвѣчалъ ему, что они почли его за славнаго разбойника тѣхъ мѣстъ, который ходитъ всегда съ кортикомъ и съ собакою, и котораго голова оцѣнена въ нѣсколько сотъ талеровъ. Пріятель мой старался разуверить его; показалъ ему свой паспортъ, и говорилъ съ нимъ такъ тихо и ласково, что бѣдный храбрецъ пересталъ дрожать, облегчилъ вздохомъ стѣсненную грудь свою, бросился обнимать Б*, и сказалъ, прыгая отъ радости: «Слава Богу, слава Богу, что ты не разбойникъ, а добрый человѣкъ! Слава Богу, что мы не убили тебя! Слава Богу, что я, противъ своего обыкновенія, почувствовалъ робость, хотѣвши по тебѣ выстрѣлить! Теперь ко мнѣ въ гости; теперь повеселимся, Господинъ Докторъ! Ночь ничему не мѣшаетъ, и бываетъ лучше инаго дня. Пойдемъ, пойдемъ, Г. Докторъ! у меня есть и курица и утка, и все, что тебѣ угодно!» Староста зажегъ фонарь, взялъ котомку пѣшеходца, съ дозволенія моего пріятеля

надѣлъ на себя кортикъ * и шляпу его, и съ гордостію пошелъ впередъ, освѣщая путь нашему Б*, который всего болѣе радовался обѣщанному ужину, потому что кусокъ черстваго хлѣба не очень напнталъ желудокъ его. — Геркулесь, прогнавъ всѣхъ непріятелей, возвратился къ господину своему, шелъ позади и лаемъ отвѣчалъ на лай деревенскихъ собакъ. Разбѣжавшіеся поселяне, видя начальника своего идущаго въ торжествѣ съ кортикомъ, осмѣлились вытти на улицу, и староста громкимъ голосомъ сказывалъ имъ, что пѣшеходецъ не разбойникъ, а почтенный Господинъ Докторъ, который *инкогнито* странствуетъ по бѣлому свѣту. Жена и двѣ дочери выбѣжали къ нему на встрѣчу, и едва не плакали отъ радости, видя, что супругъ и родитель совершилъ благополучно опасный подвигъ свой. — Б* не можетъ нахвалиться гостепріимствомъ и ужиномъ старосты. Сей добрый человекъ, сидя съ нимъ за столомъ, спрашивалъ его о чудесахъ, видимыхъ путешественниками въ отдаленныхъ земляхъ сѣвера и юга, и самъ рассказывалъ ему многіе анекдоты о томъ разбойникѣ, который около двухъ лѣтъ живетъ въ ихъ лѣсу, ходитъ съ кортикомъ и съ собакою, грабитъ проѣзжихъ и прохожихъ, и цѣлыя деревни приводитъ въ ужасъ. «Только меня онъ не испугаетъ» — продолжалъ староста, выпивъ

* Въ Нѣмецкой землѣ носятъ кортики на ремнѣ черезъ плечо.

рюмки три вина: — «лишь бы попался мнѣ въ руки! — Такъ, Господинъ Докторъ! родъ нашъ извѣстенъ по своей храбрости. Дѣдушка мой былъ грозою всѣхъ разбойниковъ, и пятьдесятъ лѣтъ начальствовалъ въ здѣшней деревнѣ; а батюшка никогда не возвращался изъ лѣсу безъ того, чтобы не принести съ собою кожи убитаго медвѣдя. Я не люблю самохвальства, и не хочу говорить о своихъ дѣлахъ; скажу только, что никогда не боюсь ходить одинъ въ самомъ густомъ лѣсу, и что по сей часъ ни волкъ, ни медвѣдь, ни разбойникъ не смѣлъ напасть на меня.» — Б* по собственному опыту не могъ сомнѣваться въ его смѣлости и мужествѣ, и обѣщалъ распространить славу его и въ другихъ земляхъ, въ которыхъ ему быть случится. Староста улыбался и посматривалъ на жену и дочерей своихъ, которыя начинали уже дремать. Б* также хотѣлъ спать: вѣжливый хозяинъ уступилъ ему свою постелю, накормилъ Геркулеса (забылъ, что онъ часа за два передъ тѣмъ испугалъ его не на шутку), и ушелъ съ своими домашними въ другую маленькую горенку. На другой день Б* давалъ ему талеръ за ужинъ и за ночлегъ; но староста не хотѣлъ и слышать объ деньгахъ, — провожалъ его версты двѣ отъ деревни, и простился съ нимъ дружески.

Вы читали Тристрама, и помните исторію нѣжныхъ любовниковъ; помните Амандуса, который, будучи разлученъ съ своею Амандою, странствовалъ по свѣту, попался въ плѣнъ морскимъ разбойникамъ, и двадцать лѣтъ просидѣлъ въ подземной темницѣ, для того, что онъ не хотѣлъ измѣнить своей Амандѣ и не отвѣчалъ любовью на любовь Марокской Принцессы; помните Аманду, которая исходила всю Европу, Азію, Африку, босая и съ распущенными волосами, спрашивая во всякомъ городѣ, у всякихъ воротъ о своемъ Амандусѣ, и заставляя эхо мрачныхъ лѣсовъ, эхо горъ кремнистыхъ, твердить имя его — *Амандусъ! Амандусъ!* — помните, какъ сіи любовники сошлись наконецъ въ Ліонѣ, отечественномъ ихъ городѣ, увидѣли другъ друга, обнялись и — упали мертвые.... души ихъ на крыльяхъ радости улетѣли на небо! — помните, что нѣжный Стернъ, приближаясь къ тому мѣсту, гдѣ, по описанію, надлежало быть ихъ могилѣ, и чувствуя въ сердцѣ своемъ огонь и пламя, воскликнулъ: *нѣжныя, вѣрныя тѣни! давно, давно хотѣлъ я пролить сіи слезы на вашемъ гробѣ; примите ихъ отъ чувствительнаго сердца!* — но вы помните и то, что Стерну не на что было пролить слезъ своихъ, ибо онъ не нашелъ гроба любовниковъ: увы! и я не могъ найти его!.... спрашивалъ — но Французы думаютъ нынѣ о своей революціи, а не о памятникахъ любви и нѣжности!

Кто, будучи здѣсь, не вспомнить еще о другихъ,

несчастнѣйшихъ любовникахъ, которые за двадцать лѣтъ передъ симъ умертвили себя въ Ліонѣ?

Италіянецъ, именемъ Фальдони, прекрасный, добрый юноша, обогащенный лучшими дарами Природы, любилъ Терезу и былъ любимъ ею. Уже приближился тотъ счастливый день, въ который, съ общаго согласія родителей, надлежало имъ соединиться бракомъ; но жестокій рокъ не хотѣлъ ихъ счастія. Молодой Италіянецъ какимъ-то случаемъ повредилъ себѣ главную пульсующую жилу, отъ чего произошла неизлечимая болѣзнь. Отецъ Терезинъ, боясь выдать дочь свою за такого человека, который можетъ умереть въ самый день брака, рѣшился отказать несчастному Фальдони; но сей отказъ еще болѣе воспламенилъ любовниковъ, и потерявъ надежду соединиться въ объятіяхъ законной любви, они положили соединиться въ хладныхъ объятіяхъ смерти. Не далеко отъ Ліона, въ каштановой рошѣ, построены сельской храмъ, Богу милосердія посвященный, и рукою Греческаго искусства украшенный: туда пришелъ блѣдный Фальдони и ожидалъ Терезы. Скоро явилась она во всемъ сіяніи красоты своей, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, которое шито было къ свадьбѣ, и съ розовымъ вѣнкомъ на темнорусыхъ волосахъ. Любовники упали передъ олтаремъ на колѣни, и — приставили къ сердцамъ своимъ пистолеты, обвитые алыми лентами; взглянули другъ на друга, — поцѣловались — и сей огненный поцѣлуй былъ знакомъ смерти — выстрѣлъ раздался — они упа-

ли, обнимая другъ друга; и кровь ихъ смѣшалась на мраморномъ помостѣ.

Признаюсь вамъ, друзья мои, что сіе происшествіе болѣе ужасаетъ, нежели трогаетъ мое сердце. Я никогда не буду проклинять слабостей чело-вѣчества; но однѣ заставляютъ меня плакать, другія возмущаютъ духъ мой. Если бы Тереза не любила, или перестала любить Фальдони; или если бы смерть похитила у него милую подругу, ту, которая составляла все щастіе, всю прелесть жизни его: тогда бы могъ онъ возненавидѣть жизнь; тогда бы собственное сердце мое изъяснило мнѣ сей печальный феноменъ чело-вѣчества; я вошелъ бы въ чувства несчастнаго, и съ пріятными слезами нѣжнаго сожалѣнія, взглянулъ бы на небо, безъ роптанія, въ тихой меланхоліи. Но Фальдони и Тереза любили другъ друга: и такъ имъ надлежало почитать себя щастливыми. Они жили въ одномъ мірѣ, подъ однимъ небомъ; озарялись лучами одного солнца, одной луны — чего болѣе? * Истинная любовь можетъ наслаждаться безъ чувственныхъ наслажденій, даже и тогда, когда предметъ ея за отдаленными морями скрывается. Мысль: *меня любятъ!* должна быть щастіемъ нѣжнаго любовника — и какъ пріятно, какъ сладко думать ему, что вѣтерокъ, который въ сію минуту прохладяетъ жаръ лица его, вѣялъ можетъ быть и на прелестяхъ любезной; что птичка, въ глазахъ

* Кто хочетъ, разсѣется.

его подъ небомъ парящая, за нѣсколько дней передъ тѣмъ сидѣла можетъ быть на томъ деревѣ, подъ которымъ красавица размышляла о своемъ другѣ! Однимъ словомъ, удовольствія любви безчисленны; ни тиранство родителей, ни тиранство самаго рока не можетъ отнять ихъ у нѣжнаго сердца — и кому сіи удовольствія не извѣстны, тотъ не называй себя чувствительнымъ! — Фальдони и Тереза! вы служите для меня примѣромъ одного изступленія, помѣшательства разума, заблужденія, а не примѣромъ истинной любви!

Смотри! смотри! закричалъ мой Беккеръ. Я бросился къ окну, и увидѣлъ, что вокругъ ратуши толпится шумящій народъ. Что это значитъ? спросили мы у слуги, который прибиралъ мою комнату. *Какое нибудь новое дурачество*, отвѣчалъ онъ. Но я любопытенъ былъ знать это дурачество, и вмѣстѣ съ Беккеромъ пошелъ на улицу. У пяти или шести человѣкъ спрашивали мы о причинѣ шума; но всѣ отвѣчали намъ: *qu'en sais-je?* (*почему мнѣ знать?*) Наконецъ дѣло объяснилось. Какая-то старушка подралась на улицѣ съ какимъ-то старикомъ; пономарь вступился за женщину; старикъ выхватилъ изъ кармана пистолетъ и хотѣлъ застрѣлить пономаря; но люди, шедшіе по улицѣ, бросились на него, обезоружили, и повели его, ... à la

lanterne (на висѣлицу); отрядъ національной гвардіи встрѣтился съ сею толпою людей, отнялъ у нихъ старика и привелъ въ ратушу — вотъ что было причиною волненія! Народъ, который сдѣлался во Франціи страшнѣйшимъ деспотомъ, требовалъ, чтобы ему выдали виновнаго и кричалъ: à la lanterne! Пономарь кричалъ; à la lanterne! a la lanterne! Бабы торговли кричали: a la lanterne! a la lanterne! — Тѣ, которые наиболѣе шумѣли и возбуждали другихъ къ мятежу, были нищіе и празднoлюбцы, не хотящіе работать съ эпохи такъ называемой Французской свободы. — Изрядно одѣтый незнакомецъ подошелъ ко мнѣ и къ Беккеру, и съ дружественномъ видомъ сказалъ намъ: «Около получаса ходить за вами подозрительный чeлoвѣкъ: будьте осторожны — вы конечно иностранцы — *seuvez vous messieurs!* спасайтесь!» Я посмотрѣлъ ему въ глаза и увѣрился, что онъ хотѣлъ только испугать насъ; а Беккеръ, не зная отъ чего, покраснѣлъ и схватилъ мою руку; взоръ его говорилъ мнѣ: *мы другъ друга не оставимъ!* Но онъ и я благополучно возвратились въ Hôtel de Milan. Народъ ввечеру разсѣялся, и мы пошли гулять на свободѣ по берегу Ровы.

Мы обѣдали нынѣ у Господина Т*, богатаго купца, вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ здѣшнихъ Ученыхъ; а ввечеру были на гуляньи за городомъ. И богатые и бѣдные, и старые и малые, толпились на зеленыхъ лугахъ, поздравляли другъ друга съ весною, и наслаждались теплымъ вечеромъ. Въ городѣ не оставалось, думаю, ни четвертой части жи-

телей, и всякой былъ въ лучшемъ своемъ платьѣ. Иные сидѣли на травѣ и пили чай; другіе ѣли бисквиты, сладкіе пироги, и подчивали своихъ знакомыхъ. Я ходилъ между тысячами какъ въ лѣсу, не зная никого и не будучи никому извѣстенъ. Однакожь, видя вокругъ себя радостныя лица, веселился въ сердцѣ своемъ. Наконецъ ушелъ ото всѣхъ людей, сѣлъ подъ зеленымъ кусточкомъ, увидѣлъ фіялку и сорвалъ ее; но мнѣ показалось, что она не такъ хорошо пахнетъ, какъ наши фіялки — можетъ быть отъ того, что я не могъ отдать сего цвѣточка любезнѣйшей изъ жепщинъ и вѣрнѣйшему изъ друзей моихъ!

Ліонъ ... 1790.

Нѣтъ, друзья мои! я не увижу плодоносныхъ странъ южной Франціи, которыми прельщалось мое воображеніе!... Беккеръ не получилъ здѣсь векселя, и оставшись только съ шестью луидорами, рѣшился ѣхать прямо въ Парижъ. Мнѣ надлежало съ нимъ разстаться, или пожертвовать для него своимъ любопытствомъ, своими мечтами, Лангедокомъ и Провансомъ.

Нѣсколько минутъ я сражался съ самимъ собою, сидя въ задумчивости передъ каминомъ. Любезный Датчанинъ разбиралъ между тѣмъ свой чемоданъ, въ которомъ лежали нѣкоторыя изъ моихъ вещей.

Вотъ твои книги, говорилъ онъ — твои письма — твои платки — возьми ихъ! Можетъ быть мы уже не увидимся. — Нѣтъ, сказалъ я, вставъ со стула, и обнявъ съ чувствительностію Беккера — мы ѣдемъ вмѣстѣ!

Гробница нѣжной Лауры, прославленной Петраркомъ! Воклюзская пустыня, жилище страстныхъ любовниковъ! * шумный, пѣнистый ключъ, утолявшій ихъ жажду! я васъ не увижу!..... Луга Прованскіе, гдѣ тимонъ съ розмариномъ благоухаютъ! не ступить нога моя на вашу цвѣтущую зелень!..... Нимскій храмъ Діаны, огромный Амфитеатръ, драгоцѣнные остатки древности! я васъ не увижу! ** — Не увижу и тебя, отчизна Пилата Понтійскаго! *** не взойду на ту высокую гору, на ту высокую башню, гдѣ сей несчастный сидѣлъ въ заключеніи; не загляну въ ту ужасную пропасть, въ которую онъ бросился изъ отчаянія! **** — Простите, мѣста любопытныя для чувствительнаго путешественника!

Не безъ слезъ разставались мы съ Маттисономъ. Онъ подарилъ мнѣ на память нѣкоторыя изъ новѣйшихъ своихъ сочиненій, и сказалъ: *Гдѣ буду впредь, не знаю; но никакой климатъ не перемѣнитъ моего сердца — я всегда съ удовольствіемъ*

* Въ 12 верстахъ отъ Авиньйона.

** Въ Нимѣ много Римскихъ древностей.

*** Городъ Вьень.

**** Такъ говоритъ преданіе. Сію башню и сію пропасть показываютъ близъ Вьеня!

стану вспоминать о нашемъ знакомствѣ — не забудьте Маттисона! Прочихъ Ліонскихъ знакомцевъ оставляю безъ сожалѣнія.

Завтра въ пять часовъ утра сядемъ въ почтовую лодку и поѣдемъ въ Шалонъ. Съ учтивою хозяйкою мы уже расплатились. Каждый день стоилъ намъ здѣсь около лундора.

Теперь ночь — Беккеръ спитъ — я не могу — сижу за столикомъ, и лечу мыслями въ мое отечество, — къ вамъ, моимъ любезнымъ!

=

РѢКА СОНА.

Солнце восходитъ — туманъ раздѣлился — лодка наша катится по струистой лазури, освѣщаемой золотыми лучами — подлѣ меня сидитъ одинъ добрый старикъ изъ Нима; молодая, пріятная женщина спитъ крѣпкимъ сномъ, положивъ голову на плечо его; онъ одѣваетъ красавицу плащомъ своимъ, боясь, чтобы она не простудилась — молодой Англичанинъ въ углу лодки играетъ съ своею собакою — другой Англичанинъ съ важнымъ видомъ болтаетъ въ рѣкѣ воду длинною своею тростью, и напоминаетъ мнѣ тѣхъ Духовъ въ Багватъ-Гетѣ*, которые симъ способомъ цѣлый океанъ превратили

* Индѣйская книга.

въ масло — высокой Нѣмецъ, стоя подлѣ мачты, курить трубку — Беккеръ, пожимаясь отъ утренняго холоднаго воздуха, разговариваетъ съ кормчимъ — я пишу карандашомъ на пергаментномъ листочкѣ.

На обѣихъ сторонахъ рѣки простираются зеленныя равнины; изрѣдка видны пригорки и холмики; вездѣ прекрасныя деревеньки, какихъ не находилъ я ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи: сады, лѣтніе домики богатыхъ купцовъ, дворянскіе замки съ высокими башнями; вездѣ земля обработана наилучшимъ образомъ; вездѣ видно трудолюбіе и богатые плоды его.

Я воображаю себѣ первобытное состояніе сихъ цвѣтущихъ береговъ.... Здѣсь журчала Сона въ дичи и мракѣ; темныя лѣса шумѣли надъ ея водами; люди жили какъ звѣри, укрываясь въ глубокихъ пещерахъ, или подъ вѣтвями столѣтнихъ дубовъ — какое превращеніе!.... Сколько вѣковъ потребно было на то, чтобы сгладить съ натуры всѣ знаки первобытной дикости!

Но можетъ быть, друзья мои, можетъ быть въ теченіе времени сіи мѣста опять запустѣютъ и одичаютъ; можетъ быть черезъ нѣсколько вѣковъ (вмѣсто сихъ прекрасныхъ дѣвушекъ, которыя теперь передъ моими глазами сидятъ на берегу рѣки и чешутъ гребнями бѣлыхъ козъ своихъ) явятся здѣсь хищныя звѣри и заревутъ какъ въ пустынѣ Африканской!.... Горестная мысль!

Наблюдайте движенія Природы; читайте исторію народовъ; поѣзжайте въ Сирію, въ Египетъ,

въ Грецію — и скажите, чего ожидать не возможно? Все возвышается или упадаетъ; народы земные подобны цвѣтамъ весеннимъ; они увядаютъ въ свое время — придетъ странникъ, который удивлялся нѣкогда красотѣ ихъ; придетъ на то мѣсто, гдѣ цвѣли они... и печальный мохъ представится глазамъ его! — Оссіанъ! ты живо чувствовалъ сію плачевную судьбу всего подлуннаго, и для того потрясая мое сердце унылыми своими пѣснями!

Кто поручится, чтобы вся Франція — сіе прекраснѣйшее въ свѣтѣ государство, прекраснѣйшее по своему климату, своимъ произведеніямъ, своимъ жителямъ, своимъ искусствамъ и художествамъ — рано или поздно не уподобилась нынѣшнему Египту?

Одно утѣшаетъ меня — то, что съ паденіемъ народовъ не упадаетъ весь родъ человѣческій; одни уступаютъ свое мѣсто другимъ — и еслили запустѣетъ Европа, то въ срединѣ Африки или въ Канадѣ процвѣтутъ новыя политическія общества, процвѣтутъ науки, искусства и художества.

Тамъ, гдѣ жили Гомеры и Платоны, живутъ нынѣ невѣжды и варвары; но за то въ сѣверной Европѣ существуетъ Пѣвецъ Мессіады, которому самъ Гомеръ отдалъ бы лавровый вѣнецъ свой за то у подошвы Юры видимъ Боннета, а въ Кенигсбергѣ Канта, передъ которыми Платонъ въ разсужденіи Философіи есть младенецъ.

Болѣе писать негдѣ.

Маконъ въ Бургоніи, полночь.

Путешествіе наше очень пріятно. День былъ прекрасный, вечеръ теплой, солнце тихо и великолѣпно скатилось съ голубаго неба, и давно не видалъ я такой розовой зари, какую видѣлъ нынѣ.

Въ полдень пристали мы къ берегу противъ одного небольшого мѣстечка. Тутъ встрѣтили насъ пятнадцать или двадцать трактирщицъ, изъ которыхъ каждая звала къ себѣ въ гости *любезныхъ путешественниковъ*, увѣряя, что у нее прекрасный супъ, прекрасные соусы, прекрасный десертъ и самое лучшее вино. Я, Б*, молодой Французской Офицеръ и двое Англичанъ обѣдали вмѣстѣ, и съ великою благодарностію заплатили хозяйкѣ по 30 су, для того что она въ самомъ дѣлѣ очень хорошо насъ угостила. — Послѣ обѣда гуляли мы по берегу рѣки, заходили въ разные крестьянскіе домики, и видѣли, что поселяне живутъ чисто и опрятно. Офицеръ, Б* и я говорили съ ними о хозяйствѣ, о земледѣліи, и шутили съ молодыми крестьянками, которыя умѣютъ еще красѣться. Одно семейство застали мы за обѣдомъ: на большомъ столѣ, покрытомъ довольно-чистою скатертью, стояла чаша съ супомъ, блюдо шпинату и кринка молока. — Но весьма не полюбились мнѣ деревянные башмаки Французскихъ поселянъ, и я не понимаю, какъ они не натираютъ ими ногъ своихъ. —

Около вечера мы проплыли мимо города Треву, лежащаго на правой сторонѣ Соны; болѣе всего извѣстенъ онъ по *Mémoires de Trevoux*, анти-фи-

лософическому, Іезуитскому Журналу, который, подобно черной молніеносной тучѣ, металъ страшные перуны на Вольтеровъ и д'Аланбертовъ, и грозилъ поналить священнымъ огнемъ всѣ произведенія ума человѣческаго.

Въ девять часовъ вышли мы на берегъ въ городѣ Маконѣ, ужинали въ первомъ здѣшнемъ трактирѣ и пили самое лучшее Бургонское вино. Оно густаго, темнаго цвѣта, и совсѣмъ не похоже на то, что у насъ въ Россіи называется Бургонскимъ.

Здѣсь ночуемъ, и въ четыре часа поплывемъ въ Шалонъ, гдѣ надѣемся быть завтра послѣ обѣда.

ФОНТЕНЕВЛО, 9 ЧАСОВЪ УТРА.

Третьяго-дни ночью выѣхали мы изъ Шалона, въ легкой коляскѣ, вмѣстѣ съ однимъ Парижскимъ купцомъ, который, взявъ съ насъ двоихъ 300 ливровъ, сказалъ, чтобы мы сирятами до Парижа свои кошельки; онъ платитъ прогоны, за обѣдъ, за ужинъ, за чай и кофе. Можетъ быть, останется у него нѣсколько талеровъ или экию; но за то мы совершенно покойны.

Французская почта не дороже, и притомъ несравненно лучше Нѣмецкой. Лошади вездѣ черезъ пять минутъ готовы; дороги прекрасныя; постильйоны не лѣнивы — города и деревни безпрестанно мелькаютъ въ глазахъ путешественника.

Въ 30 часовъ переѣхали мы 65 Французскихъ миль; вездѣ видѣли пріятныя мѣста, и на каждой станціи — были окружены нищими! Товарищъ нашъ Французъ говорилъ, что они бѣдны отъ праздности и лѣни своей, и потому не достойны сожалѣнія; но я не могъ спокойно ни обѣдать, ни ужинать, видя подъ окномъ сіи блѣдныя лица, сіи раздранныя рубища!

Фонтенебло есть маленькой городокъ, окруженный лѣсами, въ которыхъ Французскіе Короли издревле забавлялись звѣриною ловлею. Святой Людовикъ подписывалъ на указахъ: *donné en nos déserts de Fontainebleau* (дано въ нашей пустынѣ Фонтенебло). Тогда не было здѣсь почти ничего, кромѣ двухъ или трехъ церквей и монастыря; но Францискъ I построилъ въ пустынѣ огромный дворецъ, и украсилъ его лучшими произведеніями Италіянскаго художества. Я хотѣлъ видѣть внутренность сего величественнаго зданія, и за два эю видѣлъ все достойное примѣчанія: прекрасную церковь, галерею Франциска I съ ея славными картинами, Королевскія и Королевины комнаты, также украшенныя превосходною живописью, и проч. Въ одной большой галереѣ сего дворца показываютъ то мѣсто, гдѣ жестокая Христина въ 1659 году страшнѣйшимъ образомъ умертвила своего Штальмейстера и любовника, Маркиза Мональдески. — Въ маскарадпой залѣ, расписанной живописцемъ Николо, многія картины стерты, для того что онѣ были слишкомъ соблазнительны для набожныхъ людей. Соваль, Адвокатъ Парижскаго

Парламента, описывая любовныя похождения Королей Французскихъ, говоритъ, что вѣкъ Франциска I былъ самый развращенный, и что всѣ произведенія тогдашнихъ Поэтовъ и живописцовъ дышали сладострастіемъ. «Ступай въ Фонтенебло! (воскликаетъ благочестивой Адвокатъ, скончавшій жизнь свою въ 1670 году) — и вездѣ на стѣнахъ увидишь ты боговъ и богинь, мушницъ и женщинъ, которыя посрамляютъ натуру и утопаютъ въ морѣ распутства. Добродѣтельная супруга Генриха IV истребила многія изъ сихъ картинъ; но чтобы истребить все погибельное, все развратное, надлежитъ предать пламени весь Фонтенебло.» — Нѣкто Сюбле-де-Ное, будучи Губернаторомъ въ Фонтенебло, сжегъ Микель-Анджелову картину, за которую Францискъ I заплатилъ превеликую сумму. Изображалась нагая Леда, — и такъ живо, въ такомъ сладострастномъ положеніи, что Губернаторъ не могъ видѣть ее безъ соблазна. — Сіи анекдоты взялъ я изъ Дюлора.

Мы завтракали — постильйонъ хлопаетъ бичемъ — простите — простите до Парижа!

Парижъ, 27 Марта 1790.

Мы приближались къ Парижу, и я безпрестанно спрашивалъ, скоро ли увидимъ его? Наконецъ

открылась обширная равнина, а на равнинѣ, во всю длину ея, Парижъ!... Жадные взоры наши устремились на сію необозримую громаду зданій — и терялись въ ея густыхъ тѣняхъ. Сердце мое билось. «Вотъ онъ (думалъ я) — вотъ городъ, который въ теченіе многихъ вѣковъ былъ образцемъ всей Европы, источникомъ вкуса, модъ — котораго имя произносится съ благоговѣніемъ учеными и неучеными, Философами и щеголями, художниками и невѣждами, въ Европѣ и въ Азіи, въ Америкѣ и въ Африкѣ — котораго имя стало мнѣ извѣстно почти вмѣстѣ съ моимъ именемъ; о которомъ такъ много читалъ я въ романахъ, такъ много слыхалъ отъ путешественниковъ, такъ много мечталъ и думалъ!... Вотъ онъ!... я его вижу, и буду въ немъ!» — Ахъ, друзья мои! сія минута была одною изъ пріятнѣйшихъ минутъ моего путешествія! Ни къ какому городу не приближался я съ такими живыми чувствами, — съ такимъ любопытствомъ, съ такимъ нетерпѣніемъ! — Товарищъ нашъ Французъ, указывая на Парижъ своею тростью, говорилъ намъ: «Здѣсь, на правой «сторонѣ, видите вы предмѣстіе Монъ-Мартръ и «дю-Танпль; противъ насъ Св. Антонія; а на лѣ-«вой сторонѣ за Сеною предмѣстіе Ст. Марсель, «Мишель и Жермень. Эта высокая готическая «башня есть древняя церковь Богоматери; сей но-«вый великолѣпный храмъ, котораго архитектурѣ «вы конечно удивляетесь, есть храмъ Святой Же-«невьевы, покровительницы Парижа; тамъ вдали «возвышается съ блестящимъ куполомъ l'Hôtel

«Royal des Invalides, одно изъ огромнѣйшихъ Парижскихъ зданій, гдѣ Короли и отечество по-
«коятъ заслуженныхъ престарѣлыхъ воиновъ.»

Скоро въѣхали мы въ предмѣстіе Св. Антонія; но что же увидѣли? Узкія, нечистыя, грязныя улицы, худые дома и людей въ раздранныхъ рубищахъ. «И это Парижъ?» (думалъ я) — «городъ, который издали казался столь великолѣпнымъ?» — Но декорація совершенно перемѣнилась, когда мы выѣхали на берегъ Сены; тутъ представились намъ красивыя зданія, дома въ шесть этажей, богатые лавки. Какое многолюдство! какая пестрота! какой шумъ! Карета скачетъ за каретою; — безпрестанно кричатъ: *gare! gare!* и народъ волнуется какъ море.

Сей неописанный шумъ, сіе чудное разнообразіе предметовъ, сіе чрезвычайное многолюдство, сія необыкновенная живость въ народѣ, привели меня въ нѣкоторое изумленіе. — Мнѣ казалось, что я какъ маленькая песчинка попалъ въ ужасную пучину и кружусь въ одномъ вихрѣ.

Переѣхавъ черезъ Сену, въ улицѣ *Генего*, остановились мы подлѣ *Hôtel Britannique*. Тамъ, въ третьемъ этажѣ, нашли для насъ двѣ комнаты, свѣтлыя и чисто прибранныя, за которыя должно платить по два ливора въ мѣсяцъ. Хозяйка осыпала насъ учтивостями; бѣгала, суетилась, назначала мѣсто для нашихъ кроватей, сундука, чемодана, и при всякомъ словѣ говорила: *aimables étrangers* — любезные иностранцы, почтенные иностранцы! Купецъ, спутникъ нашъ, пожелалъ

намъ всевозможныхъ удовольствій въ Парижѣ, и уѣхалъ къ себѣ домой; а мы въ полчаса успѣли отобѣдать, причесаться, одѣться — заперли свои комнаты, вышли на улицу и смѣшались съ толпами народными, которыя какъ морскія волны выпесля насъ къ славному *Новому мосту*, *pont neuf*, гдѣ стоитъ прекрасный монументъ любезнѣйшаго изъ Королей Французскихъ, Генрика IV. Можно ли было пройти мимо его? Нѣтъ! ноги мои сами собою остановились; взоръ мой самъ собою устремился на образъ Героя, и нѣсколько минутъ не могъ съ него совратиться.

Оставя Беккера у подножія Генриковой статуи, я пошелъ къ Г. Брегету, который живетъ не далеко отъ Новаго мосту на *quai des morfondus*. Жена его приняла меня передъ каминомъ, и услышавъ мое имя, тотчасъ вынесла мнѣ письмо — письмо отъ моихъ любезныхъ!... Вообразите радость вашего друга!... вы здоровы и благополучны!... Всѣ безпокойства въ одну минуту забылись: я сталъ веселъ какъ безпечный младенецъ — читалъ десять разъ письмо — забылъ Госпожу Брегетъ, и не говорилъ съ нею ни слова — душа моя въ сію минуту занималась одними отдаленными друзьями. — *Кажется, что вы очень обрадовались*, сказала хозяйка: *это пріятно видѣть*. — Тутъ я опомнился, началъ передъ нею извиняться, но очень не складно; хотѣлъ рассказывать ей о Женевѣ, гдѣ она родилась — но не могъ, и наконецъ ушелъ. Беккеръ увидѣлъ меня бѣгущаго; увидѣлъ письмо въ рукѣ моей; увидѣлъ мое лице — и обрадовался сер-

дечно — потому что онъ любитъ меня. Мы обнялись на Новомъ Мосту подлѣ монумента — и мнѣ казалось, что самъ мѣдный Генрикъ, смотря на насъ, улыбался. *Pont neuf!* я никогда тебя не забуду!

Сердце мое было довольно и весело — я ходилъ съ Беккеромъ по неизвѣстному городу, изъ улицы въ улицу, безъ проводника, безъ намѣренія и безъ цѣли — и все, что встрѣчалось глазамъ нашимъ, занимало меня пріятнымъ образомъ.

Солнце сѣло: наступила ночь и фонари засвѣтились на улицахъ. Мы пришли въ *Палерояль*, огромное зданіе, которое принадлежитъ Герцогу Орлеанскому, и которое называется столицею Парижа.

Вообразите себѣ великолѣпный квадратный замокъ, и внизу его аркады, подъ которыми въ безчисленныхъ лавкахъ сіяютъ всѣ сокровища свѣта, богатства Индіи и Америки, алмазы и діаманты, серебро и золото; всѣ произведенія Натуры и Искусства; все, чѣмъ когда нибудь Царская пышность украшалась; все изобрѣтенное роскошью для услажденія жизни!... И все это, для привлеченія глазъ, разложено прекраснѣйшимъ образомъ, и освѣщено яркими, разноцвѣтными огнями, ослѣпляющими зрѣніе. — Вообразите себѣ множество людей, которые толпятся въ сихъ галлерейхъ, и ходятъ взадъ и впередъ только для того, чтобы смотрѣть другъ на друга! — Тутъ видите вы и кофейные дома, первые въ Парижѣ, гдѣ также все

людьми наполнено; гдѣ читають вслухъ газеты и журналы, шумять, спорять, говорятъ рѣчи, и проч.

Голова моя закружилась — мы вышли изъ галлерей, и сѣли отдыхать въ каштановой аллеѣ, въ Jardin du Palais Royal. Тутъ царствовали тишина и сумракъ. Аркады изливали свѣтъ свой на зеленныя вѣтви; но онъ терялся въ ихъ тѣняхъ. Изъ другой аллеи неслись тихіе, сладостные звуки нѣжной музыки; прохладный вѣтерокъ шевелилъ листочки на деревьяхъ. — *Нимфы радости* подходили къ намъ одна за другою, бросали въ насъ цвѣтами, вздыхали, смѣялись, звали въ свои гроты, обѣщали тѣмъ удовольствій, и скрывались какъ призраки лунной ночи.

Все казалось мнѣ очарованіемъ, Калппсинымъ островомъ, Армидинымъ замкомъ. Я погрузился въ пріятную задумчивость....

—

Парижъ, 2 Апрѣля, 1790.

Я въ Парижъ! Эта мысль производитъ въ душѣ моей какое-то особенное, быстрое, неизъяснимое, пріятное движеніе.... *я въ Парижъ!* говорю самъ себѣ, и бѣгу изъ улицы въ улицу, изъ Тюльери въ Поля Елисейскія; вдругъ останавливаюсь, на все смотрю съ отмѣннымъ любопытствомъ: на дома, на кареты, на людей. Что было мнѣ извѣстно по описаніямъ, вижу теперь собственными глазами — веселюсь и радуюсь живою картиною величайшаго,

славнѣйшаго города въ свѣтѣ, чуднаго, единственнаго по разнообразію своихъ явленій. —

Пять дней прошли для меня какъ пять часовъ: въ шумѣ, во многолюдствѣ, въ спектакляхъ, въ волшебномъ замкѣ Пале-Рояль. Душа моя наполнена живыми впечатлѣніями; но я не могу самому себѣ дать въ нихъ отчета, и не въ состояніи сказать вамъ ничего связнаго о Парижѣ. Пусть любопытство мое насыщается; а послѣ будетъ время разсуждать, описывать, хвалить, критиковать. — Теперь замѣчу одно то, что кажется мнѣ главною чертою въ характерѣ Парижа: отмѣнную живость народныхъ движеній, удивительную скорость въ словахъ и дѣлахъ. Система Декартовыхъ вихрей могла родиться только въ головѣ Француза, Парижскаго жителя. Здѣсь все спѣшитъ куда-то; всѣ, кажется, перегоняютъ другъ друга; ловятъ, хватаютъ мысли; угадываютъ, чего вы хотите, чтобъ какъ можно скорѣе васъ отправить. Какая страшная противоположность—на примѣръ, съ важными Швейцарами, которые ходятъ всегда размѣренными шагами, слушаютъ васъ съ величайшимъ вниманіемъ, приводящимъ въ краску стыдливаго, скромнаго человека; слушаютъ и тогда, когда вы уже говорить перестали; соображаютъ ваши слова, потвѣчаютъ такъ медленно, такъ осторожно, боясь, что они васъ не понимаютъ! А Парижской житель хочетъ всегда отгадывать; вы еще не кончили вопроса, онъ сказалъ отвѣтъ свой, поклонился и ушелъ.

Парижъ, Апрѣля ... 1790.

Принимаясь за перо съ тѣмъ, чтобы представить вамъ Парижъ хотя не въ совершенной картинѣ, но по крайней мѣрѣ въ главныхъ его чертахъ, долженъ ли я начать, какъ говорили Древніе, съ *лицъ Леды*, и объявить съ ученою важностію, что сей городъ назывался нѣкогда Лютеціею; что имя Парижскихъ жителей, *Parisii*, значитъ народъ покровительствуемый *Изидою* — то есть, что оно произошло отъ Греческаго слова *Пара* и *Изисъ*, хотя *НВ.* Гальскіе народы не имѣли никакого понятія о сей Египетской богинѣ и не думали искать ея покровительства? Перевести ли нѣкоторыя мѣста изъ Записокъ Юлія Цесаря (перваго изъ древнихъ Авторъ, упоминающихъ о Парижѣ) и Мизопогона, книги сочиненной Императоромъ Іуліаномъ; мѣста, изъ которыхъ вы узнаете, что Парижъ и во время Цесарево былъ уже столицею Галліи, и что Императоръ Іуліанъ умеръ-было въ немъ отъ угара? * Окружить ли мнѣ себя твореніями Іоанна

* Я провелъ зиму въ моей любезной Лютеціи, (говоритъ онъ) «она построена на острову и окружена стѣнами, которыя омываются водами рѣки, пріятными для глазъ и вкуса. Зима бываетъ тамъ обыкновенно не очень холодна; но въ мое время морозы были такъ жестоки, что рѣка покрылась льдомъ. Жители нагрѣваютъ свои жилища посредствомъ печей; но я не позволилъ развести огня въ моей горницѣ, а велѣлъ только принести къ себѣ нѣсколько горящихъ угольевъ.

Готвиля, Вильгельма Коррозета, Клавдія Фошета, Николая Бонфуса, Якова Берля, Маленгра, Соваля, Дона Филибьеня, Колметета, де-ла-Мара, Брисса, Буассо Праделя, де-Мера, Монфокона—ослѣпить ли глаза ваши ученою пылью сихъ Авторовъ, и показать ли вамъ ясно, что былъ Парижъ въ своемъ началѣ, когда еще не огромныя палаты и храмы созерцались въ струяхъ Сены, а маленькіе домики, подобныя Альпійскимъ хижинамъ; когда еще не гранитные, а деревянные мосты служили ей поясами; когда не Лаисъ, не Рено плѣняли слухъ людей на берегахъ ея, а братья Оссіановы дикими своими пѣснями; когда не Мирабо на Мори удивляли Парижцевъ своимъ краснорѣчіемъ, а сѣдовласые Друиды, обожатели дубоваго лѣса? Итти ли мнѣ въ слѣдъ Парижу, шагъ за шагомъ, черезъ пространство минувшихъ вѣковъ, означая всѣ его измѣненія, новыя виды, успѣхи въ архитектурѣ, отъ перваго каменнаго домика до Луврской колоннады?—Я слышу отвѣтъ вашъ: «Мы прочитаемъ Сент-Фуа, его; «*Essais sur Paris*, и узнаемъ все то, что ты можешь сказать о древности Парижа; скажи намъ только, каковъ онъ показался тебѣ въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, и болѣе ничего не требуемъ.» — И такъ, оставляя почтенную старину, оставляя все прошедшее, буду говорить объ одномъ настоящемъ.

«Паръ, который отъ нихъ распространился по всей комнатѣ, едва-было не задушилъ меня, и я упалъ безъ чувствъ.»

Парижъ покажется вамъ великолѣпнѣйшимъ городомъ, когда вы въѣдете въ него по Версальской дорогѣ. Громады зданій впереди, съ высокими шпицами и куполами ; на правой сторонѣ рѣка Сена съ картинными домиками и садами ; на лѣвой, за пространною зеленою равниною, гора *Мартръ*, покрытая безчисленными вѣтренными мельницами, которыя, размахивая своими крыльями, представляютъ глазамъ вашимъ летящую станицу какихъ нибудь пернатыхъ великановъ, строусовъ или Альпійскихъ орловъ. Дорога широкая, ровная, гладкая какъ столъ, и ночью бываетъ освѣщена фонарями. Застава есть небольшой домикъ, который плѣняетъ васъ красотою архитектуры своей. Черезъ обширный, бархатный лугъ въѣзжаете въ *Поля Елисейскія*, не даромъ названныя симъ привлекательнымъ именемъ: лѣсокъ, насажденный самими Ореадами, съ маленькими цвѣтущими лужками, съ хижинками въ разныхъ мѣстахъ разсѣянными, изъ которыхъ въ одной найдете кофейный домъ, въ другой лавку. Тутъ по Воскресеньямъ гуляетъ народъ, играетъ музыка, пляшутъ веселые мѣщанки. Бѣдные люди, изнуренные шестидневною работою, отдыхаютъ на свѣжей травѣ, пьютъ вино и поютъ *водевили*. Вы не имѣете времени осмотрѣть всѣхъ красотъ сего лѣсочка, сихъ умиленныхъ рощицъ, какъ будто бы безъ всякаго намѣренія разбросанныхъ на правой и на лѣвой сторонѣ дороги: взоръ вашъ стремится впередъ, туда, гдѣ на большой, осьмнугольной площади возвышается статуя Людовика XV, окружен-

ная бѣлымъ мраморнымъ балюстрадомъ. Подойдите къ ней, и увидите передъ собою густыя аллеи славнаго сада Тюльери, примыкающія къ великолѣпному дворцу: видъ прекрасный! Вошедши въ садъ, не знаете, чѣмъ любоваться: густотою ли древнихъ аллей, или пріятностію высокихъ террасъ, которыя на обѣихъ сторонахъ простираются во всю длину сада; или красотою бассейновъ, цвѣтниковъ, вазъ, группъ и статуй. Художникъ Лепотръ, творецъ сего конечно искуснѣйшаго сада въ Европѣ, ознаменовалъ каждую его часть печатію ума и вкуса. Здѣсь гуляетъ уже не народъ, такъ какъ въ *Поляхъ Елисейскихъ*, а такъ называемыя *лучшіе люди*, кавалеры и дамы, съ которыхъ пудра и румяна сыплются на землю. Взойдите на большую террасу; посмотрите на право, на лѣво, кругомъ: вездѣ огромныя зданія, замки, храмы — красивые берега Сены, гранитные мосты, на которыхъ толпятся тысячи людей, стучить множество каретъ — взгляните на все, и скажите, каковъ Парижъ? Мало естьли назовете его первымъ городомъ въ свѣтѣ, столицею великолѣпія и волшебства. Оставайтесь же здѣсь, естьли не хотите переменить своего мнѣнія; пошедши далѣе, увидите.... тѣсныя улицы, оскорбительное смѣшеніе богатства съ нищетою; подлѣ блестящей лавки ювелира кучу гнилыхъ яблоковъ и сельдей; вездѣ грязь и даже кровь, текущую ручьями изъ мясныхъ рядовъ — зажмете носъ и закроете глаза. Картина пышнаго города затмится въ вашихъ мысляхъ, и вамъ покажется, что изъ всѣхъ городовъ

на свѣтъ черезъ подземельные трубы сливается въ Парижъ нечистота и гадость. Ступите еще шагъ, и вдругъ повѣетъ на васъ благоуханіе щастливой Аравіи, или, по крайней мѣрѣ, цвѣтущихъ луговъ Прованскихъ: значитъ, что вы подошли къ одной изъ тѣхъ лавокъ, въ которыхъ продаются духи и помада, и которыхъ здѣсь множество. Однимъ словомъ, что шагъ, то новая атмосфера, то новые предметы роскоши или самой отвратительной нечистоты—такъ, что вы должны будете называть Парижъ самымъ великолѣпнымъ и самымъ гадкимъ; самымъ благовоннымъ * и самымъ вонючимъ городомъ. Улицы всѣ безъ исключенія узки и темны отъ огромности домовъ; славная *Сентъ - Оноре* всѣхъ длиннѣе, всѣхъ шумнѣе и всѣхъ грязнѣе. Горе бѣднымъ пѣшеходцамъ, а особливо когда идетъ дождь! Вамъ надобно или вмѣсить грязь на срединѣ улицы **, или вода, льющаяся съ кровель черезъ дельфины, не оставитъ на васъ сухой нитки. Карета здѣсь необходима ***,

* Потому что нигдѣ не продаютъ столько ароматическихъ духовъ, какъ въ Парижѣ.

** Мостовая дѣлается въ Парижѣ скатомъ съ обѣихъ сторонъ улицы: отъ чего въ срединѣ бываетъ всегда страшная грязь.

*** За порядочную наемную карету надобно заплатить въ день рубля четыре. Можно ѣздить и въ фіакрахъ, т. е. извозничьихъ каретахъ, которыя стоятъ на каждомъ перекресткѣ; правда, что онѣ очень не хороши, какъ снаружи такъ и внутри; кучеръ спитъ на коз-

по крайней мѣрѣ для насъ иностранцевъ; а Французы умѣютъ чудеснымъ образомъ ходить по грязи не грязнясь, мастерски прыгаютъ съ камня на камень, и прячутся въ лавки отъ скачущихъ каретъ. Славный Турнфоръ, который объѣздилъ почти весь свѣтъ, возвратился въ Парижъ и былъ раздавленъ фіакромъ, отъ того, что онъ въ путешествіи своемъ разучился прыгать серною на улицахъ: искусство необходимое для здѣшнихъ жителей!

Подите городомъ прямо, въ которую сторону вамъ угодно, и вы очутитесь наконецъ въ тѣни густыхъ аллей, называемыхъ *Булесарами*; ихъ три: одна для каретъ, а два для пѣшеходцевъ; онѣ идутъ рядомъ и образуютъ магическое кольцо, или самую прекраснѣйшую опушку вокругъ всего Парижа. Тутъ городскіе жители собирались нѣкогда играть въ шары (*à la boule*) на зеленой травѣ; отъ чего и произошло названіе *буле-веръ* или *булеваръ*. Сначала на мѣстѣ аллей былъ только одинъ валъ, который защищалъ столицу Франціи отъ непріятельскихъ набѣговъ; деревья посажены гораздо послѣ. Одна часть *булеваровъ* называется *старыми*, а другая *новыми*; на первыхъ видите предметы вкуса,

лахъ въ худомъ камзолѣ или ветхой епанчѣ, и безпрестанно погоняетъ двухъ — не лошадей, а лошадиныхъ скелетовъ, которые то дернутъ, то станутъ — побѣгутъ, и опять ни съ мѣста. Въ семь экипажѣ можно за 24 су проѣхать городъ изъ конца въ конецъ.

богатства, пышности; все вымышленное праздностию для занятія праздности — здѣсь Комедія, тутъ Опера; здѣсь блестящія палаты, тутъ Гесперидскіе сады, въ которыхъ недостаетъ только золотыхъ яблокъ; здѣсь кофейный домъ, обвѣшенный зелеными гирландами, тутъ бесѣдка, украшенная цвѣтами и подобная сельскому храму любви; здѣсь маленькой пріятной лѣсочикъ, въ которомъ гремитъ музыка, прыгаетъ на веревкѣ рѣзвая Нимфа, или какой нибудь *фигляръ* забавляетъ народъ своими хитростями; тутъ показываются вамъ всѣ рѣдкія произведенія животнаго царства Природы: птицы Американскія, звѣри Африканскіе, колибри и строусы, тигры и крокодилы; здѣсь, подъ каштановымъ деревомъ, сидитъ Цирцея, смотритъ на васъ томными глазами, кладетъ руку на сердце, и видя, что вы съ равнодушіемъ идете мимо, говоритъ со вздохомъ: *нечувствительный! жестокій!* тутъ молодой растрепанный *франтъ* встрѣчается съ пожилымъ, нѣжно-напудреннымъ *петиметромъ*, смотритъ на него съ усмѣшкою и подаетъ руку оперной пѣвицѣ; здѣсь длинный рядъ каретъ, изъ которыхъ выглядываютъ юность и древность, красота и безобразіе, умъ и глупость въ самыхъ живыхъ характерныхъ чертахъ — и наконецъ... маршируетъ отрядъ національной гвардіи. Цѣлый день употребилъ я на то, чтобы обойти эту шумную часть Булеваровъ*.

* Между великолѣпными, домами къ нимъ примыкающими замѣтилъ я домъ извѣстнаго Бомарше. Сей человекъ умѣлъ

Такъ называемая *новая* часть представляетъ со-
всѣмъ другое зрѣлище: тамъ дерева сѣнистѣе, ал-
леи красивѣе, воздухъ чище, но мало бываетъ гу-
ляющихъ, не слышите ни стука каретнаго, ни то-
пота лошадиного, ни шѣсней, ни музыки; не види-
те ни Англійскихъ, ни Французскихъ щеголей, ни
распудренныхъ головъ, ни разрумяненныхъ лицъ.
Здѣсь въ густой тѣни отдыхаетъ добрый ремеслен-
никъ съ своею женою и дочерью; тутъ по аллеѣ ме-
дленными шагами прохаживается сынъ его съ мо-
лодою своею невѣстою; тамъ поля съ хлѣбомъ, сель-
скія работы, трудящіяся земледѣльцы; словомъ
все просто, тихо и мирно.

Возвратимся опять въ городской шумъ. Карлъ V
говаривалъ: *Lutetia non urbs, sed orbis* (Лютеція,
то есть Парижъ есть не городъ, а цѣлый міръ): что жъ
бы онъ сказалъ теперь, когда Лютеція его вдвое
увеличилась своимъ пространствомъ, и вдвое умно-
жилась числомъ своихъ обитателей? Вообразите

не только странною Комедіею вскружить голову Париж-
ской публикѣ, но и разбогатѣть удивительнымъ обра-
зомъ; умѣлъ не только изображать живописнымъ перомъ
слабыя стороны человѣческаго сердца, но и пользоваться
ими для наполненія кошелька своего; онъ вмѣстѣ и остро-
умный авторъ и тонкой свѣтской человѣкъ, и хитрой при-
дворный и расчетистый купецъ. Теперь имѣетъ Бомар-
ше все средства и способы наслаждаться жизнью. Домъ
его смотрятъ любовитные какъ диковинку богатства и
вкуса; одинъ барельефъ надъ воротами стоитъ 30 или 40
тысячъ ливровъ.

себѣ 25,000 домовъ въ 4, въ 5 этажей, которые съ верху до низу наполнены людьми? Вопреки всѣмъ географическимъ календарямъ, Парижъ многолюднѣе и Константинополя и Лондона, вмѣщая въ себѣ, по новому исчисленію, 1,130,450 жителей, между которыми полагается 150,000 иностранцевъ и 200,000 слугъ. Ступай здѣсь изъ конца въ конецъ города: вездѣ множество идущихъ и ѣдущихъ, вездѣ шумъ и гамъ, — на большихъ и малыхъ улицахъ: а ихъ въ Парижѣ около тысячи! Ночью въ 10, въ 11 часовъ все еще живо, все движется и шумитъ; въ первомъ, во второмъ часу встрѣчается еще много людей; въ третьемъ и четвертомъ слышите изрѣдка каретный стукъ — однакожь сѣи два часа можно назвать самыми тихими въ суткахъ. Въ пятомъ показываются на улицахъ работники, Савояры, поденщики — и мало по малу весь городъ снова оживляется.

Теперь хотите ли осмотрѣть со мною славнѣйшія зданія въ Парижѣ? — Нѣтъ; оставимъ это до другаго времени; вы устали, я также: надобно перемѣнить матерію или — кончить.

Нынѣшній день обѣдалъ я у Господина Гло^{xx}, къ которому было у меня письмо изъ Женевы. Худо не знать обычаевъ: я пришелъ въ два часа, но въ домѣ совсѣмъ еще не думали принимать гостей.

Хозяинъ, послѣ утренней прогулки, одѣвался въ своемъ кабинетѣ, а хозяйка занималась утреннимъ чтеніемъ. Минутъ черезъ десять вышла послѣдняя въ гостиную комнату, гдѣ я сидѣлъ одинъ у камина, перевертывая листы въ Мармонтелевой Поэтикѣ, которая лежала на экранѣ. Госпожа Гло** есть ученая дама лѣтъ въ тридцать, говоритъ по-Англійски, Италіянски, и (подобно Госпожѣ Неккеръ, у которой собирались нѣкогда д'Аланберты, Дидроты и Мармонтели) любитъ обходиться съ Авторами. Мы начали говорить о Литтературѣ, и съ жаромъ, потому, что Госпожа Гло** противорѣчила всѣмъ моимъ мнѣніямъ. На примѣръ, я сказалъ, что Расинъ и Вольтеръ лучшіе Французскіе Трагики; но она, по благосклонности своей, открыла мнѣ, что Шенье — есть богъ передъ ними. Я думалъ, что прежде писали во Франціи лучше, нежели нынѣ, но она сказала мнѣ, что въ домѣ у нее собирается около двадцати сочинителей, которые всѣ несравненны. Я хвалилъ дю-Пати: она увѣряла, что его въ Парижѣ не читаютъ; что онъ былъ хорошій Адвокатъ, но худой Авторъ и наблюдатель. Я хвалилъ Драму Рауля: она говорила объ ней съ презрѣніемъ. Однимъ словомъ, наши несогласія никогда бы не кончились, если бы слуга не растворилъ дверей, и не увѣдомилъ Гж. Гло** о пріѣздѣ гостей. Черезъ нѣсколько минутъ наполнилась горница Маркизами, Кавалерами Св. Людовика, Адвокатами, Англичанами; каждый гость подходилъ къ хозяйкѣ съ холоднымъ привѣтствіемъ. Послѣ всѣхъ явился хозяинъ, и завелъ разговоръ о партіяхъ, интригахъ,

декретахъ Народнаго Собранія, и проч. и проч. Французы разсуждали, хвалили, критиковали; а молодые Англичане зѣвали. Я невольнымъ образомъ присталъ къ симъ послѣднимъ, и сердечно обрадовался, когда насъ позвали обѣдать. Столъ былъ очень хорошъ, но Риторы не умолкали. Между прочими отличалъ себя одинъ Адвокатъ, который хотѣлъ быть Министромъ единственно для того, чтобы въ 6 мѣсяцовъ заплатить всѣ долги Франціи, умножить втрое доходы ея, обогатить Короля, духовенство, дворянство, купцовъ, художниковъ, ремесленниковъ.... Тутъ Господинъ Гло* схватилъ его за руку и съ важнымъ видомъ сказалъ: «довольно, довольно, о великодушный человѣкъ!» Я засмѣялся — къ счастью, не одинъ. Впрочемъ Адвокатъ ни мало тѣмъ не оскорбился, и продолжалъ доказывать пользу своихъ великихъ плановъ, относясь наиболѣе къ Неккерову брату, который обѣдалъ вмѣстѣ съ нами, и который съ величайшимъ терпѣніемъ слушалъ его. Такихъ говоруновъ нынѣ тьма въ Парижѣ, а особливо подъ аркадами въ Пале-Рояль, и надобно имѣть очень здоровую голову, чтобы отъ ихъ краснорѣчія не чувствовать въ ней боли. — Подѣ меня сидѣлъ за столомъ Англичанинъ, человѣкъ умный и важный, который, узнавъ, что я Русской, спрашивалъ меня о нашемъ климатѣ, образѣ жизни, и проч. Извѣстный путешественникъ Коксъ ему пріятель; онъ вмѣстѣ съ нимъ былъ въ Швейцаріи и въ Германіи. — Мы встали изъ за-стола въ пять часовъ, и хозяинъ сказалъ мнѣ, что я всякое Во-

скресенье могу обѣдать у него вмѣстѣ съ его пріятелями.

Еще было у меня письмо къ Господину Н*, старому Прованскому дворянину, отъ брата его Эмигранта (съ которымъ я познакомился въ Женевѣ, въ домѣ Госпожи К*). Онъ почти слѣпъ, глухъ, на силу ходитъ и живетъ въ Парижѣ для молодой, нѣжной, томной, бѣлокурой, миловидной жены своей, которая любитъ спектакли и проч. Какая неровная чета! Можетъ ли такое супружество быть счастливо? думалъ я, смотря на Господина и Госпожу Н*, на Вулкана и Венеру, на мертвый Октябрь и цвѣтушій Май. О природа! въ царствѣ твоёмъ растутъ ли подлѣ снѣговъ розы? — Меня приняли съ холодною ласкою, такъ какъ здѣсь обыкновенно чужестранцевъ принимаютъ; звали обѣдать, ужинать, и проч. Госпожа Н* сказала мнѣ, что нынѣ въ Парижѣ скучно; что она скоро поѣдетъ въ Швейцарію, поселится на той прекрасной горѣ близъ Нѣшателя, которую Руссо описалъ магическимъ перомъ своимъ въ письмѣ къ д'Аланберту, и будетъ жить тамъ счастливо въ объятіяхъ Натуры. Я похвалилъ ея піитическое намѣреніе.

Парижъ нынѣ не то, что онъ былъ. Грозная туча носится подъ его башнями, и помрачаетъ блескъ сего, нѣкогда пышнаго города. Златая роскошь, которая прежде царствовала въ немъ какъ въ своей любезной столицѣ — златая роскошь, опустивъ черное покрывало на горестное лице свое, поднялась на воздухъ и скрылась за облаками; остался одинъ блѣдный лучъ ея сіянія, который едва свер-

каетъ на горизонтѣ, подобно умирающей зарѣ вечера. Ужасы Революціи выгнали изъ Парижа самыхъ богатѣйшихъ жителей; знатнѣйшее дворянство удалилось въ чужія земли; а тѣ, которые здѣсь остались, живутъ по большей части въ тѣсномъ кругѣ своихъ друзей и родственниковъ.

«Здѣсь» — сказалъ миѣ Аббатъ Н*, идучи со мною по улицѣ St. Honoré, и указывая тростью на большіе дома, которые стоятъ нынѣ пустые — «здѣсь, по Воскресеньямъ, у Маркиза Д* съѣжались самыя модныя Парижскія дамы, знатные люди, славнѣйшіе остроумцы (*beaux esprits*); одни играли въ карты, другіе судили о житейской философій, о нѣжныхъ чувствахъ, пріятностяхъ, красотѣ, вкусѣ — тутъ, по Четвергамъ, у Графини А* собирались глубокомысленные Политики обоого пола, сравнивали Мабли съ Ж. Жакомъ и сочиняли планы для новой Утопіи — тамъ по Субботамъ, у Баронессы Ф* читалъ М* примѣчанія свои на Книгу Бытія, изъясняя любопытнымъ женщинамъ свойство древняго Хаоса, и представляя его въ такомъ ужасномъ видѣ, что слушательницы падали въ обморокъ отъ великаго страха. Вы опоздали пріѣхать въ Парижъ; щастливья времена исчезли; пріятныя ужины кончились; *хорошее общество* (*la bonne compagnie*) разсѣялось по всѣмъ концамъ земли. Маркиза Д* уѣхала въ Лондонъ, Графиня А* въ Швейцарію, а Баронесса Ф* въ Римъ, чтобы постричься тамъ въ монахини. Порядочный человѣкъ не знаетъ теперь, куда дѣваться, что дѣлать, и какъ провести вечеръ.

Однакожь Аббатъ Н*, (къ которому привезъ я письмо изъ Женевы отъ брата его, Графа Н*) признался мнѣ, что Французы давно уже разучились веселиться въ обществахъ, такъ какъ они во время Людовика XIV веселились, на примѣръ въ домѣ извѣстной Маріоны де-Лормъ, Графини де-ла-Сюзъ, Ниноны Лапкло, гдѣ Вольтеръ сочинялъ первые стихи свои; гдѣ Вуатюръ, Сентъ-Эвремонтъ, Саразень, Граммонтъ, Менажъ, Пелиссонъ, Гено, блистали остроуміемъ, сыпали Аттическую соль на общій разговоръ и были законодателями забавъ и вкуса. — «Жанъ Ла (или Ласъ), продолжалъ мой Аббатъ, Жанъ Ла несчастною выдумкою Банка погубилъ и богатство и любезность Парижскихъ жителей, превративъ нашихъ забавныхъ Маркизовъ въ торгашей и ростовщиковъ; гдѣ прежде раздроблялись всѣ тонкости общественнаго ума, гдѣ всѣ сокровища, всѣ оттѣнки Французскаго языка истощались въ пріятныхъ шуткахъ, въ острыхъ словахъ, тамъ заговорили.... о цѣнѣ банковыхъ ассигнацій, и дома, въ которыхъ собиралось лучшее общество, сдѣлались биржами. Обстоятельства перемѣнились — Жанъ Ла бѣжалъ въ Италію — но истинная Французская веселость была уже съ того времени рѣдкимъ явленіемъ въ Парижскихъ собраніяхъ. Начались страшныя игры; молодыя дамы съѣзжались по вечерамъ для того, чтобы разорять другъ друга, метали карты на право и на лѣво, и забывали искусство Грацій, искусство нравиться. Потомъ вошли въ моду попугаи и Экономисты, Академическія интриги и Энцикло-

педисты, каланбуры и Магнетизмъ, Химія и Драматургія, Метафизика и Политика. Красавицы сдѣлались Авторами, и нашли способъ.... усыплять самыхъ своихъ любовниковъ. О спектакляхъ, Оперѣ, балетахъ говорили мы наконецъ математическими посылками и числами изъясняли красоты Новой Элоизы. Всѣ философствовали, важничали, хитрили, и вводили въ языкъ новыя странныя выраженія, которыхъ бы Расинъ и Дебрео понять не могли или не захотѣли — и я не знаю, къ чему бы мы наконецъ должны были прибѣгнуть отъ скуки, если бы вдругъ не грянулъ надъ нами громъ Революціи.»

Тутъ мы разстались съ Аббатомъ.

Вчера, въ придворной церкви, видѣлъ я Короля и Королеву. Спокойствіе, кротость и добродушіе изображаются на лицѣ перваго, и я увѣренъ, что никакое злое намѣреніе не раждалось въ душѣ его. Есть на свѣтѣ щастливые характеры, которые по природному чувству не могутъ не любить и не дѣлать добра: таковъ сей Государь! Онъ можетъ быть злополученъ; можетъ погибнуть въ шумящей бурѣ — но правосудная Исторія впишетъ Людовика XVI въ число благодѣтельныхъ Царей, и другъ человѣчества прольетъ въ память его слезу сердечную. — Королева, не смотря на всѣ удары

рока, прекрасна и величественна, подобно розѣ, на которую вѣютъ холодные вѣтры, но которая сохраняетъ еще цвѣтъ и красоту свою. Марія рождена быть Королевою. Видъ, взоръ, усмѣшка — все показываетъ необыкновенную душу. Не лѣзя, чтобы ея сердце не страдало; но она умѣетъ сокрывать горестъ свою, и на свѣтлыхъ глазахъ ея не примѣтно ни одного облачка. Улыбаясь такъ, какъ Граціи улыбаются, перебирала она листочки въ своемъ молитвенникѣ, взглядывала на Короля, на Принцессу, дочь свою, и снова бралась за книгу. Елисавета, сестра Королевская, молилась съ великимъ усердіемъ и набожностію; мнѣ казалось, что по лицу ея катились слезы. — Въ церкви было множество народу, такъ что я отъ жару и духоты упалъ бы въ обморокъ, если бы одна дама, примѣтивъ мою блѣдность, не подала мнѣ спирту. Всѣ люди смотрѣли на Короля и Королеву, еще болѣе на послѣднюю; иные вздыхали, утирали глаза свои бѣлыми платками; другіе смотрѣли безъ всякаго чувства, и смѣялись надъ бѣдными монахами, которые пѣли вечерню. — На Королѣ былъ фіолетовый кафтанъ; на Королевѣ, Елисаветѣ и Принцессѣ черныя платья, съ простымъ головнымъ уборомъ. — Дофина видѣлъ я въ Тюльери. Прекрасная, нѣжная Ланбаль, которой Флоріанъ посвятилъ сказки свои, вела его за руку. Милый младенецъ! Ангелъ красоты и невинности! Какъ онъ, въ темномъ своемъ камзолчикѣ, съ голубою лентою черезъ плечо, прыгалъ и веселился на свѣжемъ воздухѣ! Со всѣхъ сторонъ бѣжали люди

смотрѣть его, и всѣ безъ шляпъ; всѣ съ радостію окружали любезнаго младенца, который ласкалъ ихъ взоромъ и усмѣшками своими. Народъ любитъ еще кровь Царскую!

—

Парижъ, Апрель.... 1790.

Говорить ли о Французской Революціи? Вы читаете газеты: слѣдственно происшествія вамъ извѣстны. Можно ли было ожидать такихъ сценъ въ наше время, отъ зефирныхъ Французовъ, которые славились своею любезностію, и пѣли съ восторгомъ отъ Кале до Марсели, отъ Перпиньяка до Стразбурга:

Pour un peuple aimable et sensible
Le premier bien est un bon Roi...

Для любезнаго народа
Щастье добрый Государь...

Не думайте однакожь, чтобы вся нація участвовала въ трагедіи, которая играется нынѣ во Франціи. Едва ли сотая часть дѣйствуетъ; всѣ другіе смотрятъ, судятъ, спотрятъ, плачутъ или смѣются, быють въ ладоши или освистываютъ, какъ въ театрѣ. Тѣ, которымъ потерять нечего, дерзки какъ хищные волки; тѣ, которые всего могутъ лишиться, робки какъ зайцы; одни хотятъ все от-

нять, другіе хотятъ спасти что нибудь. Оборонительная война съ наглымъ непріятелемъ рѣдко бываетъ щастлива. Исторія не кончилась; но по сіе время Французское дворянство и духовенство кажутся худыми защитниками Трона.

Съ 14 Іюля всѣ твердятъ во Франціи объ Аристократахъ и Демократахъ; хвалятъ и бранятъ другъ друга сими именами, по большей части не зная ихъ смысла. Судите о народномъ невѣжествѣ по слѣдующему анекдоту:

Въ одной деревенкѣ близъ Парижа крестьяне остановили молодаго, хорошо одѣтаго челоуѣка, и требовали, чтобы онъ кричалъ съ ними: *vive la nation!* да здравствуетъ нація! Молодой челоуѣкъ исполнилъ ихъ волю; махалъ шляпою и кричалъ: *vive la nation!* *Хорошо! хорошо!* сказали они: мы довольны. Ты добрый Французъ; ступай, куда хочешь. Нѣтъ, стой: изъясни намъ прежде, что такое..... нація?

Разсказываютъ, что маленькой Дофинѣ, играя съ своею бѣлкою, щелкаетъ ее по носу и говоритъ: *ты Аристократъ, великой Аристократъ, бѣлка!* Любезный младенецъ, безпрестанно слыша это слово, затвердилъ его.

Одинъ Маркизь, который былъ нѣкогда осыпанъ Королевскими милостями, играетъ теперь не послѣднюю ролю между непріятелями Двора. Нѣкоторые изъ прежнихъ его друзей изъявили ему свое негодованіе. Онъ пожалъ плечами, и съ холоднымъ видомъ отвѣчалъ имъ: *que faire? j'aime*

*les te-te-troubles! что дѣлать? я люблю мяте-
те-тежи!* Маркизь заика.

Но читалъ ли Маркизь исторію Греціи и Рима? помнитъ ли цыкуту и скалу Тарпейскую? Народъ есть острое желѣзо, которымъ играть опасно, а революція отверзтый гробъ для добродѣтели и — самаго злѣйства.

Всякое гражданское общество, вѣками утвержденное, есть святыня для добрыхъ гражданъ; и въ самомъ несовершеннѣйшемъ надобно удивляться чудесной гармоніи, благоустройству, порядку. *Утопія* * будетъ всегда мечтою добраго сердца, или можетъ исполниться непримѣтнымъ дѣйствіемъ времени, посредствомъ медленныхъ, но вѣрныхъ, безопасныхъ успѣховъ разума, просвѣщенія, воспитанія, добрыхъ нравовъ. Когда люди увѣрятся, что для собственнаго ихъ щастія добродѣтель необходима, тогда настанетъ вѣкъ златой, и во всякомъ правленіи человѣкъ насладится мирнымъ благополучіемъ жизни. Всякія же насильственныя потрясенія гибельны, и каждый бунтовщикъ готовитъ себѣ эшафотъ. Предадимъ, друзья мои, предадимъ себя во власть Провидѣнію: Оно конечно имѣетъ Свой планъ; въ Его рукъ сердца Государей — и довольно.

Легкіе умы думаютъ, что все легко; мудрые знаютъ опасность всякой переменъ, и живутъ тихо. Французская Монархія производила великихъ Го-

* Или *царство щастія*, сочиненія Моруса.

сударей, великихъ Министровъ, великихъ людей въ разныхъ родахъ; подъ ея мирною сѣнію возростали науки и художества; жизнь общественная украшалась цвѣтами пріятностей, бѣдный находилъ себѣ хлѣбъ, богатый наслаждался своимъ избыткомъ.... Но дерзкіе подняли сѣкиры на священное дерево, говоря: *мы лучше сдѣлаемъ!*

Новые Республиканцы съ порочными сердцами! разверните Плутарха, и вы услышите отъ древняго, величайшаго, добродѣтельнаго Республиканца, Катона, что *безначаліе хуже всякой власти!*

Въ заключеніе сообщу вамъ нѣсколько стиховъ изъ Рабеле, въ которыхъ знакомецъ мой, Аббатъ Н*, находитъ предсказаніе нынѣшней революціи.

Gargantua, ch. LVIII.

ENIGME ET PROPHETIE.

Je fays sçavoir à qui le veut entendre,
Que cet hyver prochain, sans plus attendre,
En ce lieu où nous sommes.
Il sortira une maniere d'hommes,
Las du repos et faschez du séjour,
Qui franchement iront, et de plein jour,
Suborner gents de toutes qualitez,
A differends et partialitez.
Et qui voudra les croire et escouter,
Quoy qu'il en doive advenir et couter.
Ils feront mettre en débats apparens
Amys entre eux et les proches parents.
Le fils hardi ne craindra l'impropere
De se bander contre son propre pere.

Mesme les Grands, de noble lieu saillis,
De leurs subjects se verront assaillis,
Et sur ce point naistra tant de meslées,
Tant de discords, venuës et allées,
Que nulle histoire, où sont les grands merveilles,
N'a fait récit d'émotions pareilles.
Alors auront non moindre autorité
Hommes sans foy, que gents de verité:
Car tous suivront la creance et estude
De l'ingnorante et sottie multitude,
Dont le plus lourd sera reçu pour juge.
O dommageable et penible deluge!
Deluge, dis-je, et à bonne raison:
Car ce travail ne perdra sa saison,
Et n'en sera la terre delivrée,
Jusques à tant qu'elle soit ennyvrée
De flots de sang.....

Французской старинный языкъ, можетъ быть,
для васъ темень. Я переведу:

«Объявляю всѣмъ, кто хочетъ знать, что не да-
«лѣе, какъ въ слѣдующую зиму, увидимъ во Фран-
«цїи злодѣевъ, которые явно будутъ развращать
«людей всякаго состоянїя, и поссорятъ друзей съ
«друзьями, родныхъ съ родными. Дерзкой сынъ
«не побоятся возстать противъ отца своего, и
«рабъ противъ господина, такъ, что въ самой чу-
«десной Исторїи не найдемъ примѣровъ подобнаго
«раздора, волненїя и мятежа. Тогда нечестивые,
«вѣроломные сравняются властію съ добрыми; тог-
«да глупая чернь будетъ давать законы, и без-
«смысленные сядутъ на мѣсто судей. О страш-
«ный, гибельный потопъ! *потопъ*, говорю: ибо

«земля освободится отъ сего бѣдствія не иначе
«какъ упившись кровію.»

Парижъ, Апрель....

Въ Четвертокъ, въ Пятницу и въ Субботу на Страстной недѣлѣ бывало здѣсь славное гулянье въ аллеяхъ Булонскаго лѣсу; *бывало*: потому что нынѣшнее, мною видѣнное, совсѣмъ не могло войти въ сравненіе съ прежними, для которыхъ богачи и щеголи нарочно заказывали новые экипажи, и гдѣ четыре, пять тысячъ каретъ, одна другой лучше, блистательнѣе, моднѣе, являлись глазамъ зрителей. Я ходилъ туда пѣшкомъ, и видѣлъ около тысячи экипажей, но ни одного великолѣпнаго. Это гулянье напомнило мнѣ наше Московское, 1-го Мая. Также карета за каретою, отъ Елисейскихъ полей до монастыря Longchamp. Народъ стоялъ въ два ряда подлѣ дороги, шумѣлъ, кричалъ и смѣялся непристойнымъ образомъ надъ гуляющими. На примѣръ: «Смотрите! вотъ ѣдетъ торговка изъ рыбнаго ряда съ «своею сосѣдкою, башмашницею! Вотъ красный «носъ, самый длинный во всемъ Парижѣ! Вотъ «молодая кокетка въ 70 лѣтъ: влюбляйтесь! Вотъ «Кавалеръ Св. Людовика съ молодою женою и съ «рогами! Вотъ Философъ, который продаетъ свой «умъ за двѣ копѣйки!» Молодые франты прыгали на Англійскихъ коняхъ, заглядывали въ каждую

кареду и дразнили чернь: *allons, allons, mes amis! de l'esprits, de l'esprits! Bon; c'est de la vraie gaieté Parisienne!* Другіе бродили пѣшкомъ, съ длинными деревянными саблями вмѣсто тростей pour se confondre avec le peuple. — Прежде болѣе всего отличались тутъ славныя жрицы Венерины; онѣ выѣзжали въ самыхъ лучшихъ экипажахъ. Одна молодая Актриса разорвала связь свою съ Графомъ Д*, прекраснымъ мужчиною. Ея знакомыя удивлялись. «Чему дивиться?» сказала имъ Актриса: «онъ чудовище, извергъ: онъ не хотѣлъ подарить мнѣ новой кареты для Булонскаго гулянья. Я должна была предпочесть ему стараго Маркиза, который заложилъ всѣ брилліанты жены своей, чтобы купить мнѣ самую дорогую карету въ Парижѣ!»

Я прошелъ въ монастырь Longchamp, видѣлъ гробницу Изабеллы, сестры Людовика Святаго, и двѣ остроумныя надписи подъ монументомъ отца Фременя и брата Франциска Серафима. Первая:

Fremin, tu fais frémir le sort
Et ton nom vit malgré la mort.

Другая: Qui la vie a vecu de François Seraphique,
80 ans sur terre, au Ciel vit l'angelique.

Парижъ, Апрѣля 29, 1790.

Нынѣ цѣлый день проспѣлъ я въ комнатѣ своей, одинъ, съ головою болью; но когда стало смеркаться, вышелъ на Pont neuf *, и облокотясь на подножіе Генриковой статуи, смотрѣлъ съ великимъ удовольствіемъ, какъ тѣни ночныя мѣшались съ умирающимъ свѣтомъ дня; какъ звѣзды на небѣ, а фонари на улицахъ засвѣчались. Съ пріѣзду моего въ Парижъ всѣ вечера безъ исключенія проводилъ я въ спектакляхъ, и потому около мѣсяца не видалъ сумерекъ. Какъ они хороши весною, даже и въ шумномъ, немилвидномъ Парижѣ!

Цѣлый мѣсяцъ быть всякой день въ спектакляхъ! быть, и не насытиться ни смѣхомъ Таліи, ни слезами Мельпомены!... и всякой разъ наслаждаться ихъ пріятностями съ новымъ чувствомъ!... Самъ дивлюсь; но это правда.

Правда и то, что я не имѣлъ прежде достаточнаго понятія о Французскихъ театрахъ. Теперь скажу, что они доведены, каждый въ своемъ родѣ, до возможнаго совершенства, и что всѣ части спектакля составляютъ здѣсь прекрасную гармонію, которая самымъ пріятнѣйшимъ образомъ дѣйствуетъ на сердце зрителя.

Въ Парижѣ пять главныхъ театровъ: Большая Опера, такъ называемый Французской Театръ

* Такъ называемый *новый мостъ*, близъ котораго я живу.

(les François), Италианской (les Italiens), Графа Прованскаго (theâtre de Monsieur) и Variétés — и всякой день играютъ на нихъ, и всякой день (подивитесь Французамъ!) бываютъ они наполнены людьми, такъ что въ 6 часовъ вы едва ли гдѣ нибудь найдете мѣсто.

Кто былъ въ Парижѣ, говорятъ Французы, и не видалъ Большой Оперы, подобенъ тому, кто былъ въ Римѣ и не видалъ Папы. Въ самомъ дѣлѣ, она есть нѣчто весьма великолѣпное, и наиболѣе по своимъ блестящимъ декораціямъ и прекраснымъ балетамъ. Здѣсь видите вы — то поля Елисейскія, гдѣ блаженствуютъ души праведныхъ; гдѣ вѣчная весна зеленѣетъ; гдѣ слухъ вашъ плѣняется тихими звуками лиръ; гдѣ все любезно, восхитительно — то мрачный Тартаръ, гдѣ вздохи умирающихъ волнуютъ страшный Ахеронъ; гдѣ шумъ чернаго Коцита и Стикса заглушается стенаніемъ и плачемъ бѣдствія; гдѣ волны Флегетона пылаютъ; гдѣ Танталъ, Иксионъ и Данаиды вѣчно страдаютъ, и не видятъ конца своимъ мученіямъ; гдѣ свѣтлая Лета томнымъ журчаніемъ призываетъ несчастныхъ къ забвенію житейскихъ заботъ и горестей. Здѣсь видите, какъ Орфей скитается въ черныхъ лѣсахъ подземнаго царства; какъ Фуріи терзаютъ Ореста; какъ Язонъ сражается съ огнемъ, съ пламенемъ и съ чудовищами; какъ раздраженная Медея, проклиная неблагодарность людей, летитъ съ громомъ и молніею на вершину Кавказа; какъ Египтяне въ печальныхъ хорахъ оплакиваютъ смерть добродѣтельнаго Царя

своего, и какъ горестная Нефта, надъ великолѣпнымъ памятникомъ супруга, клянется вѣчно благотворить его въ сердцѣ своемъ; какъ Ринальдо таесть въ восторгѣ у ногъ пламенной Армиды, среди безчисленныхъ красотъ волшебнаго искусства, разсѣянныхъ въ садахъ ея; какъ Діана спускается на свѣтломъ облакѣ, цѣлуетъ Эндиміона, и блестящими слезами страстную грудь свою орошаетъ; какъ величественная Калипса истощаетъ всѣ возможныя очарованія, чтобы плѣнить юнаго Телемака; какъ рѣзвыя, милыя Нимфы — одна другой рѣзвѣе, одна другой милѣе — окружаютъ его съ арфами и лирами, играютъ и поютъ любовь, и каждымъ сладострастнымъ движеніемъ говорятъ ему: *люби! люби!* какъ нѣжный Телемакъ колеблется, чувствуетъ слабость свою, забываетъ совѣты Мудрости, и... сверженный благодѣтельною рукою Ментора, летитъ съ высокаго каменнаго берега въ шумящее море: летитъ вмѣстѣ съ душою зрителей.

Все сіе такъ живо, такъ естественно, что я тысячу разъ забывался, и принималъ искусственное подражаніе за самую натуру. Едва могу вѣрить глазамъ своимъ, видя быструю переменную декораций. Въ одно мгновеніе рай превращается въ адъ; въ одно мгновеніе проливаются моря, тамъ, гдѣ луга зеленѣли, гдѣ цвѣты расцвѣтали, и гдѣ пастухи на свирѣляхъ играли; свѣтлое небо покрывается густымъ мракомъ, черныя тучи несутся на крыльяхъ ревущей бури, и зритель трепещетъ въ душѣ своей; еще одинъ мигъ, и мракъ исчезаетъ, и тучи скрываются, и бури умолкаютъ, и

сердце ваше свѣтлѣетъ вмѣстѣ съ видимыми предметами.

Не смотря на множество здѣшнихъ искусныхъ танцовщиковъ, Вестрисъ сіяетъ между ими какъ Сиріусъ между звѣздами. Всѣ его движенія такъ пріятны, такъ живы, такъ выразительны, что я всегда смотрю, дивлюсь и не могу самъ себѣ изъяснить удовольствія, которое доставляетъ мнѣ сей единственный танцовщикъ; легкость, стройность, гармонія, чувство, жизнь — все соединяется вмѣстѣ, и если можно быть Риторомъ безъ словъ, то Вестрисъ въ своемъ родѣ Цицеронъ. Никакіе стихотворцы не опишутъ того, что блистаетъ въ его глазахъ, что выражаетъ игра его мускуловъ, когда милая, стыдливая пастушка говоритъ ему нѣжнымъ взоромъ: *люблю!* когда опъ, бросающъ къ ея сердцу, призываетъ небо и землю во свидѣтели своего блаженства. Живописецъ положить кисть, и скажетъ только: «Вестрисъ!» — Гардель неподобенъ въ трагической пантомимѣ. Какое величество! Герой въ каждомъ взорѣ, герой въ каждомъ движеніи! Вестрисъ питомецъ милыхъ Грацій; а Гардель ученикъ важныхъ Музъ. — Нивлонъ есть второй Вестрисъ. О другихъ танцовщикахъ скажу только, что они составляютъ прекрасную группу живописныхъ фигуръ, плѣнительную для зрѣнія. — Когда же являются на сценѣ Терпсихорины Нимфы, какъ будто бы на крыльяхъ Зефира принесенныя, тогда сцена кажется мнѣ весеннимъ лугомъ, на которомъ пестрѣютъ безчисленные цвѣты; взоръ теряется между раз-

нообразными красотами — но любезная Периньонъ и прелестная Миллеръ подобны пышной розѣ и гордой лилеѣ, которыя отличаются отъ всѣхъ другихъ цвѣтовъ.

Лаисъ, Шенаръ, Лене, Руссо — вотъ первые пѣвцы Оперы; и если вѣрить Французамъ, то никогда и никакая земля не производила лучшихъ. Они нравятся мнѣ не только пѣніемъ, но и самою игрою: два таланта, которые не всегда бываютъ вмѣстѣ! Маркези никогда не могъ тронуть меня такъ, какъ Лаисъ и Шенаръ трогаютъ. Пусть смѣются надъ моею простотою и невѣжествомъ; но въ голосъ сего славнаго Италіянскаго пѣвца нѣтъ того, что для меня всего любезнѣе — нѣтъ души! Вы спросите, что я разумѣю подъ сею душею? Не умѣю изъяснить; однакожь чувствую. Ахъ! какой Маркези можетъ пѣть такъ хорошо:

J'ai perdu mon Eurydice :

Rien n'égale mon malheur !

какой Италіянской получеловѣкъ можетъ пѣть сію несравненную Глукову арію съ такимъ сердечнымъ выраженіемъ, какъ Руссо, молодой, статный, прекрасный Руссо, достойный Эвридики?

Мальяръ есть теперь первая пѣвица. Вы слышали о Сентъ-Юберти: ее уже нѣтъ! Говорятъ, что она сошла съ ума. Любители Оперы вспоминаютъ объ ней почти со слезами.

Симъ декораціямъ, балетамъ, пѣвцамъ, совершенно отвѣчаетъ и оркестръ, составленный изъ

лучшихъ музыкантовъ Парижа. Однимъ словомъ, любезные друзья, здѣсь торжествуютъ Искусства на высочайшей степени совершенства, и всѣ вмѣстѣ производятъ въ зрителѣ чувство, которое безъ всякой гиперболы можно назвать восхищеніемъ. — Такой спектакль требуетъ конечно большихъ издержекъ. Не смотря на то, что за входъ въ ложи и въ паркетъ платятъ (на наши деньги) рубли по два и по три; не смотря на то, что всѣ сіи дорогія мѣста бывають наполнены людьми, Опера стоила Двору, по счету Неккерову, около трехъ или четырехъ милліоновъ въ годъ.

На такъ называемомъ Французскомъ Театрѣ играютъ трагедіи, драмы и большія комедіи. — Я и теперь не перемѣнилъ мнѣнія своего о Французской Мельпоменѣ. Она благородна, величественна, прекрасна; но никогда не тронетъ, не потрясетъ сердца моего такъ, какъ Муза Шекспирова и нѣкоторыхъ (правда, не многихъ) Нѣмцовъ. Французскіе Поэты имѣютъ тонкой, нѣжной вкусъ, и въ искусствѣ писать могутъ служить образцами. Только въ разсужденіи изобрѣтенія, жара и глубокаго чувства *Натуры* — простите мнѣ священные тѣни Корнелей, Расиновъ и Вольтеровъ! — должны они уступить преимущество Англичанамъ и Нѣмцамъ. Трагедіи ихъ наполнены изящ-

ными картинами, въ которыхъ весьма искусно подобраны краски къ краскамъ, тѣни къ тѣнямъ; но я удивляюсь имъ по большей части съ холоднымъ сердцемъ. Вездѣ смѣсь естественнаго съ романическимъ; вездѣ *mes feux, ma foi*; вездѣ Греки и Римляне *à la Française*, которые тають въ любовныхъ восторгахъ, иногда философствуютъ, выражаютъ одну мысль разными отборными словами, и теряясь въ лабиринтѣ краснорѣчія, забываютъ дѣйствовать. Здѣшняя публика требуетъ отъ Автора прекрасныхъ стиховъ, *des vers à retenir*, они прославляютъ піесу, и для того стихотворцы стараются всячески умножать ихъ число, занимаясь тѣмъ болѣе, нежели важностію приключеній, нежели новыми, чрезвычайными, но естественными положеніями (*situations*,) и забывая, что характеръ всего болѣе обнаруживается въ сихъ необыкновенныхъ случаяхъ, отъ которыхъ и слова заимствуютъ силу свою *.

Я прошу знатоковъ Французскаго Театра найти мнѣ въ Корнелѣ или въ Расинѣ чтонибудь подобное — на примѣръ симъ Шекспировымъ стихамъ, въ устахъ старца Леара, изгнаннаго собственными дѣтьми его, которымъ отдалъ онъ свое царство, свою корону, свое величіе — скитающагося въ бурную ночь по лѣсамъ и пустынямъ.

Blow winds... rage, blow!
You sulph'rous and thought-executing fires,
Vauntz conriers of oak-cleaving thunder-bolts,

Коротко сказать, творенія Французской Мельпомены славны — и будутъ всегда славны — красотою слога и блестящими стихами; но если Трагедія должна глубоко трогать наше сердце или ужасать душу: то соотечественники Вольтеровы не

Singe my white head! And thou allshaking thunder,
Strike flat the thick rotundity o'th' world;
Crack nature's mould, all germins spill at once,
That make ingrateful man!....

I tax not you, you elements, with unkindness!
I never gave you kingdom, call'd you children;
... Then let fall

Your horrible pleasure!.... Here I stand, your slave,
A poor, infirm, weak and despis'd old man!

«Шумите вѣтры, свирѣпствуй буря! Сѣрыя, быстрые
«огни, предтечи разрушительныхъ ударовъ! лейте пла-
«мя на бѣлую главу мою!... Громы, громы! сокрушите
«зданіе міра; сокрушите образъ натуры и человѣ-
«ка, неблагодарнаго человѣка!.... Не жалуясь на ва-
«шу свирѣпость, разъяренныя стихіи! Я не отдавалъ
«вамъ царства, не именовалъ васъ милыми дѣтьми свои-
«ми! И такъ свирѣпствуйте по волѣ! Разите — се я,
«рабъ вашъ, бѣдный, слабый, изнуренный старецъ, от-
«верженный отъ человѣчества!»

Они раздирають душу; они гремятъ подобно тому грому, который въ нихъ описывается, и потрясають сердце читателя. Но что же даетъ имъ сію ужасную силу? Чрезвычайное положеніе царственнаго изгнанника, живая картина бѣдственной судьбы его. И кто послѣ того спросить еще: *какой характеръ, какую душу имѣлъ Деаръ?*

имѣютъ можетъ быть ни двухъ истинныхъ трагедій — и д'Аланбертъ сказалъ весьма справедливо, что всѣ ихъ піесы сочинены болѣе для чтенія, нежели для театра.

Когда же онѣ непременно должны быть игры, то по крайней мѣрѣ надобно для нихъ такихъ актеровъ, какъ ла-Ривъ, Сень-При, Сень-Фаль, и такихъ актрисъ, какъ Сень-Валь, Рокуръ, и проч. которые заступили нынѣ мѣсто Барона и ле-Кеня, ла-Кувреръ и Клеронъ. Вотъ декламація! вотъ *dramatisme*! Благородство въ видѣ, величавость въ поступкѣ, ясность, чистота въ произношеніи, и въ каждомъ словѣ душа, то есть, всякая Поэтова мысль оттъѣнена, всякая мысль выражена собственнымъ ей тономъ, и въ гармоніи съ игрою глазъ, съ движеніемъ руки; вездѣ живопись, вездѣ картины — и если зритель, не смотря на сіе утонченіе искусства, остается холоденъ, то конечно не актеры виноваты.

Ле-Ривъ царь на сценѣ. Совершенно Греческая фигура и рѣдкой органъ! — Сей актеръ совсѣмъ было простился съ театромъ. Разсказываютъ, что онъ, не любя молодой актрисы Дегарсень (которую можно назвать живымъ образомъ слабой томности), старался всячески замѣшивать ее въ игру. Публика съ неудовольствіемъ примѣтила сію непохвальную черту сердца его, и славный ла-Ривъ былъ освистанъ партеромъ; послѣ чего онъ скрылся и клялся никогда уже не выходить на сцену. Но — гдѣ клятва, тутъ и преступленіе. Два года бездѣйствія ему наскучили. Привыкшій къ хвалѣ и

рукоплесканіямъ, безъ нихъ не могъ быть щастливъ, сражался самъ съ собою, и наконецъ, оставя всѣ сомнѣнія, снова явился на сценѣ въ роль Эдипа. Я видѣлъ его. Ужасное стеченіе людей! Не говоря о паркетѣ, ложахъ, партерѣ—самый оркестръ былъ наполненъ зрителями, которымъ музыканты уступили свои мѣста. Въ пять часовъ начался стукъ и топотъ нетерпѣнія; въ половинѣ шестаго поднялся занавѣсъ — и все утихло. Первое явленіе — Эдипа нѣтъ — молчаніе царствовало. Но лишь только Димасъ сказалъ: *Oedipe en ces lieux va paraître*, страшныя рукоплесканія загремѣли, которыя продолжались до самой той минуты, какъ Ла-Ривъ вышелъ, въ великолѣпной Греческой, бѣлой одеждѣ, распустивъ по плечамъ русые волосы, и гордо-смирненнымъ наклоненіемъ головы изъявилъ публикѣ благодарную свою чувствительность. — Въ теченіе всѣхъ пяти актовъ громкая хвала не умолкала. Ла-Ривъ старался всѣми силами заслуживать ее, и, какъ Французы говорятъ, превосходилъ въ искусствѣ самого себя, не жалѣя бѣдной своей груди. Не понимаю, какъ онъ могъ выдержать до конца трагедіи; не понимаю, какъ и зрители не устали отъ рукоплесканія. Въ той сценѣ, гдѣ Эдипъ узнаетъ, что онъ умертвилъ отца; что онъ супругъ своей матери; узнаетъ, и страшнымъ образомъ прокликаетъ судьбу *, я почти оцѣпенѣлъ.

* Въ слѣдующихъ стихахъ:

*Un Dieu plus fort que moi m'entraînait vers le crime,
Sous mes pas fugitifs il creusait un abîme,*

никакая кисть не изобразить того, что свирѣпствовало на лицѣ ла-Рива въ сію минуту: ужасъ, грызение сердца, отчаяніе, гнѣвъ, ожесточеніе, и все, все, чего не могу выразить словами. Зрители ахнули, когда онъ, терзаемый, гонимый Фуріями, бросился со сцены и ударился головою о перистиль, такъ что всѣ колонны задрожали. Вдали слышны были его стенанія. — Публика не насытилась еще Эдипомъ своимъ, и по окончаніи піесы вызвала бѣднаго ла-Рива на сцену. Актриса Рокуръ, которая представляла Іокасту, держала его за руку; едва могъ онъ сказать два или три слова, и готовъ былъ упасть на землю — занавѣсъ опустился.

Сенъ-При играетъ однѣ роли съ ла-Ривомъ: искусный актеръ съ великими талантами, но не ла-Ривъ. — Сенъ-Фаль представляетъ любовниковъ въ трагедіяхъ и драмахъ: молодой, статный человѣкъ пріятнаго вида. Въ Корнелевомъ *Сидѣ* онъ восхищаетъ публику. Такъ надобно играть Родрига, кромѣ двухъ или трехъ сценъ, гдѣ я не совер-

Et j'étais, malgré moi, dans mon aveuglement,
D'un pouvoir inconnu l'esclave et l'instrument,
Voilà tous mes forfaits; je n'en connais point d'autres.
Impitoyables Dieux, mes crimes sont les vôtres,
Et vous m'en punissez?... Où suis je? quelle nuit
Couvre d'un voile affreux la clarté qui nous luit?
Ces murs sont teints de sang; je vois Eumenides
Secouer leurs flambeaux vengeurs des patricides.
Le tonnerre en éclats semble fondre sur moi;
L'enfer s'ouvre.....

шенно доволенъ былъ игрою сего актера. На примѣръ, описывая королю сраженіе съ Маврами, излишно старался онъ выразить въ голосѣ своемъ— сперва тишину ночи, а потомъ шумъ битвы, стукъ мечей и проч. Французы хлопали; но тѣ, которые размышляли о правилахъ истинной мимики, не могутъ любить такого неестественнаго подражанія. Сень-Валь, первая трагическая актриса, хотя слишкомъ стара и немиловидна для роли любовницъ, однакожь нравится блестящимъ своимъ искусствомъ и жаромъ игры. — Рокуръ есть совершенная Медея, и потому въ сей ролю она несравненна. Величественная фигура, большіе черные глаза, которые между густыми ресницами сіяютъ какъ молніи ночью; волосы какъ вороново крыло; всѣ черты лица правильны, но не милы; красота безъ нѣжности; суровость въ самой улыбкѣ; голосъ твердый и пронзательный — однимъ словомъ, Медея. И теперь вижу я, какъ развѣвается на ней огненная мантия, съ волшебными знаками, и какъ ужасно сверкаетъ острый кинжалъ въ рукахъ раздраженной полубогини, сверкаетъ вмѣстѣ съ ея взоромъ. Одна Рокуръ можетъ сказать такъ разительно сіи слова:

Le destin de Medée est d'être criminelle;
Mais son coeur étoit fait pour aimer la vertu.

Славная актриса Конта — славная своею красотою и кокетствомъ болѣе, нежели театральною игрою — представляетъ роли любовницъ въ комедіяхъ

и драмахъ, иногда и въ трагедіяхъ. Ей теперь за тридцать лѣтъ; но она все еще хороша, и партеръ наполненъ ея обожателями, щастливыми и несчастными. Сказываютъ, что одинъ молодой Графъ отъ любви къ ней сошелъ съ ума, и заключился въ Картезіанскомъ монастырѣ. Никогда не бываетъ она такъ прелестна, какъ въ новой піесѣ *le Couvent*. Черное платье, бѣлое покрывало, видъ невинности, чистосердечія.... ахъ, бѣдный Графъ! я вѣрю твоему сумасшествію! — Зрители всегда заставляютъ ее нѣсколько разъ повторять арію:

*L'attrait qui fait chérir ces lieux,
Est le charme de l'innocence.*

Несказанно-пріятный голосъ! — Но никто изъ актеровъ сего театра не дѣлаетъ мнѣ столько удовольствія, какъ Моле, единственный, несравненный Моле, играющій по большей части ролю отцевъ въ комедіяхъ. Нашъ Померанцевъ кажется ученикомъ его. Я два раза удивлялся ему въ Мольеровомъ и Фабровомъ Мизантропѣ, и два раза плакалъ отъ него въ *Монтескье*, Мерсьеровой драмѣ. Такой благородный видъ, такую улыбку добродушія, человѣколюбія, обходительности, надлежало имѣть Автору безсмертной книги о законахъ! *

Я не буду говорить о другихъ комическихъ ак-

* То есть, въ сей драмѣ Моле представляетъ благодѣтельнаго Монтескье.

терахъ сего Театра: ихъ много. — Но въ заключеніе скажу, что Талія Британская и Талія Германіи должны уступить преимущество Французской. Англійскія комедіи по большей части или скучны, или грубы, неблагопристойны, оскорбительны для всякаго нѣжнаго вкуса; а Нѣмецкія, кромѣ нѣкоторыхъ посредственныхъ, совсѣмъ не достойны вниманія.

Такъ называемый Италіанской Театръ, но гдѣ играютъ однѣ Французскія мелодрамы, есть мой любимый спектакль: я бываю въ немъ чаще, нежели въ другихъ, и всегда съ великимъ удовольствіемъ слушаю музыку Французскихъ сочинителей, восхищаюсь игрою славной актрисы Дюгазонъ и пѣніемъ Розы Рено, милой дѣвушки лѣтъ въ двадцать, которую публика до небесъ превозноситъ, и которая въ самомъ дѣлѣ есть теперь лучшая пѣвица въ Парижѣ.

Мнѣ понравились двѣ новыя мелодрамы, играемыя на семъ Театрѣ: Рауль *синяя борода* и Петръ Великій. Содержаніе первой взято изъ старинной сказки и очень, очень театрально. Рауль, богатый дворянинъ, влюбляется въ Розалію, любезную дѣвушку, сестру одного небогатаго рыцаря, и предлагаетъ ей руку свою, вмѣстѣ съ блестящими подарками. Красавица чувствуетъ нѣкоторую склонность къ молодому Вержи, который любитъ ее страстно: но, ахъ! бѣдный Вержи не имѣетъ ничего, кромѣ добраго, нѣжнаго сердца — а доброе и нѣжное сердце не всегда замѣняетъ, въ глазахъ красавицъ, дары щастія. Богатство Раулево ослѣп-

ляетъ Розалію. Она разсматриваетъ подарки.... какое великолѣпіе! какой вкусъ! Болѣе всего правится ей прекрасный головной уборъ, осыпанный брилліантами; она надѣваетъ его, подходитъ къ зеркалу.... и подаетъ руку гордому Раулю. Бѣдный Вержи плачетъ, и скрывается. Розалія живетъ въ огромномъ замкѣ, гдѣ все служитъ ей какъ богинѣ, гдѣ все льститъ ея суетности. Иногда, но очень рѣдко, вылетаетъ вздохъ изъ невѣрной груди; иногда, но очень рѣдко кажется ей, что съ добрымъ, пламеннымъ Вержи была бы она счастливѣе, нежели съ холоднымъ своимъ супругомъ. — Скоро Рауль ѣдетъ — не извѣстно куда — и прощаясь съ красавицею, отдаетъ ей ключъ отъ одной запертой комнаты. «Естьли не хочешь моей гибели.» говоритъ онъ: «естьли не хочешь сама погибнуть, то не будь любопытна!» Розалія клянется — въ чемъ иногда не клянутся милыя женщины? — клянется, и черезъ двѣ минуты.... отпираетъ дверь... Вообразите ужасъ ея!... Она видитъ головы двухъ прежнихъ Раулевыхъ женъ, съ огненною надписью: *voilà ta part!* (Раулю было пророчество, что любопытство жены погубитъ его; для того онъ испытывалъ супругъ своихъ, и умерщвлялъ ихъ за сію слабость, надѣясь спасти тѣмъ собственную жизнь) — Дюгазонъ представляетъ Розалію. Блѣдная, съ распущенными волосами, она бросается на креслы, и поетъ дрожащимъ голосомъ:

Ah! quel sort
Le barbare

Me prépare!

C'est la mort!

C'est la mort!

Въ сію минуту является Вержи, въ женскомъ платьѣ, подъ именемъ Розалииной сестры. Какое свиданіе! Должно спасти погибающую; но какъ? Вержи безъ оружія, среди множества непріятелей. Одно средство остается: увѣдомить обо всемъ Розалиина брата. Вержи отправляетъ къ нему письмо съ конюшимъ своимъ. — Между тѣмъ Рауль возвращается; онъ знаетъ все, и грознымъ голосомъ велитъ Розалии готовиться къ смерти. Ни слезы, ни жалобы не смягчаютъ его — нѣтъ избавленія! Тщетно любовникъ смотритъ въ поле, нетерпѣливо ожидая помощи —

Рѣки тамъ вѣсь сверкають,

Солнца ясные лучи

Всю природу озлащаютъ;

Но булатные мечи

Не сіяють, не сверкають.

Нѣтъ помощи! Не спѣшатъ рыцари избавить Розалию! Наконецъ отчаянный Вержи рассказываетъ о себѣ Раулю, что онъ не женщина; что онъ любитъ его супругу, и хочетъ умереть вмѣстѣ съ нею: его ведутъ въ темницу. Розалія ожидаетъ смертоноснаго удара; острый мечъ блистаетъ надъ ея головою.... но вдругъ съ шумомъ отворяются двери; вооруженные рыцари нападаютъ на Рауля и воиновъ его, побѣждаютъ — и Розалія узнаетъ

своего брата. Жестокій ея супругъ умираетъ; нѣжный Вержи падаетъ передъ нею на колѣни.... занавѣсъ опускается. Гретри сочинялъ музыку: она прекрасна.

Въ мелодрамѣ Пётръ Великій есть очень трогательныя сцены; по крайней мѣрѣ для Русскаго. Дѣйствіе происходитъ недалеко отъ границъ Россіи. — Государь съ другомъ своимъ ле-Фортомъ, живучи въ маленькой деревенькѣ на берегу моря, учится корабельному искусству, и всякой день, съ утра до вечера, трудится въ пристани. Всѣ почитаютъ его обыкновеннымъ работникомъ, и называютъ добрымъ, смышленнымъ, умнымъ Петромъ. Молодой, видный актеръ Мишо играетъ эту ролю: мнѣ казался онъ живымъ портретомъ нашего Императора. Можетъ быть и воображеніе мое прибавило нѣчто къ сему сходству; но я не хотѣлъ чувствовать обмана — хотѣлъ имъ наслаждаться. Въ той же деревнѣ живетъ прелестная Катерина, молодая, добродѣтельная вдова, нѣжно любимая поселянами. Государь, пылкій во всѣхъ своихъ склонностяхъ, скорый во всѣхъ движеніяхъ сердца, влюбляется въ ея красоту, въ милую душу, и открываетъ ей страсть свою. Катерина обожаетъ Петра: никогда еще глаза ея не видали такого прекраснаго, величественнаго, любезнаго челоуѣка, и никогда сердце ея столь охотно не слѣдовало за глазами. Она не таитъ своихъ чувствъ, и подаетъ ему руку; слезы восторга катятся по лицу ея. Государь клянется быть ей нѣжнымъ супругомъ: слово вылетѣло изъ устъ его — оно свято.

Ле-Фортъ, оставшись на единѣ съ Монархомъ, говоритъ ему: «Бѣдная крестьянка будетъ супругою моего Императора! Но ты во всѣхъ своихъ дѣлахъ безпримѣренъ; ты великъ духомъ своимъ; хочешь возвыситъ въ отечествѣ нашемъ санъ человека, и презираешь суетную надменность людей; одно душевное благородство достойно уваженія въ глазахъ твоихъ; Катерина благородна, душою — и такъ да будетъ она супругою моего Государя, моего отца и друга!» Второе дѣйствіе открывается сговоромъ. Столѣтніе старцы, опираясь на плечо внучатъ своихъ, приходятъ къ невестѣ; хладными, слабыми руками пожимаютъ ея руку, и съ радостными слезами желаютъ ей благополучія. Молодые дѣвушки приносятъ розовыя вѣнки, украшаютъ ими любезную чету, и поютъ свадебныя пѣсни. «Добрый Петръ!» говорятъ старцы: «люби всегда милую Катерину, и будь другомъ нашей деревни!» Государь тронуть до глубины сердца. «Вотъ другая блаженная минута въ жизни моей!» тихо говоритъ онъ ле-Форту: «первою насладился я тогда, когда рѣшился въ душѣ своей быть отцомъ и просвѣтителемъ миллионовъ людей, и далъ въ томъ клятву Всевышнему.» — Всѣ садятся вокругъ любовниковъ; всѣ веселы и счастливы! Старики знаютъ, что ле-Фортъ имѣетъ пріятный голосъ, и для того просятъ его спѣть какую нибудь старинную пѣсню; онъ думаетъ, беретъ цитру, играетъ и поетъ:

Жилъ былъ въ свѣтѣ добрый Царь,
Православный Государь.
Всѣ сердца его любили,
Всѣ отцомъ и другомъ чтили.

Любить Царь дѣтей своихъ;
Хочетъ онъ блаженства ихъ:
Санъ и пышность забываетъ —
Тронъ, порфиру оставляетъ. —

Царь какъ странникъ въ путь идетъ —
И обходить цѣлый свѣтъ.
Посохъ есть ему — держава,
Всѣ опасности — забава.

Для чегожъ оставилъ онъ
Царскій санъ и свѣтлый тронъ?
Для чего ему скитаться, —
Хладу, зною подвергаться?

Чтобъ вездѣ добро собирать,
Душу, сердце украшать
Просвѣщенія цвѣтами,
Трудолюбія плодами.

Для чегожъ ему желать
Душу, сердце украшать
Просвѣщенія цвѣтами,
Трудолюбія плодами?

Чтобы мудростью своей
Озарить умы людей,
Чадъ и подданныхъ прославить
И въ искусство жить наставить.

О Великій Государь!

Первый, первый въ свѣтѣ Царь! —

Всю вселенную пройдете,

Но другога не найдете.

Ле-Фортъ забылъ конецъ пѣсни. Добрые крестьяне хвалятъ ее; только не хотятъ вѣрить, чтобы въ самомъ дѣлѣ былъ на свѣтѣ такой Государь. Катерина болѣе всѣхъ тронута; въ черныхъ глазахъ ея блистаютъ слезы. «Нѣтъ», говоритъ она ле-Форту: «нѣтъ, ты насъ не обманываешь; пѣсня твоя справедлива: иначе ты не могъ бы пѣть ее съ такимъ сердечнымъ жаромъ!» Вообразите чувствительность Государя! — Но скоро дѣйствіе перемѣняется. Пріѣзжаетъ Меншиковъ, вызываетъ Императора и рассказываетъ ему, что въ Россіи прошелъ ложный слухъ о его смерти; что злоумышленники развѣваютъ вездѣ пламя бунта; что ему непременно должно возвратиться какъ можно скорѣе въ Москву, и что вѣрный Преображенскій полкъ ожидаетъ его на границѣ. Императоръ не страшится мятежниковъ — одинъ величественный, свѣтлый взоръ его можетъ разсѣять всѣ тучи на горизонтѣ Россіи — но онъ спѣшитъ явиться глазамъ любезной своей Гвардіи. Нѣжная Катерина ждетъ друга, но тщетно; ищетъ его и не находитъ. Ей рассказываютъ, что онъ уѣхалъ. Сердце ея хладѣетъ. *Петръ оставилъ, обманулъ меня!....* сіи слова умираютъ на блѣдныхъ устахъ ея. Но когда она, послѣ жестокаго обморока, приходитъ въ себя, Петръ стоитъ на колѣняхъ пе-

редъ нею, уже не въ платъѣ бѣднаго работника, но въ великолѣпной одеждѣ Царской, окруженный Вельможами. Катерина не видитъ ничего, кромѣ своего милаго друга; оживаетъ, восхищается и забываетъ упреки. Государь открываетъ ей все. «Я хотѣлъ обладать нѣжнымъ сердцемъ», говоритъ онъ, «которое любило бы во мнѣ не Императора, но челоуѣка: вотъ оно!» — (обнимая Катерину) — «сердце и рука моя твои; прими же отъ меня и корону! Не она, но ты будешь украшать ее.» — Удивленная Катерина не радуется вѣнцу Царскому; она хотѣла бы жить съ любезнымъ Петромъ своимъ въ бѣдной хижинѣ; но Петръ и на тронѣ милъ душѣ ея. Вельможи упадаютъ передъ нею на колѣни — весь Преображенскій полкъ выходитъ на сцену — радостныя восклицанія гремятъ въ воздухъ — восклицанія: *да здравствуетъ Петръ и Екатерина!* Государь обнимаетъ супругу — занавѣсъ опускается. Я отираю слезы свои — и радуюсь, что я Русской. Авторъ піесы есть Г. Бульи. — Жаль только, что Французы нарядили Государя, Менщикова и де-Форта въ Польское платье, а Преображенскихъ солдатъ и Офицеровъ въ крестьянскіе зеленые кафтаны съ желтыми кушаками. Зрители вокругъ меня говорили, что Русскіе и нынѣ точно такъ одѣваются; а я, занимаясь драмою, не почелъ за нужное выводить ихъ изъ заблужденія.

На Театрѣ Графа Прованскаго (Théâtre de Monsieur) представляютъ по большой части Италіянскія комическія оперы, иногда же маленькія Французскія піесы. Говорятъ, что въ Италіи нѣтъ и не бывало подобной труппы: рѣдкіе таланты! Гж. Балетти есть первая пѣвица, и славна не только своимъ голосомъ, красотою, но и безпорочнымъ поведениемъ. Парижская актриса и добродѣтель: чудная связь! и потому Англійскіе Лорды со вздохомъ говорятъ, что она Фениксъ. — Изъ пѣвцевъ славнѣйшіе Раффаелли, Маддини и Виганони.

Новый Театръ de Variétés огромнѣе всѣхъ здѣшнихъ театровъ: великолѣпная зала, прекрасныя ложи, блестящая аванъ-сцена! — Тамъ представляются комедіи и драмы иногда очень хорошо, иногда посредственно. Извѣстный Монвель, одинъ изъ первыхъ Парижскихъ актеровъ, второй Ле-Кень, играетъ нынѣ въ Variétés. Онъ старъ, не имѣетъ ни голоса, ни фигуры; но всѣ сіи недостатки замѣняетъ некусствомъ и живостію игры. Всякое слово его впечатлѣвается въ душу зрителя; глаза его въ одну минуту и меркнутъ и воспламеняются; я боюсь смигнуть съ него, когда онъ выходитъ на сцену. Ла-Ривъ, Монвель, Моле, — вотъ три актера, которые, можетъ быть, во всей Европѣ не найдутъ себѣ двухъ подобныхъ.

Кромѣ сихъ главныхъ пяти театровъ есть въ Парижѣ множество другихъ въ Palais Royal, на бульварахъ, и для всякаго спектакля находятсѣ особливые зрители. Не говоря уже о богатыхъ людяхъ, которые живутъ только для удовольствія и

разсѣянiя, самые бѣдные ремесленники, Савояры, разнощики, почитаютъ за необходимость быть въ театрѣ два или три раза въ недѣлю; плачутъ, смѣются, хлопаютъ, свищутъ и рѣшаютъ судьбу пiесъ. Въ самомъ дѣлѣ между ими есть много знатоковъ, которые замѣчаютъ всякую щастливую мысль Автора, всякое щастливое выраженiе актера. *A force de forger on devient forgeron* — и я часто удивлялся вѣрному вкусу здѣшнихъ партеровъ, которые по большей части бывають наполнены людьми низкаго состоянiя. Англичанинъ торжествуетъ въ Парламентѣ и на биржѣ, Нѣмецъ въ ученомъ кабинетѣ, Французъ въ театрѣ.

Только на двѣ недѣли въ году закрываются здѣсь спектакли, то есть, на Страстную и Святую недѣлю; но какъ Французамъ жить и 14 дней безъ публичныхъ веселiй? Тогда всякой вечеръ въ оперномъ домѣ бываетъ духовный концертъ, *concert spirituel*, гдѣ лучшiе Виртуозы на разныхъ инструментахъ показываютъ свое искусство, и гдѣ провелъ я нѣсколько весьма прiятныхъ и, можно сказать, сладкихъ часовъ, слушая Гайденову *Stabat Mater*, Ломеліево *Miserere*, — и проч. Нѣсколько разъ грудь моя орошалась жаркими слезами — я не отиралъ ихъ — я ихъ не чувствовалъ. — Небесная музыка! наслаждаясь тобою, возвышаюсь духомъ, и не завидую Ангеламъ. Кто докажетъ мнѣ, чтобы душа моя, удобная къ такимъ святымъ, чистымъ, эфирнымъ радостямъ, не имѣла въ себѣ чего нибудь божественнаго, нетлѣннаго? Сiи нѣжные звуки, вѣющіе какъ Зефиръ на сердце мое,

могутъ ли быть пищею смертнаго, грубаго существа? — Но ничто въ этомъ концертѣ не трогало меня такъ сильно, какъ одинъ прекрасный дуэтъ Ланса и Руссо. Они пѣли — оркестръ молчалъ — слушатели едва дышали.... несравненно!

Парижъ, Апрель....

Отъ чего сердце мое страдаетъ иногда безъ всякой извѣстной мнѣ причины? Отъ чего свѣтъ помирается въ глазахъ моихъ тогда, какъ лучезарное солнце сіяетъ на небѣ? Какъ изъяснить сіи жестокіе, меланхолическіе припадки, въ которыхъ вся душа моя сжимается и хладѣетъ?.... Не уже ли сія тоска есть предчувствіе отдаленныхъ бѣдствій? Не уже ли она есть не что иное, какъ задатокъ тѣхъ горестей, которыми Судьба намѣрена посѣтитъ меня въ будущемъ?....

Часовъ шесть бродилъ я по окрестностямъ Парижа, въ самомъ грустномъ расположеніи духа; пришелъ въ Булонской лѣсъ и увидѣлъ передъ собою готическій замокъ Мадритъ, построенный въ 16 вѣкѣ, окруженный глубокими рвами и темными аркадами. Террасы его заросли высокою травою. Гдѣ Францискъ I наслаждался всѣми пріятностями любви и роскоши; * гдѣ нѣжные звуки арфы и

* Сей замокъ построенъ Францискомъ I по возвращеніи его изъ Гішпаніи,

гитаръ усыпляли его въ объятіяхъ богини сладострастія: тамъ нынѣ пустота и молчаніе царствуютъ.... Вокругъ меня бѣгали олени; солнце катилось къ западу; вѣтеръ шумѣлъ въ густотѣ лѣса. Я хотѣлъ видѣть внутренность замка.... Барельефы крыльца, представляющіе разныя сцены изъ Метаморфозъ Овидіевыхъ, покрылись зеленымъ мохомъ; здѣсь, надъ пламеннымъ сердцемъ нѣжнаго Пирама, умирающаго отъ любви къ Тизбѣ, развѣвается хладная полынь; тамъ Время рукою своею изглаживаетъ картину Юнонина мщенія, превратившаго въ пепелъ злощастную Семелею.... Въ первой, второй, третьей залѣ все пусто и мрачно; въ четвертой, украшенной рѣзьбою и живописью, услышалъ я тяжелый вздохъ.... осмотрѣлся кругомъ и.... представьте себѣ мое удивленіе!... въ углу сей огромной залы, подлѣ мраморнаго камина, на большихъ креслахъ сидѣла старая женщина лѣтъ шестидесяти, блѣдная, сухая, въ раздранномъ рубищѣ.... Она взглянула на меня, кивнула головою и тихимъ голосомъ сказала: *добрый вечеръ!*.... Нѣсколько минутъ стоялъ я неподвижно на одномъ мѣстѣ; наконецъ подошелъ, началъ говорить съ нею и узналъ, что она нищая, собираетъ милостыню въ Парижѣ, въ окрестныхъ деревняхъ, и уже два года живетъ въ пустомъ замкѣ Мадритѣ. — «Никто не тревожитъ тебя здѣсь?» спросилъ я. — «Кому тревожить? Одинъ разъ пришелъ сюда Надзиратель, и увидѣлъ меня лежащую на соломѣ въ передней горницѣ. Я рассказала ему свою исторію, исторію моей дочери —

онъ заплакалъ — далъ мнѣ три ливра, и велѣлъ жить въ этой залѣ, для того что въ ней цѣлы окончины; для того что въ ней не дуетъ вѣтеръ. Добрый человѣкъ!» — «У тебя есть дочь?» — «Была, была; теперь она тамъ, выше замка Мадрита. Ахъ! мы жили съ нею какъ въ раю: жили въ низенькой хижинѣ, спокойно и щастливо! Тогда и свѣтъ былъ лучше; тогда и всѣ люди были добрѣе. Знаешь ли, какъ у насъ въ деревнѣ называли ее? Мущины соловьемъ, а женщины малиновкой. Она любила пѣть, сидя подъ окномъ, или ходя въ рощѣ за цвѣтами; всѣ останавливались и слушали. У меня сердце прыгало отъ радости. Тогда заимодавцы насъ не мучили. Луиза попросить, и всякой готовъ ждать. Луиза умерла, и меня выгнали изъ хижины, съ клюкою и котомкою. Ходи по міру и лей слезы на холодные камни!» — «У тебя нѣтъ родни?» — «Есть; да нынѣ всякой объ себѣ думаетъ. Кому до меня нужда? Я не люблю скучать собою. Слава Богу! нашла пристанище. Знаешь ли, что здѣсь живалъ Король Франсуа? я заступила его мѣсто. Иногда, по ночамъ, кажется мнѣ, будто онъ расхаживаетъ по горницамъ съ своими Министрами, Генералами, и разговариваетъ о старинѣ.» — «И тебѣ здѣсь не страшно?» — «Страшно? Нѣтъ, я уже давно перестала бояться.» — «Что же будетъ съ тобою, добрая старушка, когда ты занеможешь, когда ноги твои отъ старости....» — «Что будетъ? Я умру — меня погребутъ, и все дѣло съ концомъ.» — Мы замолчали.... Я подошелъ къ окну, и смотрѣлъ на захо-

дящее солнце, которое тихими лучами своими освѣщало разнообразныя картины Парижскихъ окрестностей. Боже мой! сколько великолѣпія въ физическомъ мірѣ (думалъ я), и сколько бѣдствія въ нравственномъ! Можетъ ли несчастный, угнетенный бременемъ бытія своего, отверженный, уединенный среди множества людей, хладныхъ и жестокихъ, — можетъ ли онъ веселиться твоимъ великолѣпіемъ, златое солнце! твоею чистою лазурью, свѣтлое небо! вашею красотою, зеленые луга и рощи? Нѣтъ, онъ томится; всегда, вездѣ томится, бѣдный страдалецъ! Темная ночь сокрой его! Шумящая буря унеси его... туда, туда, гдѣ добрые не тоскуютъ; гдѣ волны океана, океана вѣчности, прохлаждаютъ истлѣвшее сердце!...

Солнце закатилось. Я пожалъ руку бѣдной старушки — и возвратился въ Парижъ.

— Шептало, что пом...

— Шептало, что пом...

— Шептало, что пом...

Сей часъ получилъ отъ васъ письмо — и какъ обрадовался, нѣтъ нужды сказывать. Можно ли, что вы не писали ко мнѣ отъ 14 Февраля до 7 Апрѣля? Любезные друзья мои конечно не знали, какъ дорого стоило ихъ молчаніе бѣдному Русскому путешественнику; иначе, безъ сомнѣнія, они

не заставили бы его мучиться. Извините, если это похоже на выговоръ; мнѣ право было очень грустно. Теперь говорю: *слава Богу!* и все забываю.

Вамъ казалось, что я никогда не выйду изъ Женевы; а если бы вы знали, какъ мнѣ наконецъ стало тамъ скучно! Спросите, для чего же я тотчасъ не выѣхалъ оттуда? Единственно для того, что всякой день ожидалъ вашихъ писемъ — и время проходило. Мнѣ очень хотѣлось возобновить свое путешествіе съ покойнымъ сердцемъ: чего однакожь не сдѣлалось.

Правда, любезный А. А., Парижъ есть городъ единственный. Нигдѣ, можетъ быть, не лѣзя найти столько матеріи для философскихъ наблюденій, какъ здѣсь; нигдѣ столько любопытныхъ предметовъ для человѣка, умѣющаго цѣнить Искусства; нигдѣ столько разсѣянія и забавъ. Но гдѣ же и столько опасностей для философіи, особливо для сердца? Здѣсь тысячи сѣтей разставлены для всякой его слабости.... Шумный океанъ, гдѣ быстрое стремленіе волнъ мчитъ васъ отъ Харибды къ Сциллѣ, отъ Сциллы къ Харибдѣ! Сиренъ множество; и пѣніе ихъ такъ сладостно, усыпительно.... Какъ легко забыться, заснуть! но пробужденіе едва ли не всегда горестно — и первый предметъ, который явится глазамъ, будетъ пустой кошелекъ.

Однакожь не надобно себѣ воображать, что Парижская пріятная жизнь очень дорога для всякаго; напротивъ того, здѣсь можно за небольшія деньги наслаждаться всѣми удовольствіями по сво-

ему вкусу. Я говорю о *позволенныхъ*, и въ строгомъ смыслѣ *позволенныхъ* удовольствіяхъ. Если же кто вздумаетъ *коротко* знакомиться съ пѣвицами и актрисами, или въ тѣхъ домахъ, гдѣ играютъ въ карты, не отказываться ни отъ какой партіи, тому надобно Англійское богатство. И домомъ жить дорого, то есть, дороже, нежели у насъ въ Москвѣ. Но вотъ какъ можно весело проводить время и тратить не много денегъ:

Имѣть хорошую комнату въ лучшей *Отели*; * поутру читать разные журналы, газеты, гдѣ всегда найдешь что нибудь занимательное, жалкое, смѣшное; и между тѣмъ пить кофе, какого не умѣютъ варить ни въ Германіи, ни Швейцаріи; потомъ кликнуть парикмахера, говоруна, враля, который наскажетъ вамъ множество забавнаго вздору о Мирабо и Мори, и Бальи о Лафаетѣ; намажетъ вашу голову Прованскими духами и напудритъ самою бѣлою, легкою пудрою; а тамъ, надѣвъ чистой, простой фракъ, бродить по городу, зайти въ Пале-Рояль, въ Тюльери, въ Елисейскія поля, къ извѣстному Писателю, къ художнику, въ лавки, гдѣ продаются эстампы и картины, — къ Дидоту, любоваться его прекрасными изданіями классическихъ Авторъ, обѣдать у Ресторатёра, **

* Hôtel есть наемный домъ, гдѣ вы кромѣ комнаты и услуги ничего не имѣете. Кофе и чай приносятъ вамъ изъ ближайшаго кофейнаго дома, а обѣдъ изъ трактира.

** Ресторатёрами называются въ Парижѣ лучшіе трактирщики, у которыхъ можно обѣдать. Вамъ подадутъ

гдѣ подаютъ вамъ за рубль пять или шесть хорошо приготовленныхъ блюдъ съ десертомъ; посмотрѣть на часы, и расположить время свое до шести, чтобы, осмотрѣвъ какую нибудь церковь, украшенную монументами, или галерею картинную, или библіотеку, или кабинетъ рѣдкостей, явиться, съ первымъ движеніемъ смычка, въ Оперѣ, въ Комедіи, въ Трагедіи, плѣняться гармоніею, балетомъ, смѣяться, плакать — и съ тою, но пріятныхъ чувствъ исполненною душою отдыхать въ Пале-Рояль, въ Café de Valois, de Caveau, за чашкою *баваруаза*; * взглядывать на великолѣпное освѣщеніе лавокъ, аркадъ, аллей въ саду; вслушиваться иногда въ то, что говорятъ тамошніе глубокіе Политики; наконецъ возвратиться въ тихую свою комнату, собраться съ идеями, написать нѣсколько строкъ въ своемъ журналѣ, броситься на мягкую постелю, и (чѣмъ обыкновенно кончится и день и жизнь) заснуть глубокимъ сномъ съ пріятною мыслию о будущемъ. — Такъ я провожу время, и доволенъ.

росписъ всѣмъ блюдамъ, съ означеніемъ ихъ цѣны; выбравъ, что угодно, обѣдаете на маленькомъ, особливомъ столикѣ.

* Ароматическій спронъ съ чаемъ.

Скажу вамъ нѣсколько словъ о главныхъ Парижскихъ зданіяхъ.

Лувръ. Прежде былъ онъ не что иное, какъ грозная крѣпость, гдѣ жили потомки Кловисовы, и гдѣ, какъ въ государственной темницѣ, заключались возмутители, ослушные Бароны, которые часто возставали противъ своихъ Королей. Францискъ I, страстный охотникъ воевать, плѣнять красавицъ и строить великолѣпныя замки, разрушивъ до основанія готическія башни, на ихъ мѣстѣ соорудилъ огромный дворецъ, украшенный лучшими художниками его вѣка, но необитаемый до временъ Карла IX. Лудовикъ XIV воцарился: съ нимъ воцарились Искусства, Науки — и Лувръ, по его мановенію, увѣнчался великолѣпною своею колоннадою, лучшимъ произведеніемъ Французской Архитектуры, и тѣмъ болѣе удивительною, что строилъ ее не славный зодчій, а Докторъ Перро, обезславленный, разруганный насмѣшливымъ Буало въ его сатирахъ. Не лѣзя взглянуть безъ какого-то глубокаго почтенія на ея перистили портики, фронтоны, пиластры, столпы, которымъ вмѣсто крова служитъ терраса съ прекраснымъ балюстрадомъ. Я всякой разъ останавливаюсь противъ главныхъ воротъ, смотрю и думаю: «Сколько тысячелѣтій мелькнуло черезъ земный шаръ въ вѣчность между первымъ сплетеніемъ гибкихъ вѣтвей, укрывшихъ дикаго Адамова сына отъ ненастья, и гигантскою колоннадою Лувра, дивомъ огромности и вкуса! Какъ малъ человекъ, но какъ великъ умъ его! Какъ медленны успѣхи разума, но

какъ они многообразны и безконечны!» — Лудовикъ XIV долго жилъ въ Луврѣ; наконецъ предпочелъ ему Версалю, и мѣсто великаго Монарха занялъ Аполлонъ съ Музами. Тутъ всѣ Академіи; * тутъ жили и славные Ученые, Авторы, Поэты, достойные Королевскаго вниманія. Лудовикъ, уступивъ свое жилище Генію, возвысилъ и его и себя.

Говоря о Луврѣ, нельзя не вспомнить о снѣжномъobeliskѣ, который въ жестокую зиму въ 1788 году сдѣланъ былъ противъ его оконъ бѣдными людьми, въ знакъ благодарности къ нынѣшнему Королю, покупавшему для нихъ дрова. Всѣ Парижскіе Стихотворцы сочиняли надписи для такого рѣдкаго памятника, и лучшая изъ нихъ была;

Мы дѣлаемъ Царю и другу своему
Лишь снѣжный монументъ; милѣе онъ ему,
Чѣмъ мраморъ драгоцѣнный,
Изъ дальнихъ странъ на счетъ убогихъ привезенный.

Въ память сего трогательнаго случая, одинъ богатый человѣкъ, Г. Жюбо, соорудилъ передъ своимъ домомъ, близъ Тюльери, мраморныйobeliskъ, и вырѣзалъ на немъ всѣ надписи снѣжнаго монумента; я былъ у Г. Жюбо, читалъ ихъ, и вообразивъ, какъ нынѣ Французы обходятся съ Королемъ своимъ, подумалъ: «Вотъ памятникъ благо-

* Тамъ, въ залѣ Академіи Художествъ, видѣлъ я четыре славныя ле-Брюневы картины: сраженія Александра Великаго.

дарности, который доказываетъ неблагодарность Французовъ!»

Тюльери. Имя произошло отъ *tuile*, то есть черепицы, которую нѣкогда тутъ дѣлали. Сей дворецъ построенъ Катериною Медицисъ; состоитъ изъ пяти навильйоновъ съ четырьмя *корд-де-ложи*; украшенъ мраморными колоннами, фронтономъ, статуями, и наконецъ изображеніемъ лучезарнаго солнца, девизомъ Лудовика XIV. Видъ зданія не величественъ, но пріятенъ; положеніе очень хорошо. Съ одной стороны рѣка Сена, а передъ главною фасадою Тюльерійской садъ съ высокими своими террасами, цвѣтниками, бассейнами, группами и (что всего лучше) древними густыми аллеями, сквозь которыя вдали видна, на обширной площади, статуя Лудовика XV. Тутъ живетъ нынѣ Королевская фамилія. Я видѣлъ и внутренность дворца. Въ день Св. Духа Король вмѣстѣ съ Кавалерами главнаго Французскаго Ордена пошелъ въ церковь; за нимъ и Королева съ Дамами; первые въ рыцарскихъ мантияхъ, съ распущенными волосами; вторыя въ богатыхъ робахъ. Въ ту самую минуту любопытные зрители бросились во внутреннія комнаты — я за ними — изъ залы въ залу, и до самой спальни. *Куда вы, господа? за чѣмъ?* спрашивали придворные лакеи. *Смотрѣть,* отвѣчали мои товарищи, и шли далѣе. Украшенія комнатъ составляютъ обои Гобелиновой фабрики, картины, статуи, гротески, бронзовые камни. Между тѣмъ глаза мои занимались не только вещами, но и людьми: Министрами и Экс-Министра-

ми, придворными и старыми Королевскими слугами, которые, видя безчинство молодыхъ, съ величайшимъ небреженіемъ одѣтыхъ людей, шумящихъ и бѣгающихъ, пожимали плечами. Я самъ съ какимъ-то горестнымъ чувствомъ ходилъ за другими. Таковъ ли былъ прежде Французскій Дворъ, славный своею блестящею пышностію? Видя двухъ человѣкъ, сидящихъ рядомъ и тихонько говорящихъ между собою, думалъ я: «Они вѣрно говорятъ о несчастномъ состояніи Франціи и будущихъ ея возможныхъ бѣдствіяхъ!» — Второй сынъ Герцога Орлеанскаго игралъ въ билліардъ съ какимъ-то почтеннымъ старикомъ. Молодой Принцъ очень хорошъ лицомъ; надобно, чтобы и душа его была прекрасна, — слѣдственно не похожа на душу отца его. — — Тюльери соединяется съ Лувромъ посредствомъ галлерей, которая длиннѣе и огромнѣе всѣхъ галлерей на свѣтѣ, и гдѣ долженъ быть Королевскій Музеумъ, или собраніе картинъ, статуй, древностей, разсѣянныхъ теперь по разнымъ мѣстамъ.

Люксанбуръ принадлежитъ нынѣ Графу Прованскому: величественный дворецъ, построенный Маріею Медичисъ, супругою великаго и матерію слабаго Короля, женщиною властолюбивою, но рожденною безъ всякаго таланта властвовать, которая, бывъ долгое время Ксантиппою Генриха IV, за-

ступила его мѣсто на тронѣ для того, чтобы расточить плоды Сюллиевой бережливости, завести междоусобную войну во Франціи, возвеличить Ришелье и быть жертвою его неблагодарности; которая, осыпавъ милліонами недостойныхъ своихъ любимцевъ, кончила жизнь въ изгнаніи, въ бѣдности, едва имѣя кусокъ хлѣба для утоленія голода и рубище для прикрытія наготы своей. Игра судьбы бываетъ иногда ужасна. — Съ такими мыслями смотрѣлъ я на прекрасную архитектуру сего дворца, на его террасы и павильоны. За нѣсколько гривенъ показали мнѣ и внутренность. Комнаты едва ли достойны примѣчанія; но тутъ славная галерея Рубенсова, въ которой сей Нидерландскій Рафаэль пестовалъ всю силу искусства и Генія своего: 25 большихъ картинъ, представляющихъ Генриха IV и Королеву Марію со множествомъ аллегорическихъ фигуръ. Какое разнообразіе въ видѣ супруговъ! На всякой картинѣ *они*, но всякая имѣетъ свой особенный характеръ. Марія, изображенная въ родахъ, есть вѣнецъ Рубенсовой кисти. Глубокіе слѣды страданія, томность, изнеможеніе; блѣдная роза красоты; радость быть матерію Дофина; чувство, что вся Франція ожидала сей минуты съ боязливымъ нетерпѣніемъ, и что милліоны будутъ торжествовать ея щастливое разрѣшеніе отъ бремени; нѣжность супруги, говорящей своими взорами Генриху: *я жива! у насъ есть сынъ!* все прекрасно, и съ трогательнымъ искусствомъ выражено. Видно, что главнымъ предметомъ живописца была Королева; она занимаетъ первое мѣсто на картинахъ: Ген-

рихъ вездѣ для нея. Удивительно ли? Рубенсъ писалъ по ея заказу, послѣ Генриховой смерти; и льстецъ-Живописецъ сдѣлалъ то, чего ни льстецъ-Историкъ, ни льстецъ-Поэтъ не могъ бы сдѣлать для Маріи; онъ умѣлъ искусствомъ своимъ подкупить сердца въ ея пользу; онъ заставляетъ меня любить Марію. — Между аллегорическими фигурами примѣтилъ я одно женское милое лицо, неоднократно изображенное. Ученикъ живописи, который показывалъ мнѣ галерею, сказалъ: «Не дивитесь повторенію; это лицо Рубенсовой жены, славной красавицы Елены Форманъ. Рубенсъ былъ ея любовникомъ - супругомъ, и вездѣ, гдѣ только могъ, изображалъ свою Елену.» Я люблю тѣхъ, которые любить умѣли и сердце мое еще сильнѣе прилѣпилось къ художнику.

Садъ Люксембургской былъ нѣкогда любимымъ гульбищемъ Французскихъ Авторъ, которые въ густыхъ и темныхъ его аллеяхъ обдумывали планы своихъ твореній. Тамъ Маблі часто гулялъ съ Кондильякомъ: туда приходилъ иногда и печальный Руссо говорить съ своимъ краснорѣчивымъ сердцемъ; тамъ и Вольтеръ въ молодости не рѣдко искалъ гармоническихъ рѣчъ для острыхъ своихъ мыслей, а мрачный Кребилльонъ воображалъ себя злобнымъ Атреемъ. Нынѣ садъ уже не таковъ; многія аллеи исчезли, вырублены или засохли. Но я часто пользуюсь остальною сѣнію тамошнихъ старыхъ деревъ; хожу одинъ, или, сидя на дерновомъ канапѣ, читаю книгу. Люксембургъ не далеко отъ улицы Генего, въ которой живу.

Господинъ Д*, гуляя со мною третьяго дни въ Люксанбургскомъ саду, разсказалъ мнѣ забывный случай. Въ 1784 году, Іюля 8, собрался тамъ почти весь Парижъ, чтобы видѣть воздушное путешествіе Аббата Міолана, объявленное черезъ газеты. Ждутъ два, три часа: шаръ не поднимается. Публика спрашиваетъ, когда начнется экспериментъ? Аббать отвѣчаетъ: *въ минуту!* Но приходитъ вечеръ, шаръ ни съ мѣста. Народъ теряетъ наконецъ терпѣніе, бросается на аэростатъ, рветъ его въ клочки, а Міоланъ спасается бѣгствомъ. На другой день въ Пале-Рояль и на всѣхъ перекресткахъ Савояры кричатъ: «Кому надобно изображеніе славнаго путешествія, щастливо совершеннаго славнытъ Аббатомъ Міоланомъ, — за копѣйку, за копѣйку!» Аббать послѣ того умеръ гражданскою смертію, то есть не смѣлъ казаться въ люди. Смѣшная исторія должна была кончиться новымъ смѣшнымъ анекдотомъ. Господинъ Д*, скоро послѣ Міоланова бѣдствія, былъ въ Партерѣ Оперы и смотрѣлъ на балетъ. Вдругъ приходитъ высокой человѣкъ, Аббать, становится передъ нимъ, и мѣшаетъ ему видѣть сцену. «Посторонитесь, говорятъ ему: здѣсь довольно мѣста.» Гигантъ не слушаетъ, не трогается; смотритъ и не даетъ другимъ смотрѣть. Молодой Адвокатъ, который стоялъ подлѣ Господина Д*, сказалъ ему: «хотите ли, чтобы я выгналъ высокаго Аббата?» *Ахъ ради Бога! если можете.* — «Могу» и тотчасъ началъ шептать на ухо всѣмъ, стоявшимъ вокругъ его: «вотъ Аббать Міоланъ, который обманулъ публику!» Вдругъ десять голосовъ

повторили: «вотъ Аббатъ Міоланъ!» Чрезъ минуту весь партеръ закричалъ: «Вотъ Аббатъ Міоланъ!» и всѣ указывали пальцомъ на высокаго человѣка, который въ изумленіи, въ досадѣ, въ отчаяніи на право и на лѣво кричалъ: «Государи мои! я не Аббатъ Міоланъ!» Но скоро и во всѣхъ ложахъ раздался голосъ: «Вотъ Аббатъ Міоланъ!» такъ, что высокому человѣку, который назывался совсѣмъ не Міоланомъ, надлежало какъ преступнику бѣжать изъ театра. Господинъ Д*, умирая со смѣху, изъяснялъ благодарность молодому Адвокату, между тѣмъ какъ партеръ и ложи, заглушая музыку, кричали: «Вотъ Аббатъ Міоланъ!»

Графъ Прованскій живетъ во флигелѣ.

Пале-Рояль называется *сердцемъ, душею, мозгомъ, извлеченіемъ Парижа*. Ришельё строилъ и подарилъ его Людовику XIII, надписавъ надъ воротами: Palais Cardinal! Эта надпись многимъ не понравилась; одни называли ее гордою, другіе бессмысленною, доказывая, что по-Французски нельзя сказать: Palais Cardinal. Нѣкоторые вступились за Ришельё; писали, судились передъ публикою и славный *ицголь* Французскаго языка (разумѣется, по тогдашнему времени), Бальзакъ, игралъ отличную роль въ семъ важномъ прѣніи: доказательство, что Парижскіе умы издавна промышля-

ютъ мыльными пузырями! Королева Анна прекратила споръ, велѣвъ стереть Cardinal, и написать Royal. Лудовикъ XIV воспитывался въ Пале-Рояль, и наконецъ подарилъ его Герцогу Орлеанскому.

Не буду описывать вамъ наружности сего квадратнаго замка, который безъ всякаго сомнѣнія есть огромнѣйшее зданіе въ Парижѣ, въ которомъ соединены всѣ Ордены Архитектуры; скажу только, что собственно принадлежитъ къ отличному его характеру. Фамилія Герцога Орлеанскаго занимаетъ самую малую часть главнаго этажа; все остальное посвящено удовольствію публики, или прибытку хозяина. Тутъ спектакли, клубы, концертныя залы, магазины, кофейныя дома, трактиры, лавки; тутъ богатые иностранцы нанимаютъ себѣ комнаты; тутъ живутъ блестящія первоклассныя Нимфы; тутъ гнѣздятся и самыя презрительныя. Все, что можно найти въ Парижѣ, (а чего въ Парижѣ найти нельзя?) есть въ Пале-Рояль. Тебѣ надобенъ модный фракъ: поди туда, и надѣнь. Хочешь, чтобы комнаты твои черезъ нѣсколько минутъ были украшены великолѣпно: поди туда, и все готово. Желаетъ имѣть картины, эстампы лучшихъ мастеровъ, въ рамахъ за стеклами: поди туда, и выбирай. Разныя драгоценныя вещи, серебро, золото, все можно найти за серебро и золото. Скажи, и вдругъ очутиться въ кабинетѣ твоёмъ отборная библіотека на всѣхъ языкахъ, въ прекрасныхъ шкапахъ. Однимъ словомъ, приходи въ Пале-Рояль *дикимъ Американцемъ*, и черезъ полчаса будешь одѣтъ наилучшимъ образомъ, можешь

имѣть богато-украшенный домъ, экипажъ, множество слугъ, 20 блюдъ на столѣ, и если угодно, цвѣтушую Лансу, которая всякую минуту будетъ умирать отъ любви къ тебѣ. Тамъ собраны все лекарства отъ скуки и все сладкія отравы для душевнаго и тѣлеснаго здоровья, все средства выманивать деньги и мучить безденежныхъ, все способы наслаждаться временемъ и губить его. Можно цѣлую жизнь, и самую долготѣннюю, провести въ Пале-Рояль какъ волшебный сонъ, и сказать при смерти: *я все видѣлъ, все узналъ!*

Въ срединѣ замка садъ, еще не давно разведенный; и хотя планъ его очень хорошъ, но Парижскіе жители не могутъ забыть густыхъ, сѣнистыхъ деревьевъ, которые прежде тутъ были и вырублены немилосерднымъ Герцогомъ для новыхъ правильныхъ аллей. «Теперь, говорятъ недовольные, одно дерево кличетъ другое, и ни которое воробья не укроетъ; а прежде—то ли дѣло? Въ Іюль мѣсяцѣ, въ самой жаркой день наслаждались мы здѣсь прохлагою, какъ въ самомъ дремучемъ, дикомъ лѣсу. Славное *Краковское дерево* (*arbre de Cracovie*) какъ царь возвышалось между другими; въ непроищаемой тѣни его собирались наши старые Политики, и сидя кругомъ, за чашею лимонада, на деревянномъ канапѣ, сообщали другъ другу газетныя тайны, глубокія знанія, остроумныя догадки. Молодые люди приходили слушать ихъ, чтобы послѣ къ своимъ родственникамъ въ провинціяхъ написать: *Такой-то Король скоро объявитъ войну такому-то Государю. Но-*

«востъ несомнительная! Мы слышали ее подъ
«вѣтвями Краковскаго дерева. Тотъ, кто не по-
«щадилъ его, пощадитъ ли какую нибудь святыню?
«Герцогъ Орлеанскій запишетъ имя свое въ исто-
«ріи какъ Горостратъ: Геній его есть злой духъ
«разрушенія.»

Однакожь новый садъ имѣетъ свои красоты. Зеленые павильоны вокругъ бассейна и липовый храмъ пріятны для глазъ. Всего же пріятнѣе Сиркъ, зданіе удивительное, единственное въ своемъ родѣ: длинный пераллелограмъ, занимающій середину сада, украшенный Ионическими колоннами и зеленою, въ которой бѣлѣются мраморныя изображенія великихъ мужей Франціи. Снаружи кажется онъ вамъ низенькою бесѣдкою съ портиками; войдите, и увидите внизу подъ вашими ногами великолѣпныя залы, галереи, манежъ; можете сойти туда по любому крыльцу, и вы будете въ гостяхъ у Короля Гномовъ, въ подземельномъ царствѣ, однакожь не въ темнотѣ; свѣтъ льется на васъ сверху, сквозь большія окна; и вездѣ, въ блестящихъ зеркалахъ, повторяются видимые вами предметы. Въ залахъ бывають всякой вечеръ или концерты или балы; освѣщеніе придаетъ внутренности Сирка еще болѣе красоты. Тутъ ко всякой дамѣ, сколько бы брилліантовъ ни сіяло на головѣ ея, можно смѣло подойти, говорить, шутить; ни которая не разсердится, хотя всѣ очень хорошо играютъ ролю знатныхъ госпожъ. Тутъ же и славные Парижскіе фехтмейстеры показываютъ свое искусство, которому я нѣсколько разъ удивлялся.

—Изъ комнатъ Герцога Орлеанскаго сдѣланъ ходъ въ манежъ или, лучше сказать, подземельная дорога, по которой онъ можетъ прїѣзжать туда верхомъ или въ коляскѣ. Прекрасная терраса, усыпанная цвѣтами, усаженная ароматическими деревьями, составляетъ кровлю зданія, и напоминаетъ вамъ древніе сады Вавилонскіе. Взошедши туда, гуляете среди цвѣтниковъ, выше земли, на воздухѣ, въ царствѣ Сильфовъ, и черезъ минуту сходите опять въ глубокія нѣдра земли, въ царство Гномовъ, гдѣ съ пріятностію думаете: «тысячи людей шумятъ и движутся теперь надъ моею головою.»

Вся нижняя часть Пале-Рояль состоитъ изъ галлерей съ 180 портиками, которые, будучи освѣщены реверберами, представляютъ ночью блестящую иллюминацію.

Комнаты, занимаемая фамиліею Герцога Орлеанскаго, украшены богато и со вкусомъ. Тамъ славная картинная галлерей, едва ли уступающая Дрезденской и Диссельдорфской; кабинетъ Натуральной Исторіи, собраніе Антиковъ, гравированныхъ камней и моделей всякаго рода художественныхъ произведеній, вмѣстѣ съ изображеніемъ всѣхъ ремесленныхъ орудій.

Время кончить мое длинное историческое письмо, и пожелать вамъ, друзья мои, пріятной ночи.

Парижъ, Мая 1730

Нынѣшній день молодой Скупъ К*, въ Академіи Надписи и Словесности, имѣлъ щастіе узнать Бартеми-Платона.

Меня обѣщали съ нимъ познакомить; но какъ скоро я увидѣлъ его, то, слѣдуя первому движенію, подошелъ и сказалъ ему: «Я Русской; читалъ Анахарсиса; умѣю восхищаться твореніемъ великихъ, безсмертныхъ талантовъ. И такъ, хотя въ нескладныхъ словахъ, примите жертву моего глупаго почтенія!» — Онъ всталъ съ креселъ, взялъ мою руку, ласковымъ взоромъ предувѣдомилъ меня о своемъ благорасположеніи, и наконецъ отвѣчалъ: *я радъ вашему знакомству; люблю Сиверъ, и герой, мною избранный, вамъ не чужой.* — «Мнѣ хотѣлось бы имѣть съ нимъ какое нибудь сходство. Я въ Академіи: Платонъ передо мною; но имя мое не такъ извѣстно, какъ имя Анахарсиса *.» — *Вы молоды, путешествуете, и конечно для того, чтобы украсить вашъ разумъ познаніями: довольно сходства!* — «Будетъ еще болѣе, если вы позволите мнѣ иногда видѣть и слушать васъ, съ лю-

* Анахарсисъ, пріѣхавъ въ Аѳины, нашелъ Платона въ Академіи. Il me requit, говорить молодой Скупъ, avec autant de politesse que de simplicité, et me fit un si bel éloge du philosophe Anacharsis, dont je descends, que je rougissois de porter le même nom. — Anach vol. 2, ch. VII.

бопытнымъ умомъ, съ ревностнымъ желаніемъ образовать вкусъ свой наставленіями великаго писателя. Я не поѣду въ Грецію: она въ вашемъ кабинетѣ.» — Жаль, что вы пріѣхали къ намъ въ такое время, когда Аполлона и Музъ наряжаемъ мы въ національный мундиръ! Однакожь дайте мнѣ случай видѣться съ вами. Теперь вы услышите мое разсужденіе о Самаританскихъ медаляхъ и легендахъ; оно покажется вамъ скучно, comme de raison; извините: мои товарищи займутъ васъ пріятнѣйшимъ образомъ. — Между тѣмъ засѣданіе Академіи открылось. Бартелеми сѣлъ на свое мѣсто; онъ старшій въ Академіи, le Doyen. Въ собраніи было около 30 человѣкъ, да столько же зрителей—не болѣе. Въ самомъ дѣлѣ диссертация Аббата Бартелеми, въ которой дѣло шло о медаляхъ Іонафановыхъ, Антигоновыхъ, Симеоновыхъ, не могла занимать меня; за то мало слушая, я много смотрѣлъ на Бартелеми. Совершенный Вольтеръ, какъ его изображаютъ на портретахъ! высокой, худой, съ пронзительнымъ взоромъ, съ тонкою Аѳинскою усмѣшкою. Ему гораздо болѣе 70 лѣтъ; но голосъ его пріятенъ, станъ прямъ, всѣ движенія скоры и живы. Слѣдственно отъ ученыхъ трудовъ люди не старѣются. Не сидячая, но бурная жизнь страстей пестритъ морщинами лицо наше. Бартолеми чувствовалъ въ жизни только одну страсть; любовь ко славѣ, и силою Философіи своей умѣрялъ ее. Подобно безсмертному Монтескье онъ былъ еще влюбленъ въ дружбу, имѣлъ шастіе доказать великодушную свою привязанность къ на-

гнацному Министру Шуазёлю, и дѣлилъ съ нимъ скуку уединенія. Ему и супругъ его, подъ именемъ Арсама и Федины, приписалъ онъ Анахарсиса такъ мило и трогательно, говоря: «Сколько разъ имяваше готово было изъ глубины моего сердца излиться на бумагу! Сколь лучезарно сіяло оно передо мною, когда мнѣ надлежало описывать какоенибудь великое свойство души, благодѣянія, признательность! Вы имѣете право на сію книгу: я сочинялъ ее въ тѣхъ мѣстахъ, которыя всего болѣе украшались вами; и хотя кончилъ оную далеко отъ Персіи, но въ глазахъ вашихъ: ибо воспоминаніе минутъ, съ вами проведенныхъ, никогда не можетъ загладиться. Оно составитъ щастіе остальныхъ дней моихъ; а по смерти желаю единственно того, чтобы на гробъ моемъ глубоко вырѣзали слова: онъ заслужилъ благосклонность Арсама и Федины!»

Тутъ же узналъ я Ловека, Автора *Россійской Исторіи*, которая хотя имѣетъ много недостатковъ, однакожь лучше всѣхъ другихъ. Больно, но должно по справедливости сказать, что у насъ до сего времени нѣтъ хорошей Россійской исторіи, то есть, писанной съ философскимъ умомъ, съ критикою, съ благороднымъ краснорѣчіемъ. Тацитъ, Юмъ, Робертсонъ, Гиббонъ — вотъ образцы! Говорятъ, что наша Исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, раскрасить; и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона и проч. могло вытти нечто привлекательное, силь-

ное, достойное вниманія не только Русскихъ, но и чужестранцовъ. Родословная князей, ихъ ссоры, междоусобіе, набѣги Половцевъ, не очень любопытны: соглашаюсь; но за чѣмъ наполнять ими цѣлые томы? Что не важно, то сократить, какъ сдѣлалъ Юмъ въ Англійской Исторіи; по всѣ черты, которыя означаютъ свойство народа Русскаго, характеръ древнихъ нашихъ Героевъ, отмѣнныхъ людей, происшествія дѣйствительно любопытныя описать живо, разительно. У насъ былъ свой Карлъ Великій: Владиміръ — свой Лудовикъ XI: Царь Іоаннъ — свой Кромвель: Годуновъ — и еще такой Государь, которому нигдѣ не было подобныхъ: Петръ Великій. Время ихъ правленія составляетъ важнѣйшія эпохи въ нашей исторіи, и даже въ Исторіи человѣчества; его-то надобно представить въ живописи, а прочее можно обрисовать, но такъ, какъ дѣлалъ свои рисунки Рафаэль или Микель-Анджело. — Левекъ, какъ Писатель, не безъ дарованія, не безъ достоинствъ; соображаетъ довольно хорошо, рассказываетъ довольно складно, судитъ довольно справедливо; но кисть его слаба, краски не живы; слогъ правильный, логическій, но не быстрый. Къ тому же Россія не мать ему; не наша кровь течетъ въ его жилахъ: можетъ ли онъ говорить о Русскихъ съ такимъ чувствомъ, какъ Русской? Всего же болѣе не люблю его за то, что онъ унижаетъ Петра Великаго, еслии посредственный Французскій Писатель можетъ унижить нашего славнаго Монарха, говоря: *on lui a peut-être refusé avec raison le titre d'homme de Génie,*

puisque, en voulant former sa nation, il n'a su qu'imiter les autres peuples. * Я слыхалъ такое мнѣніе даже отъ Русскихъ, и никогда не могъ слышать безъ досады. Путь образованія или просвѣщенія одинъ для народовъ; всѣ они идутъ имъ въ слѣдъ другъ за другомъ. Иностранцы были умѣе Русскихъ: и такъ надлежало отъ нихъ заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами. Благоразумно ли искать, что сыскано? Лучше ли бѣ было Русскимъ не строить кораблей, не образовывать регулярнаго войска, не заводить Академій, фабрикъ, для того, что все это не Русскими выдуманно? Какой народъ не перенималъ у другаго? и не должно ли *сравняться*, чтобы *превзойти*? «Однакожь, говорятъ, на что подражать рабски? на что перенимать вещи, совсѣмъ не нужныя? Какія же? Рѣчь идетъ, думаю, о платьѣ и бородѣ. Петръ Великій одѣлъ насъ по-Нѣмецки для того, что такъ удобнѣе; обрилъ намъ бороды для того, что такъ и покойнѣе и пріятнѣе. Длинное платье не ловко, мѣшаетъ ходить.... «Но въ немъ теплѣе!....» У насъ есть шубы.... «За чѣмъ же имѣть два платья?....» За тѣмъ, что нѣтъ способа быть въ одномъ на улицѣ, гдѣ 20 градусовъ мороза, и въ комнатѣ, гдѣ 20 градусовъ тепла. Борода же принадлежитъ къ состоянію дикаго человѣка; не брить ее то же,

* То есть: «Его, можетъ быть, по справедливости не хотятъ называть великимъ умомъ: ибо онъ, желая образовать народъ свой, только что подражалъ другимъ народамъ.»

что не стричь ногтей. Она закрываетъ отъ холоду только малую часть лица: сколько же неудобности лѣтомъ, въ сильной жаръ! сколько неудобности и зимою, носить на лицѣ иней, снѣгъ и сосульки! Не лучше ли имѣть муфту, которая грѣетъ не одну бороду, но все лицо? Избирать во всемъ лучшее, есть дѣйствіе ума просвѣщеннаго; а Петръ Великій хотѣлъ просвѣтитъ умъ во всѣхъ отношеніяхъ. Монархъ объявилъ войну нашимъ стариннымъ обыкновеніямъ во первыхъ для того, что они были грубы, недостойны своего вѣка; во вторыхъ и для того, что они препятствовали введенію другихъ, еще важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ иностранныхъ новостей. Надлежало, такъ сказать, свернуть голову закоренѣлому Русскому упрямству, чтобы сдѣлать насъ гибкими, способными учиться и перенимать. Есть ли бы Петръ родился Государемъ какого нибудь острова, удаленнаго отъ всякаго сообщенія съ другими государствами, то онъ въ природномъ великомъ умѣ своемъ нашелъ бы источникъ полезныхъ изобрѣтеній и новостей для блага подданныхъ; но рожденный въ Европѣ, гдѣ цвѣли уже Искусства и Науки во всѣхъ земляхъ, кромѣ Русской, онъ долженъ былъ только разорвать завѣсу, которая скрывала отъ насъ успѣхи разума человѣческаго, и сказать намъ: «смотрите, сравняйтесь съ ними, и потомъ, если можете, превзойдите ихъ!» Нѣмцы, Французы, Англичане, были впереди Русскихъ по крайней мѣрѣ шестью вѣками: Петръ двинулъ насъ своею мощною рукою, и мы въ нѣсколько лѣтъ почти догнали ихъ. Всѣ

жалкія *Іереміады* объ измѣненіи Русскаго характера, о потерѣ Русской нравственной физіогноміи, или не что иное какъ шутка, или происходятъ отъ недостатка въ основательномъ размышленіи. Мы не таковы, какъ брадатые предки наши: тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука, были ихъ долею и въ самомъ высшемъ состояніи: для насъ открыты всѣ пути къ утонченію разума и къ благороднымъ душевнымъ удовольствіямъ. Все народное ничто передъ *человѣческими*. Главное дѣло быть людьми, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для Русскихъ; и что Англичане или Нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то мое, ибо я человѣкъ! Еще другое страшное мнѣніе. *Il est probable*, говоритъ Левекъ, *que si Pierre n'avoit pas régné, les Russes seroient aujourd'hui ce qu'ils sont*; то есть: хотя бы ПЕТРЪ Великій и не училъ насъ, мы бы выучились! Какимъ же образомъ? сами собою? но сколько трудовъ стоило Монарху побѣдить наше упорство въ невѣжествѣ! Слѣдственно Русскіе не расположены, не готовы были просвѣщаться. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ жили многіе иностранцы въ Москвѣ, но не имѣли никакого вліянія на Русскихъ, не имѣвъ съ ними почти никакого обхожденія. Молодые люди, тогдашніе фрапты, катались иногда въ саняхъ по Нѣмецкой слободѣ, и за то считались вольнодумцами. Одна только ревностная, дѣятельная воля и безпредѣльная власть Царя Русскаго могла произвести такую внезапную, быструю перемѣну. Со-

общеніе наше съ другими Европейскими землями было очень не свободно и затруднительно; ихъ просвѣщеніе могло дѣйствовать на Россію только слабо; и въ два вѣка по естественному, непринужденному ходу вещей, едва ли сдѣлалось бы то, что Государь нашъ сдѣлалъ въ 20 лѣтъ. Какъ Спарта безъ Ликурга, такъ Россія безъ Петра не могла бы прославиться.

Между тѣмъ, друзья мои, вы все еще сидите со мною въ Академіи Надписей. Читали разсужденіе о Греческой живописи, похвальное слово одному изъ умершихъ Членовъ; и я замѣтилъ то же, что нѣсколько разъ замѣчалъ въ спектакляхъ: ни одна хорошая мысль, ни одно щастливое выраженіе не укрывается отъ тонкаго вкуса здѣшной публики — *браво!* и рукоплесканіе. Всего болѣе нравятся здѣсь нравственныя мысли или *сентенціи*, иногда самыя обыкновенныя. На примѣръ, въ похвальномъ словѣ умершему, Авторъ сказалъ: «Вотъ доказательство, что пѣжныя души предпочитаютъ тихое удовольствіе совѣсти шумнымъ успѣхамъ честолюбія!» и все слушатели захопали. — Засѣданіе кончилось предложеніемъ задачъ для Антикваріевъ. Надобно было познакомиться съ Гм. Левекомъ и сказать ему комплементъ на счетъ его добраго мнѣнія о Русскихъ, у которыхъ онъ, по своей благосклонности, не отнимаетъ природнаго ума, ни способности къ Наукамъ. Бартелеми подарилъ меня какъ двумя учтивыми фразами, и мы разстались еще знакомые.

Я видѣлъ Автора прекрасныхъ сказокъ, который въ самомъ, кажется, легкомъ, въ самомъ обыкновенномъ родѣ сочиненій умѣетъ быть единственнымъ, неподражаемымъ: Мармонтеля. Не довольно видѣть, надобно его узнать короче; надобно поговорить съ нимъ о щастливыхъ временахъ Французской Литтературы, которыя прошли и не возвратятся! Вѣкъ Вольтеровъ, Жанъ-Жаковъ, Энциклопедіи, Духа Законовъ, не уступаетъ вѣку Расина, Буало, Ла-Фонтена; и въ домѣ Г-жи Неккеръ, Барона Ольбаха, шутили столь же остроумно, какъ въ домѣ Ниноны Ланкло. Физиогномія Мармонтелева очень привлекательна; тонъ его доказываетъ, что онъ жилъ въ лучшемъ Парижскомъ обществѣ. Вообразите же, что одинъ Нѣмецкій Романистъ, котораго имени не помню, въ журналѣ своего путешествія описываетъ его почти мужикомъ, то есть, самымъ грубымъ человѣкомъ! Какъ вралы могутъ быть нахальны; — Мармонтелю болѣе шестидесяти лѣтъ; онъ женился на молодой красавицѣ, и живетъ съ нею щастливо въ сельскомъ уединеніи, изрѣдка заглядывая въ Парижъ. — Лагарпъ, въ улицѣ Генего, мой сосѣдъ. Талантъ, слогъ, вкусъ и критика его давно награждены всеобщимъ уваженіемъ. Онъ лучшій Трагикъ послѣ Вольтера. Въ твореніяхъ его мало огня, чувствительности, воображенія, но стихи всѣ хороши, и много сильныхъ. Теперь занимается онъ литтературною частію Французскаго Меркурія, вмѣстѣ съ Шанфоромъ, также Членомъ Ака-

демія. — Мерсье и Флоріанъ въ Парижѣ; но мнѣ по сіе время не удалось ихъ видѣть.

Парижъ Мѣсяцъ...

Бывшая актриса Дервье, актриса посредственная, но прелестница славная, упражняясь лѣтъ двадцать въ доходномъ своемъ искусствѣ, и наживъ миллионы, вздумала построить такой домъ, который обратилъ бы на себя вниманіе Парижа. Чего хотѣла, то и сдѣлалось. Сей домъ смотрятъ всѣ какъ диво. Надобно имѣть билетъ, чтобы видѣть его. Господинъ П*, мой землякъ, доставилъ мнѣ это удовольствіе. Что за комнаты! что за приборы! Живопись, бронза, мраморъ, дерево: все блеститъ, привлекаетъ глаза. Домъ не великъ; но Умъ чертилъ планъ его, Искусство было архитекторомъ, Вкусъ украшалъ, а Богатство выдавало деньги. Тутъ нѣтъ ничего *не-прекраснаго*; и съ прекраснымъ для глазъ вездѣ соединена удобность или ловкость для употребленія. Прошедши комнаты пять, вошли мы во святилище — въ спальню, гдѣ живопись изобразила на стѣнахъ Геркулеса, стоящаго на колѣняхъ передъ Омфалою; пять или шесть Эровъ, ѣдущихъ верхомъ на его палицѣ; Армиду, которая смотрится въ зеркало, гораздо болѣе восхищаясь своею красотою, нежели обожаніемъ сидящаго подлѣ нее Ринальда; Венеру,

которая, снявъ съ себя поясъ, подаетъ его.... не видно кому, но вѣрно хозяйкѣ. Глаза ищутъ.... догадаетесь, чего. Ложе удовольствій, осыпанное неувядаемыми, то есть, искусственными розами безъ терній, возвышается на нѣсколькихъ ступеняхъ; тутъ безъ сомнѣнія всякой Адонисъ долженъ преклонять колѣна свои. Позади спальни, въ небольшой залѣ, сдѣланъ мраморный бассейнъ для купанья, а вверху хоры для музыкантовъ, чтобы красавица, слушая гармоническую игру ихъ, могла въ тактъ полоскаться. Изъ сей комнаты дверь въ Гесперидской садъ, гдѣ всѣ тропинки опушены цвѣтами; гдѣ всѣ деревья осѣняя благоухаютъ. Лужки и лѣсочки живописные; кажется, будто всякая травка и всякой листокъ выбраны изъ тысячъ. Дорожки извиваясь приводятъ васъ ко мшистой скалѣ, къ дикому гроту, гдѣ читаете надпись: *Искусство ведетъ къ Натурѣ*; она дружески подаетъ ему руку; а въ другомъ мѣстѣ: *Здѣсь я наслаждаюсь задумчивостію*. Молодой Англичанинъ, который былъ съ нами, взглянувъ на послѣднюю надпись, сказала: *grimace, grimace, Mademoiselle Dervieux!* — Хозяйка живетъ во второмъ этажѣ, который мы также осматривали, и гдѣ комнаты хотя со вкусомъ прибраны, однакожь не имѣютъ очаровательности перваго. Я попытствовалъ видѣть Нимфу; но ей угодно было играть ролю невидимки. На диванѣ лежалъ корсетъ, доказательство ея тонкаго стана, чепчикъ съ розовыми лентами и черепаховой гребень. Зеленый тафтяный занавѣсъ отдѣлялъ отъ насъ слав-

ную прелестницу; но мы не смѣли отдернуть его.

Новая Нинонъ вздумала продавать волшебный свой храмъ. Одинъ богатый Американецъ, изъ числа ея любимцевъ, покупаетъ его за половину цѣны, за 600,000 ливровъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, какъ сказываютъ, чтобы за ужиномъ, который онъ хочетъ дать въ новокупленномъ домѣ, подарить его прежней хозяйкѣ. Взоръ благодарнаго удивленія долженъ быть наградою Американца.

АКАДЕМІИ.

Работать соединенными силами, съ однимъ намѣреніемъ, по лучшему плану, есть предметъ всѣхъ Академій. Выдумка благословенная для пользы Наукъ, Искусствъ и всѣхъ людей! Пріятная мысль быть участникомъ въ достохвальнымъ трудахъ, соревнованіе между Членами, нераздѣлимость общей славы съ личною, взаимное усердное вспоможеніе, окрыляютъ разумъ человѣческій. Надобно отдать справедливость Парижскимъ Академіямъ: онѣ были всегда трудолюбивѣе и полезнѣе другихъ ученыхъ обществъ.

Собственно такъ называемая Французская Академія, учрежденная Кардиналомъ Ришельё для обогащенія Французскаго языка, утверждена Парламентомъ и Королемъ. Девизъ ея: *Безсмертію!* Жаль, что она обязана бытіемъ своимъ такому же

стокому Министру! Жаль, что всякой новый Членъ при вступленіи своемъ долженъ хвалить его! Жаль, что половина Членовъ состоитъ изъ людей едва не безграмотныхъ, для того единственно, что они знатные! Такіе Академики, ни мало не возвышая себя ученымъ титуломъ, унижаютъ только Академію. *Всякой знай свое мѣсто и дѣло*, есть мудрое правило, но рѣже всего исполняется. Правда, что *Господа-сорокъ*, *messieurs les quarante*, * наблюдаютъ въ своихъ засѣданіяхъ точное равенство. Прежде всѣ они сидѣли на стульяхъ; одинъ изъ знатныхъ Членовъ потребовалъ для себя кресель: чтожь сдѣлали другіе? сами сѣли на кресла. *C'est toujours quelque chose*. Главный плодъ сего Академическаго дерева есть Лексиконъ Французскаго языка, чистый, правильный, строгій, но не полный, такъ что въ первомъ изданіи господа Члены забыли даже слово *Академія*! На примѣръ, Англійскій Лексиконъ Джонсоновъ и Нѣмецкій Аделунговъ гораздо совершеннѣе Французскаго. Вольтеръ болѣе всѣхъ чувствовалъ недостатки его, хотѣлъ дополнить, украсить; но смерть помѣшала. * Академія занималась и критикою, только рѣдко и мало; въ угожденіе своему основателю Ришельё доказывала, что Корпелевъ *Сидъ* не достоинъ сла-

* Ихъ всегда 40, ни болѣе, ни менѣе.

* Остроумный Ривароль давно обѣщаетъ новый Философическій Словарь языка своего; но чрезмѣрная лѣнь, какъ сказываютъ, мѣшаетъ ему исполнить обѣщаніе.

вы; но Парижскіе любители Театра, на зло ей, тѣмъ болѣе хвалили Сиду. Она могла бы конечно быть гораздо полезнѣе, издавая на примѣръ Журналъ для критики и Словесности: чего бы не произвели соединенные труды лучшихъ Писателей? Однакожь польза ея не сомнительна. Множество хорошихъ піесъ написано для славы быть Членомъ Академіи, или заслужить ея хвалу. Всякой годъ избираетъ она два предмета для Стихотворства и Краснорѣчія, вызываетъ всѣхъ Авторѣвъ обрабатывать ихъ, въ день Св. Лудовика торжественно объявляетъ, кто побѣдитель, чье твореніе достойно награды, и раздаетъ золотыя медали. Спрашивается, для чего Ла-Фонтенъ, Мольеръ, Жанъ-Батистъ, Жанъ-Жакъ Руссо, Дидротъ, Дорать и многіе другіе достойные Писатели не были ея Членами? Отвѣтъ: гдѣ люди, тамъ пристрастіе и зависть; иногда, славнѣе не быть, нежели быть Академикомъ. Истинныя дарованія не остаются безъ награды: есть публика, есть потомство. Главное дѣло не получать, а заслуживать. Не Писатели, а маратели всего болѣе сердятся за то, что имъ не даютъ патентовъ. Французская Академія, боясь, чтобы кто нибудь изъ Авторѣвъ не оскорбилъ ея гордости и не вздумалъ отвергнуть предлагаемаго ею патента, утвердила закономъ выбирать въ Члены единственно тѣхъ, которые сами запишутся въ кандидаты. Злѣйшій непріятель ея былъ Пиронъ. Извѣстна его насмѣшка: *messieurs ces quarante ont de l'esprit comme quatre*, и забавная эпиграмма:

Ci-git; Piron; il ne fut rien,

Pas même Académicien.

Но вотъ что дѣлаетъ честь Академія: въ залѣ ея, между многими изображеніями славныхъ Авторовъ, стоитъ Пироновъ бюстъ! Мщеніе великодушное!

Академія Наукъ учреждена Лудовикомъ XIV, состоитъ изъ 70 Членовъ, и занимается Физикою, Астрономіею, Математикою, Химіею, стараясь *открывать новое, или доводитъ до совершенства извѣстное*, по девизу: *invenit et perfecit*. Каждый годъ выдаетъ она большой томъ сочиненій своихъ, полезныхъ для Ученаго, пріятныхъ для любопытнаго. Они составляютъ подробѣйшую Исторію Наукъ со временъ Лудовика XIV. Иностранцы считаютъ за великую славу быть Членами Парижской Академіи; число ихъ опредѣлено закономъ: 8, не болѣе. Нигдѣ нѣтъ теперь такихъ Астрономовъ и Химиковъ, какъ въ Парижѣ. Нѣмецкій Ученый снимаетъ колпакъ, говоря о Ламандѣ и Лавуазье. Первый, забывая все земное, болѣе 40 лѣтъ безпрестанно занимается небеснымъ, и открылъ множество новыхъ звѣздъ. Онъ есть Талесъ нашего времени, и прекрасную эпитафію Греческаго мудреца * можно будетъ вырѣзать на его гробѣ:

Когда отъ старости Талесовъ взоръ затмился;

Когда уже и звѣздъ не могъ онъ различить,

* См. Диогена Лаэртія въ жизни Талеса.

Мудрецъ на небо преселился,
Чтобъ къ нимъ поближе быть.

Кромѣ своей учености, Лаландъ любезенъ, живъ, веселъ какъ самый любезнѣйшій молодой Французъ. Онъ воспитываетъ дочь свою также совершенно *для неба*, учитъ Математикѣ, Астрономіи, и въ шутку называетъ Ураніею; ведетъ переписку со всѣми знаменитыми Астрономами Европы, и съ великимъ уваженіемъ говоритъ о Берлиннѣ Бодѣ. — Лавуазье есть Геній Химіи, обогатилъ се безчисленными открытіями, и (что всего важнѣе) полезными для жизни, для всѣхъ людей. Бывъ передъ Революціею Генеральнымъ Откупщикомъ, имѣетъ конечно не одинъ миліонъ; но богатство не прохлаждаетъ ревностной любви его къ Наукамъ: оно служитъ ему только средствомъ къ размноженію ихъ благотворныхъ дѣйствій. Химическіе опыты требуютъ иногда большихъ издержекъ: Лавуазье ничего не жалѣетъ; а сверхъ того любить дѣлиться съ бѣдными: одною рукою обнимаетъ ихъ какъ братій, а другою кладетъ имъ кошелекъ въ карманъ. Его сравниваютъ съ Гельвеціемъ, который также былъ Генеральнымъ Откупщикомъ, также любилъ Науки и благотѣльность; но Философія послѣдняго не стоитъ Химіи перваго. Товарищъ мой Беккеръ не можетъ безъ восхищенія говорить о Лавуазье, который дружески обласкалъ его, слыша, что онъ ученикъ Берлинскаго Химика Клапрота. Я всегда готовъ плакать отъ сердечнаго удовольствія, видя, какъ Нау-

ки соединяють людей, живущихъ на Сѣверѣ и Югѣ; какъ они, безъ личнаго знакомства, любятъ, уважаютъ другъ друга. Что ни говорятъ Мизософы, а Науки святое дѣло! — Слава Лавуазьерова пристрастила многихъ здѣшнихъ дамъ къ Химіи, такъ что года за два передъ симъ красавицы любили изъяснять нѣжныя движенія сердецъ своихъ химическими операціями. — Бальи есть также одинъ изъ знаменитыхъ Членовъ Академіи, и болѣе всего прославилъ себя Исторіею Древней и Новой Астрономіи. Жаль, что онъ вдался въ Революцію, и мирную тишину кабинета промѣнялъ можетъ быть на эшафотъ! *

Академія Надписей и Словесности учреждена также Людовикомъ XIV, и болѣе ста лѣтъ ревностно трудится для обогащенія Исторической Литтературы; нравы, обыкновенія, монументы древности, составляютъ предметъ ея любопытныхъ изысканій. Она по сіе время выдала болѣе 40 томовъ, которые можно назвать золотою миною Исторіи. Вы не знаете, что были Египтяне, Персы, Греки, Римляне, естли не читали Записокъ Академіи; читая ихъ, живете съ Древними; видите, кажется, всѣ ихъ движенія, малѣйшія подробности домашней жизни въ Аѳинахъ, въ Римѣ и проч. Девизъ Академіи есть Муза Исторіи, которая въ правой рукѣ держитъ лавровый вѣнокъ, а лѣвою

Лавуазье и Бальи умерщвлены Робеспьеромъ.

указываетъ вдали на пирамиду, съ надписью: *не даетъ умирать, vetat mori.*

Наименую вамъ еще Академію Живописи, Ваянія, Архитектуры, которыя всѣ помѣщены въ Лувръ, и всѣ доказываютъ любовь къ Наукамъ Людовика XIV, или великаго Министра его Кольберта.

Парижъ, Май...

Нынѣшній день — угадайте, что я осматривалъ? Парижскія улицы; разумѣется, гдѣ что нибудь случилось, было или есть примѣчавія достойное. Забывъ взять съ собою планъ Парижа, который бы всего лучше могъ быть моимъ путеводителемъ, я страшнымъ образомъ кружилъ по городу, и въ скверныхъ фіакрахъ цѣлый день проѣздилъ. Въ 10 часовъ утра началось мое путешествіе. Кучеру данъ былъ приказъ везти меня — къ источнику любви. Онъ не читалъ Сент - Фуа, слѣдственно не понималъ меня, но хотѣлъ угадать и не угадывалъ. Надлежало сказать яснѣе: *Eh bien, dans la rue de la Truanderie!* — «A la bonne heure. Vous autres étrangers, vous ne dites le mot propre qu'à la fin de la phrase!» — И такъ мы отправились въ Трюандери. Вотъ анекдотъ:

Агнеса Геллебикъ, прекрасная молодая дѣвушка, дочь главнаго Конюшаго при Дворѣ Филиппа Августа, любила и страдала. Отъ Парижа далеко

до мыса Левкадскаго: что же дѣлать? броситься въ колодезь на улицѣ Трюандери, и концемъ дней своихъ прекратить любовную муку. Лѣтъ черезъ 300 послѣ того другой случай. Одинъ молодой человекъ, приведенный въ отчаяніе жестокостію своею богини, также бросился въ этотъ колодезь, но весьма осторожно и весьма щастливо: не утонулъ, не зашибся; и красавица, свѣдавъ, что ея любовникъ сидитъ въ водѣ, прилетѣла на крыльяхъ Зефира, спустила къ нему веревку, вытащила рыцаря, наградила его своею любовію, сердцемъ и рукою. Желая изъяснить благодарность колодезю, онъ перестроилъ его, украсилъ, и готическими буквами написалъ:

L'amour m'a refait

En 1525 tout à fait.

Въ 1525 году вновь

Меня перестроила Любовь

Весь Парижъ узналъ о семъ происшествіи. Молодые люди и дѣвушки начали тамъ сходиться при свѣтѣ луны, пѣть вѣжныя пѣсни, плясать, увѣрять другъ друга въ любви, и колодезь обратился въ жертвенникъ Эротовъ. Наконецъ одинъ славный проповѣдникъ тогдашняго времени съ великимъ жаромъ представилъ родителямъ возможные слѣдствія такихъ сходбищъ, и набожные люди немедленно засыпали источникъ любви. Показываютъ мѣсто его: тутъ выпилъ я стаканъ Сен-

ской воды, остатками оросилъ землю и сказалъ:
à l'amour! въ жертву Венерѣ - Ураніи.

Нынѣшняя Павильонная улица называлась прежде именемъ Діаны, не Греческой богини, а прекрасной, милой Діаны дю-Пуатье, которую знаю и люблю по запискамъ Брантома. Она имѣла всѣ прелести женскія, до самой старости сохранила свѣжесть красоты своей, и владѣла сердцемъ Генриха II. Ростъ Минервинъ, гордый видъ Юноны, походка величественная, темно-русые волосы, которые до земли доставали; глаза черные огненные; лице нѣжное лилейное. съ двумя розами на щекахъ; грудь Венеры Медицинской, и, что еще милѣе, чувствительное сердце и просвѣщенный умъ: вотъ ея портретъ! Король хотѣлъ, чтобы Парламенты торжественно признали дочь ея законною его дочерью: Діана сказала: «Имѣвъ право на твою руку, я требовала единственно твоего сердца, для того, что любила тебя; но ни когда не соглашусь, чтобы Парламентъ объявилъ меня твоею наложницею.» — Генрихъ слушалъ ее во всемъ и дѣлалъ только хорошее. Она любила Науки, Поэзію, и была Музою остроумнаго Маро. Городъ Ліонъ посвятилъ ей медаль съ надписью: *Omniū victorem vicī.* * «Я видѣлъ Діану шести-десяти пяти лѣтъ, говоритъ Брантомъ, и не могъ надивиться чудесной красотѣ ея; всѣ прелести сіяли еще на лицѣ сей рѣдкой женщины.» Какая

* Я побѣдила побѣдителя всѣхъ.

изъ нынѣшнихъ красавицъ не позавидуетъ Діанѣ? Имъ остается слѣдовать образу ея жизни. Она всякой день вставала въ шесть часовъ, умывалась самою холодною ключевою водою, не знала притираний, никогда не румянилась, часто ѣздила верхомъ, ходила, занималась чтеніемъ и не терпѣла праздности. Вотъ рецептъ для сохраненія красоты! — Діана погребена въ Анетѣ; не имѣя надежды видѣть могилу ея, я бросилъ цвѣтокъ на то мѣсто, гдѣ жила прелестная.

Въ улицѣ писателей или копистовъ (*des écrivains*) хотѣлъ я видѣть домъ, гдѣ въ 14 вѣкѣ жилъ Николай Фламель съ женою своею Перниліею, и гдѣ еще по сіе время на большомъ камнѣ видны ихъ рѣзныя изображенія, окруженные готическими надписями и гіероглифами. Вы не знаете, кто былъ Николай Фламель: не правда ли? Онъ былъ не что иное, какъ бѣдный копистъ; но вдругъ, къ общему удивленію сдѣлался благотворителемъ немущихъ и началъ сыпать деньги на бѣдныхъ отцовъ семейства, на вдовъ и сиротъ; завелъ больницы, выстроилъ нѣсколько церквей. Пошли въ городѣ разные толки: одни говорили, что Фламель нашелъ кладъ; другіе думали, что онъ знаетъ тайну философскаго камня и дѣлаетъ золото; иные подозрѣвали даже, что онъ водится съ Духами; а нѣкоторые утверждали, что причиною богатства его есть тайная связь съ Жидами, выгнанными тогда изъ Франціи. Фламель умеръ, не рѣшивъ спора. Черезъ нѣсколько лѣтъ любопытные вздумали рыть землю въ его погребѣ, и нашли мно-

жество угольевъ, разныхъ сосудовъ, урнъ, съ какимъ-то жесткимъ минеральнымъ веществомъ. Алхимическое суевѣріе обрадовалось новому лучу безумной надежды, и многіе, желая разбогатѣть подобно Фламелью, превратили въ дымъ свое имѣніе. Прошло нѣсколько вѣковъ: Исторія его была уже забыта; но Павелъ Люкасъ, славный путешественникъ, славный лжецъ, возобновилъ ее слѣдующею сказкою. Будучи въ Азіи, познакомился онъ съ однимъ Дервишемъ, который говорилъ *всѣми* языками, казался молодымъ человѣкомъ, а прожилъ на свѣтѣ болѣе ста лѣтъ. «Сей Дервишъ,» говоритъ Люкасъ, «увѣрилъ меня, что Николай Фламель еще живъ; что онъ, боясь сидѣть въ тюрѣмѣ за тайну философскаго камня, вздумалъ скрыться; подкупилъ Доктора и приходскаго священника, чтобы они разгласили о его смерти, а самъ ушелъ изъ Франціи. Съ того времени, сказалъ мнѣ Дервишъ, Николай Фламель и жена его Периллія ведутъ философскую жизнь въ разныхъ частяхъ свѣта; онъ сердечный другъ мой, и я недавно видѣлся съ нимъ на берегу Гангеса.» — Удивительно не то, что Павелъ Люкасъ выдумалъ романъ, а то, что Лудовикъ XIV посылалъ такого человѣка странствовать для обогащеніе Наукъ историческими свѣдѣніями. — Я стоялъ нѣсколько минутъ передъ домомъ Фламеля, копалъ въ землѣ своею тростью, но не нашелъ ничего, кромѣ камней совсѣмъ не философскихъ.

Я не хотѣлъ бы жить въ улицѣ Ферронери: какое ужасное воспоминаніе! Тамъ Генрихъ IV палъ отъ руки злодѣя — *seul roi de qui le peuple ait gardé la mé-*

moïge, говоритъ Вольтеръ. Герой великодушный, Царь благотворительный! ты завоевалъ не чужое, а свое государство, и единственно для щастія завоеванныхъ! — Слова незабвенныя, простыя, но сильныя: я не хочу умереть безъ того, чтобы всякой крестьянинъ въ Королевствѣ моемъ не пль курицы по Воскресеньямъ! и другія сказанныя имъ Гишпанскому Министру: Вы не узнаете Парижа: мудрено ли? Отецъ семейства былъ прежде въ отлучкѣ; теперь онъ дома, и печется о своихъ дѣтяхъ! — Въ бѣдствіяхъ образовалась душа Генрихова; въ собственномъ несчастіи научился онъ дорожить щастіемъ другихъ людей и дружбою, которая раждается и торжествуетъ въ бурныя времена. Онъ былъ любимъ! Нѣкоторые изъ добрыхъ Французовъ отъ горести послѣдовали за нимъ во гробъ; между прочими ле-Викъ, Парижской Губернаторъ. Кучеръ мой остановился и кричалъ: «вотъ улица дела Ферропери!» Илътъ, отвѣчалъ я: ступай далѣе! Я боялся вытти и ступить на ту землю, которая не провалилась подъ гнуснымъ Равальякомъ.

Улица храма, rue du Temple, напомнила бѣдственный жребій славнаго Ордена Тамплиеровъ, которые въ бѣдности были смиренны, храбры и великодушны; разбогатѣвъ, возгордились и вели жизнь роскошную. Филиппъ Прекрасный (но только не душою), и Папа Климентъ V, по доносу двухъ злодѣевъ, осудили всѣхъ главныхъ рыцарей на казнь и сожженіе. Варварство достойное 14 вѣка! Ихъ мучили, терзали, заставляя вишиться въ ужа-

ныхъ нелѣпостяхъ; на прим. въ томъ, будто они поклонялись деревянному болвану съ сѣдою боро-дою, отрекались отъ Христа, дружились съ дьяво-ломъ, влюблялись въ чертовокъ, играли младенцами какъ мячемъ, то есть, бросали ихъ изъ рукъ въ ру-ки, и такимъ образомъ умерщвляли. Многіе рыцари не могли снести пытки, и признавали себя виновны-ми; другіе же въ страшныхъ мукахъ, на кострѣ, въ пламени восклицали: *Есть Богъ! Онъ знаетъ нашу невинность!* Моле, Великій Магистеръ Орде-на, выведенъ былъ на эшафотъ, чтобъ всенародно пзъявить покаяніе, за которое обѣщали простить его. Одинъ ревностный легатъ въ длинной рѣчи опи-салъ всѣ мнимыя злодѣянія Кавалеровъ Храма, и заключилъ словами: «вотъ ихъ начальникъ! слу-шайте: онъ самъ откроетъ вамъ богомерзкія тай-ны Ордена.....» *Открою истину*, сказалъ неща-стный старецъ, выступивъ на край эшафота, и по-трясая тяжкими своими цѣпями: *Всевышній, мило-сердый Отецъ человѣковъ! вземли клятву моей, которая да оправдаетъ меня предъ Твоимъ небес-нымъ сѣдилищемъ!..... Клянусь, что рыцарство невинно; что Орденъ нашъ былъ всегда ревностнымъ исполнителемъ Христіанскихъ должностей, пра-вовѣрнымъ, благотельнымъ; что одни лютыя муки заставили меня сказать противное, и что я молю Небо простить человѣческую слабость мою. Вижу яростную злобу нашихъ гонителей; вижу мечъ и пламя. Да будетъ со мною воля Божія! Готовъ все терпѣть въ наказаніе за то, что я окле-веталъ моихъ братій, истину и святую Вѣру!*

— Въ тотъ же день сожгли его. Старецъ, пылая на кострѣ, говорилъ только о невинности рыцарей и молилъ Спасителя подкрѣпить его силы. Народъ, проливая слезы, бросился въ оголь, собралъ пепелъ несчастнаго и унесъ его какъ драгоценную святыню. — Какія времена! какіе изверги между людьми! Хрищному Филиппу надобно было имѣніе Ордена.

Чѣмъ загладить въ мысляхъ страшныя воспоминанія? Куда теперь ѣхать? Въ *Пль де-Нотръ Дамъ*, гдѣ, во время Карла V, передъ глазами всѣхъ именитыхъ жителей Парижа, рыцарь Макеръ сражался.... съ другимъ рыцаремъ, думаете? Нѣтъ, съ собакою, которая могла служить примѣромъ для рыцарей. Донынѣ показываютъ тамъ мѣсто сего чуднаго поединка. Выслушайте исторію. Обри Мондидье, гуляя одинъ въ лѣсу не далеко отъ Парижа, былъ зарѣзанъ и схороненъ подъ деревомъ. Собака несчастнаго, которая оставалась дома, побѣжала ночью искать его, нашла въ лѣсу могилу, узнала кто погребенъ тутъ, и нѣсколько дней не сходила съ мѣста. Наконецъ голодъ заставилъ ее возвратиться въ Парижъ. Она пришла къ Обріеву другу, Ардильеру, и жалкимъ воємъ давала ему чувствовать, что общаго друга ихъ нѣтъ уже на свѣтѣ! Ардильеръ накормилъ ее, ласкалъ: но горестная собака не переставала визжать, лизала ему ноги, брала его за кафтанъ, тащила къ дверямъ. Ардильеръ рѣшился идти за нею — изъ улицы въ улицу, за городъ, въ лѣсъ, къ высокому дубу. Тутъ начала она визжать еще сильнѣе и рыть лапами

землю. Другъ Обріевъ съ горестнымъ предчувствіемъ видитъ могилу; велитъ слугѣ своему копать, и находятъ тѣло несчастнаго. Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ собака встрѣчается съ убійцею, котораго всѣ Историки называютъ рыцаремъ Макеромъ; бросается на него, * лааетъ, грызетъ, такъ что съ великимъ трудомъ могли оттащить ее. Въ другой, въ третій разъ то же; собака, весьма смирная, только противъ одного человѣка дѣлается злобнымъ тигромъ. Люди удивляются, говорятъ; вспомнили ея привязанность къ господину, вспомнили, что Макеръ въ разныхъ случаяхъ оказывалъ ненависть къ покойнику. Другія обстоятельства умножаютъ подозрѣніе. Доходитъ до Короля. Онъ желаетъ видѣть собственными глазами — и видитъ, что собака, ласкаясь ко всѣмъ придворнымъ, съ визгомъ кусаетъ Макера. Въ тогдашнія времена поединокъ рѣшилъ судьбу обвиняемыхъ, если доказательства были не ясны. Карлъ назначаетъ день, мѣсто; Рыцарю даютъ булаву, и пускаютъ собаку. Жестокій бой пачинается. Макеръ заноситъ руку, хочетъ разить; но собака увертывается, хватается его за горло — и злодѣй, падая на землю, признается Королю въ своемъ злодѣяніи. Карлъ V, желая для потомства сохранить память вѣрной собаки, которая столь чудесно открыла тайное убійство,

* Спрашивается, какъ она узнала его? Можетъ быть, имѣя тонкое обоняніе, почувствовала на немъ кровь господина своего.

велѣлъ въ Бондійскомъ лѣсу соорудить ей мраморный монументъ и вырѣзать слѣдующую надпись: *Жестокія сердца! стыдитесь: безсловесное животное умѣетъ любить, и знаетъ благодарность. А ты, злодѣй! въ минуту преступленія бойся самой тѣни своей!* — И такъ Карлъ справедливо названъ *Мудрымъ*. — Когда *Исторія людей*, наполненная злодѣянiami, выпадетъ изъ рукъ моихъ, я стану читать *исторію собакъ*, и утѣшусь!

Отъ чего въ Парижѣ называли одну улицу *адскою*? Лудовикъ Святый, добрый Государь (если бы онъ только не ѣздилъ воевать въ Азію и въ Африку) подарилъ ученикамъ Бруновымъ * небольшой домикъ съ садомъ, близъ стариннаго дворца, построеннаго Королемъ Робертомъ, и давно уже оставленнаго. Скоро разнесся въ Парижѣ слухъ, что нечистые духи живутъ въ Робертовыхъ палатахъ, шумятъ, стучатъ цѣпами и воютъ страшнымъ образомъ; что одно зеленое чудовище, сверху человѣкъ, а снизу змѣя, ходитъ по комнатамъ, ночью выбѣгаетъ на улицу и бросается на людей. Лудовикъ, слыша такіе ужасы, рассудилъ за благо отдать сей дворецъ Картезіанцамъ, съ условіемъ, чтобы они выгнали оттуда злыхъ духовъ. Зеленое чудовище вдругъ скрылось, и добрые монахи жили покойно въ своемъ огромномъ домѣ; но улица и донынѣ называется *адскою*.

Я проѣхалъ оттуда въ улицу *Милькеръ*, гдѣ Фран-

* Бруно основалъ Картезіанской Орденъ.

цискъ I жилъ нѣсколько времени въ маленькомъ домикѣ, чтобъ быть сосѣдомъ прекрасной Герцогини д'Этампъ, которая владѣла его нѣжнымъ сердцемъ. Онъ украсилъ свои комнаты живописью, эмблемами, надписями, въ честь и славу любви. «Я «видѣлъ еще многіе изъ сихъ девизовъ, говоритъ Соваль, «но помню только одинъ: пламенное сердце, изображенное между *альфы* и *омеги*; что безъ «сомнѣнія значило: *оно будетъ всегда пылать.*» Бани Герцогини д'Этампъ служатъ нынѣ копюшнейю. Шляпный мастеръ варитъ себѣ кушанье въ спальнѣ Франциска I, а въ *кабинетъ его восторговъ* (cabinet de délices) живетъ сапожникъ.

Старинный законъ не велитъ во Франціи выпускать на улицу свиней. Любопытны ли вы знать причину? Въ улицѣ *Мальтуа* вамъ скажутъ ее. Тамъ молодой Король Филиппъ, сынъ Лудовика Толстаго, ѣхалъ верхомъ. Вдругъ откуда ни взялась свинья и бросилась подъ ноги лошади его: лошадь споткнулась, Филиппъ упалъ и на другой день умеръ.

Шотланецъ Ла (Law) прославилъ улицу Кенкампуа: тутъ раздавались билеты его Банка. Страшное множество людей всегда тѣснилось вокругъ бюро, чтобы мѣнять лундоры на ассигнаціи. «Тутъ «горбатые торговали своими горбами; то есть, по-«зволяли ажіотёрамъ писать на нихъ, и въ нѣ-«сколько дней обогащались. Слуга покупалъ экз-«пажъ господина своего; демонъ корыстолюбія вы-«гонялъ Философа изъ ученаго кабинета и застав-«лялъ его вмѣшиваться въ толпу игроковъ, чтобы

«покупать мнимыя ассигнаціи. Сонъ исчезъ, оста-
«лась простая бумага, и авторъ сей несчастной си-
«стемы умеръ съ голоду въ Венеціи, бывъ за нѣ-
«сколько времени передъ тѣмъ роскошнѣйшимъ
«человѣкомъ въ Европѣ.» — *Мерсье въ Картины*
Парижа.

Путешествіе мое кончилось улицею *Арфы, de la*
Нагре, гдѣ я видѣлъ остатки древняго Римскаго
зданія, извѣстнаго подъ именемъ *Palais des Ther-*
mes: огромную залу съ круглымъ сводомъ выши-
ною въ 40 футовъ. Историки думаютъ, что это
зданіе древнѣе временъ *Іуліановыхъ*; по крайней
мѣрѣ *Іуліанъ* жилъ въ немъ, когда Гальскіе *Легіо-*
ны назвали его Римскимъ Императоромъ. Велико-
лѣнные сады, бассейны, водоводы, о которыхъ го-
ворятъ старинныя лѣтописи, все стерто и загла-
жено рукою времени. Тутъ жили Французскіе Ца-
ри *Кловисова* поколѣнія; тутъ заключены были
любезныя дочери *Карла Великаго* за ихъ нѣжныя
слабости; тутъ, при *Короляхъ* втораго поколѣнія,
знатныя *Парижскія* дамы выдались съ своими обо-
жателями; тутъ нынѣ выкармливаютъ голубей для
продажи. Кстати, подумалъ я: голубь есть *Венери-*
на птица.

Въ этой же улицѣ славился пирожникъ *Мишью*,
котораго воспѣлъ *Буало* въ *Сатирѣ* своей.

... Mignot c'est tout dire, et dans le monde entier
Jamais empoisonneur ne sut mieux son métier. ...

Пирожникъ разсердился на *Сатирика*, жаловал-

ся въ судѣ; но будучи только осмѣянъ судьями, вздумалъ мстить Поэту инымъ образомъ: уговорилъ Аббата Коттеня сочинить сатиру на Буало, напечаталъ ее и разослалъ съ пирогами по всему городу.

Оперное знакомство.

Я пришелъ въ оперу съ Нѣмцемъ Рейнвальдомъ. *Entrez dans cette loge, Messieurs!* — Въ ложѣ сидѣли двѣ дамы съ кавалеромъ Св. Лудовика. «Останьтесь здѣсь, государи мои,» сказала намъ одна изъ нихъ: «видите, что у насъ нѣтъ ничего на головахъ; въ другихъ ложахъ найдете женщинъ съ превысокими уборами, которые совсѣмъ закроютъ отъ васъ театръ.» Мы васъ благодаримъ, отвѣчалъ я, и сѣлъ позади ее. Учтивость ея возбудила мое вниманіе: я съ обѣихъ сторонъ заглядывалъ ей въ лицо. Между тѣмъ товарищъ мой началъ говорить со мною по-Русски: и дамы и кавалеръ посмотрѣли на насъ, услышавъ неизвѣстные звуки. Я имѣлъ удовольствіе найти въ учливой дамѣ блондинку молодую красавицу. Черный цвѣтъ платья отбѣливалъ бѣлизну лица; голубая ленточка извивалась въ густыхъ, свѣтлыхъ, ненапудренныхъ волосахъ; букетъ розъ алѣлъ на лилеяхъ груди. — «Хорошо ли вамъ?» спросила у меня съ улыбкою любезная незнакомка. — *Не лъзя лучше, судары-*

рыня. — Но Кавалеръ, который сидѣлъ рядомъ съ нею, безпрестанно повертываясь съ стороны въ сторону, беспокоилъ Рейнвальда. «Я здѣсь ни за что не останусь,» сказалъ мой Нѣмецъ: «проклятый Французъ натретъ мнѣ на колѣняхъ мозоли» — сказалъ, и ушелъ. Бѣлокурая незнакомка посмотрѣла на дверь и на меня. «Вашъ товарищъ не доволенъ нашею ложею?»

Я. Ему хочется быть прямо противъ сцены.

Незнакомка. А вы съ нами?

Я. Если позволите.

Незнакомка. Вы очень милы.

Кавалеръ Св. Лудовика. Я только теперь примѣтилъ, что у васъ на груди розы, вы ихъ любите?

Незнакомка. Какъ не любить? онѣ служатъ эмблемою нашего пола.

«Отъ нихъ совсѣмъ нѣтъ запаха,» сказалъ онъ, распуская и сжимая свои поздри.

Я. Извините — я далѣе, а чувствую.

Незнакомка. Вы далѣе? да чтожь вамъ мѣшаетъ быть поближе, если розы для васъ пріятны? Здѣсь есть мѣсто.... Вы Англичанинъ?

Я. Если Англичане имѣютъ щастіе вамъ нравиться, то мнѣ больно назваться Русскимъ.

Кавалеръ. Вы Русской? Видите, что я угадалъ, сударыня! j'ai voyage dans le nord ; je me connois aux accens; je vous l'ai dît dans le moment.

Незнакомка. Я право думала, что вы Англичанинъ. Je raffole de cette nation.

Кавалеръ. Нельзя ошибиться тому, кто подобенъ

мнѣ, былъ вездѣ, и знаетъ языки. У васъ въ Россіи говоритъ Нѣмецкимъ языкомъ?

Я. Русскимъ.

Кавалеръ. Да, Русскимъ; все одно.

«Всѣ мѣста заняты,» сказала красавица, взглянувъ на партеръ: «тѣмъ лучше! я люблю людей.»

Кавалеръ. Иначе вы были бы неблагодарны.

Какъ досадно! думалъ я: опъ сорвалъ у меня съ языка это слово.

Кавалеръ. Только по Моисееву закону вамъ надобно ненавидѣть женщинъ.

Незнакомка. Почему же?

Кавалеръ. Любовь за любовь, ненависть за ненависть.

Незнакомка (съ усмѣшкою). Я Христіянка. Однакожь это правда: женщины не любятъ другъ друга.

Для чего же? спросилъ я съ величайшею невинностію.

Красавица. Для чего?....

Тутъ она повнюхала свои розы, взглянула опять на меня, и спросила, давно ли я въ Парижѣ? долго ли пробуду?

Когда розы увянутъ въ саду, меня уже здѣсь не будетъ — отвѣчалъ я самымъ жалкимъ голосомъ.

Красавица (посмотрѣвъ на свой букетъ). Опъ у меня цвѣтутъ и зимою.

Я. Чего не дѣлаетъ искусство, сударыня? Однакожь Натура не теряетъ своихъ правъ: ея цвѣты милѣе.

Красавица. Не сѣверному жителю хвалить Природу: она у васъ печальна.

Я. Не всегда, сударыня: у насъ также есть весна, цвѣты и прекрасныя женщины.

Незнакомка. Любезныя?

Я. По крайней мѣрѣ любимыя.

Незнакомка. Да, я думаю, что у васъ лучше умѣютъ любить, нежели нравиться. Во Франціи напротивъ: чувство пылаетъ здѣсь только въ романахъ.

Я. У насъ, сударыня, у насъ оно пылаетъ въ сердцахъ.

Кавалеръ. Чувствительность вездѣ романъ. Я путешествовалъ, и знаю.

Красавица. О несносные Французы! вы всѣ атеисты въ любви. Не мѣшайте ему говорить. Онъ намъ скажетъ, какъ въ Россіи обожаютъ женщинъ —

Кавалеръ. Романъ!

Красавица. Какъ мужчины нѣжны, примѣчательны —

Кавалеръ (зѣвая). Романъ!

Красавица. Какъ они смотрятъ женщинамъ въ глаза, не скучая, не зѣвая.

Кавалеръ (засмѣявшись). Романъ! Романъ!

Тутъ весь театръ освѣтился плашками, и зрители захопали въ знакъ удовольствія. Красавица сказала съ улыбкою: «мужчины рады свѣту, а мы боимся его. Посмотрите, напримѣръ, какъ вдругъ стала блѣдна молодая дама, которая сидитъ противъ насъ!...»

Кавалеръ. Отъ того, что она, подражая Англичанкамъ, не румянится.

Я. Блѣдность имѣетъ свою прелесть, и женщины напрасно румянятся.

Красавица обернулась къ партеру..... Ахъ! она была нарумянена! Я сказалъ неучтивость, прижался бокомъ къ стѣнѣ, и молчалъ. Къ щастію оркестръ заигралъ, и началась опера. Музыка Глукова Орфея восхитила меня такъ, что я забылъ и красавицу; за то вспомнилъ Жанъ-Жака, который не любилъ Глука, но слыша въ первый разъ Орфея, плѣнился, молчалъ — и когда Парижскіе знатоки при выходѣ изъ театра окружили его, спрашивая, какова музыка? запѣлъ тихимъ голосомъ: *j'ai perdu mon Eurydice; rien n'égale mon malheur*—обтеръ слезы свои, и не сказавъ болѣе ни слова, ушелъ. Такъ великіе люди признаются въ несправедливости мнѣній своихъ!

Занавѣсъ опустился. Незнакомка сказала мнѣ: «Божественная музыка! а вы, кажется, не аплодировали?»

Я. Я чувствовалъ, сударыня.

Незнакомка. Глукъ милѣе Пиччини.

Кавалеръ. Объ этомъ въ Парижѣ давно перестали спорить. Одинъ славится гармоніею, другой мелодіею; одинъ всегда равно удивителенъ, другой великъ порывами; одинъ никогда не падаетъ, другой встаетъ съ земли, чтобы летѣть къ облакамъ; въ одномъ болѣе характера, въ другомъ болѣе оттѣнокъ. Мы давно согласились.

Незнакомка. Я не умѣю дѣлать ученыхъ сравненій; а вы, государь мой?

Я. Согласенъ съ вами, сударыня.

Незнакомка. Etes-vous toujours bien, Mr.?

Я. Parfaitement bien, Madame, auprès de vous.

Тутъ Кавалеръ Св. Лудовика сказалъ ей что-то на ухо. Она засмѣялась, посмотрѣла на часы, встала, подала ему руку, и сказавъ миѣ: *je vous salue, Monsieur!* ушла вмѣстѣ съ другою дамою. Я изумился.... Не дожидаться прекраснаго балета *Калипсы* и *Телемака!* странно!.... Миѣ стало въ ложѣ просторнѣе и — скучнѣе. Я взглядывалъ на дверь, какъ будто бы ожидая возвращенія прелестной незнакомки. Кто она? благородная, почтенная, или.... Какая мысль! Важныя Парижскія дамы не говорятъ такъ вольно съ незнакомыми; однакожь можетъ быть исключеніе изъ правила. Воображеніе мое не преставало заниматься ею во время балета, находя въ разныхъ танцовщицахъ сходство съ бѣлокурою незнакомкою. Я пришелъ домой — и все еще объ ней думалъ.

«Исторія кончилась,» вы скажете: а можетъ быть и *нѣтъ*. Что, еслии я опять гдѣ нибудь встрѣчусь съ красавицею, въ *Елисейскихъ поляхъ*, въ *Булонскомъ лѣсу*; избавлю ее отъ разбойниковъ, или вытащу изъ *Сены*, или спасу отъ огня?... Предвижу вашу усмѣшку. «Романъ! романъ!» повторите вы съ Кавалеромъ Св. Лудовика. Боже мой! какъ люди стали нынѣ недовѣрчивы! Это отнимаетъ охоту путешествовать и рассказывать анекдоты. Хорошо; я замолчу.

Парижъ, Мая....

Солиманъ Ага, Турецкій Посланникъ при Дворѣ Людовика XIV въ 1669 году, первый ввелъ въ употребленіе кофе. Нѣкто Паскаль, Армянинъ, вздумалъ завести кофейный домъ; новость полюбилась, и Паскаль собралъ довольно денегъ. Опъ умеръ, и мода на кофе прошла, такъ что къ его наслѣдникамъ никто уже не ходилъ въ гости. Черезъ нѣсколько лѣтъ Прокопъ Сициліянецъ открылъ новый кофейный домъ близъ Французскаго театра, украсилъ его со вкусомъ, и нашелъ способъ заманивать къ себѣ лучшихъ людей въ Парижѣ, особливо Авторовъ. Тутъ сходились Фонтенель, Жанъ Батистъ Руссо, Соренъ, Кребильйонъ, Пиронъ, Вольтеръ; читали прозу и стихи, спорили, шутили, рассказывали новости. Парижане ходили отъ скуки слушать ихъ. Имя сохранилось донынѣ; но теперешній Прокоповъ кофейный домъ не имѣетъ уже славы прежняго.

Что можетъ быть щастливѣе этой выдумки? Вы идете по улицѣ, устали, хотите отдохнуть: вамъ отворяютъ дверь въ залу, чисто прибранную, гдѣ за нѣсколько копѣекъ освѣжитесь лимонадомъ, мороженымъ; прочитаете газеты; слушаете сказки, разсужденія; сами говорите, и даже кричите, еслили угодно, не боясь досадить хозяину. Люди не богатые, осенью, зимою, находятъ тутъ пріятное убѣжище отъ холода, каминъ, свѣтлый огонь, передъ которымъ могутъ сидѣть какъ дома, не платя ничего, и еще пользоваться удовольствіемъ

общества. *Vive Pascal, vive Procopé! vive Soliman Aga!*

Нынѣ болѣе 600 кофейныхъ домовъ въ Парижѣ (каждый имѣетъ своего Корифея, умника, говоруна), но знаменитыхъ считается 10, изъ которыхъ пять или шесть въ Пале-Рояль: *Café de Foi, du Cavot, du Valois, de Chartres*. Первый отмѣнно хорошо прибранъ; а второй украшенъ мраморными бюстами музыкальных сочинителей, которые своими Операми плѣняютъ слухъ здѣшней публики: бюстомъ Глука, Саккини, Пиччини, Гретри и Филидора. Тутъ же на мраморномъ столѣ написано золотыми буквами: *On ouvrit deux souscriptions sur cette table: la premiere le 28 Juillet, pour répéter l'expérience d'Annonay; la deuxieme le 29 Août, 1783, pour rendre hommage par une médaille à la découverte de MM. de Montgolfier*. На стѣнѣ прибитъ медальонъ, который изображаетъ обоихъ братьевъ Монгольфе. — Жанъ-Жакъ Руссо прославилъ одинъ кофейный домъ, *le Café de la Régence*, тѣмъ, что всякой день игралъ тамъ въ шашки. Любопытство видѣть великаго Автора привлекало туда столько зрителей, что Полицеймейстеръ долженъ былъ приставить къ дверямъ караулъ. И нынѣ еще собираются тамъ ревностные Жанъ-Жакисты, пить кофе въ честь Руссовой памяти. Стулъ, на которомъ онъ сиживалъ, хранится какъ драгоценность. Мнѣ сказывали, что одинъ изъ почитателей Философа давалъ за него 500 ливровъ; но хозяинъ не хотѣлъ продать его.

С м ѣ с ѣ.

Я желалъ видѣть, какъ веселится Парижская чернь, и былъ нынѣшній день въ *Генгетахъ*: такъ называются загородные трактиры, гдѣ по Воскресеньямъ собирается народъ обѣдать за 10 су и пить самое дешевое вино. Не можете представить себѣ, какой шумный и разнообразный спектакль! Превеликія залы наполнены людьми обоего пола; кричатъ, пляшутъ, поютъ. Я видѣлъ двухъ шестидесятилѣтнихъ стариковъ, важно танцующихъ менуетъ съ двумя старухами; молодые хлопали въ ладоши, и кричали: *браво!* Нѣкоторые шатались отъ дѣйствія винныхъ паровъ, а также хотѣли танцовать, и только что не падали; не узнавали дамъ своихъ, и вмѣсто извиненія говорили: *diable! peste!* — *C'est l'empire de la grosse gaieté*, царство грубаго веселья! — И такъ не одинъ Русской народъ обожаетъ Бахуса! Розница та, что пьяный Французъ шумить, а не дерется.

У дверей всякой *Генгеты* стоятъ женщины съ цвѣтами, берутъ васъ за руку и говорятъ: *Господинъ милый, господинъ прекрасный! я дарю васъ букетомъ розъ.* Надобно непременно взять подарокъ, отблагодарить шестью копѣйками, * и еще сказать учтивое слово, *un mot de politesse, d'honnêteté.* Парижскія цвѣтошницы одного разбора съ рыбными торговками (*les poissardes*); страш-

* Une piece de 6 sous.

но не понравиться имъ; онѣ въ состояніи замечать васъ грязью. Но если вы держите въ рукѣ букетъ цвѣтовъ, то вамъ уже не предлагаютъ другога. Однажды, на *Королевскомъ мосту*, двѣ *цвѣтошницы* остановили меня съ Барономъ В*, и требовали..... поцѣлуя! Мы смѣялись, хотѣли идти: но жестокія Вакхяты насильно поцѣловали насъ въ щеку, хохотали во все горло, и кричали намъ въ слѣдъ: *еще, еще одинъ поцѣлуй!*

Идучи по *Дофинскому берегу*, увидѣлъ я на рѣкѣ два Китайскіе павильона; узналъ, что это бани; сошелъ внизъ, заплатилъ 24 су и вымылся холодною водою въ прекрасномъ маленькомъ кабинетѣ. Чистота удивительная. Во всякой кабинетѣ проведена изъ рѣки особливая труба, въ которой вода течетъ сквозь песокъ. Тутъ же учатъ плавать; урокъ стоитъ 30 су. При мнѣ плавали три человѣка съ отмѣнною легкостію. Въ Парижѣ есть и теплыя бани, въ которыя часто посылаютъ Медики больныхъ своихъ. Самыя лучшія и дорогія называюся Русскими, *bains Russes, de vapeurs ou de fumigations, simples et composés*. Надобно заплатить рубли два, и васъ вымоютъ, вытрутъ губками, обкурятъ ароматами, какъ у насъ въ *Грузинскихъ баняхъ*.

Я былъ въ Hôtel-Dieu, главной Парижской Госпитали, въ которую принимаютъ всякой Вѣры, всякой націи, всякаго рода больныхъ, и гдѣ бываетъ ихъ иногда до 5000, подъ надзираніемъ 8 Докторовъ и ста лекарей. 130 Монахинь Августинскаго Ордена служатъ несчастнымъ и пекутся о соблюденіи чистоты; 24 священника безпрестанно исповѣдываютъ умирающихъ, или отпѣваютъ мертвыхъ. Я видѣлъ только двѣ залы, и не могъ идти далѣе: мнѣ стало дурно; и до самаго вечера стонъ больныхъ отзывался въ моихъ ушахъ. Не смотря на хорошій присмотръ, изъ 1000 всегда умираетъ 250. Какъ можно заводить такія больницы въ городѣ? Какъ можно пить воду изъ Сены, въ которую стекаетъ вся нечистота изъ Hôtel-Dieu? Ужасно вообразить! Щастливъ, кто выйдетъ изъ Парижа здоровый! Я спѣшу въ театръ, чтобы разсѣять свою меланхолію и начало лихорадки.

Здѣшняя Королевская Библіотека есть первая въ свѣтѣ; по крайней мѣрѣ такъ сказалъ мнѣ Библіотекаръ. Шесть превеликихъ залъ наполнены книгами. Мистическіе Авторы занимаютъ пространство въ 200 футовъ длиною и въ 20 вышиною, Схоластики 150 футовъ, Юриспруденты 40 сажень, Историки вдвое. Поэтовъ считается 40,000, Романистовъ 6000, путешественниковъ

7000. Все вмѣстѣ составляетъ болѣе 200,000 томовъ, къ которымъ надобно еще прибавить 60,000 рукописныхъ. Порядокъ рѣдкій. Наименуйте книгу, и черезъ нѣсколько минутъ она у васъ въ рукахъ. Мнѣ, какъ Русскому, показывали Славянскую Библію и Наказъ Императрицы. — Карлъ V получилъ въ наслѣдство послѣ Короля Іоанна 20 книгъ; любя чтеніе, умножилъ ихъ до 900, и былъ основателемъ сей Библіотеки. Тутъ же, въ Кабинетѣ древнихъ и новыхъ медалей, съ великимъ любопытствомъ разсматривалъ я два щита славнѣйшихъ изъ древнихъ полководцевъ: Аннибала и Сципіона Африканскаго. * Какими пріятными воспоминаніями обязаны мы Исторіи! Мнѣ было 8 или 9 лѣтъ отъ роду, когда я въ первый разъ читалъ Римскую, и воображая себя маленькимъ Сципіономъ, высоко поднималъ голову. Съ того времени люблю его какъ своего Героя. Аннибала я неавидѣлъ въ щастливыя времена славы его, но въ рѣшительный день, передъ стѣнами Карфагенскими, сердце мое едва ли не ему желало побѣды. Когда всѣ лавры на головѣ его увяли и засохли; когда онъ, укрываясь отъ злобы мстительныхъ Римлянъ, скитался изъ земли въ землю: тогда я былъ нѣжнымъ другомъ хотя несчастнаго, но великаго Аннибала, и врагомъ жестокихъ Республиканцевъ. — Еще хранятся въ Библіотекѣ двѣ стрѣлы дикихъ Американцевъ, намазанныя

* Доказывается надписью.

такимъ сильнымъ ядомъ, что естли проколешь ими до крови какое нибудь животное, то оно черезъ нѣсколько минутъ оцѣпенѣвъ умретъ. — Въ залѣ нижняго этажа стоятъ два глобуса чрезмѣрной величины, такъ что верхняя часть ихъ выходитъ, черезъ отверстіе потолка, въ другой этажъ. Они сдѣланы монаховъ Коронелли. — Собраніе эстамповъ въ Библіотекѣ также достойно примѣчанія.

Здѣсь много и другихъ общественныхъ и частныхъ Библіотекъ, отворенныхъ въ назначенные дни для всякаго. Читайте, выписывайте, что вамъ угодно. Нѣтъ въ свѣтѣ другаго Парижа ни для ученыхъ, ни для любопытныхъ; все готово—только пользуйся.

Королевская Обсерваторія, обращенная углами къ четыремъ главнымъ пунктамъ горизонта, построена безъ дерева и безъ желѣза. Въ большой залѣ перваго этажа проведенъ Меридіанъ, который идетъ чрезъ всю Францію, на сѣверъ и на югъ, отъ Коліура до Дюнкирхена. Тамъ одна комната называется *тайною*, *la salle des Secrets*, и представляетъ любопытный феноменъ. Естли вы приложите губы къ пиластру и тихонько скажете нѣсколько словъ, то человѣкъ, стоящій напротивъ у другаго пиластра, слышитъ ихъ; а люди, которые стоятъ между вами, ничего не слышатъ. Мо-

нахъ Киркерь писалъ изъясненіе сей механической странности.—Кто хочетъ сойти въ подземельный лабиринтъ Обсерваторіи, служащій для разныхъ метеорологическихъ опытовъ, тому надобно непременно взять вожатаго и факелы: 360 ступеней ведутъ васъ въ эту бездну; темнота страшная; густой, сырой воздухъ почти останавливаетъ дыханіе. Мнѣ рассказывали, что два монаха, сошедши туда вмѣстѣ съ другими любопытными, отстали —хотѣли догнать товарищей, но факелъ ихъ угасъ —они искали выхода изъ темныхъ переходовъ, но тщетно. Черезъ 8 дней нашли ихъ въ лабиринтѣ мертвыхъ.

Лудовикъ XIV построилъ самый великолѣпнѣйшій въ Европѣ *Инвалидный домъ* для изувѣченныхъ и престарѣлыхъ воиновъ, желая доказать имъ Царскую благодарность, и часто бывалъ у нихъ въ гостяхъ, безъ всякой стражи, кромѣ испытаннато усердія своихъ Ветерановъ. Печальное зрѣлище для Философа, трогательное для всякаго чувствительнаго! Многіе Инвалиды не могутъ ходить; многіе не могутъ даже ѣсть сами: ихъ кормятъ. Одни молятся передъ алтарями; другіе сидятъ подъ тѣнію густыхъ деревъ, разговаривая о побѣдахъ, купленныхъ ихъ кровію. Какъ охотно снимаю шляпу передъ сѣдымъ воиномъ, который носить на себѣ незагладимые знаки храбрости и

печать славы! Война бѣдственна, но храбрость есть великое свойство души. «Робкой человѣкъ можетъ быть добрымъ: но всякой дурной человѣкъ непременно долженъ быть трусомъ,» говоритъ Стерновъ Капралъ Тримъ. — Петръ Великій, осматривая Парижскій Иувалидный домъ въ то время, какъ почетные воины сидѣли за обѣдомъ, налилъ себѣ рюмку вина, и сказалъ: *ваше здоросье, товарищи!* выпилъ до капли.

Архитектура и живопись прекрасны.

Парижъ, Мая...

13 Мая, въ день Вознесенья, ходилъ я въ деревеньку Сюрень, лежащую въ двухъ миляхъ отъ Парижа на берегу Сены. Мнѣ сказали, что тамъ съ великою торжественностію будутъ короновать розами осьмнадцатилѣтнюю добродѣтельную дѣвушку; но какая горестъ! нынѣшній годъ не было праздника — *la fête de la Rosiere*. Отель-де-Виль, или городской Приказъ, не заплатилъ процентовъ съ капитала, положеннаго какимъ-то Гм. Эліотомъ для награжденія сельской невинности, хотя на это требовалось не болѣе 300 ливровъ. Приходскому священнику надлежало послѣ вечерни объявить имена трехъ достойнѣйшихъ Сюреньскихъ дѣвушекъ; деревенскіе старшины выбрали изъ нихъ одну, украшали цвѣтами, хвалили ея добродѣтель, водили по деревнѣ и пѣли хоромъ:

Безъ награды добродѣтель
Не бываетъ нѣкогда;
Ей въ подсолнечной свидѣтель
Богъ и совѣсть завсегда.
Люди также примѣчаютъ,
Кто похвально жизнь ведетъ;
За невинность увѣнчаютъ
Дѣвушку въ осьмнадцать лѣтъ * . . .

Парижскія дамы всегда любопытствовали видѣть невинность такъ близко отъ Парижа, брали участіе въ веселіи Сюренскихъ поселянъ и не стыдились танцовать съ ними по-деревенски. — Я обѣдалъ въ трактирѣ съ нарядными земледѣльцами, которые потчивали меня своимъ краснымъ виномъ, увѣряя, что Сюренской виноградъ и Сюренскіе нравы славны во всемъ околоткѣ. Одинъ изъ нихъ, съ гордымъ видомъ выправляя свои бѣлыя, длинныя манжеты, сказывалъ мнѣ, что всѣ три дочери его были увѣнчаны розами, и всѣ три нашли себѣ достойныхъ жениховъ.

Давно уже сельская простота не веселила меня столько, какъ нынѣшній день — и наслаждаться ею въ 7 верстахъ отъ Парижа! Я не могъ наговориться съ крестьянами и съ крестьянками; послѣднія довольно смѣлы, но не безстыдны. «Куда ты идешь съ книжкою?» спросилъ я у миленькой дѣвушки. — *Въ церковь*, отвѣчала она: *молиться Богу*. — «Жаль, что я не вашего закона; а мнѣ хо-

* Ей непременно надлежало быть осьмнадцати лѣтъ.

тѣлось бы молиться подлѣ тебя, красавица.» —
Mais le bon Dieu est de toutes les religions, Monsieur. *Богъ единъ во всѣхъ законахъ.* — Согласитесь, друзья мои, что такая философія въ сельской дѣвушкѣ не совсѣмъ обыкновенна. Вообще всѣ Сюренскіе жители казались мнѣ умными и счастливыми, можетъ быть отъ веселаго расположенія души моей.

Вечеръ провелъ я также очень пріятно въ деревнѣ Исси, въ прекрасныхъ садахъ Герцога Ифантадоса и Принцессы Шиме. Тутъ есть несравненная аллея изъ древнихъ, каштановыхъ деревьевъ (лучше самой Тюльерійской), и въ концѣ ея превеликой водоемъ. Видъ съ террасъ прелестенъ: замокъ Медонъ, Бельвю, Булонской лѣсъ, неизмѣримая равнина, по которой течетъ Сена, и на краю горизонта Мон-Валерьенъ.

Вообще Парижскія окрестности весьма пріятны. Вездѣ прекрасныя деревеньки, аллеи, сады: вездѣ разсѣяны драгоцѣнности Искусствъ; въ каждой сельской церкви найдете хорошія картины, замѣчанія достойныя монументы, памятники Французской Исторіи. Съ нѣкотораго времени я всякой день бываю за городомъ, и возвращаюсь иногда очень поздно. Теперь же все цвѣтетъ, и весна нѣжными оттѣнками переливается въ лѣто.

Парижъ, Мая....

Я худо пользуюсь здѣшними знакомствами и обществомъ; я скупъ на время: мнѣ жаль тратить его въ трехъ или четырехъ домахъ, гдѣ меня принимаютъ. Холодная учтивость не привлекательна. Госпожа Гло* увѣряетъ, что въ домѣ ея собираются лучшіе Авторы; но мнѣ не случилось видѣть у нее ни одного извѣстнаго. Говорятъ отрывками; все личности, jargon, языкъ непонятный для чужестранца; молчишь, зѣваешь, или скажешь слова два на вопросы: какъ сильны бываютъ морозы въ Петербургѣ? сколько мѣсяцевъ катаются у васъ въ саняхъ? ѣздите ли вы на оленяхъ зимою? Это не весело; и хотя столъ Госпожи Гло* очень вкусенъ, однакожъ мнѣ пріятнѣе обѣдать за деньги у какого нибудь Ресторатёра, смотрѣть на множество людей, вслушиваться иногда въ шумные разговоры или про себя думать, сочинять планъ для остальнаго дня. Госпожа Н*, другая моя знакомка, миловидна и любезна, такъ что я съ удовольствіемъ былъ у нее разъ пять. Мы говорили о Швейцаріи, о Руссо, о щастіи простой жизни, даже о любви въ метафизическомъ смыслѣ; но вотъ неудобность: къ ней ѣздитъ молодой Баронъ Д*, и какъ скоро онъ въ двери, я дѣлаюсь лишнимъ; это не много оскорбительно для моего самолюбія. Баронъ же хотя и не есть Баронъ Нѣмецкій, однакожъ взгляды его на меня очепь грубы. Онъ садится съ ногами на диванъ подлѣ хозяйки, играетъ ролю разсѣяннаго или сонливаго; плюетъ на

Англійскій коверъ; кладеть голову на подушку — а какъ его не выгоняють, то надобно думать, что онъ имѣеть право выгонять другихъ изъ кабинета Госпожи Н*. Смекнувъ такимъ образомъ, беру шляпу и скрываюсь. Прованская красавица раздумала ѣхать въ Швейцарію и быть жительницею горы Нёшательской. * Баронъ смѣется надъ такою мыслию, и называетъ ее вдохновеніемъ старомоднаго романизма.

Здѣсь теперь не много Русскихъ: фамилія Князя Г*, П*, и болѣе никого, кромѣ Посланника, Секретаря М* и Г. У*, съ которыми вижусь не рѣдко. У* не богатъ, но умѣлъ собрать прекрасную библіотеку и множество рѣдкихъ манускриптовъ на разныхъ языкахъ. У него есть оригинальныя письма Генриха IV, Людовика XIII, XIV и XV, Кардинала Ришельё, Англійской Королевы Елисаветы и проч. Онъ знакомъ со всѣми здѣшними Библіотекарями, и черезъ нихъ достаетъ рѣдкости за бездѣлку, особливо въ нынѣшнее смутное время. Въ тотъ день, какъ народъ разграбилъ Бастильской архивъ, У* купилъ за лундоръ цѣлую кипу бумагъ, между прочими нѣсколько трогательныхъ писемъ какого-то несчастнаго Автора къ Полицеймейстеру и журналъ одного изъ заключенныхъ во время Людовика XIV. Онъ увѣренъ, что его писалъ тайный арестантъ, извѣстный подъ

* Описанной Жанъ-Жакомъ въ письмѣ къ д'Аланберту.

именемъ *Желѣзной маски*, о которомъ Вольтеръ говоритъ слѣдующее: «Черезъ нѣсколько мѣся-
«цовъ по смерти Кардинала Мазарина случилось
«пронесеніе, которое можно назвать безпри-
«мѣрнымъ, и котораго (что также удивительно)
«совсѣмъ не знали Историки. Съ величайшею тай-
«ною посланъ былъ на островъ Святой Маргари-
«ты неизвѣстный арестантъ, молодой человѣкъ,
«высокой ростомъ и благородный видомъ. Онъ
«посылъ маску съ желѣзною пружиною, которая
«не мѣшала ему ѣсть. Офицеръ имѣлъ повелѣніе
«убить его, если бы онъ спалъ ее. Сей чело-
«вѣкъ содержался на островѣ до самаго того вре-
«мени, какъ Губернаторъ Пиньерольской, Сен-
«Марсъ, въ 1690 году сдѣланъ былъ Бастильскимъ
«начальникомъ, и самъ перевезъ его въ Бастилію,
«также въ маску. Министръ Лувуа былъ у него
«на островѣ Св. Маргариты, говорилъ съ нимъ
«стоя и съ великимъ почтеніемъ. Въ Бастиліи от-
«вели ему самыя лучшія комнаты, и ни въ чемъ
«не отказывали. Всего болѣе любилъ онъ тонкое
«бѣлье и кружева; зналъ музыку; игралъ на ги-
«тарѣ, имѣлъ самый изобильный столъ, и Губер-
«наторъ рѣдко передъ нимъ садился. Старый Ба-
«стильской Докторъ никогда не видалъ его лица.
«Онъ былъ, по словамъ сего Медика, чрезвычай-
«но строенъ, имѣлъ трогательный голосъ, гово-
«рилъ пріятно, никогда не жаловался на заклю-
«ченіе, и тайлъ свое имя. — Сей неизвѣстный
«умеръ въ 1703 году и погребенъ ночью въ церк-
«ви Св. Павла. Никто изъ людей знаменитыхъ въ

«Европѣ не пропадаѣ во время его заключенія;
«но онъ безъ сомнѣнія былъ важный человѣкъ.
«Вотъ что случилось въ первые дни его пребы-
«ванія на островѣ Святой Маргариты.... Самъ Гу-
«бернаторъ носилъ ему кушанье, и выходя, запи-
«ралъ комнату. Заключенный начертилъ однажды
«нѣсколько словъ на серебряной тарелкѣ и бро-
«силъ ее въ окно на лодку, стоявшую внизу под-
«лѣ самой башни. Рыбакъ, хозяинъ лодки, под-
«нял тарелку и принесъ Губернатору, который
«съ великимъ безпокойствомъ спросилъ: видѣлъ
«ли онъ надпись, и не показывалъ ли кому нибудь
«тарелки? Я только что нашелъ ее, а самъ не
«умѣю читать, отвѣчалъ рыбакъ. Однакожь Гу-
«бернаторъ удержалъ рыбака, чтобы увѣриться
«въ истинѣ его словъ. Наконецъ, отпуская, ска-
«залъ ему: *поди и благодари Бога, что не умѣешь*
«*читать*. Одинъ изъ достовѣрныхъ людей, кото-
«рымъ сей случай былъ извѣстенъ, живъ еще и
«нынѣ. Шамиляръ, послѣдній изъ Мипистровъ,
«зналъ тайну заключеннаго. Фельдмаршалъ Фель-
«ядь, зять его, сказывалъ мнѣ, что онъ на колѣ-
«няхъ просилъ тестя своего объявить ему, кто
«былъ сей человѣкъ, извѣстный только подъ име-
«немъ *Жельзной маски*. Шамиляръ отвѣчалъ, что
«онъ клялся хранить государственную тайну, и не
«можетъ открыть ее. Однимъ словомъ, многіе изъ
«нашихъ современниковъ свидѣтельствуютъ ис-
«тину мною рассказаннаго, и я не знаю никакого
«историческаго происшествія, которое было бы
«удивительнѣе и вѣрнѣе онаго.» — Въ жизни Гер-

цога Ришельё, недавно напечатанной, сія любопытная загадка, справедливо или нѣтъ, рѣшится. Авторъ говоритъ, будто человѣкъ съ Желѣзною маскою былъ сынъ Королевы Анны и близнецъ Лудовика XIV, скрытый отъ свѣта Кардиналомъ Ришельё, для того, чтобы ему не вздумалось когда нибудь спорить о коронѣ съ братомъ своимъ. Гипотеза не совсѣмъ вѣроятная! Равно какъ и то не совсѣмъ вѣроятно, чтобы журналъ заключеннаго, которымъ землякъ мой дорожить до крайности, былъ въ самомъ дѣлѣ писанъ Желѣзною маскою. У него одно доказательство: «заключенный въ «разныхъ мѣстахъ упоминаетъ о шоколадѣ, который къ нему по утрамъ носили; при Лудовикѣ «XIV пили шоколадъ одни знатные; а какъ въ «это время (сколько извѣстно) никто изъ важныхъ людей, кромѣ человѣка съ желѣзною маскою, не содержался въ Бастиліи, то надобно, «чтобы журналъ былъ его!» Впрочемъ Авторъ сихъ дневныхъ записокъ, Желѣзная маска или другой кто, не говоритъ ничего примѣчанія достойнаго; однѣ жалобы на скуку, на жестокость заключенія, въ несвязныхъ словахъ, безъ орфографіи — и все тутъ.

Парижъ, Мая

Шесть дней сряду, въ 10 часовъ утра, вхожу я въ улицу Св. Якова, въ Кармелитской монастырь...

«За чѣмъ?» спросите вы: «за тѣмъ ли, чтобы разсматривать тамошнюю церковь, древнѣйшую въ Парижѣ, и нѣкогда окруженную густымъ, мрачнымъ лѣсомъ, гдѣ Св. Діонисій въ подземной глубинѣ укрывался отъ враговъ своихъ, то есть, враговъ Христіанства, благочестія и добродѣтели? За тѣмъ ли, чтобы рѣшить споръ Историковъ, — изъ которыхъ одни приписываютъ строеніе сего храма язычникамъ, а другіе Королю Роберту: одни утверждаютъ, что статуя, видимая вверху, на порталѣ, есть образъ богини Цереры: а другіе увѣряютъ, что она представляетъ Архангела Михаила? Или за тѣмъ, чтобы удивляться великолѣпію оltарей, ихъ бронзѣ, золоту, барельефамъ!...»

Нѣтъ: я хожу въ Кармелитской монастырь для того, чтобы видѣть милую, трогательную Магдалину живописца Лебрюна, таять сердцемъ, и даже плакать!... О чудо несравненнаго искусства! я вижу не холодныя краски, и не бездушное полотно, но живую, Ангельскую красоту, въ горести, въ слезахъ, которыя изъ небесныхъ голубыхъ глазъ ея льются на грудь мою; чувствую теплоту, жаръ ихъ, вмѣстѣ съ нею плачу. Она узнала суету міра и злополучіе страстей! Сердце ея, для свѣта охладѣвшее, пылаетъ предъ оltаремъ Всевышняго. Не муки адскія ужасають Магдалину, но мысль, что она не достойна любви Того, Кто любимъ ею столь ревностно и пламенно: любви Отца небеснаго — чувство пѣжное, однимъ прекраснымъ душамъ извѣстное! Прости меня, говоритъ ея сердце. Прости меня, говоритъ ея взоръ. .. Ахъ! не

только Богъ, совершенная благодѣль, но и самые люди, рѣдко не жестоки, какихъ бы слабостей не простили такому искреннему, святому раскаянію?... Никогда я не думалъ, не воображалъ, чтобы картина могла быть столь краснорѣчива и трогательна. Чѣмъ болѣе смотрю на нее, тѣмъ глубже вникаю чувствомъ въ ея красоты. Все прелестно въ Магдалинѣ: лице, станъ, руки, растрепанные волосы, служащіе покровомъ для лилейной груди; всего же прелестнѣе глаза, отъ слезъ покраснѣвшіе.... Я видѣлъ много славныхъ произведеній живописи: хвалилъ, удивлялся искусству; но эту картину желалъ бы имѣть; былъ бы счастливъ съ нею; однимъ словомъ, люблю ее! Она стояла бы въ моемъ уединенномъ кабинетѣ, всегда передъ моими глазами....

Но открыть ли вамъ тайную прелесть ея для моего сердца? Лебрюнь, въ видѣ Магдалины, изобразилъ нѣжную, прекрасную Герцогиню Лавальеръ, которая въ Лудовикѣ XIV любила не Царя, а человека, и всѣмъ ему пожертвовала: своимъ сердцемъ, невинностію, спокойствіемъ, свѣтомъ. Я воображаю тихую лунную ночь, когда, гуляя въ Версальскомъ Паркѣ съ своими подругами, милая Лавальеръ сказала имъ: «вы говорите о придворныхъ красавицахъ, а забываете перваго: нашего «любезнаго Короля. Не пышность трона ослѣпляетъ глаза мои; нѣтъ, и въ сельской хижинѣ, «въ платьѣ бѣднаго пастушка предпочла бы я его «всѣмъ мушкетерамъ на свѣтѣ.» — Король былъ въ двухъ шагахъ отъ прелестной; скрывался за де-

ревомъ, слышалъ ея слова, и сердце ему сказало: «вотъ та, которую ты любить долженъ!» Онъ не зналъ ее; на другой день старался говорить со всѣми придворными дамами; узналъ Лавальеръ по голосу — и нѣсколько лѣтъ, будучи обожаемъ, самъ обожалъ ее; измѣнилъ — и несчастная оставила свѣтъ, заключилась въ Кармелитскомъ монастырѣ, истребила въ душѣ всѣ земныя склонности, жила 36 лѣтъ единственно для добродѣтели, для Неба, подъ именемъ Луизы, сестры милосердія, ревностно исполняя строгія должности Ордена и званія своего.

Парижъ, Мая....

Я думаю теперь: какое могло бѣ быть самое любопытнѣйшее описаніе Парижа? Исчисленіе здѣшнихъ монументовъ Искусства (разсѣянныхъ, такъ сказать, по всѣмъ улицамъ) рѣдкихъ вещей въ разныхъ родахъ, предметовъ великолѣпія, вкуса, имѣетъ конечно свою цѣну: но десять такихъ описаній, и самыхъ подробныхъ, отдалъ бы я за одну краткую характеристику или за галерею примѣчаній достойныхъ людей въ Парижѣ, живущихъ не въ огромныхъ палатахъ, а по большей части на высокихъ чердакахъ, въ тѣсномъ уголкѣ, въ неизвѣстности. Вотъ обширное поле, на которомъ можно собрать тысячу любопытныхъ анек-

дотовъ! Здѣсь-то бѣдность, недостатокъ въ средствахъ къ пропитанію, доводитъ человѣка до удивительныхъ хитростей, истощаетъ и разумъ и воображеніе! Здѣсь многіе люди, которые всякой день являются на гульбищахъ, въ Пале-Рояль, даже въ спектакляхъ, причесанные волосъ къ волосу, распудренные, съ большимъ кошелькомъ на спинѣ, съ длинною шпагою на бедрѣ, въ черномъ кафтанѣ, не имѣютъ копѣйки вѣрнаго дохода; а живутъ, веселятся, и, судя по наружному виду, безпечны какъ птицы небесныя. Средства? они разнообразны, безчисленны, и нигдѣ кромѣ Парижа неизвѣстны. На примѣръ: человѣкъ, изрядно одѣтый, который сидитъ въ *Café de Chartres* за чашкою *баваруаза*, говоритъ не умолкая, съ видомъ благороднымъ, пріятнымъ, шутитъ, рассказываетъ забавныя анекдоты — знаете ли, чѣмъ живетъ? продажею *афишъ*, или всякаго рода печатныхъ объявленій, которыми здѣсь бываютъ облѣплены стѣны. Ночью, когда городъ успокоится и люди по домамъ разбредутся, онъ ходитъ собирать свой кормъ, изъ улицы въ улицу, сдираетъ со стѣнъ печатные листы, относитъ ихъ къ пирожникамъ, имѣющимъ нужду въ бумагѣ, получаетъ за то нѣсколько копѣекъ, ливра два или цѣлой *экию*, ложится на соломенной тюфякъ въ какомъ нибудь *гренье*, * и засыпаетъ покойнѣе многихъ Крезовъ. Другой человѣкъ, который также

* То есть, чердакъ.

всякой день бываетъ въ публикѣ, то есть, въ Тюльери, Пале-Рояль, и котораго вы по кафтану сочтеніе Клеркомъ, * есть.... откупщикъ; но прошу угадать, какой? У него на откупѣ.... всѣ булавки, теряемыя дамами въ Италіянскомъ Спектаклѣ. Когда занавѣсъ опускается и всѣ зрители выходятъ изъ залы, онъ только-что является въ Театръ, и съ дозволенія Директорскаго, между тѣмъ какъ гасятъ свѣчи, ходитъ изъ ложи въ ложу подбирать булавки; ни одна не укроется отъ его мышиныхъ глазъ, гдѣ бы она ни лежала; и въ то мгновеніе, какъ слуга хочетъ гасить послѣднюю свѣчу, вашъ откупщикъ хватаетъ послѣднюю булавку; говоритъ: *слава Богу! завтра я не умру съ голоду!* и бѣжитъ съ своимъ пакетомъ къ лавочнику. — Я былъ въ Мазариновой Библіотекѣ и смотрѣлъ на ряды книгъ безъ всякихъ мыслей. Ко мнѣ подошелъ сѣдый старикъ въ темномъ кафтанѣ, и сказалъ: «вы желаете видѣть примѣчанія достойныя книги и манускрипты?» — Желалъ бы, государь мой! — «Я къ вашимъ услугамъ.» И старикъ началъ мнѣ показывать рѣдкія изданія, древнія рукописи, безпрестанно говоря, пзъясняя. Я думалъ, что онъ Библіотекаръ: совсѣмъ нѣтъ; но тридцать лѣтъ служить тамъ *живымъ каталогомъ* для любителей и читателей книгъ. Надзиратели Мазариновой Коллегіи дозволяютъ старику хозяйствовать въ Библіотекѣ, и чрезъ то промы-

* Писаремъ.

шлять себѣ хлѣбъ. Дайте ему *экио* или мѣдную копѣйку: онъ возьметъ ихъ съ равною благодарностію; не скажетъ: *мало!* не сморщитъ лба; также и за горсть серебряной монеты не поклонится вамъ ниже обыкновеннаго. Парижской пищій хочетъ имѣть наружность благороднаго человѣка. Онъ беретъ подаваніе безъ стыда; но за грубое слово вызоветъ васъ на поединокъ: у него ссть шпага!

Въ *Галлерей примѣчанія достойныхъ людей* занялъ бы конечно не послѣднее мѣсто одинъ здѣшній Стоикъ, извѣстный подъ именемъ *четырнадцати-луковошнаго* (*de quatorze oignons*), истинный Діогеновъ человѣкъ, отказывающій себѣ во всемъ, что не есть въ строгомъ смыслѣ необходимо для жизни. Онъ промысломъ *носильщикъ*;^{*} все его имѣніе состоитъ въ большой корзинѣ; днемъ разноситъ въ ней по комиссіи всякую всячину, а ночью спитъ какъ въ альковѣ на городской площади, подъ колоннадою. Сорокъ лѣтъ не перемѣняетъ своего камзола; въ случаѣ нужды нашиваетъ заплаты и такимъ образомъ отъ времени до времени возобновляетъ его, какъ Природа, по мнѣнію Медиковъ, возобновляетъ въ разные періоды человеческое тѣло. 14 луковицъ составляютъ его дневную пищу. Не думайте, чтобы онъ жилъ такъ по необходимости; нѣтъ, бѣдные просятъ у него милостыни, и получаютъ; другіе берутъ въ

* *Porte-faix.*

займы — но Парижской Діогенъ никогда не требуетъ назадъ своихъ денегъ, ежедневно выработывая 3 и 4 ливра. Онъ умѣетъ быть благодѣтелемъ и другомъ, говоритъ мало, но съ выразительнымъ Лаконизмомъ. Многіе Ученые знакомы съ нимъ. Химистъ Л* спросилъ у него однажды: «щастливъ ли ты, добрый человѣкъ?» — Думаю, отвѣчалъ нашъ Философъ. — «Въ чемъ состоятъ твои удовольствія?» — Въ работѣ, отдыхѣ, въ безпечности. — «Прибавь еще: въ благодѣянїяхъ. Я знаю, что ты дѣлаешь много добра.» — Какого? — «Подаетъ милостыню.» — Отдаю лишнее. — «Молишься ли Богу?» — Благодарю его. — «За что?» — За себя. — «Ты не боишься смерти?» — Ни жизни, ни смерти. — «Читаешь книги?» — Не имѣю времени. — «Бываетъ ли тебѣ скучно?» — Я никогда не бываю празденъ. — «Не завидуешь никому?» — Я доволенъ собою. — «Ты истинный мудрецъ.» — Я человѣкъ. — «Желаю твоей дружбы» — Всѣ люди друзья мои. — «Есть злые.» — Ихъ не знаю.

Къ великому моему сожалѣнію я не видалъ сего новаго Діогена. Онъ скрылся при началѣ Революціи. Иные думаютъ, что его уже нѣтъ на свѣтѣ. Вотъ доказательство, что въ самомъ низкомъ состояніи можетъ родиться и жить *Геній дѣятельной мудрости.*

Парижъ, Мая.,

Нынѣшній день видѣлъ я двѣ чудесныя школы училище природно-глухихъ и нѣмыхъ (которымъ посредствомъ знаковъ сообщаютъ самыя трудныя, сложныя, метафизическія идеи; * которые знаютъ совершенно Грамматику, разбираютъ всѣ книги, и сами пишутъ яснымъ, чистымъ, правильнымъ слогомъ) и еще другую, не менѣе удивительную школу природно-слѣпыхъ, которые умѣютъ читать, знаютъ Музыку, Географію, Математику. Аббатъ л'Епе, основатель перваго училища, умеръ; мѣсто его заступилъ Аббатъ Сикаръ: онъ съ великою ревностію посвящаетъ себя искусству дѣлать получеловѣковъ совершенными людьми, замѣняя въ нихъ, такъ сказать, новымъ органомъ слухъ и языкъ. Молодой Шведъ, бывшій вмѣстѣ со мною у Сикара, написалъ на бумажкѣ: *вы конечно жальете о л'Епе* — и подалъ ее одному изъ учениковъ, который тотчасъ, схвативъ перо, отвѣчалъ: *безъ сомнѣнія; онъ нашъ благодѣтель, разбудилъ въ насъ умъ, далъ намъ мысли и друга учителя, подобнаго ему въ искусствѣ и въ ревности быть нашимъ просвѣтителемъ, другомъ, вторымъ отцомъ.* Многіе изъ нѣмыхъ страстно любятъ чтеніе, такъ, что для сохраненія ихъ глазъ надобно отнимать у нихъ книги. Съ удивительною скоростію говорятъ они знаками между собою, выражая самыя отвлеченныя идеи; кажется, будто

не могутъ нарадоваться своею новою способностію.

Въ другой школѣ, заведенной Господиномъ Гаюи, слѣпые учатся Ариметикѣ, чтенію, Музыкѣ и Географіи посредствомъ *выпуклыхъ* (en relief) знаковъ, буквъ, ноть и ландкартъ, разбираемыхъ ими по осязанію. Ученикъ! щупая ряды литеръ и ноть, передъ нимъ лежащихъ, читаетъ, поетъ; прикоснувшись рукою къ Ландкартѣ, говоритъ: *Здѣсь Парижъ, тутъ Москва; здѣсь Отагити, тутъ Филиппинскіе острова.* Шведъ тихонько перевернулъ карту; слѣпой, дотронувшись до нее, сказалъ: *она лежитъ вверхъ ногами*, и снова оборотилъ ее. Какъ у зрячихъ судятъ глаза о разстояніи предметовъ, ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, такъ у слѣпыхъ осязаніе удивительно тонкое, вѣрно *соглашенное* съ памятью и воображеніемъ. На примѣръ: если я, зажмуривъ глаза, ощупаю нѣсколько предметовъ, то мнѣ очень трудно будетъ вообразить ихъ взаимное между собою отношеніе, отъ непривычки судить о вещахъ по осязанію; напротивъ того слѣпые воображаютъ по ощупи такъ же быстро, какъ мы по глазамъ. Надзиратель хотѣлъ сдѣлать намъ полное удовольствіе, и велѣлъ слѣпымъ ученикамъ своимъ пѣть гимнъ, сочиненный для нихъ Оберомъ! Прекрасные голоса! трогательная мелодія! милыя слова! Мы заплакали. Надзиратель увидѣлъ слезы наши, и велѣлъ ученикамъ повторить гимнъ. Вотъ переводъ его:

Владыка міра и судьбины!
Дай видѣть намъ лучъ солнца Твоего
Хотя на часъ, на мигъ единый,
И новой тьмой для насъ покрой его:
Лишь только бъ мы узрѣли
Благотворителей своихъ,
И милый образъ ихъ
Навѣкъ въ сердцахъ запечатлѣли.

Парижъ, Мая...

Вы получали бы отъ меня не листы, а цѣлая тетради, естли бы я описывалъ вамъ всѣ картины, статуи и монументы мною видимые. Здѣсь церкви кажутся галереями живописи или Академіями Скульптуры. Мудрено ли? Со временъ Франциска I донынѣ Художества цвѣли въ Парижѣ какъ въ отчизнѣ своей. Замѣчу только, что у меня осталось въ памяти.

Напримѣръ: соборная церковь Богоматери, Notre Dame — зданіе готическое, огромное и почтенное своею древностію — наполнена картинами лучшихъ Французскихъ живописцевъ; но я, не говоря объ нихъ ни слова, опишу вамъ единственно памятникъ супружеской любви, сооруженный тамъ новою Артемизою. Графиня д'Аркуръ, потерявъ супруга, хотѣла посредствомъ сего мавзолея, изваяннаго Пигалемъ, оставить долговременную память своей нѣжности и печали. Ангелъ одною ру-

кою снимаетъ камень съ могилы д'Аркура, а другою держитъ свѣтильникъ, чтобы снова воспламенить въ немъ искру жизни. Супругъ, оживленный благотворною теплотою, хочетъ встать, и слабую руку простираетъ въ милой супругѣ, которая бросается въ его объятія. Но смерть неумолимая стоитъ за д'Аркуромъ, указываетъ на свой песокъ, и даетъ знать, что время жизни прошло! Ангелъ гаситъ свѣтильникъ.... Сказываютъ, что нѣжная Графиня, безпрестанно оплакивая кончину любезнаго, видѣла точно такой сонъ: Художникъ изобразилъ его по ея описанію — и никогда рѣзецъ Пигалевъ не дѣйствовалъ на мое чувство такъ сильно, какъ въ семъ трогательномъ, меланхолическомъ представленіи. Я увѣренъ, что сердце его участвовало въ работѣ.

Тутъ же видѣлъ я грубую статую Короля Филиппа Валуа. Побѣдивъ непріятелей, онъ въѣхалъ верхомъ въ соборную Парижскую церковь. Художникъ такъ и представилъ его: на лошади, съ мечемъ въ рукѣ — не много уваженія къ святынѣ храма!

Въ Сорбонскую церковь ходятъ всѣ удивляться искусству ваятеля Жирардона. На монументѣ, въ древнемъ вкусѣ, представленъ Кардиналъ Ришелье; умирая въ объятіяхъ Религіи, онъ кладетъ правую руку на сердце, а въ лѣвой держитъ духовныя свои творенія. Наука, въ видѣ молодой женщины, рыдаетъ у ногъ его. — Говорятъ, что Петръ Великій, смотря на сей памятникъ, сказалъ внуку Кардинала, Герцогу Ришелье: *Твой дядѣ былъ велачай-*

шій изъ Министровъ; хотдалъ бы половину своего Государства за то, чтобы научили меня править другою, какъ онъ правилъ Франціею. Не вѣрю этому анекдоту; или Государь нашъ не зналъ всѣхъ злодѣйствъ Кардинала, хитраго Министра, но свирѣпаго человѣка, врага непримиримаго, хвастливаго покровителя Наукъ, по завистника и гонителя великихъ дарованій. Я представилъ бы Кардинала не съ Христіанскою, святою Религіею, а съ чудовищемъ, которое называется Политикою, и которое описываетъ Вольтеръ въ Гепріадѣ:

Дщерь гордости властолюбивой,
Обмановъ и коварства мать,
Всѣ виды можетъ принимать:
Казаться мирною, правдивой,
Покойною въ опасный часъ;
Но сонъ во вѣки не смыкаетъ
Ея глубоко-впадшихъ глазъ,
Она трудится, вымышляетъ;
Печать у истины беретъ,
И взоры обольщаетъ ею;
За Небо будто возстаетъ,
Но адской злобою своею
Разить лишь собственныхъ враговъ.

Впрочемъ сей монументъ ваятельнаго искусства есть одинъ изъ лучшихъ въ Парижѣ.

Въ церкви Целестиновъ (des Célestins) есть придѣлъ Герцога Орлеанскаго, который напоминаетъ странное и несчастное приключеніе. Карлъ VI вздумалъ однажды для маскарада нарядиться Сатиромъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ придворныхъ. Герцогъ Орлеанской подошелъ къ нимъ съ факеломъ, и нечаянно зажегъ мохватою платье на одномъ изъ нихъ. Къ несчастію, они были связаны цѣпочкою другъ съ другомъ, и не могли скоро распутаться: огонь разлился, обхватилъ ихъ, и въ нѣсколько минутъ почти всѣ сгорѣли. Король спасенъ былъ Герцогинею де Берри, которая бросила на него свою мантилью, и затушила пламя. Герцогъ, чтобы загладить свою бѣдственную неосторожность, соорудилъ великолѣпный алтарь въ церкви Целестиновъ. — Тамъ много картинъ и памятниковъ; между прочимъ монументъ Леона, Царя Армянскаго, который будучи выгнанъ изъ земли своею Турками, умеръ въ Парижѣ въ 1393 году. Фруасаръ, современнѣйшій Историкъ, говоритъ объ немъ слѣдующее: «Лишенный трона, сохранилъ онъ царскія добродѣтели, «и еще прибавилъ къ нимъ новую: великодушное «терпѣніе; съ благодѣтелемъ своимъ, Карломъ VI, «обходился какъ съ другомъ, не забывая собственнаго царскаго сана; а смерть Леонова была достойна жизни его.» — Близъ гробницы несчастнаго Царя, въ готическомъ нишѣ, нѣжная дочь соорудила памятникъ нѣжной матери. Черная мраморная урна стоитъ на бѣлой колоннѣ, съ надписью: «Будучи другомъ дѣтей своихъ, она за-

«ставляла ихъ плакать.... только отъ благодарно-
«сти; скромность ея даже удивлялась необыкно-
«венной любви нашей» (прекрасная черта!) «Да
«будетъ сей памятникъ священъ для добрыхъ и
«чувствительныхъ сердецъ! Здѣсь погребена Ма-
«рія Гокаръ, Графиня де Коссе, умершая 29 Сен-
«тября 1779 году.» — Подлѣ трогательной надпи-
си видите вы смѣшную, надъ гробомъ рыцаря
Бриссака. Вотъ она: «Что я? мертвой или живой?
Мертвой: нѣтъ, живой. Ты спросишь: почему, отвѣ-
«чаю: потому что имя мое вездѣ шумитъ, вездѣ гре-
«митъ (*mon nom court et bruite en tous lieux*).» — Въ
сей же церкви стоитъ славная Пилоновая группа,
три нагія Граціи, одна другой лучше, и все прекрас-
ныя; но не странно ли видѣть языческихъ богинь
въ храмѣ истиннаго Бога? Такъ угодно было Ка-
теринѣ Медицисѣ. Она велѣла заключить сердце
свое въ одну урну съ сердцемъ Гевриха II, и по-
ставить ее на голову Граціямъ. Чудная мысль!

Въ церкви Св. Кома погребенъ нѣкто Трульякъ,
рогатой человѣкъ. Онъ былъ представленъ за чу-
до Генриху IV, который подарилъ его своему ко-
нюшему; а конюшій показывалъ его за деньги на-
роду. Сей бѣдный Сатиръ крайне оскорблялся сво-
имъ уродствомъ и умеръ съ горя. На гробѣ его
вырѣзали эпитафію такого содержанія:

Здѣсь погребенъ Трульякъ. Не будучи женатъ,
Сей жалкой человѣкъ (о диво!) былъ рогатъ !

=

Въ церкви Св. Стефана, которой странная архитектура представляетъ вамъ соединеніе Греческаго вкуса съ готическимъ, найдете вы гробъ нѣжнаго Расина безъ всякой эпитафіи; но его имя напоминаетъ лучшія произведенія Французской Мельпомены—и довольно. Тутъ же погребенъ Паскаль (Философъ, Теологъ, остроумный Авторъ, котораго Провинціальныя письма донынѣ ставятся въ примѣръ хорошаго Французскаго слога); Турпфоръ, славный Ботанистъ и путешественникъ; Тонье, искусный Медикъ (котораго эпитафія говоритъ: *Теперь только, смертные, страшитесь смерти: ибо Тонье умеръ и васъ лечить не кому*), и живописецъ ле-Сюеръ, прозванный Французскимъ Рафаэлемъ: предметъ зависти и даже злобы другихъ современныхъ живописцовъ! На примѣръ ле-Брюнъ не могъ равнодушно слышать, чтобы говорили о ле-Сюеровыхъ картинахъ, и видя его при послѣднемъ издыханіи, сказалъ: *теперь гора свалится у меня съ плечъ, и смерть этого человека вынетъ занозу изъ моего сердца!* Въ другое время, смотря на ле-Сюерову картину, и думая, что его никто не слышитъ, ле-Брюнъ шепталъ: *прекрасно! удивительно! несравненно!* Горестно

слышать такіе черныя анекдоты о великихъ Артистахъ; и какъ я люблю живописца Магдалины, такъ гнушаюсь врагомъ ле-Сюеровымъ.

Въ церкви Св. Евстафія погребенъ Кольберъ. Памятникъ достоинъ его памяти. Онъ изображенъ на колѣняхъ, на черной мраморной гробницѣ, передъ Ангеломъ, держащимъ разогнутую книгу. Изобиліе и Религія, въ видѣ женщинъ, стоятъ подлѣ. Великій Министръ; слава Франціи и Людовика XIV! Онъ служилъ Королю, стараясь умножать его доходы и силы; служилъ народу, стараясь обогатить его посредствомъ разныхъ выгодныхъ заведеній и торговли; служилъ человѣчеству, способствуя быстрымъ успѣхамъ Наукъ, полезныхъ Искусствъ и Словесности, не только во Франціи, но и въ другихъ земляхъ. Побѣдоносныя Лудовиковы флоты, какъ будто бы словомъ: *да будетъ!* сотворенныя; лучшія Французскія мануфактуры; Лангедокской каналъ, соединяющій Средиземное море съ Океаномъ, именитыя торговыя общества: Индейское, Американское — и почти всѣ Академіи остались монументами его незабвеннаго правленія. Можно смѣло сказать, что Кольберъ былъ первымъ Министромъ въ свѣтѣ; ищу въ мысляхъ, и не нахожу другаго, ни столь мудраго, ни столь счастливаго въ своихъ предпріятіяхъ (второе бы

ло конечно слѣдствіемъ перваго) — и слава его Министерства прославила царствованіе Лудовика XIV. Вотъ предметъ, достойный соревнованія всѣхъ Министровъ! И всякому изъ нихъ должно имѣть въ кабинетѣ портретъ Кольбертовъ, чтобы смотрѣть на него и не забывать великихъ своихъ обязанностей. — Но какой Министръ можетъ удовольствоваться всѣхъ людей? Одинъ изъ недовольныхъ Кольбертомъ написалъ на его статуѣ: *res ridenda nimis, vir inexorabilis orat!* т. е. *какъ смѣшно видѣть моленіе неумолимаго челоука*. *

Въ Аббатствѣ Св. Женевьевы хранится прахъ Декартовъ, перевезенный изъ Стокгольма черезъ 17 лѣтъ послѣ смерти Философа. Нѣтъ памятника! Эпитафія говоритъ, что онъ былъ первымъ мудрецомъ своего вѣка — и справедливо. Философія прежде его состояла въ одномъ школьномъ пустословіи. Декартъ сказалъ, что она должна быть Наукою Природы и челоука; взглянулъ на вселенную глазами мудреца, и предложилъ новую, остроумную систему, которая все изъясняетъ — и самое неизъяснимое; во многомъ ошибся, но своими ошибками направилъ на путь истины Англійскихъ и Нѣмецкихъ Философовъ; заблуждался въ лабиринтѣ, но бросилъ нить Аріадны Невтону и Лейбницу; не во всемъ достоинъ вѣры, но всегда достоинъ удивленія; всегда великъ, и своею Метафизикою, своимъ правоученіемъ возвеличиваетъ

* Онъ представленъ на гробницѣ молящимся.

санъ челоѡка, убѣдительно доказывая бытіе Творца, чистую безтѣлесность души, святость добродѣтели. Я не давно читалъ слѣдующее сравненіе между Декартомъ и Невтономъ: «Они равны «вымысломъ или духомъ изобрѣтенія; первый бы- «стрѣе, высокопарнѣе: второй глубокомысленнѣе. «Таковъ характеръ Французовъ и Англичанъ; умъ «первыхъ строитъ въ вышину, послѣднихъ углуб- «ляется въ основаніе. Оба Философа хотѣли соз- «дать міръ, подобно какъ Александръ хотѣлъ за- «воевать его; оба безсмертны, оба велики въ по- «нятіяхъ своихъ о Натурѣ.»

Въ томъ же Аббатствѣ взглянулъ я на гробни- цу Кловиса (завоевателя Галліи перваго Царя Французовъ), на изображеніе Рима (en relief), въ которомъ видны всѣ улицы, всѣ большія зданія; на Библіотеку и на собраніе Египетскихъ, Этрус- скихъ, Греческихъ, Римскихъ и Гальскихъ рѣдко- стей.

Новая церковь Святой Женевьевы величествен- на и прекрасна. Знатки Архитектуры особливо хвалятъ фронтонъ, въ которомъ смѣлость готиче- ская соединена съ красотою Греческою. Наруж- ность и внутренность Коринѣическаго Ордена; послѣдняя не совсѣмъ еще отдѣлана.

Въ Аббатствѣ Св. Виктора хранятся древніе манускрипты; между прочими Библія въ рукопи-

си девятого вѣка, и Алькоранъ самый вѣрный: что засвидѣтельствовано Турецкимъ Посломъ, который съ великимъ благоговѣніемъ читалъ и цѣловалъ его.

Въ Королевскомъ Аббатствѣ, гдѣ все богато и великолѣпно, всего лучше внутренность купола, расписанная водяными красками Миньяромъ; знатоки называютъ ее совершенствомъ. Мольеръ сочинилъ Поэму въ честь Миньяра. Жаль, что краски уже теряютъ свою живость.

Въ церкви Св. Андрея сооруженъ памятникъ Аббату Баттё, наставнику Авторовъ, котораго за два года передъ симъ читалъ я съ любезнымъ Агатономъ, вникая въ истину его правилъ и разбирая красоты его примѣровъ. Монументъ правится своею простотою; на колоннѣ стоитъ урна съ медальйономъ умершаго, и съ милою надписью: *amicus amico, другъ другу*. — Тутъ же видѣлъ я одну старинную Французскую эпитафію въ стихахъ, которая содержитъ въ себѣ исторію Матвѣя Шартъё, *добраго чловѣка*, и которая мнѣ очень понравилась. На примѣръ: «Онъ вѣрилъ Бо-
«гу, Христіанству, безсмертію, добродѣтели; не
«вѣрилъ лицемѣрамъ суевѣрія и шастію порока;
«жилъ 50 лѣтъ съ женою своею, и всякой насту-
«пающій годъ желалъ провести съ нею какъ ми-
«нувшій; любилъ въ будни работу, а въ праздникъ
«гостей; училъ добру дѣтей своихъ, иногда умны-
«ми словами, а чаще примѣромъ. Миѣніе и свидѣ-
«тельство его уважалось во всемъ околѣдѣ, и лю-
«ди говорили: такъ сказалъ Матвѣй Шартъё, доб-

«*рый человекъ! Прохожій! не удивись, что гробница его сдѣлана не изъ Паросскаго мрамора, и не украшена Фригійскою работою; богатые памятники нужны для тѣхъ, которые жизнью и дѣлами не оставили по себѣ доброй памяти; имя Матвѣя Шертъё есть и будетъ живымъ его мопументомъ. 1559.*»

Въ храмѣ Бенедиктиновъ погребенъ изгнанникъ Іаковъ II. Онъ велѣлъ схоронить себя безъ всякой пышности и на гробѣ написать только: *ci-git Jacques II, Roi de la Grande Bretagne*. Король самый несчастливѣйшій, потому что никто не жалѣлъ о его несчастіи!

Церковь Кармелитовъ достойна примѣчанія богатымъ монументомъ, сооруженнымъ въ ней господами Буллене отцу и матери ихъ; но Исторія Кармелитовъ, изданная на Латинскомъ языкѣ, еще достойнѣе примѣчанія. Авторъ утверждаетъ что не только всѣ славнѣйшіе Христіане, но и самые язычники: Пифагоръ, Нума Помпилій, Зороастръ, Друиды, были монахи Кармелитскаго Ордена. Имя его происходитъ отъ Сирійской горы Кармель гдѣ жили благочестивые пустынники, первые основатели Кармелитскаго собратства.

Въ церкви Св. Жермена погребенъ Французской Горацій, Малербъ, о которомъ сказалъ Буало, что онъ первый узналъ тайную силу каждаго слова, поставленнаго на своемъ мѣстѣ. По сіе время можно читать съ великимъ удовольствіемъ Оды его, и всѣ знаютъ наизусть прекрасную строфу:

La mort a des rigueurs à nulle autre pareilles;

On a beaul a prier:

La cruelle qu'elle est, se bouche les oreilles,

Et nous laisse crier.

Le pauvre en sa cabane, où le chaume le couvre,

Est sujet à ses loix,

Et la garde qui veille aux barrières du Louvre,

N'en défend point nos Rois.

Тутъ же погребены мужъ и жена Дасье, которыхъ соединила законнымъ образомъ любовь..... къ Греческому языку; которые въ ученомъ супружествѣ своемъ ласкали другъ друга Греческими именами, и тогда бывали веселы, тогда были счастливы, когда находили новую красоту въ стихѣ Гомеровомъ. О варварство! о неблагодарность! на гробѣ ихъ нѣтъ Греческой надписи!!

Кенотафъ Графа Келюса, въ одномъ изъ приделовъ Св. Жерменя, сдѣланъ изъ самаго лучшаго порфира. Графъ берегъ его долгое время для своей гробницы. Человѣкъ, который для успѣховъ Искусства не жалѣлъ ни трудовъ, ни имѣнія, ни самой жизни, достоинъ такого кенотафа. Слѣдующій анекдотъ доказываетъ удивительную страсть его. Будучи въ Смирнѣ, онъ хотѣлъ видѣть развалины Эфеса, близъ которыхъ жилъ тогда разбойникъ Каракаяли, ужасъ всѣхъ путешественниковъ. Чтожъ сдѣлалъ неустрашимый Графъ? Сыскалъ двухъ разбойниковъ изъ шайки Каракаяли, и нанялъ ихъ себѣ въ проводники, съ тѣмъ, чтобы заплатить имъ деньги по возвращеніи въ Смирну; надѣлъ самое простое платье, не взялъ съ со-

бою ничего, кромѣ бумаги съ карандашемъ, и прямо съ своими вожатыми явился къ атаману воровъ, который, узнавъ о намѣреніи его видѣть древности, похвалилъ такое любопытство; сказалъ, что не далеко отъ его стана есть другія прекрасныя развалины; далъ ему двухъ Арабскихъ скакуновъ, чтобы ѣхать туда — и Графъ черезъ нѣсколько минутъ очутился на развалинахъ Колофона; осмотрѣвъ ихъ, возвратился вочевать къ разбойнику, и на другой день видѣлъ то мѣсто, гдѣ былъ нѣкогда городъ Эфесъ. — Келюсъ издалъ множество книгъ: Собраніе древностей, Предметы для живописи и ваянія, Картины изъ Горема и Виргилія, Сказки, и проч.

Церковь Св. Илера обогрилась нѣкогда кровію двухъ живописцевъ. Одинъ изъ нихъ изобразилъ тамъ Адама и Еву въ земномъ раю. Другой, смотря на его картину, сказалъ: «Новорожденный «младенецъ бываетъ связанъ съ матерью посредствомъ тонкихъ жилъ, которыя, будучи перерѣзаны, образуютъ у него пупокъ. Адамъ и Ева не «родились, но были вдругъ сотворены; слѣдственно ты глупецъ, изобразивъ ихъ съ пупкомъ, котораго они имѣть не могли.» — Оскорбленный живописецъ выхватилъ шпагу; начался поединокъ — и безумцевъ на силу розняли.

Прахъ великаго (какъ называютъ Французы) Корцеля похоненъ въ церкви Св. Рока, безъ мавзолея, безъ эпитафій. Тутъ погребена и нѣжная Дезульеръ, которой имя напоминаетъ вамъ

Берега кристальныхъ рѣчекъ,
Кроткихъ, мнленькихъ овечекъ,
И собачку подлѣ нихъ.

Посошокъ, вѣнокъ, сплетенный изъ луговыхъ цвѣтовъ, и свирѣль, лучше всего украсили бы ея могилу. — Тутъ и гробъ ле-Нотра, творца великолѣпныхъ садовъ, передъ которыми древніе сады Гесперидскіе не что иное, какъ сельскіе огороды. Надъ гробомъ стоитъ бюстъ его: лице благородное и важное. Таковъ былъ и характеръ Артиста. Когда онъ предлагалъ Лудовику XIV планъ Версальскихъ садовъ, рассказывая, гдѣ чему быть, и какое дѣйствіе должна произвести всякая его идея, Король, восхищенный такимъ богатымъ воображеніемъ, нѣсколько разъ перерывалъ его описаніе, говоря: *Ле-Нотръ!* за эту выдумку даю тебѣ 20,000 ливровъ. Наконецъ безкорыстный и гордый художникъ разсердился и сказалъ ему: *Ваше Величество! я замолчу, чтобы не разорить васъ.*

За послѣднимъ алтаремъ сей церкви, подъ низкимъ сводомъ, въ блѣдномъ мерцаніи свѣта, возвышается дикая скала: тутъ Спаситель на крестѣ; у ногъ Его Магдалина. На правой сторонѣ видите спящихъ воиновъ, на лѣвой сломленные деревья, между которыми ползетъ змѣя. Подъ горою голубой мраморной жертвенникъ, въ образѣ древней гробницы; на немъ стоятъ двѣ урны, въ которыхъ дымится ошмѣамъ. Все вмѣстѣ слабо освѣщено черезъ отверстіе вверху, и составляетъ неизъяс-

нимо - трогательное зрѣлище. Сердце чувствуетъ благоговѣніе, и колѣна сами собою преклоняются. — Похвалите Фальконета: вы видите произведеніе рѣзца его.

Въ церкви Св. Северина списалъ я слѣдующія стихи, вырѣзанные надъ темнымъ коридоромъ ея кладбища, и служащіе примѣромъ игры словъ:

Passant! penses-tu pas passer par ce passage,

Où pensant j'ai passé?

Si tu n'y penses pas, passant! tu n'es pas sage,

Car en n'y pensant pas tu te verras passer.

=

Парижъ, Іюль. ..

Госпожа Гло* сказала мнѣ: «Послѣ-завтра будетъ у насъ чтеніе. Аббатъ Д* привезетъ мысли «о любви, сочиненіе сестры его, Маркизы Л*. C'est «plein de profondeur, à ce qu'on dit. Авторъ также «будетъ у меня, но только *инкогнито*. Если хотите узнать остроуміе и глубокомысліе здѣшнихъ Дамъ, то приходите.» — Какъ не притти? Я пожертвовалъ спектаклемъ, и въ 8 часовъ явился. Хозяйка сидѣла на Вольтеровскихъ креслахъ; вокругъ нее пять или шесть Кавалеровъ вели шумной разговоръ; на софѣ два Аббата занимали своею любезностію трехъ Дамъ; по угламъ комнаты было еще разсѣяно нѣсколько группъ, такъ что общество состояло изъ 25 или 30 человекъ. Въ

9 часовъ хозяйка вызвала Аббата Д* на сцену. Всѣ окружили софу. Чтецъ вынулъ изъ кармана розовую тетрадку, сказалъ что-то забавное и началъ.... Жаль, что я не могу отъ слова до слова пересказать вамъ мыслей Автора! Однакожь можете судить о достоинствахъ и тонѣ сочиненія по слѣдующимъ отрывкамъ, которые остались у меня въ памяти:

«Любовь есть кризисъ, рѣшительная минута жизни, съ трепетомъ ожидаемая сердцемъ. Занавѣсъ поднимается.... Онъ! она! восклицаетъ сердце, и теряетъ личность бытія своего. Таинственный Рокъ бросаетъ жребій въ урну: ты блаженъ! ты погибъ!»

«Все можно описать въ мірѣ, все, кромѣ страстной, героической любви; она есть символъ неба, которой на землѣ не изъясняется. Передъ нею исчезаетъ всякое величіе. Цесарь малодушенъ, Регуль слабъ.... въ сравненіи съ истиннымъ любовникомъ, который выше дѣйствія стихій, внѣ сферы мірскихъ желаній, гдѣ обыкновенныя души, какъ пылинки въ вихрѣ, носятся и вертятся. Дерзко назвать его полубогомъ — мы не язычники — но онъ не человѣкъ. Зороастръ изображаетъ Бога въ пламени; пламя добродѣтельной, героической любви достойнѣе всего окружать тронъ Всевышняго.»

«Монтанъ говоритъ: другъ мнѣ милъ для того, что онъ онъ; я милъ ему для того, что я я. Монтанъ говоритъ о любовникахъ — или слова его не имѣютъ смысла.»

«Прелести никогда не бываютъ основаніемъ
«страсти; она раждается внезапно отъ соосязанія
«двухъ вѣжныхъ душъ въ одномъ взорѣ, въ од-
«номъ словѣ; она есть не что иное, какъ симпа-
«тія, соединенія двухъ половинъ, которыя въ раз-
«лукѣ томпились.»

«Только одинъ разъ сгараютъ вещи; только
«одинъ разъ любитъ сердце.»

«Въ жизни чувствительныхъ бываютъ три эпо-
«хи: ожиданіе, забвеніе, воспоминаніе. Забвешіемъ
«называю восторгъ любви, который не можетъ
«быть продолжителенъ, для того, что мы не боги,
«и земля не Олимпъ. Любовь оставляетъ по себѣ
«милое воспоминаніе, которое уже не есть любовь;
«но мы, кажется, все еще любимъ человѣка, для
«того что вѣкогда обожали его. Намъ пріятно то
«мѣсто, гдѣ что нибудь пріятное съ нами случи-
«лось.»

«Человѣкъ, любящій славу, знатность, богат-
«ство, подобенъ тому, кто за веимѣніемъ Новой
«Элоизы читаетъ романъ дѣвицы Скюдери; за ве-
«имѣніемъ, говорю, или по дурному вкусу. На ди-
«комъ Паросскомъ мраморѣ нарастаетъ иногда
«довольно пріятная зелень; но можно ли сравнить
«ее съ видомъ того мрамора, который представ-
«ляетъ Фидіасову Венеру? Вотъ его истинное
«опредѣленіе (destination), подобно какъ опредѣле-
«ніе сердца есть любовь.»

«Одинъ великій музыкантъ сказалъ, что бла-
«женство небесной жизни должно состоять въ

«гармоніи; нѣжныя души увѣрены, что оно будетъ состоять въ любви.»

«Я не знаю, естьли атеисты; но знаю, что любовники не могутъ быть атеистами. Взоръ съ милаго предмета невольно обращается на небо. Кто любилъ, тотъ понимаетъ меня.»

Слушатели при всякой фразѣ говорили: *браво! c'est beau, c'est ingénieux, sublime*; а я думалъ: *хорошо, изрядно, высокопарно, темно, и совсѣмъ не женской языкъ!* Глаза мои искали Автора. Черноволосая Дама, лѣтъ въ 30, сидѣла всѣхъ далѣе отъ Аббата, не слушала, развертывала книги, ноты на клавесинѣ: не трудно было угадать въ ней сочинительницу. Хозяйка сказала: «я не знаю Автора, а хотѣла бы поцѣловать его» — сказала, и съ великою нѣжностію обняла Маркизу Л*. Всѣ захопали. Черезъ минуту поставили два стола; три Дамы и пять Кавалеровъ сѣли играть въ карты; а другіе, сидя и стоя, слушали Аббата Д*, который съ великою строгостію судилъ главныхъ Французскихъ Авторовъ. «Вольтеръ (говорилъ онъ) писалъ единственно для своего времени, и всѣхъ другихъ пользовался настоящимъ расположеніемъ умовъ; но достоинство его съ переменною обстоятельствомъ необходимо должно теряться. Будучи жаденъ къ мнпутной славѣ, онъ боялся отдѣлиться разумомъ отъ современниковъ, боялся далеко опередить ихъ, чтобы не сдѣлаться темнымъ, невразумительнымъ; хотѣлъ за каждую строку немедленнаго награжденія, и для того искалъ единственно лучшаго выраже-

«нія, лучшаго оборота для идей обыкновенныхъ;
«бралъ изъ чужихъ магазиновъ, работалъ на-
«чисто, не занимаясь изобрѣтеніемъ, не думая о
«собраіи новыхъ матеріаловъ. Онъ былъ совер-
«шенный Эпикуреецъ въ умѣ, не мыслилъ о по-
«томствѣ, не вѣрилъ безсмертію славы; не са-
«жалъ кедровъ, а сѣялъ одни цвѣты, изъ кото-
«рыхъ уже многіе завяли въ глазахъ нашихъ — а
«мы еще современники Вольтеровы! Что же бу-
«детъ черезъ сто лѣтъ? Насмѣшки его надъ раз-
«ными суевѣрными мнѣніями, надъ разными фи-
«лософскими системами, могутъ ли производить
«сильное дѣйствіе тогда, когда мнѣнія и системы
«перемѣнятся?» А его трагедіи? сказалъ я. —
«— Онѣ въ совершенствѣ уступаютъ Расиновымъ,
«отвѣчалъ Аббатъ: въ слогѣ ихъ нѣтъ чистоты,
«плавности, сладкаго краснорѣчія творца Федры
«и Андромахи; но много смѣлыхъ идей, которыя
«теперь уже не кажутся смѣлыми; много такъ
«называемой Философіи, которая не принадлежитъ
«къ существу Драмы, а нравится партеру; много
«вкуса, а мало истинной чувствительности.» —
«Какъ! въ Заирѣ мало чувствительности? — «Да,
«я берусь доказать, что въ Заирѣ нѣтъ ни одной
«нѣжной мысли, которой бы не нашлось въ са-
«момъ обыкновенномъ романѣ. Достоинство Воль-
«терово состоитъ въ одномъ выраженіи; но ни-
«когда не найдете въ немъ жаркихъ изліяній чув-
«ства, сильныхъ стремленій сердца, de grands de
«beaux élans de sensibilité, какъ напримѣръ въ
«Федрѣ.» — И такъ Расинъ великой Трагикъ по

вашему мнѣнію? — «Великій Писатель, Стихо-
«творецъ, а не Трагикъ. Нѣжная душа его никог-
«да не могла принять въ себя трагическаго ужа-
«са. Онъ писалъ драматическія Элегіи, а не Тра-
«гедіи; но въ нихъ много чувства, слогъ несрав-
«ненный, краснорѣчіе живое, отъ полноты серд-
«ца; его можно назвать *совершеннымъ*, и до конца
«*вселенной* самою лучшею похвалою Французскихъ
«стиховъ будетъ: *они похожи на Расиновы!* Но
«имѣя даръ *цвѣтитъ* нѣжное чувство, совсѣмъ не
«имѣлъ онъ таланта изображать ужасное или герои-
«ческое. Расинъ не представилъ на сценѣ ни одного
«сильнаго характера; въ трагедіяхъ его слышимъ
«великія имена, а не видимъ ни одного великаго
«человѣка, какъ напримѣръ въ Корнелѣ.» — И
такъ вы отдаете вѣнецъ Корнелю? — «Онъ до-
«стоинъ былъ родиться Римляниномъ, изображалъ
«великое, какъ *свое собственное*; Герои его дѣй-
«ствительно Герои; но сильный слогъ его часто сла-
«бѣетъ, унижается, оскорбляетъ вкусъ; а нѣжно-
«сти Корнелевы почти всегда нестерпимы.» — Чтожь
«вы скажете о Кребилльонѣ? — «То, что онъ у-
«жаснѣе всѣхъ нашихъ Трагиковъ. Какъ Вольтеръ
«нравится, Расинъ плѣняетъ, Корнель возвеличи-
«ваетъ душу: такъ Кребилльонъ пугаетъ вообра-
«женіе; но варварскій слогъ его не достоинъ Мель-
«помены и нашего времени. Корнель не имѣлъ для
«себя образцевъ въ слогѣ, но часто служитъ самъ
«образцемъ: Кребилльонъ же имѣлъ дерзость по-
«слѣ Расина писать грубыми, дикими стихами, и
«доказалъ, что у него не было ни слуха, ни чув-

«ства для красотъ Стихотворства. Иногда проска-
«киваютъ въ его Трагедіяхъ хорошіе стихи, но
«какъ будто бы не парочно, безъ его вѣдома и со-
«гласія.»

Какой страшный Аристархъ! думалъ я: хоро-
шо, что у насъ въ Россіи вѣтъ такихъ грозныхъ
Критиковъ.

Мы сѣли ужинать въ 11 часовъ. Всѣ говорили,
но въ памяти у меня ничего не осталось. Фран-
цузскіе разговоры можно назвать бѣглымъ огнемъ:
такъ быстро летятъ слова одно за другимъ, и вни-
маніе едва успѣваетъ слѣдовать за ними.

Парижъ, Іюня....

Я получилъ отъ Госпожи Н* слѣдующую запис-
ку: «Сестра моя, Графиня Д*, которую вы у меня
«видѣли, желаетъ имѣть подробное свѣдѣніе о ва-
«шемъ отечествѣ. Нынѣшнія обстоятельства Фран-
«ціи таковы, что всякой изъ насъ долженъ гото-
«вить себѣ убѣжище гдѣ нибудь въ другой землѣ
«Прошу отвѣчать на прилагаемые вопросы: чѣмъ
«меня обяжете.» Я развернулъ большой листъ, на
которомъ подъ вопросами оставлено было мѣсто
для отвѣтовъ. Вотъ нѣчто для примѣра — раз-
смѣйтесь!

Вопросъ. Можно ли человѣку съ нѣжнымъ здо-
ровьемъ сносить жестокость вашего климата?

Отвѣтъ. Въ Россіи терпятъ отъ холода менѣе нежели въ Провансѣ. Въ теплыхъ комнатахъ, въ теплыхъ шубахъ, мы смѣемся надъ трескучимъ морозомъ. Въ Декабрѣ, въ Генварѣ, когда во Франціи небо мрачное и дождь льется рѣкою, красавицы наши, при яркомъ свѣтѣ солнца катаются въ саняхъ по снѣжнымъ брилліантамъ, и розы цвѣтутъ на ихъ лилейныхъ щекахъ. Ни въ какое время года Россіянки не бываютъ столь прелестны, какъ зимою; дѣйствіе холода свѣжитъ ихъ лица, и всякая, входя съ надворья въ комнату, кажется Флорою.

Вопросъ. Какое время въ году бываетъ у васъ пріятно?

Отвѣтъ. Всѣ четыре; но нигдѣ весна не имѣетъ столько прелестей, какъ въ Россіи. Бѣлая одежда зимы наконецъ утомляетъ зрѣніе; душа желаетъ переменъ, и звонкой голосъ жаворонка раздается на высотѣ воздушной. Сердца трепещутъ отъ удовольствія. Солнце быстрымъ дѣйствіемъ лучей своихъ растопляетъ снѣжные холмы; вода шумитъ съ горъ, и поселянинъ, какъ мореплаватель при концѣ Океана, радостно восклицаетъ: земля! Рѣки двуютъ на себѣ ледяныя оковы, пышно выливаются изъ береговъ, и самой маленькой ручеекъ кажется величественнымъ сыномъ моря. Блѣдные луга, упитанные благотворною влагою, пушатся свѣжею травкою и красятся лазоревыми цвѣтами. Березовыя рощи зеленѣютъ; за ними и дремучіе лѣса, при громкомъ гимнѣ веселыхъ птичекъ, одѣваются листьями, и Зефиръ всюду разноситъ благоуха-

ніе ароматной черемухи. Въ вашихъ климатахъ весна наступаетъ медленно, едва примѣтнымъ образомъ: у насъ мгновенно слетаетъ съ неба, и глазъ не успѣваетъ слѣдовать за ея быстрыми дѣйствіями. Ваша Природа кажется изнуренною, слабою: паша имѣетъ всю пламенную живость юности; едва пробуждаясь отъ зимняго сна, является во всемъ блескѣ красоты своей; и что у васъ зрѣетъ нѣсколько недѣль, то у насъ въ нѣсколько дней доходитъ до возможнаго растительнаго совершенства. Луга ваши желтѣютъ въ срединѣ лѣта; у насъ зелены до самой зимы. Въ ясные осенніе дни мы наслаждаемся Природою какъ другомъ, съ которымъ намъ должно разстаться на долгое время — и тѣмъ живѣе бываетъ наше удовольствіе. Наступаетъ зима — и сельской житель спѣшитъ въ городъ пользоваться обществомъ.

Вопросъ. Какія пріятности имѣетъ ваша общественная жизнь?

Отвѣтъ. Всѣ тѣ, которыми вы наслаждаетесь: спектакли, балы, ужины, карты и любезность вашего пола.

Вопросъ. Любятъ ли иностранцевъ въ Россіи? хорошо ли ихъ принимаютъ?

Отвѣтъ. Гостепріимство есть добродѣтель Русскихъ. Мы же благодарны иностранцамъ за просвѣщеніе, за множество умныхъ идей и пріятныхъ чувствъ, которые были неизвѣстны предкамъ нашимъ до связи съ другими Европейскими землями. Осылая гостей ласками, мы любимъ имъ доказы-

вать, что ученики едва ли уступаютъ учителямъ въ искусствѣ жить и съ людьми обходиться.

Вопросъ. Уважаете ли вы женщинъ?

Отвѣтъ. У насъ женщина на тронѣ. Слава и любовь, лавръ и роза, есть девизъ нашихъ рыцарей.

Угадайте, какой вопросъ теперь слѣдуетъ?...
Много ли дичи въ Россіи? «спрашиваетъ мужъ мой (прибавляетъ Графиня), страстный охотникъ стрѣлять.»

Я отвѣчалъ такъ, что провинціальный Графъ долженъ закричать *ружье! лошадей! въ Россію!*

Однимъ словомъ, если и мужъ и жена теперь не прискачутъ къ вамъ въ Москву, то не моя вина!

=

Парижъ, Іюль....

Наконецъ я рѣшился отказаться на нѣсколько времени отъ Спектаклей, чтобы осмотрѣть любопытныя Парижскія окрестности. Съ чего вачать? Безъ всякаго сомнѣнія съ Версаліп.

Въ 9 часовъ утра нашъ Посольской священникъ, Г. К*, Русской Артистъ съ великимъ талантомъ, и я пришли на берегъ Сены; сѣли на гальйотъ и поплыли мимо Елисейскихъ полей, Булонскаго лѣса, многихъ прелестныхъ загородныхъ домовъ и садовъ. На лѣвой сторонѣ возвышается замокъ Мёдонъ съ великолѣпною своею террасою (длинною во 150 сажень) и съ густымъ паркомъ. Опъ при-

надлежалъ откупщику Сервіею, Министру Лувуа, Лудовику XIV и Дофиу, который умеръ тамъ оспою въ 1711 году. Въ мѣстечкѣ Мёдонъ жилъ нѣкогда Францискъ Рабле, Авторъ романовъ Гаргантюа и Пантагрюель, наполненныхъ остроумными замыслами, гадкими описаніями, темными аллегоріями и нелѣпостію. Шестой-падесять вѣкъ удивлялся его знаніямъ, уму, шутовству. Бывъ нѣсколько времени худымъ монахомъ, Рабле сдѣлался хорошимъ Докторомъ, выпросилъ у Папы отпускную, и прославилъ Монпельерской Университетъ своими лекціями*; ѣздилъ въ Римъ пошутить надъ туфлемъ своего благодѣтеля, взялъ на себя должность приходскаго священника въ Мёдонѣ усердно врачевалъ тѣло и душу своей паствы, и писалъ романы, въ которыхъ простосердечный Лафонтенъ находилъ болѣе ума, нежели въ философскихъ трактатахъ, и которые безъ всякаго сомнѣнія подали Стерву мысль сочинить Тристрама Шанди. Рабле жилъ и умеръ шутя. За нѣсколько минутъ до смерти своей сказалъ онъ: «завѣсь опускается, комедія вся. Je vais chercher un grand peutêtre» Духовная его состояла въ слѣдующихъ словахъ: *ничего не имѣю; много долженъ; остальное бѣднымъ.* — Въ деревенькѣ Севѣ извѣ-

* Такъ что по сіе время въ память ему, на всякаго новопринимаемаго Доктора въ Монтпелье надѣваютъ Раблееву мантию, которая не рѣдко напоминаетъ басню осла во львиной кожѣ.

ствой въ цѣломъ свѣтъ по своей фарфоровой фабрикѣ (съ которою ни Саксонская, ни Берлинская не можетъ сравняться въ чистотѣ и въ живописи), мы позавтракали въ кофейномъ домѣ и отправились въ Версалию пѣшкомъ; видѣли на обѣихъ сторонахъ дороги прекрасные дома, сады, трактиры, и нечувствительно вошли въ Версальскія аллеи, *avenues de Versailles*, гдѣ открылся намъ дворецъ. . .

Лудовикъ XIV хотѣлъ сдѣлать чудо; велѣлъ — и среди пустыни, дикой, песчаной, явились Темпейскія долины и дворецъ, которому въ Европѣ нѣтъ подобнаго великолѣпіемъ.

Три двойныя аллеи, одна изъ Парижа, другая изъ Со, третья изъ Сен Клу, сходятся на площади, называемой *Place d'armes*, гдѣ возвышаются два огромныя зданія. Радуйтесь, если вы любите лошадей: это конюшни. Впереди прекрасная желѣзная рѣшетка; а по концамъ двѣ группы, которыя изображаютъ побѣды Франціи надъ Гишпаніею и Нѣмецкою Имперіею. Новая пристройка съ лѣвой стороны, для Королевской гвардіи, имѣетъ видъ палатокъ: хорошо само по себѣ, но разрушаетъ общую симметрію. За площадью передній дворъ (*avant-cour*) или дворъ Министровъ; у воротъ стоятъ двѣ группы, представляющія Изобиліе и Миръ, два главные предмета дѣла Министерскихъ. Прежде всего пошли мы въ придворную церковь, о которой Вольтеръ упоминаетъ въ описаніи Храма Вкуса:

Il n'a rien des défauts pompeux
De la chapelle de Versaille,
Ge colifichet fastueux
Qui du peuple éblouit les yeux,
Et dont le connoisseur se raille.

Однакожь многіе знатоки не такъ думаютъ, и вопреки Фернейскому насмѣшнику находятъ зданіе достойнымъ похвалы, какъ въ гармоніи цѣлаго, такъ и въ частныхъ украшеніяхъ. Въ церкви служили обѣдню, но никого не было, кромѣ монаховъ. Рѣзная работа и живопись прекрасны; вездѣ богатство, разсыпанное съ блескомъ и со вкусомъ. Между многими хорошими картинами замѣтилъ я Жувенетову, на которой изображенъ Св. Лудовикъ, Герой и Христіанинъ; побѣдивъ невѣрныхъ въ Египтѣ, онъ печется о раненыхъ и служитъ имъ. На одномъ изъ оltарей показываютъ, какъ великую драгоцѣнность, Распятіе изъ слоновой кости, вышиною въ 4 фута: даръ Августа II, Короля Польскаго. Изъ церкви прошли мы въ *Геркулесову залу*, которая огромна своимъ пространствомъ и великолѣпна украшеніемъ. Тутъ возвышаются 20 мраморныхъ Коринѳическихъ пиластровъ, съ жарко-вызолоченными капителями и базами; но главная красота залы есть плафонъ, расписанный на полотнѣ масляными красками живописцемъ Лемуаномъ, и представляющій Геркулесово боготвореніе (апoteозу): самая величайшая картина въ свѣтѣ! Расположеніе фигуры, выразительность, служатъ доказатель-

ствомъ Лемуанова Генія. Самые лучшіе живописцы ему удивляются. Тутъ же стоятъ двѣ славныя Веронезовы картины: Спаситель и Ревекка. Первая была собственностію Сервитскихъ монаховъ въ Венеціи, которые ни за что не хотѣли продать ее Лудовику XIV; но Сенатъ, узнавъ желаніе Короля, отнялъ у монаховъ картину и подарилъ ему. Даже и рамы достойны того, чтобы посмотриѣть на нихъ нѣсколько минутъ: прекрасная рѣзьба! — Залы Изобилія, Венерина, Діанина, Марсова, также всего болѣе достойны вниманія по своимъ живописнымъ плафонамъ. Во второй замѣтилъ я древнюю статую земледѣльца и Диктатора Цинцинната; въ третьей бюстъ Лудовика XIV; а въ четвертой удивлялись мы Лебрюневою *Даріевою фамиліи*, признанной всѣми знатоками за лучшую изъ картинъ его. Онъ писалъ ее въ Фонтенебло; Король всякой день ходилъ смотрѣть его работу и восхищался ею — что имѣло вліяніе на кисть художника. Рассказываютъ, что одинъ Италіянскій Предатъ не могъ отъ зависти видѣть этой картины, и всегда, будучи во дворцѣ, проходилъ мимо ее зажмуривъ глаза. Подлѣ Лебрюневой стоятъ Веронезова картина *Странники*, на которой живописецъ изобразилъ все свое семейство. Въ *Меркуріевой* залѣ были прежде двѣ Рафаэлевы картины: Архангелъ Михаилъ и *Святая фамилія*; но ихъ, къ нашему сожалѣнію, за чѣмъ-то сняли. Тутъ съ любопытствомъ разсматривали мы часы, сдѣланные въ началѣ нынѣшняго вѣка Мораномъ, который, подобно нашему

Кулыбину, никогда не бывалъ часовщикомъ. Всякой часъ два пѣтуха поютъ махая крыльями; въ ту же секунду выходятъ изъ маленькой дверцы двѣ бронзовыя фигуры съ тимпаномъ, по которому два Амура бьютъ всякую четверть стальнымъ молоточкомъ; въ серединѣ декораціи является статуя Людовика XIV, а сверху на облакѣ спускается богиня побѣдъ и держитъ корону надъ его головою; внутри играетъ музыка — и наконецъ вдругъ все исчезаетъ. — Въ Тронной, подъ великолѣпнымъ балдахномъ, стоитъ престолъ. «Вотъ первый тронъ въ свѣтѣ!» сказалъ чело-вѣкъ, который водилъ насъ по дворцу: былъ, разумѣю; но если Богъ не оставилъ Французовъ, то солнце Людовика XIV опять возсіяетъ здѣсь «во всей лучезарности!» — Черезъ залу войны, Salon de la Guerre, гдѣ кисть Лебрюнева вездѣ изобразила побѣды Франціи, вошли мы въ галерею, которая не даромъ названа большою: она длиною въ 37 сажень, вышиною 8. Противъ оконъ сдѣланы зеркальныя аркады, въ которыхъ самымъ прелестнымъ образомъ изображается садъ, зелень, игра воды. На плафонѣ представлена Лебрюнемъ, въ 27 аллегорическихъ картинахъ, Исторія Людовика въ первыя семь лѣтъ его царствованія. Четыре мраморныя колонны съ осмью пиластрами окружаютъ входъ съ обѣихъ сторонъ галлерей; между пиластрами, на мраморныхъ подножіяхъ, стоятъ древнія статуи: Бахусъ, Венера (найденная въ городѣ Арль), Весталка и Муза Урація: а въ серединѣ, въ четырехъ нишахъ, Гер-

манникъ, изваянный славнымъ Аѳинскимъ художникомъ Алькаменомъ; двѣ Венеры и Діана. — Въ залѣ мира живопись представляетъ Францію, сидящую на лазоревомъ шарѣ; Слава вѣнчаетъ ее; Амуры и Миръ соединяютъ голубей. На другой картинѣ Лудовикъ подаетъ масличную вѣтвь Европѣ. — Изъ мирной залы входъ въ Королевины комнаты.... Я вспомнилъ 4 Октября, ту ужасную ночь, въ которую прекрасная Марія, слыша у дверей своихъ грозный крикъ Парижскихъ варваровъ и стукъ оружія, спѣшила neodѣтая, съ распущенными волосами, укрыться въ объятіяхъ супруга отъ злобы тигровъ... Не скоро могъ я обратить глаза на украшеніе и живопись комнатъ. Тутъ все картины представляютъ славу и торжество женщинъ. Клеопатра подлѣ Антонія, готового броситься къ ногамъ ея; Царица Родопа смотритъ на пирамиду, сооруженную красотѣ ея; бессмертная Сафо играетъ на лирѣ; Аспазія говоритъ съ Аѳинскими мудрецами; Пенелопа распускаетъ коверъ; невинныя дѣвы приносятъ Юпитеру жертву на горѣ Идѣ — и славнѣйшія Царицы древности. — Въ Королевскихъ внутреннихъ комнатахъ замѣтили мы Рафаэлева Іоанна, нѣсколько Веронезовыхъ, Бассановыхъ картинъ, портреты Катерины Валуа, Маріи Медицизы, Франциска I (Рубежовой, Вандиковой, Тиціановой кисти), два древніе бюста, Сципіона Африканскаго (бронзовой съ серебряными глазами) и Александра великаго, порфировый; большіе астрономическіе часы, которые бьютъ секунды, показы-

вають мѣсяць, число, день недѣли, дѣйствіе холода и тепла на металлы, и круговращеніе планетъ съ такою вѣрностію, что во сто лѣтъ не могутъ сдѣлать ни малѣйшей розницы съ астрономическими таблицами. Лудовикъ XIV спалъ на высокой постелѣ, съ которой онъ видѣлъ, сквозь прямую аллею, весь Парижъ передъ собою. Въ маленькихъ комнатахъ, подлѣ Королевскаго кабинета, хранятся драгоцѣнные гравированные, древніе и новыя камни; между ими всего любопытнѣе такъ называемая *печать Микеля Анджела*, на которой изображено собираіе винограда. — Осмотрѣвъ театръ, достойный называться Королевскимъ, пошли мы искать обѣда.

Версалия безъ Двора какъ тѣло безъ души; опустѣла, уныла. Гдѣ прежде всякую минуту стучали кареты, тѣснился народъ, тамъ нынѣ едва встрѣтится человѣкъ: мертвая тишина и скука! Всякой житель казался мнѣ печальнымъ. Въ самомъ лучшемъ трактирѣ заставили насъ два часа ждать обѣда. Хозяйка въ оправданіе свое говорила: «Что дѣлать? Худыя времена, государи мои! несчастныя времена! Всѣ терпятъ! и вы потерпите!»

Утоливъ съ нуждою голодъ свой, торопимые мы видѣть сады и паркъ, которые въ окружности составляютъ верстъ пятьдесятъ.

Ничто не можетъ сравняться съ великолѣпнымъ видомъ дворца изъ саду; фасада его, вмѣстѣ съ флигелями, простирается на 300 сажень. Тутъ разсѣяны всѣ красоты, всѣ богатства архи-

тектуры и ваянія. Никто изъ Царей земныхъ, ни самый роскошный Соломонъ не имѣлъ такого жилища. Надобно видѣть: описать не возможно. Исчислять колонны, статуи, вазы, трофеи, не есть описывать. Огромность, совершенная гармонія частей, дѣйствіе цѣлаго: вотъ чего и самому живописцу не лѣзя изобразить кистию!

Пойдемъ въ сады, твореніе Лепотра, котораго смѣлый Гений вездѣ сажалъ на тронъ гордое Искусство, а смиренную Натуру, какъ бѣдную невольницу, повергалъ къ ногамъ его.

Къ великолѣпію Царя осуждены;
Мы требуемъ отъ нихъ огромности блестящей,
Во пзумленіе нашъ разумъ приводящей;
Какъ солнцемъ ею быть хотимъ ослѣплены.

И такъ не ищите Природы въ садахъ Версальскихъ; но здѣсь на всякомъ шагу Искусство плѣняетъ взоры; здѣсь царство кристальныхъ водъ, богини Скульптуры и Флоры, Партеры, цвѣтники, пруды, фонтаны, бассейны, лѣсочки, и между ими безчисленное множество статуй, группъ, вазъ, одна другой лучше, не привлекаютъ, а развлекаютъ вниманіе, такъ что вы не знаете, на что смотрѣть. Вотъ точно дѣйствіе, которое хотѣли произвести великій Царь и великій художникъ! Послѣдній безъ сомнѣнія не думалъ, чтобы любопытные зрители разбирали всякую красоту въ особенностяхъ: сколько времени надобно для такого дѣла? Мало и года! Нѣтъ, онъ воображалъ, что зритель, оки-

нувъ глазами часть несмѣтныхъ богатствъ, и воскликнувъ въ первую минуту: *великолепно!* умолкнетъ отъ изумленія, и не посмѣетъ болѣе хвалить. Я то и сдѣлалъ; въ чувствѣ моего ничтожества передвигалъ ноги; переносилъ взоры отъ предмета къ предмету, находилъ все совершеннымъ, и смиренно удивлялся. Лудовикъ XIV съ Ленотромъ запечатали мнѣ воображеніе, которое не можетъ тутъ ничего придумать, ничего представить иначе. Къ славѣ художника вспомнилъ я Тассово описаніе Армидиныхъ садовъ: какъ оно бѣдно въ сравненіи съ Версальскимъ! Тамъ эстампъ, здѣсь картина. А сколько разъ было сказано, что Художество не угоняется за Поэзіею? въ изобразеніи *сердца для сердца*, конечно; но во всемъ картинномъ для глазъ Поэтъ ученикъ Артиста, и долженъ трепетать, когда художникъ беретъ въ руки его сочиненіе.

Въ 1775 году Версальскій садъ претерпѣлъ страшное опустошеніе: безжалостная сѣкира подрубила всѣ густыя, высокія деревья, для того (говорятъ), что они начинали старѣться, и походили не на лѣсочки, а на лѣсъ. Стихотворецъ въ такихъ случаяхъ не принимаетъ никакихъ извиненій, и Делиль въ гармоническихъ стихахъ изъясняетъ свое негодованіе:

O Versailles, ô regrets, ô Bosquets ravissans,
Chef-d'oeuvre d'un grand Roi, de Lenotre et du tems!
Le hache est à vos pieds, et votre heure est venue!

«Исчезли, продолжаетъ онъ, исчезли вѣтвистыя
«старцы, которыхъ величественныя главы осѣ-
«няли священную главу Царя великаго! Увы! гдѣ
«прекрасныя рощи, въ которыхъ веселились Гра-
«ци?... Амуръ! Амуръ! гдѣ прелестныя сѣни, въ
«которыхъ нѣжно томилась гордая Монтеспанъ, и
«гдѣ милая, чувствительная Лавальеръ не нароч-
«но открыла тайну своего сердца щастливому лю-
«бовнику? Все исчезло, и перпатые Орфей, устра-
«шенныя стукомъ разрушенія, съ горестію летятъ
«изъ мирной обители, гдѣ столько лѣтъ въ присут-
«ствіи Царей пѣли они любовь свою! Боги, кото-
«рыми ваятельное художество населило сіи тѣ-
«нистые храмы; боги, вдругъ лишенные зеленаго
«покрова, тоскуютъ, и самая Венера въ первый
«разъ устыдилась наготы своей!... Растите, осѣ-
«няйте, юныя деревья; возвратите намъ пти-
«чекъ»...

Юныя деревья послушались стихотворца, разро-
слись, осѣнились — Венера не стыдится уже на-
готы своей — птички возвратились изъ горестной
ссылки, и снова поютъ любовь; но, ахъ! не въ при-
сутствіи Царей! Никто не слушаетъ теперь ихъ
пѣсень, кромѣ нѣкоторыхъ любопытныхъ ино-
странныхъ, приходящихъ иногда видѣть садъ Вер-
сальскій!

Одно названіе статуй, которыми украшаются
партеры, фонтаны, лѣсочки, аллеи, заняло бы нѣ-
сколько страницъ; тутъ собраны лучшія произве-
денія тридцати лучшихъ ваятелей. Упомяну толь-
ко о древнемъ, колоссальномъ Юпитерѣ славнаго

Греческаго художника Мирона, сдѣланномъ изъ Паросскаго мрамора. Маркъ-Антоній нашелъ его въ Самосѣ; Августъ поставилъ въ Капитоліи; Германикъ, Траянъ, Маркъ-Аврелій, приносили ему жертвы. Маргарита, Герцогиня Комаринская, подарила его Министру Карла V, Гранвелю, который украсилъ имъ Безансонской садъ свой. Наконецъ, по волѣ Лудовика XIV, Самосской колоссальный Юпитеръ шагнулъ въ Версалію. Я поклонился въ немъ не богу, а глубокой древности, и смотрѣлъ на него съ особеннымъ удовольствіемъ. Время и странствія лишили его ногъ; художникъ Друилли придѣлалъ ихъ; но мнѣ казалось, что древній Зевсъ не твердо стоитъ на новыхъ ногахъ.

Въ большомъ звѣринцѣ, въ красивыхъ павильонахъ, за желѣзными рѣшетками видѣлъ я множество звѣрей: львовъ, тигровъ, барсовъ и (что всего любопытнѣе) славнаго риноцероса, или носорога. Онъ менѣе слона, но гораздо болѣе всѣхъ другихъ животныхъ. Страшно смотрѣть на него и въ клѣткѣ: каково же встрѣтиться съ нимъ въ пустынь Африканской? Впрочемъ звѣри имѣютъ причину не любить насъ. Чего мы съ ними не дѣлаемъ? маленькая двуногая тварь садится верхомъ на огромнаго слона, стучитъ ему молотомъ въ голову, и править имъ какъ овечкою; величественнаго льва какъ суслика запираетъ въ клѣтку; окочавъ яростнаго тигра, дразнить его палкою и смѣется надъ его злобою; беретъ за рогъ носорога, и ведетъ изъ Египта въ Версалію. Многихъ

животныхъ называютъ хитрыми; но что ихъ хитрость противъ нашей?

Лудовикъ XIV хотя чрезмѣрно любилъ пышность, однакожь иногда скучалъ ею, и въ такомъ случаѣ изъ огромнаго дворца переселялся на нѣсколько дней въ Трианонъ, небольшой увеселительный домъ, построенный въ Версальскомъ паркѣ, въ одинъ этажъ, украшенный живописью, убранный со вкусомъ, и довольно просто. Передъ домомъ цвѣтники, бассейны, мраморныя группы.

Но мы спѣшили видѣть маленькой Трианонъ, о которомъ говоритъ Делиль:

Semblable à son auguste et jeune Dèité,
Trianon joint la grace avec la majesté.

Пріятные лѣсочки съ Англійскими цвѣтниками окружаютъ уединенный домикъ, Любезностію посвященный Любезности и тихимъ удовольствіямъ избраннаго общества. Тутъ не Королева, а только прекрасная Марія, какъ милая хозяйка, угощала друзей своихъ; тутъ въ низенькой галлерей, закрываемой отъ глазъ густою зеленью, бывали самыя пріятнѣйшіе ужины, концерты, пляски Грацій. Софы и кресла обиты собственною работою Маріи Антуанеты; розы, ею вышитыя, казались мнѣ прелестнѣе всѣхъ розъ Натуры. Садъ Трианона есть совершенство садовъ Англійскихъ; нигдѣ нѣтъ холодной симметріи; вездѣ пріятный безпорядокъ, простота и красоты сельскія. Вездѣ свободно играютъ воды, и цвѣтушіе берега ихъ

ждутъ, кажется, пастушки. Прелестный островъ является взору: тамъ, въ дикой густотѣ лѣска, возвышается храмъ Любви; тамъ искусный рѣзецъ Бушардоповъ изобразилъ Амура во всей его любезности. Нѣжный богъ ласковымъ взоромъ своимъ привѣтствуетъ входящихъ; въ чертахъ лица его не видно опасной хитрости, коварнаго лукавства. Художникъ представилъ любовь невинную и щастливую. — Иду далѣе; вижу маленькіе холмики, обработанныя поля, луга, стада, хижины, дикой гротъ. Послѣ великолѣпныхъ, утомительныхъ предметовъ Искусства нахожу Природу; снова нахожу самого себя, свое сердце и воображеніе; дышу легко, свободно; наслаждаюсь тихимъ вечеромъ; радуюсь заходящимъ солнцемъ... Мнѣ хотѣлось бы остановить, удержать его на лазурномъ сводѣ, чтобы долѣе быть въ прелестномъ Трианонѣ. Ночь наступаетъ.... Простите, мѣста любезныя! — Возвращаюсь въ Парижъ, бросаюсь на постелю и говорю самому себѣ: «я не видалъ ничего великолѣпнѣе Версальскаго дворца съ паркомъ, и милѣе Трианона съ его сельскими красотами!»

Парижъ, Іюль....

Я былъ пынѣшній день у Вальяна, славнаго Африканскаго путешественника; не засталъ хозяина

дома, однакожь видѣлъ его кабинетъ, и познакомился съ хозяйкою, пріятною женщиною, и до крайности говорливою. Вальянъ хотѣлъ съ Мыса Доброй надежды пробраться черезъ пустыни Африканскія до самаго Египта: глубокія рѣки, неизмѣримыя песчаныя степи, гдѣ вся Природа мертва и бездушна, заставили его возвратиться назадъ; но онъ во внутренности Африки былъ далѣе другихъ путешественниковъ. Весь Парижъ читаетъ теперь описаніе его романическаго странствія, въ которомъ Авторъ изображаетъ себя маленькимъ Тезеемъ, сражается съ чудовищами, и стрѣляетъ слоновъ какъ зайцевъ. Парижскія Дамы говорятъ: *il est vaillant, ce Monsieur de Vaillant!* Желая быть вторымъ Руссо, онъ ужаснымъ образомъ бранитъ просвѣщеніе, хвалитъ дикихъ, находитъ въ Кафріи милую для своего сердца, привлекательную Нериву; гоняется за нею какъ Аполлонъ за Дафною, прячетъ ея передникъ, когда она въ рѣкѣ купается; не можетъ нарадоваться невинностію смуглой красавицы; клянется самому себѣ не употреблять ее во зло, и хранитъ клятву. Вальянъ вывезъ изъ Африки нѣсколько звѣриныхъ кожъ, пернатыхъ чучель, Готтентонтскихъ орудій и матерію для двухъ большихъ томовъ. Слогъ его чистъ, выразителенъ, иногда живописенъ; и Госпожа Вальянъ съ гордымъ видомъ объявила мнѣ что въ послѣднія 15 лѣтъ Французская Литтература произвела только двѣ книги для безсмертія: Анахарсиса и путешествіе мужа ея. Оно прекрасно, сказалъ я: но читая его, удивляюсь, какъ можно

оставить милое семейство, отечество, всё пріятныя удобства Европейской жизни, и скитаться за океаномъ по неизвѣстнымъ степямъ, чтобы вѣрнѣе другихъ описать какую нибудь птичку. Теперь, видя васъ, еще болѣе удивляюсь. — «Видя меня?» — Имѣть такую любезную супругу, и добровольно съ нею разстаться! — «Государь мой! любопытство имѣетъ своихъ мучениковъ. Мы женщины созданы для неподвижности; а вы всё Калмыки—любите скитаться, искать Богъ знаетъ чего, и не думать о нашемъ безпокойствѣ.» — Я старался увѣрить Госпожу Вальянъ, что у насъ въ Россіи мужья гораздо нѣжнѣе, не любятъ разставаться съ женами, и твердятъ пословицу: *Донъ, Донъ, а лучше всего домъ!* — Она дозволила мнѣ притти къ ней въ другой разъ, чтобы познакомиться съ ея мужемъ, который опять собирается ѣхать въ Африку!

Деревня Отель, Іюня....

Я пришелъ сюда для того, чтобы видѣть домъ, въ которомъ Буало писалъ сатиры свои, веселился съ друзьями, и гдѣ Мольеръ спасъ жизнь всѣхъ лучшихъ Французскихъ Писателей тогдашняго времени. Помните ли этотъ забавный анекдотъ? Хозяинъ Расинъ, Лафонтенъ, Шапель Мольеръ, ужинали, пили, смѣялись, и наконецъ вздумали *Гераклитствовать*, оплакивать житейскія горести,

проклинять судьбу, находя, по словамъ одного Греческаго Софиста, что первое щастіе - есть . . . не родиться, а второе умереть какъ можно скорѣе. Буало, не теряя времени, предложилъ друзьямъ своимъ броситься въ рѣку. Сена была не далеко, и дѣти Аполлоновы, разгоряченные виномъ, вскочили, хотѣли бѣжать, летѣть въ объятія смерти. Одинъ благоразумный Мольеръ не всталъ съ мѣста и сказалъ имъ: «друзья! намѣреніе ваше похвально; но теперь ночь: никто не увидитъ греческаго конца Поэтовъ. Дождемся Феба, отца нашего; и тогда весь Парижъ будетъ свидѣтелемъ славной смерти дѣтей его!» Такая щастливая мысль всѣмъ полюбилась, и Шпель наливая рюмку, говорилъ: «правда, правда; утопимся завтра, а теперь допьемъ остальное вино!» — По смерти стихотворца Буало жилъ въ его домѣ придворный Медикъ Жандронъ. Вольтеръ, будучи у него въ гостяхъ, написалъ карандашемъ на стѣнѣ:

C'est ici le vrai Parnasse

Des vrais enfans d'Apollon:

Sous le nom de Boileau, ces lieux virent Horace,

Esculape y paroît sous celui de Gendron.

Теперь этотъ домъ принадлежитъ господиву... забылъ имя.

Деревенька Отель славилась некогда хорошимъ виномъ своимъ; но слава ея прошла: нынѣшнее Отельское вино никуда не годится. Я не могъ выпить рюмки. — Смеркается; спѣшу въ городъ.

Вселенная любовь иль страхъ,
Цари! что вы по смерти? ... прахъ!

То есть, я былъ въ Аббатствѣ Св. Діонисія, на кладбищѣ Французскихъ Царей, которые всѣ, въ глубокой тишинѣ, лежатъ другъ подлѣ друга: колѣно Меровеево, Карлово, Капетово, Валуа и Бурбонское. Я напрасно искалъ гробницы Ярославовой дочери, прекрасной Анны, супруги Генриха I, которая по смерти его вышла за Графа Крепи, и скончала дни свои въ Жанлизскомъ монастырѣ, ея основанномъ; другіе же Историки думаютъ, что она возвратилась въ Россію. Какъ бы то ни было, во ея кенотафа нѣтъ подлѣ монумента Генриха I. Вообразите чувство юной Россіянки, которая, оставляя свою милую отчизну и семейство, ѣдетъ въ чужую дальнюю землю, какъ въ темный лѣсъ, не зная тамъ никого, не разумѣя языка — чтобъ быть супругою неизвѣстнаго ей человѣка! ... Слѣдственно и тогда приносились горестныя жертвы Политикѣ! Анна должна была перемѣнить законъ, во время самыхъ жаркихъ раздоровъ Восточной и Западной Церкви: что очень удивительно. Генрихъ I заслуживалъ быть ея супругомъ; онъ славился мужествомъ и другими Царскими достоинствами. Любовь заключила второй брачный союзъ ея; но Анна не долго наслаждалась счастьемъ любви: Графъ Крепи былъ убитъ на поединкѣ однимъ Британскимъ рыцаремъ.

Я поклонился гробу Лудовика XII и Генриха IV. . . .

Великій человекъ достоинъ монумента,
Великій Государь достоинъ олтарей.

Гробъ Франциска I, прозваннаго *Отцемъ Искусствъ и Наукъ*, великолѣпно украшенъ благодарнымъ Художествомъ; но монументъ перваго изъ новыхъ военачальниковъ, Александра храбростию, Фабія благоразуміемъ — однимъ словомъ, Тюрена, всѣхъ другихъ достойнѣе примѣчанія. Герой кончается въ объятіяхъ Безсмертія, которое вѣнчаетъ его лаврами. Храбрость и Мудрость стоятъ подлѣ его гроба: одна въ ужасѣ, другая въ горестномъ изумленіи. Черная мраморная доска ждетъ эпитафіи: для чего не вырѣжутъ на ней слѣдующихъ стиховъ, не знаю кѣмъ сочиненныхъ:

Turenne a son tombeau parmi ceux de nos Rois;
Il obtint cet honneur par ses fameux exploits;
Louis voulut ainsi couronner sa vaillance,
Afin d'apprendre aux siècles d'avenir,
Qu'il ne met point de différence
Entre porter le sceptre et le bien soutenir.

Честь Франціи, Тюренъ,
Съ Царями погребенъ.
Симъ Лудовикъ его и въ гробъ награждаетъ,
Желая свѣту доказатьъ,
Что онъ единымъ почитаетъ,
На тронѣ быть, или тронъ славно защищать.

Я не буду говорить вамъ о странныхъ барельефахъ Дагобертовой гробницы, на которыхъ изображены дьяволы въ дракѣ, Св. Діонисій въ лодкѣ и Ангелы съ подсвѣчниками: мысль и работа достойны варварскихъ вѣковъ. Король Дагоберъ основалъ Діонисіево Аббатство. Не буду описывать вамъ и тамошняго сокровища, золотыхъ распятій, святыхъ гвоздей, рукъ, ногъ, волосовъ, лоскутьевъ, подаренныхъ Аббатству разными Королями и благочестивыми людьми. Замѣчу только вѣнецъ Карла Великаго, скипетръ и державу Генриха IV, мечъ Лудовика Святаго (которымъ онъ въ Африкѣ и въ Азіи рубилъ невѣрныхъ), портретъ такъ называемой Орлеанской дѣвственницы, славной Героини Вольтеровой Поэмы, и большую древнюю чашу, сдѣланную изъ восточнаго агата для Египетскаго Царя Птолемея Филадельфа, съ изображеніемъ Вакхова торжества.

Св. Діонисій, Патронъ Франціи, проповѣдывалъ въ Галліи Христіанство, и былъ казненъ злыми язычниками на Монмартрѣ. Католическія Легенды говорятъ, что онъ послѣ казни сталъ на ноги, взялъ въ руки отрубленную голову свою и шелъ съ нею версты четыре. Одна Парижская Дама, разсуждая о семъ чудѣ, сказала: *cela n'est pas surprenant; il n'y a que le premier qui conte.*

Парижъ, Юня....

Сколько разъ былъ я въ Булонскомъ лѣсу, не видавъ славной *Бездѣлки*! Сегодня видѣвъ ее, хвалилъ вкусъ хозяина, жалѣлъ о нынѣшней судьбѣ его. Вы догадаетесь, что я говорю о Булонскомъ увеселительномъ домѣ Графа д'Артуа, называемомъ *bagatelle*, и вспомните, что сказалъ объ немъ Делиль:

Et toi, d'un Prince aimable & l'asyle fidelle,
Dont le nom trop modeste est indigne de toi.
Lieu charmant! etc.

Въ концѣ лѣса, почти на самомъ берегу Сены, возвышается прекрасный павильонъ, съ золотою надписью на дверяхъ: *parva sed apta*; малъ, но покоенъ. У крыльца стоитъ мраморная Нимфа, и держитъ на головѣ корзину съ цвѣтами: въ эту корзину ставится ночью хрустальный фонарь для освѣщенія крыльца. Первая комната столовая, гдѣ изъ двухъ дельфиновъ бьетъ вода и льется въ обширной бассейнъ, окруженный зеленью; зеркала повторяютъ дѣйствіе фонтана. Оттуда входъ въ большую ротонду, украшенную стеклами, барельефами, арабесками и разными аллегорическими фигурами. Къ залѣ примыкаютъ два кабинета: баня и будуаръ, гдѣ все нѣжно и сладострастно. На картинахъ улыбается Любовь, а въ альковѣ кроются Восторги... не смѣю взглянуть на постелю. Въ верхнемъ этажѣ спальня бога Марса: вездѣ пики, каски, трофеи, знаки сраженій и побѣдъ: Но Масръ

дружень съ Кипридою: взгляните на право тутъ маленькой тайный кабинетъ, гдѣ представляются глазамъ знаки другаго роду сраженій и побѣдъ: Стыдливость умираетъ, Любовь торжествуетъ. Цвѣтъ дивана, креселъ и другихъ приборовъ, есть самый нѣжный тѣлесный; одни Амуры умѣютъ такъ красить. Подойдите къ окну: видъ прелестный! Теченіе Сены, Лоншанскій монастырь, мостъ Нёльи, образуютъ самой живописный ландшафтъ. — Наконецъ вы узнаете, что этотъ павильонъ есть въ самомъ дѣлѣ волшебный, будучи построенъ, отдѣланъ, убранъ въ пять недѣль: безъ волшебства такихъ чудесъ не дѣлается.

Отъ павильона идутъ двѣ аллеи, и примыкаютъ къ гранитному утесу, изъ котораго вытекаетъ ручей; за утесомъ пріятный лѣсокъ, посвященный *стыдливой Венерѣ*, à la *Venus pudique*; мраморный образъ ея стоитъ на высокомъ подпоясѣ. Тутъ начинается садъ Англійской, картина сельской Природы, въ иныхъ мѣстахъ дикой, угрюмой, въ другихъ обработанной и веселой. Прежде всего является глазамъ большой лугъ, окруженный лѣсомъ и маленькими холмиками; въ серединѣ свѣтлый прудъ, по которому вѣтеръ носить лодку. На лѣвой сторонѣ извивается тропинка, и приводитъ васъ къ *пустынь*; густыя деревья, перепутываясь своими вѣтвями, служатъ ей оградой. Видите маленькой домикъ, покрытый тростникомъ; въ немъ двѣ комнаты, обклеенныя мохомъ и листьями, кухня, нѣсколько деревянныхъ стульевъ, постеля. Тутъ въ самомъ дѣлѣ

жилъ когда-то пустынный, въ трудахъ и воздержаніи; любопытные приходили видѣть уединеннаго мудреца, и слушать его наставленія. Онъ съ презрѣніемъ говорилъ о свѣтѣ, называлъ его забавы адскими игрищами, женскую красоту примашкою Сатаны, а любовь (боюсь сказать) самымъ дьяволомъ. Купидонъ раздраженный такимъ дерзкимъ *Эротохуленіемъ*, рѣшился отмстить Анахорету, прострѣлилъ его насквозь своею кипарисною стрѣлою, и показалъ ему вдали сельскую красавицу, которая на берегу Сены рвала фіялки. Пустынный воспламенился; забылъ свое ученіе, свою густую бороду, и сдѣлался Селадомъ. Далѣе молчитъ исторія; но изустное преданіе говоритъ, что онъ былъ несчастливъ въ любви, и хотя обрѣлъ себѣ бороду, хотя обрѣзалъ длинное свое платье, но красавицѣ не могъ понравиться; съ отчаянія записался въ солдаты, дрался съ Англичанами, былъ раненъ и принятъ въ домъ Инвалидовъ, гдѣ Графъ д'Артуа давалъ ему сто ливровъ пенсіи. — Близъ домика часовня; поле, которое Анахоретъ обрабатывалъ, и ручей, которымъ онъ утолялъ свою жажду.

Вздыхнувъ о слабости человѣческой, иду далѣе, и вдругъ является передо мною высокой обелискъ, исписанный таинственными гіероглифами. Жаль, что Египетскіе жрецы не оставили мнѣ ключа своей науки; сказываютъ, что на сей пирамидѣ помѣщена вся ихъ мудрость. За обелискомъ по цвѣтущимъ лугамъ, извиваются тропинки, текутъ ручейки, возвышаются красивые мостики и па-

вильйоны. Одинъ изъ нихъ построенъ на скалѣ; всходъ неудобенъ, труденъ.... это павильонъ *Философiи*, которая не всякому дается. Видъ его снаружи не привлекателенъ, страшный, готическій: въ знакъ того, что *Философiя* мила только *Философамъ*, а другимъ кажется едва ли не сумазбродствомъ. Внутренность украшена медальйонами *Греческихъ мудрецовъ*; а разноцвѣтныя окончины представляютъ вамъ всякую вещь разноцвѣтною: эмблема несогласiя умовъ и мнѣнiй человеческихъ. Внизу павильона гротъ, куда лучи солнца проникаютъ сквозь разсѣлины камней, гдѣ собраны всѣ произведенiя минеральнаго царства. — Съ другой дикой скалы стремится большой каскадъ, шумитъ и вливается пѣною въ кристаллъ труда, котораго тихiя струи омывають въ одномъ мѣстѣ черную мраморную гробницу, обсаженную кипарисами: предметъ трогательный для всякаго, кто любилъ и терялъ милыхъ!

Ктожъ милыхъ не терялъ? Оставь холодный свѣтъ,
И горестъ раздѣлай съ унылыми древами,
Съ кристалломъ томныхъ водъ и съ нѣжными цвѣтами;
Чувствительный во всемъ себѣ друзей найдетъ.

Тамъ урну хладную съ любовью осынаютъ
Тополь высокiй, блѣдный тисъ,
И ты, другъ мертвыхъ, кипарисъ!
Печальныя сердца твою прiятность знаютъ.
Любовникъ нѣжный мирты рветъ.
Для славы гордый лавръ растетъ;
Но ты милѣе тѣмъ, которые стенаютъ
Надъ прахомъ счастья и друзей!

Делиль.

Хотите ли, подобно Орфею, за любезною тѣнію сойти въ Плутоново царство? Есть ли у васъ сладкогласная лира?... Земля разверзается передъ вами: вы спускаетесь въ глубины ея по каменнымъ ступенямъ, и трепещете отъ ужаса; густой мракъ окружаетъ васъ. Поздно думать о возвращеніи; надобно идти впередъ, въ ночной темнотѣ, въ неизвѣстности. Безпокойное воображеніе мечтаетъ объ адскихъ чудовищахъ, слышитъ грозный шумъ Стикса и Коцита; скоро, скоро залаетъ Церберъ... Не бойтесь: быстрый лучъ свѣта издали озаряетъ ваши глаза — еще нѣсколько шаговъ, и вы опять въ подсолнечномъ мірѣ, на берегу журчащей рѣчки, среди прелестныхъ ландшафтовъ. Здѣсь, любезные друзья, остановитесь со мною; сядьте на мягкомъ дернѣ, и насладитесь пріятнымъ вечеромъ. Не хочу болѣе описывать; описаніе можетъ наскучить... но никогда, никогда не скучилось бы вамъ гулять въ Булонскомъ саду Графа д'Артуа!

На возвратномъ пути въ городъ случилась со мною странность. Смерклось; я шелъ одинъ какъ можно тише, какъ можно чаще останавливаясь и смотря на всѣ стороны. Скачетъ карета. Я слышу голосъ: *arrête! arrête! стой!* Кучеръ удержалъ лошадей. Вышли два человѣка, прямо ко мнѣ; оглядѣли меня съ головы до ногъ, и спросили: кто я? — Иностранецъ. Что вамъ угодно? — «Вы ли ходили въ Булонскомъ лѣсу съ Господиномъ Лаклосомъ?» — Я ходилъ въ Булонскомъ лѣсу одинъ, и не знаю Господина Лаклоса. —

«Тѣмъ лучше, или тѣмъ хуже. По крайней мѣрѣ
»не объѣхала ли васъ дама верхомъ, въ зеленомъ
»Амазонскомъ платьѣ?» — Я не примѣтилъ. Но
что значатъ ваши вопросы, государи мои? —
«Такъ; намъ нужно знать. Извините.» — Они
приподняли шляпы, прыгнули въ карету и по-
скакали.

Парижъ, Іюня....

Я былъ въ Марли; видѣлъ чертогъ солнца * и 12
павильоновъ, изображающихъ 12 знаковъ Зодіа-
ка; видѣлъ Олимпъ, долины Темпейскія, сады
Альциноевы; однимъ словомъ, вторую Версалию,
съ нѣкоторыми особливыми оттѣнками. вмѣсто
подробнаго описанія, вотъ вамъ худой переводъ
Делилевыхъ прекрасныхъ стиховъ, въ которыхъ
онъ прославляетъ Марли:

Тамъ все велико, все прелестно,
Искусство славно и чудесно;
Тамъ истинный Армидинъ садъ,
Или великаго Героя
Достойный мирный вертоградъ,
Гдѣ онъ въ объятіяхъ цокоя

* Солнце, какъ извѣстно, было девизомъ Лудовика
XIV. Королевскій павильонъ, построенный среди двѣ-
надцати другихъ, называется *солнечнымъ*.

Еще желаетъ *побъждать*
 Натуру смѣлыми трудами,
 И каждый шагъ свой означать
 Могуществомъ и чудесами,
 Едва понятными уму.
 Стихіи творческой Природы
 Подвластны кажутся ему;
 Въ его рукахъ земля и воды.
 Тамъ храмы въ рощахъ Ореадъ
 Подъ кровомъ зелени блистаютъ;
 Тамъ бронзы дышутъ, говорятъ;
 Тамъ рѣки токъ свой пресѣкаютъ,
 И вверхъ стремяся упадаютъ
 Жемчужнымъ, радужнымъ дождемъ,
 Лучами солнца озлащеннымъ;
 Потомъ, извивистымъ путемъ,
 Древами темно осѣненнымъ,
 Едва журчатъ среди луговъ.
 Тамъ, въ тихой мрачности лѣсовъ,
 Вездѣ встрѣчаются Сильваны,
 Подруги скромныя Діаны.
 Тамъ каждый мраморъ — богъ, лѣсочикъ вся-
 кой — храмъ *
 Герой, извѣстный всѣмъ странамъ,
 На лаврахъ славы отдыхая,
 И будто весь Олимпъ сзывая
 Къ себѣ на велелѣпный пиръ,
 Съ богами торжествуетъ миръ.

Надобно быть механикомъ, чтобы понять чудесность Марлійской водяной машины; ея горн-

* Я удержалъ въ этомъ славномъ стихѣ мѣру оригинала.

зонтальныя и вертикальныя движенія, дѣйствіе насосовъ, и проч. Дѣло состоитъ въ томъ, что она беретъ воду изъ рѣки Сены, поднимаетъ ее вверхъ, вливаетъ въ трубы, проведенныя въ Марли и въ Трианонъ. Изобрѣтатель сей машины не зналъ грамотъ.

Какъ обогащены Искусствомъ всѣ мѣста вокругъ Парижа! Часто хожу на гору Валеріанскую, и тамъ, сидя подлѣ уединенной часовни, смотрю на великолѣпныя окрестности великолѣпнаго города.

Я не забылъ Эрмитажа, сельскаго дома Госпожи д'Епине, въ которомъ жилъ Руссо и гдѣ сочинена Новая Элоиза; гдѣ Авторъ читалъ ее своей простодушной Терезѣ, которая, не умѣвъ счесть до ста, умѣла чувствовать красоты безсмертнаго Романа, и плакать. Домъ маленькой, на пригоркѣ; вокругъ сельскія равнины.

Былъ и въ Монморанси, гдѣ написанъ Эмиль; былъ и въ Пасси, гдѣ жилъ Франклинъ; былъ и въ Бельвю, достойномъ своего имени; * и въ Сен-Клу, гдѣ бьетъ славнѣйшій искусственный каскадъ въ Европѣ; былъ я и въ разныхъ другихъ городкахъ, деревенькахъ, замкахъ, по чему нибудь достойныхъ любопытства.

Бельвю — прекрасный видъ.

* Бельвю значить прекрасный видъ.

Парижъ, Іюня.....

Наемный слуга мой Бидеръ, который (за 24 су въ день) всюду меня провожаетъ, зная (по словамъ его) *Парижъ какъ свой чердакъ*, давно уже приступалъ ко мнѣ, чтобы я шелъ смотрѣть *Царскую кладовую, Garde-meuble du Roi*. «Стыдно, «государь мой, стыдно! Быть три мѣсяца въ Пари-
«жѣ, и не видать, еще самой любопытнѣйшей вещи!
«Что вы здѣсь дѣлаете? бѣгаете по улицамъ, по
«театрамъ, по лѣсамъ, вокругъ города! Вотъ вамъ
«шляпа, трость; надобно непременно итти въ кла-
«довую!» — Я надѣлъ шляпу, взялъ трость, и по-
шелъ на мѣсто *Лудовика XV* въ *Gardemeuble*,
большое зданіе съ колоннами.

Въ самомъ дѣлѣ я видѣлъ тамъ множество рѣд-
кихъ вещей, серебра и золота, драгоценныхъ кам-
ней, вазъ и всякаго роду оружія. Любопытнѣе все-
го: 1) круглой серебряный щитъ, около трехъ
футовъ въ діаметрѣ, найденный въ Ронѣ близъ
Ліона, представляющій (*en bas-relief*) сраженіе
конницы, и подаренный, какъ думаютъ, *Гишпан-*
скимъ народомъ Сципіону Африканскому; 2) сталь-
ныя латы *Франциска I*, съ рѣзною работою по ри-
сунку *Юлія Романа*, такія легкія, что ихъ можно
поднять одною рукою (онъ въ нихъ сражался при
Павіи, гдѣ *Французы все потеряли, кромѣ чести*;
tout est perdu hormis l'honneur, писалъ *Фран-*
цискъ къ матери, будучи въ плѣну у непріятеля
со всѣми своими *Генералами*); 3) латы *Генриха II*
(въ которыхъ онъ былъ смертельно раненъ на

турниръ Графомъ Монгомерри) и Лудовика XIV, подарокъ Венеціанской Республики; 4) два меча Генриха IV; 5) двѣ пушки съ серебряными лафетами, присланныя Сіамскимъ Царемъ Лудовику XIV, въ доказательство, что у него есть артиллерія; * 6) длинное вызолоченное копье Папы Павла V, которымъ онъ хотѣлъ заколоть Венеціанскую Республику; 7) золотая корзинка, осыпанная брилліантами и рубинами; 8) золотая церковная утварь Кардинала Ришельё, также осыпанная драгоценными каменьями; 9) богатое сѣдло, подаренное Султаномъ Лудовику XV — и наконецъ шелковыя картинныя обои, за которыя Францискъ I заплатилъ около 100,000 талеровъ Фламандскимъ художникамъ, и на которыхъ вытканы сраженія Сципіоновы, дѣянія Апостольскія и басни Псиши, по рисунку Юлія Романа и Рафаэля. Тутъ же хранятся и лучшія произведенія Гобелинской фабрики, заведенной въ Парижѣ Кольбертомъ: работа удивительная правильностію рисунка, блескомъ красокъ, нѣжными оттѣнками шелковъ, такъ, что тканье не уступаетъ въ ней живописи. — Слуга мой Бидеръ безпрестанно говорилъ: *eh bien, Monsieur, eh bien, qu'en dites-vous?*

Теперь скажу вамъ нѣсколько словъ о Бидерѣ.

* Ему сказали, что Лудовикъ не считаетъ его опаснымъ своимъ непріятелемъ, полагая, что у него нѣтъ пушекъ.

Она родомъ Нѣмецъ, но забылъ свой природный языкъ; живетъ со мною въ одной *Отели*, только на чердакѣ; бѣденъ какъ Ирѣ, а честенъ какъ Сократъ; покупаетъ мнѣ все дешево, и бранитъ меня, если гдѣ нибудь заплачу лишнее. Однажды, всходя на лѣстницу, я выронилъ завернутые въ бумажкѣ пять лундоровъ: онъ шелъ за мною, поднялъ ихъ и принесъ ко мнѣ. Ты самый честный слуга, Бидеръ! говорю ему. *Il faut bien que je le sois, Monsieur, pour ne pas dementir mon nom,* * отвѣчаетъ мой Нѣмецъ. Не помню, за что я сказалъ ему грубость. Бидеръ отступилъ два шага назадъ... *Monsieur, de choses pareilles ne se disent point en bon françois. Je suis sensible pour le souffrir. Я разсмѣялся. Riez, Monsieur: je rirai avec vous; mais point de grossierités, je vous en prie. —* Однажды Бидеръ пришелъ ко мнѣ весь въ слезахъ и сказалъ, подавая листъ газетъ: «читайте!» Я взялъ и прочиталъ слѣдующее: «Сего Маія 28 дня, въ 5 часовъ утра, въ улицѣ Сен-Мери застрѣлился слуга господина N. Прибѣжали на выстрѣлъ, отворили дверь... несчастный плавалъ въ крови своей; подлѣ него лежалъ пистолетъ; на стѣнѣ было написано: *quand on n'est rien, et qu'on est sans espoir, la vie est un opprobre, et la mort un devoir;* а на дверяхъ: *aujourd'hui mon tour, demain le tien.* Между разбросанными по столу бумаги нашлись стихи, разныя философическія мысли и завѣ-

* Бидеръ по-Нѣмецки значитъ добрый или честный.

щаніе. Изъ первыхъ видно, что сей молодой человекъ зналъ наизусть опасныя произведенія новыхъ Философовъ; вмѣсто утѣшенія, извлекалъ изъ каждой мысли ядъ для души своей, необразованной воспитаніемъ для чтенія такихъ книгъ, и сдѣлался жертвою мечтательныхъ умствованій. Онъ ненавидѣлъ свое низкое состояніе, и въ самомъ дѣлѣ былъ выше его, какъ разумомъ, такъ и нѣжнымъ чувствомъ; цѣлыя ночи просиживалъ за книгами, и покупалъ свѣчи на свои деньги, думая, что строгая честность не позволяла ему тратить на то господскихъ. Въ завѣщаніи говоритъ, что онъ *сынъ любви*, и весьма трогательно описываетъ нѣжность *второй матери* своей, добродушной кормилицы; отказываетъ ей 130 ливровъ, отечеству (*en don patriotique*) 100, бѣднымъ 48, заключеннымъ въ темницѣ за долги 48, луидоръ тѣмъ, которые возмутъ на себя трудъ предать землѣ прахъ его, и три луидора другу своему, слугѣ Нѣмцу, живущему въ *Британской Отели*. Комисаръ нашелъ въ его ларчикѣ болѣе 400 ливровъ. — «Три луидора отказаны мнѣ, сказалъ чувствительный Бидеръ: онъ былъ съ ребячества другомъ моимъ и рѣдкимъ молодымъ человекомъ; вмѣсто того, чтобы шататься по трактирамъ, ходилъ всякой день на нѣсколько часовъ въ кабинетъ чтенія, и всякое Воскресенье въ театръ. Не рѣдко со слезами говаривалъ мнѣ: *Генрихъ! будемъ благородны сердцемъ! заслужимъ собственное свое почтеніе!* Ахъ! я не могу пересказать вамъ всѣхъ рѣчей его: Жакъ говаривалъ какъ самая умная

«книга; а я, бѣднякъ, не умѣю сказать двухъ кра-
«сивыхъ словъ. Съ нѣкотораго времени онъ сталъ
«задумчивъ, ходилъ повѣся голову и любилъ раз-
«суждать со мною о смерти. Дней шесть мы не ви-
«дались: вчера узналъ я, что Жаку наскучила
«жизнь, и что въ свѣтѣ не стало одного добра-
«го человѣка!» — Бидеръ плакалъ какъ ребенокъ.
Я самъ былъ сердечно тронутъ. Бѣдный Жакъ!...
Гибельныя слѣдствія полуфилософiи! Drink deer
or taste pot, пей много, или не пей ни капли, ска-
залъ Англичанинъ Попъ. Эпиктетъ былъ слугою,
но не убилъ себя.

—

Эрменонвиль.

Версть 30 отъ Парижа до Эрменонвиля: тамъ
Руссо, жертва страстей, чувствительности, пыл-
каго воображенiя, злобы людей и своей подозри-
тельности, заключилъ бурный день жизни тихимъ,
яснымъ вечеромъ; тамъ послѣднее дѣло его было
— благодаренiе послѣднѣе слово — хвала Природѣ;
тамъ въ мирной сѣни высокихъ деревъ, дружбою на-
саженныхъ, покоится прахъ его.... Туда спѣшатъ
добрые странники, видѣтъ мѣста, освященные не-
видимымъ присутствiемъ Генiя, — ходитъ по тро-
пинкамъ, на которыхъ слѣдъ Руссовой ноги изоб-
ражался — дышать тѣмъ воздухомъ, которымъ нѣ-
когда онъ дышалъ — и нѣжною слезою меланхо-
лiи оросить его гробницу.

Эрменонвиль былъ прежде затемняемъ дремучимъ лѣсомъ, окруженъ болотами, глубокими и бесплодными песками: однимъ словомъ, былъ дикою пустынею. Но человѣкъ, богатый и деньгами и вкусомъ, купилъ его, отдѣлалъ—и дикая, лѣсная пустыня обратилась въ прелестный Англійскій садъ, въ живописные ландшафты, въ Пуссенеvu картину.

Древній замокъ остался въ прежнемъ своемъ готическомъ видѣ. Въ немъ жила нѣкогда милая Габріель, и Генрихъ IV наслаждался ея любовію: воспоминаніе, которое украшаетъ его лучше самыхъ великолѣпныхъ перистилей! Маленькіе домики примыкаютъ къ нему съ обѣихъ сторонъ; свѣтлыя воды струятся вокругъ его, образуя множество пріятныхъ островковъ. Здѣсь раскиданы лѣсочки; тамъ зеленѣютъ долины; тутъ гроты, шумныя каскады; вездѣ Природа въ своемъ разнообразіи — и вы читаете надпись:

Ищи въ другихъ мѣстахъ Искусства красоты:

Здѣсь видъ богатыя Природы

Есть образъ щастливой свободы

И милой сердцу простоты.

Прежде всего поведу васъ къ двумъ густымъ деревьямъ, которыя сплелись вѣтвями, и на которыхъ рукою Жанъ-Жака вырѣзаны слова: *любовь все соединяетъ*. Руссо любилъ отдыхать подъ ихъ сѣнію, на дерновомъ канапѣ, имъ самимъ сдѣланномъ. Тутъ разсѣяны знаки пастушеской жизни;

на вѣтвяхъ висятъ свирѣли, посохи, вѣнки, и на дикомъ монументѣ изображены имена сельскихъ Пѣвцовъ: Теокрита, Виргилія, Томсона.

На высокомъ пригоркѣ видите храмъ — *новой Философіи*, который своею архитектурою напоминаетъ развалины Сабинина храма въ Тиволи. Онъ не достроенъ; матеріалы готовы, но предразсудки мѣшаютъ совершить зданіе. На колоннахъ вырѣзаны имена главныхъ Архитекторовъ, съ означеніемъ того, что каждый изъ нихъ обработывалъ по своему таланту. На примѣръ:

J. J. Rousseau - - - Naturam (Природу).

Montesquieu - - - Justitiam (Правосудіе).

W. Penn - - - Humanitatem (Человѣчество).

Voltaire - - - Ridiculum (смѣшное).

Descartes - - - nil in rebus inane (нѣтъ въ вещахъ пустаго).

Newton - - - lucem (свѣтъ).

Внутри написано, что сей недостроенный храмъ посвященъ Монтаню; надъ входомъ: *познавай причину вещей*; а на столпѣ: *кто довершитъ?* Многіе писали отвѣтъ на колоннахъ. Одни думаютъ, что несовершенный умъ человѣческій не можетъ произвести ничего совершеннаго, другіе надѣются, что разумъ въ школь вѣковъ возмужаетъ, побѣдитъ всѣ затрудненія, докончитъ свое дѣло и воцаритъ истину на земномъ шарѣ.

Видъ, который открывается съ вершины пригорка, веселитъ глаза и душу. Кристальные воды,

нѣжная зелень луговъ, густая зелень лѣса, представляютъ разнообразную игру тѣней и свѣта.

Упыло журчащій ручеекъ ведетъ васъ, мимо дикихъ гротовъ, къ олтарю *задумчивости*. Далѣе, въ лѣсу, находите мшистый камень съ надписью: *здѣсь погребены кости несчастныхъ, убитыхъ во времена суевѣрія, когда братъ возставалъ на брата, гражданинъ на гражданина за несогласное мнѣнiе о Религiи*. — На дверяхъ маленькой хижины, которая должна быть жилищемъ отшельника, видите надпись:

Здѣсь поклоняюсь Творцу
Природы дивныя и нашему Отцу.

Перейдите чрезъ большую дорогу, и невольный ужасъ овладѣетъ вашимъ сердцемъ: мрачныя сосны, печальные кедры, дикія скалы, глубокой песокъ, являютъ вамъ картину Сибирской пустыни. Но вы скоро примиритесь съ нею... На хижинѣ, покрытой сосновыми вѣтвями, написано: *Царю хорошо въ своемъ дворцѣ, а лѣснику въ своемъ шалашѣ; всякой у себя господинъ; а на древнемъ, густомъ вязѣ:*

Подъ сѣнiю его я съ милой изъяснился;
Подъ сѣнiю его узналъ, что я любимъ!

Слѣдственно и въ дикой пустынѣ можно быть счастливымъ! — Во внутренности каменнаго утеса найдете гротъ Жанъ-Жака Руссо, съ надписью: *Жанъ-Жакъ безсмертенъ*. Тутъ, между многими де-

визами и титуломъ всѣхъ его сочиненій, вырѣзано прекрасное изреченіе Женевскаго Гражданина: *тотъ единственно можетъ быть свободенъ, кому для исполненія воли своей не надобно приставлять къ своимъ рукамъ чужихъ.* — * Идете далѣе, и дикость вокругъ васъ мало по малу исчезаетъ: зеленая мурава, скалы покрытыя можжевельникомъ, шумящіе водопады, напоминаютъ вамъ Швейцарію, Мельери и Кларанъ; вы ищете глазами Юліана имени, и видите его — на камняхъ и деревьяхъ.

Свѣтлая рѣка течетъ по лугу мимо виноградныхъ садовъ, сельскихъ домиковъ; на другой сторонѣ ея возвышается готическая башня прекрасной Габріели, и маленькая лодочка готова перевезти васъ. На дверяхъ башни читаете:

Здѣсь было царство Габріели;
Ей надлежало дань платить.
Французы изстари умѣли
Сердцами красоту дарить.

Архитектура наружности, крыльцо, внутреннія комнаты, напоминаютъ вамъ тѣ времена, когда люди не умѣли со вкусомъ ни строить, ни украшать своихъ домовъ, но умѣли обожать славу и красавицъ. Здѣсь, думаете вы, здѣсь Король Рыцарь, послѣ военнаго грома, наслаждался тишиною и

* Короче: «кто не имѣетъ нужды въ чужихъ рукахъ;» но не такъ живописно.

сердцемъ своимъ въ объятіяхъ милой Габріели;
здѣсь сочинилъ онъ нѣжную пѣсню свою:

Charmante Gabrielle,
Percé de mille dards,
Quand la gloire m'appelle,
Je vole au champ de Mars.
Cruelle déparlie!
Malheureux jour!
G'est trop peu d'une vie
Pour tant d'amour. *

И куда ни взгляните въ комнатахъ, вездѣ читаете:
charmante Gabrielle! Авторъ Седенъ сочинилъ
здѣсь на голосъ этой пѣсни другую такого содер-
жанія:

Здѣсь Габріели страстной
Взоръ нѣжность изъявлялъ;
Здѣсь богъ войны ужасной
Въ цѣпяхъ любви вздыхалъ.
Французъ въ восторгъ приходитъ
Отъ имени ся;
Оно на мысль приводитъ
Намъ добраго Царя.

Съ нѣжными чувствами выходите изъ башни, и
вступаете въ прекрасной лѣсокъ, посвященный
Музамъ и Спокойствію. Тутъ стремится ручей, по-
добный Воклюзскому, гдѣ, по увѣренію Италіян-

* Вѣроятно, что послѣдніе два стиха не Генриховы.
Музыка сей старинной пѣсни очень пріятна.

скаго Тибулла, травы, цвѣты, Зефиры, птицы и Петрарка о любви говорили. Тутъ въ прохладномъ гротѣ написано:

Являйте, зеркальныя воды,
Всегда любезный видъ Природы
И образъ милой красоты!
Съ Зефирами играйте,
И мнѣ вспоминайте
Петрарковы мечты!

Отъ всѣхъ Эрменонвильскихъ домиковъ, живописно разсѣянныхъ по лугу, отличается тотъ, который строенъ былъ для Жанъ-Жака, но достроенъ уже по смерти его: самый сельской и пріятный! Подлѣ садикъ, огородъ; лужокъ, орошаемый ручейкомъ; густыя деревья; мостикъ, примкнутый къ двумъ большимъ вязамъ, и маленькой жертвенникъ, съ надписью:

A l'amitié, le baume de la vie.
Дружбѣ, бальзаму жизни.

Подъ сѣнью одного дерева стоитъ канапе, съ надписью:

Жанъ-Жакъ любилъ здѣсь отдыхать,
Смотрѣть на зелень дерна,
Бросать для птичекъ зерна,
И съ нашими дѣтьми играть.

Руссо переѣхалъ въ Эрменонвиль 20 Мая 1778, а умеръ 2 Іюля: слѣдственно не долго наслаждал-

ся онъ здѣшнимъ тихимъ уединеніемъ; успѣлъ только ласкою, обходительностію снискать любовь Эрменонвильскихъ жителей, которые по сіе время не могутъ безъ слезъ говорить объ немъ. Свѣтъ, Литтература, слава, все ему наскучило; одна Природа сохранила до конца милыя права свои на его сердце и чувствительность. Въ Эрменонвилѣ рука Жанъ-Жакова не бралась за перо, а только подавала милостыню бѣднымъ. Лучшее его удовольствіе состояло въ прогулкахъ, въ дружескихъ разговорахъ съ земледѣльцами и въ невинныхъ играхъ съ дѣтьми. За день до смерти своей онъ ходилъ еще собирать травы: 2 Іюля, въ 7 часовъ утра, вдругъ почувствовалъ слабость и дурноту; велѣлъ своей Терезѣ растворить окно, взглянулъ на лугъ, сказалъ: *comme la Nature est belle!* и закрылъ глаза навѣки. . . . человекъ рѣдкій, Авторъ единственный; пылкій въ страстяхъ и въ слогѣ, убѣдительный въ самыхъ заблужденіяхъ, любезный въ самыхъ слабостяхъ! младенецъ сердцемъ до старости! мизантропъ, любви исполненный! несчастный по своему характеру между людьми, и завидно-счастливый по своей душевной нѣжности въ объятіяхъ Натуры, въ присутствіи невидимаго Божества, въ чувствѣ Его благости и красотъ творенія! . . . Прахъ его хранится на маленькомъ прекрасномъ островкѣ, *île des peupliers*, осѣненномъ высокими тополями. Надобно переѣхать на лодкѣ, и Харопъ говоритъ вамъ о Жанъ-Жакѣ; рассказываетъ, что Эрменонвильской цырюльникъ купилъ трость его и не хотѣлъ продать ее за 100 экю; что жена мельни-

кова никому не даетъ садиться на томъ стулѣ, на которомъ Руссо у мельницы сиживалъ, смотря на пѣнистую воду; что школьный мастеръ хранить два пера его; что Руссо ходилъ всегда задумавшись неровными шагами, но всякому кланялся съ ласковымъ видомъ. Вамъ хочется и слушать перевощика, и читать надписи на берегу, и видѣть скорѣе гробъ Ж. Жаковъ...

Среди журчащихъ водъ, подъ сѣнію священной,
Ты видишь гробъ Руссо, наставника людей;
Но памятникъ его нетлѣнной
Есть чувство нѣжныхъ душъ и щастіе дѣтей. *

Всякая могила есть для меня какое-то святилище; всякой безмолвный прахъ говорить мнѣ:

И я былъ живъ, какъ ты;
И ты умрешь, какъ я.

Сколь же краснорѣчивъ пепелъ такого Автора, который сильно дѣйствовалъ на ваше сердце; которому вы обязаны многими изъ любезнѣйшихъ своихъ идей; котораго душа отчасти перелилась въ вашу? Монументъ его имѣетъ видъ древняго жертвенника; съ одной стороны написано: *ici repose l'homme de la Nature et de la vérité*, *здѣсь покоится человекъ истины и природы*; а на другой сторонѣ изображены играющія дѣти съ матерью, ко-

* Переводъ одной изъ надписей.

торая держитъ въ рукѣ томъ Эмиля; на верху девизъ Жанъ-Жаковъ: *vitam impendere vero*, *жизнь для истины*. На свинцовомъ гробѣ вырѣзано: *hic jacent ossa J. J. Rousseau*, *здесь лежатъ кости Руссо*.

Что Руссо въ жизни своей имѣлъ злобныхъ враговъ, не мудрено; но можно ли безъ омерзѣнія слышать, что нѣкоторые хотѣли ругаться и надъ безчувственнымъ прахомъ его, вырѣзывали на гробѣ непристойныя, безстыдныя надписи, бросали грязь на монументъ и ломали его, такъ что хозяинъ, Маркизь Жирарденъ, долженъ былъ приставить караулъ къ острову!

За то Руссо имѣлъ и жаркихъ, ревностныхъ почитателей болѣе, нежели кто нибудь изъ новыхъ Авторъ. Ревность нѣкоторыхъ доходила до безумія. Рассказываютъ, что одинъ молодой Французъ, восхищенный твореніями Жанъ-Жака, вздумалъ проповѣдывать его ученіе въ Азіи, и сочинилъ на Арабскомъ языкѣ катихизисъ, который начинается такъ: *Что есть правда? Богъ. Кто ложный пророкъ? Его? Магометъ. Кто истинный? Руссо*. Французской Консулъ видѣлъ его въ Бассорѣ въ 1780 году, и никакъ не могъ доказать ему, что онъ сумасшедшій. Скромный Руссо конечно не хотѣлъ такихъ учениковъ. Думаю, что и нынѣшніе Французскіе Ораторы не одолжили бы его своими пышными хвалами: чувствительный, добродушный Жанъ-Жакъ объявилъ бы себя первымъ врагомъ Революціи.

Говорили, что Тереза, жена его, вышла замужъ

за слугу Маркиза Жирардена: это неправда. Она гордится именемъ Руссовой супруги, и живетъ одна въ маленькой деревенькѣ Плесси-Бельвиль.

Кто, опершись рукою на монументъ незабвеннаго Жанъ-Жака, видѣлъ заходящее солнце и думалъ о безсмертіи: тотъ наслаждался не малымъ удовольствіемъ въ жизни.

Шантильи.

Dans sa pompe élégante admirez Chantilly,
De heros en heros, d'âge en âge embelli.

Не ожидайте отъ меня пышнаго описанія: я видѣлъ Шантильи въ дурное время, въ дурномъ расположеніи и въ страхѣ, чтобы не уѣхала безъ меня почтовая карета. Мысль, что хозяинъ его скитается нынѣ по чужимъ землямъ, какъ бѣдный изгнанникъ, также туманила для глазъ моихъ предметы. Что вамъ сказать? Я видѣлъ великолѣпныя палаты, прекрасныя статуи, Физическіе Кабинеты, подземельные ходы съ высокими сводами, рѣдкія оранжереи, огромныя конюшни, большой паркъ, красивыя террасы, островъ Любви, пріятный Англіійскій садъ, хижины украшенныя какъ дворецъ, чудесную игру водъ и наконецъ латы Орлеанской дѣвственницы. Я вспомнилъ то великолѣпное, безпримѣрное зрѣлище, которымъ Принцъ Конде веселилъ здѣсь нашего Сѣвернаго Графа. Ночь превратилась въ день; отъ безчисленныхъ огней каза-

лось, что лѣса и воды горѣли; искры сыпались отъ каскадовъ, музыка гремѣла, и охотники, при восклицаніяхъ народа, неслись вихремъ за быстрыми оленями. Такъ и восточные Государи не забавляли гостей своихъ.

Шантильи окруженъ густымъ лѣсомъ. Тутъ, на большой равнинѣ, гдѣ сходятся 12 безконечныхъ аллей, Великой Конде, Герой и другъ просвѣщенія, давалъ праздники Лудовику XIV и всему Двору его.

Сей лѣсъ напоминаетъ печальную смерть мрачнаго Романиста Прево. Онъ гулялъ въ немъ, и упалъ безъ чувства; его подняли какъ мертваго, вздумали анатомить, и безразсудный лекарь воткнулъ ему ножъ въ сердце—пронзительный крикъ раздался — Прево былъ еще живъ — лекарь зарѣзалъ его.

Я списалъ въ Шантильи прекрасную Грувелеву надписъ къ Амуру, представленному безъ покровъ, безъ оружія и безъ крыльевъ. Какъ умѣю, переведу ее:

Одною нѣжностью богатъ,
Какъ Правда сердцемъ обнаруженъ,
Какъ Непорочность безоруженъ,
Какъ Постоянство некрылатъ,
Онъ былъ въ Астрейнъ вѣкъ. Уже мы не находимъ
Его нигдѣ; но жизнь въ исканіи проводимъ.

Парижъ, Іюня 1790.

Вчера цѣлыхъ пять часовъ провелъ я у Госпожи Н*, и не скучно; даже самый прелестный Баронъ, другъ ея, казался мнѣ сноснымъ. Говорили о чувствительности. Баронъ утверждалъ, что привязанность мужчинъ бываетъ гораздо сильнѣе и надежнѣе; что женщины болѣе плачутъ, а мы чаще умираемъ отъ любви. Хозяйка утверждала противное, и милымъ голосомъ, съ нѣжнымъ и томнымъ видомъ своимъ рассказала намъ печальный Ліонской анекдотъ. Всѣ были тронуты; я не менѣе другихъ. Госпожа Н* оборотилась ко мнѣ и спросила: «сочиняете ли вы стихи?» — Для тѣхъ, которые любятъ меня, отвѣчалъ я. — «Вотъ вамъ матерія. Дайте мнѣ слово описать это приключеніе въ Русскихъ стихахъ.» — Охотно; но позвольте немного украсить. — «Ни мало. Скажите только, что отъ меня слышали.» — Это слишкомъ просто. — «Истина не требуетъ украшеній.» — По крайней мѣрѣ въ рассказъ можно вмѣстить нѣкоторыя мысли, нравственные истины. — «Дозволяю. Сдержите же слово.» — Я сдержалъ его, и написалъ слѣдующее:

А Л И Н А.

О даръ, достойнѣйшій Небесъ,
Источникъ радости и слезъ,
Чувствительность! сколь ты прекрасна,
Мила — во въ дѣйствіяхъ несчастная!...
Внимайте, нѣжныя сердца!

Въ странѣ, украшенной дарами
Природы, щедраго Творца,
Гдѣ Сена свѣтлыми водами
Кропитъ зеленые брега,
Сады, цвѣтушіе луга,
Алина милая родилась;
Плѣняла взоры красотой,
А души Ангельской душой;
Плѣняла — и сама плѣнилась.
Одна любовь въ любви законъ,
И сердце въ выборѣ не властно:
Что мило, то всегда прекрасно;
Но нѣжный юноша, Милонъ,
Достоинъ былъ Алины нѣжной;
Какъ старецъ въ младости уменъ,
Любезенъ всѣмъ, отъ всѣхъ почтенъ.
Съ улыбкой гордой и надежной
Себѣ подруги онъ искалъ;
Увидѣлъ — вольности лишился:
Алинѣ сердцемъ покорился;
Сказавъ: *люблю!* отвѣта ждалъ....
Еще Алина словъ искала;
Боялась сердцу волю дать,
Но все молчаніемъ сказала. —
Другъ друга вѣчно обожать
Они клялись чистосердечно.
Но что въ минутной жизни вѣчно?
Что клятва? — искренній обманъ!
Что сердце? — вѣтренный тиранъ!
Оно въ желаньяхъ своевольно,
И самымъ щастьемъ — недовольно.

И самымъ щастьемъ! — Такъ Милонъ
Осыпанный любви цвѣтами,

Ея нѣжнѣйшими дарами,
 Вдругъ сталъ задумчивъ. Часто онъ,
 Ласкаемый подругой милой,
 Имѣлъ видъ томной и унылой,
 И въ землю потуплялъ глаза,
 Когда блестящая слеза
 Любви, чувствительности страстной
 Катилась по лицу прекрасной;
 Какъ въ пламенныхъ ея очахъ
 Стыдливость съ нѣжностью сражалась,
 Грудь тихо, тайно волновалась,
 И розы тлѣли на устахъ.
 Чего ему не доставало?
 Онъ милой былъ боготворимъ!
 Прекрасная дышала имъ!
 Но верхъ блаженства есть начало
 Унылой томности въ душахъ;
 Любовь, восторгъ, холодность смежны.
 Увы! почтожь сей пламень нѣжный
 Не вмѣстѣ гаснетъ въ двухъ сердцахъ?

Любовь имѣетъ взоръ орлиный:
 Глаза чувствительной Алины
 Могли ль премѣны не видать?
 Могло ль ей сердце не сказать:
 «Уже твой другъ не любить страстно?»
 Она надѣется (напрасно!)
 Любовь любовью обновить:
 Ее легко найти исканьемъ,
 Всегдашней ласкою, стараньемъ;
 Но чѣмъ же можно возвратить?
 Ничѣмъ! въ немилѣ все не мило.
 Алина тоже, что была,
 И всѣхъ другихъ плѣнять могла,
 Но чувство друга къ ней простыло;

Когда онъ съ нею, скука съ нимъ.
Кто нами пламенно любимъ,
Кто прежде самъ любилъ насъ страстно,
Тому быть въ тягость наконецъ
Для сердца нѣжнаго ужасно!
Милонъ не есть коварный льстецъ:
Не хочетъ больше притворяться,
Влюбленнымъ безъ любви казаться —
И дни проводить розно съ той,
Которая одна, безъ друга,
Проводить ихъ съ своей тоской.
Увы! несчастная супруга
Въ молчаніи страдать должна...
И скоро узнаетъ она,
Что вѣтренный Милонъ другою
Любезной женщиной плѣненъ;
Что онъ сражается съ собою,
И, сердцемъ въ горестъ погруженъ,
Винить жестокость злой судьбины!
Ударъ послѣдній для Алины!
Ахъ! сердце друга потерять,
И щастію его мѣшать
Въ другомъ любимомъ имъ предметѣ,
Лютѣе всѣхъ мученій въ свѣтѣ!
Міръ хладный, жизнь, противны ей;
Она бѣжитъ отъ глазъ людей...
Но горестъ лишь себя находитъ
Во всемъ, вездѣ, гдѣбъ ни была!...

Алина въ мрачной лѣсѣ приходитъ

* Женщина, въ которою Милонъ былъ влюбленъ, по словамъ Госпожи Н*, сама любила его, но имѣла твердость отказать ему отъ дому, для того, что онъ былъ женатъ.

(Нещастнымъ тѣнь лѣсовъ мила!)
И видитъ храмъ уединенный,
Остатокъ древности священный;
Тамъ вѣтръ въ развалинахъ свиститъ,
И мраморъ желтымъ мхомъ покрытъ;
Тамъ древность Божеству молплась;
Тамъ послѣ, въ наши времена,
Кровь двухъ любовниковъ струилась:
Извѣстны свѣту имена
Фальдони, нѣжныя Терезы; *
Они жить вмѣстѣ не могли,
И смерть разлукъ предпочли.
Алина, проливая слезы,
Равняетъ жребій ихъ съ своимъ,
И мыслить: «Кто любя любимъ,
«Тотъ долженъ быть судьбой доволенъ;
«Въ темницѣ и въ цѣпяхъ онъ воленъ
«Объ другѣ сладостно мечтать —
«Въ разлукѣ, въ горестяхъ питать
«Себя надеждою щастливой.
«Неблагодарные! за чѣмъ,
«Въ жару любви нетерпѣливой
»И въ изступленіи своемъ,
»Вы Небо смертию оскорбили?
«Ахъ! миѣ бы слезы ваши были

* См. III Част. Писемъ Русск. Пут. стр. 84. Церковь, въ которой они застрѣлились, построена на развалинахъ древняго храма, какъ сказываютъ. Все, что здѣсь говоритъ или мыслить Алина, взято изъ ея Журнала, въ которомъ она почти съ самаго дѣтства записывала свои мысли, и который хотѣла сжечь умирая, но не успѣла. За день до смерти нещастная ходила на то мѣсто, гдѣ Фальдони и Тереза умертвили себя.

«Столь милы, какъ... любовь моя!
«Но щастьемъ полнымъ насладиться,
«*Измѣнной* вдругъ его лишиться,
«И въ тягость другу быть какъ я....
«Въ подобномъ бѣдствіи насъ должно
«Лишь Богу одну судить!...
«Когда мнѣ здѣсь уже не можно
«Для щастія супруга жить,
«Могу еще, на зло судьбинѣ,
«Ему пожертвовать собой!»

Вдругъ обнаружились въ Алинѣ
Всѣ признаки болѣзни злой,
И смерть приблизилась къ несчастной.
Супругъ у ногъ ея лежалъ;
Невѣрный слезы проливалъ,
И снова какъ любовникъ страстной
Клялся ей въ нѣжности, въ любви;
(Но поздно!) говорилъ: «живи,
«Живи, о милая! для друга!
«Я можетъ быть виновенъ былъ!»
«Нѣтъ!» — томнымъ голосомъ супруга
«Ему сказала: «ты любилъ,
«Любилъ меня! и я сердечно,
«Мой другъ, благодарю тебя!
«Но естли здѣсь ничто не вѣчно,
«То какъ тебѣ винить себя?
«Цвѣтъ щастья, жизнь, ахъ! все невѣрно!
«Любви блаженство столь безмѣрно,
«Что смертный былъ бы самый Богъ,
«Когдабъ продлить его онъ могъ...
«Ничто, ничто моей кончины
«Уже не можетъ отворотить!
«Послѣдній взоръ твоей Алины
«Стремится нѣжность изъяснить...»

«Но дай ей умереть щастливо;
«Дай слово мнѣ — спокойнымъ быть,
«Снести потерю терпѣливо
«И снова — для любви жить!
«Ахъ! естли ты съ другою будешь
«Дни въ мирныхъ радостяхъ вести,
«Хотя Алину и забудешь,
«Довольно для меня!... Прости!
«Есть міръ другой, гдѣ нѣтъ измѣны,
«Нѣтъ скуки, въ чувствахъ перемѣны:
«Тамъ ты увидишься со мной,
«И тамъ, надѣюсь, будешь мой!»...
Навѣкъ закрылся взоръ Алины.
Никто не могъ понять причины
Сего внезапнаго конца;
Но вы, о нѣжныя сердца!
Ее конечно угадали!
Въ несчастьи жизнь намъ не мила...
Спросили медиковъ: узнали,
Что ядъ Алина приняла...
Супругъ, какъ громомъ пораженный,
Хотѣлъ идти за нею въ слѣдъ;
Но гласомъ дружбы убѣжденный,
Остался жить. Онъ слезы льетъ;
И сею горестною жертвой
Судъ Неба и людей смягчилъ;
Живой Алинѣ измѣнилъ,
Но хочетъ вѣрнымъ быть ей мертвой!

Парижъ, Іюня.... 1790.

Скажу вамъ нѣчто о Парижскомъ Народномъ Собраніи, о которомъ такъ много пишутъ теперь въ газетахъ. Въ первый разъ пришелъ я туда послѣ обѣда; не зналъ мѣста, хотѣлъ войти въ большія двери вмѣстѣ съ Членами, былъ остановленъ часовымъ, котораго никакія прозбы смягчить не могли, и готовился уже съ досадою воротиться домой; но вдругъ явился человекъ въ темномъ кафтанѣ, собою очень некрасивый; взялъ меня за руку, и сказавъ: *allons, Mr. allons!* ввелъ въ залу. Я окинулъ глазами всѣ предметы
. Большая галерея, столъ для Президента и еще два для Секретарей по сторонамъ; напротивъ каѳедра; кругомъ лавки, одна другой выше; вверху ложи для зрителей. Засѣданіе еще не открывалось. Вокругъ меня было множество людей, по большей части неопратно одѣтыхъ — съ растрепанными волосами, въ сертукахъ. Шумѣли, смѣялись, около часа. Зрители хлопали въ ладоши, изъявляя нетерпѣніе. Наконецъ тотъ самый человекъ, который ввелъ меня *, подошелъ къ Президентскому столу, взялъ колокольчикъ, зазвонилъ — и всѣ, закричавъ: *по мѣстамъ! по мѣстамъ!* разбѣжались и сѣли. Одинъ я остался среди залы — подумалъ, что мнѣ дѣлать, и сѣлъ на ближней лавкѣ; но черезъ минуту

* Это былъ Рабо-Сентъ-Этьень.

подошелъ ко мнѣ Церемоніймейстеръ, въ черномъ кафтанѣ, и сказалъ: «Вы не можете быть здѣсь!» Я всталъ и перешелъ на другое мѣсто. Между тѣмъ одинъ изъ Членовъ, Г. Андре, читалъ на кафедрѣ предложеніе Военной Коммисіи. Его слушали со вниманіемъ; я также, но не долго, потому что проклятый черный кафтанъ опять подлетѣлъ ко мнѣ и сказалъ: «государь мой! вы конечно не знаете, что въ этой залѣ могутъ быть только одни Члены.» — Куда же мнѣ дѣваться, Г. М.? — «Подите въ логи.» — А естьли тамъ нѣтъ мѣста? — «Подите домой, или куда вамъ угодно.» — Я ушелъ; но въ другой разъ высидѣлъ въ ложѣ 5 или 6 часовъ, и видѣлъ одно изъ самыхъ бурныхъ засѣданій. Депутаты Духовенства предлагали, чтобы Католическую Религію признать единственною или главною во Франціи. Мирабо оспаривалъ, говорилъ съ жаромъ, и сказалъ: «я вижу «отсюда то окно, изъ котораго сынъ Катерины «Медицисъ стрѣлялъ въ Протестантовъ!» Аббатъ Мори вскочилъ съ мѣста, и закричалъ: «вздоръ! «ты отсюда не видишь его.» Члены и зрители захохотали во все горло. Такія непристойности бывають весьма часто. Вообще въ засѣданіяхъ нѣтъ ни малой торжественности, никакого величія; но многіе Риторы говорятъ краснорѣчиво. Мирабо и Мори вѣчно единоборствуютъ, какъ Ахиллесъ и Гекторъ.

На другой день послѣ споровъ о Католической Религіи явились въ лавкахъ бумажныя табакерки à l'abbé Maugu; отворите крышку, выскочитъ Аб-

батъ. Таковы Французы: на всякой случай у нихъ готова выдумка. — Расскажу вамъ другой анекдотъ въ семь родъ. Въ тотъ самый день, какъ Собраніе опредѣлило выдать ассигнаціи, я былъ въ театрѣ. Играли старую оперу башмашника, которому во второмъ актѣ надлежало пѣть извѣстный *водевиль*. вмѣсто того онъ запѣлъ новыя стихи, въ похвалу Короля и Народнаго Собранія, съ припѣвомъ:

L'argent caché ressortira
Par le moyen des assignats.

Зрители были внѣ себя отъ удовольствія, и заставили актера десять разъ повторять: *L'argent caché ressortira*. Имъ казалось, что передъ ними лежатъ уже кучи золота!

—
Парижъ, Іюня.... 1790.

Вы помните, что Йорикъ сказалъ Министру Б* о характерѣ Французовъ: «они слишкомъ важны!» Министръ удивился; но разговоръ вдругъ перервался, и забавный Йорикъ не изъяснилъ намъ своей мысли. Кажется, объ Аѳинскомъ народѣ было сказано, что онъ важными дѣлами шутилъ какъ бездѣлками, а бездѣлки считалъ важными дѣлами: то же самое можно сказать о Французахъ, которые не обижаются сходствомъ съ

Аѳинскимъ народомъ. Вспомните жаркіе, но смѣшныя споры о древней и новой Литтературѣ, которыми Версальской Дворъ и весь Парижъ занимался; вспомните исторію Глукистовъ, Пичинистовъ, Месмеристовъ, и согласитесь, что въ нѣкоторомъ смыслѣ Йорикъ могъ утверждать свой парадоксъ. Но Французы имѣютъ характеръ, воперки его старымъ шиллингамъ, *qui, à force d'être polis, n'ont plus d'empreinte* * — имѣютъ даже болѣе другихъ народовъ. Я говорилъ объ этомъ съ Госпожею Н*, и послѣ выразилъ мысли свои въ письмѣ къ ней. Вотъ переводъ:

«Скажу: *огонь, воздухъ* — и характеръ Французовъ описать. Я не знаю народа умнѣе, пламеннѣе и вѣтренѣе вашего. Кажется, будто онъ *выдумалъ*, или для него *выдуманно общечистіе*: *столь мила его обходительность, и столь удивительны его тонкія соображенія въ искусствѣ жить съ людьми!* Сіе искусство кажется въ немъ *любезною природою*. Никто, кромѣ его, не умѣетъ приласкать человѣка однимъ видомъ, одною вѣжливою улыбкою. Напрасно Англичанинъ или Нѣмецъ захотѣлъ бы учиться ей передъ зеркаломъ: на лицѣ ихъ она чужая, принужденная. Я хочу жить и умереть въ моемъ любезномъ *отечествѣ*; но послѣ Россіи нѣтъ для меня земли *пріятнѣе Франціи*, гдѣ иностранецъ часто *забывается, что онъ не между своими*. Говорятъ, что

* Слова Йориковы, сказанныя имъ въ другомъ мѣстѣ.

«здѣсь трудно найти искренняго, вѣрнаго друга...
«Ахъ! друзья вездѣ рѣдки; и чужеземцу ли искать
«ихъ, тому, кто, подобно Кометѣ, являясь исче-
«заетъ. Дружба есть потребность жизни; всякой
«хочетъ для нее предмета надежнаго. Но все, чего
«по справедливости могу требовать отъ чужихъ
«людей, Французъ предлагаетъ мнѣ съ ласкою, съ
«букетомъ цвѣтовъ. Вѣтренность, непостоянство,
«которыя составляютъ порокъ его характера, со-
«единяются въ немъ съ любезными свойствами
«души, *происходящими* * нѣкоторымъ образомъ
«отъ сего самаго порока. Французъ непостоя-
«ненъ — и не злопамятенъ; удивленіе, похвала,
«можетъ скоро ему наскучить, ненависть также.
«По вѣтренности оставляетъ онъ доброе, изби-
«раетъ вредное: за то самъ первый смѣется надъ
«своею ошибкою — и даже плачетъ, если на-
«добно. Веселая безразсудность есть милая по-
«друга жизни его. Какъ Англичанинъ радуется
«открытію новаго острова, такъ Французъ ра-
«дуется острому слову. Чувствителенъ до край-
«ности, страстно влюбляется въ истину, въ славу,
«въ великія предпріятія; но любовники непостоян-
«ны! Минуты его жара, изступленія, ненависти,
«могутъ имѣть страшныя слѣдствія: чему при-
«мѣромъ служитъ Революція. Жаль, если эта
«ужасная политическая переменъ должна пере-
«мѣнить и характеръ народа, столь веселаго,
«остроумнаго, любезнаго!

* Qui tiennent à ce même défaut.

Это писано для Дамы, и для Француженки, которая ахнула бы отъ ужаса, и закричала: *сѣверный варваръ!* естли бы я сказалъ ей, что Французы не остроумнѣе, не любезнѣе другихъ.

Я оставилъ тебя, любезный Парижъ, оставилъ съ сожалѣніемъ и благодарностію! Среди шумныхъ явленій твоихъ жилъ я спокойно и весело, какъ безпечный гражданинъ вселенной; смотрѣлъ на твое волненіе съ тихою душею, какъ мирный пастырь смотритъ съ горы на бурное море. Ни Якобинцы, ни Аристократы твои не сдѣлали мнѣ никакого зла; я слышалъ споры, и не спорилъ; ходилъ въ великолѣпные храмы твои наслаждаться глазами и слухомъ: тамъ, гдѣ свѣтозарный богъ Искусствъ сіяетъ въ лучахъ ума и талантовъ; тамъ, гдѣ Геній славы величественно покоится на лаврахъ! Я не умѣлъ описать всѣхъ пріятныхъ впечатлѣній своихъ, не умѣлъ всѣмъ пользоваться, но выѣхалъ изъ тебя не съ пустою душею: въ ней остались идеи и воспоминанія? Можетъ быть, когда нибудь еще увижу тебя и сравню прежнее съ настоящимъ; можетъ быть порадуюсь тогда большею зрѣлостію своего духа, или вздохну о потерянной живости чувства. Съ какимъ удовольствіемъ взшелъ бы я еще на гору Валеріан-

скую, откуда взоръ мой леталъ по твоимъ живописнымъ окрестностямъ! Съ какимъ удовольствіемъ, сидя во мракѣ Булонскаго лѣса, снова развернулъ бы передъ собою свитокъ Исторіи, * чтобы найти въ ней предсказаніе будущаго? Можетъ быть тогда все темное для меня изъяснится; можетъ быть тогда еще болѣе полюблю чело-вѣчество; или, закрывъ лѣтописи, перестану заниматься его судьбою....

Прости, любезный Парижъ! прости, любезный В*! Мы родились съ тобою не въ одной землѣ, но съ одинакимъ сердцемъ; увидѣлись, и три мѣсяца не расставались. Сколько пріятныхъ вечеровъ провелъ я въ твоей Сеп-Жерменской *Отели*, читая привлекательныя мечты единоплеменца и соученика твоего, Шиллера, или занимаясь собственными нашими мечтами, или философствуя о свѣтѣ, или судя новую Комедію, нами вмѣстѣ видѣнную! Не забуду нашихъ пріятныхъ обѣдовъ за городомъ, нашихъ ночныхъ прогулокъ, нашихъ рыцарскихъ приключеній, и всегда буду хранить вѣжное, дружеское письмо твое, которое тихонько написалъ ты въ моей комнатѣ за часъ до нашей разлуки. Я любилъ всѣхъ моихъ земляковъ въ Парижѣ; но единственно съ тобою и съ Б* мнѣ грустно было разставаться. Къ утѣшенію своему думаю, что мы въ твоёмъ или моемъ отечествѣ можемъ еще уви-

* Въ Булонскомъ лѣсу читалъ я Мабліеву Исторію Французскаго Правленія.

дѣться, въ другомъ состояніи души, можетъ быть и съ другимъ образомъ мыслей, но равно знакомы и дружны! *

А вы, отечественные друзья мои, не назовете меня невѣрнымъ за то, что я въ чужой землѣ нашелъ человѣка, съ которымъ сердце мое было какъ дома. Это знакомство считаю благодареніемъ Судьбы въ странническомъ сиротствѣ моемъ. Какъ ни пріятно, какъ ни весело всякой день видѣть прекрасное, слышать умное и любопытное; но людямъ нѣкотораго рода надобны подобныя имъ люди, или сердцу ихъ будетъ грустно.

* Черезъ 10 лѣтъ послѣ нашей разлуки, не имѣвъ во все это время никакого объ немъ извѣстія вдругъ получаю отъ него письмо изъ Петербурга, куда онъ присланъ съ важною коммисіею отъ Двора своего — письмо дружеское и любезное. Мнѣ пріятно напечатать здѣсь нѣкоторыя его строки; *Je vous supplie, mon cher ami, de me répondre le plutôt possible, pour que je sache que vous vous portez bien et que je peux toujours me compter parmi vos amis. Vous n'avez pas d'idée, combien le souvenir de notre séjour de Paris a de charmes pour moi. Tout a changé depuis; mais l'amitié, que je vous ai vouée alors est toujours la même. Je me flatte aussi, que vous ne m'avez pas entièrement oublié. J'aime à croire que nous nous entendons toujours à demi-mot, и проч.* Онъ женился на молодой, любезной женщинѣ, которая извѣстна въ Германіи по уму и талантамъ своимъ. Она написала Романъ, который долго считался твореніемъ славнаго Гете: потому что скромная Муза не хотѣла именовать себя.

Наконецъ скажу вамъ, что, выключая мои обыкновенныя меланхолическія минуты, я не зналъ въ Парижѣ ничего, кромѣ удовольствій. Провести такъ около четырехъ мѣсяцовъ, есть, по словамъ одного Англійскаго Доктора, выманить у скупой волшебницы, Судьбы, очень богатый подарокъ. Почти всѣ мои земляки провожали меня, и Б* и Баронъ В*. Мы обнялись нѣсколько разъ прежде, нежели я сѣлъ въ дилижансъ. Теперь мы ночуемъ, отъѣхавъ верстъ 30 отъ Парижа. Душа моя такъ занята прошедшимъ, что воображеніе мое еще ни разу не заглянуло въ будущее: ѣду въ Англію, а объ ней еще не думаю.

Го-Бюиссонъ, въ 4 часа по полудни.

Въ Иль-де-Франсѣ плоды уже зрѣлы — въ Паркдін зелены — въ окрестностяхъ Булони все еще цвѣтеть и благоухаетъ. Перемена климата чувствительна на каждой милѣ — и воображеніе, что я удаляюсь безпрестанно отъ благословенныхъ странъ юга, горостно для души моей. Натура видимо бѣднѣетъ къ сѣверу.

Теперь сижу одинъ подъ каштановымъ деревомъ, шагахъ въ двадцати отъ почтоваго двора, — смотрю черезъ луга и поля на синѣющееся вдали море и на городъ Кале, окруженный болотами и песками.

Странное чувство! Мнѣ кажется, будто я пріѣхалъ на край свѣта — тамъ необозримое море — конецъ земли — Природа хладѣетъ, умираетъ — и слезы мои льются ручьями.

Все тихо, все печально; почтовой дворъ стоитъ уединенно; вокругъ его чистое поле. Товарищи мои сидятъ на травѣ, подлѣ нашей кареты, не говоря между собою ни слова; постильионы впрягаютъ лошадей; вѣтеръ воетъ, и листья уныло шумятъ надъ головой моей.

Кто видитъ мои слезы? кто беретъ участіе въ моей горести! кому изъясню чувства мои? Я одинъ.... одинъ! — Друзья! гдѣ взоръ вашъ? гдѣ рука ваша? гдѣ ваше сердце? Кто утѣшитъ печальнаго?

О милыя узы отечества, родства и дружбы! я васъ чувствую, не смотря на отдаленіе — чувствую, и лобызаю съ нѣжностію!....

Дикой, преселенный изъ мрачныхъ Канадскихъ лѣсовъ въ великолѣпный городъ Европы, на сцену всѣхъ блестящихъ Искусствъ, видитъ богатство и пышность — видитъ, и плѣняется; — но черезъ минуту очарованіе исчезаетъ — хладъ остается въ его сердцѣ, и онъ желаетъ возвратиться въ бѣдные шалаши лѣсовъ Канадскихъ, гдѣ грудь его согрѣвалась питательными лучами любви и дружбы.

Товарищи мои садятся въ карету — черезъ часъ будемъ въ Кале.

Кале, въ часъ по полуночи.

Насъ привезли въ трактиръ почтоваго двора.— Я тотчасъ пошелъ къ Лессею (котораго домъ есть самый лучшій въ городѣ); остановился передъ его воротами, украшенными бѣлымъ навильйономъ, и смотрѣлъ на право и на лѣво «Что вамъ надобно, государь мой?» спросилъ у меня молодой Офицеръ въ синемъ мундирѣ. «Комната, въ которой жилъ Лаврентій Стернъ», * отвѣчалъ я. — «И гдѣ въ первый разъ ѣлъ онъ Французской супъ?» сказалъ Офицеръ. — Соусъ съ цыплятами, отвѣчалъ я. — «Гдѣ хвалилъ онъ кровь Бурбоновъ?» — Гдѣ жаръ челоуѣколюбія покрылъ лице его нѣжнымъ румянцемъ. — «Гдѣ самый тяжелый изъ металловъ казался ему легче пуха!» ** — Гдѣ приходилъ къ нему отецъ Лорензо съ кротостію святаго мужа. — «И гдѣ онъ не далъ ему ни копѣйки?» — Но гдѣ хотѣлъ онъ заплатить двадцать фунтовъ стерлинговъ тому Адвокату, который бы взялся и могъ оправдать Йорика въ глазахъ Йориковыхъ. — «Государь мой! эта комната во второмъ этажѣ, прямо надъ вами. Тутъ живетъ нынѣ старая Англичанка съ своею дочерью.»

* См. *Sentimental Journey*, Стерново путешествіе. Оно переведено на Русской, и напечатано.

** Все сіе памятно тому, кто хотя одинъ разъ читалъ Стерново или Йорикова путешествіе; но можно ли читать его только одинъ разъ?

Я взглянулъ на окно, и увидѣлъ горшокъ съ розами. Подлѣ него стояла молодая женщина, и держала въ рукахъ книгу — вѣрно *Sentimental Journey*!

Благодарю васъ, государь мой — сказалъ я словоохотному Французу: но если позволите, то я спросилъ бы еще — — «Гдѣ тотъ каретный сарай, перервалъ Офицеръ, въ которомъ Йорикъ познакомился съ милою сестрою Графа Л*?» — Гдѣ онъ помирился съ отцомъ Лорензомъ и... съ своею совѣстію. — «Гдѣ Йорикъ отдалъ ему черепаховую свою табакерку и взялъ на обмѣнъ роговую?» — Но которая была ему дороже золотой и брилліантовой. — «Этотъ сарай въ 50 шагахъ отсюда, черезъ улицу; но онъ запертъ, а ключъ у Господина Дессеня, который теперь... у вечера.» — Офицеръ засмѣялся, — поклонился, и ушелъ. — «Господинъ Дессень въ Театрѣ,» сказалъ мнѣ другой человѣкъ мимоходомъ. «Господинъ Дессень на караулѣ (сказалъ третій:) его недавно пожаловали въ Капралы Гвардіи.» — О Йорикъ! думалъ я — о Йорикъ! какъ все перемѣнилось нынѣ во Франціи! Дессень Капраломъ! Дессень въ мундирѣ! Дессень на караулѣ! *Grand Dieu!* — Смерклось, и я возвратился въ свой трактиръ.

Что вамъ сказать о Кале? Городъ не великъ, но чрезвычайно многолюденъ — и Англичанѣ составляютъ по крайней мѣрѣ шестую часть жителей. Дома не высокіе, — въ два этажа; а роскошь видна только въ однихъ трактирахъ. Впрочемъ все кажется мнѣ здѣсь печальнымъ и бѣднымъ. Воз-

духъна питанъ сыростію и тонкою морскою солью, которая непріятнымъ образомъ щекотитъ нервы обонянія. Ни для чего въ свѣтѣ не хотѣлъ бы я жить здѣсь долго!

За ужиномъ ѣли мы прекрасную рыбу и свѣжихъ морскихъ раковъ, отмѣнно вкусныхъ. Тутъ сидѣло человѣкъ 40; между прочими семь или восемь Англичанъ, которые только-что переѣхали черезъ каналъ, и намѣрены странствовать по всей Европѣ. Съ ними былъ одинъ Италіянецъ, великой говорунъ и великой трусъ; худымъ Англійскимъ и Французскимъ языкомъ рассказывалъ онъ о многихъ опасностяхъ, угрожавшихъ ему и товарищамъ его на морѣ. Англичане смѣялись, и называли его Улиссомъ, который пугаетъ Царя Альциноя повѣствованіемъ о страшныхъ небылицахъ. * Между тѣмъ они безпрестанно кричали трактирщику: *вина! вина! самаго лучшаго! du meilleur! du meilleur!* и розовое шампанское лилось изъ урны своей не въ рюмки, а въ стаканы. Оно такъ хорошо алѣло въ стеклѣ, такъ хорошо пѣнилось, что и умѣренной другъ вашъ, не спрашивая о ценѣ, велѣлъ подать себѣ бутылку — *du meilleur! du meilleur!* Прекрасное вино! Нѣмецъ съ длиннымъ носомъ, сидѣвшій подлѣ меня, доказывалъ убѣдительнымъ образомъ, что оно и цвѣтомъ и вкусомъ похоже на божественный Нектаръ, который излился изъ роговъ святой козы Амальтеи. *

* См. Одиссею.

* Такъ говоритъ Мифологія.

«Мы давно слышали, сказалъ одинъ изъ Англичанъ, что Нѣмцы ученый народъ: теперь вѣрю этому. *Vraiment, Monsieur, vous êtes savant comme tous les diables!*» — Германецъ улыбался, и былъ сердечно доволенъ заслуженною похвалою.

Я пришелъ въ свою комнату, бросился на постель, и заснулъ; но черезъ нѣсколько минутъ разбудилъ меня шумъ веселыхъ Англичанъ, которые въ другой горницѣ кричали, топали, стучали и проч. и проч. Съ полчаса я терпѣлъ; наконецъ кликнулъ слугу и послалъ его напомнить Британцамъ, что они не одни въ трактирѣ, и что сосѣди ихъ, можетъ быть, хотятъ тишины и спокойствія. Сказавъ нѣсколько разъ *Годъ демъ*, они замолчали. — Рука не пишетъ болѣе — простите!

—

КАЛЕ, 10 ЧАСОВЪ УТРА.

Узнавъ, что пакетъ ботъ нашъ неотвалить отъ берега прежде одиннадцати часовъ, я пошелъ бродить, куда глаза глядятъ — очутился за городомъ, близъ кладбища, обсаженнаго высокими деревьями, и вспомнилъ могилу отца Лоренза, гдѣ Иориковы слезы лились на мягкой дернъ, — гдѣ въ одной рукѣ держалъ онъ табакерку добродушнаго монаха, а другою рвалъ зеленую траву. — Патеръ Лорензо! другъ Иорикъ! (думалъ я, облокотившись

на одинъ мшистой камень) — гдѣ вы, не знаю; но желаю нѣкогда быть съ вами вмѣстѣ!

У ногъ моихъ снѣлись цвѣточки; я сорвалъ два, и спряталъ въ записную книжку свою. Вы ихъ увидите нѣкогда, — естли волны морскія не поглотятъ меня вмѣстѣ съ ними! — Простите!

==

ПАКЕТЪ-БОТЪ.

Мы уже три часа на морѣ; вѣтеръ пресильный; многіе пассажиры больны. Берегъ Французской скрылся отъ глазъ нашихъ — Англійской показывается въ отдаленіи.

Вмѣстѣ съ нами сѣли на пакет-ботъ молодой Лордъ и двѣ Англичанки, жена и сестра его; они возвращаются изъ Италіи. Лордъ важенъ, но учтивъ. — Ладѣ и Миссъ любезны. Съ какимъ нетерпѣніемъ приближаются они къ отечеству, къ родственникамъ и друзьямъ своимъ, послѣ шестилѣтней разлуки! Съ какою радостію говорятъ о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя ожидаютъ ихъ въ Лондонѣ! — Ахъ! я завидовалъ имъ отъ всего сердца! Они примѣтили мою чувствительность, и для того, можетъ быть, обошлись со мною ласковѣе, нежели съ другими пассажирами. Черезъ два часа Ладѣ занемогла морскою болѣзнію — Лордъ также — ихъ отвели въ каюту. Миссъ осталась на палубѣ; но скоро и она поблѣднѣла. Вѣтеръ сор-

валъ съ нее шляпу, развѣвалъ ея русые длинные волосы. Я принесъ ей стаканъ холодной воды; но ничто не помогало! Бѣдная Англичанка, смотря на меня умильными и томными глазами, говорила: *Je suis mal, très mal; ma poitrine se déchire—Dieu! je crois mourir!* *мнѣ дурно, очень дурно; грудь моя раздирается — я умираю!* — Наконецъ и ее должно было вести въ каюту къ прочимъ больнымъ женщинамъ. Она подала мнѣ свою руку, холодную, слабую и дрожащую; грудь ея видимо подымалась и опускалась; слезы катились градомъ по блѣдному лицу — я почти несъ ее на рукахъ. Какая мучительная болѣзнь! Видя вездѣ страдающихъ; видя многія непріятныя явленія, которыя бываютъ всегдашнимъ слѣдствіемъ морскихъ припадковъ, я самъ едва было не упалъ въ обморокъ; оставилъ свою большую, возвратился на палубу, и мало по малу отдохнулъ на свѣжемъ воздухѣ.

Подлѣ меня сидятъ теперь два Нѣмца — кажется, ремесленники, которые, думая, что ихъ никто не разумѣетъ, свободно разговариваютъ между собою. — «Что-то мы увидимъ въ Англіи? сказалъ одинъ: Французы намъ теперь извѣстны; въ нихъ не много пути.» — «Думаю, отвѣчалъ другой, что и Англія намъ не очень полюбится. Гдѣ лучше нашей любезной Германіи! Гдѣ лучше береговъ Рейна!» — «Гдѣ лучше Вейндорфа!» сказалъ первый съ улыбкою: «тамъ живетъ Анята.» — Правда, отвѣчалъ другой со вздохомъ: тамъ живетъ Анята. Не далеко оттуда живетъ и Лиза, примолвилъ онъ съ улыбкою. — Ахъ! не далеко!

отвѣчалъ первый съ такимъ же вздохомъ. — «Еще шесть или семь мѣсяцевъ,» сказалъ одинъ, взявъ товарища своего за руку — — «Еще шесть или семь мѣсяцевъ, повторилъ другой, и мы въ Германіи!» — «И мы на берегу Рейна!» — И мы въ Вейндорфъ!» — «Тамъ, гдѣ живетъ Аня!» — «Тамъ, гдѣ живетъ Лиза!» — «Дай Богъ! дай Богъ!» — сказали они въ одинъ голосъ, и крѣпко, крѣпко пожали руку одинъ у другаго.

Уже открывается Дувръ и высокія башни въ которыхъ ночью зажигаютъ огонь для безопасности пловцовъ. Нигдѣ не видно зелени; вездѣ песчаные холмы, песчанья равнины. Мы близко къ берегу; но еще буря можетъ увести насъ далеко въ необозримостъ морскую — еще опасность не миновалась — еще корабль нашъ можетъ удариться о подводные граниты, и погрузиться въ шумящей безднѣ. Тогда... adieu!

Дувръ.

Берегъ! берегъ! Мы въ Дувръ, и я въ Англіи — въ той землѣ, которую въ ребячествѣ своемъ любилъ я съ такимъ жаромъ, и которая по характеру жителей и степени народнаго просвѣщенія есть конечно одно изъ первыхъ государствъ Европы. — Здѣсь все другое: другіе дома, другія улицы, другіе люди, другая пища — однимъ сло-

вомъ, мнѣ кажется, что я переѣхалъ въ другую часть свѣта.

Англія есть кирпичное царство: и въ городѣ и въ деревняхъ всѣ дома изъ кирпичей покрыты черепицею, и некрашеные. Вездѣ видите дымъ земляныхъ угольевъ; вездѣ чувствуете ихъ запахъ, который для меня весьма непріятенъ; улицы широки и отмѣнно чисты; вездѣ *тротуары*, или камнемъ выстланныя дорожки для пѣшихъ — и на каждомъ шагу — въ такомъ маленькомъ городкѣ, какъ Дувръ — встрѣчается вамъ красавица, въ черной шляпкѣ, съ кроткою, нѣжною улыбкою, съ посошкомъ въ бѣлой рукѣ.

Такъ, друзья мои! Англію можно назвать землею красоты — и путешественникъ, который не плѣнится миловидными Англичанками; который — особливо пріѣхавъ изъ Франціи, гдѣ очень мало красавицъ — можетъ смотрѣть равнодушно на ихъ прелести, долженъ имѣть каменное сердце. Часа два ходилъ я здѣсь по улицамъ единственно для того, чтобы любоваться Дуврскими женщинами, и скажу всякому живописцу: «если ты не былъ въ Англіи, то кисть твоя никогда совершенной красоты не изображала!» — Англичанокъ не лъзя уподобить розамъ; нѣтъ, онѣ почти всѣ блѣдны — но сія блѣдность показываетъ сердечную чувствительность, и дѣлается новою пріятностію на ихъ лицахъ. Поэтъ назоветъ ихъ лиліями, на которыхъ, отъ розовыхъ облаковъ неба, мелькаютъ алые оттѣнки. Кажется, будто всякимъ томнымъ взоромъ своимъ говорятъ онѣ: я умлю любить нѣжно! — Милыя,

милая Англичанки! — Но вы опасны для слабаго сердца, опаснѣе Нимфъ Калипсидныхъ, и вашъ островъ есть островъ волшебства, очарованія. Горе бѣдному страннику! Равнодушно взглянетъ онъ съ берега на пылающій корабль свой, и снова устремитъ огненные глаза на какую нибудь Эвхарису. * Ахъ! какой Менторъ низвергнетъ его въ волны морскія!

Между тѣмъ не думайте, чтобы другъ вашъ, пріѣхавъ въ опасную Англію, гдѣ Купидонъ во всѣ стороны пускаетъ тысячами стрѣлы свои, лишился всей твердости, ослабѣлъ и растаялъ въ томныхъ чувствахъ. Нѣтъ, друзья мои! я имѣлъ еще столько силъ, чтобы взойти на превысокую гору и видѣть тамъ древній замокъ, колодезь въ 360 футовъ глубиною, и мѣдную пушку, длиною въ три сажени, которая называется кармашнымъ пистолетомъ Королевы Елисаветы.

Я сѣлъ отдыхать на вершинѣ горы, и великолѣпнѣйшій видъ представился глазамъ моимъ. Съ одной стороны вся Кентская провинція съ городами и деревнями, рощами и полями; а съ другой безконечное море, въ которое погружалось солнце, и гдѣ пестрѣли разноцвѣтные флаги; гдѣ бѣлѣлись парусы и миллионы пѣнистыхъ валовъ.

Англійскій Лордъ, любезная жена и милая се-

* Известно, что Телемакъ, влюбленный въ Калипсиду Нимфу, Эвхарису, не тужилъ о сгорѣвшемъ кораблѣ своемъ.

стра его, вышедши на берегъ, съ нѣжностію обняли другъ друга. «Берегъ моего отечества! (сказалъ Лордъ) я благословляю тебя!» — Они дали мнѣ свой Лондонской адресъ, и поѣхали въ наемной каретѣ.

Когда я пришелъ въ трактиръ, гдѣ мы остановились ночевать, то въ первой комнатѣ окружили меня семь или восемь человѣкъ, весьма худо одѣтыхъ, которые грубымъ голосомъ требовали денегъ. Одинъ говорилъ: «дай мнѣ шиллингъ за то, что я подалъ тебѣ руку, когда ты сходилъ съ пакет-бота;» другой: дай мнѣ шиллингъ за то, что я поднималъ платокъ твой, когда ты уронилъ его на землю;» третій: «дай мнѣ два шиллинга за то, что я донесъ до трактира чемоданъ твой.» Четвертый, пятый, шестой — всѣ требовали, всѣ объявляли права свои на мой кошелекъ; но я, бросивъ на землю два шиллинга, ушелъ отъ нихъ. Судите, любятъ ли здѣсь деньги, и дешево ли цѣнятъ Англичане трудъ свой?

Еще другая черта. Всѣ наши сундуки и вещи принесли съ пакет-бота въ таможеню. «У меня нѣтъ ничего запрещеннаго, сказалъ я осмотрикамъ: и если вы повѣрите моему честному слову, и не будете разбивать моего чемодана, то я съ благодарностію заплачу нѣсколько шиллинговъ.» — Нѣтъ, государь мой! (отвѣчали мнѣ) «памъ должно все видѣть.» — Я отперъ, и показалъ имъ старыя свои книги, бумаги, бѣлье, фраки. «Теперь, сказали, они, вы должны заплатить полкроны.» — За что же? спросилъ я: развѣ вы были

снисходительны, или нашли у меня что нибудь запрещенное? — «Нѣтъ; но безъ этого не получите своего чемодана.» Я пожалъ плечами, и заплатилъ три шиллинга. — И такъ Англіійскіе таможенныя приставы умѣютъ строго исполнять свою должность, и притомъ... наживаться!

Мнѣ хотѣлось видѣть Англіійскую кухню. Какая чистота! На полу нѣтъ ни пятнышка; кастрюли, блюда, чашки — все бѣло, все свѣтло, все въ удивительномъ порядкѣ. Каменные уголья пылаютъ на большомъ очагѣ, и розовымъ огнемъ своимъ прельщаютъ зрѣніе. Хозяйка улыбнулась очень пріятно, когда я сказалъ ей: «видъ Французской кухни не рѣдко отнимаетъ аппетитъ; видъ вашей кухни производитъ его.»

Ужинъ нашъ состоялъ изъ жареной говядины, земляныхъ яблокъ, пудинга и сыру. Я хотѣлъ спросить вина, но вспомнилъ, что въ Англіи нѣтъ виноградныхъ садовъ, и спросилъ портеру. Бутылка самаго худаго Шампанскаго или Бургонскаго стоитъ здѣсь болѣе четырехъ рублей! Простите! Теперь полночь.

Лондонъ.

Въ шесть часовъ утра сѣли мы въ четверомѣстную карету, и поскакали на прекрасныхъ лошадяхъ по Лондонской дорогѣ, ровной и гладкой.

Какія мѣста! какая земля! Вездѣ богатые, темно-зеленые и тучные луга, гдѣ пасутся многочисленныя стада, блестящія своею перловою и серебряною волною; вездѣ прекрасныя дереваньки съ кирпичными домиками покрытыми свѣтлою черепицею; вездѣ видите вы маленькихъ красавицъ (въ чистыхъ бѣлыхъ корсетахъ, съ распущенными кудрями, съ открытою снѣжною грудью), которыя держатъ въ рукахъ корзинки, и продаютъ цвѣты; вездѣ замки богатыхъ Лордовъ, окруженные рощами и зеркальными прудами; вездѣ встрѣчается вамъ множество каретъ, колясокъ, верховыхъ; множество хорошо одѣтыхъ людей, которые ѣдутъ изъ Лондона и въ Лондонъ, или изъ деревень и сельскихъ домиковъ выѣзжаютъ прогуливаться на большую дорогу; вездѣ трактиры, и у всякаго трактира стоятъ осѣдланныя лошади и кабріолеты—однимъ словомъ, дорога отъ Дувра до Лондона подобна большой улицѣ многолюднаго города.

Что, ежели бы я прямо изъ Россіи пріѣхалъ въ Англію, не видавъ ни Эльбскихъ, ни Рейнскихъ, ни Сенскихъ береговъ; не бывъ ни въ Германіи, ни въ Швейцаріи, ни во Франціи? — Думаю, что картина Англіи еще болѣе поразила бы мои чувства; она была бы для меня новѣе.

Какое многолюдство! какая дѣятельность! и притомъ какой порядокъ! Все представляетъ видъ довольства, хотя не роскоши, но изобилія. Ни одинъ предметъ отъ Дувра до Лондона не напомнилъ мнѣ о бѣдности человѣческой.

На каждахъ четырехъ верстахъ перемѣняли

мы лошадей; но не смотря на то, постильионы или кучера, coachmen, останавливаются раза три пить въ трактирахъ — и никто не смѣй имъ сказать ни слова!

Въ Кантербури, главномъ городѣ Кентской провинціи, пили мы чай, въ первый разъ по Англійски, то есть, крѣпкой и густой, почти безъ сливокъ, и съ масломъ, намазаннымъ на ломтики бѣлаго хлѣба; въ Рочестерѣ обѣдали, также по-Англійски, то есть, не ѣли ничего, кромѣ говядины и сыра. Я спросилъ салату, но мнѣ подали вялую траву, облитую уксусомъ: Англичане не любятъ ни какой зелени. *Рост-бифъ*, *бифъ стекъ* * есть ихъ обыкновенная пища. Отъ того густѣетъ въ нихъ кровь; отъ того дѣлаются они флегматиками, меланхоликами, несносными для самихъ себя, и нерѣдко самоубійцами. Къ сей физической причинѣ ихъ *сплина* ** можно прибавить еще двѣ другія: вѣчной туманъ отъ моря и вѣчный дымъ отъ угольевъ, который облаками носится здѣсь надъ городами и деревнями.

Мы проѣзжали мимо одного огромнаго замка, построеннаго на высыкомъ мѣстѣ, откуда можно видѣть нѣсколько городовъ, множество деревень, рѣкъ, море, и проч. «Какъ щастливъ долженъ быть хозяинъ этого дому!» сказала наша спутница, пожилая Француженка. «Нѣтъ (отвѣчалъ мо-

* Жареная и битая говядина.

** То есть, меланхолія.

лодой Кентской дворянинъ, ѣхавшій съ нами въ каретѣ): блестящая наружность и прекрасные виды не дѣлають человека благополучнымъ. Я знаю исторію хозяина; она горестна.» — Англичанинъ разсказалъ намъ слѣдующее:

«Лордъ О* былъ молодъ, хорошъ, богатъ; но съ самаго младенчества носилъ на лицѣ своемъ печать меланхоліи — и казалось, что жизнь, подобно свинцовому бремени, тяготила душу и сердце его. Двадцати-пяти лѣтъ женился онъ на знатной и любезной дѣвицѣ, оставилъ Лондонъ пріѣхалъ въ нашу провинцію, въ этотъ замокъ, построенный и украшенный отцовъ его, и не смотря на всѣ ласки, на всѣ нѣжности милой супруги, предался болѣе, нежели когда нибудь, мрачной задумчивости и меланхоліи. Бѣдная Леди, живучи съ нимъ, страдала и томилась *semblable à ces flambeaux, à ces lugubres feux, qui brûlent près des morts sans échauffer leur cendre.* — Въ одинъ бурный вечеръ онъ взялъ ее за руку, привелъ въ густоту парка, и сказалъ: *я мучилъ тебя; сердце мое мертвое для всѣхъ радостей, не чувствуетъ цѣны твоей: мнѣ должно умереть — прости!* Въ самую сію минуту несчастный Лордъ прострѣлилъ себѣ голову, и упалъ мертвый къ ногамъ оцѣпенѣвшей жены своей. — Уже два года поконтся въ землѣ прахъ его. Чувствительная вдова клялась не выѣзжать изъ замка, и всякой день проливаетъ слезы на гробъ супруга, который былъ неизъяснимымъ феноменомъ въ нравственномъ

мірѣ.» — Товарищи мои начали разсуждать о семъ происшествіи; я молчалъ.

Версть за пять увидѣли мы Лондонъ въ густомъ туманѣ. Куполь церкви Св. Павла гигантски превышалъ всѣ другія зданія. Близъ него — такъ казалось издали — подымался сквозь дымъ и мглу тонкой высокой столпъ, монументъ, сооруженный въ память пожара, который нѣкогда превратилъ въ пепелъ большую часть города. Черезъ нѣсколько минутъ открылось потомъ и Вестминстерское Аббатство, древнее готическое зданіе, вмѣстѣ съ другими церквами и башнями, вмѣстѣ съ зелеными, густыми парками, звѣринцами и рощами, окружающими Лондонъ. — Надобно было спускаться съ горы: я вышелъ изъ кареты — и смотря на величественный городъ, на его окрестности и на большую дорогу, забылъ все. Если бы товарищи не хватились меня, то я остался бы одинъ на горѣ, и пошелъ бы въ Лондонъ пѣшкомъ.

На правой сторонѣ, между зеленыхъ береговъ, сверкала Темза, гдѣ возвышались безчисленныя корабельныя мачты, подобно лѣсу, опаленному молніями. Вотъ первая пристань въ свѣтѣ, средоточіе всемірной торговли!

Мы въѣхали въ Лондонъ.

Лондонъ, Іюля.... 1790.

Парижъ и Лондонъ, два первые города въ Европѣ, были двумя Фаросами моего путешествія, когда я сочинялъ планъ его. Наконецъ вижу и Лондонъ.

Еслили великолѣпіе состоитъ въ огромныхъ зданіяхъ, которыя, подобно гранитнымъ утесамъ, гордо возвышаются къ небу, то Лондонъ совсѣмъ не великолѣпенъ. Проѣхавъ двадцать или тридцать лучшихъ улицъ, я не видалъ ни однихъ величественныхъ палатъ, ни одного огромнаго дому. Но длинныя, широкія, гладко-вымощенныя улицы; большими камнями устланная дороги для пѣшихъ; двери домовъ, сдѣланныя изъ краснаго дерева, натертыя воскомъ и блестящія какъ зеркало; безпрерывный рядъ фонарей на обѣихъ сторонахъ; красивыя площади (Squares), гдѣ представляются вамъ или статуи или другіе историческіе монументы; подъ домами богатая лавка, гдѣ, сквозь стеклянныя двери, съ улицы видите множество всякаго роду товаровъ; рѣдкая чистота, опрятность въ одеждѣ людей самыхъ простыхъ, и какое-то общее благоустройство во всѣхъ предметахъ — образуютъ картину неописанной пріятности, и вы сто разъ повторяете: *Лондонъ прекрасенъ!* Какая розница съ Парижемъ! Тамъ огромность и гадость, здѣсь простота съ удивительною чистотою; тамъ роскошь и бѣдность въ вѣчной противоположности, здѣсь единообразіе общаго достатка; тамъ палаты, изъ которыхъ ползутъ

блѣдные люди въ раздранныхъ рубищахъ: здѣсь изъ маленькихъ кирпичныхъ домиковъ выходятъ Здоровье и Довольствіе, съ благороднымъ и спокойнымъ видомъ — Лордъ и ремесленникъ, чисто одѣтые, почти безъ всякаго различія; тамъ распу-дренный, разряженный человѣкъ тащится въ скверномъ фіакрѣ, здѣсь поселянинъ скачетъ въ хорошей каретѣ на двухъ гордыхъ коняхъ; тамъ грязь и мрачная тѣснота, здѣсь все сухо и гладко — вездѣ свѣтлый просторъ, не смотря на много-людство.

Я не зналъ, гдѣ мнѣ приклонить свою голову въ обширномъ Лондонѣ, но ѣхалъ спокойно, весело; смотрѣлъ и ничего не думалъ. Обыкновенное слѣдствіе путешествія и переѣздовъ изъ земли въ землю! Человѣкъ привыкаетъ къ неизвѣстности, страшной для домосѣдовъ. *Здѣсь есть люди: я найду себѣ мѣсто, найду знакомство и пріятности* — вотъ чувство, которое дѣлаетъ его беззаботнымъ гражданиномъ вселенной!

Наконецъ карета наша остановилась; товарищи мои выпрыгнули и скрылись. Тутъ вспомнилъ я, что и мнѣ надлежало итти куда нибудь съ своимъ чемоданомъ — куда же? Однажды, всходя въ Парижской Отели своей на лѣстницу, поднялъ я карточку, на которой было написано: *Г. Ромели въ Лондонѣ, на улицѣ Пель-Мель, въ 208 номерѣ, имѣетъ комнаты для иностранцевъ.* Карточка сохранилась въ моей записной книжкѣ, и другъ вашъ отправился къ Г-ну Ромели. Вспомните анекдотъ, что одинъ Французъ, умирая, велѣлъ по-

звать къ себѣ обыкновеннаго духовника своего; но посланный возвратился съ отвѣтомъ, что духовника его уже лѣтъ двадцать нѣтъ на свѣтѣ. Со мною случилось подобное. Г. Ромели скончался за 15 лѣтъ до моего пріѣзда въ Лондонъ!.. Надлежало искать другаго пристанища: мнѣ отвели уголокъ въ одномъ Французскомъ трактирѣ. «Комната не велика (сказалъ хозяинъ), и занята молодымъ Эмигрантомъ; но онъ добрый человѣкъ, и согласится раздѣлить ее съ вами.» Товарища моего не было дома; въ горницѣ не нашелъ я ничего, кромѣ постели, гитары, картъ и... а black pair of silk breeches.* Въ ту же минуту явился Англіійской парикмахеръ, толстый флегматикъ, который изрѣзалъ мнѣ щеки тупою бритвою, намазалъ голову саломъ и напудрилъ мукою... я уже не въ Парижѣ, гдѣ кисть искуснаго, веселаго Ролета** подобно Зефиру навѣвала на мою голову бѣлѣйшій ароматный иней! На мои жалобы: *ты меня рѣжешь, помада твоя пахнетъ саломъ, изъ пудры твоей хорошо только печь сухари*, Англичанинъ отвѣчалъ съ сердцемъ: *I dont understand you, Sir; я васъ не разумлю!* И большой человѣкъ не есть ли ребенокъ? Бездѣлица веселить, бездѣлица огорчаетъ его: толстой Лондонской парикмахеръ грубостью своею какъ облакомъ затмилъ

* Съ которыми отправился Йорикъ во Францію, какъ извѣстно.

** Имя моего Парижскаго парикмахера.

мою душу. Надѣвая на себя Парижской фракъ, я вздохнулъ о Парижѣ, и вышелъ изъ дому въ задумчивости, которая однакожь въ минуту разсѣялась видомъ прекраснѣйшей иллюминаціи.... Едва только закатилось солнце, а всѣ фонари на улицахъ были уже засвѣчены; ихъ здѣсь тысячи, одинъ подлѣ другаго, и куда не взглянешь, вездѣ перспектива огней, которые вдали кажутся вамъ огненною, непрерывною нитью, протянутою въ воздухѣ. Я ничего подобнаго не видывалъ, и не дивлюсь ошибкѣ одного Нѣмецкаго Принца, который, въѣхалъ въ Лондонъ ночью и видя яркое освѣщеніе улицъ, подумалъ, что городъ иллюминированъ для его пріѣзда. Англійская нація любитъ свѣтъ, и даетъ Правительству милліоны, чтобы замѣнять естественное солнце искусственнымъ. Разительное доказательство народнаго богатства! Французское Министерство давало пенсіи на лунной свѣтъ; * гордый Британецъ смѣется, звучитъ въ карманѣ гинееми, и велитъ Питту зажигать фонари засвѣтло.

Я люблю большіе города и многолюдство, въ которомъ человѣкъ можетъ быть уединеннѣе, нежели въ самомъ маломъ обществѣ; люблю смотрѣть на тысячи незнакомыхъ лицъ, которыя, подобно Китайскимъ тѣнямъ, мелькаютъ передо мною, ос-

* Въ лунныя ночи Парижъ не освѣщался; изъ остатковъ суммы, опредѣленной на освѣщеніе города, давались пенсіоны.

тавляя въ первахъ легкія, едва примѣтныя впечатлѣнія; люблю теряться душею въ разнообразіи дѣйствующихъ на меня предметовъ и вдругъ обращаться къ самому себѣ, — думать, что я средоточіе нравственнаго міра, предметъ всѣхъ его движеній, или пылинка, которая съ міріадами другихъ атомовъ обращается въ вихрь предопредѣленныхъ случаевъ. Философія моя укрѣпляется, такъ сказать, видомъ людской суетности; напротивъ того, будучи одинъ съ собою, часто ловлю свои мысли на мірскихъ ничтожностяхъ. Свѣтъ нравственный, подобно небеснымъ тѣламъ, имѣетъ двѣ силы: одною влечетъ сердце наше къ себѣ, а другою отталкиваетъ его: первую живѣе чувствую въ уединеніи, другую между людей — но не всякой обязанъ имѣть мои чувства.

Я умствую: извините. Таково дѣйствіе Англійскаго климата. Здѣсь родились Невтонъ, Локкъ и Гоббесъ!

Надобно смотрѣть, надобно описывать. — Ошибаюсь или нѣтъ; но мнѣ кажется, что первый взглядъ на городъ даетъ намъ лучшее, живѣйшее объ немъ понятіе, нежели долгоевременное пребываніе, въ которомъ, занимаясь частями, теряемъ чувство цѣлаго. Свѣжее любопытство ловитъ главные, отличительные знаки мѣста и людей: то, что собственно называется характеромъ, и что при долгомъ, повторительномъ разсматриваніи затемняется въ душѣ наблюдателя. Такимъ образомъ, если бы я, проживъ въ Лондонѣ года два, уѣхалъ и захотѣлъ себѣ представить его въ кар-

тинѣ, то мнѣ надлежало бы оживить въ памяти своей сильныя впечатлѣнія нынѣшняго дня.

Кто скажетъ вамъ: шумный Лондонъ! тотъ, будьте увѣрены, никогда не видалъ его. Многолюденъ, правда; но тихъ удивительнымъ образомъ, не только въ сравненіи съ Парижемъ, но даже и съ Москвою. Кажется, будто здѣсь люди или со сна не разгулялись, или чрезмѣрно устали отъ дѣятельности, и спѣшатъ отдыхать. Если бы отъ времени до времени стукъ каретъ не потрясалъ нервъ вашего слуха, то вы, ходя по здѣшнимъ улицамъ, могли бы вообразить, что у васъ залегли уши. Я входилъ въ разные кофейные дома: двадцать, тридцать человѣкъ сидятъ въ глубокомъ молчаніи, читаютъ газеты, пьютъ красное Португальское вино; и хорошо если въ 10 минутъ услышите два слова—какія же? *your health, gentleman!* *ваше здоровье!* Мудрено ли, что Англичане славятся глубокомысліемъ въ Философіи? они имѣютъ время думать. Мудрено ли, что Ораторы ихъ въ Парламентѣ заговоривъ не умѣютъ кончить? имъ наскучило молчать дома и въ публикѣ.

Спокойствіе моихъ ушей давало полную свободу глазамъ моимъ заниматься наружностію предметовъ, особливо лацами. Женщины и въ Лондонѣ очень хороши, одѣваются просто и мило; всѣ безъ пудры, безъ румянъ, въ шляпкахъ, выдуманныхъ Граціями. Онѣ ходятъ какъ летаютъ; за иною два лакея съ трудомъ успѣваютъ бѣжать. Маленькія ножки, выставляясь изъ-подъ кисейной юбки, едва

касаются до камней *троттуара*; на бѣломъ корсетѣ развѣвается Остъ-Индская шаль; и на шаль, изъ-подъ шляпки, падаютъ свѣтлые локоны. Англичанки по большей части бѣлокуры; но самыя лучшія изъ нихъ темноволосыя. Такъ мнѣ показалось; а я, право, смотрѣлъ на нихъ съ большимъ вниманіемъ! Взглядывалъ и на Англичанъ, которыхъ лица можно раздѣлить на три рода: на угрюмыя, добродушныя и звѣрскія. Клянусь вамъ, что нигдѣ не случалось мнѣ видѣть столько послѣднихъ, какъ здѣсь. Я увѣрился, что Гогардъ писалъ съ Натуры. Правда, что такія гнусныя фізіогноміи встрѣчаются только въ низкой черни Лондонскаго народа; но столь многообразны, живы и разительны, что десяти Лафатеровъ не достало бы для описанія всѣхъ дурныхъ качествъ, ими изображаемыхъ. Франтовъ видѣлъ я здѣсь гораздо болѣе, нежели въ Парижѣ. Шляпа сахарною головою густо насаленные волосы и виски до самыхъ плечъ, толстой галстукъ, въ которомъ погребена вся нижняя часть лица, разинутый ротъ, обѣ руки въ карманахъ, и самая непристойная походка: вотъ ихъ общія примѣты! Не думаю, чтобы изъ тысячи подобныхъ людей вышелъ одинъ хорошій Членъ Парламента. Боркъ, Фоксъ, Шериданъ Питтъ въ молодости своей вѣрно не бѣгали по улицамъ разпями.

Скажите, друзья мои, нашему П., обожателю Англичанъ, чтобъ онъ тотчасъ заказалъ себѣ дюжину синихъ фраковъ: это любимый цвѣтъ ихъ. Изъ 50 человѣкъ, которые встрѣтятся вамъ

на Лондонской улицѣ, по крайней мѣрѣ двадцать увидите въ синихъ кафтанахъ. Такимъ важнымъ замѣчаніемъ могу кончить письмо свое: остальные наблюденія поберегу для слѣдующихъ. Скажу только, что я съ великимъ трудомъ нашелъ свою *Таверну*. Лондонскія улицы всѣ одна на другую похожи; надобно было спрашивать, а я дурно выговаривалъ имя своей, и не прежде одиннадцати часовъ возвратился къ любезному моему... чемодану.

Лондонъ, Іюля.... 1790.

Я не видалъ еще никого въ Лондонѣ; не успѣлъ взять денегъ у Банкира, но успѣлъ слышать въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ Генделеву Ораторію, Мессію, отдавъ за входъ послѣднюю гинею свою. Въ оркестрѣ было 900 музыкантовъ. Пѣли славная въ Европѣ Мара, Синьйора Кантелло, Стораче извѣстный пѣвецъ Паккіеротти, Норрисъ и проч. Инструментальною музыкою управлялъ Г. Крамеръ. Вообразите дѣйствіе 600 инструментовъ и 300 голосовъ, наилучшимъ образомъ согласенныхъ, — въ огромной залѣ, при безчисленномъ множествѣ слушателей, наблюдающихъ глубокое молчаніе! Какая величественная гармонія! какія трогательныя аріи! гремящіе хоры! быстрыя перемѣны чувствъ! Послѣ священнаго ужаса, вселяе-

маго арію: who shall stand when he appears, * вы въ восторгѣ отъ хора: arise, shine, for thy light is come, ** Печаль, грусть обнимаетъ сердце, когда Мара поетъ о Христѣ: he was a man of sorrows, and acquainted with grief. *** Такъ называемые *семи-хоры*, вопросами и отвѣтами, производятъ удивительное дѣйствіе. Одинъ: who is the king of glory? Другой: The Lord, strong and mighty. — Who is the king of glory; The Lord of Hosts. **** Послѣ чего *семи-хоръ* повторяется всѣмъ хоромъ. Я плакалъ отъ восхищенія, когда Мара пѣла арію: I know that my Redeemer lives — и дуэтъ съ Паккьеротти: O Death where is thy sting? O grave, where is thy victory? ***** Я слыхалъ музыку Перголезіево, Іомелліево, Гайденову, но не бывалъ ничѣмъ столько растроганъ, какъ Генделевымъ Мессіею. И печально и радостно, и великолѣпно и чувствительно!

Ораторія раздѣляется на три части; послѣ каждой музыканты отдыхали, а слушатели, пользуясь тѣмъ временемъ, завтракали. Я былъ въ ложѣ съ однимъ купеческимъ семействомъ. Меня посадили на лучшемъ мѣстѣ и кормили пирогами, но нимало

* Кто устоитъ предъ лицомъ Его, и проч.

** Возстаи и сіяй, ибо явился свѣтъ Твой.

*** Онъ испыталъ горестъ, узналъ печаль.

**** Кто Царь славы? Господь небесныхъ воинствъ.

***** Живъ, живъ Спаситель мой!... О Смерть! гдѣ твое жало? Могила! гдѣ побѣда твоя?

не думали занимать разговоромъ. Лишь только Король съ Фамиліею вошелъ въ ложу свою, одинъ изъ моихъ товарищей ударилъ меня по плечу и сказалъ: «вотъ нашъ добрый Джорджъ съ добрыми «дѣтьми своими! Я нарочно наклонюсь, чтобы вы «могли лучше видѣть ихъ.» Это мнѣ очень полюбилось, и полюбилось бы еще болѣе, если бы онъ не такъ сильно ударилъ меня по плечу. — Вотъ другой случай; къ намъ вошла женщина съ *аффишами*, и втерла мнѣ въ руки листочекъ, для того, чтобы взять съ меня 6 пенсовъ. Старшій изъ фамиліи выдернулъ его у меня съ сердцемъ и бросилъ женщиѣ, говоря: «ему не надобно; ты хочешь отнять у него деньги; это стыдно. Онъ «иностранецъ, и не умѣетъ отговориться.» Хорошо, подумалъ я: но для чего ты, господинъ Британецъ, вырвалъ листокъ съ такою грубостію? для чего задѣлъ меня имъ по носу?

Между тѣмъ я съ пріятнымъ любопытствомъ разсматривалъ Королевскую Фамилію. У всѣхъ добродушныя лица, и болѣе Нѣмецкія, нежели Англійскія. Видъ у Короля самый здоровый; никакихъ слѣдовъ прежней его болѣзни въ немъ не примѣтно. Дочери похожи на мать: совсѣмъ не красавицы, но довольно миловидны. Принцъ Валлисской хорошій мужчина; только слишкомъ толстъ.

Тутъ видѣлъ я всю лучшую Лондонскую публику. Но всѣхъ болѣе занималъ меня молодой человекъ въ серенькомъ фракѣ, видомъ весьма обыкновенный, но умомъ своимъ рѣдкій; человекъ, который въ лѣтахъ цвѣтущей молодости живетъ един-

ственно честолюбіемъ, имѣя цѣлю пользу своего отечества; родителя славнаго сынъ достойный, уважаемый всѣми истинными патріотами — однимъ словомъ Вильгельмъ Питтъ! У него самое Англійское, покойное и даже немного флегматическое лицо, на которомъ однакожь изображается благородная важность и глубокомысліе. Онъ съ великимъ вниманіемъ слушалъ музыку — говорилъ съ тѣми, которые сидѣли подлѣ него — но болѣе казался задумчивымъ. Въ наружности его нѣтъ ничего особеннаго, пріятнаго. — — Слышавъ Генделя и видѣвъ Питта, не жалѣю своей гиней.

Эта ораторія дается каждый годъ, въ память сочинителя и въ знакъ признательности Англійскаго народа къ великимъ его талантамъ. Гендель жилъ и умеръ въ Лондонѣ.

Изъ Вестминстерскаго Аббатства прошелъ я въ славный Сент-Джемской паркъ — нѣсколько изрядныхъ липовыхъ аллей, обширный лугъ, гдѣ ходятъ коровы, и болѣе ничего!

—

Лондонъ, Іюль... 1790.

Съ помощію моихъ любезныхъ земляковъ нашелъ я въ Оксфордской улицѣ, близъ Cavendish Square, прекрасныя три комнаты за полгинею въ недѣлю; онѣ составляютъ весь второй этажъ дома, въ ко-

торомъ живутъ двѣ сестры хозяйки, служанка Дженни, вашъ другъ — и болѣе никого. «Одинъ «мущина съ тремя женщинами! какъ страшно или «весело!» Ни мало. Хозяйки мои украшены нравственными добродѣтелями и сѣдыми волосами; а служанка успѣла уже рассказать мнѣ тайную исторію своего сердца: Нѣмецъ ремесленникъ плѣнился ею, и скоро будетъ щастливымъ ея супругомъ. Въ 8 часовъ утра приноситъ она мнѣ чай съ сухарями, и разговариваетъ со мною о Фильдингвыхъ и Ричардсоновыхъ романахъ. Вкусъ у нее странной: на примѣръ, Ловеласъ кажется ей несравненно любезнѣе Грандиссона. Обожая Клементину, Дженни смѣется надъ дѣвицею Байронъ, а Клариссу называетъ умною дуροю. Таковы Лондонскія служанки!

Въ каждомъ городѣ самая примѣчательнѣйшая вещь есть для меня . . . самый городъ. Я уже исходилъ Лондонъ вдоль и поперегъ. Онъ ужасно длиненъ, но въ иныхъ мѣстахъ очень узокъ; въ окружности же составляетъ верстъ пятьдесятъ. Распространяясь безпрестанно, онъ скоро поглотитъ всѣ окрестныя деревни, которыя исчезнутъ въ немъ какъ рѣки въ Океанѣ. *Вестминстеръ* и *Сити* составляютъ двѣ главныя части его: въ первомъ живутъ по большей части свободные и достаточные люди, а въ послѣднемъ купцы, работники, матрозы: тутъ рѣка съ великолѣпными своими мостами, тутъ Биржа; улицы тѣснѣе, и вездѣ множество народу. Тутъ не видите уже той пріятной чистоты, которая на каждомъ шагу плѣняетъ глаза

въ Вестминстерѣ. Темза, величественная и прекрасная, совсѣмъ не служитъ къ украшенію города, не имѣя хорошей набережной (какъ на примѣръ Невы въ Петербургѣ, или Рона въ Лионѣ), и будучи съ обѣихъ сторонъ застроена скверными домиками, гдѣ укрываются самые бѣдные жители Лондона. Только въ одномъ мѣстѣ сдѣлана на берегу терраса (называемая *Адельфи*), и къ несчастію въ такомъ, гдѣ совсѣмъ не видно рѣки подъ множествомъ лодокъ, нагруженныхъ земляными угольями. Но и въ этой неопрятной части города находите вездѣ богатые лавки и магазины, наполненные всякаго рода товарами, Индѣйскими и Американскими сокровищами, которыхъ запасено тутъ на нѣсколько лѣтъ для всей Европы. Такая роскошь не возмущаетъ, а радуется сердце, представляя вамъ разительный образъ человѣческой смѣлости, нравственного сближенія народовъ и общественнаго просвѣщенія! Пусть гордый богачъ, окруженный произведеніями всѣхъ земель, думаетъ, что услажденіе его чувствъ есть главный предметъ торговли! Она, питая безчисленное множество людей, питаетъ дѣятельность въ мірѣ, переноситъ изъ одной части его въ другую полезныя изобрѣтенія ума человѣческаго, новыя идеи, новыя средства утѣшаться жизнью.

Нѣтъ другаго города столь пріятнаго для пѣшеходцевъ, какъ Лондонъ: вездѣ подлѣ домовъ сдѣланы для нихъ широкіе *троттуары*, которые по-Русски можно назвать *намостами*; ихъ всякое утро моютъ служанки (каждая передъ своимъ домомъ),

такъ что и въ грязь и въ пыль у васъ ноги чисты. Одно только не нравится мнѣ въ этомъ *намоствѣ*; а именно то, что безпрестанно видишь у ногъ отверстія, которыя ночью закрываются, а днемъ не всегда; и если вы хотя мало задумаетесь, то можете попасть въ нихъ какъ въ западню. Всякое отверстие служить окномъ для кухни, или для какой нибудь Таверны; или тутъ сыпаютъ земляные уголья; или тутъ маленькая лѣстница для схода внизъ. Надобно знать, что всѣ Лондонскіе дома строятся съ подземельною частію, въ которой бываетъ обыкновенно кухня, погребъ и еще какія нибудь очень несвѣтлыя горницы для слугъ, служанокъ, бѣдныхъ людей. Въ Парижѣ нищета взбирается подъ облака, на чердакъ; а здѣсь опускается въ землю. Можно сказать, что въ Парижѣ носятъ бѣдныхъ на головахъ, а здѣсь топчутъ ногами.

Домы Лондонскіе всѣ малы, узки, кирпичные, не бѣленые, (для того, чтобы вѣчная копоть отъ угольевъ была на нихъ менѣе примѣтна), и представляютъ скучное, печальное единообразіе; но внутренность мила; все просто чисто и похоже на сельское. Крыльцо и комнаты устланы прекрасными коврами; вездѣ свѣтлое красное дерево; нигдѣ не увидишь пылинки; нѣтъ большихъ залъ, но все уютно и покойно. Всѣхъ приходящихъ къ хозяину или къ хозяйкѣ вводятъ въ горницу нижняго этажа, которая называется *parlour*; одни родные или друзья могутъ войти во внутреннія комнаты. — Ворота здѣсь нѣтъ: изъ домовъ на улицу дѣлаются боль-

шія двери, которыя всегда бывають заперты. Кто придетъ, долженъ стучаться мѣдною скобою въ мѣдный замокъ: слуга одинъ разъ, гость два, хозяинъ три раза. Для каретъ и лошадей есть особливые конюшенные дворы; при домахъ же бывають самыя маленькіе дворики, устланные дерномъ; иногда и садикъ, но рѣдко, потому что мѣста въ городѣ чрезмѣрно дороги. Ихъ по большей части отдаютъ здѣсь на выстройку: возьми мѣсто, построй домъ, живи въ немъ 15 или 20 лѣтъ, и послѣ отдай все тому, чья земля.

Что, если бы Лондонъ при такихъ широкихъ улицахъ, при такомъ множествѣ красивыхъ лавокъ, былъ выстроенъ какъ Парижъ? Воображеніе не могло бы представить ничего великолѣпнѣе.

Не скоро привыкнешь къ здѣшнему образу жизни, къ здѣшнимъ позднимъ обѣдамъ, которые можно почти назвать ужинами. Вообразите, что за столъ садятся въ 7 часовъ! Хорошо тому, кто спитъ до одиннадцати; но каково мнѣ, привыкшему вставать въ восемь? Брожу по улицамъ; люблюсь, какъ на вѣчной ярмонкѣ, разложенными въ лавкахъ товарами; смотрю на смѣшныя каррикатуры, выставлемыя на дверяхъ въ эстампныхъ кабинетахъ, и дивлюсь охотѣ Англичанъ. Какъ Французъ на всякой случай напишетъ пѣсенку, такъ Англичанинъ на все выдумаетъ карриатуру. На примѣръ, теперь Лондонскій Кабинетъ ссорится съ Мадридскимъ за Нутка-Соундъ. Чтожъ представляетъ карриатура? Министры обоихъ Дворовъ стоятъ по горло въ водѣ и дерутся въ кулачки; у Гишпан-

скаго кровь бьетъ уже фонтаномъ изъ носу. — Захожу завтракать въ пирожныя лавки, гдѣ прекрасная ветчина, свѣжее масло, славные пироги и конфекты; гдѣ все такъ чисто, такъ прибрано, что любо взглянуть. Правда, что такіе завтраки не дешевы, и меньше двухъ рублей не заплатишь, еслии аппетитъ хорошъ. Обѣдаю иногда въ кофейныхъ домахъ, гдѣ за кусокъ говядины, пудинга и сыру берутъ также рубли два. За то велика учтивость: слуга отворяетъ вамъ дверь, и миловидная хозяйка спрашиваетъ ласково, что прикажете? — Но всего чаще обѣдаю у нашего Посла. Г. С. Р. В. человека умнаго, достойнаго, привѣтливаго, который живетъ совершенно по-Англійски, любитъ Англичанъ и любимъ ими. Всегда нахожу у него человека пять или шесть, по большей части иностранныхъ Министровъ. Обхожденіе Графа пріятно и ласково безъ всякой излишней короткости. Онъ истинный патріотъ, знаетъ хорошо Русскую Исторію, Литтературу, и читалъ мнѣ наизусть лучшія мѣста изъ Одъ Ломоносова. Такой посолъ не уронитъ своего Двора; за то Питтъ и Гренвиль очень уважаютъ его. Я замѣтилъ, что здѣшнія Министерскія конференціи бывають безъ всякихъ чиновъ. Въ назначенный часъ Министръ къ Министру идетъ пѣшкомъ, во фракъ. Хозяинъ, какъ сказываютъ, принимаетъ въ сертукъ; подають чай — высылають слугу — и, сидя на диванѣ, рѣшаютъ важное политическое дѣло. Здѣсь нуженъ умъ, а не пышность. Нашъ Графъ носитъ всегда синій фракъ и маленькой кошелекъ, который отличаетъ его отъ

всѣхъ Лондонскихъ жителей: потому что здѣсь никто кошелекѣ не носитъ. На лѣто нанимаетъ онъ прекрасный сельской домъ въ Ричмондѣ (верстахъ въ 10 отъ Лондона), гдѣ я также у него былъ и ночевалъ.

Вчерашній день пригласилъ меня обѣдать богатый Англичанинъ Бакстеръ, Консулъ, въ загородный домъ свой, близъ Гайдъ-Парка. Въ ожиданіи шести часовъ я гулялъ въ Паркѣ, и видѣлъ множество Англичанокъ верхомъ. Какъ онѣ скачутъ! Пріятно смотрѣть на ихъ смѣлость и ловкость; за каждою берейтеръ. День былъ хорошъ: но вдругъ пошелъ дождь. Всѣ мои Амазонки спѣшились, и подъ тѣнію древнихъ дубовъ искали убѣжища. Я осмѣлился съ одною изъ нихъ заговорить по-Французски. Она осмотрѣла меня съ головы до ногъ; сказала два раза oui, два раза non — и болѣе ничего. Всѣ хорошо-воспитанные Англичане знаютъ Французской языкъ, но не хотятъ говорить имъ, и я теперь крайне жалѣю, что такъ худо знаю Англійской. Какая розница съ нами! У насъ всякой, кто умѣетъ, только сказать: comment vous portez-vous? безъ всякой нужды коверкаетъ Французскій языкъ, чтобы съ Русскимъ не говорить по-Русски; а въ нашемъ такъ называемомъ *хорошемъ обществѣ* безъ Французскаго языка будешь глухъ и нѣмъ. Не стыдно ли? Какъ не имѣть народнаго самолюбія? За чѣмъ быть попугаями и обезьянами вмѣстѣ? Нашъ языкъ и для разговоровъ право не хуже другихъ; надобно только, чтобы наши умные свѣтскіе люди, особливо же красавицы, искали въ немъ вы-

раженій для своихъ мыслей. Всего же смѣшнѣе для меня наши *остроумцы*, которые хотятъ быть Французскими Авторами. Бѣдные! они щастливы тѣмъ, что Французъ скажетъ объ нихъ: *pour un étranger, Monsieur n'écrit pas mal!*

Извините, друзья мои, что я такъ разгорячился и забылъ, что меня Бакстеръ ждетъ къ обѣду — совершенно Англійскому, кромѣ Французскаго супа. Ростбифъ, *потаты*, * пудинги, и рюмка за рюмкой Кларету, Мадеры! Мужчины пьютъ, женщины говорятъ между собою потихоньку, и скоро оставляютъ насъ однихъ; снимаютъ скатерть, кладутъ на столъ какія-то пестрыя салфетки, и ставятъ множество бутылокъ: снова пить — *тосты*, здоровья! Всякой предлагаетъ свое; я сказалъ: *вѣчный миръ и цвѣтущая торговля?* Англичане мои сильно хлопнули рукою по столу, и вышли до дна. Въ 9 часовъ мы встали, всѣ розовые; пошли къ дамамъ пить чай, и наконецъ всякой отправился домой. Это, говорятъ, весело! По крайней мѣрѣ не мнѣ. Не для того ли пьютъ Англичане, что у нихъ вино дорого? они любятъ хвастаться своимъ богатствомъ? Или холодная кровь ихъ имѣетъ пужду въ разгоряченіи?

* Земляныя яблоки.

Лондонъ, Іюля... 1790.

Нынѣшній день провелъ я какъ Говардъ — осматривалъ темницы — хвалилъ попечительность Англійскаго Правленія, сожалѣлъ о людяхъ, игнушася людьми.

Лучше, если бы совсѣмъ не было нужды въ тюрьмахъ; но когда бѣдный человѣкъ все еще проказить и безумствуетъ, то Англійскія должно называть благодѣяніемъ человѣчества, и Французская пословица: *il n'y a point de belles prisons* * здѣсь отчасти несправедлива.

Я хотѣлъ видѣть прежде Лондонское судилище. *Justice-Hall*, гдѣ каждыя 6 недѣль собираются такъ называемые *присяжные*, *Jury*, и судьи для рѣшенія уголовныхъ дѣлъ. Здѣсь, друзья мои, отдайте пальму Англійскимъ законодателямъ, которые умѣли жестокое правосудіе смягчить человѣколюбіемъ, не забыли ничего для спасенія невинности и не боялись излишнихъ предосторожностей. Расскажу вамъ порядокъ слѣдствій.

Такъ называемый *мирный судья* есть въ Англіи первый разбиратель всѣхъ доносовъ: онъ призываетъ къ себѣ обвиняемаго, даетъ очную ставку, и возвращаетъ ему свободу, если доносъ оказывается неосновательнымъ; въ противномъ же случаѣ обязываетъ его явиться въ судъ или, когда преступленіе важно, отсылаетъ въ темницу. Потомъ дру-

* То есть «нѣтъ на свѣтѣ хорошихъ темницъ».

гой судья, именуемый Шерифомъ, избираетъ отъ 12 до 24 присяжныхъ (всякаго состоянія людей, извѣстныхъ по своему доброму поведенію), которые снова должны разсмотрѣть обстоятельства доноса; и если 12 изъ нихъ не признаютъ доказательствъ вѣроятными, то обвиняемый выпускается; а если признаютъ, то начинается формальное дѣло — такимъ образомъ:

Въ день рѣшительнаго засѣданія преступникъ является въ судъ, выслушиваетъ на себя доносъ, и на вопросъ: «какъ хочетъ быть судимъ?» отвѣчаетъ: «по совѣсти и закону моего отечества.» Шерифъ избираетъ тогда другихъ присяжныхъ ровно 12, и судимый имѣетъ право уничтожить ихъ выборъ, доказывая, что они по чему нибудь могутъ быть пристрастны; и даже безъ всякихъ причинъ можетъ отвергнуть по закону 20 человекъ. Когда же присяжные выбраны, тогда, давъ клятву быть вѣрными совѣсти, садятся на свои кресла, и вмѣстѣ съ судьями выслушиваютъ дѣло, въ присутствіи многочисленныхъ зрителей. Донощикъ обвиняетъ, судимый оправдывается, самъ или черезъ своего адвоката; представляютъ свидѣтелей — и наконецъ, по разобраніи всѣхъ обстоятельствъ, одинъ изъ судей снова предлагаетъ ихъ въ ясномъ сокращеніи. Присяжные идутъ въ другую комнату, запираются и судятъ единственно по гласу совѣсти; законъ не велитъ имъ ни пить ни ѣсть, пока они на что нибудь единодушно не согласятся. Вышедши оттуда, говорятъ только одно слово: виноватъ или невиноватъ, и дѣло рѣ-

шено безъ всякой аппелляціи. Естли скажутъ: *виноватъ*, то судьи прибираютъ только законъ на вину, держась его точнаго смысла, и не входя ни въ какія произвольныя изъясненія, такъ что въ Англіи не будетъ наказано и самое важное преступленіе, естли законъ именно не опредѣляетъ его. Слѣдственно здѣсь нѣтъ человѣка, отъ котораго зависѣла бы жизнь другаго! Не только осудить, но даже судить и не лзя никого безъ согласія 12 знаменитыхъ гражданъ. За то Англичане и хвалятся своими уголовными законами болѣе, нежели чѣмъ нибудь, называя установленіе присяжныхъ священнымъ и божественнымъ. Разсказываютъ много удивительныхъ случаевъ, въ которыхъ темное чувство истины спасало невинныхъ вопреки всѣмъ вѣроятностямъ. На примѣръ: недавно одинъ ремесленникъ былъ судимъ въ убійствѣ; разныя улики обвиняли его; 11 присяжныхъ согласились пропнести рѣшительное слово: *виноватъ*! двѣнадцатой не хотѣлъ. Товарищи требовали отъ него причинъ. «Не знаю, отвѣчалъ онъ: но видъ этаго человѣка говоритъ моему сердцу въ его пользу; и я скорѣе умру съ голода, нежели обвиню.» Прошелъ цѣлый день въ спорѣ; и наконецъ присяжные, изнуренные усталостію, рѣшились оправдать судимаго. Черезъ нѣсколько дней нашелся другой убійца: ремесленникъ былъ невиненъ.

Изъ городского судилища сдѣланъ подземельный ходъ въ Невгатъ, ту славную темницу, которой имя прежде всего узналъ я изъ Англійскихъ

романовъ. Зданіе большое и красивое снаружи. На дворѣ со всѣхъ сторонъ окружили насъ заключенные, по большей части важные преступники, и требовали подавнія. Зная опытомъ, что и на Лондонскихъ улицахъ безпрестанно должно смотрѣть на часы и держать въ рукѣ кошелекъ, я тотчасъ схватился за свои карманы среди изобличенныхъ воровъ и разбойниковъ; но тюремщикъ, понявъ мое движеніе, сказалъ съ видомъ негодованія: «государь мой! разсыпьте вокругъ себя гиен; ихъ здѣсь не тронуть; таковъ заведенный мною порядокъ.» — Для чего же не сдѣлаютъ васъ Лондонскимъ Полицеймейстеромъ? спросилъ я; и въ доказательство, что вѣрю ему, спрятавъ обѣ руки въ жилетъ, бросивъ колодникамъ нѣсколько шиллинговъ. — Мы переходили изъ коридора въ коридоръ: вездѣ чистота, вездѣ свѣжій воздухъ, заражаемый только ядовитымъ дыханіемъ преступниковъ. Тюремщикъ, вводя насъ въ разныя комнаты, говорилъ: «здѣсь сидитъ *господинъ* убійца, здѣсь *господинъ* воръ, здѣсь «*госпожа* фальшивая монетчица!» Не можете вообразить, какія гнусныя лица представлялись глазамъ моимъ! Порокъ и злодѣйство страшно безобразятъ людей! Признаюсь, что я сжавъ сердце ходилъ за надзирателемъ, и нѣсколько разъ спрашивалъ: *все ли?* Но онъ хвастался передъ нами обширностію своего владѣнія и множествомъ ему подвластныхъ. Въ одной комнатѣ заключенъ молодой человѣкъ. Дверь отворилась: онъ сидѣлъ на стулѣ и писалъ; приподнялъ голову, и съ ласковымъ видомъ намъ поклонился.

Пріятное и томное лице его казалось чуждымъ злодѣянію. Тѣмъ болѣе я содрогнулся, когда тюремщикъ сказалъ намъ, что онъ хотѣлъ умертвить госпожу свою и — любовницу. Она не считала за преступленіе измѣнить молодому камердинеру своему; а камердинеръ, въ минуту изступленія, выхватилъ кинжалъ, и ранилъ ее въ руку. Желаю знать рѣшеніе присяжныхъ.

Въ Невгатѣ заключаются не только преступники, но и бѣдные должники: они раздѣлены съ первыми одною стѣною. Такое сосѣдство ужасно! И добрый человѣкъ можетъ разориться: каково же дышать однимъ воздухомъ съ злодѣями и видѣть передъ своими окнами казнь ихъ? * Съ нѣкотораго времени Правительство посылаетъ осужденныхъ въ Ботани-Бейскую колонію: отъ чего Невгатъ называютъ ея преддверіемъ; но не чудно ли вамъ покажется, что нѣкоторые лучше хотятъ быть съ честію поспѣшны въ Англіи, нежели плыть такъ далеко?» Мы любимъ свое отечество (говорятъ они) и не терпимъ дурнаго общества.»

Я читалъ въ Архенгольцѣ описаніе Книгс-Бенча, * или темницы для неплатящихъ должниковъ, — описаніе, которое можетъ прельстить воображеніе читателей. Онъ говоритъ о пріятномъ мѣстоположеніи, о садахъ, о залахъ великолѣпно

* Злодѣевъ казнятъ передъ самымъ Невгатомъ.

* Выгода сидѣть въ Книгс-Бенчѣ, а не въ другой тюрьмѣ, покушается деньгами; кто не можетъ ничего дать, того отправляютъ въ Невгатъ.

украшенныхъ, о балахъ, концертахъ и весельяхъ всякаго роду. Однимъ словомъ, сей извѣстный Англоманъ описываетъ тюрьму едва ли не такими живыми красками, какими Тассъ изобразилъ волшебное жилище Армиды. Сказать вамъ правду, я не нашелъ сходства въ оригиналѣ Кингс-Бенча съ портретомъ живописца Архенгольца. Вообразите большое мѣсто, обнесенное высокою стѣною; нѣсколько маленькихъ домиковъ, бѣдно прибранныхъ; множество людей неопрятно одѣтыхъ, изъ которыхъ одни ходятъ въ задумчивости по маленькой площади, другіе играютъ въ карты или, читая газеты, зѣваютъ: вотъ Кингс-Бенчъ! Я не видалъ ничего похожаго на садъ; но то правда, что есть лавки, въ которыхъ покупаютъ и продаютъ заключенные; есть и кофейные дома, которыхъ содержатели сами за долги содержатся въ Кингс-Бенчѣ — это довольно странно! Портные, сапожники, и самыя Нимфы Венерины, тамъ сидящія, отправляютъ свое ремесло. Но между ими нѣтъ ни одной замужней женщины. По Англійскимъ законамъ въ разсужденіи долговъ всегда мужъ за жену отвѣчаетъ; она даетъ на себя обязательства, а онъ, бѣднякъ, или платитъ, или идетъ въ тюрьму. Последнее спасеніе для дѣвицы или вдовы, которая не можетъ удовлетворять своихъ займодавцевъ, есть въ Англіи замужество.

Послѣ Кингс-Бенча хотѣлъ я видѣть заключенныхъ другаго роду — пришелъ къ огромному замку, къ большимъ воротамъ — и глаза мои, при входѣ, остановились на двухъ статуяхъ, которыя

весьма живо представляют *безуміе печальное и свирѣлое...* «Это Бедламъ!» скажете вы, и не ошибетесь. Надлежало сыскать надзирателя, который изъ учтивости самъ пошелъ съ нами. Предлинные галлерей раздѣлены желѣзною рѣшеткою! на одной сторонѣ женщины, на другой мужчины. Въ коридорѣ окружили насъ первыя, разсматривали съ великимъ вниманіемъ, начинали говорить между собою сперва тихо, потомъ громче и громче, и наконецъ такъ закричали, что надобно было зажать уши. Одна брала меня за руку, другая за пучокъ, третья хотѣла сдуть пудру съ головы моей — и не было конца ихъ ласкамъ. Между тѣмъ нѣкоторыя сидѣли въ глубокой задумчивости. «Это сумасшедшія отъ любви, сказалъ надзиратель: онѣ всегда смирны и молчаливы.» И такъ нѣжнѣйшая страсть человѣческаго сердца и въ самомъ безуміи занимаетъ еще *всю дѣшу! сонъ для внѣшнихъ предметовъ* все еще продолжается!... Я подошелъ къ одной молодой, блѣдной женщинѣ, и смотрѣлъ на нее. Намъ рассказали ея исторію. Она Француженка, ушла отъ своихъ родителей съ любовникомъ, молодымъ Англичаниномъ, пріѣхала въ Лондонъ, и скоро лишилась своего друга: онъ умеръ горячкою. Разумъ ея, послѣ жестокой болѣзни, повредился. Я начиналъ говорить съ нею: она кланялась и не отвѣчала ни слова. Другая женщина, лѣтъ въ 40, сидѣла на полу и смотрѣла въ землю: несчастная думаетъ, что она приговорена къ смерти и будетъ сожжена на кострѣ; ничто не можетъ ее разувѣрить — и когда день пройдетъ,

она говоритъ: «завтра, завтра сожгутъ меня!» Какое ужасное состояніе! — Многіе изъ мужчинъ заставили насъ смѣяться. Иной воображаетъ себя пушкою и безпрестанно палитъ ртомъ своимъ; другой реветъ медвѣдемъ и ходитъ на четверенькахъ. Бѣшеные сидятъ особливо; иные прикованы къ стѣнѣ. Одинъ изъ нихъ безпрестанно смѣется и зоветъ къ себѣ людей, говоря: «я счастливъ! подите ко мнѣ; я вдохну въ васъ блаженство!» Но кто подойдетъ, того укуситъ. — Порядокъ въ домѣ, чистота, услуга и присмотръ за несчастными достойны удивленія. Между комнатами сдѣланы бани, теплыя и холодныя, которыми Медики лечатъ ихъ. Многіе выздоравливаютъ; и при выпускѣ каждый получаетъ безденежно пужныя лекарства для укрѣпленія души и тѣла. — Надзиратель провелъ насъ въ садъ, гдѣ гуляли самые смирные изъ безумныхъ. Одинъ читалъ газеты: я заглянулъ въ нихъ и сказалъ: «это старыя.» Безумный улыбнулся очень умно, приподнялъ свою шляпу и вѣжливымъ тономъ отвѣчалъ мнѣ: «государь мой! мы живемъ въ другомъ «свѣтѣ; что у васъ старо, то у насъ еще ново!»

Въ Бедламѣ кончилъ жизнь свою Англійской Трагикъ Ли. Можетъ быть вы не знаете объ немъ слѣдующаго забавнаго анекдота. Одинъ пріятель посѣтилъ его въ домѣ сумасшедшихъ. Ли чрезвычайно ему обрадовался, говорилъ очень умно и привелъ его на высокую террасу; задумался и сказалъ: «Мой другъ! хочешь ли быть вмѣстѣ со мною безсмертнымъ? Бросимся съ этой террасы:

«тамъ внизу, на острыхъ камняхъ, ожидаетъ насъ «славная смерть!» — Пріятель увидѣлъ опасность, но отвѣчалъ ему равнодушно: «ничего не мудрено «броситься сверху; гораздо славнѣе сойти внизъ, «и откуда вспрыгнуть на террасу.» — Правда, правда! закричалъ стихотворецъ и побѣжалъ съ лѣстницы; а пріятель между тѣмъ убрался домой.

Бедламу обязанъ я нѣкоторыми мыслями, и предлагаю ихъ на ваше разсмотрѣніе. Не правда ли, друзья мои, что въ наше время гораздо болѣе сумасшедшихъ, нежели когда нибудь? отъ чего же? отъ сильнѣйшаго дѣйствія страстей, какъ миѣ кажется. Не говорю о физическихъ причинахъ безумія, дѣйствующихъ гораздо рѣже нравственныхъ. Напримѣръ: когда бывало столько самоубійствъ отъ любви, какъ нынѣ? Мущина стрѣляется, а нѣжная, кроткая женщина сходитъ съ ума. Древніе не знали романовъ; рыцари среднихъ вѣковъ были честны въ любви, но шумная и воинственная жизнь ихъ не давала ей чрезмѣрно усилиться въ сердцѣ. Напротивъ того, въ нашемъ образѣ жизни, покойной, роскошной, утонченной — въ свѣтѣ, гдѣ желаніе нравиться есть первое и послѣднее чувство молодыхъ и старыхъ; на театрѣ, который можно назвать *театромъ любви*; въ книгахъ, усѣянныхъ, такъ сказать, ея цвѣтами — все, все наполняетъ душу горючимъ веществомъ для огня любовнаго. Дѣвушка двѣнадцати лѣтъ, побывавъ нѣсколько разъ въ спектаклѣ, начинаетъ уже задумываться; женщина въ 45 лѣтъ все еще томится нѣжностію: та и другая любитъ *воображеніемъ*;

одна угадываетъ, другая воспоминаетъ — но я право не удивлюсь теперь, если покажутъ мнѣ десяти-или шестидесятилѣтнюю Сафу! Мушкеры тоже; и пусть скажутъ намъ, въ какое другое время бывало столько молодыхъ и старыхъ Селадоновъ и Альцибиадовъ, сколько ихъ видимъ нынѣ? — Возьмемъ въ примѣръ и славолубіе: утверждаю, что оно въ нынѣшній вѣкъ еще сильнѣе дѣйствуетъ, нежели прежде. Я люблю вѣрить всѣмъ великимъ дѣламъ древнихъ Героевъ; положимъ, что Кодры и Деци давали убивать себя, и что Курции бросались въ пропасть: но фанатизмъ Религіи конечно болѣе славолубія участвовалъ въ ихъ героизмѣ. * Тогда же войны были народныя; всякой дрался за свои Аѳины, за свой Римъ. Нынѣ совсѣмъ другое; нынѣ Французъ или Гишпанецъ служитъ волонтеромъ въ Русской арміи единственно изъ чести; дерется храбро и умираетъ: вотъ славолубіе!

Душа, слишкомъ чувствительная къ удовольствіямъ страстей, чувствуетъ сильно и непріятности ихъ: рай и адъ для нее въ сосѣдствѣ; за восторгомъ слѣдуетъ или отчаяніе или меланхолія, которая столь часто отворяетъ дверь... въ домъ сумасшедшихъ.

* О рыцарствѣ среднихъ вѣковъ можно сказать тоже.

Лондонъ, Іюля... 1790.

Здѣсь терпимъ всякой образъ Вѣры; и есть ли въ Европѣ хотя одна Христіанская Секта, которой бы въ Англіи не было? Пуритане или Кальвинисты, Методисты или Набожные, Пресвитеріане, Соціане, Унитане, Квакеры, Герригутеры; однимъ словомъ, чего хочешь, того просишь. Всѣ же тѣ, которые не принадлежатъ къ главной или Епископской церкви, называются Диссентерами. Мнѣ хочется видѣть служеніе каждой секты — и нынѣшній день началось мое пилигримство съ Квакеровъ. Въ 12 часовъ я пришелъ къ нимъ въ церковь: голыя стѣны, лавки и каѳедра. Всѣ одѣты просто; женщины не только безъ румянъ и пудры, но даже и ленточки ни на одной не увидите; мужчины въ темныхъ кафтаныхъ безъ пуговицъ и складокъ. Всякой войдетъ съ постнымъ лицомъ, ни на кого не взглянетъ, никому не поклонится, сядетъ на мѣсто и углубится въ размышленіе. Вы знаете, что у нихъ нѣтъ ни священниковъ, ни учителей, и въ церкви проповѣдуютъ единственно тѣ, которые вдругъ почувствуютъ въ себѣ дѣйствіе Св. Духа. Тогда вдохновенный стремится на каѳедру, говоритъ отъ полноты сердца, а другіе слушаютъ съ благоговѣніемъ. Я крайне любопытствовалъ видѣть такое явленіе, и смотрѣлъ на всѣ лица, чтобы схватить, такъ сказать, первыя черты вдохновенія. Проходитъ часъ, другой: царствуетъ глубокое молчаніе, которое изрѣдка прерывается.... кашлемъ. Всѣ фізіогноміи покойны; никто не кривляется; многіе засыпаютъ

— и другъ вашъ съ ними. Просыпаюсь — смотрю на часы: три — а все еще никто не говоритъ. Дожидаюсь, снова зѣваю, снова засыпаю — наконецъ вижу пять часовъ, лишаюсь терпѣнія и ухожу ни съ чѣмъ! — Господа Квакеры, впередъ вы меня не заманите!

БИРЖА И КОРОЛЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Англичанинъ царствуетъ въ Парламентѣ и на Биржѣ; въ первомъ даетъ онъ законы самому себѣ, а на второй цѣлому торговому міру.

Лондонская Биржа есть огромное, четвероугольное зданіе, съ высокою башнею (на которой, вмѣсто флюгера, видите изображеніе сверчка,)* съ колоннадами, портиками и съ величественными аркадами надъ входомъ. Вошедши во внутренность, прежде всего встрѣчаете глазами статую Карла II, на высокомъ мраморномъ подножіи, и читаете въ надписи самую грубую лестъ и ложь: *отцу отечества, лучшему изъ Королей, утѣхѣ рода человеческого, и проч.* Кругомъ вездѣ Амуры, не безъ смысла тутъ поставленные: извѣстно, что Карлъ II любилъ любить. Стоя на этомъ мѣстѣ, куда ни взглянете, видите галерею, гдѣ подъ аркадами, со-

* Сверчокъ былъ гербомъ Архитектора Биржи.

бираются купцы, всякой день въ 11 часовъ, и ходя взадъ и впередъ, дѣлаютъ свои дѣла до трехъ. Тутъ человѣкъ человѣку даромъ не скажетъ слова, даромъ не пожметъ руки. Когда говорятъ, то идетъ торгъ; когда схватятся руками, то дѣло рѣшено, и кораблю плыть въ Новый Йоркъ или за Мысъ Доброй Надежды. Людей множество, но тихо; кругомъ жужжать, а не слышно громкаго слова. На стѣнахъ прибиты извѣстія о корабляхъ, пришедшихъ или отходящихъ; можете плыть куда только вздумаете: въ Малабаръ, въ Китай, въ Нутка-Соундъ, въ Архангельскъ. Капитанъ всегда на биржѣ; уговоритесь — и Богъ съ вами! — Тутъ славный Лойдовъ кофейный домъ, гдѣ собираются Лондонскіе страховщики, и куда стекаются новости изъ всѣхъ земель и частей свѣта; тутъ лежитъ большая книга, въ которую онѣ вписываются для любопытныхъ, и которая служитъ магазиномъ для здѣшнихъ журналистовъ. — Подлѣ Биржи множество кофейныхъ домовъ, гдѣ купцы завтракаютъ и пишутъ. Господинъ С* ввелъ меня въ одинъ изъ нихъ — представьте же себѣ мое удивленіе: всѣ люди заговорили со мною по-Русски! Мнѣ казалось, что я движеніемъ какого нибудь волшебнаго прутика перенесенъ въ мое отечество. Открылось, что въ этомъ домѣ собираются купцы, торгующіе съ Россіею; всѣ они живали въ Петербургѣ, знаютъ языкъ нашъ, и по своему приласкали меня.

Нынѣшній же день былъ я въ Королевскомъ Обществѣ. Г. Пар^{xx}, Членъ его, ввелъ меня въ это

славное ученое собраніе. Съ нами пришелъ еще молодой Шведской Баронъ Сил*, человѣкъ умный и пріятный. Входя въ залу собранія, онъ взялъ меня за руку и сказалъ съ улыбкою: «здѣсь мы друзья, государь мой; * храмъ Наукъ есть храмъ міра.» Я засмѣялся, и мы обнялись по-бритски; а Г. Пар** закричалъ: «браво! браво!» Между тѣмъ Англичане, которые никогда не обнимаются, смотрѣли на насъ съ удивленіемъ: имъ странно казалось, что два человѣка пришли въ ученое собраніе цѣловаться!... Профаны! вы не разумѣли нашей Мистики! вы не знали, что мы подали хорошій примѣръ воюющимъ державамъ, и что по тайной симпатіи дѣйствій онѣ скоро ему послѣдуютъ!

Въ большой залѣ увидѣли мы большой столъ, покрытый книгами и бумагами; за столомъ на бархатныхъ креслахъ, сидѣлъ Президентъ, Г. Банксъ, въ шляпѣ; передъ нимъ лежалъ золотой скипетръ, въ знакъ того, что просвѣщенный умъ есть царь земли; Секретари читали переписку, по большой части съ Французскими Учеными. Г. Банксъ всякой разъ снималъ шляпу и говорилъ: «изъявимъ такому-то Господину благодарность нашу за его подарокъ!» — Онъ сказывалъ свое мнѣніе о книгахъ, но съ великою скромностію. Читали еще другія бумаги, изъ которыхъ я не разумѣлъ половины. Черезъ два часа собраніе кончилось, и Г. Пар** подвелъ меня къ Президенту, который дурно про-

* Тогда была у насъ война со Швеціею.

износить, но хорошо говоритъ по-Французски. Онъ
человѣкъ тихой, и для Англичанина довольно при-
вѣтливой.

Лондонъ, Іюль... 1790.

Хотя Лондонъ не имѣетъ столько примѣчанія
достойныхъ вѣщей, какъ Парижъ, однакожь есть
что видѣть, и всякой день употребляю нѣсколько
часовъ на осматриваніе зданій, общественныхъ за-
веденій, Кабинетовъ; на примѣръ, нынѣшній день
видѣлъ у Г. Толе (Towley) рѣдкое собраніе анти-
ковъ, Египетскія статуи, древніе барельефы,
между которыми живетъ хозяинъ, какъ скупецъ
между сундуками.

Англія, богатая Философами и всякаго роду Ав-
торами, но бѣдная художниками, произвела на-
конецъ нѣсколько хорошихъ живописцевъ, кото-
рыхъ лучшія историческія картины собраны въ
такъ называемой *Шекспировой галлерей*. Г. Бой-
дель вздумалъ, а художники и Публика оказали всю
возможную патріотическую ревность для произ-
веденія въ дѣйство щастливой идеи, изобразить
лучшія сцены изъ Драмъ безсмертнаго Поэта, какъ
для славы Англійскаго Искусства. Охотники сыпали
деньгами для ободренія талантовъ, и болѣе двад-
цати живописцевъ неутомимо трудятся надъ обо-
гащеніемъ галлерей, въ которой былъ я нѣсколько
разъ съ великимъ удовольствіемъ. Зная твердо

Шекспира, почти не имѣю нужды справляться съ описаніемъ, и смотря на картины, угадываю содержаніе. Всего болѣе нравится мнѣ работа Фисли, стариннаго Лафатерова друга; * онъ выбираетъ изъ Шекспира самое фантастическое или *мечтательное*, съ удивительною силою, съ удивительнымъ богатствомъ воображенія даетъ *вещественность* воздушнымъ его твореніямъ, даетъ имъ имя и мѣсто, a local habitation and a name, какъ сказалъ одинъ Англичанинъ. Если бы воскресъ мечтатель-Поэтъ, какъ бы обнялъ онъ мечтателя-живописца! Картины Гамильтоновы, Ангелики Кауфманъ, Вестовы также очень хороши и выразительны.—Тутъ же видѣлъ я рисунки всѣхъ картинъ Орфордова собранія, купленнаго нашею Императрицею.

Здѣшняя церковь Св. Павла почти столько же славна, какъ Римская Св. Петра, и есть конечно вторая въ свѣтѣ по наружному своему великолѣпію; вы видали рисунки той и другой: есть сходство, но много и различія. Избавлю себя и васъ отъ подробностей; не хочу говорить о *стиль*, о безчисленныхъ колоннахъ, фронтонахъ, статуяхъ Апостоловъ, Королевы Анны, Великобританіи съ

* Въ молодости своей оба они влюбились въ одну дѣвицу: Лафатеръ пожертвовалъ ему своею любовью. Фисли, уѣхавъ въ Италію и посвятивъ себя Искусству, пересталъ отвѣчать на письма своего друга; но Лафатеръ всегда говоритъ объ немъ съ чувствомъ и съ жаромъ.

копьемъ, Франціи съ короною, Ирландіи съ арфою, Америки съ лукомъ; и даже не скажу ни слова о величественномъ куполѣ. Все это превозносится и знатоками и невѣждами. Я замѣтилъ для себя одну прекрасную аллегорію; на фронто́нѣ портика изображенъ фениксъ, вылетающій изъ пламени съ Латинскою надписью: *воскресаю!* что имѣетъ отношеніе къ возобновленію этой церкви, разрушенной пожаромъ. Окружающій ее балюстрада считается первымъ въ свѣтѣ. Жаль, что она сжата со всѣхъ сторонъ зданіями, и не имѣетъ большой площади, на которой огромность ея показалась бы несравненно разительнѣе! Жаль также, что Лондонской вѣчной дымъ не пощадилъ великолѣпнаго храма и закоптилъ его снизу до самаго золотого шара, служащаго ему короною! Вошедши во внутренность, я спѣшилъ, по совѣту моего вожаго, на середину церкви, и остановясь подъ самымъ куполомъ, долго смотрѣлъ вверхъ и вокругъ себя. Вы думаете, что другъ вашъ, пораженный величствомъ храма, былъ въ восхищеніи! Нѣтъ; мысль, которая вдругъ пришла мнѣ въ голову, все испортила: «что значать всѣ наши своды передъ сводомъ неба? сколько надобно ума и трудовъ для произведенія столь неважнаго дѣйствія? не есть ли Искусство самая безстыдная обезьяна Природы, когда оно хочетъ спорить съ нею въ величіи!» Между тѣмъ Чичероне мой говорилъ: «смотрите на эту гордую аркаду, на щиты, на фестоны, и всѣ украшенія; смотрите на живопись купола, на славные органы, на колонны галле-

«рей, и согласитесь, что вы не видали ничего по-«добнаго!» — Въ такъ называемомъ Хорѣ сдѣланъ тронъ Лондонскаго Епископа и мѣсто для Лондонскаго Лорда-Мера.... Вдругъ началось въ церкви пѣніе столь пріятное, что я забылъ смотрѣть, слушалъ и плѣнялся во глубинѣ души моей. Прекрасные мальчики, въ бѣломъ платьѣ, пѣли хоромъ: они казались мнѣ Ангелами! Что можетъ быть прелестнѣе гармоніи человѣческихъ голосовъ? Это непосредственный органъ божественной души! Декартъ, который всѣхъ животныхъ, кромѣ человѣка, хотѣлъ признавать машинами, не могъ слушать соловьевъ безъ досады; ему казалось, что нѣжная Филомела, трогая душу, опровергаетъ его систему; а система, какъ извѣстно, всего дороже Философу! Каково же Матеріалисту слушать пѣніе человѣческое? Ему надобно быть глухимъ или чрезмѣрно упрямымъ. — Служеніе кончилось, и вожакой предложилъ мнѣ идти въ верхнія галлерей, вмѣстѣ съ Французскимъ Маркизомъ и женою его. Маркизь задохнулся и сѣлъ на первой галлерей; но Француженка всходила бодро, и хотѣла быть на самомъ верху. Начались трудныя ступени, темныя, узкіе переходы: Маркиза не отставала и кричала мнѣ: *далѣе! Montez toujours!* Я былъ на Стразбургской башнѣ, на Альпійскихъ горахъ, но усталъ до смерти, и если бы не постыдился женщины, то отказался бы отъ славы быть на высочайшемъ пунктѣ Лондона. Мы взобрались едва не подъ самой крестъ; наконецъ... *pas plus ultra!* остановились и забыли свою усталость. Прекра-

снѣй видъ! весь городъ, всѣ окрѣжности передъ глазами! Лондонъ кажется грудой блестящей черепицы; безчисленныя мачты на Темзѣ частымъ камышемъ на маленькомъ ручейкѣ; роши и парки густою крапивою. Мы пробыли съ часъ, и Француженка имѣла время показать мнѣ свое остроуміе, философію и наблюдательный духъ. «Въ Англіи, говоритъ она, надобно только *смотреть*; *слушать* нечего. Англичане прекрасны видомъ, но скучны до крайности; женщины здѣсь милы, видны, и только: ихъ дѣло разливать чай и нянчить дѣтей. Парламентскіе Ораторы кажутся мнѣ Индѣйскими пѣтухами, Шекспировы трагедіи игрищами и похоронами; здѣшніе актеры умѣютъ только падать. Все это несносно: не правда ли?» Я боялся противорѣчіемъ еще болѣе взволновать кровь ея, которая и безъ того была въ страшномъ движеніи; подалъ ей руку въ знакъ согласія, и мы пошли внизъ, дружелюбно раздѣляя опасности и говоря безъ умолку. — Craignez de faire un faux pas, madame. — «Ah! les femmes en font si souvent!» — C'est que les chûtes des femmes sont quelque fois très aimables. — «Oui, parce que les hommes en profitent.» — Elles s'en relevent avec grace. — Mais non pas sans en ressentir la douleur le reste de leurs jours.» — La douleur d'une belle femme est une grace de plus. — «Et tout cela n'est que pour servir sa majesté, l'homme.» — Ce Roi est souvent détrôné, Md. «Comme notre bon et pauvre Louis XVI: n'est ce pas?» — A peu près, Md. — — Между тѣмъ мы сошли въ нижнюю галерею, гдѣ

Маркизь сообщилъ намъ свои примѣчанія на живопись купола, и гдѣ мы забавлялись странною игрою звуковъ. Станьте на одномъ мѣстѣ галлерей, и скажите что нибудь очень тихо: стоящіе вдали, напротивъ васъ, слышать ясно каждое слово. * Звукъ чуднымъ образомъ умножается къ окружности свода, и скрипъ двери кажется вамъ сильнымъ ударомъ грома. Оттуда прошли мы въ Библіотеку, гдѣ примѣчанія достойна модель храма, которою Архитекторъ Св. Павла, Христофоръ Рень (Wren), весьма радовался, но которая для того не была произведена въ дѣйство, что походитъ на языческіе храмы. Художникъ досадовалъ, спорилъ, и наконецъ согласился сдѣлать другой планъ. — На мѣстѣ Св. Павла было нѣкогда славное капище Діаны; во второмъ вѣкѣ оно превратилось въ Христіанскую церковь, которая черезъ 400 лѣтъ была снова украшена и посвящена Апостолу Павлу; пять разъ горѣла, и не прежде какъ въ 1711 году явилась въ теперешнемъ своемъ видѣ. Она стоила 12 милліоновъ рублей.

Лондонская крѣпость, Tower, построена на Темзѣ въ одиннадцатомъ вѣкѣ Вильгельмомъ Завоевателемъ, была прежде дворцомъ Англійскихъ Королей, ихъ убѣжищемъ въ народныхъ возмущеніяхъ, наконецъ государственною темницею; а теперь въ ней монетной дворъ, арсеналъ, царская кладовая и — звѣри!

* Это напоминало мнѣ Парижскую Salle du secret.

Я не давно читалъ Юма, и память моя тотчасъ представила мнѣ рядъ несчастныхъ Принцовъ, которые въ этой крѣпости были заключены и убиты. Англійская Исторія богата злодѣйствами; можно смѣло сказать, что по числу жителей въ Англіи болѣе нежели во всѣхъ другихъ земляхъ погибло людей отъ внутреннихъ мятежей. Здѣсь Католики умерщвляли Реформатовъ, Реформаты Католиковъ, Роялисты Республиканцевъ, Республиканцы Роялистовъ; здѣсь была не одна Французская Революція. Сколько добродѣтельныхъ патріотовъ, Министровъ, любимцевъ Королевскихъ положило свою голову на эшафотѣ! Какое остервененіе въ сердцахъ! какое изступленіе умовъ! Книга выпадаетъ изъ рукъ. Кто полюбитъ Англичанъ, читая ихъ Исторію? Какіе Парламенты! Римской Сенатъ во время Калигулы былъ не хуже ихъ. Прочитавъ жизнь Кромвеля, вижу, что онъ возвышеніемъ своимъ обязанъ былъ не великой душѣ, а коварству своему и фанатизму тогдашняго времени. Рѣчи, говоренныя имъ въ Парламентѣ, наполнены удивительнымъ безуміемъ. Онъ нарочно путается въ словахъ, чтобы не сказать ничего: какая ничтожная хитрость! Великой человѣкъ не прибѣгаетъ къ такимъ малымъ средствамъ; онъ говоритъ дѣло, или молчитъ. Сколь бессмысленно все говоренное и писанное Кромвелемъ, столь умны и глубокомысленны сочиненія Секретаря его, Мильтона, который по восшествіи на престолъ Карла II спасся отъ эшафота своего Поэмою, славою и всеобщимъ уваженіемъ.

Дворецъ Вильгельма Завоевателя еще цѣль и называется бѣлою башнею *white tower*: зданіе безобразное и варварское! Другіе Короли къ нему пристроивали, окруживъ его стѣнами и рвами.

Прежде всего показали намъ въ крѣпости дикихъ звѣрей (забаву Королей Англійскихъ со времени Генриха I), а потомъ большую залу, гдѣ хранятся трофеи перваго побѣдоноснаго флота Англіи, разбившаго славную Гишпанскую Армаду. Я съ великимъ любопытствомъ разсматривалъ флаги и всякаго рода оружіе; думалъ о Филиппѣ, о Елисаветѣ; воображалъ смиренную гордость перваго и скромное величіе послѣдней; — воображалъ ту минуту, когда Герцогъ Сидонія упалъ на колѣни передъ своимъ Монархомъ, говоря: *флотъ твой погибъ!* и когда Филиппъ, съ милостію простирая къ нему руку, отвѣчалъ: *да будетъ воля Божія!* — Я воображалъ всеобщую ревность Лондонскихъ гражданъ и солдатъ Елисаветинныхъ, когда она, въ видѣ Любви и Красоты, какъ богиня явилась между ими, говоря: *друзья! не оставьте меня и отечество!* и когда всѣ они единодушно отвѣчали: *умремъ за тебя и спасемъ отечество!....* Замѣтьте, что не только Гишпанская Армада, но почти всѣ огромныя вооруженія древнихъ и новыхъ временъ оканчивались стыдомъ и ничтожностію. Богъ слабымъ помогаетъ! Тамъ горсть Грековъ торжествуетъ надъ безчисленными Персами! тутъ Голландскіе рыбаки или Швейцарскіе пастухи истребляютъ лучшія арміи; здѣсь Венеція или Прус-

ской Фридрихъ противится всей Европѣ и заключаетъ славный миръ.

Оттуда пошли мы въ большой арсеналъ.... прекрасный и грозный видъ! Стѣны, колонны, пиластры, все составлено изъ оружія, которое ослѣпляетъ глаза своимъ блескомъ. Одно слово — и 100,000 человѣкъ будутъ здѣсь вооружены въ нѣсколько минутъ. — Внизу подъ малымъ арсеналомъ, въ длинной галлерей, стоитъ *Королевская артиллерія* между столбами, на которыхъ висятъ знамена, въ разныя времена отнятыя Англичанами у непріятелей. Тутъ же видите вы изображеніе знаменитѣйшихъ Англійскихъ Королей и Героевъ: каждой сидитъ на лошади, въ *своихъ* латахъ и съ мечемъ *своимъ*. Я долго смотрѣлъ на храбраго *Чернаго Принца*.

Въ царской кладовой показывали намъ вѣнецъ Эдуарда *Исповѣдника*, осыпанный множествомъ драгоценныхъ камней; золотую державу съ фіолетовымъ аметистомъ, которому цѣны не полагаютъ; скипетръ, такъ называемые *мечи милосердія, духовнаго и временнаго правосудія*, носимые передъ Англійскими Королями въ обрядъ коронаванія — серебряныя купѣли для царской фамиліи, и пребогатый *государственный вѣнецъ*, надѣваемый Королемъ для присутствія въ Парламентѣ, и украшенный большимъ изумрудомъ, рубиномъ и жемчугомъ.

Тутъ же показываютъ и топоръ, которымъ отрубили голову Аннѣ Грей!!

Наконецъ ввели насъ въ мопетную, гдѣ дѣла-

ютъ золотыя и серебряныя деньги; но это Англійская Тайная, и вамъ говорятъ: сюда не ходите, сюда не глядите; туда васъ не пустятъ! — Мы видѣли кучу гиней, но Г. надзиратель не постыдился взять съ насъ нѣсколько шиллинговъ!

=

Сентъ-Джемской дворецъ есть, можетъ быть, самый бѣднѣйшій въ Европѣ. Смотря на него, пышный человѣкъ не захочетъ быть Англійскимъ Монархомъ. Внутри также нѣтъ ничего царскаго. Тутъ Король обыкновенно показывается чужестраннымъ Министрамъ и публикѣ; а живетъ въ Королевиномъ Дворцѣ, Buckinghamhouse, гдѣ комнаты убраны со вкусомъ, отчасти работою самой Королевы, и гдѣ всего любопытнѣе славные Рафаэлевы картоны или рисунки; ихъ всего 12: 7 у Королевы Англійской, два у Короля Французскаго, два у Сардинскаго, а двѣнадцатой у одного Англичанина, который, занявъ для покупки сего драгоценнаго рисунка большую сумму денегъ, отдалъ его въ закладъ и получилъ назадъ испорченный. На нихъ изображены разныя чудеса изъ Новаго Завѣта; фигуры всѣ въ человѣческій ростъ. Художники считаютъ ихъ образцомъ правильности и смѣлости. — Я видѣлъ торжественное собраніе во Дворцѣ; однакожь не входилъ въ парадную залу, будучи въ простомъ фракѣ.

Уайт-галл (White-hall) былъ прежде Дворцомъ Англійскихъ Королей — сгорѣлъ, и теперь существуютъ только его остатки, между которыми достойна примѣчанія большая зала, расписанная вверху Рубенсомъ. Въ семъ зданіи показываютъ закладенное окно, изъ котораго несчастный Карлъ сведенъ былъ на эшафотъ. Тамъ, гдѣ онъ лишился жизни, стоитъ мраморное изображеніе Іакова II; поднявъ руку, онъ указываетъ пальцемъ на мѣсто казни отца его *.

Адмиралтейство есть также одно изъ лучшихъ зданій въ Лондонѣ. Тутъ засѣдаютъ пять главныхъ Морскихъ Коммисаровъ; они рассылаютъ приказы къ начальникамъ Портовъ и къ Адмираламъ; всѣ выборы флотскихъ Чиновниковъ отъ нихъ зависятъ.

Палаты Лорда-Мера и Банкъ стоятъ примѣчательнаго взгляда; самый огромный домъ въ Лондонѣ есть такъ называемый *Соммерсетъ-гаусъ* на Темзѣ, который еще не достроенъ, и похожъ на цѣлый городъ. Тутъ соединены всѣ городскіе Приказы, Коммисіи, Бюро; тутъ живутъ Казначей, Секретари, и проч. Архитектура очень хороша и ве-

* Я видѣлъ и статую Карла I, любопытную по слѣдующему анекдоту. Послѣ его бѣдственной кончины, она была снята и куплена мѣдникомъ, которой продалъ безчисленное множество шандаловъ, увѣряя, что они вылиты изъ металла статуи; но въ самомъ дѣлѣ онъ спряталъ ее, и подарилъ Карлу II, при его восшествіи на престолъ — за что былъ награжденъ весьма щедро.

личественна. — Еще замѣтны дома Бетфордовъ, Честерфильдовъ, Девонширскаго Герцога, Принца Валлискаго (который даетъ впрочемъ дурную идею о вкусѣ хозяина или Архитектора); другіе всѣ малы и ничтожны.

Описанія свои заключу я примѣчаніемъ на счетъ Англійскаго любопытства. Что ни пойдете вы здѣсь осматривать: церковь ли Св. Павла, Шекспирову ли галерею, или домъ какой, вездѣ находите множество людей, особливо женщинъ. Не мудрено: въ Лондонѣ объѣдаютъ поздно; и кто не имѣетъ дѣла, тому надобно выдумывать, чѣмъ занять себя до шести часовъ.

Виндзоръ.

Земляки мои непременно хотѣли видѣть славную скачку близъ Виндзора, гдѣ рѣзвая лошадь приносить хозяину иногда болѣе Ост-Индскаго корабля. Я радъ съ другими всюду ѣхать, и въ 9 часовъ утра поскакали мы четверо въ каретѣ по Виндзорской дорогѣ; безпрестанно кричали нашему кучеру: *скорѣе! скорѣе!* и въ нѣсколько минутъ очутились на первой станціи. — «Лошадей!» — *А гдѣ ихъ взять? всѣ въ разгонѣ.* — «Вздоръ! это развѣ не лошади?» — Онѣ приготовлены для другихъ, для васъ нѣтъ ни одной. — Мы шумѣли, но безъ пользы, и наконецъ рѣшились итти пѣшкомъ,

не смотря на жаръ и пыль. — Какое превращеніе! какой ударъ для нашей гордости! Тѣ, мимо которыхъ какъ птицы пролетѣли мы на борзыхъ Англійскихъ коняхъ, объѣзжали насъ одинъ за другимъ, смотрѣли съ презрѣніемъ на бѣдныхъ пѣшеходцевъ и смѣялись. Несносные, грубые Британцы! думалъ я: обсыпайте насъ пылью; но за чѣмъ смѣяться? — Иные кричали даже: «добрый путь, го-
«спода! видно, по объщанію!» — Но Русскихъ не такъ легко унижить; мы сами начали смѣяться; скинули съ себя кафтаны, шли бодро и пѣли даже Французскія аріи; отобѣдали въ сельскомъ трактирѣ, и въ 5 часовъ, своротивъ не много съ большою дороги, вступили въ Виндзорской Паркъ....

Thu forests, Windsor! and thy green retreats,
At once and the Monarch's seats.

Р о р е.

Мы сняли шляпы.... вѣря Поэту, что это священный лѣсъ. «Здѣсь, (говоритъ онъ) являются «боги во всемъ своемъ великолѣпїи; здѣсь Панъ «окруженъ безчисленными стадами, Помопа раз-
«сыпаетъ плоды свои, Флора цвѣтитъ луга, и дары «Цереры волнуются какъ необозримое море»....
Описаніе Стихотворца пышно, но справедливо. Мрачные лѣса, прекрасные лѣсочки, поля, луга, безконечныя аллеи, зеркальные каналы, рѣки и рѣчки, все есть въ Виндзорскомъ паркѣ! — Какъ мы веселились, отдыхали и снова утомлялись, то сидя подъ густою сѣнью, гдѣ пѣли надъ нами всякаго

роду лѣсныя птицы, то бѣгая съ оленями, которыхъ тутъ множество! — Стихотворецъ у меня въ мысляхъ и въ рукахъ. Я ищу береговъ унылой Лодоны, гдѣ, по его словамъ, часто купалась Цинтія — Діана....

Изъ юныхъ Нимфъ ея дочь Тамеса, Лодона,
Была славнѣе всѣхъ; и взоръ Эндиміона
Лишь потому ее съ Діаной различалъ,
Что мѣсяцъ золотой богиню украшалъ.
Но смертныхъ и боговъ плѣняя, не плѣнялась:
Одна свобода ей съ невинностью мила,
И ловля птицъ, звѣрей утѣхою была.
Одежда легкая на Нимфѣ развѣвалась;
Зефиръ игралъ въ ея струистыхъ волосахъ;
Рѣзной колчанъ звенѣлъ съ стрѣлами на плечахъ,
И мѣткое копье * за серною свистало.
Однажды Панъ ее увидѣлъ, полюбилъ,
И сердце у него желаньемъ воспыало.
Она бѣжитъ... въ любви предметъ бѣгущій миль,
И Нимфа робкая стыдливостью своею
Для дерзкаго еще прелестнѣе была.
Какъ горлица летитъ отъ хищнаго орла,
Какъ яростный орелъ стремится вслѣдъ за нею,
Такъ Нимфа отъ него, такъ онъ за Нимфой въ слѣдъ —
И ближе, ближе къ ней... Она изнемогаетъ;
Слаба, блѣдна... въ глазахъ ея темнѣетъ свѣтъ,
Уже тѣнь Панова Лодону настигаетъ,
И Нимфа слышитъ стукъ ногъ бога за собой;
Дыханіе его какъ вѣтеръ развѣваетъ

* Легкія копья, съ которыми изображаются Діанины Нимфы, были бросаемы въ звѣрей.

Ей волосы... Тогда, оставлена Судьбой,
Въ отчаяньи своемъ несчастная, къ богинѣ
Душею обратясь, такъ мыслила: «спаси,
«О Циятія! меня; въ дубравы пренеси,
«На родину мою! Ахъ! пусть я тамъ отнынѣ
«Стенаю горестно, и слезы лью ручьемъ!»
Исполнилось... и вдругъ, какъ будто бы слезами
Изливъ тоску свою, она течетъ струями,
Стеная жалобно въ журчаніи своемъ.
Потокъ сей и теперь Лодоной называемъ,
Чистъ, хладенъ какъ она; тотъ лѣсъ имъ орошаемъ,
Гдѣ Нимфа нѣкогда гуляла и жила,
Діана моется въ его водѣ кристальной,
И память Нимфина донынѣ ей мила:
Когда вообразитъ ея конецъ печальной,
Струи сливаются съ богининой слезой.
Пастухъ, задумавшись, журчанью ихъ внимаетъ;
Сидя подъ тѣнію, въ нихъ часто созерцаетъ
Луну у ногъ своихъ и горы внизъ головой,
Плывущій рядъ деревъ, надъ берегомъ висящихъ,
И болу свѣтлую собою зеленающихъ.
Среди прекрасныхъ мѣстъ излучистымъ путемъ
Лодона тихая едва, едва струится;
Но вдругъ, быстрѣе ставъ въ теченіи своемъ,
Спѣшитъ съ отцомъ ея навѣкъ соединиться.

Извините, если переводъ хуже оригинала. Слушавшая томное журчанье Лодоны, я вздумалъ рассказать ея исторію въ Русскихъ стихахъ.

Мнѣ хотѣлось бы многое перевести вамъ изъ

* Съ Темзою, которая въ Поэзіи называется богомъ Тамесомъ.

Windsor-Forest; на примѣръ, щастіе сельскаго жителя, любителя Наукъ и любимца Музъ; описаніе бога Тамеса, который, поднявъ свою влажную главу, опершись на урну и озираясь вокругъ себя, славословитъ міръ и предсказываетъ величіе Англіи. Но солнце заходитъ, а намъ должно еще видѣть славную скачку. Мы спѣшимъ, спѣшимъ....

Теперь вы, друзья мои, ожидаете отъ меня другой картины; хотите видѣть, какъ 30, 40 человѣкъ, одѣтыхъ Зефирами, садятся на прекрасныхъ, живописныхъ лошадей, приподнимаются на стременахъ, удерживаютъ дыханіе, и съ сильнымъ біеніемъ сердца ждутъ знакъ, чтобы скакать, летѣть къ цѣли, опередить другихъ, схватить знамя и унасть на землю безъ памяти; хотите летѣть взоромъ за скакунами, изъ которыхъ всякой кажется Пегасомъ; хотите въ то же время угадывать по глазамъ зрителей, кто кому желаетъ побѣды, чья душа за какою лошадыю несется; хотите читать въ нихъ надежду, страхъ, опять надежду, восторгъ или отчаяніе; хотите слышать радостные плески въ честь побѣдителя: *браво! виватъ! ура!...* Ошибаетесь, друзья мои! мы опоздали, ничего не видали, посмѣялись надъ собою и пошли осматривать большой Виндзорской дворецъ. Онъ стоитъ на высокомъ мѣстѣ; всходъ печувствителенъ, а видъ прекрасенъ. На одной сторонѣ равнина, гдѣ извивается величественная Темза, опушенная лѣсочками; а на другой большая гора, покрытая густымъ лѣсомъ. Передъ дворцомъ, на террасѣ, гуляли Принцессы, дочери Королевскія въ простыхъ бѣлыхъ

платяхъ, въ соломенныхъ шляпкахъ, съ тросточками, какъ сельскія пастушки. Онѣ рѣзвились, бѣгали и кричали другъ другу: та соеиг, та соеиг! Глаза мои искали Елисаветы: воображеніе мое, по нѣкоторымъ газетнымъ анекдотамъ, издавна любило заниматься ею. Она не красавица; но скромный видъ ея нравится.

Дворецъ построенъ еще Вильгельмомъ Завоевателемъ, распространенъ и украшенъ другими Королями. Онъ славится болѣе своимъ прекраснымъ мѣстоположеніемъ, нежели наружнымъ и внутреннимъ великолѣпіемъ. Я замѣтилъ нѣсколько хорошихъ картинъ: Микель-Анджеловыхъ, Пуссеневыхъ, Корреджіевыхъ и портретовъ Вандиковыхъ. Изъ спальни входъ въ залу красоты, гдѣ стоятъ портреты прелестнѣйшихъ женщинъ во время Карла II. Хотите ли знать имена ихъ? Maistriss Knoff, Lawson, Lady Sunderland, Rochester, Denham, Middleton, Byron, Richmond, Clevelant, Somerset, Northumberland, Grammont, Ossory. Если живописцы не льстили, то онѣ были подлинно красавицы, даже и въ Англіи, гдѣ такъ много пріятныхъ женскихъ лицъ.... Нѣкоторые плафоны въ комнатахъ очень хороши; также и рѣзная работа. Я долго смотрѣлъ на портретъ нашего Великаго Петра, написанный во время Его пребыванія въ Лондонѣ живописцомъ Неллеромъ. Императоръ былъ тогда еще молодъ: это Марсъ въ Преображенскомъ мундирѣ! — Зала Св. Георгія, или Кавалеровъ Подвязки, стоитъ того, чтобы сказать объ ней нѣсколько словъ; она велика и прекрасна

своею архитектурою. Въ большомъ овалѣ, среди плафона, представленъ Карлъ II въ Орденской одеждѣ, а за нимъ, въ видѣ женщинъ, три Соединенныя Королевства. Изобиліе и Религія держатъ надъ нимъ корону. Тутъ же изображено Монархическое Правленіе, которое опирается на Религію и Вѣчность. Правосудіе, Сила, Умѣренность и Благо-разуміе гонятъ мятежъ и бунтъ. Подлѣ трона, въ осьмиугольникѣ, подъ крестомъ Св. Георгія, окруженномъ подвязкою и Купидонами, вырѣзана надпись: *Nonni soit qui mal y pense!* Однимъ словомъ, какъ въ Версальскомъ Дворцѣ все дышетъ Лудовикомъ XIV, такъ въ Виндзорскомъ все напоминаетъ Карла II, о которомъ Англійскіе патріоты не любятъ вспоминать.

Виндзорскій паркъ.

Сидя подъ тѣнію дубовъ Виндзорскаго парка, слушая пѣніе лѣсныхъ птичекъ, шумъ Темзы и вѣтвей, провелъ я нѣсколько часовъ въ какомъ-то сладостномъ забвеніи — не спалъ, но видѣлъ сны, восхитительные и печальные.

Темныя, лестныя, милыя надежды сердца! исполнитесь ли вы когда нибудь? Живость ваша есть ли залогъ исполненія? или, со всѣми правами быть счастливымъ, узнаю счастье только воображеніемъ, увижу его только мелькомъ, вдали, подобно бли-

станію молній, и при концѣ жизни скажу: «я не жилъ!»

Мнѣ грустно; но какъ сладостна эта грусть? Ахъ! молодость есть прелестная эпоха бытія нашего! Сердце, въ полнотѣ жизни, творитъ для себя будущее, какое ему мило; все кажется возможнымъ, все близкимъ. Любовь и слава, два идола чувствительныхъ душъ, стоятъ за флеромъ передъ нами и поднимаютъ руку, чтобы осыпать насъ дарами своими. Сердце бьется въ восхитительномъ ожиданіи, теряется въ желаніяхъ, въ выборѣ счастья, и наслаждается возможнымъ еще болѣе, нежели дѣйствительнымъ.

Но цвѣтъ юности на лицѣ увядаетъ; пышность сушитъ сердце, увѣряя его въ трудности счастливыхъ успѣховъ, которые прежде казались ему столь легкими! Мы узнаемъ, что воображеніе украшало всѣ пріятности жизни, сокрывая отъ насъ недостатки ея. Молодость прошла; любовь какъ солнце скатилась съ горизонта — чтожь осталось въ сердцѣ? нѣсколько милыхъ и горестныхъ воспоминаній — нѣжная тоска — чувство, подобное тому, которое имѣетъ по разлукѣ съ безцѣннымъ другомъ, безъ надежды увидѣться съ нимъ въ здѣшнемъ свѣтѣ. — А слава?... Говорятъ, что она есть послѣднее утѣшеніе любовію растерзаннаго сердца; но слава, подобно розѣ любви, имѣетъ свое терніе, свои обманы и муки. Многіе ли бывали ею счастливы? Первый звукъ ея возбуждаетъ гидру зависти и злословія, которыя будутъ шипѣть за

вами до гробовой доски, и на самую могилу вашу изліють еще ядъ свой.

Жизнь наша дѣлится на двѣ эпохи: первую проводимъ въ будущемъ, а вторую въ прошедшемъ. До нѣкоторыхъ лѣтъ, въ гордости надеждъ своихъ человекъ смотритъ все впередъ, съ мыслію: «тамъ, тамъ ожидаетъ меня судьба, достойная моего сердца!» Потери мало огорчаютъ его; будущее кажется ему несмѣтною казною, приготовленною для его удовольствій. Но когда горячка юности пройдетъ; когда сто разъ оскорбленное самолюбіе по неволѣ научится смиренію; когда, сто разъ обманутые надеждою, наконецъ перестаемъ ей вѣрить: тогда, съ досадою оставляя будущее, обращаемъ глаза на прошедшее, и хотимъ нѣкоторыми пріятными воспоминаніями замѣнить потерянное щастіе лестныхъ ожиданій; говоря себѣ въ утѣшеніе: *и мы, и мы были въ Аркадіи!* Тогда, тогда единственно научаемся дорожить и настоящимъ; тогда же бываемъ до крайности чувствительны и къ сама-лѣйшей тратѣ; тогда прекрасный день, веселая прогулка, занимательная книга, искренній дружескій разговоръ, даже ласки вѣрной собачки (которая не оставила насъ вмѣстѣ съ невѣрными любовницами!) извлекаютъ изъ глазъ нашихъ слезы благодарности; но тогда же и смерть любимой птички дѣлаетъ намъ превеликое горе.

Гдѣ сливаются сіи двѣ эпохи? ни глазъ не видитъ, ни сердце не чувствуетъ. Однажды въ Швейцаріи вышелъ я гулять на восходѣ солнца. Люди, которые мнѣ встрѣчались, говорили: «доброе утро,

господинъ!» Что со мною было далѣе, не помню, но вдругъ вывело меня изъ задумчивости привѣтствіе: «добрый вечеръ!» Я взглянулъ на небо: солнце садилось. Это поразило меня. Такъ бываетъ съ нами и въ жизни! Сперва говорятъ объ человѣкѣ: «какъ онъ молодъ!» и вдругъ скажутъ объ немъ: «какъ онъ старъ!»

Такимъ образомъ мыслилъ я въ Виндзорскомъ паркѣ, разбирая свои чувства и угадывая тѣ, которыя со временемъ будутъ моими!

Лондонъ, Іюля.... 1790.

Трое Русскихъ, М*, Д* и я, въ 11 часовъ утра сошли съ берега Темзы, сѣли на ботикъ и поплыли въ Гриничъ. День прекрасный — мы спокойны и веселы — плывемъ подъ величественными арками мостовъ, мимо безчисленныхъ кораблей, стоящихъ на обѣихъ сторонахъ въ нѣсколько рядовъ: одни съ распушенными флагами приходятъ и втираются въ тѣсную линію; другіе съ поднятыми парусами готовы летѣть на край міра. Мы смотримъ, любимся, разсуждаемъ — и хвалимъ прекрасную выдумку денегъ, которыя столько чудесъ производятъ въ свѣтѣ и столько выгодъ доставляютъ въ жизни. Кусокъ золота — нѣтъ, еще лучше: ключекъ бумажки, присланный изъ Москвы въ Лон-

донъ, какъ волшебный талисманъ даетъ мнѣ власть надъ людьми и вещами: захочу, имѣю — скажу, сдѣлано. Все, кажется, ожидаетъ моихъ повелѣній. Вздумалъ ѣхать въ Гриничъ — стукнулъ въ рукъ бѣленькими кружками — и гордые Англичане исполняютъ мою волю, пѣнятъ веслами Темзу, и доставляютъ мнѣ удовольствіе видѣть разнообразныя картины человѣческаго трудолюбія и Природы. — Разговоръ нашъ еще не кончился, а ботикъ у берега.

Первый предметъ, который явился глазамъ нашимъ, былъ самый предметъ нашего путешествія и любопытства: Гриничская Госпиталь, гдѣ признательная Англія осыпаетъ цвѣтами старость своихъ мореходцовъ, орудіе величества и силы ея. Немногіе Цари живутъ такъ великолѣпно, какъ Англійскіе престарѣлые матрозы. Огромное зданіе состоитъ изъ двухъ замковъ, спереди раздѣленныхъ красивою площадью, и назадъ соединяемыхъ колоннадами и Губернаторскимъ домомъ, за которымъ начинается большой паркъ. Сѣдые старцы, опершись на балюстрадъ террасы, видятъ корабли, на всѣхъ парусахъ летящіе по Темзѣ: что можетъ быть для нихъ пріятнѣе! сколько воспоминаній для cadaго? Такъ и они въ свое время разсѣкали волны, съ Ансономъ, съ Кукомъ! — Съ другой стороны, плывущіе на корабляхъ матрозы смотрятъ на Гриничъ и думаютъ: «тамъ готово пристанище для нашей старости! Отечество благодарно; оно призритъ и успокоитъ насъ, когда мы въ его служеніи истощимъ силы свои!»

Всѣ внутреннія украшенія дома имѣютъ отношеніе къ мореплаванію: у дверей глобусы, въ куполѣ залы компасъ; здѣсь Эврѣ летитъ съ востока и гонитъ съ неба звѣзду утреннюю; тутъ Австерѣ, окруженный тучами и молніями, льетъ воду; Зефирѣ бросаетъ цвѣты на землю; Борей, размахивая драконовыми крыльями, сыплетъ снѣгъ и градъ. Тамъ Англійской корабль, украшенный трофеями, и главнѣйшія рѣки Британіи, отягченныя сокровищами; тамъ изображенія славнѣйшихъ Астрономовъ, которые своими открытіями способствовали успѣхамъ Навигациі. — Имена патріотовъ, давшихъ деньги Вильгельму III на заведеніе Госпиталя, вырѣзаны на стѣнѣ золотыми буквами. Тутъ же представленъ и сей любезный Англичанамъ Король, попирающій ногами самовластіе и тиранство. Между многими другими, по большой части аллегорическими картинами, читаете надписи: *Anglorum spes magna — salus publica — securitas publica.*

Каждый изъ насъ долженъ былъ заплатить около рубля за свое любопытство; не больно давать деньги въ пользу такого славнаго заведенія. У всякаго матроза, служащаго на Королевскихъ и купеческихъ корабляхъ, вычитаютъ изъ жалованья 6 пенсовъ въ мѣсяцъ на содержаніе Госпиталя; за то всякой матрозъ можетъ быть тамъ принять, если докажетъ, что онъ не въ состояніи продолжать службы, или былъ раненъ въ сраженіи, или способствовалъ отнять у непріятеля

корабль. Теперь ихъ 2000 въ Гриничѣ, и каждой получаетъ въ недѣлю 7 бѣлыхъ хлѣбовъ, 3 фунта говядины, 2 ф. баранины, 1 $\frac{1}{2}$ ф. сыру, столько же масла, гороху, и шиллингъ на табакъ.

Я напомнимъ вамъ слово, сказанное въ Лондонѣ Петромъ Великимъ Вильгельму III, и достойное нашего Монарха. Король спросилъ, что Ему болѣе всего полюбилось въ Англіи? Петръ I отвѣчалъ: «то, что Госпиталь заслуженныхъ матрозовъ похожа здѣсь на дворецъ, а дворецъ Вашего Величества похожъ на Госпиталь.» — Въ Англіи много хорошаго; а всего лучше общественныя заведенія, которыя доказываютъ благодѣтельную мудрость Правленія. *Salus publica* есть подлинно девизъ его. Англичане должны любить свое отечество.

Гриничъ самъ по себѣ есть красивый городокъ; тамъ родилась Елисавета. — Мы отобѣдали въ кофейномъ домѣ, погуляли въ паркѣ, сѣли въ лодку, поплыли, въ 10 часовъ вечера вышли на берегъ, и очутились въ какомъ-то волшебномъ мѣстѣ!...

Вообразите безконечныя аллеи, цѣлыя лѣса, ярко освѣщенные огнями; галлерей, колоннады, павильоны, альковы, украшенные живописью и бюстамъ великихъ людей; среди густой зелени триумфальныя, пылающія арки, подъ которыми гремитъ оркестръ; вездѣ множество людей; вездѣ столы для пиршества, украшенные цвѣтами и зеленью. Ослѣпленные глаза мои ищутъ мрака; я вхожу въ узкую крытую аллею, и мнѣ говорятъ: *вотъ*

гульбище Друидовъ! * Иду далѣе; вижу, при свѣтѣ луны отдаленныхъ огней, пустыню и разсѣянные холмики, представляющіе Римской станъ; тутъ растутъ кипарисы и кедры. На одномъ пригоркѣ сидитъ Мильтонъ — мраморный — и слушаетъ музыку; далѣе — обелискъ, Китайской садъ; наконецъ нѣтъ уже дороги... Возвращаюсь къ оркестру.

Если вы догадливы, то узнали, что я описываю вамъ славный Англійской Воксалъ, которому напрасно хотятъ подражать въ другихъ земляхъ. Вотъ прекрасное, вечернее гульбище, достойное умнаго и богатаго народа!

Оркестръ играетъ по большой части любимыя народныя пѣсни; поютъ актеры и актрисы Лондонскихъ Театровъ; а слушатели, въ знакъ удовольствія, часто бросаютъ имъ деньги.

Вдругъ зазвонили въ колокольчикъ, и всѣ бросились къ одному мѣсту; я побѣжалъ вмѣстѣ съ другими, не зная, куда и за чѣмъ. Вдругъ поднялся занавѣсъ, и мы увидѣли написанное огненными словами: *Take care of your poskets!* *берегите карманы!* (потому что Лондонскіе воры, которыхъ довольно бываетъ и въ Воксалѣ, пользуются этою минутою). Въ то же время открылась прозрачная картина, представляющая сельскую сцену. «Хорошо! думалъ я: но не стоитъ того, чтобы бѣжать «безъ памяти и давить людей.»

* Имя аллея.

Лондонской Воксаль соединяетъ всѣ состоянія: тутъ бывають и знатные люди и лакеи, лучшія дамы и публичныя женщины. Одни кажутся актерами, другіе зрителями. — Я обходилъ всѣ галереи и осмотрѣлъ всѣ картины, написанныя по большей части изъ Шекспировыхъ Драмъ или изъ новѣйшей Англійской Исторіи. Большая ротонда, гдѣ въ ненастное время бываетъ музыка, убрана сверху до полу зеркалами; куда ни взглянешь, видишь себя въ десяти живыхъ портретахъ.

Часу въ двѣнадцатомъ начались ужины въ павильонахъ, и въ лѣсочкѣ заиграли на рогахъ. Я отъ роду не видывалъ такого множества людей сидящихъ за столами — что имѣетъ видъ какого-то великолѣпнаго праздника. Мы сами выбрали себѣ павильонъ; велѣли подать цыпленка, анчоусовъ, сыру, масла, бутылку Кларету, и заплатили рублей шесть.

Воксаль въ двухъ миляхъ отъ Лондона, и лѣтомъ бываетъ отворенъ всякой вечеръ; за входъ платится копѣекъ сорокъ. — Я на разсвѣтѣ возвратился домой, будучи весьма доволенъ цѣлымъ днемъ.

ВЫБОРЪ ВЪ ПАРЛАМЕНТЪ.

Черезъ каждыя семь лѣтъ Парламентъ возобновляется. Нынѣ, по моему щастію, надлежало быть выборамъ; я видѣлъ ихъ.

Вестминстеръ избираетъ двухъ Членовъ. Министры желали Лорда Гуда, а противники ихъ Фокса; болѣе не было Кандидатовъ. На канунъ избранія угощались безденежно въ двухъ тавернахъ тѣ Вестминстерскіе жители, которые имѣютъ голосъ: въ одной подчивали Министры, а въ другой пріятели Фоксовы. Я хотѣлъ видѣть этотъ праздникъ: вошелъ въ таверну, и долженъ былъ выпить стаканъ вина за Фоксово здоровье. На сей разъ Англичане довольно шумѣли.... Fox for ever! да здравствуетъ Фоксъ! нашъ доброй, умный Фоксъ, лисица именемъ, * левъ сердцемъ, патріотъ, другъ Вестминстерскаго народа! — Тутъ были всякаго роду люди: г. Лорды и ремесленники. Кто имѣетъ свой уголокъ въ Вестминстерѣ, тотъ имѣетъ и голосъ.

На другой день рано по утру отправился я съ земляками своими на Ковенгарденскую площадь, уже наполненную народомъ, такъ что мы съ трудомъ нашли себѣ мѣсто подлѣ галлерей, которая на это время дѣлается изъ досокъ, и въ которой Избиратели записываютъ свои голоса. Самихъ Кандидатовъ еще не было; но друзья ихъ работали, говорили рѣчи, махали шляпами, и кричали: Hood for ever! Fox for ever! Тутъ люди въ голубыхъ лентахъ дружески пожимали руку у сапожниковъ. — Вдругъ явился человѣкъ лѣтъ пятидесяти, неопрятно одѣтый, видомъ неважный,

* Фоксъ значитъ лисица.

снялъ шляпу и показалъ, что хочетъ говорить. Все умолкло. «Сограждане!» сказалъ онъ, понюхавъ нѣсколько разъ табаку, которымъ засыпанъ былъ весь длинный камзолъ его: «сограждане! «истинная Англійская свобода у насъ давно уже «не въ модѣ; но я человѣкъ старинной, и люблю «отечество по старинному. Вамъ говорятъ, что «нынѣшній день есть торжество гражданскихъ «правъ вашихъ; но пользуетесь ли вы ими, когда «вамъ предлагаютъ изъ двухъ Кандидатовъ вы- «брать двухъ Членовъ? Они уже выбраны! Мини- «стры съ противниками согласились, и надъ вами «шутятъ.» — (Тутъ онъ еще нѣсколько разъ по- нюхалъ табаку, а народъ говорилъ: «это правда; «надъ нами шутятъ.») — «Сограждане! для под- «держанія вашихъ правъ, драгоцѣнныхъ моему «сердцу, я самъ себя предлагаю въ Кандидаты. «Знаю, что меня не выберутъ; но по крайней мѣрѣ «вы будете выбирать. Я Горнъ Тукъ: вы обо мнѣ «слыхали, и знаете, что Министерство меня не «жалуетъ.» — *Браво!* закричали многіе: *мы пода- димъ за тебя голоса!* Въ ту же минуту подошелъ къ нему сѣдой старикъ на клюкахъ, и всѣ вокругъ меня произнесли имя его: *Вилькесъ! Вилькесъ!* Вамъ, друзья мои, извѣстна исторія этого человѣка, который нѣсколько лѣтъ игралъ знаменитую ролю въ Англіи, былъ страшнымъ врагомъ Министер- ства, самага Парламента, идоломъ народа; думалъ только о личныхъ своихъ выгодахъ, и хотѣлъ быть ужаснымъ единственно для того, чтобы получить доходное мѣсто; получилъ его, обогатился и со-

шелъ съ шумнаго театра. Онъ сказалъ Горну: «мой другъ! этою дрожащею рукою напишу я имя твое въ книгѣ, и умру спокойнѣе, если ты будешь Членомъ Парламента.» Горнъ обнялъ его съ холоднымъ видомъ, и началъ нюхать табакъ.

Горнъ Тукъ былъ, во время Американской войны, проповѣдникомъ въ Брендсфордѣ, писалъ въ газетахъ противъ Двора, сидѣлъ за то въ тюрьмѣ, не унялся, и понынѣ еще ставитъ себѣ за честь быть врагомъ Министровъ. Онъ говоритъ сильно, пишетъ еще сильнѣе, и многіе считаютъ его Авторомъ славныхъ *Юніевыхъ писемъ*.

Раздался голосъ: «дайте мѣсто Кандидатамъ!» Мы увидѣли процессію... Напередѣ знамена, съ изображеніемъ Гудова и Фоксова имени, и съ подписью: *за отечество, народъ, конституцію*. За ними шли друзья Кандидатовъ съ разноцвѣтными кокардами на шляпахъ; за ними сами Кандидаты: Фоксъ, толстой, маленькой, черноволосой, съ густыми бровями, съ румянымъ лицомъ, человекъ лѣтъ въ 45, въ синемъ фракѣ — и Гудъ, высокой, худой, лѣтъ пятидесяти, въ Адмиральскомъ зеленомъ мундирѣ. Они стали на доски, устланныя коврами, и каждый говорилъ народу привѣтствіе. Начался выборъ. Избиратели входили въ галерею, и записывали голоса свои: что продолжалось нѣсколько часовъ. Между тѣмъ мальчикъ лѣтъ тринадцати взлѣзъ на галерею, и кричалъ надъ головою Кандидатовъ: *здравствуй Фоксъ! провались сквозь землю Гудъ! а черезъ минуту: здравствуй Гудъ! провались сквозь землю Фоксъ! Ни-*

кто не унималъ шалуна, а Кандидаты даже и не взглянули на него.

Наконецъ объявили имена новыхъ Членовъ: Гуда и Фокса. За Горна Тука было только 200 голосовъ; но онъ вмѣстѣ съ избранными говорилъ благодарную рѣчь народу, и сказалъ: «я никакъ «не думалъ, чтобы въ Вестминстерѣ нашлось 200 «патріотовъ; теперь вижу, и радуюсь такому чи- «слу.» — Тутъ Фокса посадили на кресла, укра- шенныя лаврами и въ тріумфѣ понесли домой; зна- мена развѣвались надъ его головою, музыка гре- мѣла, и тысячи голосовъ восклицали: Fox for ever! *Vivatъ!* ура! Фоксъ уже въ пятый разъ из- бирается отъ Вестминстера: и такъ не мудрено, что онъ сидѣлъ на торжественныхъ креслахъ о- чень покойно и свободно, то улыбался, то хмурилъ густыя, черныя брови свои. — И Гуда хотѣли не- сти; но онъ просилъ увольненія, и одинъ изъ дру- зей его сказалъ: «Адмиралъ нашъ любитъ тріум- фы только на морѣ!» — —

Теперь, друзья мои, опишу вамъ другаго роду происшествіе. Сюда недавно пріѣхалъ курьеромъ изъ П* господинъ N. N., человѣкъ не молодой, ко- торый, не жалѣя толстаго брюха своего, скачетъ изъ земли въ землю, чтобы остальными отъ про- гововъ червонцами кормить жену и дѣтей своихъ. И такъ вы не осудите его, что онъ скупъ, и пріѣ- хавъ въ Лондонъ, не хотѣлъ сшить себѣ фрака, а ходилъ по улицамъ въ коротенькомъ синемъ мун- дирѣ, въ длинномъ красномъ камзолѣ и въ чер- номъ бархатномъ картузѣ; но здѣшній народъ не

вы — мальчики бѣгали за нимъ и кричали: *смотрите, какая чучела!* Мы приступили къ нему, чтобы онъ одѣлся полюдски, и наконецъ убѣдили. Господинъ N. N. сдѣлалъ себѣ модный фракъ, купилъ прекрасную шляпу, и далъ намъ слово обновить ихъ въ день выборовъ. Мы зашли къ нему, чтобы идти вмѣстѣ на площадь, и ахнули отъ удивленія: онъ надѣлъ сверхъ кафтана синюю толстую епанчу, а на шляпу какой-то футляръ изъ клеенки, боясь дождя! Мы сорвали съ него то и другое; увѣрили, что небо чисто — и пошли. Несчастный! Солнце долго сіяло, но часу въ пятомъ, когда уже мы возвращались домой, небо затуманилось, ударилъ дождь, и нашъ N. N. бросился подъ зонтикъ пирожной лавки, ругая насъ немилосердо. Мы остановились, и черезъ минуту были окружены множествомъ людей. Вдругъ видимъ, что пріятель нашъ съ кѣмъ-то разговариваетъ очень весело, смѣется, рассказываетъ — и вдругъ, оцѣпенѣвъ, блѣднѣетъ отъ ужаса... Что такое?... у него украли изъ кармана деньги, которыя онъ безпрестанно держалъ рукою; но заговорившись съ незнакомцемъ, ораторъ нашъ хотѣлъ сдѣлать какой-то выразительный *жестъ*, вынулъ изъ кармана руку, и черезъ двѣ секунды не нашелъ уже въ немъ кошелька. Подивитесь искусству здѣшнихъ воровъ! Мы совѣтовали бѣдному N. N. не брать денегъ: онъ не послушался.

Нигдѣ такъ явно не терпимы воры, какъ въ Лондонѣ; здѣсь имѣютъ они свои Клубы, свои Таверны, и раздѣляются на разные классы: на пѣ-

хоту и конницу (footpad, highwayman) на домовыхъ и карманныхъ (housebreaker pickpocket). Англичане боятся строгой полиціи, и лучше хотятъ быть обкрадены, нежели видѣть вездѣ караулы, пикеты, и жить въ городѣ какъ въ лагерѣ. За то они берутъ предосторожность; не возятъ и не носятъ съ собою много денегъ, и рѣдко ходятъ по ночамъ, особливо же за городомъ. Мы Русскіе вздумали однажды въ 11 часовъ ночи ѣхать въ Воксалъ. Что же? выѣзжая изъ города, увидѣли, что у насъ за каретою сидятъ человѣкъ пять съ ужасными рожами; мы остановились, согнали ихъ, но слѣдуя совѣту благоразумія, воротились назадъ. Негодяи могли бы въ полѣ догнать насъ и ограбить. Въ другой разъ я и Д* испугали самихъ воровъ. Мы гуляли пѣшкомъ близъ Ричмонда, запоздали, сбились съ дороги, и очутились въ пустомъ мѣстѣ, на берегу Темзы, въ бурную ночь, часу въ первомъ; идемъ и видимъ подъ деревомъ сидящихъ двухъ человѣкъ. Добрымъ людямъ мудро было въ такое время сидѣть въ полѣ и на дождѣ. Что же дѣлать? спастись дерзостію, *rather d'aude*, какъ говорятъ Французы — смѣлымъ Богъ владѣетъ — прямо къ нимъ, скорымъ шагомъ! Они вскочили и дали намъ дорогу. — Въ Англіи никогда не возьмутъ въ тюрьму человѣка по вѣроятности, что онъ воръ; надобно поймать его на дѣлѣ и представить свидѣтелей; иначе вамъ же бѣда, еслили приведете его безъ неоспоримыхъ законныхъ доказательствъ.

Лѣтомъ бываетъ здѣсь только одинъ Гемеркетской Театръ, на которомъ однакожь играютъ всѣ лучшіе Ковенгарденскіе и Друриленскіе актеры. * Зрителей всегда множество: и въ ложахъ и въ партерѣ; народъ бываетъ въ галлерейхъ. Въ первый разъ видѣлъ я Шекспирова Гамлета — и лучше, естли бы не видалъ! Актеры говорятъ, а не играютъ; одѣты дурно, декораціи бѣдныя. Гамлетъ былъ въ черномъ Французскомъ кафтанѣ, съ толстымъ пучкомъ и въ голубой лентѣ; Королева въ роброндѣ, а Король въ Гишпанской епанчѣ. Лакеи въ ливреѣ приносятъ на сцену декорацію, одну ставятъ, другую берутъ на плеча, тащатъ — и это дѣлается во время представленія! Какая розница съ Парижскими театрами! Я сердился на актеровъ не за себя, а за Шекспира, и дивился зрителямъ, которые сидѣли покойно и съ великимъ вниманіемъ слушали; изрѣдка даже хлопали. Угадайте, какая сцена живѣе всѣхъ дѣйствовала на публику? та, гдѣ копаютъ могилу для Офеліи, и гдѣ работники, играя словами, говорятъ, что первый дворянинъ былъ Адамъ, the first that ever bore arms, и тому подобное. Одна Офелія занимала меня: прекрасная актриса, * прекрасно одѣтая, и трогательная въ сценахъ безумія; она напомнила

* Два главные Лондонскіе Театра.

* Буллингтонъ, естли не ошибаюсь.

миѣ Дюгазонъ въ Нинѣ; и поетъ очень пріятно. — Я видѣлъ еще Оперу Инкле и Ярико (которую играли не очень хорошо, но гораздо лучше Гамлета) и еще три Комедіи или *буфонады*, въ которыхъ зрители очень смѣялись. — Говорятъ, что у Англичанъ есть Мельпомена: гопожа Сиддонсъ, рѣдкая трагическая актриса; но ее теперь нѣтъ въ Лондонѣ. Гораздо болѣе нашелъ я удовольствія въ здѣшней Италіанской Оперѣ. Играли Андромаху. Маркези и Мара пѣли; музыка прекрасная. Дни два отзывался въ ушахъ моихъ трогательный дуэтъ:

Quando mai, astri tiranni,
Avran fine i nostri affanni?
Quando paghi mai sarete
Della vostra crudelta?

Въ театрѣ я купилъ эту Оперу, поднесенную Принцу Валлисскому при слѣдующемъ Англійскомъ письмѣ, которое перевожу для васъ какъ рѣдкую вещь:

«Странно покажется, что я осмѣливаюсь подне-
«сти Италіанскую Оперу Вашему Королевскому
«Высочеству. Хотя Юпитеръ принималъ въ жер-
«тву быковъ но никто не смѣлъ дарить его муха-
«ми. Принцъ столь искусный, какъ Ваше Высоче-
«ство, во всѣхъ отвлеченныхъ наукахъ и самой
«изящнѣйшей Литтературѣ, не можетъ дорожить
«Оперною бездѣлкою. Восхитительныя прелести
«музыки, рассыпанныя въ сей Оперѣ, *озлащаютъ*
«нѣкоторымъ образомъ сей малый трудъ; но я
«имѣю нѣчто важнѣйшее для моего оправданія.

«Славный Понтифексъ, Леонъ X, не презрѣлъ под-
«несенной ему книги о *поваренномъ искусствѣ*, и
«мы читаемъ въ Вал. Максимѣ, что Персидской
«Монархъ принялъ въ даръ старой кафтанъ съ та-
«кимъ снисхожденіемъ, что наградилъ дателя Са-
«москимъ островомъ. Первый былъ самый остро-
«умнѣйшій изъ владыкъ земныхъ, а второй силь-
«нѣйшій: два качества, которыя чудесно соединя-
«ются въ Вашемъ Высочествѣ. Лучезарное свѣти-
«ло не отказывается въ улыбкѣ своей ни червячку,
«ни былинкѣ; а высокая благодѣтельность вашего
«сердца не имѣетъ другаго примѣра. — Вашего
«Высочества покорнѣйшій слуга К. Ф. Бадини.»

Послѣ такого письма я хотѣлъ бы лично узнать
господина Бадини.

Лондонъ, Іюля ... 1790.

Я хотѣлъ итти за городъ, въ прекрасную дере-
веньку Гамстеть; хотѣлъ взойти на холмъ *Примрозъ*,
гдѣ благоухаетъ скошенное сѣно; хотѣлъ оттуда по-
смотрѣть на Лондонъ, возвратиться къ ночи въ го-
родъ и ѣхать въ Воксалъ.... но нигдѣ не былъ, и не
жалѣю. День не пропалъ: сердце мое было тро-
нуто!

Подлѣ самаго Cavendish Square встрѣтился мнѣ
старой, слѣпой нищій, котораго вела ... собачка,
привязанная на спуркѣ. Собачка остановилась, на-
чала ко мнѣ ласкаться, лизать ноги мои; нищій ска-

залъ томнымъ голосомъ: «добрый господинъ! сжалъ-ся надъ бѣднымъ и слѣпымъ! my dear sir, I am poor and blind!» Я отдалъ ему шиллингъ. Онъ поклонился, тропуль снурокъ, и собачка побѣжала. Я пошелъ за ними. Собачка вела его серединою тротуара, какъ можно далѣе отъ края и всѣхъ отверстій, чтобы слѣпой старикъ не упалъ; часто останавливалась, ласкала людей (но не всѣхъ, а по выбору: она казалась физиогномистомъ!) и почти всякой давалъ нищему. Мы прошли двѣ улицы. Собачка остановилась подлѣ женщины, не молодой, но миловидной и очень бѣдно одѣтой, которая противъ одного дому сидѣла на стулѣ, играла на лютнѣ и пѣла жалобнымъ голосомъ. Прекрасной мальчикъ, также бѣдно одѣтый, держалъ въ рукахъ нѣсколько печатныхъ листочковъ, стоялъ прислонившись къ стѣнѣ и умильно смотрѣлъ на поющую. Увидѣвъ старика, онъ подбѣжалъ къ нему и сказалъ: «добрый Томасъ! здоровъ ли ты?» — *Слава Богу! а мать твоя? ... Какъ она хорошо поетъ! послушаю.* — Сынъ началъ ласкать собачку; а мать, поговоривъ съ старикомъ, снова заиграла и запѣла... Я долго слушалъ и положилъ ей на колѣни нѣсколько пепсовъ. Мальчикъ взглянулъ на меня благодарными глазами и подалъ мнѣ печатной листокъ. Это былъ гимнъ, который пѣла мать его. Въмѣсто того, чтобы итти за городъ, я возвратился домой и перевелъ гимнъ Вотъ онъ:

Господь есть бѣдныхъ покровитель
И всѣхъ печальныхъ утѣшитель;

Всевышній зрѣть, что нужно намъ,
И двумъ тоскующимъ сердцамъ
Пошлетъ въ своей часъ отраду.
Отдастъ ли насъ Онъ въ жертву гладу?
Забудетъ ли Отецъ дѣтей?
Прохожій сжалятся надъ нами
(Есть сердце у людей!)
А мы молитвой и слезами
Заплатимъ долгъ ему.

Въ словахъ нѣтъ ничего отмѣннаго; но еслибъ
вы, друзья мои, слышали, какъ бѣдная женщина
пѣла, то не удивились бы, что я переводилъ ихъ
— со слезами.

Ранела.

Ныпѣшнюю почъ карета служила мнѣ спальнею!
— Въ 8 часовъ отправились мы Русскіе въ Ранела
пѣшкомъ; не шли, а бѣжали, боясь опоздать; уста-
ли до смерти, потому что отъ моей улицы до Ранела
конечно не менѣе пяти верстъ, и въ десятомъ часу
вошли въ большую круглую залу, прекрасно освѣ-
щенную, гдѣ гремѣла музыка. Тутъ въ лѣтніе ве-
чера собирается хорошее Лондонское общество,
чтобы слушать музыку и гулять. Въ ротондѣ сдѣ-
ланы въ два ряда ложи, гдѣ женщины и мужчины
сидятся отдыхать, пить чай и смотрѣть на мно-
жество людей, которые вертятся въ залѣ. Мы взгля-
нули на собраніе, на украшеніе залы, на высокой
оркестръ, и пошли въ садъ, гдѣ горѣлъ фейерверкъ;

но любуясь имъ, чуть было не подвергнулись судьбѣ Семелеиной: искры осыпали насъ съ головы до ногъ. — Возвратясь въ ротонду, я сѣлъ въ ложѣ подлѣ одного старика, который насвистывалъ разныя пѣсни, какъ Стерновъ дядя Тоби, но впрочемъ не мѣшалъ мнѣ молчать и смотрѣть на публику. Можетъ быть дѣйствіе свѣтъ обманывало глаза мои: только мнѣ казалось, что я никогда еще не видывалъ вмѣстѣ столько красавицъ и красавцевъ, какъ въ Ранела; а вы согласитесь, что такое зрѣлище очень занимательно. Къ несчастью у меня страшно болѣла голова, и я во второмъ часу, оставивъ товарищей своихъ веселиться, пошелъ искать кареты; съ трудомъ нашелъ, сѣлъ, и велѣлъ везти себя въ Оксфордскую улицу, и заснулъ. Просыпаюсь у своего дому — вижу день — смотрю на часы: пять... и такъ я три часа ѣхалъ! Кучеръ сказалъ, что мы около двухъ стояли на одномъ мѣстѣ, и что никакъ не лзя было проѣхать за множествомъ каретъ.

—
Лондонъ, Іюль... 1790.

Нынѣшнее утро видѣлъ я въ славномъ Британскомъ Музеумѣ множество древностей Египетскихъ, Этрусскихъ, Римскихъ, жертвенныхъ орудій, Американскихъ идоловъ, и проч. Мнѣ показывали одну Египетскую глиняную поздраватую чашу, которая имѣетъ удивительное свойство: еслии налить се

водою, и вложить въ которой нибудь изъ ея наружныхъ поровъ салатное сѣмя, то оно распустится и черезъ нѣсколько дней произведетъ траву. Я съ любопытствомъ разсматривалъ еще *Лакриматоріи*, или маленькіе глиняные и стеклянные сосуды, въ которые Римляне плакали на погребеніяхъ; но всего любопытнѣе былъ для меня оригиналъ Магны Харты, или славный договоръ Англичанъ съ ихъ Королемъ Іоанномъ, заключенный въ 13 вѣкѣ, и служащій основаніемъ ихъ конституціи. Спросите у Англичанина, въ чемъ состоятъ ея главныя выгоды? Онъ скажетъ: *я живу, гдѣ хочу; увѣренъ въ томъ, что имѣю; не боюсь ничего, кромѣ законовъ*. Разогните же Магну Харту: въ ней Король утвердилъ клятвенно сіи права для Англичанъ — и въ какое время? когда всѣ другіе Европейскіе народы были еще погружены въ мрачное варварство.

Изъ Музеума прошелъ я въ домъ Ост-Индской Компаніи и видѣлъ съ удивленіемъ огромныя магазины ея. Общество частныхъ людей имѣетъ въ совершенномъ подданствѣ богатѣйшія, обширныя страны міра, цѣлыя (можно сказать) государства; избираетъ Губернаторовъ и другихъ начальниковъ; содержитъ тамъ армію, воюетъ и заключаетъ миръ съ державами! Это безпримѣрно въ свѣтѣ. Президентъ и 24 Директора управляютъ дѣлами. Компанія продаетъ свои товары всегда съ публичнаго торгу — и хотя снабжаетъ ими всю Европу; хотя выручаетъ за нихъ милліоны: однакожь расходы ея такъ велики, что она очень много должна. Слѣд-

ственно ей болѣе славы, нежели прибыли; но согласитесь, что Англійской богатый купецъ не можетъ завидывать никакому состоянію людей въ Европѣ!

Семейственная жизнь.

Берега Темзы прекрасны; ихъ можно назвать цвѣтниками — и вопреки Англійскимъ туманамъ, здѣсь царствуетъ Флора. Какъ милы сельскіе домики, оплетенные розами спизу до самой кровли,* или густо осѣненные деревьями, такъ что ни одинъ яркой лучъ солнца не можетъ въ нихъ проникнуть!

Но картина добрыхъ нравовъ и семейственнаго счастья всего болѣе восхищаетъ меня въ деревняхъ Англійскихъ, въ которыхъ живутъ теперь многіе достаточные Лондонскіе граждане, дѣлаясь на лѣто поселянами. Всякое Воскресенье хожу въ какую нибудь загородную церковь слушать нравственную, ясную проповѣдь во вкусѣ Иориковыхъ, и смотрѣть на спокойныя лица отцовъ и супруговъ, которые всѣ усердно молятся Всевышнему и просятъ, кажется, единственно о сохраненіи того, что уже имѣютъ. Въ церквахъ сдѣланы ложи — и каждая занимается особливимъ семействомъ. Ма-

* Видъ прекрасной. Вѣтви съ цвѣтами нарочно подпятае вверху, переплетаются, и достаютъ до кровли низенькихъ домиковъ.

тери окружены дѣтьми — и я нигдѣ не видывалъ такихъ прекрасныхъ малютокъ, какъ здѣсь: совершенно *кровь съ молокомъ*, какъ говорятъ Русскіе: одушевленные цвѣточки, любезные Зефиру; все маленькіе Эмили, все маленькія Софіи. Изъ церкви каждая семья идетъ въ свой садикъ, который разгоряченному воображенію кажется по крайней мѣрѣ уголкомъ Мильтонова Эдема; но, къ счастью, тутъ нѣтъ змѣя искуителя: миловидная хозяйка гуляетъ рука въ руку съ мужемъ своимъ, а не съ прелестникомъ, не съ *Чичисбеемъ*... однимъ словомъ, здѣсь рѣдкой холостой человѣкъ не вздохнетъ, видя красоту и счастье дѣтей, скромность и благонравіе женщинъ. Такъ, друзья мои, здѣсь женщины скромны и благонравны, слѣдственно мужья счастливы; здѣсь супруги живутъ для себя, а не для свѣта. Я говорю о среднемъ состояніи людей; впрочемъ и самыя Англійскіе Лорды, и самыя Англійскіе Герцоги не знаютъ того всегдашняго разсѣянія, которое можно назвать стихіею нашего, такъ называемаго *хорошаго общества*. Здѣсь балъ или концертъ есть важное происшествіе объ немъ пишутъ въ газетахъ. У насъ правило: *вѣчно быть въ гостяхъ, или принимать гостей*. Англичанинъ говоритъ: я хочу быть счастливымъ дома, и только изрѣдка имѣть свидѣтелей моему счастью. Какія же слѣдствія? Свѣтскія дамы, будучи всегда на сценѣ, привыкаютъ думать единственно о театральныхъ добродѣтеляхъ. Со вкусомъ одѣться, хорошо войти, пріятно взглянуть, есть важное достоинство для женщины;

которая живетъ въ гостяхъ, а дома только спить или сидить за туалетомъ. Нынѣ большой ужинъ, завтра балъ: красавица танцуетъ до пяти часовъ утра; и на другой день до того ли ей, чтобы заниматься своими нравственными должностями? Напротивъ того Англичанка, воспитываемая для домашней жизни, пріобрѣтаетъ качества доброй супруги и матери, украшая душу свою тѣми склонностями и навыками, которые предохраняютъ насъ отъ скуки въ уединеніи, и дѣлаютъ одного человѣка сокровищемъ для другаго. Войдите здѣсь по утру въ домъ: хозяйка всегда за рукодѣльемъ, за книгою, за клавиномъ, или рисуетъ, или пишетъ, или учитъ дѣтей, въ пріятномъ ожиданіи той минуты, когда мужъ отправивъ свои дѣла, возвратится съ биржи, выдетъ изъ кабинета и скажетъ: *теперь я твой! теперь я вашъ!* Пусть назовутъ меня, чѣмъ кому угодно; но признаюсь, что я безъ какой-то внутренней досады не могу видѣть молодыхъ супруговъ въ свѣтѣ, и говорю мысленно: «Неша-
«стные! что вы здѣсь дѣлаете? Развѣ дома среди
«вашего семейства, въ объятіяхъ любви и друж-
«бы, вамъ не сто разъ пріятнѣе, нежели въ этомъ
«пусто-блестящемъ кругу, гдѣ не только добрыя
«свойства сердца, но и самый умъ едва ли не безъ
«дѣла; гдѣ зданіе какой-то приличности состав-
«ляетъ всю науку; гдѣ *быть не страннымъ* есть
«верхъ искусства для мушины, и гдѣ двѣ, три жен-
«щины бывають для того, чтобы удивлялись кра-
«сотѣ ихъ, а всѣ прочія... Богъ знаетъ, для чего;
«гдѣ съ большими издержками и хлопотами люди

«проводятъ нѣсколько часовъ въ утомительной иг-
 «рѣ ложнаго веселья? Естьли у васъ нѣтъ дѣтей,
 «мнѣ остается только жалѣть, что вы не умѣете
 «наслаждаться другъ другомъ, и не знаете, какъ
 «мило проводить цѣлыя дни съ любезнымъ чело-
 «вѣкомъ, дѣля съ нимъ дѣло и бездѣлье, въ пол-
 «ной душевной свободѣ, въ мирномъ расположе-
 «ніи сердца. А естьли вы родители, то пренебре-
 «гаете одну изъ святѣйшихъ обязанностей чело-
 «вѣчества. Въ самую ту минуту, когда ты, безпеч-
 «ная мать, прыгаешь въ контръ-дансѣ, маленькая
 «дочь твоя падаетъ, можетъ быть, изъ рукъ неосто-
 «рожной кормилицы, чтобы на всю жизнь сдѣлаться
 «уродомъ, или семилѣтній сынъ, оставленный съ
 «наемнымъ учителемъ и слугами, видитъ какой
 «шибудь дурной примѣръ, который сѣетъ въ его
 «сердце порокъ и несчастіе. Сидя за клавесиномъ,
 «среди блестящаго общества, ты красавица, хо-
 «чешь нравиться, и поешь какъ малиновка; но ма-
 «линовка не оставляетъ птенцовъ своихъ! Одна
 «попечительная мать имѣетъ право жаловаться на
 «судьбу, естьли не хороши дѣти ея; а та, которая
 «свѣтскія удовольствія предпочитаетъ семействен-
 «нымъ, не можетъ назваться попечительною.»

И какимъ опасностямъ подвержена въ свѣтѣ
 добродѣтель молодой женщины? Скажите, не ви-
 новна ли она передъ своимъ мужемъ, какъ скоро
 хочетъ нравиться другимъ? Что же иное можетъ
 питать склонность ея къ свѣтскимъ обществамъ?
 Слабости имѣютъ свою постепенность, и переливы
 едва примѣтны. Сперва молодая супруга хочетъ

только заслужить общее вниманіе или красотою или любезностію, чтобы *оправдать* выборъ ея мужа, какъ думаетъ; а тамъ родится въ ней желаніе нравиться какому нибудь знатоку болѣе, нежели другому; а тамъ — надобно хитрить, заманивать, подавать надежду; а тамъ... не увидишь, какъ и сердце вмѣшается въ планы самолюбія; а тамъ — бѣдный мужъ! бѣдныя дѣти!

Всего же несчастіе она сама. Хорошо если бы до конца можно было жить въ упоеніи страстей; но есть время, въ которое все оставляетъ женщину, кромѣ ея добродѣтели; въ которое одна благодарная любовь супруга и дѣтей можетъ разсѣять грусть ея о потерянной красотѣ и многихъ пріятностяхъ жизни, увядающихъ вмѣстѣ съ цвѣтомъ наружныхъ прелестей. Что, если оскорбленный мужъ убѣгаетъ тогда ея взоровъ; если дурно воспитанныя дѣти, не обязанныя ей ни чѣмъ, кромѣ несчастной жизни и пороковъ своихъ, всякой часъ растрavляютъ раны ея сердца знаками холодности, нелюбви самаго презрѣнія?... Обратится ли къ свѣту? Но тамъ время переломило ея скипетръ, угодники исчезли — Зефиръ опахала ея не принимаетъ уже Сильфовъ — и развѣ подобная ей несчастная кокетка сядетъ подлѣ нее, чтобы излить желчь свою на умы и на сердца людей.

Говорю о женщинахъ для того, что сердцу моему пріятнѣе заниматься ими; но главная вина безъ всякаго сомнѣнія на сторонѣ мужчинъ, которые не умѣютъ пользоваться своими правами для взаимнаго щастія, и лучше хотятъ быть строптивыми

рабами, нежели умными, вѣжливыми и любезными властелинами пѣжнаго пола, созданнаго прельщать, слѣдственно не властвовать, потому что сила не имѣетъ нужды въ прельщеніи. Часто должно жалѣть о мужъ, но о мужьяхъ никогда. Мягкое женское сердце принимаетъ всегда образъ нашего; и если бы мы вообще любили добродѣтель, то мнлыя красавицы изъ кокетства сдѣлались бы добродѣтельными.

Я всегда думалъ, что дальнѣйшіе успѣхи просвѣщенія должны болѣе привязать людей къ домашней жизни. Не пустота ли душевная увлекаетъ насъ въ разсѣяніе? Первое дѣло истинной философіи есть обратить человѣка къ неизмѣннымъ удовольствіямъ Натуры. Когда голова и сердце заняты дома пріятнымъ образомъ; когда въ рукѣ книга, подлѣ милая жена, вокругъ прекрасныя дѣти, захочется ли ѣхать на балъ, или на большой ужинъ?

Мысль моя не та, чтобы супруги должны были всю жизнь провести съ глазу на глазъ. Гименей не есть ни тюремщикъ, ни отшельникъ, и мы рождены для общества; но согласитесь, что въ свѣтскихъ собраніяхъ всего менѣе наслаждаются обществомъ. Тамъ нѣтъ мѣста ни разсужденіямъ, ни разсказамъ, ни изліяніямъ чувства; всякой долженъ сказать слово мимоходомъ и увернуться въ сторону, чтобъ пустить другога на сцену; всѣ безпокойны, чтобы не проговориться и не обличить своего невѣжества въ *хорошемъ тонѣ*. Однимъ словомъ, это вѣчная дурная комедія, называемая

принужденіе.мъ, безъ связи, а всего болѣе безъ интереса. — Но пріятностію общества наслаждаемся мы въ короткомъ обхожденіи съ друзьями и сердечными пріятелями, которыхъ первый взоръ открываетъ душу; которые приходятъ къ намъ мѣнять-ся мыслями и наблюденіями, шутить въ веселомъ расположеніи, грустить въ печальномъ. Выборъ такихъ людей зависитъ отъ ума супруговъ; и не всего ли ближе искать ихъ между тѣми, которыхъ сама Натура предлагаетъ намъ въ друзья, то есть, между родственниками? О милые союзы родства! вы бываете твердѣйшею опорою добрыхъ нравовъ — и если я въ чемъ нибудь завидую нашимъ предкамъ, то конечно въ привязанности ихъ къ своимъ ближнимъ.

Вольтеръ въ концѣ своего остроумнаго и безобразнаго романа * говоритъ: *друзья! пойдѣмъ работать въ саду!* слова, которыя часто отзываются въ душѣ моей послѣ утомительнаго размышленія о тайнѣ рока и щастія. Можно еще примолвить: «пойдемъ любить своихъ домашнихъ, родственниковъ и друзей; а прочее оставимъ на произволъ судьбы!»

Не смотря на Лондонскую огромную церковь Св. Павла; не глядя на Темзу, черезъ которую великолѣпные мосты перегибаются, и на которой пе-стрѣютъ флаги всѣхъ народовъ; не удивляясь богатству магазиновъ Ост-Индской Компаніи, и даже не въ собраніи здѣшняго Ученаго Королевскаго Общества говоря: *Англичане просвѣщены!* нѣтъ;

* Кандида.

но видя, какъ они умѣютъ наслаждаться семейственнымъ щастіемъ, твержу сто разъ: *Англичане просвѣщены!*

ЛИТТЕРАТУРА.

Литтература Англичанъ, подобно ихъ характеру, имѣетъ много особенностей, и въ разныхъ частяхъ превосходна. Здѣсь отечество живописной Поэзіи (*Poésie descriptive*): Французы и Нѣмцы переняли сей родъ у Англичанъ, которые умѣютъ замѣчать самыя мелкія черты въ Природѣ. По сіе время ничто еще не можетъ сравняться съ Томсоновыми *Временами года*; ихъ можно назвать зеркаломъ Натуры. Сень-Ламберъ лучше правится Французамъ; но онъ въ своей Поэмѣ кажется мнѣ Парижскимъ щеголемъ, который, выѣхавъ въ загородный домъ, смотритъ изъ окна на сельскія картины и описываетъ ихъ въ хорошихъ стихахъ; а Томсона сравню съ какимъ нибудь Швейцарскимъ или Шотландскимъ охотникомъ, который, съ ружьемъ въ рукѣ, всю жизнь бродитъ по лѣсамъ и дебрямъ, отдыхаетъ иногда на холмѣ или на скалѣ, смотритъ вокругъ себя, и что ему полюбится, что Природа вдохнетъ въ его душу, то изображаетъ карандашемъ на бумагѣ. Сень-Ламберъ кажется пріятнымъ гостемъ Натуры, а Томсонъ ея роднымъ и домашнимъ. — Въ Англійскихъ Поэтахъ есть еще какое-то *простодушіе*, не совсѣмъ

древнее, но сходное съ Гомеровскимъ; есть меланхолія, которая изливается болѣе изъ сердца, нежели изъ воображенія; есть какая-то странная, но пріятная мечтательность, которая, подобно Англійскому саду, представляетъ вамъ тысячу неожиданныхъ вещей. — Самымъ же лучшимъ цвѣткомъ Британской Поэзіи считается Мильтоново описаніе Адама и Евы и Драйденова Ода на музыку. Любопытно знать то, что Поэма Мильтонова, въ которой столь много прекраснаго и великаго, сто лѣтъ продавалась, но едва была извѣстна въ Англіи. Первый Аддисонъ поднялъ ее на высокой пьедесталъ и сказалъ: *удивляйтесь!*

Въ Драматической Поэзіи Англичане не имѣютъ ничего превосходнаго, кромѣ твореній одного Автора; но этотъ Авторъ есть Шекспиръ, и Англичане богаты!

Легко смѣяться надъ нимъ не только съ Вольтеровымъ, но и самымъ обыкновеннымъ умомъ; кто же не чувствуетъ великихъ красотъ его, съ тѣмъ — я не хочу и спорить! Забавные Шекспировы Критики похожи на дерзкихъ мальчиковъ, которые окружаютъ на улицѣ странно одѣтаго человѣка и кричатъ: *какой смѣшной! какой чудакъ!*

Всякой Авторъ ознаменованъ печатію своего вѣка. Шекспиръ хотѣлъ правиться современникамъ, зналъ ихъ вкусъ и угождалъ ему; что казалось тогда остроуміемъ, то нынѣ скучно и противно: слѣдствіе успѣховъ разума и вкуса, на которые и самой великой Геній не можетъ взять

мързъ своихъ. Но всякой истинный талантъ, платя дань вѣку, творить и для вѣчности; современныя красоты исчезаютъ, а общія, основанныя на сердцѣ человѣческомъ и на природѣ вещей, сохраняютъ силу свою, какъ въ Гомерѣ, такъ и въ Шекспирѣ. Величіе, истина характеровъ, занимательность приключеній, *откровеніе* человѣческаго сердца, и великія мысли, разсѣяныя въ драмахъ Британскаго Генія, будутъ всегда ихъ магіею для людей съ чувствомъ. Я не знаю другаго Поэта, который имѣлъ бы такое всеобъемлющее, плодотворное, неистощимое воображеніе; и вы найдете всѣ роды Поэзіи въ Шекспировыхъ сочиненіяхъ. Онъ есть любимый сынъ богини Фантазіи, которая отдала ему волшебный жезлъ свой; а онъ, гуляя въ дикихъ садахъ воображенія, на каждомъ шагу творить чудеса!

Еще повторяю: у Англичанъ одинъ Шекспиръ! Всѣ ихъ новѣйшіе Трагики только-что *хотятъ* быть сильными, а въ самомъ дѣлѣ слабы духомъ. Въ нихъ есть Шекспировской *бомбастъ*, а нѣтъ Шекспирова Генія. Въ изображеніи страстей всегда почти заходятъ они за предѣлы истины и Натуры, можетъ быть отъ того, что обыкновенное, то есть истинное, мало трогаетъ сонныя и флегматическія сердца Британцевъ: имъ надобны ужасы и громы, рѣзанье и погребенія, изступленіе и бѣшенство. Нѣжная черта души не была бы здѣсь примѣчена; тихіе звуки сердца безъ всякаго дѣйствія исчезли бы въ Лондонскомъ партерѣ. — Славная Аддисонова трагедія хороша тамъ, гдѣ Катонъ

говорить и дѣйствуетъ; но любовныя сцены не-
сносны. Нынѣшнія любимыя драмы Англичанъ:
Grecian Daughter, Fair penitent, Jean Shore и
проч., трогаютъ болѣе содержаніемъ и картинами,
нежели чувствомъ и силою Авторскаго таланта. —
Комедіи ихъ держатся запутанными интригами и
карикатурами; въ нихъ мало истиннаго остро-
умія, а много *буфонства*; здѣсь Талія не смѣется,
а хохочетъ.

Примѣчанія достойно то, что одна земля произ-
вела и лучшихъ Романистовъ и лучшихъ Истори-
ковъ. Ричардсонъ и Фильдингъ выучили Францу-
зовъ и Нѣмцовъ писать романы какъ *исторію*
жизни, а Робертсонъ, Юмъ, Гиббоуъ, вліяли въ
Исторію привлекательность любопытнѣйшаго ро-
мана, умнымъ расположеніемъ дѣйствій, живо-
писью приключеній и характеровъ, мыслями и
слогомъ. Послѣ Фукидида и Тацита ничто не мо-
жетъ сравняться съ Историческимъ Тріумвиратомъ
Британіи. *

Новѣйшая Англійская Литтература совсѣмъ не
достойна вниманія: теперь пишутъ здѣсь только
самые посредственные романы, а Стихотворца
нѣтъ ни одного хорошаго. Йонгъ, гроза счастли-
выхъ и утѣшитель несчастныхъ, и Стернъ, ори-
гинальный живописецъ чувствительности, заклю-
чили фалангу безсмертныхъ Британскихъ Авто-
ровъ.

* Т. е. съ Робертсономъ, Юмомъ и Гиббономъ.

А я заключу это письмо двумя, тремя словами объ Англійскомъ языкѣ. Онъ всѣхъ на свѣтѣ легче и простѣе, совсѣмъ почти не имѣетъ Грамматики, и кто знаетъ частицы *of* и *to*, знаетъ склоненія; кто знаетъ *will* и *shall*, знаетъ спряженія; всѣ неправильные глаголы можно затвердить въ одинъ день. Но вы, читая какъ азбуку Робертсона и Фильдинга, даже Томсона и Шекспира, будете съ Англичанами нѣмы и глухи; то есть ни они васъ, ни вы ихъ не поймете. Такъ труденъ Англійской выговоръ, и столь мудрено узнать слухомъ то слово, которое вы знаете глазами! Я все понимаю, что мнѣ напишутъ, а въ разговорѣ долженъ угадывать. Кажется, что у Англичанъ рты связаны, или на отверстіе ихъ положена Министерствомъ большая пошлина: они чуть, чуть разводять зубы, свистятъ, намекаютъ, а не говорятъ. Вообще Англійской языкъ грубъ, непріятенъ для слуха, но богатъ и обработанъ во всѣхъ родахъ для письма — богатъ *краденымъ*, или (чтобъ не оскорбить Британской гордости) *отнятымъ* у другихъ. Всѣ ученія и по большей части нравственные слова взяты изъ Французскаго или изъ Латинскаго, а коренные глаголы изъ Нѣмецкаго. Римляне, Саксонцы, Датчане истребили и Британской народъ и языкъ ихъ; говорятъ, что въ Валлисѣ есть нѣкоторые его остатки. Пестрота Англійскаго языка не мѣшаетъ ему быть сильнымъ и выразительнымъ; а смѣлость Стихотворцевъ удивительна; но гармоніи, и того, что въ Реторикѣ называется *числомъ*, совсѣмъ нѣтъ. Слова отры-

вистыя, фразы короткія, и ни малаго разнообразія въ періодахъ! Мѣра стиховъ всегда одинакая: Ямбы въ 4 или въ 5 стопъ съ мужескимъ окончаніемъ. — Да будетъ же честь и слава нашему языку, который въ самородномъ богатствѣ своемъ, почти безъ всякаго чуждаго примѣса, течетъ какъ гордая, величественная рѣка — шумитъ, гремитъ — и вдругъ, если надобно, смягчается, журчитъ нѣжнымъ ручейкомъ и сладостно вливается въ душу, образуя всѣ мѣры, какія заключаются только въ паденіи и возвышеніи человеческого голоса!

Лондонъ, Августа ... 1790.

Въ 8 часовъ вечера я позвонилъ въ своемъ маленькомъ кабинетѣ, и вмѣсто моей Дженни (которая, сказать правду, не очень красива собою) вошла ко мнѣ прелестная дѣвушка лѣтъ семнадцати. Я удивился, и смотрѣлъ на нее въ молчаніи. Она спрашивала: «что угодно господину?» краснѣлась, присѣдала, глядѣла въ землю, и наконецъ изъяснила мнѣ, что Дженни, пользуясь Воскресеньемъ, гуляетъ за городомъ, а она взялась на нѣсколько часовъ заступить ея мѣсто въ домѣ. Я хотѣлъ знать имя красавицы? — Софія — Ея состояніе? — Служанка въ пансіонѣ. — Ея забавы, удовольствія въ жизни? — Работа, милость госпожи,

хорошая книжка. — Ея надежды? — Накопит нѣсколько гиней и возвратится въ Кентское Графство къ старику отцу, которой живетъ въ большой пуждѣ. — — Софія принесла мнѣ чай, налила, по усиленной прозѣбѣ моей сама выпила чашку, но ни какъ не хотѣла сѣсть, и при всякомъ словѣ краснѣлась, хотя я остерегался нескромности въ разговорѣ съ нею. Впрочемъ, къ моему удивленію, Англическія фразы сами собою мнѣ представлялись, и естли бы я всякой день могъ говорить съ прелестною Софіею, то черезъ мѣсяцъ заговорилъ бы какъ — Ораторъ Парламента! Съ чувствомъ скажу вамъ, друзья мои, что Англичанки и въ самомъ низкомъ состояніи чрезвычайно любезны своею кротостію.

Въ нынѣшнее Воскресенье поговорю о Воскресеньи. Оно здѣсь свято и торжественно; самый бѣдный подещикъ перестаетъ работать; купецъ запираетъ лавку, биржа пустѣетъ, Спектакли закрываются, музыка молчитъ. Всѣ идутъ къ обѣднѣ; люди, привязанные своими упражненіями и дѣлами къ городу, разъѣзжаются по деревнямъ; народъ толпится на гульбищахъ, и бѣдный по возможности наряжается. Что у Французовъ *Gengetes*, то здѣсь *Thea-gardens* или сады, гдѣ народъ пьетъ чай и пуншъ, ѣстъ сыръ и масло. Тутъ-то во всей славѣ являются горнишныя дѣвушки, въ длинныхъ платьяхъ, въ шляпкахъ, съ вѣерами; тутъ ищутъ онѣ себѣ жениховъ и счастья; видятся съ своими знакомыми, угощаютъ другъ друга, и набираются всякаго рода анекдотами, замѣча-

віями на цѣлую недѣлю. Тутъ, кромѣ слугъ и служанокъ, гуляютъ ремесленники, сидѣльцы, Аптекарскіе ученики — однимъ словомъ, такіе люди, которые имѣютъ уже нѣкоторый вкусъ въ жизни, и знаютъ, что такое хорошій воздухъ, пріятный сельской видъ, и проч. Тутъ соблюдается тишина и благопристойность; тутъ вы любите Англичанъ.

Но если хотите, чтобы у васъ помутилось на душѣ, то загляните ввечеру въ подземельныя Таверны или въ *питейные дома*, гдѣ веселится подлая Лондонская чернь! — Такова судьба гражданскихъ обществъ: хорошо сверху, въ серединѣ, а внизъ не заглядывай. Дрожжи и въ самомъ лучшемъ винѣ бываютъ столь же противны вкусу, какъ и въ самомъ худомъ.

Дурное напоминаетъ дурное: скажу вамъ еще, что на Лондонскихъ улицахъ, ввечеру, видѣлъ я болѣе ужасовъ разврата, нежели и въ самомъ Парижѣ. Оставляя другое (о чемъ можно говорить, а не писать) вообразите, что между несчастными жертвами распутства здѣсь много двѣнадцатилѣтнихъ дѣвушекъ! вообразите, что есть Мегеры, къ которымъ изверги матери приводятъ дочерей на смотръ и торгуются.

Я началъ письмо свое невинностію, а кончилъ предметомъ омерзѣнія! — Любезная Софія! прости меня.

Славная *Вестминстерская* зала (*Westminster-hall*) построена еще въ одиннадцатомъ вѣкѣ, какъ нѣкоторые Историки утверждаютъ. Она считается самою огромнѣйшею въ Европѣ и сводъ ея держится самъ собою, безъ столбовъ. Въ ней торжествуется коронація Англійскихъ Монарховъ: въ ней бывають и чрезвычайныя засѣданія Верхняго Парламента, когда онъ судить Государственного Пера. Такимъ образомъ случилось мнѣ видѣть тамъ судъ Гастингса, *Hasting's trial*, который уже 10 лѣтъ продолжается, и который былъ для меня любопытенъ. Доставъ билетъ черезъ нашего Посла, я занялъ мѣсто въ верхней галлерей, среди множества зрителей. Мы долго ждали. Наконецъ явился Фоксъ, въ черномъ Французскомъ кафтанѣ, съ кипюю бумагъ; а за нимъ Боркъ, сухощавой старикъ въ очкахъ, также въ черномъ кафтанѣ и съ бумагами. Вы знаете, что Нижній Парламентъ, именемъ народа, обвиняетъ Гастингса, бывшаго Губернатора Ост-Индіи, въ разныхъ преступленіяхъ, и выбралъ Адвокатами Борка, Фокса и Шеридана, чтобы доказывать вины его въ судилищѣ Лордовъ. Отворились большія двери — и судьи, Члены Верхняго Парламента, вошли тихо и торжественно другъ за другомъ въ своихъ мантияхъ, а Духовные, то есть Епископы, въ высокихъ шапкахъ, и сѣли по мѣстамъ. Фоксъ сталъ напротивъ Лорда Канцлера, и началъ говорить рѣчь, которая продолжалась цѣлые... четыре часа! Онъ исчис-

лялъ всѣ доказательства Гастингсова корыстолюбія, всѣ его незаконныя дѣла, оскорбительныя для чести, для имени Англійскаго народа; говорилъ сильно, иногда съ жаромъ, и отдыхалъ единственно тогда, когда надлежало представить улики въ подлинникъ. Въ такомъ случаѣ Боркъ заступалъ мѣсто его и читалъ бумаги; а Риторъ садился на стулъ, утираясь бѣлымъ платкомъ, и черезъ 5 минутъ снова начиналъ говорить. Я не столько жалѣлъ Фоксовой груди, сколько бѣдныхъ Лордовъ — слушать, по крайней мѣрѣ сидѣть столько времени на одномъ мѣстѣ, безъ движенія, съ важностію, съ видомъ вниманія! Фоксъ требовалъ отъ нихъ не бездѣлки, а жизни Гастингсовой, называя его воромъ, злодѣемъ, чудовищемъ — и въ присутствіи его самого. Гастингсъ старикъ лѣтъ за шестьдесятъ, сѣдой, худенькой, въ голубомъ Французскомъ кафтанѣ, сидѣлъ на креслахъ подлѣ самаго Ритора, который надъ его головою требовалъ его головы! Но умный старикъ казался совершенно покойнымъ, равнодушнымъ; даже худо слушалъ, посматривая то на судей, то на своихъ двухъ Адвокатовъ, которые съ великою прплѣжностію записывали обвиненія, сидя подлѣ Кліента. Онъ увѣренъ, что его оправдаютъ; но виноваты ли онъ подлинно? спросите вы. Противъ челоуѣчества, виноваты; противъ Англіи, нѣтъ. Гастингсъ не злодѣй съ сердца своимъ; но зная тайную политику Англійскаго Министерства, зная выгоды Ост-Индской Компаніи, жертвовалъ, можетъ быть, собственными благородными чувствами тому предмету, для котораго послали его въ Индію; тиранствовалъ,

чтобы утвердить тамъ власть Англичанъ, и стараясь умножать доходы Компаніи, умножилъ, можетъ быть, и свои — за что однакожь Министры не предадутъ его въ жертву Парламентскимъ говорунамъ. Англичанинъ челоѡколюбивъ у себя; а въ Америкъ, въ Африкъ и въ Азіи едва не звѣрь; по крайней мѣрѣ съ людьми обходится такъ какъ съ звѣрями; накопитъ денегъ, возвратится домой, и кричитъ: *не тронь меня; я челоѡкъ!* Торжество Англійскаго правосудія состоитъ единственно въ томъ, что Гастингса бранятъ, разоряютъ, именемъ закона; Риторы истощаютъ свое краснорѣчіе, занимаютъ Публику, Журналистовъ; Лорды зѣваютъ, дремлютъ на большихъ креслахъ; всякой дѣлаетъ свое дѣло — и довольно! Что принадлежитъ до Фоксова таланта, то я назову его скорѣе *складною говорливостію*, нежели краснорѣчіемъ; слова текутъ рѣкою, но нѣтъ сильныхъ Ораторскихъ движеній; много разительной Логики только много лишняго. Въ Шериданѣ болѣе піитическаго жара, но менѣе логической силы, какъ говорятъ Критики; а славный Боркъ уже старѣется. — Наконецъ Фоксъ кончилъ, поклонился и сошелъ съ кафедры. Одинъ изъ Гастингсовыхъ Адвокатовъ сказалъ Перамъ: «Милорды! Генераль N. N. не успѣлъ представить вамъ отзыва въ пользу нашего Кліента; уѣхалъ въ свое отечество въ Швейцарію, для поправленія здоровья; но онъ скоро возвратится.» ... Тутъ Боркъ выступилъ впередъ и примолвилъ съ важнымъ видомъ: «Милорды! пожелаемъ Господину Генералу «щастливаго пути и лучшаго здоровья!» Всѣ Лор-

ды, всѣ зрители засмѣялись; встали — и пошли домой.

Подлѣ Вестминстерской залы, въ остаткахъ огромнаго дворца, который сгорѣлъ * при Генрихѣ VIII собирается обыкновенно Верхній и Нижній Парламентъ. Въ засѣданіяхъ перваго не бываетъ никого, кромѣ Членовъ; я могъ видѣть только залу собранія, украшенную богатыми обоями, на которыхъ изображено разбитіе Гишпанской Армады. Въ концѣ залы возвышается Королевской тронъ, а подлѣ два мѣста для старшихъ Принцовъ крови; за трономъ сидятъ молодые Лорды, которые не имѣютъ еще голоса: на правой сторонѣ Епископы, противъ Короля Перы, Герцоги и проч. Замѣчанія достойно то, что Канцлеръ и Ораторъ сидятъ на шерстяныхъ шарахъ: древнее и, какъ увѣряютъ, символическое обыкновение! Шаръ означаетъ важность торговли (не знаю, по чему), а шерсть суконныя Англійскія фабрики, требующія вниманія Лордовъ.

Зала Нижняго Парламента соединяется съ первою длиннымъ коридоромъ; она убрана деревомъ. Тутъ для зрителей сдѣланы галлерей. Каѳедры нѣтъ.

* Едва ли въ какомъ нибудь городѣ было столько пожаровъ какъ въ Лондонѣ.

Президентъ, называемый Ораторомъ, сидитъ на возвышенномъ мѣстѣ между двухъ Клерковъ или Секретарей, за столомъ, на которомъ лежитъ золотой скипетръ; они трое должны быть всегда въ Шпанскихъ парикахъ и въ мантияхъ; всѣ прочіе въ обыкновенныхъ кафтанахъ, въ шляпахъ, сидятъ на лавкахъ, изъ которыхъ одна другой выше. Кто хочетъ говорить, встаетъ, и снимая шляпу, обращаетъ рѣчь свою къ Президенту, то есть къ Оратору, который, подобно дядкѣ, унимаетъ ихъ, если они заговариваютъ не-дѣло, и кричитъ: *to order!* *въ порядокъ!* Члены могутъ всячески бранить другъ друга, только не именуя, а на примѣръ такъ: «почтенный господинъ, который говорилъ передо мною, есть глупецъ» — и проч. Министрамъ часто достается; они иногда отбрасиваются, иногда отмалчиваются; а когда пойдетъ дѣло на голоса, большинство всегда на ихъ сторонѣ. Кто говоритъ хорошо, того слушаютъ; въ противномъ случаѣ кашляютъ, стучатъ ногами, шумятъ; а при всякомъ важномъ словѣ кричатъ: *hearken!* *слушайте!* Засѣданіе открывается въ 3 часа по полудни, молитвою, и продолжается иногда до двухъ за полночь. Разница между Парижскимъ Народнымъ собраніемъ и Англинскимъ Парламентомъ есть та, что первое шумнѣе; впрочемъ и Парламентскія собранія довольно безпорядочны. Члены безпрестанно встаютъ; поклоняясь Оратору, какъ школьному Магистру, бѣгаютъ вонъ, ѣдятъ и проч. — Ихъ числомъ 558; на лицо же не бываетъ никогда и трехъ сотъ. Едва ли 50 человекъ говорятъ когда нибудь;

всѣ прочіе вѣмы; иные, можетъ быть, и глухи — но дѣла идутъ своимъ порядкомъ, и хорошо. Умные Министры правятъ; умная публика смотритъ и судитъ. Членъ можетъ говорить въ Парламентѣ все, что ему угодно; по закону онъ не даетъ отвѣта.

Вестминстерское Аббатство.

Церковныя Англійскія Хроники наполнены чудесными сказаніями о семъ древнемъ Аббатствѣ. На примѣръ, онѣ говорятъ, что самъ Апостолъ Петръ, окруженный ликами Ангеловъ, освятилъ его въ началѣ седьмага вѣка, при Королѣ Себертѣ. Какъ бы то ни было, оно есть самое древнѣйшее зданіе въ Лондонѣ, нѣсколько разъ горѣло, разрушалось и снова изъ праха возставало. Славный Ренъ, строитель Павловской церкви, прибавилъ къ нему двѣ новыя готическія башни, которыя, вмѣстѣ съ сѣвернымъ портикомъ, называемымъ *Соломоновыми вратами*, Solomon's Gate, всего болѣе украшаютъ внѣшность храма. Внутренность разительна; огромный сводъ величественно опускается на рядъ гигантскихъ столповъ, между которыми свѣтъ и мракъ разливаются. Тутъ всякой день бываетъ утреннее и вечернее служеніе; тутъ вѣнчаются Короли Англійскіе; тутъ стоятъ и гробы ихъ!... Я вспомнилъ Французской стихъ:

Не лѣзя безъ ужаса съ престола — въ гробъ ступить!

Тутъ сооружены монументы Героямъ, Патріотамъ, Философамъ, Поэтамъ; и я назвалъ бы Вестминстеръ храмомъ безсмертія, естли бы въ немъ не было многихъ именъ, совсѣмъ недостойныхъ памяти. Чтобы думать хорошо объ людяхъ, надобно читать не Исторію, а надгробныя надписи: какъ хвалятъ покойниковъ! — Замѣчу важнѣйшіе монументы и переведу нѣкоторыя надписи.

На черномъ и бѣломъ мраморномъ памятникѣ Лорда Краффильда подписано женою его: «Зависть
«воздвигала бури противъ моего славнаго и добро-
«дѣтельнаго супруга; но онъ, съ чистою душею,
«смѣло стоялъ на кормѣ, крѣпко держался за руль
«совѣсти, разсѣкалъ волны, спасся отъ корабле-
«крушенія, въ глубокую осень жизни своей бро-
«силъ якорь и вышелъ на тихій берегъ уединенія.
«Наконецъ сей изнуренный мореходецъ отправил-
«ся на тотъ свѣтъ, и корабль его щастливо при-
«сталъ къ небу.»

На гробѣ славнаго Поэта Драйдена стоитъ его бюстъ, съ простою надписью: «Іоаннъ Драйденъ
«родился въ 1632, умеръ въ 1700 году. Гер-
«цогъ Буккенгамъ соорудилъ ему сей монументъ.»
— Подлѣ, какъ нарочно, вырѣзана самая пышная эпитафія на памятникѣ Стихотворца Кауле (Cowley): «Здѣсь лежитъ Пиндаръ, Горацій и Виргилій
«Англіи, утѣха, красота, удивленіе вѣковъ,» и проч. — На гробѣ самага Герцога Буккингама, друга Попова, читаете: «Я жилъ и сомнѣвался;

«умираю и не знаю; что ни будетъ, на все готовъ.» — А ниже: «За Короля моего часто, за отечество всегда.»

Готической монументъ древнѣйшаго Англійскаго стихотворца Часера почти совсѣмъ развалился. Часеръ жилъ въ четвертомъ - надесять вѣкѣ, писалъ неблагопристойныя сказки, хвалилъ своего родственника, Герцога Ландкастерскаго, и помогъ ему стихами своими взойти на престолъ.

Нещастный Графъ Эссексъ посвятилъ бѣлый мраморный памятникъ Бену Джонсону, современнику Шекспирову, съ надписью: O rare Ben Johnson! *O рѣдкой Джонсонъ!*

На гробѣ Спенсера подписано: «Онъ былъ царь Поэтовъ своего времени, и божественный умъ его всего лучше видѣнъ въ его твореніяхъ.»

Ботлеръ сочинилъ славную Поэму Годибраса, осмѣивая въ ней Кромвелевскихъ Республиканцевъ и Фанатизмъ. Дворъ и Король хвалили Поэму, но Авторъ умеръ съ голоду. Барберъ, Лондонской Меръ, сказалъ: «кто въ жизни не имѣлъ пристанища, тому сдѣлаемъ хотя по смерти достойный его монументъ» — сказалъ и сдѣлалъ.

Подъ Мильтоновымъ бюстомъ сооруженъ памятникъ Стихотворцу Грею. Лирическая Муза держитъ въ рукѣ медальонъ его, и указывая другою рукою на Мильтона, говоритъ: у Грековъ Гомеръ и Пиндаръ; здѣсь Мильтонъ и Грей!

Преклоните колѣна... вотъ Шекспиръ!... стоитъ какъ живой, въ одеждѣ своего времени, опершись на книгу, въ глубокой задумчивости... Вы узнаете

предметъ его глубокомыслія, читая слѣдующую надпись, взятую изъ его Драмы The Tempest:

Колоссы гордые, вѣковъ произведеніе,
И храмы славные, и самой шаръ земной,
Со всѣмъ, что есть на немъ, исчезнетъ какъ твореніе,
Воздушныя мечты, развалины за собой
Въ пространствахъ не оставивъ!

Четыре времени года изображены на гробницѣ Томсоновой. Отрокъ указываетъ на нихъ и подаетъ вѣнокъ Поэту.

Герцогъ и Герцогиня Квинсберри почтили прекраснымъ монументомъ Гея, творца Оперы *Нищихъ* *. Эпитафія сочинена самимъ Геємъ:

Все въ свѣтѣ ссть игра, жизнь самая ничто:
Такъ прежде думалъ я, а нынѣ знаю то.

Музыкантъ Гендель, изображенный славнымъ Рубильякомъ, слушаетъ Ангела, который въ облакахъ, надъ его головою, играетъ на арфѣ. Передъ нимъ лежитъ его Ораторія, Мессія, разогнутая на прекрасной аріи: I know that my Redeemer lives: *знаю, что живъ Спаситель мой!*

На гробницѣ Томаса Парра написано, что онъ жилъ 152 года, въ царствованіе десяти Королей,

* Самое остроумнѣйшее произведеніе Англійской Литтературы,... и самое противное человѣку съ нѣжнымъ нравственнымъ чувствомъ.

отъ Эдуарда IV до Карла II. Извѣстно, что сей удивительный человѣкъ, будучи ста тридцати лѣтъ, не оставлялъ въ покоѣ молодыхъ сосѣдокъ своихъ, и присужденъ былъ всенародно, въ церкви, каяться въ любовныхъ грѣхахъ.

Авторъ *Вакефильдскаго Священника, Запустѣвшей деревни и Путешественника*. Голдсмитъ расхваленъ до крайности. «Онъ былъ великой Поэтъ, «Историкъ, Философъ; занимался почти всякимъ «родомъ сочиненій, и во всякомъ успѣвалъ; вла- «дѣлъ нѣжными чувствами, и по волѣ заставлялъ «плакать и смѣяться. Во всѣхъ его рѣчахъ и дѣ- «лахъ обнаруживалось рѣдкое добродушіе. Умъ «острый, замысловатый и великой вливалъ душу, «силу и пріятность въ каждое слово его. Любовь «товарищей, вѣрность друзей и уваженіе читате- «лей воздвигнули ему сей памятникъ.»

Я остановился съ благоговѣніемъ передъ па-
мятникомъ Невтона. Херувимы держатъ передъ
нимъ развернутый свитокъ; онъ указываетъ на
него пальцомъ, опершись рукою на книги, съ за-
главіемъ: Божество, Оптика, Хронологія; вверху
большой шаръ, на которомъ сидитъ *Астрономія*;
внизу прекрасной баральефъ, гдѣ изображены всѣ
Невтоновы открытія. Въ Латинской надписи ска-
зано, что онъ «почти божественнымъ умомъ сво-
«имъ опредѣлилъ движеніе и фигуру свѣтилъ не-
«бесныхъ, путь Кометъ, приливъ и отливъ моря;
«узналъ разнообразіе солнечныхъ лучей и свой-
«ство цвѣтовъ, былъ мудрымъ изъяснителемъ На-
«туры, древности и Св. Писанія; доказалъ своею

«Философією величіе Бога, а жизнію святость Евангелія.» Надпись заключается сими словами: «Какъ смертные должны гордиться Невтономъ, славою и красою человѣчества!»

Нѣкоторые памятники сооружены Парламентомъ и Королемъ, отъ имени благодарной Англіи, за важныя услуги; на примѣръ, Капитану Корнвалю, Генералу Вольфу, Маіору Андре, которые пожертвовали жизнію отечеству. Трогательное и достойное геройства воздаяніе!

Монументъ Гаскона Найтингеля и жены его, посвященный любовію сына ихъ, есть самый лучший въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ, какъ художествомъ, такъ и мыслию. Прекрасная женщина умираетъ въ объятіяхъ супруга. Смерть выползаетъ изъ гроба, смотритъ ужасными глазами на супругу и мѣтитъ въ нее копьемъ своимъ. Супругъ видитъ грозное чудовище, и въ страхѣ, въ отчаяніи, стремится отразить ударъ. — Это работа славнаго Рубильяка.

Придѣлъ Генриха VII назывался *чудомъ міра*. Въ самомъ дѣлѣ тутъ много удивительнаго въ готическомъ вкусѣ; особливо же въ рѣзбѣ на мѣди и на деревѣ. — Въ этомъ придѣлѣ погребаютъ Королевскую фамилію, и вы видите подлѣ несчастной Маріи Стюартъ Елисавету! Гробъ всѣхъ примиряетъ.

Въ заключеніе переведу вамъ нѣчто изъ мыслей одного Англичанина о Вестминстерскомъ Аббатствѣ.

«Съ живымъ меланхолическимъ удовольствіемъ

«былъ я во всѣхъ мрачныхъ сокровенностяхъ се-
«го послѣдняго жилища славы; разсуждалъ о жиз-
«ни человѣческой, ея бѣдствіяхъ и краткости.
«Милліоны (думалъ я), подобно тебѣ размышляли
«здѣсь о трофеяхъ смерти, на которые теперь смо-
«тришь; и ты, подобно милліонамъ, будешь пра-
«хомъ, уступишь мѣсто новымъ людямъ, и слѣ-
«довъ твоихъ не останется. Сіе святое хранилище
«славы и величія будетъ и впредь наполняться
«почтенными остатками даровацій и заслугъ, укра-
«шаться новыми великолѣпными памятниками и
«служить предметомъ удивленія, а наконецъ, по
«неизбѣжному закону судьбы, со всѣмъ богат-
«ствомъ древностей погребется во тьмѣ временъ,
«и будетъ памятникомъ собственнаго своего раз-
«рушенія!»

ОКРЕСТНОСТИ ЛОНДОНА.

Видя и слыша, какъ скромно живутъ богатые Лорды въ столицѣ, я не могъ понять, на что они проживаются; но увидѣвъ сельскіе дома ихъ, понимаю, какъ имъ можетъ неоставать и двухъ сотъ тысячъ дохода. Огромные замки, сады, которыхъ содержаніе требуетъ множества рукъ; лошади, собаки, сельскіе праздники: вотъ обширное поле ихъ мотовства! Русской въ столицѣ и въ путешествіяхъ разоряется, Англичанинъ экономитъ. Живучи въ Лондонѣ только заѣздомъ, Лордъ не считаетъ себя обязаннымъ звать гостей; не сты-

дится въ старомъ фракѣ итти пѣшкомъ обѣдать къ Принцу Валлисскому и ѣхать верхомъ на простой наемной лошади; а естли вы у него по короткому знакомству обѣдаете, служатъ два лакея — простой сервисъ — и много, что пять блюдъ на столѣ. Здѣсь живутъ въ городѣ какъ въ деревнѣ, а въ деревнѣ какъ въ городѣ; въ городѣ простота, въ деревнѣ старомодная пышность — разумѣется, что я говорю о богатомъ дворянствѣ.

И сколько сокровищъ въ живописи, въ антикахъ, разсѣяно по сельскимъ домамъ! Давно уже Англичане имѣютъ страсть ѣздить въ Италію и скупать все превосходное, чѣмъ славится тамъ древнее и новое Искусство; вникъ умножаетъ собраніе дѣда, и картина, статуя, которою любовались художники въ Италіи, навѣки погребается въ его деревенскомъ замкѣ, гдѣ онъ бережетъ ее какъ *золотое руно* свое: почему, теряясь въ лабиринтѣ сельскихъ парковъ, любопытный художникъ можетъ вообразать себя Язономъ.

Я наменую вамъ только самыя лучшіе изъ видѣнныхъ мною домовъ вокругъ Лондона:

Такъ называемый *Бельведеръ* Лорда Турлова, откуда прекрасный видъ на окрестныя поля и Темзу, покрытую кораблями — замокъ Графа Минсфильда, гдѣ есть великолѣпная зала, которую считаютъ лучшимъ произведеніемъ здѣшней Архитектуры — Герцога Девонширскаго, можетъ быть самый огромнѣйшій въ Англіи, построенный среди темныхъ кедровыхъ аллей — Графа Дорсета, окруженный самымъ дикимъ паркомъ, гдѣ множе-

ство звѣрей, птицъ, и гдѣ есть прекрасный готической эрмитажъ съ искусственными развалинами — Графа Буккингамшира съ миловидными каштановыми лѣсочками, прекраснымъ гротомъ, обсаженнымъ благоуханными кустами — Sion-House Герцога Нортумберландскаго съ большими садами, всего болѣе украшенными текущею въ нихъ Темзою — Вальполя въ готическомъ вкусѣ — Графа Тильнея, откуда съ террасы видны рѣка, каналы, безчисленныя аллеи, пустыни, лѣсочки, которые составляютъ необозримой амфитеатръ — Алдермана Томаса, называемый *naked beauty* — господина Бинга и Карю (Carew), гдѣ обширные сады, а въ садахъ столѣтнія померанцовыя деревья (что безпримѣрно въ Англіи). — Въ каждомъ изъ сихъ домовъ богатая картинная галерея со множествомъ другихъ произведеній Искусства; при каждомъ большія оранжереи, гдѣ собраны плоды и растенія всѣхъ частей міра; при каждомъ огромныя конюшни, гдѣ лошади живутъ лучше многихъ людей на свѣтѣ. Вы читали забавное Гулливерово путешествіе; помните, что онъ заѣхалъ въ царство лошадей, у которыхъ люди были въ рабствѣ, и которыя, разговаривая по своему съ нашимъ путешественникомъ, никакъ не хотѣли вѣрить, чтобы гдѣ нибудь подобныя имъ благородныя твари могли служить слабодушному человѣку. Эта выдумка Свифтова казалась мнѣ странною, но пріѣхавъ въ Англію, я понялъ Сатирика: онъ шутилъ надъ своими земляками, которые, по страсти къ лошадямъ, ходятъ за ними по

крайней мѣрѣ какъ за нѣжными друзьями своими. Рѣзвые скакуны здѣсь только-что не Члены Парламента, и безъ всякаго излишняго самолюбія могутъ вообразить себя господами людей. — Вообще Архитектура сельскихъ замковъ и домовъ очень хороша. Вкусъ, выгнанный изъ Лондона, живетъ и царствуетъ въ Англійскихъ деревняхъ.

Во всѣ стороны Лондонскія окрестности пріятны; но смотрѣть на нихъ хорошо только съ какого нибудь возвышенія. Здѣсь все обгорожено: поля, луга; и куда не взглянешь, вездѣ заборъ — это непріятно.

Самыя лучшія мѣста по рѣкѣ Темзѣ; самые лучшіе виды вокругъ Виндзора и Ричмонда, который въ древнія времена былъ столицею Британскихъ королей, и назывался *Шенъ*: что на старинномъ Саксонскомъ языкѣ значило *блестящій*. Теперь Ричмондъ есть самая, прекраснѣйшая деревня въ свѣтѣ, и называется *Англійскимъ Фраскати*. Тамошній дворецъ не достоинъ большаго вниманія; садъ также — но видъ съ горы, на которой Ричмондъ возвышается амфитеатромъ, удивительно прелестенъ. Вы слѣдуете глазами за Темзою верстъ 30 въ ея блистательномъ теченіи сквозь богатые долины, луга, рощи, сады, которые всѣ вмѣстѣ кажутся однимъ садомъ. Тутъ прекрасно видѣть восхожденіе солнца, когда оно, какъ будто бы снимая туманный покровъ съ равнинъ, открываетъ необозримую сцену дѣятельности въ физическомъ и нравственномъ мірѣ. Я нѣсколько разъ ночевалъ въ Ричмондѣ, но только

однажды видѣлъ восходящее солнце. Между Ричмонда и Кингстона есть большой паркъ, называемый New-Park, котораго хотя и не лзя сравнить съ Виндзорскимъ, но который однакожь считается однимъ изъ лучшихъ въ Англіи. Величественныя деревья, прекрасная зелень; а всего лучше видъ съ тамошняго холма: шесть провинцій представляются глазамъ вашимъ — Лондонъ — Виндзоръ....

Я одинъ разъ былъ въ славномъ Кьюскомъ саду, Kew-Garden, мѣсто, которое нынѣшній Король старался украсить по всей возможности, но которое само по себѣ не стоитъ того, хотя въ описаніяхъ и называютъ его Эдемомъ: мало низко, безъ видовъ. Тамъ Китайское, Арабское, Турецкое перемѣшано съ Греческимъ и Римскимъ. Храмъ Беллопы и Китайскій павильонъ; храмъ Эола и домъ Конфуціевъ; Арабская *Алгамра* и *Пагода*!

Изъ Ричмонда ходилъ я въ Твитнамъ (Twickenham), миловидную деревеньку, гдѣ жилъ и умеръ Философъ и Стихотворецъ Попъ. Тамъ множество прекрасныхъ сельскихъ домиковъ; но мнѣ надобенъ былъ домъ Поэта (принадлежащій теперь Лорду Станопу). Я видѣлъ его кабинетъ, его кресла — мѣсто, обсаженное деревьями, гдѣ онъ въ лѣтніе дни переводилъ Гомера — гротъ, гдѣ стоитъ мраморный бюстъ его, и откуда видна Темза — наконецъ столѣтнюю иву, которая чуднымъ образомъ раздвоилась, и подъ которою лю-

билъ думать Философъ и мечтать Стихотворецъ;
я сорвалъ съ нее вѣточку на память.

Въ церкви сдѣланъ Поэту мраморный монументъ, другомъ его, Докторомъ Варбуртономъ. На верху бюстъ, а внизу надпись, самимъ Попомъ сочиненная:

Heros and Kings! your distance keep!
In peace let one poor Poet sleep,
Who never flatterd folks like you.
Let Horace blush, and Virgile too! *

Правда ли? — Въ этой же церкви погребенъ безсмертный Томсонъ, безъ монумента, безъ надписи.

Я любопытствовалъ видѣть, близъ городка Барнета, то мѣсто, гдѣ въ 1471 году, въ Свѣтлое Воскресенье, кровопролитное сраженіе рѣшило судьбу фамиліи Йоркской и Ландкастерской. Сія война составляетъ ужаснѣйшую эпоху въ Англійской Исторіи; славная Magna Charta, права, законы, все было подъ спудомъ. Народъ не зналъ, къ кому обратиться, и въ мертвой безчувственности служилъ орудіемъ непрестанныхъ злодѣяній. — На семъ мѣстѣ сооруженъ каменный столпъ.

Въ деревнѣ Бромтонѣ показывали мнѣ развалины Кромвелева дому.

* «Прочь, Цари и Герои! дайте покойно спать бѣдному Поэту, который вамъ никогда не ласкалъ, къ стыду Горація и Виргилія!»

Мѣстечко Чарлтонъ достойно примѣчанія по красивому своему положенію, а еще болѣе по *роговой ярмонкѣ*, *Horn-fair*, которая ежегодно тамъ бываетъ, и на которой всѣ жители украшаютъ свой лобъ рогами! Разсказываютъ, что Король Іоаннъ, будучи на звѣриной ловлѣ, утомился и захалъ въ Чарлтонъ отдохнуть; вошелъ въ крестьянскую избу, полюбилъ хозяйку и началъ ласкать ее такъ нѣжно, что хозяинъ разсердился, и такъ разсердился, что хотѣлъ убить его; но Король объявилъ себя Королемъ, обезоружилъ крестьянина, и желая наградить его за маленькую досаду, подарилъ ему мѣстечко Чарлтонъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ завелъ тамъ ярмонку, на которой бы всѣ купцы и продавцы являлись съ рогатыми лбами. — Оставляю вамъ сказать на этотъ случай множество острыхъ словъ.

Гамптонъ-Кауртъ, построенный Кардиналомъ Вольсеемъ, верстахъ въ 17 отъ Лондона, на берегу Темзы, удивлялъ нѣкогда своимъ великолѣпіемъ, такъ что Гроцій назвалъ его въ стихахъ *своихъ дворцомъ міра*, и прибавилъ: «*вездѣ властвуютъ боги; но жить имъ прилично только въ Гамптонъ-Кауртъ!*» — Пишутъ, что въ немъ сдѣлано было 280 раззолоченныхъ кроватей съ шелковыми занавѣсами для гостей, и что всякому гостю подавали ѣсть на серебрѣ, а пить въ золотѣ. Англійской Ришельё и Дюбуа — такъ можно назвать Вольсея — наконецъ самъ испугался такой пышности, зная хищную зависть Генриха VIII, и рѣшился подарить ему сей замокъ, въ которомъ

послѣ жила умная и добродѣтельная Королева Марія, дочь Іакова II. Архитектура дворца отчасти готическая, но величественна. Внутри множество картинъ, изъ которыхъ лучшія Веронезова Сусанна и Бассановъ *потопъ*. Кабинетъ Маріи украшенъ ея собственною работою. — Гамптонскіе сады напоминаютъ старинный вкусъ.

Въ заключеніе скажу, что нигдѣ, можетъ быть, сельская Природа такъ не украшена, какъ въ Англіи; нигдѣ не радуются столько яснымъ лѣтнимъ днемъ, какъ на здѣшнемъ островѣ. Мрачной флегматической Британецъ съ жадностію глотаетъ солнечные лучи, какъ лекарство отъ его болѣзни, *сплина*. Однимъ словомъ: дайте Англичанамъ Лангедокское небо — они будутъ здоровы, веселы, запоютъ и запляшутъ какъ Французы.

Еще прибавлю, что нигдѣ нѣтъ такой удобности ѣздить за городъ, какъ здѣсь. Идете на почтовой дворъ, гдѣ стоитъ всегда множество каретъ; смотрите, на которой написано имя той деревни, въ которую хотите ѣхать; — садитесь, не говоря ни слова, и карета въ положенный часъ скачетъ, хотя бы и никого, кромѣ васъ, въ ней не было; пріѣхавъ на мѣсто, платите бездѣлку, и увѣрены, что для возвращенія найдете также карету. Вотъ дѣйствіе многолюдства и всеобщаго избытка!

Лондонъ, Сентября ... 1790.

Было время, когда я, почти не видавъ Англичанъ, восхищался ими, и воображалъ Англію самою пріятнѣйшею для сердца моего землею. Съ какимъ восторгомъ, будучи пансіонеромъ Профессора Ш*, читалъ я во время Американской войны донесенія торжествующихъ Британскихъ Адмираловъ! Родней, Гоу, не сходили у меня съ языка; я праздновалъ побѣды ихъ и звалъ къ себѣ въ гости маленькихъ соучениковъ моихъ. Мнѣ казалось, что быть храбрымъ есть... быть Англичаниномъ — великодушнымъ, тоже — чувствительнымъ, тоже; истиннымъ человекомъ, тоже. Романы, если не ошибаюсь, были главнымъ основаніемъ такого мнѣнія. Теперь вижу Англичанъ вблизи, отдаю имъ справедливость, хвалю ихъ — по похвала моя такъ холодна, какъ они сами.

Вопервыхъ, я не хотѣлъ бы провести жизнь мою въ Англіи для климата, сыраго, мрачнаго, печальнаго. Знаю, что и въ Сибири можно быть счастливымъ, когда сердце довольно и радостно; но веселой климатъ дѣлаетъ насъ веселѣе, а въ грусти и въ меланхоліи здѣсь скорѣе нежели гдѣ нибудь захочется застрѣлиться. Рощи, парки, луга, сады, все это прекрасно въ Англіи: но все это покрыто туманами, мракомъ и дымомъ земляныхъ угольевъ. Рѣдко, рѣдко проглянетъ солнце, и то не на-долго; а безъ него худо жить на свѣтѣ. *Кланяйся отъ меня солнцу, писалъ нѣкто отсюда къ своему пріятелю въ Неаполь: я уже давно не*

видался съ нимъ. Англійская зима не такъ холодна, какъ наша; за то у насъ зимою бываютъ красивые дни, которые здѣсь и лѣтомъ рѣдки. Какъ же Англичанину не смотрѣть Сентяремъ?

Вовторыхъ — холодный характеръ ихъ мнѣ совсѣмъ не нравится. Это Волканъ, покрытый льдомъ, сказалъ мнѣ разсмѣявшись одинъ Французской Эмигрантъ. Но я стою, гляжу, пламени не вижу, а между тѣмъ зябну. Русское мое сердце любить изливаться въ искреннихъ, живыхъ разговорахъ; любить игру глазъ, скорыя переменны лица, выразительное движеніе руки. Англичанинъ молчаливъ, равнодушенъ, говоритъ какъ читаетъ, не обнаруживая никогда быстрыхъ душевныхъ стремленій, которыя потрясаютъ электрически всю нашу физическую систему. Говорятъ, что онъ глубокомысленнѣе другихъ: не для того ли, что кажется глубокомысленнымъ? не по тому ли, что густая кровь движется въ немъ медленнѣе, и даетъ ему видъ задумчиваго, часто безъ всякихъ мыслей? Примѣръ Бакона, Невтона, Локка, Гоббеса, ничего не доказываетъ. Геніи рождаются во всѣхъ земляхъ; вселенная отечество ихъ — и можно ли по справедливости сказать, чтобы (на примѣръ) Локкъ былъ глубокомысленнѣе Декарта и Лейбница?

Но что Англичане просвѣщены и разсудительны, соглашаюсь: здѣсь ремесленники читаютъ Юмову Исторію, служанка Йориковы проповѣди и Кларису; здѣсь лавошникъ разсуждаетъ основательно о торговыхъ выгодахъ своего отечества,

и земледѣлецъ говоритъ вамъ о Шеридавовомъ краснорѣчїи; здѣсь газеты и журналы у всѣхъ въ рукахъ, не только въ городѣ, но и въ маленькихъ деревенькахъ.

Фильдингъ утверждаетъ, что ни на какомъ языкѣ не лѣзя выразить смысла Англійскаго слова *humour*, означающаго и *веселость*, и *шутливость*, и *замысловатость*: изъ чего заключаетъ, что его нація преимущественно имѣетъ сіи свойства. Замысловатость Англичанъ видна развѣ только въ ихъ карриатурахъ, шутливость въ народныхъ глупыхъ театральныхъ *фарсахъ*, а веселости ни въ чемъ не вижу — даже на самыя смѣшныя каррикатуры смотрятъ они съ преважнымъ видомъ! а когда смѣются, то смѣхъ ихъ походитъ на истерической. Нѣтъ, нѣтъ, гордые цари морей, столь же мрачныя, какъ туманы, которые посятся надъ стихїею славы вашей! оставьте недругамъ вашимъ, Французамъ, всякую игривость ума. Будьте разсудительны, еслии вамъ угодно; но позвольте мнѣ думать, что вы не имѣете тонкости, прїятности разума и того живаго сліянія мыслей, которое производитъ общественную любезность. Вы разсудительны — и скучны!... Сохрани меня Богъ, чтобы я тоже сказалъ объ Англичанкахъ! Онѣ милы своею красотою и чувствительностію, которая столь выразительно изображается въ ихъ глазахъ: довольно для ихъ совершенства и щастія супруговъ! о чемъ я уже писалъ къ вамъ; а теперь судимъ только мужчинъ.

Англичане любятъ благотворить, любятъ уди-

влять своимъ великодушіемъ, и всегда помогутъ несчастному, какъ скоро увѣрены, что онъ не притворяется несчастнымъ. Въ противномъ случаѣ скорѣе дадутъ ему умереть съ голода, нежели помогутъ, боясь обмана, оскорбительнаго для ихъ самолюбія. Ж*, нашъ землякъ, который живетъ здѣсь лѣтъ восемь, зимою ѣздилъ изъ Лондона во Фландрію, и на возвратномъ пути долженъ былъ остановиться въ Кале. Сильный холодный вѣтеръ окружилъ гавань множествомъ льду, и пакет-боты никакъ не могли вытти изъ нее. Ж* издержалъ всѣ свои деньги, грустилъ и не зналъ, что дѣлать. Трактиры были наполнены путешественниками, которые, въ ожиданіи благопріятнаго времени для переѣзда черезъ Каналь, веселились безъ памяти, пили, пѣли и танцевали. Землякъ нашъ съ пустымъ кошелькомъ и съ печальнымъ сердцемъ не могъ участвовать въ ихъ весельи. Въ одной комнатѣ съ нимъ жили богатый Англичанинъ и молодой Парижской купецъ. Онъ открылъ имъ причину своей грусти. Что сдѣлалъ богатый Англичанинъ? дивился его безразсудности, и повторивъ нѣсколько разъ: *какъ можно на всякой случай не брать съ собою лишнихъ денегъ?* вышелъ вонъ. Что сдѣлалъ молодой Французъ? высыпалъ на столъ свои лундоры и сказалъ: *возьмите, сколько вамъ надобно; будьте только веселѣе.* — «Государь мой! вы меня не знаете.» — Все одно; я радъ услужить вамъ; въ Лондонѣ мы увидимся. — Ж* взялъ съ благодарностію лундоровъ 10 или 15, и хотѣлъ дать ему свой Лондонской адресъ. Фран-

пузь не принялъ его говоря: *ваше дѣло сыскать меня на биржѣ. Я пять лѣтъ купецъ, а 24 года человекъ.* — — Англичанинъ поступилъ такъ грубо не отъ скупости, но отъ страха быть обманутымъ.

Замѣчено, что они въ чужихъ земляхъ гораздо щедрѣе на благодѣянiя, нежели въ своей, думая, что въ Англіи, гдѣ всякаго роду трудолюбіе по достоинству награждается, хорошій человекъ не можетъ быть въ нищетѣ: изъ чего вышло у нихъ правило: *кто у насъ бѣденъ, тотъ недостойнъ лучшей доли* — правило ужасное! Здѣсь бѣдность дѣлается порокомъ! Она терпится, и должна таиться! Ахъ! если хотите еще болѣе угнести того, кто угнетенъ нищетою, пошлите его въ Англію: здѣсь, среди предметовъ богатства, цвѣтущаго изобилiя и кучами разсыпанныхъ гиней, узнаетъ онъ муку Тантала!... И какое ложное правило! Развѣ стеченіе бѣдъ не можетъ и самаго трудолюбиваго довести до сумы? На примѣръ, болѣзнь....

Англичане честны; у нихъ есть нравы, семейная жизнь, союзъ родства и дружбы... Позавидуйте имъ! Ихъ слово, пріязнь, знакомство надежны: дѣйствіе, можетъ быть, ихъ общаго духа *торговли*, которая пріучаетъ людей уважать и хранить довѣренность со всѣми ея оттѣнками. Но строгая честность не мѣшаетъ имъ быть тонкими эгоистами. Таковы они въ своей торговлѣ, политикѣ и частныхъ отношенiяхъ между собою. Все придумано, все разочтено, и послѣднее слѣдствіе есть... личная выгода. Замѣьте, что холодные лю-

ди вообще бываютъ великіе эгоисты. Въ нихъ дѣйствуетъ болѣе умъ, нежели сердце; умъ же всегда обращается къ собственной пользѣ, какъ магнитъ къ сѣверу. Дѣлать добро, не зная для чего, есть дѣло нашего бѣднаго, безразсуднаго сердца. На примѣръ, Г. Пар*, мой здѣшній знакомецъ, всякое утро въ 11 часовъ является ко мнѣ и спрашиваетъ: «куда хотите итти? что видѣть? съ кѣмъ познакомиться? я къ вашимъ услугамъ.» Отецъ его, будучи Консуломъ въ Архипелагѣ, женился на Гречанкѣ, которая воспитала сына своего въ нашемъ исповѣданіи. Г. Пар* считаетъ за должность быть покровителемъ Русскихъ и по возможности дѣлать имъ услуги. Имѣя привычку бродить всякое утро пѣшкомъ, онъ находитъ во мнѣ товарища, который иногда смѣшитъ его своими простосердечными вопросами и замѣчаніями, и который, разставаясь съ нимъ, всякой разъ искренно говоритъ ему *спасибо!* Англичане всегда готовы одолжать васъ такимъ образомъ.

Они горды—и всего болѣе гордятся своею Конституціею. Я читалъ здѣсь Делольма съ великимъ вниманіемъ. Законы хороши; но ихъ надобно еще хорошо исполнять, чтобы люди были щастливы. На примѣръ, Англійской Министръ, наблюдая только нѣкоторыя формы, или законныя обыкновенія, можетъ дѣлать все, что ему угодно: сыплетъ деньгами, обѣщаетъ мѣста, и Члены Парламента готовы служить ему. Малочисленные его противники спорятъ, кричатъ, и болѣе ничего. Но важно то, что Министръ всегда долженъ быть отмѣнно

умнымъ человѣкомъ, для сильнаго, яснаго и скорого отвѣта на всѣ возраженія противниковъ; еще важнѣе то, что ему опасно во зло употреблять власть свою. Англичане просвѣщены, знаютъ наизусть свои истинныя выгоды, и если бы какой нибудь Питтъ вздумалъ явно дѣйствовать противъ общей пользы, то онъ непремѣнно бы лишился большинства голосовъ въ Парламентѣ, какъ волшебникъ своего талисмана. И такъ не Конституція, а просвѣщеніе Англичанъ есть истинный ихъ Палладіумъ. Всякія гражданскія учрежденія должны быть соображены съ характеромъ народа; что хорошо въ Англіи, то будетъ дурно въ иной землѣ. Не даромъ сказалъ Солонъ: *мое учрежденіе есть самое лучшее, но только для Аѳинъ*. Впрочемъ всякое правленіе, котораго душа есть справедливость, благотворно и совершенно.

Вы слышали о грубости здѣшняго народа въ разсужденіи иностранцевъ: съ нѣкотораго времени она посмягчилась, и учтивое имя *frenchdog* (Французская собака), которымъ Лондонская чернь жаловала всѣхъ не-Англичанъ, уже вышло изъ моды. Мнѣ случилось ѣхать въ каретѣ съ однимъ поселяниномъ, который, узнавъ, что я иностранецъ, съ важнымъ видомъ сказалъ: «хорошо быть Англичаниномъ, но еще лучше быть добрымъ человѣкомъ. Французъ, Нѣмецъ — мнѣ все одно; кто честенъ, тотъ братъ мой.» Мнѣ крайне полюбилось такое разсужденіе; я тотчасъ записалъ его въ дорожной своей книжкѣ. Однакожь не всѣ здѣшніе поселяне такъ разсуждаютъ; это былъ ко-

нечно вольнодумецъ между ими! Вообще Англіійской народъ считаетъ насъ чужестранцевъ какими-то несовершенными, жалкими людьми. *Не тронь его*, говорятъ здѣсь на улицѣ: *это иностранецъ*—что значитъ: «это бѣдный человѣкъ или младенецъ.»

Кто думаетъ, что счастье состоитъ въ богатствѣ и въ избыткѣ вещей, тому надобно показать многихъ здѣшнихъ Крезовъ, осыпанныхъ средствами наслаждаться, теряющихъ вкусъ ко всѣмъ наслажденіямъ и задолго до смерти умирающихъ душею. Вотъ Англіійской *сплинъ*! Эту нравственную болѣзнь можно назвать и Русскимъ именемъ: *скукою*, извѣстною во всѣхъ земляхъ, но здѣсь болѣе цежели гдѣ нибудь, отъ климата, тяжелой пищи, излишняго покоя, близкаго къ усыпленію. Человѣкъ странное существо! въ заботахъ и безпокойствѣ жалуется; все имѣетъ, безпечень и — зѣваетъ. Богатый Англичанинъ отъ скуки путешествуетъ, отъ скуки дѣлается охотникомъ, отъ скуки мотаетъ, отъ скуки женится, отъ скуки стрѣляется. Они бываютъ несчастливы отъ счастья! Я говорю о здѣшнихъ *праздныхъ* богачахъ, которыхъ дѣды нажились въ Индіи; а дѣльные, управляя всемірною торговлею и вымышляя новыя способы играть мнимыми нуждами людей, не знаютъ *сплина*.

Не отъ *сплина* ли происходятъ и многочисленныя Англіійскія странности, которыя въ другомъ мѣстѣ назвались бы безуміемъ, а здѣсь называются только *своенравіемъ* или *whim*? Человѣкъ, не находя уже вкуса въ истинныхъ пріятностяхъ

жизни, выдумываетъ ложныя, и когда не можетъ прельстить людей своимъ щастіемъ, хочетъ по крайней мѣрѣ удивить ихъ чѣмъ нибудь необыкновеннымъ. Я могъ бы выписать изъ Англійскихъ газетъ и журналовъ множество странныхъ анекдотовъ; на примѣръ, какъ одинъ богатый чело-вѣкъ построилъ себѣ домикъ на высокой горѣ въ Шотландіи, и живетъ тамъ съ своею собакою; какъ другой, ненавидя, по его словамъ, землю, поселился на водѣ; какъ третій, по антипатіи къ свѣту, выходитъ изъ дому только ночью, а днемъ спитъ или сидитъ въ темной комнатѣ при свѣчѣ; какъ четвертой, отказывая себѣ все, кромѣ самаго необходимаго, въ началѣ каждой весны даетъ деревенскимъ сосѣдямъ своимъ великолѣпной праздникъ, который стоитъ ему почти всего годового доходу. Британцы хвалятся тѣмъ, что могутъ досыта дурачиться, не давая никому отчета въ своихъ фантазіяхъ. Уступимъ имъ это преимущество, друзья мои, и скажемъ себѣ въ утѣшеніе: «если въ Англіи позволено *дурачиться*, у насъ не запрещено *умничать*; а послѣднее не рѣдко бываетъ смѣшнѣе перваго.»

Но эта неограниченная свобода жить какъ хочешь, дѣлать что хочешь во всѣхъ случаяхъ, не противныхъ благу другихъ людей, производитъ въ Англіи множество *особенныхъ* характеровъ и богатую жатву для Романистовъ. Другія Европейскія земли похожи на регулярные сады, въ которыхъ видите ровныя деревья, прямыя дорожки, и все единообразное; Англичане же, въ нравствен-

номъ смыслѣ, растутъ какъ дикіе дубы по волѣ судьбы, и хотя всѣ одного рода, но всѣ различны; и Фильдингу оставалось не выдумывать характеры для своихъ романовъ, а только примѣчать и описывать.

Наконецъ — если бы однимъ словомъ надлежало означить народное свойство Англичанъ — я назвалъ бы ихъ угрюмыми, такъ какъ Французовъ * легкомысленными, Итальянцевъ коварными. Видѣть Англію очень пріятно; обычаи народа, успѣхи просвѣщенія и всѣхъ искусствъ достойны примѣчаній и занимаютъ умъ вашъ. Но жить здѣсь для удовольствій общежитія, есть искать цвѣтовъ на песчаной долинѣ — въ чѣмъ согласны со мною всѣ иностранцы, съ которыми удалось мнѣ познакомиться въ Лондонѣ и говорить о томъ. Я и въ другой разъ пріѣхалъ бы съ удовольствіемъ въ Англію, но выѣду изъ нее безъ сожалѣнія.

=

Море.

Я не сдержалъ слова, любезнѣйшіе друзья мои! оставляю Англію — и жалю! Таково мое сердце:

* Не помню, кто въ шутку сказалъ мнѣ: Англичане слишкомъ влажны, Итальянцы слишкомъ сухи, а Французы только сны.

ему трудно разставаться со всѣмъ, что его хотя нѣсколько занимало.

И такъ другъ вашъ уже на морѣ! возвращается въ милое отечество, къ своимъ любезнымъ! скорѣе, нежели думалъ! Отъ чего же? Скажу вамъ правду. Кошелекъ мой ежедневно истощался; становился легче, легче; звучалъ слабѣе, слабѣе; наконецъ рука моя ощупала въ немъ только двѣ гинеи.... Мнѣ оставалось бѣжать на биржу, скорѣе, скорѣе; уговориться съ молодымъ Капитаномъ Вилліамсомъ, взлѣсть по веревкамъ на корабль его и снявъ шляпу, учтиво откланяться съ палубы Лондону. — Меня провожалъ Руской парикмахеръ Федоръ, который здѣсь живетъ семь или восемь лѣтъ, женился на миловидной Англичанкѣ написалъ надъ своею лавкою, Fedor Ooshakof, салить голову Лондонскимъ щеголямъ, и доволенъ какъ царь. Онъ былъ въ Россіи Экономическимъ крестьяниномъ, и служить всѣмъ Рускимъ съ великимъ усердіемъ.

Капитанъ ввелъ меня въ каюту, очень изрядно-прибранную; указалъ мнѣ постелю, сдѣланную какъ гробъ, и въ утѣшеніе объявилъ, что одна прекрасная дѣвица, которая плыла съ нимъ изъ Новаго Йорка, умерла на ней горячкою. Жеребей брошенъ, думалъ я: посмотримъ, будетъ ли эта постеля и моимъ гробомъ! — Страшный дождь не дозволилъ мнѣ дышать чистымъ воздухомъ на палубѣ; я легъ спать, съ одною гинеею въ карманѣ (потому что другую отдалъ парикмахеру), и поручилъ судьбу свою волнамъ и вѣтрамъ!

Сильный шумъ и стукъ разбудилъ меня: мы снимались съ якоря. Я вышелъ на палубу... солнце только-что показалось на горизонтѣ. Черезъ минуту корабль тронулся, зашумѣлъ, и на всѣхъ парусахъ пустился сквозь ряды другихъ стоящихъ на Темзѣ кораблей. Народъ, матрозы желали Капитану щастливаго пути, и маханіемъ шляпъ какъ будто бы давали намъ благополучной вѣтеръ. Я смотрѣлъ на прекрасные берега Темзы, которые, казалось, плыли мимо насъ съ лугами, парками и домами своими — скоро вышли мы въ открытое море, гдѣ корабль нашъ зашумѣлъ величественнѣе. Солнце скрылось. Я радовался и веселился необозримостію пѣнистыхъ волнъ, свистомъ бури и дерзостію человѣческою. Берега Англіи темнѣли....

Но у меня самого въ глазахъ темнѣетъ; голова кружится....

Здравствуйте, друзья мои! я ожилъ!... Какъ мучительно, ужасна морская болѣзнь! Кажется, что душа хочетъ выпрыгнуть изъ груди; слезы льются градомъ, тоска несносная... а Капитанъ заставлялъ меня ѣсть, увѣряя, что это лучшее лекарство! Не зная, что дѣлать, я сто разъ ложился на постелю, сто разъ садился на палубѣ, гдѣ морская пѣна окропляла меня. Не подумайте, что это риторическая фигура; нѣтъ, волны были въ самомъ дѣлѣ такъ велики, что иногда переливались черезъ корабль. Одна изъ нихъ чуть было не сшибла меня въ то глубокое отверстіе корабля, гдѣ лежатъ

острые якоря. Болѣзнь моя продолжалась три дни. Вдругъ засыпаю крѣпкимъ сномъ — открываю глаза, не чувствую никакой тоски — едва вѣрю себѣ — встаю, одѣваюсь. Входитъ Капитанъ съ печальнымъ видомъ и говоритъ: «вѣтеръ утихъ; нѣтъ ни малѣйшаго вѣянія? корабль ни съ мѣста: «страшная тишина!» — — Я выбѣжалъ на палубу: прекрасное зрѣлище! море стояло какъ неподвижное стекло, великолѣпно освѣщаемое солнцемъ; парусы висѣли безъ дѣйствія; корабль не шевелился; матрозы сидѣли, повѣся голову. Всѣ были печальны, кромѣ меня; я веселился какъ ребенокъ, и здоровьемъ своимъ и картиною морской, почти невѣроятной тишины. Вообразите безконечное гладкое пространство водъ и безконечное, во всѣ стороны, отраженіе лучей яркаго свѣта!... Вотъ зеркало, достойное бога Феба! — Казалось, что въ мірѣ не было ничего, кромѣ воды, неба, солнца и корабля нашего. Черезъ часъ нашли легкія облака; повѣялъ вѣтерокъ, море заструилось, и парусы вспорхнули.

Намъ встрѣтились Норвежскіе рыбаки. Капитанъ махнулъ имъ рукою — и черезъ двѣ минуты вся полуба покрылась у насъ рыбою. Не можете представить, какъ я обрадовался, не ѣвъ три дни, и крайне не любя соленого мяса и гороховыхъ пудинговъ, которыми Англійскіе мореходцы подчиваютъ своихъ пассажировъ! Норвежцы, большіе пьяницы, хотѣли сверхъ денегъ рому; пили его какъ воду, и въ знакъ ласки хлопали насъ по плечамъ. — Въ сію минуту приносятъ намъ два блюда

рыбы. Вы знаете, что такое хорошій обѣдъ для голоднаго!...

Опять страшный вѣтеръ, но попутной. Я здоровъ совершенно, бодръ и веселъ. Мысль, что всякую минуту приближаюсь къ отечеству, живить и радуется мое сердце. Слушаю шумъ моря; смотрю, какъ быстрый корабль нашъ черною своею грудью разсѣкаетъ волны; читаю Оссіана и перевожу его Картона *. Нынѣшняя ночь была самая бурная. Капитанъ не спалъ, боясь опасныхъ скалъ Норвегіи. Я вмѣстѣ съ нимъ сидѣлъ у руля, дрожалъ отъ холоднаго вѣтра, но любовался сѣдыми облаками, сквозь которыя проглядывала луна, прекрасно разливая свѣтъ свой на милліоны волнъ. Какой праздникъ для моего воображенія, наполненнаго Оссіаномъ! Мнѣ хотѣлось увидѣть Норвежскіе дикіе берега на лѣвой сторонѣ; но взоръ мой терялся во мракѣ. Вдругъ слышимъ вдали пушечный выстрѣлъ, другой, третій. Что это? спрашиваю у Капитана. «Можетъ быть какойнибудь несчастный корабль погибаетъ,» отвѣчалъ онъ: «здѣшнее море ужасно для плователей.» Бѣдныя! кто поможетъ имъ во мракѣ? Можетъ быть страшный вѣтеръ сорвалъ ихъ мачты; можетъ быть наши они на мель; можетъ быть вода заливааетъ уже корабль, ихъ!... Мы слышали еще два выстрѣла, и кромѣ шума волнъ уже ничего не слышали.. Капитанъ нашъ самъ боялся сбиться съ вѣрнаго пу-

* Самый этотъ переводъ былъ напечатанъ послѣ въ Московскомъ Журналѣ:

ти, и безпрестанно при свѣтѣ фонаря смотрѣлъ на компасъ. — Всѣ наши матрозы спали, кромѣ одного караульнаго. Когда хотя мало перемѣнится вѣтеръ, караульной закричитъ; въ минуту всѣ выбѣгутъ, бросятся къ мачтамъ, и другіе парусы вѣютъ. Корабль нашъ очень великъ; но матрозовъ только 9 человѣкъ. — Я легъ спать въ три часа, и сильное качаніе корабля въ первый разъ показалось мнѣ роскошью. Такъ качаютъ дѣтей въ колыбели!

Море.

Марія В* родилась въ Лондонѣ. Отецъ ея былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ противниковъ Министерства — возненавидѣлъ Англію, и продавъ свое имѣніе, переселился въ Новый Йоркъ. Марія, жертва его политическаго упрямства, оставила въ Лондонѣ свое сердце и щастіе: у нее былъ тайной любовникъ и женихъ, молодой, добродѣтельный человѣкъ. Пять лѣтъ жила она въ Америкѣ — лишилась отца, искренно оплакивала смерть его, и спѣшила возвратиться въ отечество, будучи увѣрена въ постоянствѣ своего друга. Опасности моря не устрашали ее; она сѣла на корабль, одна съ своею любовію и съ милою надеждою — но въ самый первый день плаванія занемогла жестокою болѣзнію. Капитанъ совѣтовалъ ей возвратиться. «Нѣтъ,» говорила Марія: «я хочу умереть или быть въ Англіи; каждый день для меня дорогъ.» Болѣзнь усилилась и

повредила ея разумъ. Ей казалось, что она сидитъ уже подлѣ жениха своего и рассказываетъ ему о горестяхъ прошедшей разлуки. «Теперь я «частлива,» говорила Марія, въ безпамятствѣ: «теперь могу спокойно умереть въ твоихъ объятіяхъ;» Но другъ ея былъ далеко, и Марія скончалась на рукахъ служанки своей. Вообразите, что несчастную бросили въ море! вообразите, что я сплю на ея постелѣ!... «Такъ и меня бросите въ море» (говорю Капитану), если умру на кораблѣ вашемъ?» — *Что дѣлать!* отвѣчаетъ онъ, пожимая плечами. Это ужасно! Земля, земля! приготовь въ тихихъ нѣдрахъ своихъ укромное мѣстечко для моего праха! Довольно, что мы и живые по волнамъ носимся; а то быть еще и по смерти игрищемъ бурной стихіи!...

Нынѣшній день море въ самомъ дѣлѣ едва не поглотило насъ. Корабельный мастеръ выпилъ стакана четыре водки; не примѣтилъ флага, поставленнаго на мели для предостереженія мореплавателей — и Капитанъ увидѣлъ бѣду въ самую ту минуту, когда мы были уже въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ подводныхъ камней; поблѣднѣлъ, закричалъ — матрозы бросились на мачты — парусы упали, и корабль пошелъ въ другую сторону. Чудное проворство! Съ Англичанами весело и умереть на морѣ! Это подлинно ихъ стихія. — Мастеру досталось отъ Капитана. Онъ хотѣлъ его бить; хотѣлъ перекинуть его черезъ бортъ. Пьяница залился горькими слезами и сказалъ: «Капитанъ! я виноватъ; утопи

«меня, но не бей. Англичанину смерть легче без чести.»

Между тѣмъ, друзья мои, я въ восемь дней удивительнымъ образомъ привыкъ къ Нептунову царству, и радъ плыть, куда угодно. — Буря не утихаетъ; корабль безпрестанно идетъ бокомъ, и на палубѣ не лзя ступить шагу безъ того, чтобы не держаться за веревки. Въ каютѣ всѣ вещи (посуда, сундуки) прибиты гвоздями; но часто, отъ сильныхъ порывовъ, гвозди вылетаютъ, и дѣлается страшный стукъ. — Я уже различаю флаги всѣхъ націй; и какъ скоро встрѣтится намъ корабль, кричу въ трубу: From whence you come? Это забавляетъ меня.

Вчера ночевали мы передъ самымъ Копенгагеномъ. Какъ мнѣ хотѣлось въ городъ! Жестокой Капитанъ не далъ лодки.

Кронштатъ.

Берегъ! отечество! благословляю васъ! Я въ Россіи, и черезъ нѣсколько дней буду съ вами, друзья мой!... Всѣхъ останавливаю, спрашиваю, единственно для того, чтобы говорить по-Русски и слышать Русскихъ людей. Вы знаете, что трудно пайти городъ хуже Кронштата; но мнѣ онъ милъ! Здѣшній трактиръ можно назвать гостинницею нищихъ; но мнѣ въ немъ весело!

Съ какимъ удовольствіемъ перебираю свои со-

кровища: записки, счета, книги, камешки, сухія травки и вѣтки, напоминающія мнѣ или сокрытіе Роны, la perte du Rhône, или могилу отца Лоренза, или густую иву, подъ которую Англичанинъ Попъ сочинялъ лучшіе стихи свои! Согласитесь, что всѣ на свѣтѣ Крезы бѣдны передо мною.

Перечитываю теперь нѣкоторыя изъ своихъ писемъ: вотъ зеркало души моей въ теченіе осьмнадцати мѣсяцовъ! Оно черезъ 20 лѣтъ, (если столько проживу на свѣтѣ) будетъ для меня еще пріятно — пусть для меня одного! Загляну, и увижу, каковъ я былъ, какъ думалъ и мечталъ; а что человеку (между нами будь сказано) занимательнѣе самого себя?... По чему знать? можетъ быть и другіе найдутъ нѣчто пріятное въ моихъ эскизахъ; можетъ быть и другіе . . . но это ихъ, а не мое дѣло.

А вы, любезные, скорѣе, скорѣе приготовьте мнѣ опрятную хижинку, въ которой я могъ бы на свободѣ веселиться *Китайскими* тѣнями моего воображенія, грустить съ моимъ сердцемъ и утѣшаться съ друзьями!

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

H. C. FÖRSTER
normaler Schöner
bgl. Buchbinder
Galanterien-Einzelarbeiten
Landschaften (N. 6. 2)
in München.

Karamzin, Nikolaj Michajlovič,

Sočinenīja Karamzina

Bd.: 2

Sanktpeterburg' 1848

P.o.rel. 3470-3

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036437-8